

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

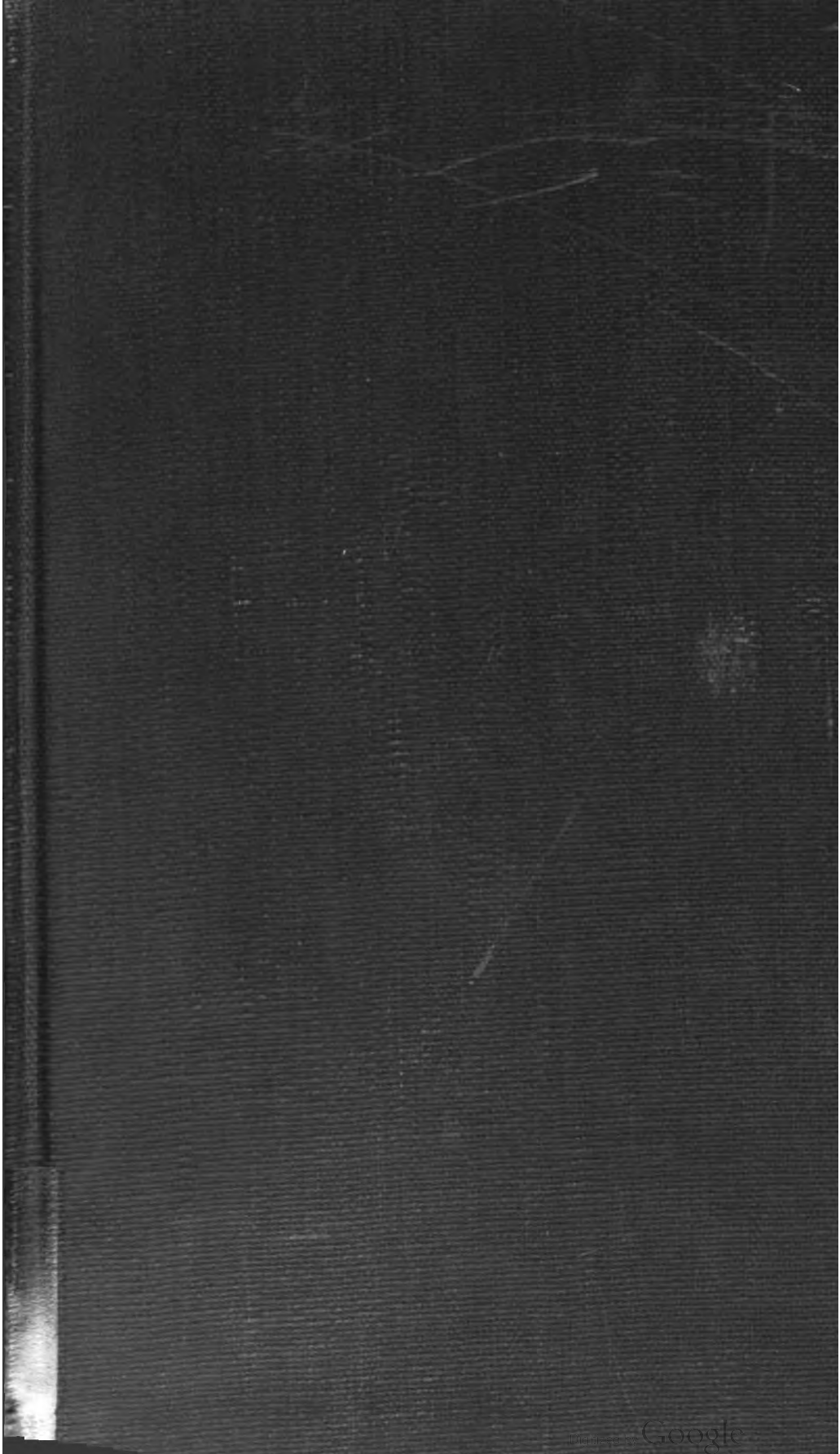
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Российская мысль 21.11-12
1900

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., собств. домъ.
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ДРУГЪ ДЛЯ ДРУГА. Повѣсть.—И. Н. Потапенка.	1
II. МУЖИЦКАЯ СОВѢСТЬ. Разсказъ.—Е. П. Гославскаго.	55
III. СТИХОТВОРЕНІЕ—Вл. А. Гиляровскаго.	69
IV. ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ. Разсказъ.—И. А. Салова.	70
V. ПОСИДѢЛКИ. Румынскія сказки. Пер. съ фрац. М. Л.	101
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Льва Уманца	115
VII. И ВСЕТАКИ! Эскизъ Георга фонъ-Омштеда. Пер. съ пѣм. Л. Г.	116
VIII. НЕ ИЗМѢНИЛЪ. Новелла Іоханни Ахо.—Л. Г.	124
IX. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ И ПЕРВАЯ ЛОЖЬ. Альфонса Додэ.— Перев. съ франц. Манса Ли	135
X. ВСЕМІРНЫЙ ЯЗЫКЪ И НАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ.—В. В. Лесевича.	1
XI. АСКЕТИЧЕСКІЕ НЕДУГИ ВЪ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕ- ДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. (По поводу трехъ женскихъ ро- мановъ).—А. М. Снабичевскаго. <i>Окончаніе</i>	27
XII. РОЛЬ ЗЕЛЕНАГО РАСТЕНІЯ ВЪ ЭКОНОМІИ ПРИРОДЫ.— В. Ф. Хмѣлевскаго. <i>Окончаніе</i>	53
XIII. ДЖАМСИДЖИ ДЖИШИБГОЙ.—С. В—ой.	71
XIV. СЕНЪ - СИМОНЪ И НАЧАТКИ ФРАНЦУЗСКАГО ПОЭТИ- ВИЗМА.—И. И. Иванова. <i>Продолженіе</i>	79
XV. НЕДѢЛЯ ВЪ ШВАРЦВАЛЬДѢ—С. Б. <i>Окончаніе</i>	112
XVI. ФРИДРИХЪ НИЦШЕ. Аристократическій радикализмъ. Статья Георга Врандеса.—В. С—ой.	130
XVII. ДАНИЭЛЬ О'КОННЕЛЛЬ.—С. В. Л—ой. <i>Окончаніе</i>	154
XVIII. НОВЫЯ ВЪЯНІЯ ВЪ ГОРОДСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ ИТАЛІИ.— В. Ѳ. Тотоміанца	176
XIX. ВОСПИТАНІЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.—В. П. Вахтерова.	182
XX. ВОЛОСТНЫЯ СОВѢЩАНІЯ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОР- ГАНЪ ВЪ СОСТАВѢ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.—Ар. Ив. Якобіи.	207
XXI. ГРИБОВЪДОВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ МОСКВѢ.—М. С.	225

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

**ВЫШЛИ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ
редакціи журнала „Русская Мысль“.**

КРЕСТОНОСЦЫ.

Историч. ром. **Генрика Сенкевича.** Перев. В. М. Лаврова.
Цѣна 1 р. 50 к.

И. А. Данилинъ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Шутка.—Въ мастерской.—Передъ праздникомъ.—Зуда.—Мечтатели.—
Выборы.—Искра любви.—Изъ записокъ чернорабочаго.
Цѣна 1 руб.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА

изданія редакціи журнала **Русская Мысль.**

КИТАЙ и КИТАЙЦЫ.

Бытъ китайцевъ, государственное устройство, экономическое и военное
положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. Съ картой Китая.
135 стр. ц. 25 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. БАШКА. (Изъ рассказовъ о по-
гибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. **ц. 10 к.**

А. И. Эртель. ОФИЦЕРША.—ПОДЪ ШУМЪ ВЫЮГИ.
77 стр. **ц. 15 к.**

Петръ Розеггеръ. РАЗСКАЗЫ.

Буква-демонъ, Табачокъ стараго Андрея, Пріятели, Хозяинъ и работ-
никъ, Перышко, Смерть Зильзама, Троицкій поклонникъ.
95 стр. **ц. 15 к.**

РАБСТВО ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ. 44 стр. **ц. 10 к.**

ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ ВЪ СКАНДИНАВСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.
(По книгѣ П. Ганзена). 92 стр. **ц. 20 к.**

ИСПОЛИНЪ НѢМЕЦКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

(Заводъ Круппа) Съ 4 таблиц. рисунк. и план. 70 стр. **ц. 15 к.**

Бытовые очерки.—Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Пре-
ступники, *П. В. Хотымскаго.* 216 стр. **ц. 40 к.**

Русская Мысль.

Содержаніе печатаемаго № 1 (25) журнала

ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ за 1900—1901 годъ.

Отд. I. Изящныя искусства: «И. Е. Рѣпинъ» (проф. А. А. Павловскаго).— «Еъ исторіи мозаичнаго искусства въ Россіи» (А. П. Новицкаго).— «Международный конкурсъ по выработкѣ проекта памятника Царю-Освободителю въ Софіи» (О. Гео—ва). Отд. II. Прикладныя искусства: «Очерки народнаго художества» (Е. М. Маковскаго).— «О рисованіи въ художественно-промышленныхъ школахъ» (О. Г. Недлера).— «О художественной фотографіи въ Сѣверной Америкѣ» (В. И. Срезневскаго), всѣ статьи съ многочисленными снимками въ текстѣ и на особыхъ листахъ, въ томъ числѣ два въ краскахъ, исполненныхъ по новому способу.

Подписная цѣна 10 руб. съ дост. и перес.

(Спб., Мойка, 83).

Въ „Петербургскомъ Учебномъ магазинѣ“

(СПБ., Петербургская ст., Большой пр., № 9)

И

въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“

(Москва, Леонтьевскій пер., № 2).

ПРОДАЕТСЯ КНИГА.

В. Ж. Ладыженскій.

«О книгахъ и сочинителяхъ». Вып. I Съ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго. Чтеніе для школъ и народа, съ иллюстраціями. Цѣна 30 к.

— «О книгахъ и сочинителяхъ». Вып. II. Отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Съ 15-ю портретами русскихъ писателей. Цѣна 50 к.

Обѣ книжки представляютъ опытъ исторіи русской литературы для народа.

Открыта подписка на 1901 годъ
на ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ
МІРЪ БОЖІЙ.

Выходитъ 1-ю числа каждою мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 28-ми
печатн. листовъ.

Въ 1901 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, причемъ для
напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика. „Сирота“, повѣсть М. Альбова; „Инженеры“, ром. Н. Га-
рина; „Современная помѣщица Коробочка и ея хозяйство“, дерев. очерки Лид. Нели-
довой; „Заморскій чортъ“, разск. изъ китайской жизни А. В. Потаниной и Вацлава Ст-
ршевскаго; „Изъ гимназической жизни“ (очерки недавняго прошлаго) А. Яблоновскаго
„Записки студента Павлова“, разск. С. Юшкевича; „Незамѣтная жизнь“, романъ съ
авт. Самуила Гордона; „Фостеръ Форландъ“, ром. съ дат. Йенса Лн.

Научныя статьи и сочиненія. „Атомъ и кристаллъ“, В. Агафо-
ва; „Историческій очеркъ геологическихъ знаній“, проф. А. Павлова; „Очерки исто-
рической мысли въ XIX в.“, проф. Р. Виппера; „Возрожденіе и гуманизмъ“, А. Дми-
тревскаго; „Очерки по исторіи русской культуры“ (продолженіе, ч. III), П. Миллюнова;
„Адольфъ Тьеръ“, Ев. Тарле; „Польскіе молодые беллетристы“, Ев. Дегена; „На рубежѣ
столѣтій“, В. Острогорскаго; „Искусство на всемірной выставкѣ въ Парижѣ“, Вл.
Савеза; „Актеры, публика и театръ у Островскаго“, А. Вомина; „Кантъ и его зна-
ченіе для современной философіи“, проф. Г. Челпанова; „Очерки первобытной фило-
софіи“, А. Кривинскаго; „Портреты изъ общественной жизни Англіи“, Л. Давыдовой;
„Историческій материализмъ“, П. Струве; „Очерки изъ исторіи политической эконо-
ми“, М. Туганъ-Барановскаго; „Наканунъ реформы“ (по поводу реформы средней шко-
лы), Н. Н.; „Англія и Индія“, Т. Богдановичъ.

Переводныя сочиненія. „Исторія хозяйственнаго быта Европы въ связи
съ социальными ученіями до 1789 г.“, Георга Адлера; „Въ страну ламъ“ (Китай и
Тибетъ), путешествіе Вил. Рокхмала.

Постоянныя отдѣлы: Критическія замѣтки. На родинѣ.
Изъ русскихъ журналовъ. За границей. Изъ иностранныхъ
журналовъ. Научная хроника. Библиографія. Новости ино-
странный литературы.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 8 р. Безъ доставки
на годъ 7 р. За границу на годъ 10 р.

Въѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодію: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода
4 руб. За границу 5 руб. Безъ доставки—по соглашенію съ конторой.

По третей года: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: въ январѣ
8 р., въ апрѣлѣ 8 р., въ августѣ 2 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиоука, 25.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5%, съ
платной плтм. Подписка по полугодію и по третей года черезъ магазины не при-
нимается. Уступки съ подписной цѣны нѣкоу не дѣляется.

Издательница А. Давидова.

Редакторъ В. П. Острогорскій.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнѣревъ и Н°, Пимен. ул., собств. домъ.

1900.

AP50
R875
v.21:11-12
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ДРУГЪ ДЛЯ ДРУГА. Повѣсть.—И. Н. Потапенна.	1
II. МУЖИЦКАЯ СОВѢСТЬ. Разсказъ.—Е. П. Гославскаго.	55
III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Вл. А. Гиляровскаго.	69
IV. ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ. Разсказъ.—И. А. Салова.	70
V. ПОСНДѢЛКИ. Румынскія сказки. Пер. съ франц. М. Л.	101
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Льва Уманца	115
VII. И ВСЕТАВНИ! Эскизъ Георга фонъ-Омштеда. Пер. съ нѣм. Л. Г.	116
VIII. НЕ ИЗМѢНИЛЪ. Новелла Іоханни Ахо.—Л. Г.	124
IX. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ И ПЕРВАЯ ЛОЖЬ. Альфонсо Додэ.— Перев. съ франц. Манса Ли	135
X. ВСЕМІРНЫЙ ЯЗЫКЪ И НАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ.—В. В. Лесевича.	1
XI. АСКЕТИЧЕСКІЕ НЕДУГИ ВЪ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕ- ДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. (По поводу трехъ женскихъ ро- мановъ).—А. М. Снабичевскаго. Окончаніе.	27
XII. РОЛЬ ЗЕЛЕНАГО РАСТЕНІЯ ВЪ ЭКОНОМІИ ПРИРОДЫ.— В. Ф. Хмѣлевскаго. Окончаніе	53
XIII. ДЖАМСИДЖИ ДЖИШИБГОЙ.—С. В—ой.	71
XIV. СЕНТЪ-СИМОНЪ И НАЧАТЫЕ ФРАНЦУЗСКАГО ПОЗИТИ- ВИЗМА.—Ив. Иванова. Продолженіе.	79
XV. НЕДѢЛЯ ВЪ ШВАРЦВАЛЬДѢ.—С. Б. Окончаніе.	112
XVI. ФРИДРИХЪ НИЦШЕ. Аристократическій радикализмъ. Статья Георга Врандеса.—В. С—ой.	130
XVII. ДАНИЭЛЬ О'БОННЕЛЛЬ. С. В. Л—ой. Окончаніе	154
XVIII. НОВЫЯ ВЪЯНІЯ ВЪ ГОРОДСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ ИТАЛІИ.— В. Ө. Тотоміанца.	176

823207

ХІХ. ВОСПИТАНІЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.—В. П. Вахтерова. . . .	Стр. 182
XX. ВОЛОСТНЫЯ СОВѢЩАНІЯ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОР- ГАНЪ ВЪ СОСТАВѢ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.—Ар. Ив. Якобіи.	207
XXI. ГРИБОВДОВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ МОСКВѢ.—М. С.	225
XXII. СО СТОРОНЫ. Письма изъ деревни.—Веталиса	232
XXIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Наши промышленные успѣхи въ концѣ XIX в.—Что дѣлается въ Англіи въ цѣляхъ промыш- ленного развитія?—Потребность въ выработкѣ самостоятель- ности среди торгово-промышленнаго класса.—Наше незнаніе рынка и послѣдствія этого.—Необходимость изслѣдованія условій нашего промышленнаго развитія.—Педагогическій со- вѣтъ и перемѣна воспитательнаго режима.—Характерные про- тесты противъ усиленнаго покровительства.—Земля наша ве- лика и обильна, но умѣнья въ ней нѣтъ.—Объ отмѣткахъ.— <i>Русскій Вѣстникъ</i> и разрушеніе классицизма.—Итоги уѣзд- ныхъ земскихъ собраній.—Пушкинская коммиссія при Обще- ствѣ Любителей Россійской Словесности	237
XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	270
XXV. ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ ИСКУССТВѢ. «Накипь», ком. П. Д. Боборыкина. (<i>Малый театр</i>).—«Докторъ Штокманъ», др. Генрика Ибсена. (<i>Художественный театр</i>).—Я. А. Ф—ина.	278
XXVI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Публицистика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы.—Географія.—Искусство.—Политическая экономія.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, книги для дѣтей.—Справочныя книги.—II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», сентябрь и октябрь.—«Русское Богат- ство», августъ и сентябрь.—«Міръ Божій», октябрь.— III. Списки книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1900 г. . . .	407
XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

ДРУТЪ ДЛЯ ДРУГА.

Повѣсть.

I.

Довольно длинное письмо изъ деревни кончалось такъ:

«Не забудь же, милый нашъ князь, исполнить нашу общую просьбу—княгини, твоей матери, сестры Аделаиды и мою: сейчасъ же по полученіи этого письма отослать въ газету публикацію насчетъ усадьбы. Ты знаешь какъ составить,—такъ, какъ и въ прошлый годъ: барскій домъ, тѣнистый садъ, vue superbe, старинная обстановка. Цѣну назначь какую хочешь. Въ прошломъ году назначили четыреста, но никто не взялъ; должно быть, это дорого, надо уменьшить. Нынче не цѣнять старинныхъ стильныхъ уголковъ, нынѣшнему нанимателю подавай въ трехъ верстахъ желѣзную дорогу, фрукты, капусту и наполненный рыбой прудъ. А нашъ прудъ, какъ ты знаешь, давно отошелъ вмѣстѣ съ землей къ Овсянникову, который даже удочки не позволяетъ закинуть въ него. Вообрази, дорогой Анатоль, съ недѣлю тому назадъ мы съ сестрой Аделаидой (конечно, безъ вѣдома княгини, твоей матери,—о, она этого не понимаетъ) захотѣли поохотиться съ удочками на окуней. Ты знаешь, какъ теперь рыба дорога, покупать ее не выгодно. Мы поймали дюжину, но въ это время проѣзжалъ мимо Овсянниковъ, увидѣлъ и сдѣлалъ намъ цѣлый скандалъ. Мы даже хотѣли жаловаться на него земскому начальнику. Но онъ здѣсь у насъ какой-то пріѣзжій, изъ отставныхъ корнетовъ, и ему не можетъ быть извѣстно, кто мы и кто были наши предки и какое они имѣютъ значіе. И мы это оставили.

«Обнимаемъ тебя, дорогой нашъ князь! Кончай поскорѣе курсъ и посвяти свою жизнь возстановленію рода князей Вехтиныхъ. Это дѣло достойно тебя и у тебя есть для этого всѣ данныя. Не напрасно

же я и сестра Аделанда положили столько усилий, чтобы дать тебѣ достойное воспитаніе. Мы возлагаемъ на тебя всѣ наши надежды».

Письмо было подписано двумя тетужками, Валеріей и Аделаидой Константиновнами Вехтинными, а на конвертѣ было крупными буквами написано: «его сіятельству Анатолию Александровичу Вехтину».

Такія письма Вехтинъ получалъ отъ своихъ тетокъ разъ въ мѣсяцъ. И это было единственное обстоятельство, которое напоминало ему о его княжескомъ достоинствѣ. Жилъ онъ въ очень маленькой комнаткѣ, въ четвертомъ этажѣ, въ пятнадцатой линіи Васильевского острова.

Хозяйка его была старая бѣдная чиновница, и онъ отъ нея зависѣлъ, потому что деньги платилъ очень неисправно. Случалось ему должать за нѣсколько мѣсяцевъ, но такъ какъ онъ былъ «старый жилецъ» (четыре года университетскаго курса) и къ тому же въ овощной и мясной лавкахъ, гдѣ она забирала, было извѣстно, что у нея князь живетъ, что почему-то ей льстило, то она была снисходительна къ своему жильцу. И если у князя нехватало тридцати копеекъ, чтобы пообѣдать въ кухмистерской, то она давала ему обѣдъ.

Но когда Вехтинъ выходилъ на улицу или появлялся въ театрѣ или въ гостиной одного изъ родственныхъ домовъ, съ которыми онъ тщательно сохранялъ связи, никто не догадался бы о томъ, что онъ живетъ въ маленькой комнаткѣ въ 15-й линіи, плохо платитъ за квартиру и часто нуждается въ обѣдѣ. Его «гардеробъ», какъ называла эту статью тетужка Валерія Константиновна, былъ вполне приличенъ, по крайней мѣрѣ, въ той части своей, которая была доступна постороннему глазу.

Новенькій чистенькій мундиръ для посѣщенія родственниковъ и общественныхъ мѣстъ сохранялся на вѣшалкѣ, тщательно обернутый въ простыню. Форменный сюртукъ для выхода на улицу, въ университетъ и къ товарищамъ также имѣлъ вполне приличный видъ, раза два на день чистился щеткой, каковую операцію производилъ собственноручно самъ князь Вехтинъ, такъ какъ старая чиновница для всѣхъ своихъ надобностей держала только кухарку.

Сапоги князь тоже чистилъ самъ и умѣлъ дѣлать это образцово, такъ что они всегда отлично блестѣли. Воротнички и манжеты онъ носилъ осторожно, экономно и оттого они всегда были у него свѣжи. Для холодныхъ дней у него было пальто съ мерлушковымъ воротникомъ.

Словомъ, если гдѣ-нибудь въ обществѣ его представляли: «князь»

«Итти», то его внѣшній видъ ни на одну минуту не навелъ на сомнѣнія и колебанія.

Что касается нижняго бѣлья, то только прачкѣ и обѣимъ тетушкамъ было извѣстно, въ какомъ оно состояніи, такъ какъ онѣ каждое лѣто занимались чинкой его и наложеніемъ заплатъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ этомъ нуждались.

Такъ же точно никто не былъ освѣдомленъ относительно затасканной съ протертыми локтями тужурки, въ которой онъ сидѣлъ обыкновенно дома. Ее онъ таскалъ еще въ губернскомъ городѣ, когда былъ въ седьмомъ и восьмомъ классѣ гимназій; она хорошо ему послужила.

Отъ Бога было дано ему все для того, чтобы онъ могъ впоследствии выполнить завѣтъ обѣихъ тетушекъ — возстановить древній родъ князей Вехтиныхъ, вновь возжечь этотъ свѣтильникъ.

Онъ былъ высокаго роста, прекрасно сложенъ, здоровъ и силенъ. Благородныя черты лица его были не только красивы, но и пріятны, благодаря чему онъ всѣмъ нравился и всѣ его любили безъ особенныхъ стараній съ его стороны. Среди товарищей онъ пользовался репутаціей добраго малаго, хотя рѣшительно ничего не сдѣлалъ для того, чтобы оправдать эту репутацію. Родственники относились къ нему ласково, хотя ни разу не предложили выдѣлить въ его пользу что-нибудь изъ своихъ большихъ состояній. Женщинамъ нравился розовато-молочный цвѣтъ его щекъ, его высокій благородный лобъ, его свѣтло-сѣрые большіе глаза и короткіе русые курчавые волосы.

Онъ носилъ недлинную бородку, которую самъ еженедѣльно подстригалъ ножницами старой чиновницы и такимъ образомъ избегалъ излишнихъ расходовъ на парикмахера.

Прочитавъ письмо тетушекъ, онъ усмѣхнулся той снисходительной улыбкой, съ которой обыкновенно прощаются маленькія слабости близкимъ и любимымъ людямъ. «Барскій домъ, тѣнистый садъ, vue superbe»... Ахъ, бѣдныя тетушки, милыя княжны безъ князей, фанатички древняго рода Вехтиныхъ, единственнымъ продолжателемъ котораго можетъ свиться только онъ, Анатолій Александровичъ Вехтинъ. Эту маленькую ложь онѣ пускаютъ въ ходъ, кажется, безсознательно.

«Барскій домъ»... Да, конечно, онъ барскій, потому что его некогда населяли настоящіе бары, владѣвшіе тысячами душъ; но отъ него осталось такъ же мало, какъ и отъ самихъ баръ. Онъ покоился, боковыя части его пришли въ полную и непоправимую вет-

хость. Бое-что разрушилось, а другое готово было развалиться при малѣйшей неосторожности.

И въ этомъ замѣтъ торчать осколки старой обстановки,—высокіе тяжеловѣсные комоды съ странными ящиками, которые, точно протестуя противъ новыхъ порядковъ и всего того, что произошло вокругъ нихъ, не хотятъ выдвигаться, когда ихъ вытаскиваютъ, а требуютъ, чтобы всякій разъ приходилъ слесарь съ молоткомъ и крючками, широчайшія кресла, обитыя стариннымъ штофомъ, на которомъ вылиняли всѣ очертанія рисунковъ, хромящіе столы, дрожащіе этажерки.

У всей этой обстановки—видъ праха, и кажется, что стѣбитъ только прикоснуться къ ней, какъ вся она разсыплется. Это милыя тетушки называютъ «стильной обстановкой».

Тѣнистый садъ прежнихъ временъ такъ сильно запечатлѣлся въ ихъ памяти, что и тотъ десятокъ тополей и вязовъ, который остался при домѣ отъ всеобщаго разоренія, бросаетъ ихъ душамъ густую тѣнь, но въ дѣйствительности ея тамъ нѣтъ и не отъ чего ей падать.

Что же касается vue superbe, на которомъ настаивали княжны-тетушки, то онъ существовалъ въ дѣйствительности, это было единственное, для чего не требовалось участіе фантазіи тетушекъ. Изъ оконъ «барскаго дома», дѣйствительно, открывался превосходный видъ на прудъ, окаймленный тополями и зеленымъ камышомъ, съ великолѣпной далью, въ которой хуторки перемежались съ воздѣланными нивами, съ живописными оврагами и пригорками, со всѣмъ тѣмъ, что нѣкогда принадлежало фамиліи Вехтиныхъ, а нынѣ было разобрано по кусочкамъ разными Овчинниковыми, Овсянниковыми и другими людьми, роды которыхъ возникли въ самое послѣднее время и не имѣли позади себя никакого прошлаго, ни славнаго, ни безславнаго.

Такъ какъ тетушки вмѣстѣ съ письмомъ не прислали обычныхъ тридцати рублей, которые онѣ неизвѣстно изъ какихъ источниковъ выжимали для него ежемѣсячно, а, извиняясь, обѣщали выслать ихъ черезъ недѣлю, объясняя, что въ нынѣшнемъ году особенно трудно дается поддержаніе княжескаго достоинства, то Анатолію Александровичу пришлось долго подумать надъ вопросомъ: истратить ли на публикацію по крайней мѣрѣ половину оставшейся у него суммы? Онъ зналъ навѣрное, что это будетъ бесплодный расходъ. Наниматели усадебъ, пожалуй, прельстятся заманчивымъ обѣщаніемъ «барскаго дома, тѣнистаго сада и vue superbe», станутъ пріѣзжать и смотреть; но, убѣдившись, что изъ этихъ трехъ прекрасныхъ ве-

и иѣется налицо только послѣдняя, наймутъ у сосѣдей. Это мѣняется изъ года въ годъ, но тетушки не теряютъ надежды.

Но съ другой стороны нельзя придумать для нихъ лучшаго подарка, какъ присылка газетнаго номера, въ которомъ будетъ публикація о «барскомъ домѣ». И Анатолій Александровичъ рѣшилъ пожертвовать половиной своего достоянія и помѣстить публикацію въ газетахъ.

Стояла уже довольно поздняя весна, но погода была холодная. Шли какіе-то льды, которымъ не было конца. Анатолій Александровичъ былъ очень радъ этому несвоевременному холоду, такъ какъ могъ, не роняя своего достоинства, появиться на улицѣ въ зимнемъ пальто съ мерлушковымъ воротникомъ. Демисезонной одежды у него не было и это былъ важный пробѣлъ въ его «гардеробѣ», о чемъ не мало скорбѣли тетушки.

Онъ одѣлся, присѣлъ къ столу и составилъ объявленіе о барской усадьбѣ, которая сдается на лѣто, уменьшивъ наемную плату до трехсотъ рублей. Затѣмъ онъ вышелъ на улицу, перешелъ по мосту Неву, взялъ путь по Невскому проспекту, зашелъ въ контору газеты и заказалъ объявленіе. Онъ велѣлъ напечатать его всего только одинъ разъ, такъ какъ это было не для нанимателей, а единственно для тетушекъ.

Затѣмъ, такъ какъ выходъ изъ дому уже былъ предпринятъ, онъ совершилъ маленькое путешествіе по Невскому, по Морской, завернулъ на набережную, встрѣтилъ двухъ-трехъ товарищей, которые были такъ же прилично одѣты, какъ онъ, и несмотря на то, что они не были ни князья, ни графы, поздоровались съ нимъ снисходительно.

Они были богаты и знали, что онъ бѣденъ. А то обстоятельство, что онъ князь, въ ихъ глазахъ еще какъ бы увеличивало его бѣдность.

На другой день вышло въ свѣтъ объявленіе объ усадьбѣ съ барскимъ домомъ, тѣнистымъ садомъ и *vue superbe*. Оно терялось гдѣ-то на послѣдней страницѣ среди множества другихъ объявленій объ усадьбахъ и дачахъ. Оно было совсѣмъ маленькое, — князь Анатолій Александровичъ Вехтинъ истратилъ на него всего только три обѣда. Больше онъ никакъ не могъ истратить.

Онъ вырѣзалъ его, наклеилъ на листъ почтовой бумаги и, прибавивъ нѣсколько незначительныхъ, но весьма милыхъ и любезныхъ словъ, отослалъ тетушкамъ.

Надѣли же; ездъ двѣ послѣ этого занятія въ университетѣ кончились. Вехтинъ приналежъ на тетради и книги, на время поху-

дѣлъ, чтобъ потомъ еще ярче расцвѣсти, и результатомъ этого усилія былъ дипломъ кандидата, который онъ и повезъ тетушкамъ въ барскій домъ съ тѣнистымъ садомъ.

Онъ ѣхалъ въ вагонѣ третьяго класса, тщательно избѣгая выходить во время большихъ остановокъ, чтобы не подвергнуться искушенію въ буфетѣ. Въ карманѣ у него было нѣсколько рублей, но онъ ихъ берегъ, зная, во-первыхъ, что тетушки выскребли всѣ крохи, чтобы послать ему на проѣздъ, и что теперь у нихъ ничего нѣтъ, а во-вторыхъ, что впереди ему предстоитъ цѣлая жизнь.

На немъ былъ студенческій форменный скюртукъ и студенческая фуражка. Онъ надѣлъ ихъ потому, что ѣхать въ нихъ было вполне прилично, хотя въ качествѣ кандидата онъ уже не имѣлъ права на этотъ туалетъ, а имѣлъ право на пиджакъ. Но имѣть право недостаточно, надо имѣть также и пиджакъ, котораго у него не было.

Одинъ день и одна ночь, раннее утро, — и восходящее солнце освѣтило обширный прудъ съ красивыми зелеными берегами, окрестныя поля съ темными пятнами лѣсковъ, большое торговое село и поодаль отъ него миниатюрную усадьбу князей Вехтиныхъ, гдѣ въ двухъ сердцахъ тетушекъ, Валеріи и Аделаиды, жили двѣ гигантскія гордости, мирно сожительствовавшія съ надеждой на него, князя Анатолия Вехтина.

Узкая дорога повела къ усадьбѣ. Нанятая Анатолиемъ Александровичемъ крестьянская лошадевка тащила скрипучую телѣгу, въ которой кромѣ мужика-возницы сидѣлъ единственный представитель и возможный продолжатель въ свое время славнаго рода. Князя и возницу раздѣлялъ большой стараго фасона чемоданъ изъ коричневой кожи.

Много лѣтъ тому назадъ по этой дорогѣ князья Вехтины ѣздили въ экипажахъ совсѣмъ другого рода. Но Анатолій Александровичъ этого не видалъ, онъ вообще не имѣлъ ни малѣйшей склонности обращать свой взоръ къ прошлому, которое къ тому же прошло безъ его участія. Онъ смотрѣлъ въ будущее, которое лежало передъ нимъ и въ которомъ пока еще было много загадочнаго.

— Тпрррру!...

Телѣга остановилась, двѣ огромныхъ собаки подняли лай. На досчатомъ крыльцѣ показались три женскія фигуры. Это были двѣ тетушки и княгиня-мать.

Анатолій Александровичъ растворилъ калитку и, не обращая вниманія на собакъ, имѣвшихъ такой видъ, точно сейчасъ хотѣли разорвать его на части, быстро направился къ крыльцу.

Произошла нѣжная сцена родственной встрѣчи.

II.

Жизнь въ усадьбѣ не представляла для Анатолія Александровича рѣшительно никакихъ приманокъ. Никто изъ нанимателей, конечно, усадьбы не взялъ. Если вникнуть поглубже въ дѣло, то жизнь эта походила на добровольное заключеніе въ довольно большой тюрьмѣ, съ предоставленіемъ нѣкоторой свободы дѣйствій.

Усадьба князей Вехтиныхъ была со всѣхъ сторонъ плотно обложена чужими владѣніями. Собственно при ней находился маленький садикъ, съ полдесятины земли подъ огородомъ и колодезь съ водой, которая годилась для поливки и совсѣмъ была негодна для питья.

Одна плохонькая лошадь, привозившая воду въ бочкѣ изъ пропавшей въ двухъ верстахъ рѣки, двѣ коровы, которыя паслись въ крестьянскомъ стадѣ, за что крестьяне, по чувству уваженія къ прежнимъ барамъ, ничего съ нихъ не брали, и нѣсколько куръ — составляли все хозяйство при усадьбѣ.

Но хуже всего было то, что по близости вовсе не было помѣщиковъ. Прежде ихъ было множество; они густо населяли край, ѣздили другъ къ другу въ гости и весело проводили время. Но они всѣ куда-то исчезли, словно сквозъ землю провалились, а на ихъ мѣстѣ появились три мѣщанина: Овчинниковъ, Овсянниковъ и Барашкинъ, отставной консисторскій чиновникъ Камчадаловъ и обрусѣвшій шведъ Ёрзе-Бёрзе.

Мѣщане настроили мельницъ, открыли каждый по питейному дому и старались пожрать другъ друга. Консисторскій чиновникъ устроилъ винокуренный заводъ, курилъ въ немъ вино, а брагой стлавалъ свиней для окороковъ. Шведъ возводилъ огромную писчебумажную фабрику. Крестьяне копошились на своихъ надѣлахъ. А усадьба князей Вехтиныхъ стояла посреди всего этого, какъ нѣкая мертвая точка, окаменѣлость, монументъ минувшаго времени. Въ ней тихо *доживали*, ничего не производя, ничѣмъ не участвуя въ окружающей дѣятельности.

И всюду, куда бы ни упалъ взглядъ, были чужія владѣнія, и этого обитателямъ усадьбы на каждомъ шагу грозила опасность нарушить чужія права.

Прудъ Овсянникова, лѣсъ Овчинникова, земля съ одной стороны Барашкина, а съ другой крестьянская; только шведъ владѣлъ дѣльнымъ участкомъ, расположившись съ своей фабрикой на берегу рѣки.

И когда Анатолій Александровичъ послѣ перваго отдыха огля-

дѣлся вокругъ, то почувствовалъ себя какъ бы въ завоеванной странѣ, гдѣ все уже сдалось непріятелю, остался одинъ пунктъ, который какимъ-то чудомъ держится, но долго ли продержится— неизвѣстно.

И давно бы палъ и сдался этотъ пунктъ, если бы не былъ укрѣпленъ родовитой твердостью двухъ княженъ—Валеріи и Аделаиды Вехтиныхъ. Усадьба безъ земли, безъ лѣса, безъ какихъ бы то ни было угодій досталась князю Александру Константиновичу послѣ смерти отца его, который распродалъ остатки нѣкогда обширныхъ угодій. При немъ между прочимъ отошелъ къ Овсянникову прудъ съ берегами.

Княгиня Ольга Андреевна, мать Анатолія Александровича, осталась послѣ смерти мужа рѣшительно ни съ чѣмъ, но съ мальчикомъ на рукахъ. Надо было кормиться и воспитывать мальчика. Не принадлежа по происхожденію къ высшему кругу, она въ свое время однакожъ получила порядочное образованіе, знала языки и музыку, и первая мысль, какая пришла ей въ голову, была: оставить усадьбу на произволъ судьбы (продать до совершеннолѣтія сына она не могла, а въ аренду отдавать или закладывать было нечего) и пойти въ гувернантки.

Но тутъ на нее налетѣли княжны. До сихъ поръ онѣ проживали въ уѣздномъ городѣ на маленькій пенсіонъ, оставшійся имъ послѣ отца, который былъ военнымъ. Съ братомъ онѣ ладили. Онѣ не допускали и мысли о томъ, чтобы женщина, носящая имя княгини Вехтиной, могла пойти въ гувернантки.

И высказали онѣ это такъ рѣшительно и строго, что Ольга Андреевна сразу покорилась. У нея былъ слабый характеръ и она никогда не умѣла отстоять свое мнѣніе.

Княжны принесли на фамиліный алтарь свой маленький пенсіонъ, отстранили Ольгу Андреевну отъ всякаго вмѣшательства въ распоряженіе усадьбой и вдобавокъ ко всему дѣятельно занялись воспитаніемъ князя Анатолія Вехтина.

Это была задача, достойная ихъ благородной энергіи, сумѣвшей сохранить достоинство среди бѣдности, и за осуществленіе ея онѣ принялись со страстью.

Анатолію было тогда девять лѣтъ, и княжны тотчасъ же убѣдились въ томъ, что воспитаніемъ его никто не занимался и что оно было лишено всякаго плана. А у нихъ былъ планъ, выработанный и взлелѣанный въ тиши маленькой квартирки, въ уѣздномъ городѣ, гдѣ у нихъ было много свободного времени, чтобы свободно мечтать.

Онѣ уже и тогда понимали, что поднять изъ ямы родъ князей Вехтиныхъ можетъ только одинъ этотъ мальчикъ, одинъ Анатолій, но, рѣдко видаясь съ семьей брата, не были увѣрены въ томъ, что для этого что-нибудь дѣлается. Онѣ, конечно, не думали о близкой смерти брата и не хотѣли ея, но ихъ не покидала мечта, что братъ, который, какъ онѣ знали, изнемогалъ въ непрестанной борьбѣ за существованіе, когда-нибудь призоветъ ихъ къ великому дѣлу восстанія Анатолія.

И не ихъ вина, что это случилось такъ драматически. Братъ неожиданно умеръ, и онѣ тотчасъ же ринулись къ исполненію своихъ обязанностей.

Анатолія онѣ получили дикаремъ. Онъ едва спосно зналъ русскую грамоту. Онъ не имѣлъ понятія о французскомъ языкѣ, безъ котораго княжны не представляли себѣ возможнымъ существованіе на свѣтѣ порядочнаго человѣка. У него не было никакихъ манеръ. Единственно что было хорошо, это то, что онъ былъ здоровый мальчикъ и общалъ превратиться въ красиваго мужчину.

И бѣднаго Анатолія прежде всего запрягли въ ярмо хорошаго тона. Тетушки были очень строги и требовательны, но такъ какъ онѣ любили въ немъ будущаго возстановителя своего павшаго рода, то строгость ихъ смягчалась нѣжностью и была для мальчика не слишкомъ тяжела.

Бромъ того княжны вовсе не были склонны къ тупому педантизму. У нихъ былъ планъ, и все, чему онѣ обучали Анатолія, имѣло практическое значеніе. Все приурочивалось къ его будущей роли, въ которой онѣ при посредствѣ своего пылкаго воображенія уже видѣли его побѣдоносно дѣйствующимъ.

Надъ нимъ не стояли двѣ сухія и черствыя мегеры, не повторяли безъ толку изреченія изъ аристократическихъ прописей, но мягко и любовно его приучали держаться, мыслить, чувствовать и вести себя, какъ настоящій князь, скромно сознающій недостатокъ матеріальныхъ средствъ, но не роняющій оттого своего достоинства.

Такой онъ нуженъ былъ въ будущемъ для осуществленія своего призванія. Каково было это призваніе, тетушки ему никогда не говорили, не сказали и до сихъ поръ; но зато теперь онѣ видѣли, что онъ вполне готовъ, что изъ него вышло именно то, къ чему онѣ его предназначали, и что такимъ образомъ ихъ усилія не пропали даромъ.

Иногда имъ казалось, что между ними и Анатоліемъ существуетъ полное сродство душъ, что онъ чувствуетъ и думаетъ по пово-

ду «призванія» совершенно такъ, какъ онѣ. Въ инныя минуты, когда заходилъ разговоръ о будущемъ, имъ казалось, что вотъ - вотъ съ его устъ сорвется то самое слово, которое уже пятнадцать лѣтъ господствуетъ въ ихъ сердцахъ и руководить всѣми ихъ дѣйствіями.

Случалось въ разговорѣ такъ близко подходить къ главному предмету, что оставалось только произнести «слово». Но слово не произносилось—и тѣмъ лучше, потому что истинное единодушіе обходится безъ словъ. Есть вещи, которыя только до тѣхъ поръ и хороши, пока онѣ не названы по имени.

Уже іюль приходилъ къ концу. Однажды, за скромнымъ вечернимъ чаемъ, когда солнце уже зашло, но слѣды его въ видѣ розоватыхъ облаковъ еще сохранялись на западѣ, при свѣтѣ весьма стильной, но плохо горѣвшей лампы, княжна Валерія начала разговоръ, а княжна Аделаида поддержала ее.

— Вотъ и августъ близко, милый мой князь, — сказала княжна Валерія, рѣдко называвшая племянника по имени, а больше княземъ, какъ будто для того, чтобы онъ никогда не забывалъ о своемъ достоинствѣ. — Ты гдѣ собираешься начать карьеру? въ Москвѣ, разумѣется?...

— Конечно, въ Москвѣ! непременно въ Москвѣ! — подхватила княжна Аделаида.

Анатолій Александровичъ посмотрѣлъ на обѣихъ, на секунду остановилъ взглядъ на матери и неторопливо отвѣтилъ: — Я думаю, что въ Москвѣ...

«Да, онъ смыслить кое-что въ жизни», подумали разомъ обѣ тетушки.

— А по моему, тебѣ легче было бы въ Петербургѣ, — виѣшлась на этотъ разъ рѣдко высказывавшая свое мнѣніе княгиня: — тамъ ты уже привыкъ, составилъ знакомства...

— Ахъ, Боже мой, княгиня, неужели молодому человѣку, носящему имя князя Вехтина, надо заботиться о знакомствахъ? Не онъ будетъ искать ихъ, а они сами найдутъ его... — воскликнула княжна Валерія.

— Да, я выбралъ Москву! — окончательно подтвердилъ Анатолій Александровичъ.

«О, да, да, онъ смыслить въ жизни», уже почти съ полнымъ убѣжденіемъ рѣшили княжны.

Для нихъ это было очевидно; но съ другой стороны, онѣ понимали, что отъ княгини нельзя требовать такой прозорливости. Гдѣ ей? Она никогда не могла возвыситься до пониманія высшихъ ин-

тесовъ рода. Она мила, добра, не глупа, образована, у нея прекрасный уживчивый характеръ; но въ ея образѣ мыслей слишкомъ глубоко засѣлъ «духъ средняго класса», изъ котораго она происходитъ.

И тогда начались приготовленія къ отъѣзду въ Москву. Княжны тщательно пересматривали «гардеробъ» Анатолія Александровича, чинили его бѣлье и дѣлали это такъ таинственно, что ни Анатолій, ни даже сама княгиня этого не видѣли.

Гардеробъ, надо сказать правду, былъ въ печальномъ состояніи. Верхнее платье съ точки зрѣнія студенческой еще было ничего; но для кандидата и будущаго адвоката оно совсѣмъ не годилось, и ужъ княжны имѣли это въ виду и обдумали. Въ Москвѣ можно будетъ все это сдѣлать въ долгъ. Тамъ есть такіе магазины, которые даютъ одежду въ долгъ. Если они даютъ всякому встрѣчному, то князю Вехтину, конечно, дадутъ съ удовольствіемъ. Что же касается бѣлья, то придется ограничиться заштопкой. Бѣлья нигдѣ въ долгъ не даютъ и его можно будетъ сдѣлать позже. Надо только обновить воротнички и манжеты, потому что они всегда на виду.

Было рѣшено, что княжна Валерія, какъ старшая и болѣе практичная и оборотливая, поѣдетъ въ Москву на недѣлю раньше и кое-что устроить тамъ.

Странныя отношенія были у Анатолія съ матерью. Онъ искренно, а въ нѣкыя минуты даже нѣжно любилъ ее. Но, воспитанный подъ непосредственнымъ вліяніемъ княженъ и незамѣтно продолжавшій вдохновляться ими и теперь, онъ, самъ того не подозревая, держался ихъ взглядовъ на княгиню.

— Мама ничего въ жизни не понимаетъ. Она не умѣетъ далеко видѣть...

Такъ онъ думалъ и съ такими взглядами всегда подходилъ къ ней и судилъ о ней. И когда она высказывала мысли, противоположныя тѣмъ, какихъ держались княжны и онъ вмѣстѣ съ ними, онъ чуть-чуть улыбался и никогда не возражалъ. Онъ признавалъ ея право думать иначе, потому что она выросла и воспиталась въ «среднемъ кругу».

Княгиня Ольга Андреевна была дочерью довольно значительнаго чиновника, который сдѣлалъ свою карьеру единственно благодаря своему неусыпному труду. Воспитывалась она въ институтѣ, гдѣ получила склонность къ мечтательности и укрѣпила вялость и слабость характера, свойственныя ей отъ природы, а дома видѣла она вездѣ и на каждомъ шагу трудъ и строгое отношеніе къ своимъ обязанностямъ.

За князя Вехтина, не занимавшего никакого положенія въ свѣтѣ и не обладавшего никакимъ состояніемъ, она вышла по страстной любви, пользовалась всю жизнь любовью и уваженіемъ съ его стороны и, благодаря этому, трудности жизни чувствовалъ только князь, для нея же онѣ проходили незамѣтно.

Благодаря своей вялости, она какъ-то мало думала о вопросахъ жизни, смотрѣла всегда нѣсколько сонными и туманными глазами. Но когда княжны высказывались, въ ней просыпалось старинное уваженіе къ труду и къ прямотѣ въ жизни, и она возражала, но слабо и при нѣкоторомъ натискѣ со стороны княженъ тотчасъ уступала.

И вотъ, когда уже княжна Валерія уѣхала въ Москву для предварительнаго устройства судьбы Анатолія, когда послѣ этого прошла недѣля, наканунѣ выѣзда молодого кандидата, у него съ матерью произошла особая встрѣча.

Былъ теплый вечеръ. Солнце только что скрылось за лѣсомъ мѣщанина Овсянникова, предназначеннымъ имъ на срубъ. Ольга Андреевна гуляла въ садикѣ, мечтательно переходя отъ тополей къ вязамъ и возвращаясь отъ вязовъ къ тополямъ. Но ея обыкновенно спокойные, примиренные глаза на этотъ разъ выражали какъ бы какое-то тревожное ожиданіе чего-то, что должно случиться и чего она не можетъ предотвратить.

Тихо отворилась калитка со двора, и въ садикъ вошелъ Анатолій Александровичъ. Онъ не видѣлъ матери, мимоходомъ сорвалъ яблоко съ яблони, но не сталъ его ѣсть, а вертѣлъ въ рукахъ, подбрасывая и ловя, какъ мячъ, а губы его при этомъ насвистывали веселый мотивчикъ.

— Ахъ, это вы мама!—произнесъ онъ, замѣтивъ, наконецъ, Ольгу Андреевну, и прибавилъ:—Гуляете? Ну, на этомъ пространствѣ не разгуляешься!

Они пошли рядомъ. Анатолій дѣлалъ слишкомъ широкіе шаги и ему приходилось часто останавливаться, чтобы княгиня могла сравниться съ нимъ. Княгиня сказала:—Я привыкла гулять въ этомъ саду, приладилась къ его коротенькимъ аллеямъ. Видишь, какіе я дѣлаю маленькіе шаги... Оттого и садъ мнѣ не кажется такимъ маленькимъ. Прежде я тоже, бывало, начну гулять, полсекунды и ужъ весь садъ прошла, вотъ какъ ты теперь.

— Приладилась?—съ чуть-чуть замѣтной усмѣшкой промолвилъ Анатолій.

— Разумѣется... Ко всему можно приладиться.

— Можно, мама. Но надо ли? Зачѣмъ прилаживаться къ не-

побтвашъ, когда существуютъ удобства? Зачѣмъ довольствоваться похлѣбъ, когда есть на свѣтѣ хорошее?

Княгиня промолчала, а потомъ вдругъ перевела разговоръ на то завтрашнюю поѣздку.

— Такъ ты въ Москву, Анатолій?

— Въ Москву.

— Почему ты избралъ ее?

— Тамъ легче добиться хорошаго, мама.

— Развѣ тамъ легче служить? Я думала, что самая видная служба въ Петербургѣ.

— Я вовсе не намѣренъ служить, мама. Мнѣ нѣтъ никакого мнѣнія служить! — отвѣтилъ Анатолій.

— Почему это, Анатолій?

— На службѣ надо начинать съ маленькаго и тянуть лямку десятковъ, а то и два десятка лѣтъ и это для того, чтобы къ пятидесяти годамъ, когда и жизнь начинается становиться въ тягость, получить возможность наслаждаться жизнью.

— Но, Анатоль, тебѣ служба дастся легче, чѣмъ другимъ; ты жетакъ князь, ты приходишь изъ старой почтенной фамилии...

— Да, мама, вотъ въ томъ-то и бѣда, что не просто князь, а «всетаки князь». Такихъ «всетаки князей», у которыхъ ничего нѣтъ, на казенной службѣ множество и на нихъ уже никто не обращаетъ вниманія. Князь, объѣдающій въ кухмистерской... Ахъ, мама, что можетъ быть болѣе жалкаго на свѣтѣ? «Вамъ, князь, битокъ со сметаной или свиною котлету»? Битокъ стоитъ двадцать копеекъ, а свиная котлета тридцать, и князь, подумавъ, отпѣчаетъ: «мнѣ битокъ»... Боли ты князь, такъ поддержи свое княжество соответствующими возможностями... Въ частной жизни это еще не такъ бросается въ глаза, но на службѣ... О, всякій курьеръ въ департаментѣ знаетъ, что у тебя на сапогахъ уже три раза чинили подошвы, а вицъ-мундиръ купленъ въ рассрочку, на выцѣть.

— А что-жъ ты будешь дѣлать въ «частной жизни»? — спросила княгиня.

— Запишусь въ адвокаты.

— Развѣ у тебя есть ораторскій талантъ?

— Никакихъ у меня талантовъ нѣтъ, мама.

— Такъ зачѣмъ же?

— Надо имѣть какое-нибудь положеніе.

— А жить?

— А жить... жить...

Анатолий усмѣхнулся:

— Объ этомъ гораздо больше, чѣмъ я, думаетъ тетушка Валерія и больше знаетъ...

— Ты согласенъ во всемъ съ Валеріей?—спросила Ольга Андреевна и снизу вверхъ заглянула въ его глаза.

— Что-жъ, мама, тетушка Валерія мыслить правильно.

Лай собакъ прервалъ ихъ бесѣду. Пришелъ мужикъ условливаться насчетъ завтрашней поѣздки Анатолия на станцію, чтобы оттуда ѣхать въ Москву. Мужикъ условился и ушелъ, но разговоръ между матерью и сыномъ больше не возобновлялся.

На другой день утромъ Анатолий простился съ тетушкой Аделандой, нѣжно обнявъ и поцѣловалъ свою мать и уѣхалъ въ Москву.

III.

Въ одномъ изъ переулковъ на Арбатѣ стоялъ нарядный двухъ-этажный особнякъ съ широкимъ дворомъ, въ которомъ было множество флигелей, сараевъ и всякихъ построекъ.

Надъ воротами значилось, что домъ принадлежитъ такому-то князю да и видно было по всему, что нѣкогда здѣсь шла широкая барская жизнь, но это было давно, ибо флигеля и пристройки утратили не только свѣжесть, а и пригодность, и теперь ими никто и не пользовался,—за исключеніемъ конюшни, гдѣ стояла четверка лошадей, и экипажного сарая, въ которомъ помѣщались карета, коляска, изящная пролетка и широкія сани,—все новое, еще блестящее и пахнущее краской и лакомъ.

Въ самомъ домѣ тоже не замѣчалось особеннаго многолюдства и движенія. Внизу въ широкомъ вестибюлѣ со скамейками для трехъ десятковъ лакеевъ, гдѣ въ былое время они проводили ночи во время княжескихъ баловъ,—было пустынно. Только у самой двери торчалъ швейцаръ въ новенькой ливреѣ, да когда-никогда прошмыгивала горничная, направляясь изъ нижнихъ комнатъ во второй этажъ съ какимъ-нибудь съѣстнымъ багажомъ.

Населеніе особняка было не велико. Каждый день по утрамъ спускался по лѣстницѣ и выходилъ изъ подъѣзда благообразный высокій старикъ съ длинными усами, эффектъ которыхъ былъ усиленъ искусно сдѣланными подусниками, съ бритыми щеками и подбородкомъ. Онъ садился въ пролетку и уѣзжалъ куда-то «подѣлать». Нѣсколько позже къ подъѣзду подкатывала коляска или карета, смотря по погодѣ, и кучеръ вмѣстѣ съ лошадьми терпѣливо ждалъ часъ, два, а иногда и больше.

Наконецъ, изъ дома выходили двѣ дамы, обѣ высокія, но одна старуха съ хорошо еще сохранившимся свѣжимъ и не такъ давно еще красивымъ лицомъ, одѣтая чрезвычайно скромно, другая—молодая, стройная, съ цвѣтущимъ прекраснымъ лицомъ нѣсколько смуглаго тона, улыбающаяся, радостная, счастливая. Онѣ сажались въ экипажъ и ѣхали почти всегда въ какой-нибудь магазинъ, откуда поворачивались со множествомъ свертковъ и картонокъ.

По вечерамъ старикъ большею частью оставался дома, а дамы ѣздили въ театръ, въ концертъ, въ циркъ. Случалось, что особенно блестящіе яркими огнями, вестибюль наполнялся верхней одеждой, но лѣстницѣ, устланной дорогимъ ковромъ и украшенной тропическими растеніями, подымались дамы въ балльных платьяхъ, мужчины во фракахъ, военные въ мундирахъ. Тогда наверху до утра гремѣла музыка, лилось вино, шумѣли десятки голосовъ и, какъ казалось, всѣмъ было весело.

Началась эта жизнь въ старомъ особнякѣ года два назадъ. До тѣхъ поръ особнякъ стоялъ заколоченный и всѣ пристройки, наполнившія обширный дворъ, безпрепятственно подтачивались временемъ, подгнивали, дряхлѣли, какъ будто были безжалостно осуждены на безповоротное разрушеніе.

Домъ былъ построенъ такимъ образомъ, что рѣшительно не годился для жильцовъ практическихъ, считающихъ и записывающихъ каждый издержанный рубль, и въ то же время не было никакой возможности раздѣлить его на отдѣльныя квартиры. Съ другой стороны, для настоящихъ баръ онъ былъ слишкомъ ужъ отсталый, — въ немъ не было тѣхъ приспособленій комфорта, которыя можно вездѣ найти въ новыхъ домахъ.

Стоялъ онъ много лѣтъ пустой и какъ бы забытый, пока не пріѣхали издалека длинноусый старикъ со старухой и съ стройной красивой дочкой. Они наняли домъ, поставили въ конюшню четверку великолѣпныхъ дорогихъ рысаковъ, вкатили въ сарай экипажи, завели кучера, населили людскія прислугой, и въ домѣ началась своеобразная жизнь, какой во всякомъ случаѣ не видали стѣны стараго барскаго дома.

Это случилось совершенно неожиданно для города Москвы. Однажды курьерскій поѣздъ привезъ на Курскій вокзалъ съ юга высиаго старика. Старикъ взялъ извозчика, не лихача, а простого извозчика, и велѣлъ везти себя въ лучшую гостиницу. Его привезли въ Славянскій базаръ, гдѣ онъ и занялъ комнату.

Его прописали въ участкѣ—поселяниномъ Альбертомъ Ивановичемъ Пфейферомъ. Гостиница за время своего существованія ви-

дала всякіе виды и, разумѣется, никого не удивило, что въ ней остановился поселянинъ. Только въ первое время лакеи смотрѣли неловко, когда онъ требовалъ къ себѣ въ номеръ что-нибудь дорого стоящее: «какъ-то ты, молъ, расплатишься, поселянинъ»? Но поселянинъ по первому же счету уплатилъ съ готовностью и сполна, и съ этой минуты къ нему стали относиться довѣрчиво. Разные бываютъ поселяне. Однако, черезъ нѣкоторое время онъ удивилъ уже по настоящему, но только совсѣмъ съ другой стороны.

Съ утра поселянинъ Альбертъ Ивановичъ Пфейферъ уходилъ на поиски, къ нему приходили люди изъ разныхъ конторъ, предлагали квартиры, писали письма, и всей гостиницѣ уже было извѣстно, что поселянинъ ищетъ для себя барскій особнякъ со всѣми службами и чтобъ все было на широкую ногу и притомъ въ цѣнѣ не стѣсняется.

Недѣли черезъ двѣ узнали, что таковой особнякъ отыскался на Арбатѣ и что поселянинъ нанялъ его, заключивъ контрактъ на пять лѣтъ, за довольно большую плату. Онъ спѣшно ремонтируется и отстраивается, но самъ поселянинъ остается жить въ гостиницѣ.

Въ это время въ гостиницѣ уже всѣ относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, и когда онъ шелъ по коридору или по лѣстницѣ, лакеи, тѣ самые, что недавно еще косились на него, теперь, завидѣвъ его, какъ резиновые мячи отскакивали въ сторону, давая такимъ образомъ ему дорогу.

Это было въ самомъ началѣ лѣтней поры; но поселянинъ Альбертъ Ивановичъ Пфейферъ прожилъ въ гостиницѣ все лѣто и до самой глубокой осени, и не изумлялъ гостиничныхъ людей только потому, что ужъ всѣ привыкли уважать его и видѣли ясно, что онъ за птица и какой у него надежный карманъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ каждый день и цѣлый день что-нибудь покупалъ, къ нему постоянно являлись мастера, магазинщики, комиссіонеры, присылали образцы, счета. То каретный мастеръ, то лошадиный, то мебельщикъ, то цвѣтоводъ, то посудникъ, не говоря уже объ обойщикахъ, малярахъ и всякаго рода неизбѣжныхъ ремонтныхъ людяхъ. Иногда разговоръ въ его номерѣ шелъ о картинахъ и цѣны тогда упоминались такія почтенныя, что слышавшіе ихъ лакеи начинали даже сомнѣваться, ужъ и въ правду ли это поселянинъ, не замаскированный ли это какой-нибудь графъ или князь.

Когда же лѣто кончилось и началась осень, пошли дожди, подули холодные вѣтры, Альбертъ Ивановичъ Пфейферъ разстался

гостиницей и переѣхалъ въ особнякъ на Арбатѣ. Но главное событіе произошло еще не сейчасъ послѣ этого. Въ особнякъ на Арбатѣ были кончены уже важнѣйшія работы, но нужно было еще исполнить множество мелочей. И вотъ вѣшали картины, подбирали ковры, разставляли цвѣты и растенія, и особнякъ мало-по-малу представлялъ видъ богатаго, хотя и не особенно уютнаго, жилища.

Но, все равно, къ началу ноября онъ былъ готовъ, и тогда Альбертъ Ивановичъ Пфейферъ отправился на телеграфъ и извѣстилъ его слѣдуетъ, что все готово и что онъ ждетъ. Въ отвѣтъ на это ему тоже прислали телеграмму, въ которой было сказано, что такого-то числа выѣзжаютъ.

И вотъ именно «такого-то числа», наконецъ, произошло то событіе, къ которому Москва никогда не готовилась: въ одинъ скверный день, когда надъ Москвой гонимыя вѣтромъ пролетали съ сѣвера на югъ темносѣрыя облака и изъ нихъ лилъ дождь, а холодный вѣтеръ дулъ изъ всѣхъ безчисленныхъ переулковъ Москвы, поселеникъ Альбертъ Ивановичъ Пфейферъ пріѣхалъ на Курскій вокзалъ въ своей новенькой помѣстительной каретѣ, запряженной величавой парой и, дождавшись курьерскаго поѣзда, принявъ въ свои объятія двухъ дамъ—жену свою, Дарью Васильевну, и дочь Валентину Альбертовну. За ними носильщики тащили множество ящиковъ и картонокъ, которые поѣхали отдѣльно, а семейство Пфейферовъ усѣлось въ каретѣ и покатило на Арбатъ въ особнякъ.

У Дарьи Васильевны было серьезное отъ природы и усталое отъ дороги лицо, а прекрасное лицо Валентины Альбертовны было здорово и свѣжо, розы на ея щекахъ цвѣли такъ, какъ будто бы она не подвергалась неудобствамъ дороги въ продолженіе одного дня и двухъ ночей. И оно все сіяло, озаренное неудержимой внутренней радостью, и все ей нравилось, и на каждомъ шагу она восторженно восклицала:

— Ахъ, вотъ и Москва! Какъ я рада, что наконецъ мы въ Москвѣ!

И нѣжно укоряла Альберта Ивановича за то, что онъ выѣхалъ на вокзалъ въ каретѣ, а не въ открытой коляскѣ. Въ каретѣ мало воздуха, въ окна, затемненные каплями дождя, плохо видно, а ей хотѣлось все смотрѣть, видѣть и восхищаться.

О, что такое дождь! Пусть себѣ идетъ, эка важность! Что такое сырой холодный вѣтеръ! Отъ него можно закутаться; но она такъ рада, что въ Москвѣ, ахъ!...

Потомъ она восхищалась особнякомъ, обстановкой, картинами, всѣмъ, всѣмъ, что нашла въ Москвѣ къ ея услугамъ; цѣло-

вала отца, попутно восхищалась и имъ и радовалась и благодарила.

Въ ней горячимъ ключомъ была молодость, и ей хотѣлось жить, радоваться, веселиться и быть счастливой. И она понимала, что все это устроено для нея, что не будь ея, поселянинъ Альбертъ Ивановичъ Пфейферъ и жена его Дарья Васильевна кончили бы свое мирное существованіе въ далекомъ степномъ уголѣ, гдѣ и они сами родились и произвели на свѣтъ ее, свое сокровище, свою красавицу Валентину.

Но ей казалось, что не только особнякъ, но и Москва съ ея безчисленными церквами, съ многоэтажными домами, съ садами, театрами и Кремлемъ, построены для нея, для ея радости. А Альбертъ Ивановичъ смотрѣлъ на нее и былъ счастливъ, потому что видѣлъ свою красавицу Валентину счастливой.

И началась въ особнякѣ на Арбатѣ жизнь, которая продолжалась вотъ уже два года, прерываясь только въ лѣтніе мѣсяцы, когда Пфейферы уѣзжали на собственную дачу въ окрестностяхъ Москвы. Дача эта была приобрѣтена и отдѣлана уже послѣ переезда ихъ въ Москву и она по своимъ достоинствамъ нисколько не уступала особняку на Арбатѣ.

Началась жизнь, съ виду похожая на всѣ жизни людей, у которыхъ много денегъ, но если присмотрѣться поближе, то это была странная жизнь.

IV.

Альбертъ Ивановичъ Пфейферъ былъ сыномъ Іоганна Пфейфера, который пришелъ въ Россію лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ качествѣ колониста, призваннаго своимъ примѣромъ научить культурности нашихъ крестьянъ. Много тогда переселилось къ намъ нѣмецкихъ людей, имъ были даны земли въ такомъ размѣрѣ, какія и не снились русскому мужику.

Научили ли русскаго мужика культурѣ нѣмецкіе колонисты, неизвѣстно, но многіе изъ нихъ лѣтъ черезъ двадцать-тридцать выстроили себѣ огромные дома въ губернскихъ городахъ, основали въ нихъ торговныя фирмы и сдѣлались почтенными гражданами, гласными и городскими головами. Въ южныхъ городахъ Россіи и теперь встрѣчается множество людей съ нѣмецкими фамиліями, забывшихъ свое отечество и языкъ и не только перемѣнившихъ религію, но и жертвующихъ колокола для нашихъ колоколенъ.

Іоганнъ Пфейферъ не основалъ торговой фирмы, но подъ ко-

ицѣ жизни денегъ у него было не меньше, чѣмъ у любой тор-
говой фирмы губернскаго города.

Безъ всякой фирмы онъ обрабатывалъ и заставлялъ сначала
свою землю, потомъ ближайшихъ сосѣдей, у которыхъ бралъ въ
аренду, а кончилъ тѣмъ, что подъ его хлѣбомъ стояли нѣсколько
тысячъ десятинъ чернозема помѣщичьей земли, которую однако
онъ не покупалъ, а только платилъ за нее арендные деньги. И годъ
за годомъ денегъ у него становилось больше, а онъ все продолжалъ
жить въ степяхъ и вовсе не думалъ о переѣздѣ въ городъ.

Сынъ его Альбертъ выросъ раньше, чѣмъ Іоганнъ разбогатѣлъ,
и потому Іоганнъ не успѣлъ дать ему образованіе по карману. Онъ
изучился кое-чему въ нѣмецкой школѣ, которую устроили коло-
нисты на общія средства. А когда ему стало тридцать лѣтъ, то онъ
влюбился въ небогатую дѣвицу дворянскаго происхожденія и, не-
долго думая, женился на ней.

Іоганнъ Пфейферъ ничего не имѣлъ противъ этого. Хотя Дарья
Васильевна, несмотря на свое дворянство, ничего не могла измѣ-
нить въ общественномъ положеніи Альберта, и послѣ женитьбы на
ней онъ все-таки остался поселяниномъ, но все же это было въ нѣ-
которомъ родѣ приобщеніе къ чему-то высшему. Важно было также
то, что Дарья Васильевна въ свое время училась въ гимназій,
хотя и не кончила ея, имѣла понятіе о фортепیانной музыкѣ и еще
кое о чемъ, такъ что, при своей миловидности, стройности, высо-
кою ростъ и до извѣстной степени дворянскихъ манерахъ, могла
служить украшеніемъ фамиліи Пфейферовъ.

И былъ Альбертъ съ Дарьей Васильевной совершенно счастливъ.
У нихъ родилась дочь, которой они дали уже настоящее образова-
ніе, потому что денегъ, приобретенныхъ Іоганномъ, у нихъ было
достаточно.

Еще старый Іоганнъ Пфейферъ и не думалъ умирать и дѣя-
тельно совершалъ свои хлѣбныя операціи, а Альбертъ съ Дарьей
Васильевной уже презрѣли деревенскую жизнь и переселились въ
губернскій городъ. Впрочемъ, Іоганнъ одобрялъ это переселеніе,
потому что понималъ, насколько оно необходимо и полезно.

Здѣсь маленькая Валентина росла, потомъ ходила въ гимназію
и въ ней ходили учителя, музыканты и всякіе иностранцы и учили
ее всему, что только требовалось для того, чтобы быть въ совер-
шенствѣ благовоспитанной дѣвицей.

Годы шли быстро, и Альбертъ Ивановичъ съ Дарьей Васильев-
ной и не замѣтили, какъ маленькая хорошенькая Валентина вы-
росла въ стройную красавицу и какъ къ ней вдругъ подошли де-

вятнадцать лѣтъ. Въ этому времени она кончила всѣ свои ученія, а Іоганнъ Пфейферъ, благополучно проживъ на свѣтѣ семьдесятъ лѣтъ, померъ, оставивъ сыну Альберту такой хорошій капиталъ, что Альбертъ, не питавшій склонности къ хлѣбнымъ операціямъ и къ степной жизни, сказалъ себѣ: «этого съ меня достаточно», и отцовскихъ дѣлъ не продолжалъ.

И такъ какъ Валентинъ въ это время было девятнадцать лѣтъ и красота ея была въ полномъ расцвѣтѣ, то счастливымъ родителямъ стала приходить мысль о томъ, что пора позаботиться и объ ея будущности. Подъ будущностью тутъ собственно разумѣлся тотъ счастливецъ, которому суждено было обладать рукой и сердцемъ прекрасной Валентины.

Надо, однако, сказать правду, что сама Валентина къ такимъ размышленіямъ не подавала ни малѣйшаго повода. Несмотря на девятнадцать лѣтъ, въ ней, вѣроятно, благодаря той безмѣрной любви и тому довольству и счастью, которыми она была окружена, было много ребяческаго. Жизнь ея была такъ хороша, что о лучшей ей въ голову не приходили мысли.

Но Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна должны были смотреть дальше. Рано или поздно это должно случиться. Въ губернскомъ городѣ у нихъ было общество. Несмотря на скромное званіе поселенина, Альбертъ Ивановичъ велъ знакомство съ лучшими людьми города: въ его домѣ бывали и статскіе совѣтники, и даже военные генералы. Но провинціальныя статскіе совѣтники и генералы большею частью люди старые и къ тому же птицы не особенно высокаго полета. А молодежь окончательно была мелкотравчатая.

Словомъ, Пфейферы въ губернскомъ городѣ не находили ни одного человѣка, котораго они считали бы достойнымъ Валентины, разумѣется, помимо ея личныхъ достоинствъ принимая еще во вниманіе и тотъ капиталъ, который выѣстъ съ ней достанется будущему обладателю ея сердца.

— Нѣтъ,—говорилъ Альбертъ Ивановичъ, обращаясь къ Дарьѣ Васильевнѣ,—нѣтъ. Въ этомъ городѣ нѣтъ людей, вовсе нѣтъ людей... Конечно, я не говорю... все это господа очень хорошіе, но... они не то, что нужно. Нѣтъ, не то!

И Дарья Васильевна соглашалась, что «да, молъ, очень хорошіе люди... но не то». Чего именно нехватало въ губернскихъ людяхъ, этого они не говорили другъ другу, но несомнѣнно, что у нихъ былъ идеалъ.

Люди, которые годились для того, чтобы съ ними здоровались на улицѣ, принимали ихъ у себя, угощали чаемъ, даже вели съ

ни дѣла, совершенно однако не годились для будущности Валентины. Будущность Валентины представлялась обоимъ Пфейферамъ и въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, но въ яркихъ краскахъ. Это что-то свѣтлое, блестящее, переливающееся всѣми цвѣтами радуги и уже само собою разумѣется—*столбовое*... Это минимумъ.

Дарья Васильевна, несмотря на то, что была вѣрной женой послиннику Пфейферу, тѣмъ не менѣе не забывала о своемъ столбовомъ состояніи и у нея ужъ это было рѣшено, что будущность Валентины должна начаться полнымъ разрывомъ съ поселянствомъ.

Изъ этихъ соображеній естественно вытекла мысль о Москвѣ. Буда же больше? Петербургъ, говорятъ, еще постарше Москвы будетъ, но Петербургъ городъ аккуратный, тамъ всѣ люди раздѣлены между собою желѣзными перегородками. Вотъ тутъ сановники, а тутъ простые чиновники; тамъ вонъ штабъ-офицеры, а тутъ оберъ-офицеры; здѣсь дворяне, а тутъ разночинцы, а вонъ тамъ мѣщане... А Москва городъ гулящій и безпорядочный, тамъ все смѣшивается, и не разберешь, гдѣ кончается купецъ и начинается дворянинъ.

Такъ представлялось это Дарьѣ Васильевнѣ и такое представленіе она вбила въ голову Альберту Ивановичу. И поэтому было рѣшено ѣхать въ Москву. Тогда произошла окончательная ликвидація всѣхъ губернскихъ отношеній и съ наступленіемъ ранней весны Альбертъ Ивановичъ поѣхалъ въ Москву и занялся прискакиваніемъ и устройствомъ гнѣзда, которое было бы достойно красавицы Валентины.

Альбертъ Ивановичъ отлично выполнилъ свою задачу: особнякъ былъ хорошъ, обстановка превосходная, экипажи прекрасные, лошади великолѣпныя. И Валентина не могла нарадоваться на все это.

Но когда прошла недѣля, и другая, и третья, то вдругъ обнаружилось, что въ Москвѣ они совершенно одни—въ своемъ особнякѣ, съ своими лошадьми и экипажами, и Валентина начала скучать по губернскому городу. Тамъ хотя люди были «не тѣ», какъ думали Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна, но все же это были люди, это было общество, которое посѣщало ихъ домъ и попогалу времени проходить незамѣтно.

Здѣсь же великое множество народа ходить и ѣздить по улицамъ, встрѣчается въ магазинахъ, въ театрахъ, но всѣ проходить мимо тебя, даже не замѣчая тебя. Это былъ важный пробѣлъ.

Въ первое время это еще не такъ было замѣтно, — привыкали къ новизнѣ. Притомъ театры, магазины, портнихи наполняли все время и поглощали вниманіе. Но затѣмъ вдругъ почувствовалось, что недостаетъ самаго важнаго. Валентина начала скучать.

— Что же это? Неужели такъ всегда будетъ? — спрашивала она, и любящіе родители безпокоились.

Особенно грустилъ по этому поводу Альбертъ Ивановичъ. Видѣлъ онъ ясно, что, хотя денегъ у него много, а все же этого недостаточно, чтобы вокругъ нихъ заговорила веселая многолюдная жизнь. Люди все какъ-то мелькаютъ, прошигиваютъ мимо нихъ и у всѣхъ такіе равнодушныя, холодныя взгляды. Хотя бы маленькая связь была у него съ Москвой, хотя бы одинъ человѣкъ! Но у него не было никого.

Въ «Славянскомъ Базарѣ» знали его, какъ хорошаго жильца, который платилъ исправно, и какъ богатаго человѣка, дѣлавшаго много заказовъ. Знали его въ разныхъ магазинахъ, гдѣ онъ закупалъ вещи для особняка; но это же не связи. Не окружить же Валентину приказчиками и мастерами.

«Да,—думалъ Альбертъ Ивановичъ,—за деньги можно обставить особнякъ, цѣлый дворецъ, купить драгоцѣнныхъ лошадей, экипажы, наряды, но сколько-нибудь почтенныхъ знакомыхъ за деньги пріобрѣсти нельзя». И почему это въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва, гдѣ есть всякія конторы, поставляющія прислугу и гувернантокъ,—охъ, да что прислугу и гувернантокъ!—все, что угодно,—почему нѣтъ такихъ конторъ, гдѣ можно было бы пріобрѣтать хорошія знакомства? Вѣдь бываютъ же такіе случаи, что во всѣхъ отношеніяхъ достойные люди пріѣзжаютъ въ этотъ городъ, хотятъ поселиться въ немъ, вотъ какъ онъ съ семействомъ. Какъ же быть? Еслибъ у него были какія-нибудь дѣла, тогда завелись бы хоть дѣловыя знакомства; но онъ дѣла бросилъ еще въ губернскомъ городѣ.

Но такъ какъ вѣчно это не могло продолжаться, то знакомства начались и дѣла пошли такъ удачно, что мѣсяца черезъ три, когда у Пфейферовъ былъ первый вечеръ съ танцами, домъ ихъ былъ полонъ народу и можно было подумать, что это самый популярный домъ въ Москвѣ.

Первая брешь была пробита совершенно случайно. Пфейферы часто бывали въ театрѣ. Валентина Альбертовна страстно любила музыку и вмѣстѣ съ Дарьей Васильевной не пропускала ничего интереснаго. Онѣ обыкновенно сидѣли вдвоемъ въ ложѣ, а Альбертъ Ивановичъ, который въ музыкѣ ничего не понималъ и въ оперѣ сильно утомлялся, только привозилъ ихъ въ театръ и усаживалъ, а потомъ къ концу представленія пріѣзжалъ, чтобы отвезти ихъ домой.

Дамы слушали музыку и пѣніе, а въ антрактахъ разсматривали

блику; и замѣтили онѣ въ третьемъ ряду немолодого уже господина, который бывалъ рѣшительно на всѣхъ спектакляхъ и всегда сѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Почему это онъ такъ сидитъ?—спрашивала Дарья Васильевна.—Должность у него, что ли, такая?

Господинъ съ виду не представлялъ рѣшительно ничего интереснаго. Одѣтый въ черный сюртукъ, онъ, казалось, былъ скроенъ до послѣдней степени, часто кланялся знакомымъ, которыхъ у него было множество, рѣдко выходилъ въ антрактахъ, иногда передъ представленіемъ вдругъ вынималъ записную книжку и что-то писалъ въ ней. У него были негустые усы, маленькая бородка съ просѣдью, а на темени небольшая, совершенно круглая лысина, похожая на медаль.

Дамъ онъ заинтересовалъ единственно тѣмъ, что бывалъ въ театрѣ такъ же постоянно, какъ и онѣ. Имъ даже казалось, что онъ перѣдко смотритъ на нихъ и съ своей стороны какъ бы удивляется, почему эти дамы такъ часто бываютъ въ оперѣ?

Дамы подѣлились своимъ впечатлѣніемъ съ Альбертомъ Ивановичемъ. Дарья Васильевна сказала:

— Ужасно меня интересуеъ этотъ странный человѣкъ. Я понимаю, вотъ какъ мы ѣздимъ въ оперу, когда куда больше ѣздить, но онъ, видимо, здѣшній,—вонъ у него сколько знакомыхъ, онъ чуть ли не всѣмъ кланяется. И какое постоянство, даже въ антрактахъ не выходитъ.

— А на какомъ номерѣ онъ сидитъ?—спросилъ Альбертъ Ивановичъ.

— Кажется, на сорокъ четвертомъ.

Альбертъ Ивановичъ спросилъ это не просто. У него мелькнула особая мысль: человѣкъ сидитъ на мѣстѣ въ антрактахъ. Въ антрактахъ сосѣди заговариваютъ другъ съ другомъ. Ему, навѣрно, случено сидѣть. Почему знать, можетъ быть, его намъ судьба посылаетъ. Вонъ, онъ чуть ли не каждую минуту отвѣчаетъ на пошны. У него полъ-Москвы знакомыхъ.

И такъ какъ знакомства были его большимъ мѣстомъ и онъ постоянно объ этомъ думалъ, то у него сейчасъ же созрѣлъ планъ. На слѣдующее представленіе шло «Риголетто», дамы не поѣхали, а Альбертъ Ивановичъ купилъ себѣ кресло подъ сорокъ пятымъ номеромъ.

Загадочный господинъ оказался на своемъ мѣстѣ и велъ себя совершенно такъ, какъ всегда, т.-е. кланялся знакомымъ, по временамъ что-то записывалъ, а въ антрактѣ никуда не пошелъ. Такъ

какъ Альбертъ Ивановичъ не хотѣлъ терять времени, то въ первомъ же антрактѣ онъ рѣшилъ завязать разговоръ съ своимъ сосѣдомъ. Разумѣется, онъ не долго думалъ надъ словами, такъ какъ въ сущности все равно, что было сказать, лишь бы заговорить.

— Прекрасная музыка! — сказалъ онъ, обращаясь къ сосѣду. — Удивительная музыка!

Тотъ повернулъ къ нему голову.

— Вы находите? — спросилъ онъ иронически и прибавилъ: — Впрочемъ, это мнѣніе огромнаго большинства.

— А развѣ нѣтъ? — наивно спросилъ Альбертъ Ивановичъ. — Отвероенно сказать, я ничего не понимаю.

Сосѣдъ на это признаніе не откликнулся и было опасеніе, что онъ и совсѣмъ замолкнетъ; поэтому Альбертъ Ивановичъ, желая во что бы то ни стало поддержать разговоръ, опять сказалъ:

— А вы какъ полагаете?

— Музыка пріятная, — замѣтилъ сосѣдъ, — но очень ужъ устарѣлая. Пріемы, знаете, рыночныя.

— Рыночныя? — съ удивленіемъ повторилъ Альбертъ Ивановичъ. — Рыночныя... Вы меня извините... Я провинціалъ. Какъ же это — музыка рыночная?

— А такъ, очень ужъ дешевыя пріемы... Ну, вотъ, какъ вещи бывають рыночныя, аляповатыя и всякому доступныя, а бывають изящныя, тонкія вещи, тѣ на рынкахъ не продаются, потому что онѣ дороги и доступны не всякому.

— Скажите, пожалуйста!... А я вотъ, какъ провинціалъ, ничего этого не зналъ. Я полагалъ, что музыка всякая одинакова, — играютъ, вотъ и музыка.

Собесѣдникъ посмотрѣлъ на Альберта Ивановича съ сожалѣніемъ, но въ то же время, очевидно, рѣшился оказать ему снисхожденіе.

— Да, — сказалъ онъ, — въ провинціи, конечно... Провинція всегда отстаетъ отъ столицы. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — въ самое недавнее время всѣ такъ думали и съ этимъ приходилось много бороться и теперь еще борются...

Этимъ моментомъ Альбертъ Ивановичъ хотѣлъ воспользоваться, чтобы сказать что-нибудь болѣе близкое къ его личности и такимъ образомъ познакомиться, но въ это время точно изъ земли выросъ дирижеръ, сѣлъ на свое мѣсто и взмахнулъ своей палочкой. Оркестръ заигралъ и сосѣдъ превратился въ слухъ.

Но въ слѣдующемъ антрактѣ сосѣдъ опять остался въ театрѣ. Альберту Ивановичу страшно хотѣлось бурить, но онъ рѣшился

пострадать. И сейчас же, какъ только опустился занавѣсъ, онъ опять вступилъ въ разговоръ. Сперва онъ выразилъ догадку, что сосѣдъ не курить, и это было подтверждено. Затѣмъ онъ высказалъ предположеніе, что сосѣдъ занимается музыкой, на это былъ отвѣтъ:

— Да, я самъ композиторъ, только мои сочиненія не рыночныя...

— А, вотъ какъ! Это очень пріятно!—сказалъ Альбертъ Ивановичъ.

— Ну, знаете, это какъ посмотрѣть!—замѣтилъ сосѣдъ.—Пріятно, пожалуй, но невыгодно. Публика требуетъ музыки, которая походила бы на гармонику, вотъ вродѣ этого. Настоящая музыка еще долго должна бороться, чтобы завоевать себѣ положеніе. И она завоеуетъ, непременно завоеуетъ!—воскликнулъ сосѣдъ и вдохновенно посмотрѣлъ на Альберта Ивановича.

— Я совершенно увѣренъ въ этомъ!—поспѣшилъ согласиться Альбертъ Ивановичъ.—Вы и играете, должно быть?

— О, да. Я, конечно, не специалистъ. Моя специальность совсѣмъ другая...

— А позвольте спросить, какая же ваша специальность?

— Контрапунктъ!—отвѣтилъ сосѣдъ и посмотрѣлъ на Альберта Ивановича такъ просто и спокойно, какъ будто сказалъ самую обыкновенную вещь.

Альбертъ Ивановичъ съ недоумѣніемъ поднялъ голову.

— Контрапунктъ! Это что же, инструментъ такой, вродѣ контрабаса?

Сосѣдъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, это не инструментъ. Это, такъ сказать, теорія музыки, искусство сочинять музыку. Я преподаю контрапунктъ въ одной музыкальной школѣ и кромѣ того пишу рецензіи объ операхъ въ одной газетѣ. Вотъ видите, сколько мнѣ народу кланяется,—это все къ музыкѣ прикосновенные люди. Они меня знаютъ и боятся, потому что я могу ихъ обругать.

Надъ этимъ сообщеніемъ Альбертъ Ивановичъ призадумался. Видъ если онъ затѣялъ этотъ разговоръ съ сосѣдомъ, то единственно потому, что «искалъ человѣка». Онъ думалъ, что такимъ образомъ пріобрѣтетъ перваго знакомаго въ Москвѣ. Но контрапунктъ и рецензентъ—какой же это человѣкъ? А впрочемъ, преподаетъ въ школѣ; можетъ быть, что-нибудь и путное? Оно слѣдовало бы попробовать. Вонъ у него сколько знакомыхъ, каждую

минуту кланяются. Но вотъ вопросъ—съ которой стороны онъ можетъ познакомиться съ нимъ? что ему дѣлать съ контрапунктомъ?

Этотъ вопросъ рѣшалъ онъ въ продолженіе третьяго дѣйствія и очень невнимательно слушалъ пѣціе; но зато у него вдругъ явилась блестящая мысль: вѣдь Валентина играетъ на фортепіано и поетъ. Почему бы ей не поучиться этому самому контрапункту? Можетъ быть, этого совсѣмъ не надо, да и навѣрно не надо. Ну, да потомъ можно бросить. А все-таки знакомый, а за нимъ, можетъ быть, явятся и другіе. Ну, словомъ, что-нибудь выйдетъ.

И послѣ третьяго дѣйствія разговоръ Альберта Ивановича сразу перешелъ на практическую почву.

— Вотъ скажите, пожалуйста, какой случай! — началъ Альбертъ Ивановичъ. — Вотъ вы говорите, что этотъ самый контрапунктъ, то-есть чтобы сочинять музыку, преподаете, а у меня дочь играетъ и, могу сказать, мечтаетъ по этой части... Вотъ если бы вы, — продолжалъ Альбертъ Ивановичъ, замѣтивъ, что сосѣдъ насторожилъ уши. — Если бы взялись обучать ее...

— Контрапункту? — спросилъ сосѣдъ и весь какъ-то оживился и, какъ показалось Альберту Ивановичу, слегка даже выросъ.

— Да, вотъ именно, не возьметесь ли?

— Съ удовольствіемъ... очень пріятно... Но... Но, знаете ли, я долженъ предупредить васъ, что беру не менѣе, какъ по пяти рублей за часъ и что изученіе требуетъ, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю...

— О, не беспокойтесь! Это не играетъ большой роли, — отвѣтилъ Альбертъ Ивановичъ.

Сосѣдъ поспѣшно полѣзъ въ карманъ сюртука, досталъ довольно засаленный бумажникъ, вынулъ оттуда карточку и отдалъ ее Альберту Ивановичу. Альбертъ Ивановичъ сдѣлалъ то же и, такъ какъ въ это время опять пришелъ дирижеръ и уже началъ грозить палочкой, то Альбертъ Ивановичъ, котораго музыка очень мало интересовала и послѣ того, какъ онъ приобрѣлъ не только знакомаго, а и учителя контрапункта, всталъ и началъ прощаться.

— Вы уже уходите? — спросилъ сосѣдъ съ видимымъ сожалѣніемъ.

— Да, знаете, я утомляюсь. Такъ я надѣюсь, — сказалъ Альбертъ Ивановичъ, — завтра же, самое лучшее часовъ въ двѣнадцать утра...

Онъ вышелъ изъ театра и ѣхалъ домой, торопя кучера, потому что везъ въ карманѣ драгоцѣнное приобретеніе: карточку контрапунктиста. Валентина чуть не померла со смѣху, когда узнала, что

ей предстоятъ уроки контрапункта. Но ей такъ надоѣло проводить время въ обществѣ родителей и своемъ собственномъ, что она и на это рѣшилась. Когда Альбертъ Ивановичъ вынулъ изъ кармана карточку и ее прочитали, то оказалось, что новаго знакомаго зовутъ Бсаверіемъ Павловичемъ Ратоборскимъ.

И вотъ на другой день пришелъ Ратоборскій, и Валентина, едва сдерживая смѣхъ, начала учиться контрапункту. Разумѣется, уроки эти были не серьезны и очень скоро переходили въ завтракъ, который Ратоборскій принималъ очень охотно. Но скоро въ домѣ появились новыя личности, большею частью музыканты, пѣвцы, композиторы, потомъ затесался одинъ студентъ, который привелъ другого, а другой—третьяго, затѣмъ появился офицеръ и люди другихъ званій. Одинъ за другимъ, всѣ какъ бы цѣплялись другъ за друга.

А когда созрѣла мысль о вечерѣ съ танцами, то нашлись и дамы, состоявшія съ ними въ разныхъ степеняхъ родства, и мало-помалу особнякъ на Арбатѣ сдѣлался однимъ изъ многопосѣщаемыхъ домовъ въ Москвѣ. И все это пошло отъ контрапунктиста Ратоборскаго.

Сказать, что отъ всѣхъ этихъ знакомствъ Валентина была въ восторгѣ, нельзя. Но все же теперь жизнь была полна шума и движенія. Въ театрахъ, въ концертахъ онѣ уже не сидѣли одиноко на своихъ мѣстахъ, къ нимъ подходили, имъ кланялись, ихъ занимали разговоромъ. Въ особнякѣ на Арбатѣ принимали любезно и хорошо кормили и поили, а эти обстоятельства всегда упрочиваютъ симпатію.

Такъ шла жизнь въ особнякѣ до самаго того момента, пока не случилось совершенно особенное обстоятельство.

У.

Когда Анатолій Александровичъ Вехтинъ пріѣхалъ въ Москву, онъ нашелъ тамъ вполне надежное убѣжище, которое ему устроила тетушка Валерія. Тетушка встрѣтила его на вокзалѣ и повезла въ убѣжище.

Это были двѣ очень маленькія комнатки, которыя отдавала въ наемъ овдовѣвшая жена ремесленника. Тетушка Валерія сама обставила ихъ. Тутъ былъ и ковригъ на стѣнѣ надъ кроватью, и ковригъ у кровати для ногъ и аккуратненькій письменный столъ и даже звѣриная шкура какая-то подъ столомъ. Все это было, разумѣется, дешевое, не новое, купленное по случаю, можетъ быть,

гдѣ-нибудь у Сухаревой башни, но все равно это было и имѣло вполне приличный видъ. Анатолій Александровичъ просто даже умилился отъ всего этого и растроганный обнялъ тетюшку.

— Ахъ, тетюшка! и откуда, какимъ образомъ вы все это достали?

— А это не твое дѣло, Анатолій! — отвѣтила тетюшка Валерія. — Во всякомъ случаѣ можешь быть увѣренъ, что достала я все вполне приличнымъ способомъ. Живи, работай и устраивай свою карьеру.

Рѣшено было, что Анатолій будетъ жить одинъ, а тетюшка Валерія на первое время проживетъ у дальней родни, которую она какимъ-то чудомъ открыла.

Родня эта была по княгинѣ Ольгѣ Андреевнѣ, а значить принадлежала «къ среднему кругу». Никогда Анатолій ничего про нее не слыхалъ. Тетюшка Валерія ни разу не упоминала о ней. И при другихъ обстоятельствахъ она, конечно, гордо прошла бы мимо, но теперь былъ такой случай, ради котораго тетюшка Валерія не останавливалась передъ униженіемъ.

Это былъ профессоръ, по фамиліи Авдановъ; эту же фамилію Ольга Андреевна носила до своего замужества съ княземъ Вехтинымъ. Профессоръ приходился троюроднымъ братомъ ея отцу, значить для нея былъ чѣмъ-то очень далекимъ, а родственное разстояние между нимъ и Анатоліемъ, а тѣмъ болѣе тетюшкой Валеріей, было цѣлой безконечностью.

И тетюшка Валерія никогда не думала объ этой роднѣ, никогда въ жизни не видала профессора, не знала, что въ Москвѣ есть какіе-то Авдановы. Теперь она отыскала профессора, доказала ему, что онъ приходится родней Анатолію, и убѣдила его въ томъ, что онъ долженъ принять участіе въ прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ молодомъ человѣкѣ.

У профессора была семья и никакихъ денежныхъ запасовъ, тѣмъ не менѣе онъ, подъ давленіемъ тетюшкиныхъ убѣдительныхъ рѣчей, добылъ ей двѣсти рублей и она на эти деньги не только сдѣлала Анатолію обстановку, но еще съэкономила рублей шестьдесятъ, которые и вручила ему. «Вотъ тебѣ, Анатолій, на первое время!» — сказала она.

Затѣмъ, конечно, она представила его профессору и ввела его въ домъ. Первое, что увидѣлъ здѣсь Анатолій и чему удивился, было то, что тетюшка необыкновенно привилась въ этомъ домѣ. У нея была какая-то удивительная способность импонировать на людей и даже до извѣстной степени подчинять ихъ себѣ. У профессора

была больная жена; домашнее хозяйство было запущено; прислуга распущена; за дѣтьми плохо смотрѣли. Тетушка Валерія, ни на минуту не роняя своего достоинства, взяла все это въ свои руки и нигомъ все и всѣхъ подтянула. Въ домѣ установился порядокъ. Профессорша, страдавшая нервами и отъ всѣхъ не порядковъ раздражавшаяся, получила покой. Профессоръ и дѣти стали кормиться въ-время и порядочно, прислуга смирилась,—словомъ, съ появленіемъ тетушки Валеріи въ домѣ всѣ почувствовали себя счастливыми.

И все это тетушка дѣлала незамѣтно, ничего не подчеркивая и официально занимая амплуа простой гостыи.

Анатолій тоже здѣсь понравился и скоро сталъ бывать запросто. Но, главное—у профессора было много знакомыхъ и онъ сейчасъ же представилъ его извѣстному адвокату Репкину, который взялъ его къ себѣ въ помощники. Тотчасъ явились мелкіе доходы и тетушкины шестьдесятъ рублей въ его карманѣ не истощались. Но, разумѣется, все это была мелочь, которой хватало на пропитаніе, на плату за квартиру, да на извозчиковъ, и того блестящаго существованія, о которомъ тетушка Валерія мечтала для Анатолія, даже и признаковъ не появлялось.

— Ты потерпи, Анатолій, потерпи, все придетъ! —утѣшительно говорила ему тетушка Валерія.

— Да я, тетушка, нисколько не тороплюсь,—отвѣчалъ Анатолій.—Надо терпѣливо ждать случая. Въ жизни все дѣлается случай.

Тетушка на это усмѣхалась. Случай! Да, конечно, случай... Но его надо найти или сдѣлать. Торопиться незачѣмъ, это правда, но и ждать случая, сложа руки, тоже нельзя.

— Случаевъ, Анатолій, въ жизни бываетъ ограниченное количество, то-есть я говорю о хорошихъ случаяхъ, достойныхъ порядочнаго человѣка, о нихъ только и стоить говорить, и если сидѣть въ бездѣйствіи, то на случай можетъ наскочить кто-нибудь другой, и онъ промелькнетъ мимо твоего носа. Случая надо искать, случай надо создать.

И теперь, какъ и прежде, племянникъ и тетушка, какъ только доходило въ разговорѣ до главнаго предмета, начинали говорить обиняками, но какъ нельзя лучше понимали другъ друга. Тетушка говорила:

— Ты, Анатолій, долженъ какъ можно чаще появляться въ публикѣ, съ твоей наружностью тебя вездѣ замѣтятъ.

И Анатолій не удивлялся и не возражалъ. Онъ былъ совершенно согласенъ съ тетушкой Валеріей, что съ его наружностью его

вездѣ и всегда замѣтять. Но для чего это было нужно, чтобъ его вездѣ замѣтили, какъ выдающееся по наружности явленіе, ни онъ, ни она не объясняли, но оба знали, для чего это нужно. Это были родственныя натуры, которымъ помогала понимать другъ друга, можетъ быть, общая кровь. Разница была только та, что тетушка Валерія относилась къ этому страстно, фанатически, только тѣмъ и жила, что умственными очами смотрѣла въ даль и видѣла тамъ какъ бы нѣкую яркую звѣзду и нетерпѣливо стремилась къ ней, а Анатолій спокойно предоставлялъ жизни самой ковать его судьбу.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ московскаго адвокатства онъ перезнакомился съ многими товарищами и устроилъ себѣ среди нихъ такое же положеніе, какое занималъ въ Петербургѣ среди студентовъ. Всѣ товарищи относились къ нему довѣрчиво, симпатично, всѣ находили, что онъ добрый малый, хотя и тутъ, какъ и тамъ, онъ ничего не предпринималъ для этого и ничѣмъ этого не доказалъ.

Но его адвокатскія дѣла шли слишкомъ ужъ умѣренно. Въ нихъ была какая-то неподвижность. Отъ патрона перепадали къ нему кое-какія мелкія дѣла, но лично къ нему никто не обращался. Ему приходилось бѣгать по мировымъ судьямъ изъ-за какихъ-то ничтожныхъ взысканій въ нѣсколько десятковъ рублей и изъ такихъ мелочей составлялся его бюджетъ.

— Странно, — говорила ему иногда тетушка Валерія, — кажется, въ вашемъ сословіи людей съ титулами не много. Какъ странно, что эти кліенты больше довѣряютъ какому-нибудь Степанову или Федорову, чѣмъ князю Вехтину.

— Э, тетушка, — возражалъ Анатолій, — князьямъ больше довѣряютъ княжескія дѣла, есть такія спеціальныя дѣла. Вотъ, на примѣръ, еслибъ я захотѣлъ имѣть кредитъ въ шикарномъ ресторанѣ, такъ мнѣ довѣрили бы скорѣе, чѣмъ Степанову и Федорову, а тутъ, — тутъ импонировать надо.

— Импонировать?

— Да, тетушка, импонировать. Вездѣ и на каждомъ шагу надо импонировать. А нынче импонируютъ только двѣ вещи: или выдающійся талантъ, если онъ бьетъ ключомъ, такъ что всякій видитъ, или деньги, когда видно, что человѣкъ шагаетъ широко направо и налево и ни въ чемъ не стѣсняется. Деньги идутъ къ деньгамъ, тетушка. Деньги несутъ туда, гдѣ ихъ уже много. Вотъ въ банкахъ много денегъ, туда ихъ и несутъ, и чѣмъ больше въ банкѣ денегъ, тѣмъ охотнѣе туда и несутъ ихъ.

Тетушка Валерія не то чтобы была наивна и не знала настоя-

ею значенія денегъ, но она не знала той части практической жизни, въ которой жилъ и дѣйствовалъ теперь Анатолій. Она смотрѣла на Анатолія и любовалась его хорошимъ ростомъ, стройностью, его красивой, всегда съ сознаніемъ своего достоинства приподнятой головой, его благородными, мягкими и въ то же время увѣренными манерами, и ей казалось, что передъ этими качествами ничто устоять не можетъ. Вѣдь все это было ея созданіе. Она съ девяти лѣтъ вела Анатолія и именно вела къ тому, чтобы все это у него было. И вотъ чѣмъ, думала она, онъ будетъ импонировать, а тутъ оказывается, что импонируетъ совсѣмъ другое.

Впрочемъ, надо и то сказать, что тетюшка Валерія на все это, то-есть на занятіе Анатолія адвокатурой, смотрѣла какъ на временное неизбежное зло. Это ничуть не входило въ то «призваніе», къ которому она выѣстъ съ Аделандой готовила Анатолія и, конечно, не при посредствѣ бѣгання по судамъ онъ долженъ возстановить заглушій родъ князей Вехтиныхъ. И, живя въ Москвѣ уже болѣе полугода, тетюшка Валерія ни на минуту не упускала изъ виду главной цѣли.

Она ничего не предпринимала, потому что ничего и не могла предпринять, но она зорко слѣдила за явленіями окружающей жизни, присматривалась, прислушивалась и старалась уловить то, что ей было надо.

Трудно съ точностью опредѣлить, какимъ образомъ до нея дошли свѣдѣнія о существованіи на Арбатѣ особняка, въ которомъ живетъ поселенинъ Альбертъ Ивановичъ Пфейферъ. Когда всѣ чувства человѣка устремлены на одну точку, то онъ незримо и непонятными для всѣхъ другихъ путями видитъ и чувствуетъ то, чего другіе не замѣчаютъ.

Но къ концу зимы, когда Москва уже стала поговаривать о дачѣ, въ головѣ тетюшки Валеріи была уже идея о существованіи особняка на Арбатѣ. Идею эту она получила гдѣ-то на лету, можетъ быть, и сама не могла сказать гдѣ, и въ самомъ неопредѣленномъ и туманномъ видѣ. Но ужъ ей не трудно было навести справки и она сдѣлала это такъ добросовѣстно, какъ только можетъ сдѣлать фанатикъ своего плана.

Въ переулкѣ, гдѣ стоялъ особнякъ, можно было по временамъ видѣть высокую даму, одѣтую въ скромное черное платье. Она проходила медленно, часто останавливаясь передъ воротами и подъѣздомъ, читая вывѣски и надписи надъ воротами, какъ будто искала квартиру или какую-нибудь портниху. Нѣсколько разъ она присут-

ствовала при выходѣ двухъ дамъ изъ подъѣзда, когда онѣ сѣли въ коляску или сани и уѣзжали въ магазины или къ портнихѣ.

Это былъ чисто-внѣшній осмотръ, но и онъ ужъ кое-что далъ ей. Дальнѣйшимъ шагомъ было вступленіе ея въ нѣкоторое общеніе съ швейцаромъ. Однажды, минутъ черезъ пять послѣ того, какъ она увидѣла, что двѣ дамы уѣхали и, слѣдовательно, была увѣрена, что ихъ нѣтъ дома, она вошла въ подъѣздъ и спросила, дома ли госпожа или мадемуазель Пфейферъ. Швейцаръ, какъ она и ожидала, отвѣтилъ, что онѣ только что уѣхали. Тогда она объявила, что у нея къ нимъ есть дѣло, и выразила сожалѣніе, что не застала ихъ. Но это уже въ глазахъ швейцара давало ей право на нѣкоторые разспросы. Сперва были заданы самые простые вопросы: когда можно застать, когда сдѣлать это лучше, чтобъ не обезпокоить? А потомъ былъ сдѣланъ незамѣтный переходъ къ нѣкоторымъ подробностямъ, и тутъ она узнала, что дамы каждый вечеръ въ театрѣ, что въ домѣ бываетъ много музыки, что народъ все бываетъ разнокалиберный и не настоящій, что живутъ богато, покупаютъ всякія дорогія рѣдкости, картины и т. п.

И послѣ этого разговора съ швейцаромъ у тетюшки Валеріи, какъ вить, завертѣлась въ головѣ мысль, которая прежде никогда даже не могла бы придти ей въ голову. Мысль эту она нѣсколько дней носила въ головѣ, колебалась и даже страдала. Но, наконецъ, сѣла за письменный столъ и написала княжнѣ Аделаидѣ въ деревню письмо. Вотъ это письмо:

«Милая Аделаида, ты можешь изумляться тому, о чемъ я тебя прошу, но все равно, не требуй отъ меня объясненій и исполни какъ можно скорѣй мою просьбу. Ты можешь повѣрить мнѣ, что я надъ этимъ долго думала и страдала. Пока ты и сама можешь догадаться, что это вызывается необходимостью, иначе я не рѣшилась бы на такой важный шагъ, а при свиданіи я все объясню тебѣ. Сдѣлай только такъ, чтобы ничего объ этомъ не знала наша милая княгиня. Къ чему это? Все равно она не пойметъ нашихъ побужденій. Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло: ты, конечно, помнишь ту пару фамильныхъ канделябръ Louis XVI, которые хранятся въ нашемъ сундукѣ на чердакѣ вмѣстѣ съ другими вещами. Ты понимаешь, что для насъ съ тобой имѣютъ цѣнность воспоминанія, ибо это единственныя вещи, оставшіяся отъ нашего прежняго, но для другихъ онѣ не имѣютъ никакой цѣнности, благодаря ихъ разрушенному виду; однако ты мнѣ пришли ихъ, онѣ мнѣ крайне необходимы. Скажу только, что если имъ суждено быть проданными, то это не для корысти, а для болѣе высокой цѣли (постарайся понять меня!) И такъ.

те выражу надежду, что, и будучи проданными, они всетаки не идутъ изъ рода князей Вехтиныхъ. Надѣюсь, что ты меня поймешь, дорогая моя княжна, и поспѣши безъ разспросовъ и колебаній исполнить то, о чемъ я тебя прошу».

Княжна Аделаида не поняла вполнѣ, но смутно догадывалась и, принявъ всѣ предосторожности, выслала Валеріи пару знаменитыхъ фамильныхъ канделябръ.

Это были очень скромныя воспоминанія и надо было очень долго всматриваться въ нихъ и вертѣть ихъ въ рукахъ, чтобы разглядѣть ихъ стиль. Правда, это была старинная бронза, и послѣ того, какъ тетушка Валерія продержала ихъ въ мыльной водѣ сорокъ восемь часовъ, можно было разглядѣть маленькую фигурку Людовика шестнадцатаго; но они были такъ развинчены, расшатаны, погнуты, что пользоваться ими не было никакой возможности.

И вотъ, когда канделябры были приведены въ нѣкоторый порядокъ и бронзѣ былъ возвращенъ блескъ, тетушка Аделаида надѣла свое черное платье и отправилась на Арбатъ. Канделябръ она не захватила съ собой, такъ какъ это могло бы имѣть нищенскій видъ.

Было одиннадцать часовъ утра; у подъѣзда особняка стояла уже коляска. Швейцаръ узналъ свою недавнюю собесѣдницу и тотчасъ объявилъ, что на этотъ разъ обѣ хозяйки дома. Тогда тетушка Валерія вынула свою карточку и отослала ее наверхъ.

Альберта Ивановича уже не было дома; а Дарья Васильевна съ Валентиной сидѣли въ столовой и пили утренній кофе, когда лакей принесъ карточку, на которой было начертано: «Княжна Валерія Константиновна Вехтина».

Эта карточка произвела странное впечатлѣніе на дамъ.

— Княжна Вехтина! — сказала Валентина, прочитавъ карточку: княжна!

— Княжна! — повторила Дарья Васильевна.

Слово это еще ни разу не звучало въ особнякѣ съ тѣхъ поръ, какъ поселились въ немъ Пфейферы. Здѣсь перебивало множество народа, но титулованные какъ-то сюда не попадали. Былъ какъ-то разъ одинъ баронъ, но онъ очень скоро попросилъ у Альберта Ивановича взаймы сто рублей и, получивъ ихъ, исчезъ навсегда.

И «княжна Вехтина» прозвучало подъ сводами особняка и произвело пріятное впечатлѣніе. Дарья Васильевна была еще въ капотѣ и потому пошла пріодѣться; но Валентина, которая презирала манжеты и всегда одѣвалась какъ слѣдуетъ съ утра, была одѣта было и изящно для выѣзда. Она вышла въ гостиную и приняла визиту.

Первое впечатлѣніе отъ княжны Вехтиной было несомнѣннѣ благопріятное. Высокая, тонкая и худощавая, съ крупными чертами лица, вся въ черномъ, она вносила съ собой что-то строгое и подавляющее; но какъ только она заговорила, въ ея голосъ, манерахъ, улыбкѣ явилось что-то мягкое, благородное, и первое впечатлѣніе разсѣялось.

— Вамъ угодно видѣть мою маму? она сейчасъ войдетъ! — сказала Валентина, почему-то слегка краснѣя и заминаясь. — Садитесь, пожалуйста.

Тетушка Валерія наклонила голову и сѣла.

— Я могу и вамъ объяснить мое дѣло, — сказала она, но если ваша мама выйдетъ скоро, то я лучше подожду.

И такъ какъ было минуты три ожиданія и нужно было ихъ наполнить, то княжна Валерія позволила себѣ нѣкоторые невинные разспросы:

— Вы вѣдь въ Москвѣ всего нѣсколько лѣтъ? — спросила она.

— Да, еще нѣтъ трехъ лѣтъ, — отвѣтила Валентина.

— Вамъ, должно быть, очень нравится Москва... вѣдь у васъ много знакомыхъ...

— О, да... очень много...

— Когда много друзей, то мѣсто вѣдь не играетъ роли; тогда вездѣ хорошо! — съ серьезной улыбкой изрекла Вехтина и замѣтила, что послѣ этого изреченія лицо дѣвушки сдѣлалось на минуту задумчивымъ.

— Друзей? — какъ-то непроизвольно воскликнула Валентина. — Но знакомые еще не друзья.

— О, вы такъ прелестны, что навѣрное всякій знакомый посчитетъ за честь поскорѣй сдѣлаться вашимъ другомъ.

— Вы очень любезны, княжна! — скромно сказала Валентина, — но друзей вѣдь надо выбирать осторожно и это очень, очень трудно...

Въ тонѣ, какимъ говорила дѣвушка, слышалась легкая грусть, и княжна Валерія приняла это къ свѣдѣнію.

«У нихъ много знакомыхъ, но эти знакомые идутъ на богатство. У нихъ нѣтъ друзей, и это видно!» — подумала она.

— У васъ вѣдь очень разнообразный кругъ знакомыхъ! — сказала она вслухъ.

— Д-да. Очень... очень! даже слишкомъ! — вырвалось у Валентины и она сама очень удивилась, почему это у нея вырвалось передъ женщиной, которую она видитъ въ первый разъ и даже еще не знала, зачѣмъ она пришла. Было въ ея тонѣ что-то необычно-

итно благородное и чистоплотное, вызывавшее на прямоту. — А вотъ и мама! — сказала Валентина, когда въ гостиную вошла Дарья Васильевна.

Княжна Валерія встала, поклонилась и промолвила:

— Княжна Вехтина!

Дарья Васильевна съ своей стороны пригласила ее сѣсть и сама сѣла.

Княжна Вехтина заговорила:

— Хотя мы и не знакомы, но вы, вѣроятно, слышали мою фамилию... Я ношу древнее имя, которое въ свое время гремѣло.

— Да, — сказала Дарья Васильевна, желая оказать гостѣмъ любезность. — Я слышала.

Княжна Валерія продолжала:

— Наши предки разорились, когда я была ребенкомъ, и съ тѣхъ поръ мы уже не подымались. Однако, я отнимаю у васъ время и говорю совсѣмъ не о томъ, зачѣмъ пришла. Видите, до меня дошелъ слухъ, что вы очень цѣните старинныя стильныя вещи и, такъ какъ у меня сохранились двѣ фамильныхъ вещицы, несомнѣнно стариннаго происхожденія, то я и рѣшилась предложить ихъ вамъ; можетъ быть, онѣ вамъ и понравятся и вы ихъ купите?

— А какія же вещи? — спросила Дарья Васильевна.

— Это двѣ пары бронзовыхъ канделябръ стиля Louis XVI... Я и принесла ихъ съ собой, потому что не была увѣрена въ вашемъ желаніи пріобрѣсти ихъ, но если вамъ будетъ угодно посмотрѣть, то я могу прислать ихъ.

Предложеніе это было для дамъ неожиданностью. Случалось покупать картины, которыя приносили въ домъ, но о канделябрахъ еще никогда не думали.

— Я ничего не могу сказать вамъ, — промолвила Дарья Васильевна, потому что дома нѣтъ мужа. — Сама я въ этомъ ничего не понимаю. Можетъ быть, вы будете такъ любезны и зайдете, когда мужъ будетъ дома?... Онъ любить старинныя вещи. Вы застанете его часовъ въ пять.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала княжна Вехтина, поднявшись, лучше пришлю ихъ. — Вашъ мужъ разсмотритъ и, когда я найду, мы можемъ говорить о вещахъ, которыя уже оба знаемъ.

— Пожалуйста.

— Вамъ привезетъ ихъ мой племянникъ, князь Анатолій Александровичъ Вехтинъ. Это молодой человекъ, всего только годъ какъ кончилъ университетскій курсъ въ Петербургѣ. Онъ адвокатъ... Разумѣется, эта продажа не имѣетъ къ нему никакого от-

ношенія. Онъ даже не знаетъ о существованіи этихъ канделябръ. Но дѣло въ томъ, что въ бѣдности вѣдь нѣтъ ничего постыднаго, когда ее несутъ съ честью. Не правда ли?

И высказавъ эту глубокую мысль, княжна Валерія Вехтина съ достоинствомъ поклонилась и ушла. Этотъ визитъ произвелъ въ особнякѣ на Арбатѣ глубокое впечатлѣніе, какого и сама тетушка Валерія не ожидала. Какой-то новый тонъ пронесся по комнатамъ, иной, совсѣмъ не тотъ, къ какому привыкли стѣны особняка. Вотъ бѣдная женщина, — бѣдность ея велика, если она должна продавать фамиліи вещи, которыми она дорожитъ; но съ какимъ достоинствомъ она это дѣлаетъ! Ни жалостнаго вида, ни унижительныхъ просьбъ! Она словно дѣлаетъ честь тому, кому продаетъ ихъ.

Въ тотъ же день тетушка Валерія зашла на квартиру Анатолія. Она пришла къ нему въ семь часовъ, когда онъ обыкновенно послѣ обѣда отдыхалъ дома. Она вообще очень рѣдко посѣщала племянника, руководясь соображеніемъ, что не слѣдуетъ стѣснять молодого человѣка дамскими визитами.

Поэтому Анатолій радостно вскочилъ съ дивана и привѣтствовалъ ее самыми искренними восклицаніями удовольствія.

— Я не позволила бы себѣ беспокоить тебя безъ дѣла, Анатолій! — сказала тетушка Валерія. — У меня есть дѣло и, пожалуй, если хочешь, важное.

— Вы меня пугаете, тетушка!

— Тутъ нечего пугаться. Видишь ли, я расскажу тебѣ только суть дѣла. Ты исполни мою просьбу и не добивайся, какъ и почему. У меня явилось одно такое обстоятельство, для котораго нужны деньги — небольшая сумма, но въ нашемъ положеніи и ее негдѣ достать.

— Помилуйте, тетушка... — хотѣлъ было возразить Анатолій.

— Нѣтъ, ты не перебивай меня и слушай, — остановила его тетушка Валерія. — У меня нашелся одинъ ресурсъ, правда, непріятный, но что же дѣлать? Притомъ не надо ничего преувеличивать, а надо все дѣлать спокойно. У меня отыскалась пара фамиліиныхъ канделябръ Louis XVI, которую мы съ Аделандой хранили много лѣтъ, какъ остатокъ... ну, понимаешь, какъ воспоминаніе... И вотъ ихъ-то я и рѣшилась продать.

— Но, тетушка...

— Нѣтъ, Анатолій, ты слушай. Я нашла на нихъ покупателей; тутъ одинъ домъ... Очень богатые люди... очень, очень богатые, я это знаю навѣрное... Но не изъ общества... Но это все равно. Я была у нихъ и предложила... Но ты понимаешь, что по-

любимыя вещи не имѣютъ опредѣленной цѣны. Для меня онѣ драгоценны, а для другихъ ничто. Поэтому надо придать имъ условную цѣнность, — надо, чтобы люди видѣли, что эти вещи идутъ дѣйствительно изъ хорошей старой фамиліи.

— Но почему же они могутъ сомнѣваться, тетушка?

— Ну, мало ли что эти люди могутъ подумать? Пришла дама, положимъ, во всѣхъ отношеніяхъ приличная, но вѣдь имъ можетъ придти въ голову, что здѣсь есть какой-нибудь обманъ; но если они увидятъ, что дама не одинока, что есть еще лицо, носящее ту же фамилію, ты понимаешь, тогда у нихъ явится увѣренность.

— Въ чемъ же собственно дѣло, тетушка?

— Я хочу, чтобы ты взялъ на себя трудъ отвезти канделябры въ этотъ домъ. Ты отвезешь и оставишь имъ вещи съ своей карточкой, конечно... Вотъ и все.

— Удобно ли это, тетушка?

— Удобно. Я тебя увѣряю, что удобно. Право же, Анатолій, я немногаго отъ тебя прошу.

У тетушки уже сталъ появляться тонъ горькаго упрека, поэтому Анатолій, у котораго въ душѣ все протестовало противъ ея просьбы, поспѣшилъ согласиться.

Было условлено, что завтра утромъ тетушка Валерія сама привезетъ канделябры, а Анатолій въ половинѣ одиннадцатаго отвезетъ ихъ. Можетъ показаться страннымъ, что тетушка выбрала именно тотъ часъ, когда, какъ ей вчера стало достовѣрно извѣстно, Альберта Ивановича не бываетъ дома. Но это ужъ ея дѣло, — она, конечно, знала, почему избрала этотъ часъ.

VI.

Въ глубинѣ души Анатолій былъ всетаки не согласенъ съ тетушкой; ему даже казалось непонятнымъ, какъ она могла прибѣгнуть къ его помощи. Что такое эта продажа канделябровъ? Это какое-то нарочитое подчеркиваніе ихъ бѣдности. Ну, положимъ, она, ей уже нечего терять и лично для себя не къ чему стремиться; но отъ совсѣмъ въ другомъ положеніи. Онъ только начинаетъ свою карьеру и притомъ съ большими надеждами на будущее и вдругъ онъ везетъ въ богатый домъ какіе-то старые канделябры для продажи.

Что касается вопроса о томъ, для чего именно тетушкѣ Валеріи понадобилось продавать канделябры и почему именно канделябры, а не что-нибудь другое, то хотя объ этомъ не было сказано ни

слова, но Анатолій какъ-то не находилъ въ себѣ для этого даже вопроса. Это было какое-то странное состояніе мозга, онъ и не зналъ зачѣмъ, и какъ будто это знаніе жило въ немъ испоконъ вѣка и во всѣ времена. Онъ это чувствовалъ. Поэтому онъ не спрашивалъ себя и не искалъ отвѣта.

Однако-жъ онъ слишкомъ уважалъ тетюшку и слишкомъ былъ ей обязанъ, чтобъ не исполнить ея желанія, поэтому онъ рѣшилъ съѣздить на Арбатъ.

И вотъ въ половинѣ одиннадцатаго утра онъ взялъ плотно завернутую въ бумагу ношу, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ на Арбатъ.

— Дома господинъ Пфейферъ?—спросилъ онъ у швейцара.

— Ихъ нѣту, а госпожи дома!—отвѣтилъ швейцаръ.

Анатолію собственно не были нужны «госпожи», да и вообще его роль, повидимому, должна была заключаться въ томъ, чтобы оставить у швейцара свертокъ и сказать, что это, молъ, для господина Пфейфера, но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ сказалъ себѣ: «швейцаръ перепутаетъ, растеряетъ, задержитъ, я долженъ отдать въ руки». И, рѣшивъ такимъ образомъ, онъ вынулъ карточку и попросилъ отнести ее дамамъ.

Это былъ тотъ же самый часъ, въ который вчера была принесена въ столовую карточка книжны Валеріи Вехтиной. Такъ же, какъ и вчера, дамы пили въ столовой утренній кофе, Дарья Васильевна въ капотѣ, а Валентина въ выѣздномъ платьѣ. Но сегодня на карточкѣ было написано: «князь Анатолій Александровичъ Вехтинъ».

— Они что-то привезли съ собой,—пояснилъ лакей,—и желаютъ лично вручить.

— Однако, странный князь, продаетъ какіе-то старые канделябры!—сказала Валентина, и въ голосъ ея явно прозвучало пренебреженіе.—Должно быть, очень ужъ захудалый.

Но Дарья Васильевна смотрѣла на это дѣло мягче. Она сама происходила изъ семьи, которая въ давнее время, по всей вѣроятности, была богата, и ей самой, прежде чѣмъ выйти за Альберта Пфейфера, приходилось продавать не то что канделябры, но и старые башмаки, и она заступилась за князя Вехтина.

— Мало ли что бываетъ, Валентина! Дѣти не виноваты въ томъ, что ихъ отцы не умѣли жить, разорились и имъ не оставили ничего. Все-таки онъ князь и его надо принять. Мы принимаемъ всякій народъ, иногда даже не знаемъ, кто и что. А тутъ все-таки видно, что человѣкъ не съ улицы.

— Я приму его,—сказала Валентина,—только ты поскорѣй одѣвайся и выходи.

Пренебреженіе, съ которымъ Валентина относилась къ ожидаемому ее въ гостинной князю, вовсе не было доказательствомъ того, что она гордилась своимъ богатствомъ и презирала бѣдность. Это чувство ей не было свойственно. Къ своему богатству она привыкла, какъ къ воздуху, потому что всегда, съ самыхъ пеленокъ, была окружена имъ. Сердце же у нея было не злое, а душа проста.

Но за два съ лишнимъ года жизни въ Москвѣ она насмотрѣлась на всѣхъ этихъ людей, «бывшихъ» нѣкогда и тѣмъ и другимъ, а теперь въ сущности представлявшихъ изъ себя ничтожество. И всѣ они ни за что не хотѣли вести себя такъ, какъ было бы свойственно ихъ положенію. Никто изъ нихъ не хотѣлъ прямо признать въ своей бѣдности и въ своемъ ничтожествѣ, и потому всѣ ютились, кичились какими-то несуществующими достоинствами и были на каждомъ шагу неестественны.

Въ ихъ домѣ было слишкомъ много такихъ людей и всѣ они въ сущности смотрѣли на этотъ домъ, какъ на мѣсто, гдѣ можно обогрѣться, поѣсть, попить, а нерѣдко и прихватить денегъ. Молодые люди и на нее смотрѣли, какъ на возможность обогатиться. Она была богатая невѣста, это прежде всего. И никто изъ ихъ молодыхъ гостей не отказался бы жениться на ней, хотя о какомъ бы то ни было чувствѣ ни съ однимъ изъ нихъ не было рѣчи. И это общество съ каждымъ днемъ все больше и больше тяготило ее и становилось ей противно.

Поэтому и захудалого князя, привезшаго для продажи канделябры, она тотчасъ причислила къ этому роду людей и, когда она собиралась выйти въ гостиную, она почему-то представила себѣ его маленькимъ, худенькимъ, одѣтымъ въ плохой, поношенный пиджачокъ съ чужого плеча, и ей уже видѣлось, какъ онъ будетъ стараться скрыть свою бѣдность, ломаться и корчить великаго человека.

Анатолій юшелъ въ гостиную, положилъ свою ношу на столикѣ съ драгоценной перламутровой доской и самъ сталъ въ сторонѣ, какъ человекъ, почти не причастный къ самой ношѣ. Стоя на мѣстѣ, не дѣлая ни шагу, онъ обводилъ взорами большую комнату и стоялъ черезъ рядъ открытыхъ дверей въ глубину длинной анфилады.

Большое богатство выглядывало здѣсь изъ cadaго угла, изъ каждой вещицы, и вмѣстѣ съ нимъ во всемъ видно было какое-то невѣроятное отсутствіе вкуса. Самъ Анатолій никогда не пользовался обстановкой, въ которой было бы много вкуса, но въ той скромной обстановкѣ, гдѣ жилъ онъ, по крайней мѣрѣ, не было до-

пускаемо предметовъ, которые были бы въ глаза своимъ безвкусиемъ. Въ Петербургѣ же онъ бывалъ въ домахъ, которымъ никакъ нельзя было отказать въ обладаніи изящнымъ вкусомъ. Притомъ же это было ему врождено, по крайней мѣрѣ, такъ думалъ онъ самъ.

Здѣсь на стѣнахъ висѣли во множествѣ большія картины, одна около другой, залѣпляя всѣ четыре стѣны и превращая комнату въ музей. Да и самые сюжеты никакъ не гармонировали съ мирнымъ назначеніемъ комнаты и были плохо скомбинированы. Рядомъ съ nature morte, изображавшимъ какіе-то рыцарскіе доспѣхи, кровавая охота на кабановъ, тутъ же изящный букетъ изъ весеннихъ цвѣтовъ, рядомъ какая-то красавица и около нея фламандскій пейзажъ со стадомъ отдыхающихъ коровъ. Дорогія вещи были поставлены здѣсь единственно потому, что онѣ были дороги. Множество вычурныхъ столиковъ, цѣлый магазинъ креселъ самыхъ разнообразныхъ стилей, какой-то сомнительный гобеленъ. А иногда среди дѣйствительно стоящихъ вещей попадалась грубая поддѣлка, которая, очевидно, была принята за настоящую цѣнность.

Но что больше всего поражало Анатолия—это полное отсутствіе уютиности и настоящаго удобства. Какъ-то не хотѣлось оставаться здѣсь долго, не манило посидѣть и отдохнуть. Очевидно, для созданія удобства и уютиности недостаточно денегъ и желанія, а нужно еще что-то третье.

Портьера надъ дверью раздвинулась, и въ гостиную вошла Валентина. Анатолій быстрымъ взглядомъ осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы и сразу, не колеблясь, призналъ ее красивой.

Съ своей стороны и Валентина, повидимому, встрѣтивъ совсѣмъ не то, что она заранѣе представила себѣ, какъ-то невольно на секунду остановилась на порогѣ. Она увидѣла высокаго стройнаго молодого человѣка, одѣтаго вполне корректно, и, еще не разглядѣвъ хорошо его лица, такъ какъ была слегка близорука, упрекнула себя за тѣ мысли, которыя только что передъ этимъ были въ ея головѣ.

Она кивнула ему головой и промолвила:

— Простите, пожалуйста, вамъ придется нѣсколько минутъ подождать. Отца нѣтъ дома, а мама сейчасъ выйдетъ.

Анатолій съ своей стороны привѣтствовалъ ее поклономъ.

— Но я нисколько не тороплюсь,—сказалъ онъ.—Притомъ же моя роль такъ проста, что я могу выполнить ее сейчасъ же. Мнѣ поручено передать вамъ этотъ свертокъ—и больше ничего.

— Садитесь, пожалуйста,—промолвила Валентина, которой просто хотѣлось лучше рассмотреть гостя. Она прибавила:—но

мы, вѣроятно, знаете, что такое тутъ, въ сверткѣ? Вѣдь это ваша тетушка была у насъ?

— О, да, это нисколько не тайна. Тамъ какіе-то канделябры, которыхъ, впрочемъ, я не видалъ и потому не могу судить о ихъ достоинствахъ. Они явились на свѣтъ гораздо раньше меня и лежали гдѣ-то въ сундукѣ, такъ что я не могу дать имъ никакой рекомендаціи.

Анатолій говорилъ довольно гладко и на губахъ его играла шутливая усмѣшка. Они сидѣли другъ противъ друга и прямо смотрѣли другъ на друга. Валентина задавала ему вопросы, но не изъ любопытства, а единственно, чтобы задержать его, пока придетъ Дарья Васильевна, чтобы и ей показать этого страннаго князя, привезшаго для продажи канделябры.

Да, онъ странный. Такихъ она еще не видала. Почти всѣ, кто бывалъ въ ихъ домѣ, съ перваго же знакомства слегка отталкивали ее. Всякій разъ она старалась заинтересоваться новымъ человекомъ, но какъ-то не находила въ немъ матеріала. Въ нихъ недоставало чего-то такого, что, помимо старанія, располагаетъ въ пользу человека. Потому она привыкала къ нимъ.

Валентина и сама не знала, что это за качество, котораго имъ недостаетъ, но у этого молодого человека, должно быть, есть это качество, потому что онъ сразу вызывалъ къ себѣ симпатію. Можетъ быть, это была необыкновенная простота, съ которой онъ говорилъ о вещахъ не совсѣмъ обыкновенныхъ, о вещахъ, съ которыми принято стѣсняться.

— Это, конечно, очень жаль, что приходится заниматься продажей фамильныхъ вещей, — съ прежней шутливой усмѣшкой говорилъ Анатолій, — но, очевидно, моей тетушкѣ нужны деньги, а передъ этимъ обстоятельствомъ пасуютъ всѣ фамильныя гордости.

— А вы развѣ не хотите помочь своей тетушкѣ? — спросила Валентина, какъ-то совсѣмъ не сообразивъ, что предлагаетъ щедотливый вопросъ, но тотчасъ же послѣ того, какъ сказала, она сообразила это и покраснѣла.

Анатолій же не только не смутился, а разсмѣялся такимъ веселымъ смѣхомъ, какъ будто это была простая милая шутка.

— Очень даже хочу, но... мое адвокатство еще только въ пеленкахъ, а отъ обширныхъ въ свое время владѣній моихъ знаменитыхъ предковъ остался только экстрактъ въ видѣ шести десятинъ усадебной земли съ нѣсколькими вязами и тополями. Впрочемъ, я думаю, что нѣтъ ничего постыднаго въ томъ, чтобы продать вещь, зашѣ действительно принадлежащую; тетушка это и дѣлаетъ.

— Конечно, конечно! — съ горячностью воскликнула Валентина, — но это, вѣроятно, всегда жаль.

— Да, тетушка моя, воспитанная въ старосвѣтскихъ понятіяхъ, должно быть, страдала, но я получилъ эти понятія изъ третьихъ рукъ, какъ нѣчто записанное кѣмъ-то давно для памяти, и именно получилъ отъ тетушки моей, княжны Валеріи, которую вы вчера видѣли, и во мнѣ это уже не вызываетъ такого глубокаго чувства.

Затѣмъ онъ вдругъ поднялся и началъ раскланиваться.

— Мнѣ кажется, что мнѣ больше не зачѣмъ отнимать у васъ время. Будьте добры, не откажитесь передать эти вещицы вашему отцу.

Валентина тоже поднялась и, несмотря на то, что ей хотѣлось задержать его до выхода Дарьи Васильевны, она не находила для этого достаточнаго повода, а просто остановить его ей казалось неудобнымъ. Но въ то самое время, когда онъ раскланивался, вышла Дарья Васильевна. Анатолій, который уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, на секунду остановился и поклонился ей.

— Это князь Вехтинъ, мама! — сказала Валентина.

Дарья Васильевна подошла ближе къ нему и протянула ему руку.

— Я имѣла удовольствіе вчера познакомиться съ вашей тетушкой. Бѣ сожалѣнію, и сегодня моего мужа нѣтъ дома.

— Но я думаю, что это не къ спѣху и вашъ супругъ успѣетъ разсмотрѣть... Я собственно только и хотѣлъ передать вамъ вещи. Мое почтеніе!

Анатолій поклонился обѣимъ дамамъ и вышелъ. Этимъ кончился его визитъ въ особнякъ на Арбатѣ.

Когда онъ спускался внизъ по лѣстницѣ, то весьма явственно чувствовалъ, что произвелъ на дамъ самое благопріятное впечатлѣніе. Съ одной стороны онъ привыкъ производить благопріятное впечатлѣніе и это ему не стоило никогда никакихъ усилій; съ другой стороны — онъ видѣлъ это на ихъ лицахъ.

Отсюда онъ поѣхалъ прямо къ профессору и прошелъ въ комнату тетушки.

— Я исполнилъ ваше порученіе, тетушка, — сказалъ онъ послѣ того, однако-жъ, когда тетушка Валерія притворила дверь.

— Мерси, Анатолій! Какъ же ты нашелъ этотъ домъ?

— Домъ, это слишкомъ много, тетушка. Я не такъ ужъ нахаленъ, чтобъ, явившись съ такимъ простымъ порученіемъ, сразу заняться столь глубокимъ изслѣдованіемъ.

— Я хочу сказать, какъ понравились тебѣ хозяева?

— То-есть хозяйки? Онѣ прелестны. Дѣвица, съ которой я говорилъ четверть часа, красива и мила, какъ сказочная принцесса. Даже непонятно, какимъ образомъ гдѣ-то въ глухой провинціи, отъ какого-то нѣмца могло родиться такое совершенство. Въ самомъ дѣлѣ, она очаровательна!

— Они очень богаты, Анатолій.

— Но вѣдь это они, тетушка, а не мы съ вами! — смѣясь сказалъ Анатолій. — Но скажите, тетушка, можетъ быть, теперь уже можно поднять завѣсу надъ этой тайной. Зачѣмъ вамъ понадобилось продавать эти канделябры? Вѣдь вы выписывали ихъ изъ нѣдръ вехтинскаго майората, то-есть изъ деревни?

— Мнѣ просто нужны деньги, Анатолій.

— Просто, тетушка?

— Просто, Анатолій.

— И вы думаете, что эти люди такъ наивны, что дадутъ вамъ большія деньги?

— Я не рассчитываю на ихъ наивность.

— А на что же?

— На судьбу! — сказала тетушка, задумчиво глядя куда-то въ пространство. — На судьбу, которая должна же когда-нибудь быть справедливой.

— А! — смѣясь воскликнулъ Анатолій, — ...и поправить свою ошибку?

— Да, ошибку... по отношенію къ нашей фамиліи... Ты завтракаешь у насъ, Анатолій? — прибавила тетушка, считая, можетъ быть, что уже слишкомъ ясно высказала свою мысль.

— Если меня пригласятъ, — отвѣтилъ Анатолій, никогда не настаивавшій на томъ, чтобы тетушка высказалась яснѣе.

— Пойдемъ, тамъ уже собираются. Ахъ, да, я не спросила тебя: какъ тебѣ показалось, ты произвелъ на нихъ хорошее впечатлѣніе?

— Да вѣдь вы знаете, тетушка, что у меня нѣтъ никакихъ другихъ талантовъ, кромѣ этого.

— А вѣдь это очень, очень важный въ жизни талантъ, Анатолій!

УП.

Какъ это ни странно, но посѣщеніе Анатоліемъ Вехтиннымъ особняка на Арбатѣ произвело въ особнякѣ нѣкоторый беспорядокъ, нѣкоторое нарушеніе обычнаго теченія жизни.

Прежде всего, конечно, Альбертъ Ивановичъ развернулъ свер-

токъ и началъ разсматривать канделябры. Они были несложны и въ свое время, когда были новые, не претендовали на значеніе какого-нибудь выдающагося произведенія искусства и стоили, должно быть, немного. Теперь же они были въ такомъ видѣ, что едва ли изъ нихъ можно было сдѣлать какое-либо практическое употребленіе. Подсвѣчники были искривлены и смотрѣли какъ-то врозь, накладная бронза во многихъ мѣстахъ поотстала, царапала руки и звенѣла; но если отдать ихъ мастеру починить, то, пожалуй, они представлятъ изъ себя кое-что.

Но главное дѣло было не въ этомъ, а въ томъ, что обѣ дамы — и Дарья Васильевна и Валентина, въ одинъ голосъ утверждали, что князь Вехтинъ прекрасный молодой человѣкъ. Дарья Васильевна находила, что онъ красивъ, статенъ и необыкновенно изященъ, а Валентина заявила, что онъ находчивъ и интересенъ и что она не замѣтила, какъ проговорила съ нимъ четверть часа.

Ни та, ни другая не дѣлали изъ этого никакихъ выводовъ. Валентина только прибавляла, что среди ихъ множества знакомыхъ нѣтъ никого, съ кѣмъ можно было бы сравнить князя Вехтина.

— Онъ совсѣмъ, совсѣмъ на нихъ не похожъ, онъ совсѣмъ въ другомъ родѣ!

Альбертъ Ивановичъ видѣлъ, что молодой человѣкъ принадлежитъ къ такому роду молодыхъ людей, какихъ пріятно видѣть въ своемъ домѣ. А такъ какъ у него почти въ теченіе трехъ лѣтъ московской жизни составила особаго рода привычка всякаго человѣка, съ которымъ онъ входилъ въ малѣйшее соприкосновеніе, тащить къ себѣ въ домъ, то естественно, что послѣ такихъ восторженныхъ отзывовъ у него въ головѣ неотвязно закрутилась мысль о томъ, какъ бы познакомиться съ княземъ Вехтинымъ и получить его въ качествѣ гостя въ особнякѣ.

Въ сущности сдѣлать это было чрезвычайно легко. На карточкѣ Анатолія былъ приписанъ его адресъ. Значить, вмѣсто того, чтобы написать княжнѣ, какъ она просила, надо просто съѣздить самому къ молодому князю.

Само собой разумѣется, что вопросъ о покупкѣ канделябръ этихъ самымъ рѣшался въ положительномъ смыслѣ и, конечно, о цѣнѣ не будетъ даже разговора: что спросятъ, то и дать надо. Не могутъ же за эти разбитые куски бронзы спросить столько, чтобы это было ему не по средствамъ. Но князь Вехтинъ — древняя фамилія, его пріятно будетъ принимать въ особнякѣ. Ужъ это, навѣрное, будетъ настоящее украшеніе его дома.

И Альбертъ Ивановичъ, не сказавъ о своемъ рѣшеніи дамамъ,

однажды въ свой обычный утренній часъ отправился по адресу, написанному на карточкѣ Анатолія.

Жилъ Анатолій со двора и лѣстница къ нему вела узкая, хотя довольно чистая; но Альбертъ Ивановичъ изъ этого не сдѣлалъ никакого новаго заключенія. Онъ зналъ, что князь Вехтинъ бѣденъ, потому у него было доказательство въ видѣ пары канделябръ; но онъ, отыскивая знакомыхъ, никогда не искалъ богатства, которое у него было свое. Онъ просто видѣлъ, что это знакомство освѣтитъ ихъ кругъ и доставитъ удовольствіе Валентинѣ.

Думалъ ли онъ при этомъ о чемъ-нибудь другомъ, забиралась ли его мысль дальше и глубже, напримѣръ, въ ту воображаемую область, гдѣ Валентина могла явиться княгиней, а онъ самъ княжескимъ тестемъ,—этого сказать съ достовѣрностью нельзя. Скорѣе всего подобная перспектива чувствовалась имъ, какъ отцомъ прекрасной дѣвицы, которой онъ желалъ самаго лучшаго будущаго, но едва ли на этотъ счетъ были опредѣленные планы именно въ тѣ минуты, когда онъ подымался по лѣстницѣ въ квартиру Анатолія Вехтина. Онъ позвонилъ, вышла вдова ремесленника, онъ далъ ей свою карточку и терпѣливо ждалъ на площадкѣ лѣстницы.

Было десять съ небольшимъ часовъ утра. Анатолій недавно поднялся съ постели и въ комнатѣ у него былъ еще безпорядокъ.

— А,—сказалъ онъ, взглянувъ на карточку,—это очень пріятно! Просите.

Онъ рѣшилъ не стѣсняться безпорядка и только слегка притворилъ дверь въ спальню. Вошелъ Альбертъ Ивановичъ.

— Извините,—сказалъ Анатолій, у меня еще не прибрано,—такой ранній часъ...—Садитесь пожалуйста, я уже имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашей супругой и бесѣдовать съ вашей дочерью. Тѣсно вато у меня, не правда ли? Вы, вѣроятно, по поводу знаменитыхъ канделябръ моей тетушки?—прибавилъ онъ со своей обычной веселой усмѣшкой, которая усиливала симпатичность его лица и голоса и какъ бы сразу приближала къ нему собесѣдника.

— Да, да, вотъ именно, отчасти. Мнѣ и вообще пріятно познакомиться! не столь увѣреннымъ тономъ, какъ Анатолій, сказалъ Альбертъ Ивановичъ.

Можетъ показаться страннымъ, а межъ тѣмъ это такъ, что такой почтенный по возрасту человекъ, опиравшійся на миллионное состояніе и имѣвшій полную возможность привыкнуть къ всеобщему уваженію, чувствовалъ себя стѣсненнымъ, почти робѣлъ, будучи лицомъ къ лицу съ этимъ молодымъ человекомъ, у котораго

не было ни денегъ, ни какого-нибудь выдающагося положенія. Отчасти тутъ, разумѣется, играло роль всегда таившееся въ глубинѣ души Альберта Ивановича сознание своего «поселянства» и также скуднаго образованія. Но было что-то во взглядѣ Анатолія, — какая то смѣлая прямота и увѣренность, съ которою онъ смотрѣлъ въ глаза собесѣдника. Онъ хорошо усвоилъ уроки тетушекъ — Валеріи и Аделандъ, которые онъ преподавали ему съ дѣтства всегда и на каждомъ шагу.

«Когда говоришь съ человѣкомъ, — такъ проповѣдовали ему тетушки, — никогда не забывай, что ты выше его; держи голову высоко, смотри на него свысока и, даже если передъ тобой человѣкъ, который дѣйствительно выше тебя, ты все-таки держи себя такъ, какъ будто ты выше его. Ничто такъ не покоряетъ людей, какъ легкое презрѣніе къ нимъ».

Анатолій людей не презиралъ и презрѣнія не хотѣлъ показывать имъ, но это была манера, которую онъ усвоилъ и примѣнял уже безсознательно.

— Мнѣ тоже очень пріятно! — сказалъ онъ, — но если вы хотите получить какія-нибудь свѣдѣнія, касающіяся этихъ канделябръ, то я тутъ безсиленъ. Я не имѣю о нихъ ни малѣйшаго понятія.

— О, нѣтъ, что-жъ... — поспѣшно возразилъ Альбертъ Ивановичъ, тутъ нечего много говорить... — Вещицы обладаютъ достоинствами... Ихъ, конечно, надо будетъ исправить, но это не важно. Вашей тетушкѣ остается сказать цѣну, какую онъ желаютъ получить, и мы сойдемся... А позвольте спросить, вы сами москвичъ?

— Нѣтъ, я скорѣе петербуржецъ, хотя и это не совсѣмъ такъ, — отвѣтилъ Анатолій; — родился я въ нашей усадьбѣ, гимназію прошелъ въ губернскомъ городѣ, а университетъ окончилъ въ Петербургѣ.

— А, такъ вы въ Москвѣ такой же гость, какъ и мы! А ваша усадьба, позвольте спросить, находится далеко отсюда?

Анатолій разсмѣялся съ той заразительной добродушной веселостью, которая и у собесѣдника, еще не знавшаго, въ чемъ дѣло, вызывала улыбку.

— Наша усадьба... едва ли къ ней подходитъ это названіе. Старый, наполовину разрушенный домъ, при немъ садикъ и огородъ, вотъ и все. Конечно, тутъ же около нея цѣлое сѣло, принадлежавшее когда-то нашимъ предкамъ, оно даже и называется — Бняжеское. Но для насъ это только грустное воспоминаніе.

— Да, это удивительно, — съ грустнымъ вздохомъ промолвилъ

Альбертъ Ивановичъ. — Какъ много старыхъ фамилій разорилось! по очень, очень жаль!

— Но это естественно, — возразилъ Анатолій, — это должно было случиться. Не только въ силу экономическихъ причинъ, но и просто по законамъ справедливости.

— Справедливости? — спросилъ Альбертъ Ивановичъ.

— Да... Помилуйте, одинъ и тотъ же родъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ держитъ во власти цѣлый край, души и земли. Въ концѣ концовъ надо же и другимъ чѣмъ-нибудь попользоваться... Ну, вотъ теперь и пришли туда три купца, одинъ чиновникъ и одинъ шведъ и подѣлили между собой состояніе князей Вехтинныхъ.

— Да-съ, это можетъ быть и такъ, а только ужъ если князья такъ къ купцамъ придутъ, такъ купцы обратно не отдадутъ, — замѣтилъ Альбертъ Ивановичъ, противъ воли впадая въ тонъ шутки.

— Когда-нибудь, можетъ быть, и отдадутъ, — сказалъ Анатолій, — только въ выжатомъ видѣ. Купцы вѣдь выжимаютъ изъ нѣтъ. Они и засѣваютъ, они и рыбу изъ пруда на продажу таскаютъ, они и кабакомъ торгуютъ. Ха! слышали вы, чтобы порядочный владѣлецъ изъ пруда рыбу продавалъ? Купецъ Овсянниковъ ужъ чуть ли не всю повыловилъ... Такъ вотъ, можетъ быть, и наступитъ время, когда купцы, выжавъ все, что только могло дать нѣтъ, пожалуй, вернуть его князьямъ, пожалуй, чуть не задаромъ вернуть... Однако, — прибавилъ Анатолій, взглянувъ на часы, — я долженъ передъ вами извиниться, у меня въ одиннадцать часовъ дѣло у мирового судьи.

— Ахъ, извините, пожалуйста... Можетъ, я даже задержалъ васъ? — воскликнулъ Альбертъ Ивановичъ, и быстро поднялся. — Нѣтъ такъ пріятно, князь, что случай доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ вами. Я былъ бы очень доволенъ, если бы мы познакомились поближе.

— Очень вамъ благодаренъ! Я это очень цѣню.

— Такъ что-жъ откладываетъ, князь? Вѣдь мы уже знакомы. Визитами считаться не будемъ, а если это надо, такъ что-жъ? Вы у насъ были, съ дамами моими знакомы. Я тоже вотъ у васъ. Пріѣзжайте къ намъ запросто обѣдать. Въ шесть часовъ каждый день, а если назначите день, то еще лучше.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Анатолій, — я до пяти часовъ работаю, а послѣ совсѣмъ свободный человѣкъ.

— Такъ не угодно ли вамъ будетъ завтра?

— И завтра съ удовольствіемъ.

— Ну, вотъ это я люблю, когда безъ церемоніи. Вѣдь я чело-
вѣкъ простой, я поселянинъ... Такъ милости прошу, мы всѣ бу-
демъ очень рады... А что касается покупки...

— О, ужъ объ этомъ вы съ тетушкой. Я тутъ не при чемъ.
Вы, вѣроятно, знаете ея адресъ?

— Адресъ-то знаю, а въ какіе часы могу явиться, чтобы не
обезпокоить княжну?

— Въ какіе часы? Да въ какіе угодно. Тетушка вѣдь нигдѣ не
бываетъ, все сидитъ дома. Да вотъ теперь. Тетушка живетъ съ
нашими родственниками. Профессоръ Авдановъ, можетъ быть,
слышали?

— Какъ же, профессоръ Авдановъ... Какъ же, ими извѣст-
ное!—отвѣтилъ Альбертъ Ивановичъ, никогда, впрочемъ, не слы-
шавшій этого имени, но думавшій, что ими профессора долженъ
знать всякій порядочный человѣкъ. — Такъ я надѣюсь, князь, и
даже могу быть увѣренъ? Завтра мы будемъ имѣть удовольствіе
видѣть васъ у себя?

— Конечно, я не лишу себя этого удовольствія! — отвѣтилъ
Анатолій.

И, обмѣнявшись такимъ образомъ любезностями, новые знако-
мые разстались. Альбертъ Ивановичъ спускался съ лѣстницы съ
сознаніемъ, что приобрѣлъ пріятное знакомство. Для человѣка, у
котораго отыскиваніе знакомыхъ сдѣлалось чѣмъ-то вродѣ реме-
сла, это была настоящая побѣда.

И онъ мысленно представлялъ себѣ, какимъ это будетъ сюрпри-
зомъ для Дарьи Васильевны и для Валентины. Онъ уже давно за-
мѣчалъ, что Валентина, несмотря на то, что въ домѣ толчется мно-
жество всякаго народа, видимо, скучаетъ. Онъ старался приобрѣ-
тать новыхъ знакомыхъ, всякій разъ надѣясь, что вотъ теперь
подберется что-нибудь интересное, что займетъ ее; но скоро насту-
пало разочарованіе. На этотъ разъ онъ былъ заранѣе увѣренъ, что
угодить дочери.

Онъ поѣхалъ прямо къ профессору, который жилъ на Моховой.
Было половина двѣнадцатаго, когда въ квартирѣ профессора почти
никого не было. Дѣти были въ своихъ школахъ, профессоръ на
лекціяхъ. Жена его по обыкновенію сидѣла въ спальнѣ и никого
не принимала. Она страдала мигренью.

Альберта Ивановича проводили въ гостиную и, конечно, княжна
Валерія могла бы принять его здѣсь, но княжна нашла это неудоб-
нымъ и не только попросила Альберта Ивановича къ себѣ въ ком-
нату, но и притворила дверь. Никто изъ семьи профессора не зналъ

продажѣ канделябръ. Ихъ видѣли, когда они прибыли изъ деревни; но княжна Валерія объяснила, что просто хочетъ отдать ихъ в мочинку.

— Миѣ очень пріятно, — сказала княжна, встрѣчая гостя, — в зачѣмъ же вамъ было беспокоиться самимъ, могли бы написать.

— Такъ лучше... такъ вѣрнѣе! — отвѣтилъ Альбертъ Ивановичъ, садясь на указанное мѣсто. — И, чтобы покончить съ этимъ пленькимъ дѣломъ, позвольте ужъ прямо спросить васъ, княжна, только вы хотите за канделябры?

— Я нѣсколько затрудняюсь, — отвѣтила княжна Валерія. — Дѣло въ томъ, что эти канделябры — они миѣ очень дороги, но для насъ, конечно, они не имѣютъ такой цѣны, и если я назначу имъ цѣну, то это не значитъ, что они стоятъ столько и что я ихъ такъ цѣню, а просто миѣ нужна такая сумма.

— Ну, вотъ мы и возьмемъ середину, чтобы цѣна стояла какъ разъ между вами и мной!... Такъ извольте назначить!

— Я хотѣла бы за нихъ двѣсти рублей, — сказала княжна и чуть-чуть покраснѣла.

Альбертъ Ивановичъ не моргнулъ глазомъ.

— Двѣсти рублей? — и онъ тотчасъ погѣвъ въ боковой карманъ сюртука и досталъ бумажникъ. — Я очень радъ, что у меня есть съ собой эта сумма; прошу васъ принять ее.

Онъ вынулъ двѣ сторублевыхъ бумажки и положилъ ихъ на столъ. Княжна поблагодарила и тотчасъ же спрятала деньги въ ящикъ стола. Хотя она и пользовалась въ этомъ домѣ полной свободой, но все же не могла ручаться, что внезапно не войдетъ горничная или кто-нибудь изъ семьи.

— Вотъ и кончено! — сказалъ Альбертъ Ивановичъ. — А теперь извольте поговорить о другомъ. Вотъ я сейчасъ былъ у вашего любезнѣйшаго племянника, князя Анатолія Александровича.

— Вы были у него? — спросила княжна Валерія, и въ строгихъ глазахъ ея блеснулъ какой-то свѣтлый огонекъ.

— Былъ и имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ нимъ. Прекрасный молодой человекъ.

— Анатолій Александровичъ воспитанный и честный человекъ! — съ своей обычной строгостью замѣтила княжна, какъ бы эти слова, что такъ долженъ думать о ея племянникѣ всякій, а не будетъ думать иначе, подвергнется ея гнѣву.

— О, безъ сомнѣнія! Я, конечно, явился къ князю по поводу покупки, но мы познакомились съ нимъ ближе, и я имѣлъ удовольствіе получить его согласіе бывать у насъ въ домѣ запросто...

Княжна на это ничего не сказала, а только кивнула головой въ знакъ одобренія.

— Теперь,—продолжалъ Альбертъ Ивановичъ,—мнѣ остается надѣяться, что и вы, княжна, не откажетесь принять предложеніе пожаловать къ намъ вмѣстѣ съ княземъ, съ вашимъ племянникомъ отобѣдать завтра въ шесть часовъ? Могу ли я надѣяться?

И Альбертъ Ивановичъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и опасеніемъ смотрѣлъ на княжну, которая не сразу отвѣтила на его вопросъ. Княжна какъ бы задумалась и только черезъ минуту заговорила.

— Я вамъ на это скажу вотъ что, господинъ Пфейферъ. Я женщина уже немолодая и моя личная жизнь кончена. Для себя лично я не стала бы дѣлать новыхъ знакомствъ, которыя, какъ вы знаете, вѣдь всегда кое къ чему обязываютъ; но князь Анатолій молодъ, онъ весь впереди, и я надѣюсь, что ему предстоитъ незаурядная будущность.

— О, да, да,—подхватилъ Альбертъ Ивановичъ,—у него есть все для этого.

— Вы правы: все. И для него подобныя почтенныя знакомства нужны. Я люблю моего племянника, онъ всегда составлялъ мою единственную заботу, и потому я не могу отказаться ради него сдѣлать что бы то ни было. И я охотно приму ваше предложеніе, но... тутъ я должна поставить условіе.

— Но сдѣлайте милость, княжна, я готовъ исполнить всякое условіе.

— Мы только что заключили съ вами сдѣлку... Ну, какъ это назвать? Торговую сдѣлку! — продолжала княжна. — Мнѣ были нужны деньги и я продала вамъ фамилыя вещи и получила отъ васъ плату. Такимъ образомъ между нами установились отношенія продавца и покупателя. Теперь я вижу, что между нами могутъ быть другія отношенія—добрыхъ знакомыхъ, и вы понимаете, что эти отношенія я цѣню больше, чѣмъ тѣ.

— Но развѣ это мѣшаетъ?—съ нѣкоторымъ даже безпокойствомъ спросилъ Альбертъ Ивановичъ.

— Мнѣ мѣшаетъ. Не знаю, поймете ли вы меня, но мое воспитаніе и мои понятія не позволяютъ совмѣстить двѣ эти вещи.

— Но... Ахъ, Боже мой!... Неужели изъ-за этого вы хотите лишить насъ удовольствія...

— Позвольте мнѣ договорить, Альбертъ... Альбертъ Ивановичъ?

— Альбертъ Ивановичъ.

— Мнѣ дѣйствительно нужны эти деньги, иначе я не рѣшилась

и заниматься несвойственнымъ для меня дѣломъ и продавать вещи. Но я могу достать ихъ какимъ-нибудь другимъ способомъ, а въ крайнемъ случаѣ могу обойтись и безъ нихъ. Прошу же васъ, ютъ мы уже и заключили эту сдѣлку, прошу васъ считать ее не состоявшеюся. Я возвращу вамъ деньги, вотъ онѣ, — прибавила она, вынувъ сторублевки изъ ящика стола, — а вы будьте добры прислать мнѣ канделябры.

Альбертъ Ивановичъ взволновался.

— Но зачѣмъ? Какъ же такъ? Если вамъ онѣ нужны... пожалуйста!...

Но княжна сдѣлала такое строгое лицо и такъ рѣшительно покачала головой, что онъ заппулся и остановился.

— Какъ бы вы на это ни посмотрѣли, но это единственное условіе нашего знакомства! — твердо и рѣшительно сказала княжна Валерія. — И прежде чѣмъ эти деньги не вернутся въ вашъ кошелекъ, я буду считать себя лишенной удовольствія войти къ вамъ въ домъ въ качествѣ знакомой.

Альбертъ Ивановичъ не зналъ, какъ ему и быть. Онъ, конечно, понималъ вещи просто и видѣлъ, что вотъ человѣку нужны были деньги до того, что онъ рѣшился продать фамилыныя вещи, дорогія ему по воспоминаніямъ, и онъ своимъ приглашеніемъ лишилъ его этихъ денегъ, заставилъ принести жертву.

— Въ такомъ случаѣ, — промолвилъ онъ, — только вы не обидитесь, княжна... Я человѣкъ простой... Если вы не хотите, чтобы я купилъ у васъ эти канделябры, то, можетъ быть, вы не откажетесь взять у меня эти деньги взаймы?...

Княжна Валерія сдвинула плечами, какъ бы изумляясь тому, что этотъ человѣкъ ее не понимаетъ.

— Это менѣ всего, менѣ всего! — продолжала она. — Я прошу васъ понять... Если я не могу допустить, чтобы между нами стояло торговое дѣло, то какъ же я соглашусь на это? Вы разсудите и согласитесь со мной. Я вхожу въ вашъ домъ, я вступаю въ сношенія съ вашей семьей, какъ добрая знакомая, какъ старшая родственница князя Анатолія Александровича, и все время я должна думать и чувствовать, что я вами облагодѣтельствована, что я завишу отъ васъ, отъ вашей доброты, положимъ, — но это въ данномъ случаѣ безразлично... Нѣтъ, я могу войти въ вашъ домъ только свободной и независимой. У всякаго свои взгляды, — торжественнымъ тономъ продолжала княжна Валерія, — и всякій по-своему чувствуетъ. Если вамъ мои взгляды не нравятся, что дѣлать?..

Альберту Ивановичу пришлось согласиться. Твердость, съ которой княжна Валерія говорила все это, была непоколебима.

— Я подчиняюсь, — сказалъ онъ, — подчиняюсь и... пропсдѣлать мнѣ честь завтра виѣстѣ съ княземъ Анатолиемъ Александровичемъ...

И онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ взялъ свои деньги и положилъ ихъ обратно въ карманъ.

Отъ княжны Валеріи Альбертъ Ивановичъ вышелъ почти потрясенный. Всѣ ея взгляды и рѣчи были для него чѣмъ-то совершенно новымъ и казались чѣмъ-то величественнымъ, и это величіе подвляло его. Такихъ людей онъ еще не видалъ. Никогда въ жизни встрѣчалъ онъ людей, которые отказывались бы отъ денегъ, предлагаемыхъ въ какомъ бы то ни было видѣ.

И домой онъ пріѣхалъ съ растеряннымъ видомъ. Сообщая своимъ дамамъ о новомъ знакомствѣ, онъ старался имѣть веселое лицо, но въ голосѣ его слышалась растерянность.

— Что съ тобой, папа? — спрашивала его Валентина, — такъ будто или недоволенъ, или узналъ что-нибудь тревожное.

— Нѣтъ, нѣтъ, я совершенно доволенъ, совершенно! — отвѣтилъ Альбертъ Ивановичъ, — но я не видалъ еще такихъ людей. Видѣлъ людей, у которыхъ были взгляды, но эти взгляды не мешали имъ обдѣлывать свои дѣлишки. Взгляды сами по себѣ, а дѣлишки сами по себѣ. А у этой княжны взгляды, это—все.

И онъ рассказалъ исторію съ канделябрами и двумястами рублями.

— Они порядочные люди, папа, вотъ и все! — сказала Валентина. — Намъ съ тобой до сихъ поръ везло въ количествѣ знаемыхъ, но не везло въ качествѣ; но вѣдь порядочные люди не на каждомъ шагѣ попадаютъ.

И въ особнякѣ на Арбатѣ ждали завтрашняго обѣда, какъ событія.

Между тѣмъ Анатолій, какъ только кончилъ свои судебныя дѣла, поѣхалъ прямо къ тетускѣ Валеріи. Это было около четырехъ часовъ.

Онъ рассказалъ тетускѣ о визитѣ Альберта Ивановича и предстоящемъ обѣдѣ.

— Надѣюсь, что и вы, тетуска, получили приглашеніе и приняли его? — спросилъ онъ.

— Ради тебя, Анатолій. Простиживать томительные званы обѣды мнѣ ужъ не по лѣтамъ.

— Благодарю васъ, тетуска. Ну, а съ канделябрами покончили

— Покончила. Ты можешь видѣть это, если взглянешь на этажерку.

— На этажерку?

Анатолій повернулъ голову и увидѣлъ на этажеркѣ пару блестящихъ, хотя и сильно попорченныхъ временемъ, фамилныхъ перчатокъ.

— Ахъ, такъ вотъ они!—воскликнулъ онъ.—Но позвольте, тетушка, почему же они здѣсь? Развѣ вы не сошлись въ цѣнѣ?

— Напротивъ, я спросила двѣсти рублей, и господинъ Пфейферъ сейчасъ же мнѣ далъ ихъ, затѣмъ онъ пригласилъ меня на завтрашній обѣдъ.

— Ну-те и что же?

— Анатолій... неужели для тебя тутъ есть вопросъ?

— Признаюсь, тетушка, ничего не понимаю...

— Ну, я была лучшаго мнѣнія о твоей дальновидности.

— Тетушка...

— Послушай, мой милый, ты, конечно, еще и не можешь знать жизни такъ, какъ я. Тебѣ всего двадцать семь лѣтъ и ты мало жилъ. Но я, какъ только вступила на порогъ этого дома, сейчасъ же поняла его характеръ. Люди это добрые, простые, желающіе какъ можно пріятнѣе воспользоваться своимъ богатствомъ, но они не умѣютъ этого сдѣлать. Къ нимъ ходитъ много людей, которыхъ они набираютъ, гдѣ попало. И большинство этихъ людей, конечно, сомнительны и неразборчивы. Я могу сказать съ увѣренностью, что половина ихъ знакомыхъ такъ или иначе воспользовались ихъ услугами: тотъ что-нибудь выгодно продалъ, другой взялъ займы. Они ихъ принимаютъ, потому что имъ нужны люди, но не уважаютъ. Они не могутъ уважать людей, которые отъ нихъ попользовались и зависятъ. Такъ неужели же ты не понимаешь, что намъ съ тобой становится на эту почву и съ этого начинать знакомство немислимо? Мы должны прежде всего выдѣлать себя изъ ряда ихъ обыкновенныхъ знакомыхъ. Мы должны провести между ними и нами глубокую борозду и прежде всего заставить уважать насъ. Ты понимаешь?

— Понимаю, тетушка, и преклоняюсь передъ вашей глубокой мудростью и предусмотрительностью.

— Ахъ, Анатолій, нѣтъ тутъ ни мудрости, ни предусмотрительности, а есть только хорошее пониманіе положенія. Намъ такъ мало оставлено нашими безпечными отцами, что мы должны это немногое хранивать въ золотомъ ларцѣ и осторожно сдвигать съ него каждую малѣйшую пылинку. Единственное, чѣмъ мы дер-

жимся, это—наше исключительное положеніе, которое, если добросовѣстно разсудить, право же, не имѣетъ достаточнаго основанія. Но тѣмъ больше мы должны за него держаться, и не дай Богъ поступиться имъ хоть капельку, тогда мы смѣшаемся съ толпой и не будетъ никакой возможности отличить насъ отъ нея и мы пропади. Тогда намъ нѣтъ возврата. Такъ ужъ мы должны смотрѣть въ оба и прежде всего ставить глубокую борозду между нами и другими. Вотъ ужъ я увѣрена, что они прониклись убѣжденіемъ, что мы не такіе, какъ другіе, и это ужъ положить печать на всѣ наши дальнѣйшія отношенія съ ними.

— Ахъ, тетушка, тетушка, сокровище вы мое!—воскликнулъ Анатолій, съ благодарностью цѣлуя ея руку.

Тетушка Валерія привлекла къ себѣ его голову и поцѣловала.

— Я тебя люблю, Анатолій, и на тебя надѣюсь. Оправдаешь?

— Съ помощью Бога и моей тетушки Валеріи! — отвѣтилъ Анатолій.

— Да, да, тетушка Валерія никогда не перестанетъ о тебѣ думать. Но и ты слѣди за собой, чтобы не сдѣлать какого-нибудь ложнаго шага. О, это ужасно! Ложный шагъ... одинъ малѣйшій... онъ можетъ все погубить. Достоинство—это прежде всего. Ахъ, мой другъ, Анатолій, большинство, огромное большинство людей щепетильно оберегаетъ достоинства, которыхъ у нихъ нѣтъ, а у насъ съ тобой все-жъ-таки кое-что есть...

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МУЖИЦКАЯ СОВѢСТЬ.

Разсказъ.

I.

Утро было поистинѣ праздничное. Садъ послѣ обильнаго ночнаго дождя дышалъ свѣжими ароматами, звенѣлъ голосами птицъ.

На балконѣ небольшого, съ блестящими заплатами по общему тону домика, сидѣло двое помѣщиковъ. Большанинъ, хозяинъ, еще совсѣмъ молодой человекъ, съ добрымъ, задумчивымъ лицомъ, въ свѣжемъ коломнянковомъ пиджакѣ, и гость Тырдинъ, уже лѣтъ за шестьдесятъ, въ грязномъ, затасканномъ нафталишкѣ и дворянской фуражкѣ на лысой головѣ, маленькій, вертявый и весь какъ бы высохшій и потрескавшійся отъ солнца.

Первый больше отмалчивался и покачивалъ головой. Второй говорилъ безъ умолку и все объ одномъ и томъ же.

— Вѣрьте моему опыту! — твердилъ онъ. — Вѣрьте, говорю, живу. Никому и ни въ чемъ, ни въ чемъ не довѣряйте. Все на закурѣ, за всѣми тайное шпионство и строжайшій контроль. Ибо, говорю вамъ, честныхъ людей нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!...

Большанинъ недоувѣрчиво улыбнулся.

— Нѣтъ, — продолжалъ тотъ, — вы не смѣйтесь. Обратите вниманіе, сорокъ лѣтъ сижу среди мужиковъ... Сорокъ лѣтъ, не шута-сь, и ни одного, говорю вамъ, ни единого хоть мало-мальш честнаго. Всѣ, всѣ, — старые, молодые, бабы, дѣвки, ребята — всѣ воры, грабители, разбойники и всяческіе мошенники.

Молодое лицо Большанина невольно отразило скуку.

Тырдинъ сейчасъ же замѣтилъ это и закипятился еще больше.

— Вы не довѣряете, — кричалъ онъ, — по лицу вижу... Но это въ васъ молодость, молодость говорить... Молодому все хочется вѣсело по хорошему, какъ въ книжкахъ, какъ тамъ въ этихъ раз-

ныхъ университетахъ... Да-съ, но жизнь — не университеты нѣтъ-съ, не университетъ... Обрѣтетесь!... Ухъ, какъ обрѣтетесь... И ниѣ, поймите, жаль, жаль васъ... какъ собрата-съ, какъ дворянина-съ. Сорокъ лѣтъ-съ, сорокъ лѣтъ-съ, говорю вамъ Бѣлаго воробья видѣлъ-съ... курицу о трехъ ногахъ, но что совѣстливаго мужика—да убейте, убейте меня.

Тырдинъ прыгаль на стулѣ, потъ съ него катился ручьями.

— Значить, вы положительно отрицаете въ мужикѣ всякаго совѣсть? — спросилъ, больше чтобы хоть что-нибудь, наконецъ сказать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скрыть набѣгающую улыбку, Большанинъ.

Тотъ вскочилъ на ноги и заколотилъ себя кулаками по груди.

— Мужичья совѣсть!—завопилъ онъ.—Му-жиц-кая совѣсть да какъ это только сказать вамъ: это... это нѣчто несовмѣстимое это все равно, что березовый дубъ, оржаное просо, рисистая порода! Это, однимъ словомъ, пустое мѣсто, ахинея, безсмыслица, белберда... гиль, миеъ, пуфы!...

Онъ поперхнулся и, едва переводя духъ, продолжалъ:

— Поймите-съ, ужъ такая натура: кровь, кровь такая!... Вотъ,—онъ указалъ рукой на темнѣющую на горизонтѣ тучу, видите вы эту тучу... здѣсь вотъ свѣтло, сине, а тамъ мракъ, мракъ... Такова же и душа крестьянская по отношенію, своя хоть къ вашей. У васъ солнце, солнце въ душѣ, а у мужика холодная, страшная градовая туча. И ни луча, ни луча-съ!...

Большанинъ невольно взглянулъ на темную полосу на горизонтѣ, и какая-то смутная, неопредѣленная тревога пронеслась его душѣ.

Тырдинъ досталъ откуда-то изъ-за пазухи скомканный и грязный платокъ и сталъ обтирать имъ лицо. Настало минутное затишье.

II.

Бъ балкону между тѣмъ, снимая худенькій картузишко, слышно подходилъ маленький сѣдоватый мужичокъ, въ лаптишкахъ и въ ветхомъ заплатанномъ зипунчикѣ.

Первымъ замѣтилъ его Тырдинъ и, подбѣжавъ къ периламъ такъ и накинута на него.

— Съ чѣмъ такимъ? Съ чѣмъ такимъ? Съ какими подвохами съ какими обманомъ? А? Баринъ молодой, баринъ простой, не разусилъ еще вашего брата?... А?... Что молчишь?... Что рыло-ворогишь?...

Мужикъ оторопѣлъ и, сѣменя ногами и весь подергиваясь, торопливо отвѣшивалъ поклонъ за поклономъ то гостю, то хозяину.

Большанинъ болѣзненно сморщилъ лицо и что-то тихо сказалъ гостю.

— Ась?—закричалъ тотъ.—Обижаю?... Обижаю-сь? Это словами-то, мужичка-то-сь? Ха, ха, ха! Понимаетъ онъ вообще слова-то! Впрочемъ, простите-сь, не смѣю вамъ мѣшать! Вотъ возьму-сь газету и накроюсь, какъ саваномъ, и померъ, и померъ!

И Тырдинъ, дѣйствительно, какъ бы совершенно исчезъ за газетнымъ листомъ.

— Что?—переспрашивалъ между тѣмъ мужикъ Большанинъ.—Разсчесть получить хочешь?

— Вотъ, вотъ, счесться бы... и значить того сколько придется...—подтвердилъ мужикъ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, которое какъ бы говорило: что-жъ, можешь, это тебѣ и не угодно, но я въ своемъ правѣ, зовешь работать, такъ и расплачивайся.

— У тебя одна поденная работа?—всматриваясь въ это выраженіе и не понимая его, спросилъ Большанинъ.

— Одна подепная, одна поденная, oprичъ какая же еще: дѣвки это, значить, ходили на картофель, опять—проса положи... А еще мужинскіе дни—малый пахалъ, пахалъ, значить...—продолжалъ мужикъ, потряхивая волосами и чуть-чуть скаля зубы.

— Такъ. Сколько же кто именно заработалъ?

— Сколько заработано-то? Да вѣдь оно у васъ, чай, записано, въ книгѣ, стало быть... попрежнему,—какъ бы оправдывался мужикъ.

— У меня-то записано, но ты и самъ это долженъ знать.

И вставъ, Большанинъ пошелъ за книгой.

Тырдинъ сейчасъ же опустилъ газету и, дѣлая угрожающее лицо, зашипѣлъ мужику:

— Сколько получить приходится, не знаешь, антихристъ?... А въ рожу, въ харю свою мерзопакостную не желаешь за это?

Мужикъ, знавшій этого барина по наслышкѣ, только вздохнулъ въ отвѣтъ, отошелъ шага на три и, опустилъ глаза, какъ бы заснулъ на ногахъ.

Вернулся съ книгой Большанинъ.

— Тебѣ Семякинъ прозвище?—спросилъ онъ.

— Семякинъ... Александра Семякинъ... вотъ, вотъ... Оно са-мое,—сразу, какъ разбуженная внезапнымъ вѣтромъ осина, весь припелъ въ движеніе и заметался тотъ.

Большанинъ сталъ подсчитывать въ книгѣ. Тырдинъ, какъ

ястребъ, смотрѣлъ на него сверхъ газеты. Присутствіе этого самозваннаго опекуна вообще нѣсколько стѣснило Большанина, но онъ не хотѣлъ ему это показать.

— Мужскихъ дней, считая по тридцати копеекъ каждый,—говорилъ онъ отчетливо,—два, четыре... а всего...

— Такъ, такъ... вѣрно, вѣрно... въ книгѣ оно все видать,—отчасти глушилъ его голосъ Семякинъ

— А ты не приговаривай, чортова голова! — внезапно закричалъ Тырдинъ.

— Послушайте!—разсердился Большанинъ.—Что это, въ самомъ дѣлѣ?

— Виновать-съ, не выдержалъ... пардонъ... Продолжайте!

И Тырдинъ опять скрылся за газетой.

«Ну, и вонка же, вѣхры его подыми», думалъ про себя Семякинъ, отступивъ еще шага на два.

— По-моему,—сказалъ, отстраняя отъ себя книгу и вынимая кошелекъ, Большанинъ,—тебѣ приходится четыре рубля двадцать копеекъ. Такъ?

— Четыре? — повторилъ Семякинъ, приподнимая свои желтыя брови и какъ бы припоминая что-то.—То-то, молъ, не знаю я толкомъ: малый, стало быть, въ лѣсъ ушелъ, дровецъ, стало быть, попилъ.

— Ну, въ этомъ ужъ я не виноватъ, — нетерпѣливо сказалъ Большанинъ, которому хотѣлось поскорѣе удалить этого Семякина.— По-моему такъ, получай.

— Что же?... вамъ оно, знамо, виднѣе... пишется, значить... книга, стало быть, тоже, не дуромъ,—и Семякинъ, наскоро завязавъ деньги въ конецъ платка, задомъ, задомъ, пришаркивая лаптишками и кланаясь, скрылся за деревьями.

— Вы меня простите,—сказалъ Тырдинъ,—но у этого старикашки такая богопротивная харя, что смотрѣть нѣтъ никакой возможности...

Большанинъ только вздохнулъ.

III.

Семякинъ, едва очутясь на свободѣ, прежде всего невольно весь предался блаженству сознанія, что въ его карманѣ находится сумма въ четыре рубля двадцать копеекъ.

«Да,—думалось ему,—съ двугривеннымъ четыре цѣлковыхъ,—ишь оно куда загнуло! День да день, день да день—поврозъ-то ку-

было и нѣтъ ничего, а тутъ какъ стянуло вѣстѣ, что сношъ изъ прстей. То-то и оно, ребятки, не дуромъ, видно, трудиться-то вѣлять. Глядишь, онъ у тебя, день-то, такъ прошелъ, а сходилъ на барщину, поработался — анъ тае и отмѣтили въ книжкѣ. Разъ, стало быть, да два, пять да десять, — анъ оно и вонъ куда сигнуло: четыре съ двугривеннымъ!...

Дальше невольно стало думать, какъ распредѣлить этотъ капиталъ.

«Два цѣлковыхъ старостѣ, — съ конхъ поръ проходу не даетъ; восемь гривенъ Бузыничу за разоху отдать; двугривенный — батюшкѣ за молебень. Это много ли всего? Аккуратъ три цѣлковыхъ! Таксеньки-съ. Стало, въ остатѣ рубль съ двугривеннымъ. Ловко! Ем-Богу, ловко!»

Зелень въ глазахъ мужаика стала какъ бы ярче, само небо сильнее. Шагъ его сталъ легче, свободнѣе.

— Такъ, — проговорилъ онъ вслухъ. — Рубль, стало быть, на нуку, — аккуратъ два пуда. А двугривенный дѣвкамъ на бусы. Окончательно — на бусы! Веселись, дѣвки, не все же вамъ спины гнуть. Щеголай, покедова пора ваша. Такъ-то!

«Два пуда мучицы, — шла его мысль дальше, — оно хоша занасъ и не дюже большой при семи ѣдокахъ, да ничто!... Глядишь, опять на барщину позовутъ. А тамъ и до новаго хлѣбушка не далеко... Такъ!...»

Дошла очередь и до Большанина.

«Да, — думалъ Семякинъ, — что и говорить: простецкая душа, самый настоящій баринъ, подай ему Господи. Работенку даетъ, расчетъ не задерживаетъ. Не то что, какъ у иныхъ бываетъ. Только спросилъ, — счастье, молъ, — слова не сказалъ: разъ-разъ, и получай четыре цѣлковенькихъ, какъ одну копеечку. Тоже принаста, значить, заботу имѣеть, сумнѣвается».

Вспомнилъ Семякинъ и про Тырдина и, разсмѣявшись, опять пошелъ, чтобы его подняли вихры.

Понемногу мысль его вернулась снова къ деньгамъ.

«Какъ ни толкуй, а четыре цѣлвача. Это вѣдь только сказать легко: четыре цѣлковыхъ. Стой, а и впрямь ужъ что-то больно много. Митька и тотъ сказывалъ, съ чѣмъ-то, говорить, три прихтиса. Какъ же такъ-то? Ну-кась, ежели прикинуть этакъ. Женскихъ день, дѣвки говорятъ, — съ полуднемъ восемь; это, стало быть, четыре десятка, да четыре десятка, скажемъ — восемь гривенъ; восемь гривенъ да опять восемь гривенъ — шашнадцать, стало быть, гривенниковъ, да еще за полдня гривенникъ; итого, скажемъ,

рубль семь гривенъ. Вѣрно. Такъ и дѣвки считали. Ну, а мужчинскихъ — не то пять, не то шесть; ежели, скажемъ, пять...»

Семякинъ посчиталъ и въ итогъ получилось полтора рубля. А въ общей суммѣ три рубля двадцать копеекъ.

«Такъ, — соображалъ онъ, — а ежели еще мужинскій день напнуть, опять все три съ полтиной выходить, а не четыре съ двухривеннымъ.

Что-жъ за оказія? Семякинъ опустился на траву и еще разъ провѣрилъ себя. Рубль опять остался лишнимъ.

«Вотъ! — дивился онъ, — баринъ-то, стало быть, обсчитался. Не иначе, какъ обсчитался. И вѣдь какъ махнулъ, — на цѣлковый!»

Онъ даже слегка ужаснулся за барина.

«Такъ, — соображалъ онъ затѣмъ, — а вѣдь этакъ того, на муку-то и не остается... Оно хотя-хоть такъ и съ Митьбой мекали, ну, а теперича того, раздражился, значить, обидно. Но хотя-хоть опять винить въ эстомъ некого: держалъ бы въ умѣ счетъ, и дразниться бы не пришлось... А распустилъ губы, анъ дуракомъ и вышелъ!... Да, какъ ни толкуй, а рубль-то тютю!... Хоть въ твоёмъ дворѣ, да не твоя кобыла».

И заскребъ, и заскребъ себѣ спину Семякинъ.

«Главная вещь, мучница, мучица-то вся дойста доходить. Эхъ, грѣхи, грѣхи! А что ежели смолчать? — шевельнулась въ немъ мысль. — Право, смолчать, да и все. Баринъ, онъ-отъ поди и не спохватится. И вѣрно, что нѣтъ. Чего ему: выдалъ, записалъ, и аминь: въ расчетъ и въ расчетъ. А и спохватится, такъ вѣдь не крадъ же я у него, самъ считалъ, самъ выдавалъ... Подлинно, смолчать, и никакнхъ».

Рѣшеніе вытекало какъ бы само собой, но Семякину вмѣстѣ съ его назрѣваніемъ смутно, какъ бы сквозь сопу чувствовалось, что въ его душу виѣдрилось нѣчто совершенно несвойственное ей, нѣчто до постылости чуждое, — бакая-то тонкая, едва ощутимая заноза, которая производитъ не боль, а только неопредѣленную неловкость.

— Ась? Ась? — вдругъ закричалъ онъ, сверкнувъ глазами и ударяя рукой по зеклѣ. — А ежели незля, незля эстого, а?... Что возьмешь? Чего незля, чего сроду не было, того и незля, тому и не бывать!... Нѣту, нѣту!... И шабашъ, шабашъ!

Съ минутоу лицо его отражало сильное душевное движеніе, затѣмъ успокоилось.

Онъ бабъ-то инстинктивно перекрестился.

— Господа,—заговорилъ онъ,—что такое? Ась? Что такое?... Вотъ онъ, бѣсъ-то: ты его и не чувствуешь, а онъ и вотъ-вотъ.

Тѣмъ не менѣе, вскорѣ же не замедлило откликнуться и только что пережитое разочарованіе.

— Да,—зашепталъ онъ, не замѣчая, что говорить вслухъ,—какъ-никакъ, а рубль, цѣлый рубль... Да!...

Онъ подумалъ-подумалъ, и вдругъ лицо его озарилось лукавой улыбкой.

— Очень просто,—говорилъ онъ себѣ,—только и всего: сейчасъ это къ барину, обсчитались, молъ, ваша милость, рублевку, молъ, того—перемахнули; ну, и грѣхъ, молъ, пополамъ: то-есть не то, чтобы что, а взаимнообразно, значить—запишите, молъ, ее, рублевку, за нами, подѣ работу, значить. А мы, молъ, Богъ видитъ, то есть только кляните—тутъ и есть!...

Сѣрые глаза Семякина метали искорки.

— Слова, слова не скажетъ,—заклучилъ онъ,—возьми, молъ, владѣй!

И Семякинъ вскочилъ на ноги и быстро-быстро пошелъ обратнымъ путемъ.

IV.

Большанинъ между тѣмъ все на томъ же балконѣ продолжалъ томиться какъ самой личностью Тырдина, такъ и его, какъ ему чувствовалось, запоздалыми, какими-то мертвыми рѣчами.

Тырдинъ все говорилъ, обличалъ, проклиналъ, предрекалъ. И мало-по-малу Большанинъ не то, что задремалъ, но слушалъ и не слушалъ, отиѣвая сколько разъ куковала кукушка, сколько разъ водъ рядъ протрещить сорока, и т. п.

Семякинъ подошелъ къ балкону опять почти совершенно незаметно, появляясь какъ-то непосредственно около самыхъ перилъ.

Большанинъ встрѣтилъ его даже нѣсколько недружелюбнымъ взоромъ.

Тырдинъ весь такъ и насторожился было.

Но Семякинъ, подмигнувъ въ его сторону, помахнулъ хозяйни къ себѣ.

— Ну?—спросилъ тотъ, сойдя съ балкона.

— Да вотъ чего,—началъ Семякинъ конфузливимъ и запскивающимъ тономъ,—вотъ чего... Обсчитались, значить, ваша милость... то-есть въ считахъ-то, какъ означаетъ...

— Что-же, по твоему, слѣдуетъ больше?—невольно хмурясь, спросилъ Большанинъ.

— Нѣту, зачѣмъ?... Оно въ аккуратѣ... А только рублевку перемахнули... Залишній, стало быть, рубль ахнули...

— Я передалъ тебѣ лишній рубль?—переспросилъ Большанинъ.

— Ага, ага! Она самая!... Слѣдствуетъ, означаетъ, три цѣлковыхъ, скажемъ, съ двугривеннымъ, а вы стало бы четыре... И ни къ чему, означаетъ...

Большанинъ молча посмотрѣлъ въ это странное по своему выраженію смѣшаннаго добродушія и лукавства мужичка лицо и, взявъ съ балкона прихода-расходную книгу, снова, при Семякинѣ же, сталъ провѣрять его счетъ.

— Будьте безъ сумленія... Оно съ кѣмъ грѣха не бываетъ,—приговаривалъ между тѣмъ тотъ, опять то и дѣло присмаркиваясь и вскидывая волосы.

— Твоя правда,—сказалъ, наконецъ, помѣщикъ.

— Вотъ, вотъ!—сейчасъ же подхватилъ Семякинъ и, немного перемявшись, продолжалъ съ выраженіемъ ласки и вкрадчивости, съ какими обыкновенно взрослые выманиваютъ нѣчто имъ нужное у капризныхъ дѣтей.

— И ужъ видно того, ваша милость... видно, грѣхъ-отъ пополамъ... Запишите ужъ, видно, это самый цѣлковый за мной, подъ работу, значить... А мы, одно слово, всей семьей сумнѣваться станемъ... Ей-Богу, правда, окончательно...

Здѣсь, благодаря молчанію хозяина и невольно тревожась за его рѣшеніе, Семякинъ сбился съ тона и, какъ бы по инерціи, продолжалъ сыпать все такъ же отрывочно и сумбурно:

— Безъ сумнѣнія... Вашей милости, означаетъ... Во всей хворменности...

Большанинъ какъ-то не сразу понялъ суть дѣла. Его сбивала смѣна выраженій на лицѣ Семякина. Но уловивъ эту суть, онъ немедленно далъ свое согласіе.

Семякинъ, не скрывая своего восторга, въ буквальный смыслъ слова, весь рассыпался въ благодарности и опять задомъ-задомъ сталъ удаляться и скрываться въ кустахъ.

— Голову на отсѣченіе!—закричалъ Тырдинъ, — смазурить-таки, выклянчить-таки что-то! Рожа, рожа ужъ такая!

Большанинъ присмотрѣлся къ злорадно-торжествующей физиономіи этого барина, сравнилъ невольно ее съ радостнымъ наивно-лукавымъ выраженіемъ мужика Семякина и только теперь понялъ всю важность совершившагося сейчасъ факта.

Спокойно и весело передалъ онъ этотъ фактъ Тырдину.

Тотъ на секунду смутился, даже какъ бы обидѣлся чѣмъ-то, но затѣмъ оправился и закричалъ свое:

— Подвохъ, подвохъ!... Что-нибудь да не такъ! Въ рублѣ по-
иелся, значить, десять имѣть въ виду стащить. Знаемъ мы ихъ
политику!... Сорокъ лѣтъ, сорокъ лѣтъ!...

Большанинъ не сталъ оспаривать и, мысленно отмахнувшись,
погрузился подъ акомпанементъ птичьихъ пѣсенъ въ тихія думы.

— Толкуй, толкуй тамъ старый злюка! — носилось въ его го-
ловѣ. — Но у мужика нѣтъ совѣсти, а у васъ, у васъ, господа, нѣтъ
ни желанія, ни даже, можетъ быть, способности ее почувствовать.
Совѣсть? Да что же могло побудить этого бѣдняка отереть мнѣ мою
ошибку, какъ не самая чистая, не способная ни на какіе compro-
миссы совѣсть?...

Скоро Тардинъ началъ намекать, что уже адмиральскій часъ, и
порядочнымъ помѣщикамъ слѣдуетъ подумать о закускѣ.

Большанинъ крикнулъ дѣвушку-прислугу, приказалъ ей давать
обѣдать и, смотря на синѣющее сквозь вѣтви небо, сталъ продол-
жать свои размышленія.

Тырдинъ поглядѣлъ, поглядѣлъ на него и, окончательно обидѣв-
шись, сѣлъ на стулъ верхомъ, вѣрнѣе уперся въ его спинку под-
бородкомъ и рѣшилъ молчать и молчать.

У.

А Семякинъ этииъ временемъ подходилъ уже къ опушкѣ лѣ-
сочка, который былъ расположенъ вокругъ усадьбы Большанина и
соединялся съ разведеннымъ при ней фруктовымъ садомъ безъ вся-
кой изгороди. Тропинка, по которой онъ шелъ, вилась по краю
глубокаго, поросшаго тѣмъ же лѣсомъ, оврага и, не вводя въ этотъ
оврагъ, выходила затѣмъ на полевую дорогу.

Ходить по большанинскимъ лѣсамъ вообще запрещалось, и Се-
мякинъ это прекрасно зналъ, но на душѣ у него было такъ свобод-
но, весело, и кромѣ того такъ ему захотѣлось пробѣжаться по свѣ-
жему лѣсочку и тѣмъ сократить и свой путь до дому, что онъ ни-
что же сумняшася, взялъ да и спустился въ оврагъ, намѣреваясь
только пересѣчь его и, взобравшись на противоположный берегъ,
вырнуть въ прилегавшую къ нему рожь.

Въ оврагѣ, какъ это и чувствовалъ Семякинъ, было чудно
хорошо.

Въ глубинѣ, подъ прикрытіемъ купырей и кудравыхъ папорот-
никовъ, тихо журчалъ ручеекъ. Вверху на всѣ голоса кричали и

стороны эти лапти росли здѣсь, а съ другой — составляли какъ естественное приращеніе къ ногамъ Семякина и всей его семьи.

Вскорѣ гора пошла гораздо отложее; тамъ и здѣсь, то задержанные на вѣсу густой зелени, то полъ ней, въ травѣ, стали лѣться уже срѣзанные и облупленные липовые стволы, такъ зываемые лутошки.

И это послѣднее обстоятельство подѣйствовало на Семякина еще болѣе раздражающе.

— Вотъ, — мелькнуло у него, — другіе же рѣзали, пользуясь. Что же я за обѣзвѣкъ въ полѣ, чѣмъ хуже людей.

Онъ постоялъ понуря голову, оглядѣлся, прислушался. Все прежнему тихо и покойно. Липы такъ и ласкаются. И вотъ, вынудивъ изъ подвязаннаго къ пояску кожанаго футляра складной ножъ, онъ нагнулся къ ближайшему липовому кусту, срѣзалъ дѣла три изъ его стволыковъ и обчистилъ ихъ отъ вѣтокъ.

Обнажившійся липовый сокъ такъ и зашекоталъ его обонянъ. За этимъ кустомъ, зажимая подъ мышкой нарѣзанное, онъ сталъ нападать на второй, четвертый, десятый.

Что онъ думалъ при этомъ? Наслаждающійся человѣкъ и работаетъ головой. И вдругъ въ бустахъ что-то зашумѣло. Семякинъ бросился бѣжать.

— Нѣтъ, — кричалъ за нимъ знакомый ему голосъ лѣсника, нѣту, врешь, не уйдешь! Эй, сдавайся лучше!

Семякинъ былъ уже старенецъ; сторожъ еще вполне крѣпокъ и силенъ.

Нѣсколько секундъ — и воръ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, съ полными.

VI.

Все на томъ же балконѣ былъ уже накрытъ обѣденный столъ. Тырдинъ съ кускомъ селедки на хлѣбѣ въ лѣвой рукѣ, правую направлялъ въ широко открытый ротъ рюмке водки.

Къ крыльцу быстро и торжественно подошелъ поймавшій Семякина сторожъ.

— Ваше благородіе, — выпячивая украшенную форменной хохлой грудь, сказалъ онъ, — вора пымалъ. Вотъ, съ лыками.

И онъ сложилъ на землю злосчастные пучки.

Большанинъ невольно весь передернулся. Тырдинъ замеръ рюмкой у рта.

— Лексашка Семякинъ, — продолжалъ сторожъ.

Тырдинъ фыркнулъ въ рюмку, поперхнулся и, охая и отплевавшись, покатылся на ближній стулъ.

— Семякинъ? Александръ Семякинъ?—не вѣрилъ ушамъ Большанинъ.

— Такъ точно. Прикажете кликнуть? Эй, Алексашка, иди къ барину.

Тотъ появился изъ-за кустовъ.

Голова его была опущена; подъ усами бѣгала жалкая, неопредѣленная улыбка.

— Александръ?...—заговорилъ Большанинъ.—Ты?... Ты съ ними попался?

Тотъ молчалъ.

— Я говорилъ вамъ,—хохоча, едва выговаривалъ Тырдинъ,—прожженная бестія! Не даромъ же сорокъ лѣтъ ихъ, скотовъ, изучаю.

Большанинъ съ болѣзненнымъ напряженіемъ изъ всѣхъ силъ изматривался въ лицо Семякина.

Но оно выражало развѣ одну жалкую неловкость человѣка, стыдящагося своего настоящаго положенія и боящагося за будущее.

Приглядѣвшись еще, Большанинъ прочелъ на немъ и вѣчную крестьянскую покорность судьбѣ.

Тырдинъ продолжалъ хохотать.

— Александръ, — плачущимъ голосомъ взмолился Большанинъ, — да скажи ты мнѣ, ради Бога, какъ это произошло, какъ можешь одинъ и тотъ же человѣкъ сдѣлать такой благороднѣйшій поступокъ, какъ ты давеча, и прямо отъ него пойти и приняться за врагу... а?... Объясни, объясни мнѣ это!...

Семякинъ молча упалъ на колѣни.

Лѣсникъ отступилъ и пристально поглядывалъ то на эту побѣдную мужицкую голову, то на блѣдное, дрожащее лицо барина.

Тырдинъ, руки въ карманѣ и дугою ноги, наблюдалъ и ждалъ развязки этой комедіи.

Семякинъ прижался лбомъ къ землѣ.

— Да, нѣтъ, нѣтъ,—стоналъ Большанинъ,—ты только объясни мнѣ... Богъ съ тобой, возьми и лутошки, только встань, стань и растолкуй мнѣ...

Онъ подбѣжалъ къ нему и почти ласкалъ его руками.

Тотъ какъ бы черезъ силу поднялся.

— Ну, ну! Говори же, голубчикъ.

— Чего говорить! — хрипло проговорилъ, наконецъ, Семя-

бинъ. — Попаля, значить, теперь, стало быть, вертѣться ужъ нечего.

— Да, нѣтъ, ты подумай! и все какъ было выкладывай! — не унимался Большанинъ.

Семякинъ тоскливо-тоскливо взглянулъ въ голубые глаза ба-рина.

— Чего сказывать-то, чего сказывать-то? — простоналъ онъ. — Видить Богъ... какъ передъ истиннымъ: шелъ это, и въ умъ не было... Анъ лутюшки... Ахъ, моля, хороши лутюшки, — ну, и ровно завидки взяли, ну, я и того... А оно, вѣстимо, лѣсъ онъ вашъ, и вся, значить, воля ваша...

«Лѣсъ вашъ» и «лутюшки хороши», поймалъ изъ всего этого Большанинъ, какъ ему казалось, самую суть. Да, это надо обдумать.

— Ну, что же, ступай... ступай... — сказалъ онъ тихо.

Семякинъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

Лѣсникъ громко прокряхтѣлъ.

— Ступайте, — крикнулъ Большанинъ первно, — оба ступайте!

Семякинъ весь вздрогнулъ и быстро, плечами впередъ, по-медвѣжьи, зашагалъ прямо наутекъ.

За нимъ чинно послѣдовалъ и лѣсникъ.

Сильно хотѣлось прогнать Большанину и Тырдина, особенно Тырдина, но это было неудобно, и онъ только сказалъ ему:

— Вы не торжествуйте... Эти два факта еще болѣе расположили меня въ пользу мужаика.

— Вотъ какъ-съ! Но основанія?...

— Я самъ еще не разберусь въ подробностяхъ. — Большанинъ заходилъ и продолжалъ отрывисто, какъ шла его мысль: — Прежде всего я ему не судья, такъ какъ не могу, не въ силахъ постичь души этого Семякина... Что совѣсть въ немъ есть, какъ и вообще добро — это доказано этимъ сегодняшнимъ рублемъ... А то, что онъ нарѣзалъ лутюшекъ — это... это... — и Большанинъ оборвался.

Тырдинъ слегка запѣлъ и пошелъ къ водѣ.

Большанинъ почувствовалъ себя свободнѣе.

Случайно глаза его остановились на заслоняющей солнце тучѣ; солнца, дѣйствительно, не было видно, но его присутствіе за тучей было несомнѣнно: она вся дышала, дышала имъ...

Большанинъ какъ бы что-то понялъ и весело-весело улыбнулся.

Е. Гославскій.

Утесъ.

Волны, дробяся, шумять подъ утесомъ,
Что выросъ изъ бездны морей,—
Каменный, сѣрый, пріютъ альбатросамъ,
Гроза и бѣда кораблей.
Много вѣковъ опъ стоитъ недвижимо,
Въ расщелинахъ вѣтеръ гудить,
Волны кипучія носятъ мимо
Да бьются о вѣвній гранитъ.
Выброшенъ бурнымъ подземнымъ порывомъ,
Онъ выросъ на глади морской—
Время настанетъ—прибоемъ, приливомъ
Тѣ волны покончатъ съ тобой.

Вотъ ужъ скала у подножья подрыта,
Пещеры въ ней создалъ прибой,
Вотъ и вершину, что мохомъ покрыта,
Всю вывѣтрилъ воздухъ сырой.
Время пройдетъ, и вѣка за вѣками,
Какъ быстрые дни, пролетятъ,
Волны, упорно вставая рядами,
Величье его побѣдятъ...
Ну, а пока послужи альбатросамъ,
Съ презрѣньемъ гляди на волну,
А море, упорно воюя съ утесомъ,
Отправитъ гиганта ко дну.

Вл. Гиляровский.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ.

(Разсказъ).

I.

Александръ Ивановъ Лопатинъ, крестьянинъ села Вырыпаева, былъ просто-напросто кузнецъ-слесарь, въ то же время маляръ, умѣвшій раздѣлывать полы подъ паркетъ, красить крыши, дома, чинить пишущія машины, вставные зубы и часы, словомъ, мастеръ на всѣ руки. Проживалъ онъ въ своемъ родномъ селѣ Вырыпаевѣ, имѣлъ свой домикъ, крытый камышомъ и доставшійся ему отъ отца, тоже кузнеца-слесаря, свою собственную кузницу, сложенную изъ дикаго камня, при кузницѣ, разумѣется, станокъ дляковки лошадей и всѣ необходимые кузнечные и слесарные инструменты. Это былъ малый лѣтъ тридцати пяти, симпатичной наружности, небольшого роста, но плечистый и коренастый. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Помимо собственной семьи у него были: братъ Алексѣй, сестра Агулина, которую онъ звалъ Кулей, и болѣзненная старуха-мать, у которой вѣчно ломила спина и поясница. Несмотря однако на эти болѣсти, старуха всетаки сложа руки не сидѣла. Она ухаживала за коровой, кормила куръ и индѣекъ, ухаживала за поросятами и воздѣлывала огородъ; въ зимнее же время, въ нескончаемые зимніе вечера постоянно вязала шерстяные чулки, которые и сбывала выгодно на мѣстномъ базарѣ.

Лопатинъ былъ малый очень работающій и очень смышленный. Кузнечному и слесарному ремеслу онъ обучился у отца, такъ какъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ постояннымъ его помощникомъ. Сперва онъ только раздувалъ кузнечные мѣхи, но потомъ научился дѣйствовать молотомъ, а немного погодя, принялся вмѣстѣ съ отцомъ выковывать раскаленное до-красна желѣзо.

— Учись, учись, Сашокъ, учись милый,—говорилъ бывало отецъ, любуясь раскраснѣвшимся и обливавшимся потомъ смышле-

ить мальчуганомъ.—Учись, дитятко... Богъ дастъ—самъ будешь астеромъ... Учись, родименькій.

И мальчуганъ, дѣйствительно, учился, зорко приглядываясь къ работѣ отца. Лѣтъ пятнадцати онъ умѣлъ уже дѣлать гвозди, подковы, ковать лошадей, чинить ружья, нарѣзывать винты, а когда умеръ отецъ, сдѣлался самостоятельнымъ работникомъ и главою семьи. Съ двадцатипятилѣтняго возраста Лопатину пришлось содержать семью, а главнымъ образомъ брата Алексѣя, кончавшаго въ то время курсъ въ университетѣ.

Алексѣй былъ тоже смышленный молодой человѣкъ, хорошо учился, хорошо сдалъ экзаменъ въ гимназію, а поступивъ въ университетъ, ежегодно переходилъ съ одного курса на другой. Избралъ онъ медицинскій факультетъ, готовился быть медикомъ, и всѣ надежды семьи возлагались на этого юношу. «Сдѣлается докторомъ,—говорила семья,—въ тѣ поры и мы поправимся». А старуха мать прибавляла къ этому: «Можетъ, и мнѣ поясницу да спину вылѣчить». Ради этого Алексѣя, этого будущаго доктора и кормильца, семья отказывала себѣ во всемъ и послѣднія крохи отсылала ему. Даже сестра Акулина, чтобы имѣть возможность помогать брату, жила въ качествѣ горничной у мѣстнаго батюшки, отца Григорія. Несмотря однако на всѣ эти лишенія, семья Лопатина не роптала и не унывала. Всѣ помогали по мѣрѣ силъ будущему кормильцу, чтобы вывести его въ люди. Только одна жена Лопатина, бременная дѣтьми, иногда ворчала на мужа, говоря, что пора бы ему и о собственныхъ своихъ дѣтяхъ позаботиться; но Лопатинъ вниманія не обращалъ на эти ворчанья и продолжалъ себѣ всѣ бытки отсылать брату.

Можетъ быть, вслѣдствіе этой-то постоянной надобности въ деньгахъ, Лопатинъ сдѣлался великимъ мастеромъ подыскивать себѣ работу. Надѣнетъ, бывало, свой пиджачишко съ прорванными штани, наброситъ на голову картузь набекрень и, весело напѣвая, побѣжитъ по сосѣднимъ хуторамъ и землевладѣльцамъ разыскивать работу. И глядишь: одному покроетъ домъ желѣзомъ, другому—раздѣляетъ полы подъ паркетъ, третьему—расбраситъ крыльцо и ставни въ домѣ, починитъ какую-нибудь молотилку, вѣялку и заработаетъ приличную деньгу. На кузницу его было весело зайти даже: вѣчно въ этой кузницѣ раздавался стукъ молота, и со стѣн съ наковальни разлетались въ разные стороны брызги раскаленнаго желѣза, а въ ковальномъ станкѣ всегда впаивались поджаренныя подпругами лошади, подковываемыя весело напѣвавшимъ Лопатинымъ.

Сестра Лопатина, Акулина, была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, хорошенькая, съ веселѣющими черными глазками, розовыми щеками и темнорусыми волосами. Это была большая хохотушка, никогда, впрочемъ, не забывавшая своего дѣла. Встанетъ бывало чуть свѣтъ, отгонитъ батушкиныхъ коровъ въ стадо, принесетъ съ рѣчки воды, поставитъ матушкѣ самоваръ, уберетъ комнаты, поможетъ матушкѣ умыться и одѣться, накормитъ куръ и индѣекъ, въ изобиліи водившихся у батушки, не забудетъ насыпать корму канарейкамъ, до которыхъ была великая охотница матушка, и, покончивъ все это, побѣжитъ домой помогать матери, вкопавшейся въ огородъ. То бывало примется полоть гряды, то поливать овощи, а сама либо пѣсенку распѣваетъ, либо съ матерью шутитъ и такъ-то развеселитъ старуху, что та забывала про боль въ сплпѣ и поясницѣ. Одѣвалась Куля по-мѣщанскому: сарафановъ не носила, а ходила въ ситцевыхъ платьяхъ, которыя шила на собственные деньги. Она любила поприодѣться. Бѣда только въ томъ, что по немнѣию лишникъ денегъ, Куля никогда не приходилось даже въ такіе великіе праздники, какъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, быть одѣтой во все новенькое. Справитъ, бывало, новенькое платьице, кофточку, накинеть на голову хорошенькій шелковый платочекъ, загорятся въ ушахъ блестящіе сережки, а на ноги, глядишь, приходится надѣвать дырявыя ботинки. Либо наоборотъ: на ногахъ поскрипываютъ новенькія ботинки, на шейкѣ красивенькое ожерелье, а платье старенькое, помятое, поношенное, да и въ сережкахъ нѣтъ уже блестящихъ когда-то стеклышекъ.

Но Куля только расхохочется, бывало, глядя на изъязы своего костюма. Не замѣчали этихъ изъязновъ и тѣ, которые заглядывались на хорошенькую и работающую Кулю, а такихъ молодцовъ было не мало. Въ числѣ этихъ заглядывавшихся былъ и нѣкій Семенъ Даниловичъ Мещеряковъ. Мещеряковъ былъ мѣщанинъ, имѣлъ участокъ земли десятины въ двѣсти и собственную свою водяную мельницу о четырехъ поставахъ. Имѣлъ онъ и собственный домикъ, крытый желѣзомъ, разъѣзжалъ на собственныхъ своихъ лошадакахъ, словомъ, былъ человекъ зажиточный. Бѣда въ томъ только, что Семенъ Даниловичъ былъ вдовецъ лѣтъ пятидесяти; немудрено послѣ этого, что онъ, влюбившійся въ Кулю по уши, былъ ей не особенно по душѣ.

Съ Кулей познакомился онъ въ церкви. Нѣсколько воскресеній подрядъ засматривался на нее, стоя на лѣвомъ клиросѣ, нѣсколько воскресеній заходилъ въ домикъ Лопатина, съ которымъ былъ давно знакомъ, пилъ тамъ чай, потомъ чѣмъ Богъ послалъ

закусывалъ, раза два привозилъ съ собою сластей для Були и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что черезъ Лопатина сдѣлалъ ей предложение. Лопатинъ былъ въ восторгѣ, сообщилъ объ этомъ сестрѣ и былъ вполне увѣренъ, что она въ свою очередь придетъ въ такой же восторгъ, такъ какъ Мещеряковъ былъ бездѣтенъ и богатъ, но Буля даже руками замахала, объявивъ брату, что ни за что не пойдетъ замужъ за старика, хотя бы онъ былъ въ десять разъ богаче.

Принялась было и мать уговаривать Булю выйти замужъ за Мещерякова, увѣряла, что съ нимъ она будетъ совершенно спокойна и счастлива, что будетъ жить въ полномъ довольствѣ, разѣзжать на собственныхъ своихъ экипажахъ и лошадяхъ, что Мещеряковъ по родству не забудетъ и про нее старуху, можетъ и ее приютить у себя. Но Буля и ей отвѣтила то же, что и брату.

II.

Избенка Лопатина была на краю села Вырыпаева, на днѣ оврага, прорѣзывавшаго церковную гору. Оврагъ этотъ былъ весьма живописенъ; берега его полуотвѣсны и скалистые, то покрытые зеленью и мелкой лѣсной порослью, то представлявшіе собою что-то похожее на каменные развалины, поросшія повителю, то красивыя лужайки, пестрѣвшія травой и цвѣтами, по которымъ карабкались овцы и козы, — представляли собою нѣчто весьма оригинальное. Дно этого оврага, или, правильнѣе сказать, русло его было загромождено громадными камнями, вырванными вѣшнею водой. Камни эти, чисто-обмытые тою же водой, такъ и бросались въ глаза своею оригинальною и разнообразною окраской. Были между ними черные, словно уголь, зеленые, розоватые, даже встрѣчался изрѣдка чистый гранитъ. Весной, во время таянія снѣга, оврагъ этотъ былъ еще красивѣе; тогда опъ такъ и бурлилъ безпрестанными водопадами, низвергавшимися то съ одного, то съ другого обрыва. Водопады эти, съ шумомъ налетая на груды камней, взбрасывались вверхъ и, разлетаясь мелкими брызгами, съ шумомъ проносились мимо избенки Лопатина, обогнувъ которую затихали и быстрыми ручьями попадали, наконецъ, въ рѣку. На днѣ этого-то оврага, на небольшомъ возвышеніи помѣщалась избенка Лопатина, его кузница, какой-то сарайчикъ, небольшой садикъ, засаженный вишнями и нѣсколькими яблонями; а какъ разъ падъ избенкой на каменистомъ обрывѣ горы, избуравленномъ стрижинными порками, возвышалась вырыпаевская церковь изящной архитектуры, съ ча-

совней передь алтаремъ. Возлѣ часовни зеленѣли два-три деревца, а вокругъ церкви и часовни—каменная ограда, тоже изящной архитектуры. Мѣсто это было выбрано самимъ Александромъ Ивановымъ. Отецъ Лопатина, по имени Иванъ, хотѣлъ было построить на вырыпаевской базарной площади, но сынъ, будучи еще мальчигомъ, отговорилъ отца и указалъ ему на оврагъ.

— Вотъ гдѣ стройся, отецъ,—говорилъ онъ, здѣсь тебѣ много спокойнѣе будетъ.—Сохрани Господи, пожаръ случится, въ селѣ все твое добро сгоритъ, чего добраго, а здѣсь, въ оврагѣ, ты будешь одинъ: возлѣ тебя никакихъ сосѣдей не будетъ, только одинъ батюшка, у котораго домикъ покрытъ не соломой, а жестью, да сельская школа, тоже крытая жестью.

Иванъ Лопатинъ подумалъ, подумалъ и, наконецъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что мѣсто, указанное сыномъ, дѣйствительно, будетъ много безопаснѣе. Тамъ онъ и построился, тамъ и проживалъ въ настоящее время Александръ Ивановъ Лопатинъ.

Насколько Александръ Лопатинъ почувствовалъ съ малыхъ лѣтъ страстную охоту къ кузнечному и слесарному дѣлу, настолько брать его Алексѣй питалъ къ нему какое-то отвращеніе. Александра, бывало, хлѣбомъ не корми, а заставь только раздувать кузнечные мѣхи, а Алексѣй, напротивъ, чуть не бѣгалъ кузницы. Александръ, бывало, не налюбуется вылетающими изъ-подъ молота огненными искрами, не наглядится на синеватый огонекъ, мпгавшій въ бездѣйствовавшемъ кузнечномъ горнѣ, а у Алексѣя отъ этого горна почему-то всегда разбалчивалась голова. Отецъ и ласками, и побоями старался пріохотить Алешку къ кузнечному дѣлу, но Алешка только молчалъ и не хотѣлъ даже дотронуться ни до кузнечныхъ мѣховъ, ни до молота. Бился, бился съ нимъ отецъ, наконецъ, плюнулъ, махнулъ рукой и отдалъ его въ сельскую школу.

— Можетъ быть, грамотѣ научится,—ворчалъ отецъ, не придававшій особеннаго значенія грамотѣ и чуть не съ презрѣніемъ смотрѣвшій на бѣгавшихъ по улицѣ ребятишекъ съ книжками въ рукахъ.—Впishъ шатаются!—ворчалъ онъ, поглядывая на нихъ изъ своей кузницы: «Отецъ-ать хворый на печкѣ лежитъ, а онъ бѣгаетъ... хоть бы кормецу скотинкѣ подвезъ, за водой сбѣгалъ, а онъ въ школу».

Неособенно любовно относился Алексѣй и къ деревнѣ. Сашокъ любилъ свою деревню, свое родное Вырыпаево, любилъ свою рѣку, красиво извивавшуюся по живописнымъ берегамъ, любилъ сидѣть надъ этою рѣкой съ удочками въ рукахъ, бродить по роднымъ по-

лугамъ, словомъ, любилъ свое село и занесенное сугробами снѣга, и разукрашенное весеннею зеленью и цвѣтами. Алексѣй же все мечталъ о городѣ. Въ городѣ онъ никогда не бывалъ, зато, отыскавъ въ азбукѣ рисунокъ города съ его церквами и большими домами—не могъ досыта налюбоваться этою картинкой. Поступивъ въ школу, Алешка принялся за дѣло, и насколько огорчалъ отца, будучи въ кузницѣ, настолько началъ радовать его, поступивши въ школу. Алешка оказался мальчуганомъ способнымъ, прилежнымъ и сразу же завоевалъ въ школѣ первое мѣсто. Учитель, бывало, не нарадуется, глядя на успѣхи Алешки Лопатина, а когда пріѣхалъ въ вырыпаевское училище инспекторъ народныхъ школъ, доложилъ ему объ Алешкѣ, какъ о наиспособнѣйшемъ ученикѣ. И дѣйствительно, Алешка кончилъ курсъ въ школѣ отлично; получилъ отличный аттестатъ и сверхъ того какую-то награду. Отецъ, присутствовавшій на экзаменѣ, производившемся самимъ инспекторомъ, былъ въ восторгѣ, слушая бойкіе отвѣты сына и замѣчая на лицѣ инспектора удовольствіе.

— Молодецъ, Алеша, молодецъ,—говорилъ инспекторъ, поглаживая его по головѣ,—молодецъ... Учись, братъ, учись, а вырастешь—будешь кормильцемъ семьи своей.

И, обратясь затѣмъ къ учителю, спросилъ:

— Семья-то большая у него?

Но узнавъ отъ учителя, что въ школѣ находится отецъ Лопатина, подозвалъ его къ себѣ.

— Ну, поздравляю,—проговорилъ инспекторъ, обращаясь къ нему.—Вашъ сынъ выказалъ замѣчательные успѣхи и мальчишъ, оказывается, очень способный. Совѣтую отъ души отдать его въ гимназію.

Отецъ даже испугался. Замѣтивъ этотъ испугъ, инспекторъ прибавилъ:

— Положимъ, все это будетъ не дешево стоить; но зато современъ вашъ сынъ будетъ имѣть полную возможность съ избыткомъ возвратить вамъ все потраченное на его образованіе.

Отецъ стоялъ передъ инспекторомъ и только отвѣчивалъ ему коленны.

— Если надумаете,—продолжалъ инспекторъ,—то пріѣзжайте ко мнѣ въ городъ, я напишу вамъ письмо къ директору гимназіи и заранѣе увѣренъ, что сынъ вашъ будетъ принять и отлично выжить курсъ.

Этимъ однако инспекторъ не удовлетворился, а, напившись чаю, зашелъ передъ отъѣздомъ къ Лопатину. Тамъ онъ опять повторилъ

свой совѣтъ въ присутствіи всей семьи; объяснилъ отцу, какіе именно требуются при поступленіи въ гимназію документы, какая именно взимается плата за обученіе и въ концѣ-концовъ попросилъ даже сопровождавшаго его учителя написать отцу прошеніе; затѣмъ еще разъ посовѣтовалъ не ограничиваться одной школой, распросился съ семьей Лопатина, погладилъ Алешу по головѣ и уѣхалъ.

Нечего говорить, что совѣты инспектора и его посѣщеніе взбодражили всю семью Лопатина, а въ особенности мать Алешки.

— Извѣстно, — говорила она, — надо отдать Алешку въ ученіе: можетъ, и въ самомъ дѣлѣ кормильцемъ нашимъ будетъ... Хорошо ты здоровъ пока, — продолжала она, — а упаси Богъ, случится чего, — вѣдь Сашкѣ-то всего пятнадцать лѣтъ. Нешто ему подь силу такую семью прокормить?

— Знаю, все знаю, — говорилъ отецъ, — да откуда денегъ-то взять? Шутка ли, за одно обученіе пятьдесятъ рублей въ годъ... Обуть, одѣть надоть, квартиру нанять... А у насъ съ тобой чего есть? Въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ блоха на цѣпн.

Но тутъ вступился даже Сашокъ.

— Эка важность, что дорого, — храбрился онъ, — сейчасъ только еще весна начинается, до осени далеко еще; поди, за лѣто заработаемъ чего-нибудь. Сложь руки спдѣтъ не будемъ. Скопимъ къ осени деньжонокъ и отвеземъ Алешку въ городъ. Только и всего.

Отецъ только помалчивалъ, но Алешка, видимо, засѣлъ у него въ головѣ. Весь этотъ день онъ даже не подходилъ къ своей наковальнѣ, не заставлялъ Сашку раздувать мѣхи, а цѣлый день гдѣ-то пробродилъ. Побывалъ онъ у бабушки, который тоже поддерживалъ совѣтъ инспектора, просидѣлъ цѣлый вечеръ у школьнаго учителя, а на слѣдующій день, едва разсвѣтало, падѣлъ на себя новую поддевку, сшитую къ Пасхѣ, новые сапоги, новый картузъ и отправился вмѣстѣ съ Сашкомъ въ одну сосѣднюю, весьма богатую экономію. Все это кончилось тѣмъ, что отецъ Лопатиныхъ взялъ въ экономію какую-то очень большую работу. Проработалъ онъ тамъ съ Сашкомъ все лѣто, заработалъ порядочную сумму денегъ, а осенью (заручившись письмомъ къ директору) повезъ Алешку въ городъ и опредѣлилъ въ гимназію.

III.

Первые четыре года пребыванія Алешки въ гимназіи были положительно непосильными Лопатину: и онъ, и Сашокъ работали не-

уставно и брался за всякую работу. Лѣтомъ они занимались раз-
ной кузнечной работой, покрывали желѣзомъ дома, церкви, хлѣб-
ные амбары, красили ихъ, чинили всевозможныхъ системъ моло-
тки, жнейки, вѣялки, а осенью занимались молотить хлѣбъ. У
нихъ была собственная своя молотилка, которую купили они по
случаю за недорогую цѣну. Съ этой-то молотилкой они разъѣзжали
по сосѣднимъ экономіямъ, нанимали отъ себя рабочихъ, потребное
количество лошадей и обмолачивали хлѣбъ. Но и этого не хватало
иногда. Приходилось прибѣгать къ займамъ. Слѣдовало бы за-
няться и ремонтомъ домика, который приходилъ въ ветхость; но
объ этомъ, по безденежью, нечего было и мечтать: поповолѣ при-
ходилось откладывать до болѣе благопріятнаго времени.

Только съ переходомъ Алексѣя въ пятый классъ дѣла Лопати-
ныхъ нѣсколько улучшились, такъ какъ Алексѣй началъ и самъ
что-то зарабатывать даваемыми въ нѣсколькихъ домахъ уроками.
Бѣ сожалѣнію, такое положеніе продолжалось недолго. Съ перехо-
домъ Алексѣя въ университетъ отецъ Лопатиныхъ, котораго въ
то время называли уже старикомъ, распростудившись на рыбной
ловлѣ, захворалъ, а черезъ три дня взялъ да и умеръ. Русскому
рабочему человѣку долго хворать недосугъ. Происходитъ это, вѣ-
роятно, потому, что онъ слишкомъ долго перемогается и рѣшается
лечь въ постель тогда только, когда ему слѣдовало бы ложиться въ
гробъ. Я былъ свидѣтелемъ такой смерти.

Набивалъ человѣкъ сван, распѣвалъ «дубинушка, ухнемъ», а
въ полдень поѣхалъ верхомъ домой обѣдать; ему приходилось сдѣ-
лать до дома не больше полверсты, но, не доѣзжая до своей избы
нѣсколькихъ сажень, онъ свалился съ лошади и захрипѣлъ. «Что съ
тобой?» — вскрикнулъ я, подбѣжавъ къ нему. «Подъ сердце под-
катило что-то...» — прохрипѣлъ онъ. И это были его послѣднія
слова.

Такъ же быстро и хладнокровно умеръ и старикъ Лопатинъ.

— Слышь-ка, Сашокъ, — проговорилъ онъ наиспокойнѣйшимъ
голосомъ, словно не умирать собирался, а ѣхать на базаръ, — на-
дысь, когда я хворый съ рыбной ловли воротился, я бредень-то
вой — какъ по плетню раскидалъ... убери: мотри, чего добраго,
сгнѣть... Я что-то того... плохо что-то... Помираю, мотри... подъ
сердце подкатило... Убери, не забудь...

— Уберу, батюшка, не беспокойтесь.

— Ты таперь Алешѣ денегъ не посылай, — продолжалъ онъ, —
таперь онъ не махонькій. Выше тебя орысина сталъ... самъ можетъ
зрѣлѣниться. Пуще всего, избенку поправь, — совсѣмъ гнилая...

Да, мотри, съ долгами расплатись... Купцу Коновалову должны остались сто рублей, вертуновскому барину—сто пятьдесятъ...

— Зачѣмъ? Семьдесятъ пять всего на все.

— Какъ это? — удивился старикъ.

— А забылъ ништо: домъ-то ему выкрасили, молотилку заново отдѣлали, да конныя грабли—семьдесятъ пять и осталось.

— Да, забылъ... Вѣрно, вѣрно... Напиши Алешкѣ, чтобъ обязательно высылалъ... Сто семьдесятъ пять рублей не для себя занимали, для его милости... Пушай и расплачивается... Онъ теперь,—продолжалъ старикъ,—учителемъ у князя у какого-то... житье на всемъ на готовомъ, двадцать пять рублей въ мѣсяцъ гладить... Таперь у него денегъ много... Безпремѣнно напиши: отецъ, молю, приказалъ... Такъ и напиши... За все-то время тысячи полторы переплатили, мотри... Пора и совѣсть знать!...

— Слушаю, батюшка... напишу.

— Такъ и напиши: пора, молю, и честь знать... Такъ отецъ наказывалъ.—И, нѣсколько помолчавъ, прибавилъ: —Старуху-мать береги, а пуще всего за Акулькой приглядывай... Эти дѣвки,—прибавилъ онъ,—объ эту пору словно бѣшенныя дѣлаются...

— Буду присматривать.

Но старикъ послѣднихъ словъ не слыжалъ, такъ какъ захрипѣлъ и вскорѣ умеръ.

Сашокъ сколотилъ отцу гробъ изъ сосновыхъ досокъ, заранѣе на этотъ предметъ заготовленныхъ, выкрасилъ черной краской, нарисовалъ нѣсколько бѣлыхъ крестовъ, обилъ внутри коленкоромъ, купилъ дешевенькій покровъ, горько поплакалъ надъ умершимъ отцомъ, помянулъ его добрымъ словомъ и отвезъ на погостъ. Батюшка отпѣлъ его, и Сашокъ собственноручно опустилъ гробъ въ могилу. Зато засыпать могилу землей, долженствовавшей на вѣки вѣчныя скрыть отъ него дорогого ему человѣка, онъ не смогъ: взялъ было въ руки лопату, загребъ ею кучку земли, но вдругъ почему-то отошелъ отъ могилы и направился домой. Проходя мимо сада, онъ увидалъ беспорядочно разбросанный по плетню бредень, вспомнилъ приказаніе умиравшаго отца, бережно собралъ бредень, спряталъ въ амбаръ и вошелъ въ осиротѣвшую кузницу; но тутъ онъ не выдержалъ: упалъ на верстаки и, закрывъ лицо руками, разрыдался, какъ ребенокъ.

Прошло еще года два. Алексѣй кончилъ курсъ въ университетѣ, сдалъ государственный экзамень, получилъ дипломъ лѣбара и вскорѣ сдѣлался земскимъ врачомъ въ одномъ изъ сосѣднихъ съ селомъ Вырыпаевымъ уѣздовъ. Участокъ, или округъ, Алексѣя былъ

отъ Вырыпаева верстахъ въ тридцати, а Сашоѣ, или, какъ называли его теперь, Александръ Ивановичъ, попрежнему подковызалъ лошадей, брылъ желѣзомъ крыши и дома, раскрашивалъ ихъ; выучился у кого-то изображать толстощекихъ херувимовъ, которыми и украшалъ потолки церквей, чинилъ молотилки и ѡкипажи, обмолачивалъ осенью на своей молотилкѣ хлѣбъ сосѣднимъ землевладѣльцамъ и такимъ образомъ содержалъ какъ собственную семью свою, съ каждымъ годомъ приумножавшуюся, такъ и старуху-мать. Жилъ онъ безбѣдно, на судьбу не ропталъ, попрежнему весело распѣвалъ и насвистывалъ, понемногу уплачивалъ долги, и всѣ, видимо, были счастливы. Одно только тревожило Лопатина, что домикъ его все ветшалъ и ветшалъ. Сперва продырилась камышевая крыша, а когда Лопатинъ, взобравшись на эту кровлю, принялся застилатъ дыры свѣжнимъ камышомъ, обрушились стропила и чуть не придавили его. Потомъ принялись загнивать углы избы, перекашиваться половицы, и, посматривая на все это, Лопатинъ только побачивалъ головой да посвистывалъ. «Совсѣмъ разваливается,—бормоталъ онъ,—надо, видно, за переборку приниматься».

Позвалъ онъ плотника Осипа. Осипъ принялся ковырять пальцемъ сгнившіе углы избы и расковырялъ ихъ до такой степени, что въ нихъ начало даже просвѣчивать солнышко. Дѣломъ это ничего бы, но лѣто подходило къ концу и наступала осень; ну, а зимой-то—иное дѣло: того и гляди, что зубами защелкаешь... И онъ завелъ рѣчь съ Осипомъ о фундаментальной переборкѣ избы. Осипъ слезилъ на чердакъ, ощупалъ всѣ стропила, покачалъ ихъ, затѣмъ-то нагибался, ложился на брюхо, вскарабкивался на самый конекъ, опять что-то ковырялъ и потряхивалъ, потомъ вошелъ въ избу, принялся топтать ногами по половицамъ, на нѣкоторыхъ даже подпрыгивалъ, и все это кончилось тѣмъ, что Лопатинъ пошелъ ридиться съ Осипомъ, по русскому обычаю, въ кабакъ, захвативъ съ собою подручнаго Осипа, Артема. Рядились они чуть не до самаго вечера, наконецъ сладились и всѣ трое, покачиваясь изъ стороны въ сторону, вышли изъ кабака.

— Только вотъ что,—говорилъ Александръ Ивановичъ, оставившись посреди базарной площади и замѣтно заплетая языкомъ,—денегъ у меня сейчасъ нѣтъ... можетъ, наколочу къ концу нашей работы... Чуръ не приставать заранѣе!

— Ну,—вскрикнулъ Осипъ, покачиваясь,—таперь разбогатѣлъ, поди... Братъ-аъ приѣхалъ... дохтуромъ въ Алмазовѣ вѣдь. Поможетъ, поди.

— То ли поможетъ, то ли нѣтъ... осенью расплачусь честно-благородно...

Осипъ принялся разсказывать, какъ, будучи въ Алмазовѣ, случайно видѣлъ Алексѣя, возвращавшагося откуда-то домой, какъ урядникъ сдѣлалъ ему подъ козырекъ, какъ самъ алмазовскій священникъ первый поклонился ему, почтительно приподнявъ шляпу, и какъ, заслышавъ колокольчикъ, выбѣжала изъ аптеки барышня встрѣчать его.

— Помощница, значить, его, фельдшерца... Э тотъ поможетъ...

— По рукамъ, значить? — подхватилъ Лопатинъ, протягивая плотникамъ заскорузлую руку. — Такъ завтра начнете, значить?

— Обязательно.

— Не надуете?

— Обязательно... ей-Богу, завтра... Видишь, вонъ храмъ Божій, — прибавилъ онъ, указывая на церковь. — Ну, значить, завтра чуть свѣтъ... Одно слово: охъ, милый человѣкъ, Александръ Ивановичъ! Всѣ мы люди, всѣ человѣки.

На слѣдующее утро, едва успѣла Буля прогнать мимо домика Лопатина батюшкиныхъ коровъ въ стадо, а встати захватить и свою, какъ Лопатинъ съ женой и матерью перетаскивали уже изъ избы въ плетневый сарайчикъ весь свой хламъ, чтобы не задержатъ какъ-нибудь обѣщавшихъ явиться плотниковъ.

Рѣшено было разобрать избу до основанія, гнилые углы отпилить, отъ чего, разумѣется, изба уменьшится; но это не бѣда: лишь бы въ ней не «стыдно» (т.-е. холодно) жить было, а полы настлать новые. Плотниковъ прождалъ Лопатинъ до обѣда; пообедавъ, прилежъ отдохнуть; отдохнувъ, а плотниковъ все нѣтъ да нѣтъ. Лопатинъ покачалъ головой и принялся собственноручно раскрывать камышевую крышу своего домика. Онъ поднималъ такую густую и черпую пыль, что перепугалъ всѣхъ вырпаевскихъ мужиковъ, вообразившихъ, что у того загорѣлась изба. Народу сбѣжалась буча; но, увидавъ, въ чемъ дѣло, всѣ разошлись по домамъ. Провозился Лопатинъ съ этой крышей цѣлый день. Только часамъ къ десяти вечера домикъ былъ совершенно раскрытъ. На слѣдующій день явились и плотники съ кожаными сумками на плечахъ и съ топорами въ рукахъ. Работа закипѣла. Осипъ принялся перемѣчивать бревна, а Артемъ — разбирать стропила, а спустя нѣкоторое время домикъ Лопатина уже не существовалъ, и только полуразвалившійся каменный фундаментъ да сложенные въ четыре яруса перемѣченные бревна возвѣщали о бывшемъ жилищѣ скромныхъ

тружениковъ, никогда не похвалявшихся своими трудами и никогда не роптавшихъ на свою тяжелую трудовую долю.

IV.

На слѣдующій день, часовъ въ пять вечера вся семья Лопатина, къ томъ числѣ и знакомые намъ плотники сидѣли въ садикѣ вокругъ самовара и распивали чай. Сидѣли всѣ просто-напросто на травѣ, калачикомъ поджавъ подъ себя ноги. На той же травѣ чадила самоваръ и лежала цѣлая связка запыленныхъ, окаменѣвшихъ баранокъ... Солнце клонилось къ западу. Кули въ числѣ пившихъ чай не было, такъ какъ она побѣжала на улицу встрѣчать пригнанное стадо. Вечеръ былъ теплый, но не удушливый, и всѣ, видимо, благодумствовали... Вдругъ послышался колокольчикъ. Всѣ стали прислушиваться; судя по звуку, можно было догадаться, что лошади мчались быстро; колокольчикъ все приближался и приближался, началъ долетать даже топотъ подкованныхъ лошадей и стукъ колесъ, а немого погодя, изъ улицы вылетѣла тройка ямскихъ лошадей, запряженныхъ въ бричку. Миновавъ улицу, бричка повернула направо и направилась къ дому Лопатина. Всѣ всполошились,ковыскакали изъ-за самовара и торопливо выбѣжали изъ садика, а бричка все приближалась и приближалась.

— Батюшки! — вскрикнулъ Лопатинъ, зорко всматриваясь въ лицо сидѣвшего въ бричкѣ господина, — вѣдь это Алеша.

Старуха-мать чуть не упала, заахала, замахала руками и вмѣстѣ съ Александромъ побѣжала навстрѣчу сына. Нечего говорить, что встрѣча была самая теплая и сердечная. Старуха, обнимая сына, разрыдалась; навернулись слезы и на глаза Александра; расчувствовался и самъ Алексѣй, разодѣтый въ щеголеватую пиджачную пару и съ пуховой шляпой на головѣ. Онъ бросился обнимать мать, крѣпко цѣловалъ ее, ея руки, плечи, обнималъ брата и не могъ даже говорить отъ волненія... Прибѣжала и Куля. При видѣ ея Алексѣй ахнулъ даже.

— Неужели это Куля? — вскрикнулъ Алексѣй, глядя на красивую сестру свою и словно не довѣряя глазамъ. — Неужели это ты?

— Я, Алеша! я, родимый!

— Боже мой! — удивлялся Алексѣй, — какъ ты выросла!... какъ хорошѣла!... Ты теперь совсѣмъ невѣста: замужъ пора...

И расцѣловавшись съ сестрой, онъ съ увлеченіемъ принялся описывать тотъ восторгъ, который переживаетъ въ настоящее время, окончивъ, наконецъ, свое образованіе и получивши должность земскаго врача неподалеку отъ родного ему Вырыпаева, гдѣ теперь

примется за дѣло и постарается быть полезнымъ человѣкомъ. «Займись своимъ участкомъ, — говорилъ онъ; — въ свободное время буду навѣщать васъ... Можетъ быть, даже помѣняюсь участкомъ съ здѣшнимъ врачомъ, поселяюсь въ Вырыпаевѣ вѣстѣ съ вами, родные мои».

Прибѣжало нѣсколько мужиковъ и бабъ, прослышавшихъ какимъ-то путемъ о прїѣздѣ Алексѣя Ивановича. Пришелъ мѣстный батюшка, узнавшій Алексѣя, когда тотъ, проѣзжалъ мимо его оконъ; пришелъ даже и состарившійся школьный учитель, когда-то обучившій его грамотѣ, а нынѣ служившій волостнымъ писаремъ въ селѣ Вырыпаевѣ. Всѣ высказывали свою радость видѣть его, наконецъ, покончившимъ свое образованіе и сдѣлавшимся докторомъ, причемъ всѣ изъявляли сожалѣніе, что онъ не попалъ въ свое родное Вырыпаево.

Тѣмъ временемъ Александръ Ивановъ успѣлъ уже поставить самоваръ и приготовить въ садикѣ все нужное для чая, а старуха-мать и Буля принесли въ тотъ же садикъ столъ, накрыли его скатертью и разставили вокругъ стола всѣ имѣвшіеся въ наличности стулья. Старуха-мать выбрала для своего Алеша самый лучшій и самый крѣпкій стулъ, опасаясь, какъ бы Алеша не упалъ и не ушибся. Нѣкоторое время спустя, всѣ сидѣли вокругъ чайнаго стола, пригласивъ священника и бывшаго школьнаго учителя. Чай разливала Буля, а старуха-мать бросилась устраивать Алешѣ постельку. Рѣшено было положить его въ кузницѣ, такъ какъ весь плетневый сарайчикъ былъ заваленъ перенесенной изъ дома рухлядью Лопатина. Только сидя за чайнымъ столомъ, Алексѣй Ивановичъ замѣтилъ отсутствіе домика.

— Гдѣ же домикъ-то? — спросилъ онъ брата.

— Только нонѣ сломалъ: задумалъ заново перебрать его, — отвѣтилъ Александръ Ивановъ.

— Неужто сгнилъ? — спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Еще бы не сгнить! — вѣщался батюшка, отгрызая кусочекъ сахара и потряхивая имъ надъ блюдечкомъ: — съ кѣхъ поръ стоитъ то...

Потушилъ Алексѣй Ивановичъ о смерти отца, расспросилъ о послѣднихъ проведенныхъ имъ минутахъ и порѣшилъ, что, вѣроятно, онъ умеръ отъ горловой чахотки и что простуда во время рыбной ловли ускорила смерть... Относительно же уплаты долговъ, о которыхъ, по приказанію умершаго отца, писалъ Лопатинъ, почему-то не занялся даже.

— Завтра, батюшка,—проговорилъ онъ, обращаясь къ священнику, — я попрошу васъ отслужить панихиду на могилѣ отца.

Когда чай былъ поконченъ, начало уже смеркаться. Гости разошлись по домамъ, а старуха-мать повела сына въ кузницу.

— Ты, поди, Алеша, усталъ съ дороги-то,—проговорила она: — отдохнуть, поди, хочешь... Я тебѣ въ кузницѣ постельку постлала, свою кровать поставила. Она у меня крѣпенькая... Тамъ тебѣ покойно будетъ и прохладно: ни одной мушки нѣтъ, ни одного комарика... Два дня въ кузницѣ не работали. Хорошо будетъ... хорошо...

— Спасибо, мамаша, спасибо,—проговорилъ Алексѣй Ивановичъ, цѣлуя руки матери.—Только не рано ли съ этихъ-то поръ спать ложиться?—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Ахъ отвыкъ рано-то ложиться?

— Отвыкъ, мамаша.

— Небось, все надъ книгами сидишь?—замѣтила мать, зѣвая.— Ты хошь теперь - то брось эти книги... Ну ихъ совсѣмъ!... Вишь вѣдь какъ ты отошалъ, родименькій, на себя не похожъ: и блѣдненькій какой-то, и щеки у тебя ввалились... Онѣ вѣдь тоже, книги-то эти, до добра не доводятъ... Вотъ у батюшки у нашего сынъ учился, учился... надо бы въ попы посвящаться, а онъ взялъ да и померъ... Охъ и плакалъ же только нашъ батюшка, какъ сына-то хоронилъ... такъ - то плакалъ, такъ - то плакалъ!... А онъ, блѣдненькій,—продолжала старуха,—лежитъ въ гробикѣ худой-расхудой, брестомъ ручки сложены, образокъ на ручкахъ, зубки оскалилъ, глаза ввалились, а вѣдь совсѣмъ еще молодой былъ... Вотъ до чего книги - то эти доводятъ! — прибавила она, позѣвывая. — Броси ихъ, Алеша... ну ихъ совсѣмъ!... Теперь ужъ и вздохнуть пора... Лягъ-на, отдохни лучше.

И, проводивъ сына въ кузницу, она поцѣловала его въ лобъ, перекрестила на сонъ грядущій и улеглась въ хлѣвушкѣ на разостланной соломѣ.

Однако какъ ни покойно было лежать Алексѣю Ивановичу на постели своей матери, онъ все-таки заснуть не могъ и очень былъ радъ, когда услышалъ голосъ брата, осторожно вошедшаго въ кузницу.

— Вы спите, братецъ?—шепотомъ спросилъ Александръ Ивановичъ брата.

— Нѣтъ, не сплю, Саша.

— Извѣстно: поди, отвыкли съ курами - то ложиться... Пой-

дейте, пройдемтесь, коли такъ... Вѣдь путемъ не смерклось еще. Алексѣй Ивановичъ быстро вскочилъ съ постели, одѣлся наскоро, и братья отправились по оврагу.

Проходили они долго... Алексѣй Ивановичъ вспоминалъ свое дѣтство... Узналъ даже два-три громадныхъ камня, по тяжести своей не снесенныхъ водой, и ему почему-то взгрустнулось... Такъ проходили они вплоть до утренней зари и разошлись только тогда, когда блеснули первые лучи восходящаго солнца.

Проспалъ Алексѣй Ивановичъ часовъ до одиннадцати утра, когда плотники успѣли уже сложить три вѣнца и стали поговаривать объ обѣдѣ. Алексѣй Ивановичъ даже сконфузился, что проспалъ такъ долго, и поспѣшилъ встать съ постели.

— Братъ, а братъ! — крикнулъ онъ, высунувшись изъ кузницы.

Но вмѣсто брата прибѣжала Куля.

— Вы что, братецъ?... Сашка нѣтъ: побѣжалъ накли покупать... Вамъ чего надоть?—спросила она.

— Умыться бы, Куля... Рукомойникъ и лоханка есть, что-ли, у васъ?

— Ну, захотѣли!... Мы по-мужичьи, изъ кувшинчика! — проговорила она, но вдругъ, какъ-будто что-то вспомнивъ, куда-то побѣжала.

— Ты куда, Куля?—крикнулъ онъ ей вслѣдъ.

— Сейчасъ къ батюшкѣ сбѣгаю, — отвѣтила она на бѣгу. — Сейчасъ принесу вамъ и рукомойникъ, и лоханку... сейчасъ, сейчасъ! — И она побѣжала по направленію къ батюшкину дому, а немного погодя воротилась, держа въ рукахъ лоханку и рукомойникъ, а въ то же время старуха-мать принесла Алешѣ кусочекъ мыльца и чистое полотенце.

— Ну, вотъ и отлично! — проговорилъ Алексѣй Ивановичъ, поздоровавшись съ матерью. И онъ принялся умываться, попросивъ Кулю и мать выйти изъ кузницы.

Немного погодя онъ вышелъ къ нимъ, тщательно одѣтый и причесанный; снова поздоровался съ матерью, поцѣловалъ у нея руку, расцѣловался съ сестрой, которую ласково потрепалъ по щекѣ и опять назвалъ хорошенькой; напился чаю и объявилъ, что онъ пойдетъ сейчасъ къ батюшкѣ съ визитомъ, а затѣмъ попросить его отслужить панихиду на могилѣ отца. Онъ пригласилъ на кладбище и мать, и брата, успѣвшаго уже сбѣгать за наемлей; но всѣ они отказались за недосугомъ. Это нѣсколько удивило Алексѣя Ивановича; но, вспомнивъ, что простой народъ привыкъ молиться объ

усоншихъ только по извѣстнымъ «поминающимъ» днямъ, успокоился.

У батюшки Алексѣй Ивановичъ пробылъ довольно долго, такъ какъ тотъ никакъ не отпускалъ его безъ чая.

— Покушайте, Алексѣй Ивановичъ, чайку, — говорилъ батюшка, — а втѣпоры отслужимъ и панихидку.

Дѣлать было нечего, Алексѣй Ивановичъ остался и принялся пить чай, который разносила успѣвшая прибѣжать Буля. За чаемъ батюшка рассказала Алексѣю Ивановичу про предложеніе, сдѣланное Мещеряковымъ Булѣ, и не мало дивился ея отказу.

— Помилуйте, — говорилъ онъ, — человѣкъ богатый... собственный свой участокъ земли верстахъ въ двухъ отъ Вырыпаева, бездѣтный... Положимъ, человѣкъ немолодой, но здоровый, крѣпкій, — и вдругъ отказала... Я, признаться, побранилъ вашу сестру, Алексѣй Ивановичъ... Ужъ извините: помилуйте, вѣдь это все одно, что отъ собственного своего счастья отказаться... Мельницу имѣеть, домикъ, своихъ лошадокъ и, сверхъ всего этого, человѣкъ не безденежный... Какъ можно!

Наконецъ, панихидка была отслужена. Алексѣй Ивановичъ поблагодарилъ батюшку, сунулъ ему въ руку серебряный рубль и направился домой. Проходя мимо школы, онъ зашелъ взглянуть на свое первое учебное заведеніе; познакомился съ учителемъ, отрекомендовавшимся ему бывшимъ ученикомъ этой школы, а нынѣ докторомъ Лопатинымъ, осмотрѣлъ училище. Затѣмъ Алексѣй Ивановичъ сдѣлалъ визитъ мѣстному земскому врачу, пробылъ у него съ полчаса и возвратился домой. Мѣстный врачъ ему не понравился: — живетъ грязно, въ мужичьей избѣ, и, кажется, не имѣеть ни малѣйшаго понятія о комфортѣ.

Дома столъ былъ накрытъ чистою скатертью, а на столѣ стоялъ приготовленный для него приборъ съ серебряною ложкой, ножомъ и вилокъ. Все это, конечно, было выпрошено Булей у батюшки и ею же принесено. За столомъ сидѣлъ только одинъ Алексѣй Ивановичъ, такъ какъ братъ сѣсть за столъ не рѣшался, а мать была занята стряпаньемъ обѣда. За обѣдомъ Алексѣй Ивановичъ высказалъ свое желаніе уврасить могилу отца приличнымъ памятникомъ, на каковой предметъ и выдалъ брату 25 руб., попросивъ его заяться этимъ дѣломъ.

Въ Вырыпаевѣ Алексѣй Ивановичъ прогостилъ дня три. Снова была подана ему яская бричка, запряженная тройкою земскихъ лошадей, и Алексѣй Ивановичъ принялся прощаться со своими родными.

— Вы, маменька, и ты, сестренка, и ты, братъ, — говорилъ онъ, обнимая мать и обращаясь къ сестрѣ и брату, — навѣстите меня... Посмотрите на мое житье-бытье! Вѣдь Алмазово всего въ тридцати верстахъ отсюда—рукой подать... Пожалуйста, навѣстите.

— Безпремѣнно, — заговорили всѣ, — какъ же не навѣстить... Ништо это можно.

— Я буду ждать васъ съ нетерпѣніемъ.

— Безпремѣнно пріѣдемъ, — проговорила старуха-мать.

— А когда именно?... А то можетъ случиться, что меня и дома не будетъ. Мнѣ приходится по пунктамъ разъѣзжать... У насъ это преглупо устроено, — продолжалъ Алексѣй Ивановичъ, — что доктора обязаны разъѣзжать по пунктамъ... Боленъ человѣкъ, ну и пріѣзжай къ доктору.

Мать заговорила было съ сыномъ о поясницѣ и спинѣ; но Алексѣй Ивановичъ ласково обнялъ мать, объявивъ, что сейчасъ заняться этимъ ему недосугъ, но осмотрить ее подробно, когда она пріѣдетъ навѣстить его.

— Тогда, мамаша, — говорилъ онъ, — я осмотрю васъ, поговорю съ вами, чѣмъ именно вы нездоровы, и дамъ лѣкарство.

Тѣмъ временемъ Александръ Ивановъ успѣлъ вынести изъ кухни чемоданъ брата, его подушку въ сафьянномъ чехлѣ и все это уложилъ въ бричку, а Буля подавала брату пальто и калоши.

— Ты вотъ какъ сдѣлай, братъ, — говорилъ Алексѣй Ивановичъ, надѣвая на себя пальто и калоши, — пріѣзжайте ко мнѣ въ воскресный день, такъ какъ по воскресеньямъ я всегда дома, а по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ я выѣзжаю на пункты... Слышишь?

— Слушаю, братецъ, — отвѣчалъ Александръ Ивановъ.

— Ну, друзья мои, — заговорилъ Алексѣй Ивановичъ, — пока до свиданья!

И онъ принялся опять всѣхъ обнимать и цѣловать.

— Смотрите, мамаша, — говорилъ онъ, — дорогая, милая моя, навѣстите меня... Я буду ждать васъ. Непремѣнно пріѣзжайте!... Вы очень меня огорчите, ежели не пріѣдете ко мнѣ.

— Пріѣдемъ, Алеша, пріѣдемъ, — говорили всѣ.

— Ну, а пока до свиданья! Будьте здоровы! — говорилъ Алексѣй Ивановичъ, усаживаясь въ бричку. — Охъ, ужъ эти мнѣ брички! — добавилъ онъ, похлопавъ по подушкѣ: — и тряска, чортъ ихъ побери, и непокойныя, то пылью всего обдастъ, то дождемъ до костей промочить.

братецъ, тарантасикъ бы завели,—заговорилъ Алексѣй Ивановичъ,—кстати у меня есть одинъ на примѣтъ... хотѣлъ тарантасикъ.

Дорогой, можетъ быть?

— Ну, зачѣмъ!... Много-много рублей семьдесятъ пять.

— Неужели?

— Даже изъ семидесяти пяти-то уступать... Потому: хозяинъ моего тарантаса померъ недавно.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, устрой,—заговорилъ Алексѣй Ивановичъ.—А лучше всего вотъ что сдѣлай: купи мнѣ этотъ тарантасъ, да въ немъ и прїѣзжайте ко мнѣ... А вотъ тебѣ и деньги,—прибавилъ онъ, подавая брату пачку ассигнацій.—Пожалуйста, устрой!

— Обязательно устрой, братецъ.

Алексѣй Ивановичъ приподнялъ шляпу, помахалъ ею, дѣлая прощальный жестъ, крикнулъ ямщику: «пошелъ!» и помчался по дорогѣ, ведущей въ село Алмазово, обдавъ всѣхъ облакомъ густой пыли.

— Ну,—проговорила старуха съ нѣкоторою гордостью,— теперь и мы поправимся, Богъ дастъ!—и, восторженно всплеснувъ руками, прибавила:—Какое молодчикъ-то... Одно слово—баринъ!

— Баринъ, баринъ!—подхватили Буля и Лопатинъ съ сіяющими отъ восторга лицами.

А подходившій какъ разъ въ эту минуту батюшка, видя восторгъ семьи Лопатина, проговорилъ:

— Ну, честь вамъ и слава, вывели на большую дорогу молодого человѣка... Теперь и онъ не забудетъ васъ.

V.

Земскій врачъ, Алексѣй Ивановичъ Лопатинъ былъ еще очень молодой человѣкъ, нисколько не походившій наружностью на брата своего Александра Иванова. Тотъ былъ ниже средняго роста, плечистый, боренастый, а этотъ, напротивъ, довольно высокаго роста, тонкій и стройный, съ красивымъ матово-блѣднымъ лицомъ, съ выразительными темными глазами и длинными вьющимися волосами. Онъ любилъ прїодѣться, пощеголять, всегда носилъ тонкое крахмальное бѣлье, слегка душился, душилъ свои носовые платки и слегка подстригалъ бородку. Прїѣхалъ онъ въ село Алмазово въ сопровожденіи какой-то барышни, съ которой, будучи еще студентомъ, случайно познакомился въ клиникѣ, гдѣ она

служила въ качествѣ сидѣлки. Привезъ онъ ее съ собой съ нѣмѣреніемъ рекомендовать земской управѣ, какъ знающую и опытную фельдшеру и акушерку.

За дѣло принялся Алексѣй Ивановичъ съ большимъ рвеніемъ; объѣхалъ весь свой округъ, всѣ свои амбулаторіи, всѣхъ сельскихъ старостъ, объявилъ всѣмъ о своемъ пріѣздѣ, о дняхъ пріема больныхъ въ селѣ Алмазовѣ, разспросилъ, нѣтъ ли гдѣ тяжело больныхъ, осматрѣлъ послѣднихъ, записалъ ихъ въ памятную книжку, настоялъ, чтобы въ алмазовской амбулаторіи перестлали полы, сильно шатавшіеся, облеилъ новыми обоями и вставилъ стекла въ разбитыя окна. Побывалъ онъ и у нѣсколькихъ священниковъ, разспросилъ, не имѣется ли въ ихъ приходѣхъ тяжело больныхъ, съ больными обходился ласково, привѣтливо, посѣщалъ ихъ по первому призыву, причемъ разспрашивалъ о ходѣ болѣзни, утѣшалъ и успокаивалъ ихъ и сразу же заручился симпатіями всего округа. Всѣ шли къ нему, не стѣсняясь, не робѣя и, встрѣчая съ его стороны ласковое и внимательное обращеніе, искренно полюбили его. Пріѣзжавшій въ село Алмазово по какому-то дѣлу членъ земской управы, разспрашивавшій жителей о новомъ докторѣ, получилъ о немъ самые лестные отзывы. Передали члену и нѣсколько случаевъ удачнаго исцѣленія, а главное: всѣ не могли нахвалиться его ласковымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ больнымъ. «Одно слово, душа человѣкъ, — говорили всѣ, — такихъ докторовъ намъ не доводилось еще видать».

Затѣмъ Алексѣй Ивановичъ счелъ своею обязанностью объѣхать и всѣхъ своихъ коллегъ-сослуживцевъ. На первыхъ порахъ онъ хотѣлъ было объѣхать ихъ съ привезенною имъ барышней, но потомъ передумалъ и отправился одинъ. Коллеги приняли его очень радушно, посвятили его въ таинства земской службы, посѣтовали на трудность службы, назвали ее «баторгой».

Квартиру снялъ себѣ Алексѣй Ивановичъ на церковной площади села Алмазова, въ домикѣ мѣстнаго купца Чеботарева. Домикъ этотъ былъ небольшой, но чистенькій и сверхъ того довольно помѣстительный. Въ распоряженіи Алексѣя Ивановича было три свѣтленькихъ комнаты, выходившихъ на церковную площадь, просторныя сѣни съ нѣсколькими чуланчиками, отдѣлявшія его квартиру отъ кухни, и даже маленькій балкончикъ, выходившій въ небольшой палисадничекъ, засаженный кустами сирени и бузины.

Квартирку свою Алексѣй Ивановичъ убралъ очень прилично: по окнамъ развѣсилъ кисейныя занавѣсочки, на стѣнкахъ — хорошенькія олеографическія картины въ рамкахъ; имѣлась у него и

оросенная мягкая мебель, письменный столъ, уставленный красивыми письменными принадлежностями и нѣсколько этажерокъ съ медицинскими книгами въ красивыхъ переплетахъ, — словомъ, квартира Алексѣя Ивановича была убрана и уютно, и мило. Квартиру эту Алексѣй Ивановичъ избралъ и потому еще, что она была почти ничуть съ его амбулаторіей и аптекой, въ которой поселилась фельдшерница Есенія Николаевна Раздувалова.

Неособенно скоро удалось семьѣ Лопатина попасть въ село Алмазово къ Алексѣю Ивановичу, что въ особенности возмущало старуху-мать, жаждавшую какъ можно скорѣе посмотрѣть на жительство Алеши. Ей все казалось, что безъ ея пособія Алеша, какъ человекъ молодой и вдобавокъ холостой, не сумѣетъ устроиться. Задавшись этою мыслью, она начала собираться къ Алешѣ чуть не въ день его отъѣзда изъ Вырынаева: наскоро выстирала два своихъ ситцевыхъ платья, двѣ кофточки, заставила Кулю разгладить ихъ и приготовила два полотенца и нѣсколько паръ шерстяныхъ чулокъ, ею самою связанныхъ, въ подарокъ сыну.

«У него, бѣднякаго, поди, и чулочковъ-то нѣтъ, — думала она, — ну вотъ пушай и поносишь моихъ трудовыхъ».

Хотѣлось и Кулѣ поскорѣй побывать у братца-доктора. Она тоже въ свою очередь приготовила себѣ одно самое лучшее платье, подаренное ей матушкой, и даже собственноручно заштопала прорывшіяся ботинки, тщательно вычистивъ ихъ выпрошенной у бабушки ваксой, — словомъ, и мать, и сестра ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дня отъѣзда въ село Алмазово, — но, какъ нарочно, день этотъ все откладывался и откладывался. Дѣло въ томъ, что Александру Иванову необходимо требовалось присмотрѣть за плотниками и въ то же время работать въ кузницѣ, такъ какъ, по случаю пріѣзда брата, работы накопилось очень много. Въ виду наступающей молотбы ему пришлось перечинить штукъ пять молотилокъ и съѣздить въ городъ за покупкой памятника на могилу отца. Памятникъ былъ купленъ и доставленъ въ село Вырынаево, и Александръ Ивановъ принялся устанавливать его на мѣсто, на что тоже потребовалось нѣсколько дней, а поставивъ памятникъ, поѣхалъ покупать брату тарантасъ, который и купилъ за пятьдесятъ рублей съ доставкой къ Лопатину. Онъ былъ въ восторгѣ, что успѣлъ такъ дешево угодить братцу. «Вѣдь слезно просилъ, нельзя же было не уважить, — говорилъ онъ матери, которой хотѣлось бы поскорѣй поѣхать къ Алешѣ. — Хорошо скоро не сдѣлаешь... Зато мы теперь не кой-какъ, а въ тарантасѣ къ братцу-то поѣдемъ. Это тоже

чего-нибудь да стодить... И ему, тоже самое, много пріятнѣй бу-
детъ такихъ гостей принять».

Между тѣмъ плотничья работа быстро подвигалась впередъ: стѣны были выведены, потолокъ настланъ, стропила поставлены и укрѣплены; оставалось только настлатъ полы, вставить рамы и покрыть крышу. Домикъ выходилъ хоть куда, и Александръ Ивановъ не могъ вдоволь налюбоваться имъ. Онъ даже казался ему красивѣе прежняго и выглядывалъ какъ будто уютнѣе и веселѣе. Расхаживая вокругъ этого домика, Александръ Ивановъ размечтался до того, что порѣшилъ покрыть его не камышомъ, а желѣзомъ.

— Какъ вы думаете, мамаша, — говорилъ онъ, обращаясь къ матери, продолжавшей ворчать и хмуриться, — не покрыть ли намъ домикъ-то желѣзомъ?

— Хоть золотомъ, — ворчала она, — коли денегъ въ карманѣ много.

— Положимъ, денегъ - то пѣтъ, да, можетъ, братецъ поплатит-
ся... У нихъ деньжонки виднѣются: памятникъ поставили, та-
рантасикъ купить приказали... А не онъ, такъ Семенъ Данилычъ
выручить... Онъ мужикъ добрый: поди, дастъ займы на желѣзо-
то, — не на пустяки прошу...

— Дождидайся!... Коли сестра не захотѣла быть его женой —
держи карманъ-то шире, дастъ, какъ же!...

Но Александръ Ивановъ, несмотря, повидимому, на столь осно-
вательныя возраженія матери, всетаки успѣлъ какъ-то сбѣгать къ
Семену Даниловичу и переговорить съ нимъ по поводу этого займа.
Оказалось, что Семенъ Даниловичъ съ большимъ удовольствіемъ
далъ Александру Иванову денегъ займы на покупку желѣза, честь-
честью угостилъ его, выпилъ съ нимъ малую толику и опять заго-
ворилъ о сестрѣ.

— Вотъ какъ бы Авулина Ивановна осчастливила меня своимъ
согласіемъ, втѣпоры, милый человѣкъ, я съ тебя и денегъ назадъ
не взялъ бы!... Ужъ больно она мнѣ по душѣ пришлась, сестра-то
твоя... Не за красоту одну: красота — товаръ непрочный, линючій,
а главная причина: дѣвка-то очень обстоятельная, хозяйственная...
А мнѣ безъ такой никакъ невозможно... Тоже вѣдь трудомъ добро-
то наживалъ... Эхъ, какъ бы ты, милый другъ, Александръ Ива-
новъ, какъ-нибудь съетажилъ это дѣло... Не только ей одной, а и
всѣмъ вамъ хорошо будетъ: и тебѣ, и старухѣ-матери... Я бы ее
втѣпоры въ себѣ переташилъ, комнатку отвелъ бы ей особую, и
пушай себѣ старуха жила бы у меня въ полномъ спокойствіи...
Домикъ у тебя точно — хорошенькій выходитъ, да вѣдь у тебя и

своя семья, слава Богу, не маленькая: пожалуй, старухѣ-то утѣснительно будетъ... Право, поговори-ка!... Человѣкъ я, самъ знаешь, непьющій, смиренный, тихій, одинокій и не перестарокъ: вѣдь мнѣ еще и пятидесяти нѣтъ. Какой же я старикъ... Эхъ, и зажили бы только!...

Александръ Ивановъ общалъ поговорить. А возвратясь домой и показывая матери полученные деньги, восторженно воскликнулъ:

— Вотъ онѣ, матушка, денежки-то!... Теперь домигъ погрозимъ желѣзомъ, да раскрасимъ крышу-то.

Потомъ, обнявъ старуху и отведя ее къ сторонкѣ, прибавилъ шепотомъ:

— Опять насчетъ Були говорилъ, опять просилъ, чтобы, значитъ, выдать ее за него. Всѣмъ вамъ, говорить, хорошо будетъ... А тебя хочеть даже къ себѣ взять, особую комнатку дать: пущай, говорить, старушка въ удовольствіи да въ покоѣ свой вѣкъ доживаетъ... Что ты скажешь на это, матушка?

— Съ Алешей посовѣтоваться надо,—проговорила старуха,—какъ онѣ прикажеть... Онѣ человѣкъ ученый, лучше насъ всякія дѣла понимаетъ... А коли по душѣ придется ему эта свадьба, можетъ сестрѣ пособить чѣмъ ни на есть: платице сошьеть, шубку сдѣлаеть: вѣдь у ней, у родимой, нѣтъ ничего.

— Онѣ приданого не требуетъ... Ты лучше вотъ о чемъ поговори съ нимъ: не поможетъ ли онѣ намъ съ долгами расплатиться: вѣдь для него занимали-то, не для себя... Мало ли ему денегъ-то переслали... Вотъ о чемъ лучше попроси. Теперь онѣ человѣкъ богатый, одного жалованья сто рублей въ мѣсяцъ получаетъ... А приданого Семенъ Даниловичъ не требуетъ... Насчетъ долговъ-то лучше поговори!... И отецъ, когда умиралъ, приказывалъ, чтобы безпрѣмѣнно заплатилъ... «Пора, — говорить, — и совѣсть знать»... Вѣдь мнѣ не подъ силу, по правдѣ сказать...

На слѣдующій день рано утромъ возлѣ плетенаго сарайчика Янатина стоялъ тарантасикъ, запряженный паромъ крестьянскихъ лошадей, а вокругъ тарантасика сустилась Буля, укладывая въ него разные узелки и мѣшечки.

— Ну, все готово!—крикнула она тутъ же стоявшей старухѣ-матери.—Готово, ѣдемте!

— Эй, Саша, гдѣ ты?—принялась кричать старуха, призывая Александра Ивановича.—Все готово... Ѣдемъ, ѣдемъ!

Выбѣжалъ Александръ Ивановъ въ своемъ пиджакѣ съ заплатами на локтяхъ, посадилъ въ тарантасъ старуху-мать, сестру, вскочилъ на козлы (лошадей онѣ нанялъ съ тѣмъ, чтобы самому

править ими), разобралъ вожжи, крикнулъ плотникамъ, чтобы рѣшили стропила подѣ желѣзо, тронулъ вожжами, и лошади затрусили легонькой рысцой по дорогѣ въ Алмазово.

Старушка-мать успокоилась и принялась креститься, поглядывая на церковь: «Насилу-то, — шамкала она старческиими губами, — насилу-то собрались». Чуть не всю дорогу старуха тростила дочери про Семена Даниловича Мещерякова: перечисляла его достоинства какъ нравственные, такъ и матеріальныя; восхищалась его домикомъ, садикомъ, мельницей... Призналась даже, что была бы совершенно счастлива, видя своего сына докторомъ, а дочь богатой купчихой въ шелковыхъ платьяхъ и разъѣзжающей не на наемныхъ клячахъ, какъ теперь, напримѣръ, а на собственныхъ своихъ, съ кучеромъ... А Буля только слушала, да помалчивала, глядя на тощую пару крестьянскихъ клячъ, запряженныхъ въ раскрашенный и покрытый лакомъ хорошенькій тарантасикъ брата. «А хорошо бы, — думала она, развалиясь въ уголъ тарантаса, — если бы на мѣсто этихъ заморенныхъ клячъ, была запряжена лхая тройка въ наборной сбруѣ съ бубенчиками и колокольчиками подѣ ярко раскрашенной дугой»... А въ это самое время, какъ нарочно, послышался мягкій малиновый звонъ двухъ колокольчиковъ и топотъ быстро несущихся подкованныхъ лошадей.

— Семенъ Даниловичъ катить! — крикнулъ Лопатинъ, самодовольно улыбаясь, повернувшись къ сестрѣ.

Старуха спала уже, а Буля, вся встрепенувшись, выпрямилась, какъ-то торопливо принялась поправлять платочекъ на головѣ и зорко всматриваться вдаль на приближавшуюся тройку, такъ и мчавшуюся по дорогѣ, поднимая облако густой пыли и гремя бубенцами и колокольчиками. Буль даже стыдно какъ-то стало, что они ползутъ на такихъ ободранныхъ клячахъ.

— Неужто ты не могъ лошадей-то получше подыскать! — проговорила она брату.

— Гм... получше, — проговорилъ онъ. — И за такихъ-то придется платить по рублю въ сутки... А то — лучше!...

Налетѣло облако густой пыли, поднятой экипажемъ Мещерякова. Пыль быстро пронеслась, и въ то же мгновеніе послышался голосъ Семена Даниловича:

— Акулинъ Ивановичъ мое почтеніе! — прокричалъ онъ и, приказавъ кучеру остановиться, выскочилъ изъ тарантаса и подбѣжалъ къ Лопатинымъ, лошади которыхъ принялись пощипывать траву.

Поздоровавшись со всѣми, онъ принялся рассказывать, что сейчасъ только отъ Алексѣя Ивановича, къ которому ѣздилъ насчетъ

своего здоровья; прибавилъ, что Алексѣй Ивановичъ принялъ его ласково, долго говорилъ съ нимъ, выслушивалъ его, ощупывалъ и объявлялъ, что у него все въ порядкѣ и что такого крѣпкого сложения онъ еще не видывалъ. А затѣмъ передалъ, что Алексѣй Ивановичъ живетъ деликатно, совсѣмъ по-барски: даже иные господа знаютъ много проще, что за квартиру онъ платитъ 200 рублей въ мѣсяцъ съ хозяйскимъ отопленіемъ и столуется у фельдшерицы за 15 рублей въ мѣсяцъ—и обѣдаетъ, значить, и ужинаетъ, добавилъ онъ, а чай, сахаръ свой. Вамъ кланяться приказалъ и приказалъ сказать, что ждетъ васъ всѣхъ къ себѣ. Затѣмъ онъ добавилъ, что Алексѣя Ивановича всѣ полюбили, что съ больными онъ обращается ласково, не такъ, какъ иные товарищи его, которые мужиковъ за бороды теребятъ; что водки Алексѣй Ивановичъ не потребляетъ; при этомъ привелъ въ примѣръ одного врача, съ пьяна выбившаго изъ-то стекла; что съ богатыхъ больныхъ денегъ за визиты не требуетъ, и опять привелъ въ примѣръ какого-то другого врача, и, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что все это узналъ онъ отъ хозяина того дома, въ которомъ квартируетъ Алексѣй Ивановичъ и съ которымъ пріятельски знакомъ. «Когда-то выѣстъ шерстью торговали»,—добавилъ онъ. Словомъ, наболталъ съ три короба, а самъ все поглядывалъ на Булю, изрѣдка вздыхалъ и все старался казаться мѣдведатымъ.

Все переданное Мещеряковымъ про Алексѣя Ивановича было вѣрно: дѣйствительно, имъ были всѣ довольны. Онъ внимательно и ласково обращался съ больными, ходилъ по избамъ и навѣщалъ тяжело больныхъ, аккуратно разфѣзжалъ по пунктамъ, ни денегъ, ни подарковъ ни съ кого не бралъ и вообще зарекомендовалъ себя наилучшимъ образомъ.

Всѣ эти свѣдѣнія очень порадовали старуху; извѣстіе же, что у Алени нѣтъ собственной своей стрипухи и что онъ, докторъ, словно какой нахлѣбникъ, бѣгаетъ обѣдать и ужинать къ фельдшерицѣ, очень огорчило ее.

— Знаю дѣло, — говорилъ Семенъ Даниловичъ, прощаясь и поглядывая на Булю, — безъ хозяйки домъ сирота... По себѣ знаю, — прибавилъ онъ, тяжело вздохнувъ и опять посмотрѣвъ на Булю, почему-то опустившую глаза. — По собственной своей шкурѣ... Домъ — полная чаша, а нѣтъ хозяйки и нѣтъ ничего въ домѣ... Такъ-то и Алексѣй Ивановичъ... Тоже домикъ-то—полная чаша, а перекусить нечего... У хозяина ужъ обѣдалъ, признаться, у Чеботарева, — прибавилъ онъ. — Спасибо—накормилъ, не ѡмши остался бы...

И, проговоривъ это, еще разъ поспѣшно простился со всѣми, вскочилъ въ тарантасъ и помчался, а наши путешественники поплелись шагкомъ, обдаваемые налетѣвшею изъ-подъ тарантаса Мещерякова густою пылью.

VI.

У Алексѣя Ивановича семейство Лопатиныхъ прогостило дня три-четыре. Алексѣй Ивановичъ былъ, видимо, счастливъ. Онъ выбѣжалъ встрѣчать ихъ на крылечко своей квартиры, обнялъ и расцѣловалъ старуху-мать, поцѣловалъ сестру, причемъ почему-то ласково и съ улыбкой погрозилъ ей, назвавъ «сердцеѣдкой», расцѣловался и съ братомъ, полюбовался купленнымъ для него тарантасикомъ, замѣтивъ, что не мѣшало бы его вымыть, и поспѣшилъ проводить дорогихъ гостей въ комнаты.

— Вы, вѣроятно, утомились, милая мамашенька, — говорилъ онъ, усаживая старуху на диванъ и подкладывая ей за спину шитую шерстями подушку. — Чѣмъ прикажете угощать васъ?... Чайку не желаете ли?

И, получивъ въ отвѣтъ, что она съ удовольствіемъ выпила бы чашечку-другую, куда-то выбѣжалъ, накинувъ на голову пуховую шляпу. Когда онъ проходилъ мимо оконъ своей квартиры, старуха крикнула ему:

— Ты куда же это, сыночекъ? — и получивъ въ отвѣтъ, что онъ идетъ распорядиться насчетъ самовара, немало удивилась такому отвѣту. — Неужто и самовара своего нѣтъ? — удивилась она, взглянувъ на Булю, разсматривавшую тѣмъ временемъ съ видимымъ изумленіемъ квартиру братца. — Неужто и чай пить бѣгаетъ къ фельдшерицѣ?... Ужъ это больно чудно чтой-то!...

— Посмотрите-ка, посмотрите-ка, мамаша, зеркало-то какое у братца Алексѣя Ивановича! — говорила между тѣмъ Буля, повертываясь передъ зеркаломъ и осматривая свой туалетъ. — Не нашему чета... Да чего про наше толковать, у бабушки даже такого нѣтути... А салфетка-то на столѣ какая! — вскрикнула она, ощупывая гладью вышитую салфетку, которою былъ накрытъ переддиванный овальный столъ. — Вотъ прелести!... Цвѣточки-то, цвѣточки-то, словно живые, такъ и хочется понюхать... А занавѣсочки-то... А лампа-то... А картинки-то на стѣнахъ!... Правду сказалъ Семенъ Даниловичъ, что братецъ Алексѣй Ивановичъ свѣтло живутъ, лучше иного барина... Кажись, у Семена Даниловича въ комнатахъ много хуже, чѣмъ у братца Алексѣя Ивановича.

— Еще бы! — замѣтила не безъ гордости старуха. — Не мужикъ, поди, Алеша-то — дохтуръ. Ништо можно жить ему по-нашенски... Вотъ только самовара нѣтъ, — продолжала она, — это чтой-то твоо... — и вдругъ, перемигнувъ тонъ, спросила: — А гдѣ Сашокъ?

— Должно, лошадей распрягаетъ да тарантасъ моетъ.

— Квартира ничего, — заговорила старуха, любуясь помѣщеніемъ Алеши.

— А патретовъ-то, патретовъ-то сколько понавѣшано. Поди, господа все, пріятели Алешины. Тоже вѣдь не со всякимъ человѣкомъ знакомство водить... съ разборомъ, поди. Ну-ка, сбѣгай-ка, Буля, — продолжала старуха, — посмотри, есть ли у него куфня.

Буля сбѣгала и тотчасъ же воротилась.

— Ну, что, есть?

— Куфня — то есть, мамаша, — отвѣтила Буля, — куфня хорошая, просторная. Только въ куфнѣ-то, — прибавила она, весело расхохотавшись, — нѣтъ ничего: ни чугуновъ, ни горшковъ, даже ухвата не видѣется. А ужъ грязи-то, сору-то — этого добра видимо-невидимо, словно какъ мѣсяца два не мели.

— Неужто? — вскрикнула старуха, быстро вскочивъ съ дивана и подбѣгая къ двери. — Ну-ка, Буля, покажи-ка мнѣ, — прибавила она, — гдѣ у него куфня-то.

Буля показала.

— Господи! — вскрикнула старуха, всплеснувъ руками. — Въ такомъ свиномъ хлѣбѣ много чище. Знамо, безъ хозяйки домъ сирота. Женить его надоть, — прибавила она, — безпремѣнно женить. Мало ли у насъ барышень-то. Поди, за дохтура-то любая съ радостью пойдетъ, такого жениха не вотъ тотчасъ найдешь.

И вдругъ, увидавъ въ углу валявшійся вѣникъ, принялась подметать кухню, подмела ее, а потомъ съ вѣникомъ въ рукахъ вышла въ сѣни и кстати подмела и тамъ, гдѣ тоже было не мало всевозможнаго сора.

— Посмотрѣть еще въ чуланчикахъ чисто ли? — И, проговоривъ это, старуха вошла въ одинъ изъ чулановъ. Тамъ однако все обазалось въ надлежащемъ порядкѣ, только одно очень изумило старуху, что на стѣнахъ этого чуланчика висѣло нѣсколько накрахмаленныхъ женскихъ юбокъ. Она тщательно пересмотрѣла ихъ, перещупала и покачала головой. — Нѣтъ, женить, женить надоть! Вѣпоры у него и куфня своя будетъ и самоваръ.

И старуха вышла изъ чулана, перебирая въ умѣ имѣвшихся въ ономъ не вѣсть — барышень. А какъ разъ въ эту минуту вошелъ въ сѣни и Алексѣй Ивановичъ.

— Ну, мамаша, — проговорилъ онъ, — пожалуйста! Сію минуту намъ и самоварчикъ подадутъ.

— Развѣ у тебя, Алеша, нѣтъ свово-то?

— Есть, есть, мамаша, — заговорилъ Алексѣй Ивановичъ, нѣсколько смутившись. — Но изволите ли видѣть, дорогая моя, — продолжалъ онъ, снова усаживая ее на диванъ и подкладывая за спину подушку, — столуюсь я у фельдшерицы, кстати у ней же и чай пью, одному скучно, во-первыхъ, а во-вторыхъ, гдѣ же мнѣ возиться самому? Я не привыкъ и не умѣю, по правдѣ сказать. — И, быстро оборотясь къ Булѣ, добавилъ: — Я и сейчасъ прошу тебя, сестра, напоить насъ чаемъ. Вотъ тебѣ сахарница, — прибавилъ онъ, указывая на щегольскую сахарницу, — тутъ и чай, и сахаръ, и нѣсколько серебряныхъ чайныхъ ложекъ. Вѣроятно, ты большая мастерица разливать чай? Я помню, — продолжалъ онъ, — какимъ превосходнымъ чаемъ ты угостила меня, когда я былъ съ визитомъ у вашего вырыпаевского батюшки. — И, взглянувъ на Булю, всплеснулъ руками и чуть не вскрикнулъ. — Боже мой! Да что же ты не умоешься, сестра? Вѣдь у тебя все лицо въ пыли. Пойдемъ-ка... Умойся. И вы, мамаша, не хотите ли освѣжиться? Вы тоже вся въ пыли.

— Это ничего, можно, — проговорила старуха, вставая съ дивана.

— Пойдете-ка ко мнѣ въ спальню. Вотъ вамъ умывальникъ, мыло, полотенце, губка.

— А гдѣ же вода-то?

— А вотъ и вода, — проговорилъ Алексѣй Ивановичъ, нажавъ педаль мраморнаго умывальника. — Это очень просто дѣлается, — продолжалъ онъ, показывая Булѣ, какъ именно слѣдуетъ обращаться съ умывальникомъ.

— Вотъ диковина-то! — удивлялась Буля, глядя на струившуюся фонтаномъ воду. — Я отродясь не видывала такихъ.

— Хороша штука! — проговорила старуха, покачивая головой, — а дорога?

— Кажется, рублей двадцать пять, но, право, хорошенько не помню. Нашему брату, доктору, безъ такихъ умывальниковъ нельзя, на дню-то безпрестанно приходится руки мыть. Ну, умывайтесь же, дорогія мои, а я пока приготовлю въ гостиной все, что требуется для чая. Умывайтесь, умывайтесь. А вотъ тебѣ и духи, — прибавилъ онъ, подавая сестрѣ склянку духовъ. — Вѣроятно, ты, такая хорошенькая и молоденькая, не прочь будешь подушиться.

И, весело расхохотавшись, онъ вышелъ изъ спальни, притворивъ за собою дверь.

Старухъ мраморный умывальникъ не понравился по своей докучливости.

«Лучше бы коровку купилъ на эти деньги,—думала она.— Это коровки-то нѣтъ, поди».

Зато Буля была въ восторгѣ. Весело хохоча и вся раскраснѣвъ отъ удовольствія, она подставляла подъ фонтанчикъ голову и жила подавшей на нее свѣжей струей. Умывшись, она подбѣжала къ зеркалу, стоявшему на небольшомъ столикѣ, сѣла подле зеркала на стулъ и принялась расчесывать волосы лежавшіе на столикѣ черепаховымъ гребнемъ. Подошла къ этому столу и старуха, посмотрѣла на столикъ, заставленный разными косметиками, перенюхала ихъ, покачала головой и вдругъ вытаращила глаза, увидавъ на томъ же столѣ нѣсколько въ беспорядкѣ разбросанныхъ женскихъ шпилекъ, которыхъ даже и не замѣтила добродушная Буля.

«Нѣтъ, женить, женить надоть»,—подумала старуха и быстро отошла отъ столика.

Немного погодя, онѣ были уже въ гостиной и сидѣли вокругъ чайнаго стола, накрытаго бѣлой тонкой скатертью и уставленнаго разночками съ печеньемъ для чая. Булю Алексѣй Ивановичъ заставилъ за самоваръ, блестявшій, какъ золото, и заставилъ ее разливать чай.

— Бушайте, мамаша дорогая, кушайте! Вотъ вамъ булочки, старухи, рисовое печенье. Вотъ сливочное масло, сыръ. Бушайте, пиши мои!

Пришелъ, наконецъ, и Сашокъ. Онъ успѣлъ дать корму лошади, который купилъ на базарѣ, вымылъ тарантасъ и даже успѣлъ сѣсть на рѣку и искупаться. Словомъ, молодецъ — молодцомъ, только заплаты на локтяхъ пиджака да личные сапоги съ заправленными за нихъ штанами какъ-то не гармонировали съ его веселымъ улыбающимся лицомъ.

— Вымылъ я, братецъ, тарантасикъ вашъ, въ каретничекъ поставилъ,—проговорилъ онъ, весело улыбаясь и потирая грубыми руками.—Теперь опять словно новенькій.

Алексѣй Ивановичъ принялся усаживать его за чайный столъ; но Сашокъ, увидѣвъ скатерть, блестящую, какъ серебро, корзинки съ печеньемъ и разложенныя чайныя салфеточки, смутился какъ-то и за столъ не сѣлъ.

— Я вотъ здѣсь, братецъ, здѣсь,—проговорилъ онъ, указывая на уголъ.— Не безпокойтесь, мнѣ здѣсь способнѣй будетъ.

И онъ усѣлся въ уголъ за небольшой столикъ, ничѣмъ не прикрытый. За чаемъ старуха-мать принялась разспрашивать Алешу о стоимости всей этой обстановки. Алексѣй Ивановичъ даже рукой махнулъ и объявилъ, что все это обошлось ему довольно дорого.

— Вѣдь я вамъ писалъ, кажется, что, поступивши въ университетъ, я познакомился съ княземъ Сердобинымъ, съ отцомъ нашего здѣшняго Сердобина. Вѣроятно, слышали фамилію эту?

— Какъ не слыжать, братецъ,—заговорилъ Сашокъ, прихлебывая чай съ блюдечка,—богатѣйшій баринъ. Я лѣтось ему паровую молотилку оправлялъ. Богатѣйшій!... Усадьба какая!...

— Да, это очень богатые люди, — перебилъ его Алексѣй Ивановичъ.— Итакъ,—продолжалъ онъ,—поступивъ въ университетъ, я случайно познакомился со старикомъ княземъ, приготовлялъ двоихъ его сыновей въ гимназію, ученики мои блестящимъ образомъ выдержали экзаменъ, и вотъ старпѣкъ князь обрадовался, предложилъ мнѣ жить у него въ домѣ въ качествѣ репетитора и назначилъ мнѣ приличное вознагражденіе, а именно двадцать пять рублей въ мѣсяцъ.

Старуха мать даже руками всплеснула.

— Двадцать пять рублей,—прошамкала она,—Господи!

— Ну, вотъ, у князя я, какъ говорится, былъ, какъ у Христа за пазухой. У меня была особая комната, прелестно меблированная, обѣдалъ я за князьимъ столомъ, ѣздилъ съ нимъ по театрамъ и концертамъ и, конечно, успѣлъ накопить небольшую сумму денегъ. А когда кончилъ курсъ и получилъ настоящую должность, всѣ эти деньги пришлось издержать на разные покупки.—И, рассказавъ все это, Алексѣй Ивановичъ весело расхохотался.—Я, маменька,—продолжалъ онъ,—не скаредъ какой-нибудь, который копить деньги и дрожить надъ ними. Нѣтъ, нѣтъ, я не такой, мамаша, я просто «рубаха».—И вдругъ, замѣтивъ, что масло и сыръ остаются непочатые, проговорилъ торопливо:—Вы что же, мамаша, сыру не попробуете? Буля, ты что же это, кушай! У князя, бывало, всегда къ чаю подавались и сыръ, и масло, и ветчина, и холодная телятина. Ну, вотъ я и набаловался.

— Я еще не знаю, какъ и ѣсть-то его!—замѣтила Буля.—Надо поучиться допрежь.

— Допрежь!—передразнилъ онъ сестру.—Что ужъ это ты, Буля, развѣ такъ говорить?

— Бабу же, братецъ?

— Прежде — говорятъ. Ай, ай, ай, сестренка! А еще у бабушки
есть.

— Мы люди неученые, — перебила его Буля.

— А ты учись, дурочка! — замѣтила старуха.

Въ это самое время въ растворенномъ окнѣ показалась чья-то
темная головка съ пенсне на носу, суетливо проговорившая за-
малюющими голосомъ:

— Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ! Князь ѣдетъ...
есть.

— Князь? — вскрикнулъ Алексѣй Ивановичъ, быстро вскочивъ
съ мѣста и подбѣгая къ окну.

— Князь, князь!

— Да онъ ли, Ксенія Николаевна?

— Онъ, онъ... съ горы спускается. Вѣдь его экипажъ — то за-
ятый, кажется, ни у кого здѣсь нѣтъ такихъ. Да и лошади съ
подстриженными хвостами и въ англійскихъ шоркахъ. Онъ, онъ!
Онъ вѣдь, должно быть.

Всѣ всполошились. Алексѣй Ивановичъ забѣгалъ и заматался
въ комнатѣ, разсыпался передъ старухой-матерью въ извиненіяхъ,
вынулъ въ руки самоваръ, попросилъ Булю захватить корзиночки
съ печеньями, скатерть, заставилъ Сашку перенести чайный столъ
и крича: «Туда, туда пойдете, въ другую половину!» выбѣжалъ
въ сѣни, а за нимъ побѣжали и всѣ остальные. Немного погодя,
когда были уже на другой половинѣ квартиры, т.-е. въ кухнѣ, такъ
внезапно еще подметенной старухой-матерью. Сашокъ принесъ столъ,
закрылъ его скатертью, Алексѣй Ивановичъ поставилъ на столъ
самоваръ, Буля — корзиночки съ печеньемъ, сыръ, масло, сбѣга-
ла за остальными чайными принадлежностями и въ то же время
замалюющимся отъ бѣготни голосомъ объявила, что князь подѣ-
жалъ къ воротамъ. Сашокъ выбѣжалъ посмотрѣть на экипажъ
князя, а Алексѣй Ивановичъ снова принялся разсыпаться въ из-
виненіяхъ:

— Ужъ вы извините меня, мамаша, дорогая моя! Кушайте себѣ
чай. Будьте какъ дома, а я побѣгу встрѣчать князя. Нельзя же,
милочко.

И онъ суетливо выбѣжалъ въ сѣни.

— Здравствуйте, князь, здравствуйте! — слышался изъ сѣ-
ней его голосъ. — Милости прошу! Очень радъ васъ видѣть.

Слышались удалявшіеся шаги, рѣзкій голосъ князя, привѣт-

ствовавшего Алексѣя Ивановича, хлопнула какая-то дверь—и все затихло.

— Ну, вотъ мы и въ кухню!—замѣтила старуха.—Кухня хорошая, просторная.

— Пожалуй, здѣсь вольготнѣе!—весело заговорила Буля,— поѣдимъ себѣ все, что есть на столѣ, а онъ тамъ пускай себѣ съ княземъ разговариваетъ!

И она весело расхохоталась, а глядя на ея веселый хохотъ улыбнулась и старуха.

— И то правда, дочка, здѣсь много вольготнѣй. Ну-ка, налей-ка чашечку. Я съ булочкой попробую, какія-такія булочки.

А. Саловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОСИДѢЛКИ.

Румынскія сказки *).

Недавно въ Парижѣ вышелъ французскій переводъ румынскихъ сказокъ Jules Brun: «La veillée»). M-lle Lucile Kitzo написала къ книгѣ слѣдующее предисловіе:

Сборникъ румынскихъ сказокъ, переведенныхъ на французскій языкъ Jules Brun, представляетъ выдающійся интересъ: онъ вводитъ насъ въ мѣстный міръ преданій, вызываетъ передъ нами образы бѣлыхъ Иланъ, прекрасныхъ королевичей, драконовъ, злыхъ духовъ, онъ рисуетъ намъ фантастическое царство, населенное то веселыми, то страшными, то смѣшными, но всегда необыкновенными существами. Умъ нашъ, усталый отъ измѣтительнаго анализа современнаго романа, отъ Ибсеновской драмы и символическихъ стиховъ, отдыхаетъ на ясныхъ и простыхъ картинахъ. Румынскія сказки заключаютъ въ себѣ сокровища поэзіи и мысли. Не вдаваясь въ исторію ихъ происхожденія, я постараюсь только обрисовать шутливыхъ героевъ, указать на художественныя особенности языка. Jules Brun озаглавилъ свою книгу *Посидѣлки*, что соответствуетъ румынскому слову «klaka». У карпатско-дунайскихъ народовъ существуетъ два вида такихъ посидѣлокъ: зимнія и осеннія. Характеръ первыхъ намъ какъ разъ лучше передаютъ слѣдующія строки: «Будемъ лущить орѣхи и купать въ ваннѣ при закрытыхъ дверяхъ; огонь трещитъ въ глиняной печи, работа кипитъ въ быстрыхъ рукахъ; задумавшись, сѣдая бабушка начинаетъ: «Однажды жилъ да былъ...» Прекраснѣе Париса, отважнѣе Ахилла, хитроумнѣе Улисса королевичъ Făt-Frîşos **) совершаетъ свои подвиги. То онъ сынъ императора, то рожденъ въ избушкѣ дровосѣка, но неизмѣнно любить онъ бѣлокурую Илану, любовь ихъ увѣнчана всегда счастливымъ бракомъ. И когда старуха своимъ однообразнымъ голосомъ кончаетъ: «жили они да поживали, да дѣтей наживали», — мы имѣемъ вѣчную, слабо отдающуюся ему руку. Осеннія посидѣлки

* Им приводимъ только двѣ изъ нихъ.

** Făt-Frîşos въ букв. переводѣ—прекрасный витязь.

собираются въ концѣ сентября вокругъ костровъ, когда вечера въ горахъ дѣлаются прохладнѣе. Женщины прядутъ, старики протягиваютъ къ огню заскорузлыя руки, дѣти открываютъ большіе внимательные глаза, пастухъ выдалбливаетъ ножомъ дудку, и всѣ слушаютъ, «какъ будто то было на момъ дѣлѣ». Если румынъ и не вѣрить въ героевъ нашей эпопеи крѣпко, онъ все-таки надѣе на нихъ и не смѣется. Однажды я спросила старую-престарую бабу, вѣрить ли она во всѣ эти чудеса? «Все можетъ быть», отвѣтила она, пожимая плечами, но во взглядѣ ея было больше увѣренности, чѣмъ сомнѣнія. Ничего интереснѣе, какъ присутствовать на одной изъ такихъ посидѣлокъ, наблюдать за лицами собравшихся гостей. Сказочникъ, чаще всего сказница, морщинистая, бѣлая какъ лунъ баба очень ловко владѣетъ свѣдѣннѣйшей аудиторіей. Она заставляетъ ее то смѣяться, то содрогаться отъ ужаса. Если герой въ опасности, всѣ лица вытягиваются, веретѣна падаютъ изъ рукъ дѣвушекъ, парни качаютъ головами. Интересно такъ прослѣдить, какъ вообще румынъ представляетъ себѣ своихъ сказочныхъ героевъ: на примѣръ, въ сказкѣ никогда не упоминается о царѣ и царицѣ, а непременно объ императорѣ и императрицѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, названіе это беретъ начало изъ времени покоренія римлянами древней Дакии (164 г., при Троянѣ и Авреліи). Преданіе объ императорахъ удержалось въ румынскихъ сказкахъ такъ же, какъ въ латинскихъ о короляхъ. Императоры собственныхъ именъ не имѣютъ, а называются «императоръ зеленый», «красный», «желтый», рѣже всего «бѣлый». «Красный» олицетворяетъ собою злого духа. Онъ даетъ Făt-Frumos тяжелыя испытанія, у него есть всеединственная дочь, такая же злюка, какъ онъ, но королевичъ въ концѣ концовъ женится на ней, обративъ ее въ кроткую овечку. За исключеніемъ краснаго императора, всѣ остальные отличаются добротой и мудро управляютъ своими обширными владѣніями. Живетъ императоръ въ страхѣ и почитаніи: помогаетъ бѣднымъ и оскорбленнымъ, защищаетъ вдовъ и сиротъ. Онъ долготерпѣливъ, храбръ, милостивъ и справедливъ. На совѣтъ, какъ Карлъ Великій своихъ перовъ, созываетъ онъ двѣнадцать бояръ и все слѣдуетъ совѣту старѣйшаго. Что касается императрицы, то роль ея скромнѣе. Мы знаемъ только, что она прекрасна и вѣрна своему супругу. Въ одной румынской сказкѣ она не является злой вѣдьмой: нашъ герой олицетворяетъ въ ней типъ добродѣтельной женщины, скромной и сдержанной, тогда какъ императоръ служитъ образцомъ совершеннаго владыки. Императорская чета часто бываетъ бездѣтна. Для того, чтобы снѣсть это ужасное проклятіе, созываются волшебники и знахарки, подающіе и дающіе очень странные совѣты. Такъ, на примѣръ, бесплодная императрица должна пройти мимо образа Пресвятой Дѣвы. «Слеза задрожала въ глазахъ Матери Господней, — говоритъ преданіе, — и императрица благочестивыми устами спила ее», послѣ чего молитва была исполнена. У императора и императрицы есть единственный сынъ Făt-Frumos или три красавца братья, изъ которыхъ младшій всегда бываетъ самымъ прекраснымъ и храбрымъ. Не безынтересно сравнить румынскаго королевича съ французскимъ Роландомъ.

Chagmant. Первый превосходить своего соперника необыкновенными качествами, которыми его одарила восточная фантазія. Конечно, французскій принцъ прекрасенъ, строенъ, ловокъ, любезенъ и храбръ, но подвиги его купаются румынскому королевичу. Prince Chagmant, такой, каковы его воображаютъ Regault, m-me d'Aulnay и др., носить парикъ, манжеты и жабо вѣдущихъ блестящихъ придворныхъ Людовика XIV. Fét-Frutos, бросающій свою дубину на день разстоянія, болѣе мужиковать, но зато менѣе притонить. Онъ даже не всегда рождается во дворцѣ, часто въ избушкѣ пастуха «гѣда» и «бабы», но его сверхчеловѣческія качества все-таки создаютъ ему блестящую судьбу: онъ такъ уменъ и зрѣлъ, что плачетъ еще во чревѣ матери, и она его утѣшаетъ, говоря: «Не плачь, сынъ мой. Когда ты подрастешь, я дамъ тебѣ въ жены прекрасную Илану». Въ одной сказкѣ онъ до тѣхъ поръ не хочетъ появляться на свѣтъ, пока ему не общаются молодость безъ старости и жизнь безъ смерти. Вѣщность его одинакова во всѣхъ сказкахъ: у него золотые волосы и голубые глаза. Ученый m-r Hasdeu объясняетъ эту особенность закономъ контрастовъ. Румыны, онъ говоритъ, обладаютъ бронзовой кожей, темными волосами и черными глазами. Они не могутъ вообразить, чтобы герой, совершающій столько славныхъ подвиговъ, былъ сотворенъ по ихъ образу и подобию. Во многихъ рассказахъ Fét-Frutos называется вѣстоудрымъ. Онъ, говорившій еще до рожденія, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и скоро мудростью превосходитъ своихъ учителей. Въ 15-ти годахъ онъ дѣлается грустнымъ и задумчивымъ, призывная обѣщаніе родителей дать ему въ жены прекрасную Илану. Прежде чѣмъ отправиться на поиски за ней, онъ, какъ покорный сынъ, сначала проситъ ихъ благословенія, а потомъ уже уходитъ «на большую дорогу жизни». Передъ своимъ отъѣздомъ онъ проситъ у отца дать ему лошадь и оружіе. Заржавленные доспѣхи лежатъ на чердакѣ. Онъ ихъ собственноручно чиститъ и идетъ въ конюшню, чтобы взять отцовскаго коня. Но тамъ онъ находитъ старую клячу, которая говоритъ ему: «Давай мнѣ въ продолженіе трехъ дней ячменя, свареннаго на молокѣ, горячихъ угольевъ, и ты увидишь, что изъ меня выйдетъ». Fét-Frutos исполняетъ желаніе лошади, и, действительно, кляча черезъ три дня обращается въ быстрого скакуна, который несетъ своего господина «выше гѣса стоячаго, ниже облака ходячаго». Съ этого дня конь играетъ въ приключеніяхъ героя большую роль: онъ не только летаетъ быстрѣе вѣтра и мысли, онъ руководитъ дѣйствіями королевича въ опасныхъ случаяхъ. На мощныхъ бокахъ скакуна тотъ перемосится за тысячи верстъ въ одно мгновеніе; благодаря его совѣтамъ, онъ спасается изъ западни проклятыхъ волшебниковъ и драконовъ. Въ одной категоріи сказокъ Fét-Frutos посѣщаетъ фей и женится на одной изъ нихъ, на той, которая изъ любви къ нему добровольно соглашается стать простой смертной. Во время своего пребыванія во дворцѣ этихъ фей онъ служитъ имъ, ухаживаетъ за ихъ садомъ. Потомъ, въ одинъ прекрасный день, умывъ голову водой изъ фонтана, которая придаетъ его волосамъ цвѣтъ золота, и похитивъ у хозяйки драгоцѣнныя вещи, какъ-то: закол-

дованный орѣхъ, платокъ, обращающійся въ озеро, щетку-лѣсъ, парчевыя одежды и драгоценные камни,—онъ исчезаетъ. Таковъ любимый герой румынъ, прекрасный, доблестный, хитрый рыцарь безъ страха, но не безъ упрека. Что касается Ияны, народъ украсилъ это нѣжное существо самыми блестящими цвѣтами своей фантазіи. Ияна—идеалъ женской красоты и граціи: она такъ прекрасна, «какъ будто отняли ее у солнца»; цвѣтокъ, который она привлекаетъ къ своимъ волосамъ, «поетъ, и слушаютъ его девять государствъ». Когда она появляется, «то луга начинаютъ зеленѣть и цвѣты цвѣсти»; «лиліи и фіалки не стоятъ ея мизинца»; «она такъ хороша, что звѣзды ей улыбаются». Ияна или дочь великаго императора или владѣтельница собственнаго могущественнаго государства, лежащаго за тридевять земель. Ее обыкновенно похищаютъ змѣи, но она налагаетъ на него испытанія, отъ которыхъ онъ гибнетъ. Освободителемъ является Гѣт-Ггшос и, убивъ змѣю, женится на Иянѣ. Никому другому она не можетъ принадлежать. Свадьба ихъ является развязкой всѣхъ сказокъ. Естество Ияны сверхчеловѣческое. Ее часто вызываютъ заклинаніями, которыми «бабы» излѣчиваютъ всевозможныя болѣзни. Съ ея именемъ связаны два эпитета: Змиѣяна и Козмиѣяна, смыслъ которыхъ неизвѣстенъ. В одной трансильванской сказкѣ она носитъ названіе Ияны-Кодряны, то-есть Лѣсной. Если сама она не участвуетъ главной героиней въ сказкѣ, то всегда является степенью сравненія. Дочь императора всегда прекрасна, какъ *Ияна*; имя ея не обозначается. Въ общемъ она нѣчто среднее между волшебницей и простой смертною.

Гораздо болѣе трудно опредѣлять значеніе остальныхъ сверхъестественныхъ существъ. Такъ, напримѣръ, феи живутъ въ «иномъ мірѣ», совершенно отличномъ отъ нашего. Земля, цвѣты, животныя тамъ совсѣмъ другіе, чѣмъ у насъ. Міръ этотъ часто называютъ подземнымъ; въ него можно проникнуть, только спустившись въ колодезь. Иногда же царство фей лежитъ и за облаками. Онѣ живутъ въ немъ, граціозныя, крошечныя и такія прекрасныя, что имъ ничего нѣтъ равнаго подъ солнцемъ. Во лбу у нихъ горитъ звѣзда и ослѣпляетъ тѣхъ, кто на нее смотритъ. Когда феи танцуютъ, онѣ еле касаются ногами земли. Когда онѣ идутъ, жемчужины струятся по складкамъ ихъ блестящихъ платьевъ и разсыпаются повсюду. Цвѣты, которые онѣ даютъ своимъ любимцамъ, испускаютъ такое нѣжное благоуханіе, которымъ обыкновенные люди никогда не дышатъ. Власть этихъ фей безгранична: онѣ могутъ по желанію обращаться въ невидимое, измѣнять внѣшность. Онѣ бессмертны, только выходя за простого смертнаго, теряютъ свои высшіе дары. Румынская мифологія отиѣчаетъ два рода фей: «Зине», добрыя и милосердныя, возвращаютъ героямъ жизнь, обмывъ ихъ мертвой и живой водой, «Іеле»—злыя и хитрыя. По-румынски «іеле» значить «онѣ». Народъ избѣгаетъ называть этихъ фей, такъ какъ съ ихъ именемъ связаны разнаго рода болѣзни: *malus genius*, *daimon*, *maloe divoe*, *rhumatismus*, *paralysis*, *furor*. Іеле, по народному преданію, забавляются муками несчастныхъ смертныхъ, навливая на нихъ параличъ, бѣшенство и

ренизмъ. Для того, чтобы задобрить ихъ, народъ называетъ ихъ могущественными, добрыми, прекрасными, бѣлыми, нѣжными. Онѣ посѣщаютъ луга, гдѣ танцуютъ при свѣтѣ луны, и фонтаны, вокругъ которыхъ юлятъ хоробы. Подъ страхомъ ужаснѣйшихъ несчастій къ нимъ нельзя приближаться. На темныхъ кругахъ травы, часто встрѣчающихся въ лугахъ, Іеле оставляютъ слѣды своихъ крошечныхъ ногъ. Ночью пастухи издали видятъ ихъ бѣлыя тѣни, но не смѣютъ подойти къ нимъ, иначе ихъ сердца и глаза будутъ похищены. «Фей» обладаютъ чарующими голосами, во кто, услышавъ ихъ пѣніе, отвѣтитъ, дѣлается нѣмъ. Ночью при свѣтѣ мѣсяца онѣ отправляются пить къ источникамъ. Если человѣкъ напьется этой воды, то дѣлается безобразнымъ на всю жизнь. Вотъ почему утромъ, прежде чѣмъ напиться, крестьяне дѣлаютъ особенные знаки надъ водой. Спать на гумнахъ считается особенно опаснымъ, такъ какъ Іеле имѣютъ привычку собираться тамъ. Въ мѣстахъ, недоступныхъ простымъ смертнымъ, онѣ прячутъ похищенные у пастуховъ очи и сердца. Ихъ часто, впрочемъ, можно застать врасплохъ и тогда онѣ открываютъ мѣсто, гдѣ спрятана драгоценная добыча, поступающая обратно во владѣніе законнаго собственника. Фей вѣтра *Ventoasé*, летающія въ вихрь съ одного края на другой съ головокружительной быстротой, *Rusalié*, *Sila Samodiva*, *Vilva* также относятся къ разряду Іеле.

Александри, любимый румынскій поэтъ, говоритъ, что *Rusalié* три дочери императора, мстятъ людямъ за то, что во время ихъ смертной жизни никто не обращалъ вниманія на ихъ прелести. Онѣ производятъ бури, срывающія крыши съ домовъ, и вихри, уносящія развѣшанные на вѣткахъ для сушки холсты. Крестьянки празднуютъ день *Rusalié* и потому въ продолженіе девяти недѣль не рвутъ лѣкарственныхъ травъ, думая, что, тронуты злыми феями, онѣ на время теряютъ свою цѣлительную силу. Необходимо замѣтить, что день *Rusalié* совпадаетъ у румынъ съ праздникомъ розъ и Святой Троицы съ такъ называемыми «гованіае». Праздникъ этотъ происхожденія латинскаго, тогда какъ по существу феи относятся къ славянской мнѳологіи. Ихъ сестры—русскія русалки, бродящія по лѣсу и по полямъ въ ночь Троицы, Петра и Павла. Самодива или Сила Самодива, фея красоты неслыханной, различными способами привлекаетъ дѣвушекъ и парней и отпускаетъ ихъ черезъ нѣкоторое время совершенно обезсиленными. Когда мать проклинаетъ свое дитя, она говоритъ: «Да пожретъ тебя Самодива». Въ одной изъ валашскихъ сказокъ фея эта увлекаетъ къ себѣ сестру юноши. Тотъ по указанію вѣщаго сна отправляется на поиски; послѣ различныхъ приключеній, онъ пріѣзжаетъ во дворецъ и вотъ какъ прислужникъ описываетъ свою госпожу. Самодива гостепріимна, въ особенности по отношенію къ молодымъ людямъ. Она не злая женщина, но у нея есть единственный недостатокъ: въ продолженіе года она держитъ у себя дѣвушекъ и юношей, послѣ чего отпускаетъ ихъ на свободу. Но къ чему она имъ? Въ годъ Самодива высосала изъ нихъ всѣ силы и они стали похожими на трупы. Чтобы быть всегда прекрасной и молодой, Самодива питается только

кровью дѣвушекъ. Въ другихъ сказкахъ дѣйствующимъ лицомъ является Вильва. Братья Шоттъ въ своемъ сборникѣ говорятъ намъ, что Вильва живетъ въ заоблачномъ царствѣ. Это—крылатый гадъ съ длиннымъ хвостомъ ящерицы. Румыны вѣрятъ, что воздушное пространство населено Вильвами, и когда онѣ ссорятся, происходятъ вихри и бури. Такъ какъ теперь мы находимся какъ разъ въ воздушной области, нельзя не указать на значеніе вѣтра въ румынской миеологіи. Вѣтеръ живетъ въ пещерѣ, въ которой могли бы помѣститься семь крѣпостей съ ихъ стѣнами. Ихъ три: Кривецъ или Сѣверный, Бурный и Весенній. Въ своихъ странствованіяхъ Făt-Frumos приходитъ сначала къ матери Сѣвернаго вѣтра, которая его посылаетъ къ матери Бурнаго, а та — къ матери Весенняго. Последняя—молодая, стройная, красивая женщина говоритъ ему: «Оставайся здѣсь. Я спрячу тебя подъ крыло заколдованной птицы; если сынъ замѣтитъ твое присутствіе, онъ тебя убьетъ...» «Прошло много времени. Вдругъ раздался вѣжный шелестъ вѣтра, приносявшаго дыханіе розы и розмарина. Дверь сама открылась, и прелестный юноша, съ длинными золотыми волосами и серебряными крыльями, вошелъ въ комнату. Въ рукахъ онъ держалъ жезлъ, увитый цвѣтами и травами. Онъ сѣлъ за столъ, напился изъ алебастровой вазы молока дикой козы и гвоздичной воды и потомъ сталъ разсказывать. Въ то время какъ Весенній вѣтеръ живетъ въ волшебномъ краю, блещущемъ дивными цвѣтами, Бурный вѣтеръ обитаетъ въ болѣе удаленной отъ земли сферѣ. Мы нигдѣ не находимъ его описанія, но знаемъ, что жаворонокъ не долетаетъ до него и, поднявшись слишкомъ высоко, падаетъ замертво.

Кромѣ вѣтра, солнца и луны и времени дня, въ румынскихъ сказкахъ олицетворены также дни недѣли. Солнце, луна являются всегда святыми, понедѣльникъ, четвергъ, пятница и воскресенье называются «святой понедѣльникъ» и т. д.; въ особенности часто роль благодѣтельницы играетъ «святое воскресенье». Сумерки олицетворяются въ образѣ Муржила, заря—Зориллы и полночь Міаза-Нопте. Главное дѣйствующее лицо румынской сказки—змѣй. О немъ одномъ можно написать цѣлую монографію. Въ сказкахъ другихъ народовъ встрѣчается онъ въ видѣ дракона, но отличается отъ послѣдняго существенными признаками. Собственно и его нигдѣ не описываютъ. Мы знаемъ только, что это крылатое, могучее чудище, вѣчно преслѣдуетъ дочерей императора и Făt-Frumos. Иногда онъ принимаетъ человѣческій образъ на подобіе генія арабскихъ сказокъ. Змѣй похищаетъ молодыхъ, прекрасныхъ принцессъ въ свой дворецъ, чтобы жениться на нихъ. Онъ храбро дерется съ соперникомъ, но всегда бываетъ побѣжденъ. Оружіемъ ему служатъ буздуганъ, тяжелая дубина, которую онъ еще издала мечетъ въ двери дворца, чтобы возвѣстять о своемъ приходѣ или испробовать силы. Эта дубинка обладаетъ волшебнымъ свойствомъ самой вѣшаться на гвоздь. Однажды Făt-Frumos хватается ее на лету и отбрасываетъ на такое разстояніе, что задѣваетъ крыло змѣя, который такимъ образомъ узнаетъ о близости своего противника. Дворецъ змѣя рас-

положенъ тамъ, гдѣ «дьяволъ раститъ своихъ дѣтей» (обычное выраженіе, обозначающее отдаленное мѣсто), выстроены онѣ изъ серебра, мѣди и золота. Чудеса, которыя тамъ хранятся, нельзя ни въ сказкѣ сказать, ни верою описать. Сады, усыянные цвѣтами, дворцы съ серебряными крышами, блестящими на солнцѣ, какъ зеркала; стѣны ихъ украшены портретами, скульптурой, изображающей цвѣты, желоба позолочены, фонтаны бьютъ на страшную высоту. Въ этомъ дворцѣ хранятся заколдованные предметы: кнутъ, ударивъ которымъ два раза объ полъ, змѣй прячетъ свой дворецъ въ яблоко; золотая курица съ золотыми циплятами, которые ѣдятъ только золотыя зерна, чудно поющая птица, черевички, соответствующіе семи-верстнымъ сапогамъ. Мать змѣя, колдунья, до того злая, что она можетъ заморозить воду. Имѣетъ она видъ львицы. Верхняя ея челюсть касается неба, нижняя волочится по землѣ; изо рта у нея, какъ изъ печки, пышетъ пламя. Своей мстью она всегда преслѣдуетъ Fét-Frutos, убившаго ея сына и похитившаго принцессу, но, къ счастью, онъ всегда отъ нея спасается.

Zheoika (ж. р. отъ Zheoi) заключаетъ въ бочки души убитыхъ и, когда она побѣждена, то спѣшитъ проглотить одну изъ нихъ, чтобы запастись новыми силами. Сестры змѣя злы, какъ и мать, но отличаются отъ нея своей красотой. Рядомъ со змѣей ползаетъ Балауръ, грозное чудовище, кошмаръ посидѣлокъ, громадный змѣй о двѣнадцати головахъ, напоминающій лернейскую гидру. Его пасть дышитъ пламенемъ, языки движутся, какъ стрѣлы. Живетъ онъ обыкновенно на днѣ колодца и возвѣщаетъ свое появленіе страшнымъ воемъ. Существуетъ еще одно страшилище, такъ называемая Мать Лѣсовъ, пожирающая неосторожныхъ путниковъ, которые осмѣливаются переступить границу ея владѣній. Это ненасытная женщина съ черными крыльями бури, съ волосами цвѣта гнилого камыша; надъ раскрытой пастью людоедки ея глаза пылаютъ какъ угли. Всюду, гдѣ она проходитъ, трава засыхаетъ, деревни выгораютъ, селенія исчезаютъ. Существуютъ еще цѣлый рядъ фантастическихъ личностей, какъ-то: великаны-одноглазы—братья циклоповъ, варящіе въ котлѣ всѣхъ тѣхъ, кто приближается ночью къ ихъ кострамъ, карлики-получеловѣки верхомъ на хромомъ ползайцѣ, носящіе очень странное названіе, напримѣръ: «Statu-Palma-Barba-Cot», что въ буквальной переводѣ значитъ: «его тѣло можетъ помѣститься въ ладони, а борода въ аршинѣ». Самый языкъ румынскихъ сказокъ богатъ, пластиченъ и выразителенъ. Hasdeu говоритъ, что онѣ переданы и udržаны точно, чѣмъ нѣмецкія, французскія, англійскія: 1) у дако-румынъ нѣтъ ни діалекта, ни мѣстныхъ нарѣчій; 2) литературный языкъ очень сходенъ съ народнымъ, и 3) на этихъ сказкахъ не отразилась ни-малѣйшая школа Востока, принимающая въ соображеніе лишь смыслъ и пренебрегающая формой. По Hasdeu сказки эти отличаются: 1) своими метафорами и 2) присказками, которыя находятся или въ серединѣ, или въ началѣ, или въ концѣ. Въ переводѣ метафоры эти много теряютъ, имъ нѣтъ соответствующихъ на другихъ языкахъ. Напримѣръ, когда хотятъ сказать, что человѣкъ счастливъ, употребляютъ выраженіе: «счастье течетъ передъ

его дверью, какъ вода ручья»; у влюбленного всегда «горятъ пятки». Если вы веселы, вамъ кажется, «что вы схватили Господа Бога за ногу». Дочь императора прекрасна, точно она сдѣлана изъ сахара, или болѣе наивно «она прекрасна,—прекрасна, какъ намалеванная». Та, которая любитъ Fét-Futosh, смотреть на него, «какъ на глаза своей головы», ей хочется выпить его, какъ стаканъ воды, оба влюблены другъ въ друга, какъ два голубя. Чтобы опредѣлить крайнюю бѣдность, говорятъ, наприимѣръ: тамъ жила вдова, у которой мухи мерли. Монахъ всегда старъ, какъ божество, а баба, какъ само время. Что касается присказокъ, то часто, въ особенности средняя, написана стихами. Это очень разнообразитъ повѣствованіе.

Г. Schainbano тоже дѣлитъ румынскія сказки на: 1) фантастическія или мифическія; 2) психологическія; 3) религіозныя, и 4) комическія. Первые два отдѣла распадаются на десять цикловъ, въ третьемъ авторъ изучаетъ религіозныя легенды съ ихъ отношеніемъ къ мифамъ и сказкамъ въ собственномъ смыслѣ. Въ четвертомъ главными героями являются Пакала и Пепеле. На ряду съ ними поэтъ и цыганъ. Содержаніе ихъ немного деликатнаго свойства. Г. Jules Brun въ одной изъ своихъ статей говоритъ, что попа въ румынскихъ сказкахъ такъ же мало падаетъ, какъ во французскихъ монаха: онъ пьяница, воръ, дружитъ съ цыганомъ. Послѣдній является типомъ умнаго плута...

А теперь, читатель, чтобы ближе познакомиться съ дѣйствующими лицами этой стоающей комедіи, прочтите «Посидѣлки». Передъ вами нанизутся тонкія жемчужины; вамъ улыбнется фея зеленого лавра и, можетъ быть, закрывъ книгу, вы скажете вслѣдъ за умами XVIII столѣтія:

О, счастливое время, время сказокъ...

Повѣрьте, и заблужденіе имѣетъ свою заслугу.

Фея зеленого лавра.

Однажды жилъ да былъ императоръ. У него былъ сынъ. Когда этотъ сынъ обручился, онъ отправился на охоту для того, чтобы, по обычаю страны, привезти красной дичи. Уѣзжая онъ взялъ съ собой жеребцовъ, гончихъ, палатки, повара и много слугъ. Приѣхавъ въ большой лѣсъ, онъ встрѣтилъ сначала козленка, дальше рысь, еще дальше серну и, преслѣдуя такимъ образомъ дичи животныхъ, заѣхалъ очень далеко. По пути встрѣтилась ему чудная мѣстность, гдѣ исключительно росли зеленые лавры. Она такъ понравилась сыну императора, что онъ рѣшилъ остановиться, но, сначала позвавъ повара, отдалъ приказаніе готовить обѣдъ, а потомъ со своими слугами отправился на охоту. Поваръ немедленно зажегъ огонь, ощипалъ дичь, поставилъ ее жарить, попробовалъ въ достаточной ли степени приправленъ соусъ, потомъ около полудня, опьяненный запахомъ лавровъ, почувствовалъ усталость, закрылъ

глаза и заснулъ. Нужно вамъ сказать, что посреди лѣса находился большой хрустальный домъ, фасадъ котораго поворачивался такъ, что всегда находился противъ солнца. Такъ какъ домъ этотъ былъ окруженъ лаврами, то и мѣстность эта называлась Зеленымъ Лавромъ. Въ домѣ жили три молодыя дѣвушки-феи съ длинными золотыми волосами ниже колѣнъ. Столъ ихъ накрывался и убирался самъ и никогда въ жизни онѣ не ходили по землѣ. О пріѣздѣ сына императора онѣ какъ-то узнали, и старшая сказала младшимъ: «Какъ я скучаю въ Зеленомъ Лаврѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось ходить по землѣ людей». «Намъ также», сказали сестры и рѣшили, что одна изъ нихъ пойдетъ къ палаткамъ и посмотреть, что тамъ дѣлается. Первая пошла старшая сестра. Подойдя къ двери дворца, она повторила три раза подъ рядъ: «Откройся, Зеленый Лавръ, пропусти мудрую дѣву».

Солнце на нее не смотрѣло, вѣтеръ ее не билъ,
По землѣ она не ходила, ни одинъ юноша ее не цѣловалъ.

Дверь открылась и закрылась сама собой. Тихонько, на цыпочкахъ подошла старшая фея къ палаткамъ, перепробовала одно за другимъ всѣ кушанья и, передъ тѣмъ какъ возвратиться обратно, взявъ горсть соли, посыпала ею всѣ кастрюльки, отчего кушанья сдѣлались солонѣе разсолоа. Потомъ, вернувшись во дворецъ, она стала передъ дверью и три раза повторила: «Откройся, Зеленый Лавръ, пропусти мудрую дѣву».

Солнце на нее глядѣло, вѣтеръ ее билъ,
По землѣ она ходила, ни одинъ юноша ее не цѣловалъ.

Лавръ открылся, дверь заперлась сама собой, и фея рассказала сестрамъ все, что она сдѣлала.

Сынъ императора возвратился съ охоты голодный, но съ богатой добычей и тотчасъ же велѣлъ подавать обѣдъ, но едва отвѣдалъ онъ кушанья, какъ оттолкнулъ отъ себя блюдо: оно было солонѣе разсолоа. Позвавъ повара, онъ сталъ его бранить: «Что это значитъ, негодный, еще ни разу не приходилось мнѣ ѣсть такой отравленной солью стряпни?» Несчастный сталъ влястаться и божиться, что это не его вина, но сынъ императора приказалъ выбросить обѣдъ, остался голоднымъ и взбѣшеннымъ. На слѣдующее утро, передъ тѣмъ какъ отправиться на охоту онъ строго-на-строго приказалъ повару сготовить обѣдъ не по вчерашнему и уѣхалъ. Несчастный принялся за работу. Онъ вымылъ всѣ кастрюли, начерпалъ свѣжей воды, зажегъ огонь, ощипалъ дичь и во избѣжаніе несчастья по-

ставилъ жарить ее безъ крупинки соли, но въ полдень, опьяненный запахомъ лавровъ, онъ ушелъ за палатку и заснулъ, какъ убитый. Изъ дворца вышла вторая фея, повторила заклинаніе, подошла къ палаткамъ, попробовала всѣ кушанья, пересыпала ихъ солью и вернулась домой: дверь передъ нею открылась и закрылась сама собой. Сынъ императора возвратился голоднымъ еще больше вчерашняго, но въ веселомъ расположеніи духа, такъ какъ ему удалось перебить не мало всякой дичины. Наскоро велѣлъ онъ подавать обѣдъ, но лишь только отвѣдалъ онъ первое блюдо, какъ сейчасъ же выплюнулъ все обратно: кушанья были солонѣ разсола. Позвалъ онъ повара, разбранилъ его, велѣлъ даже отодрать, но къ чему? Пришлось лишь потуже подтянуть поясъ и всетаки остаться безъ обѣда. Къ тому же вся эта исторія казалась очень странной: у повара былъ чистосердечный видъ, когда онъ клялся и божился всѣми святыми, что не всыпалъ въ кушанья ни крупинки соли. На третій день сынъ императора всталъ очень рано и отправился на охоту, предупредивъ повара, что, если тотъ сготовитъ обѣдъ вродѣ двухъ первыхъ, голова его побатится туда, гдѣ стоятъ его ноги. Несчастный опять сдѣлалъ всѣ приготовленія, но въ полдень, опьяненный запахомъ лавровъ, ушелъ за палатки и уснулъ. Между тѣмъ сынъ императора, подозрѣвая какое-нибудь колдовство, покинулъ свою свиту, пробрался между деревьевъ и спрятался въ кустахъ около очага. Въ это самое время младшая фея говорила своимъ сестрамъ: «Я тоже скучаю въ Зеленомъ Лаврѣ, мнѣ такъ же, какъ и вамъ хочется ходить по землѣ людей». «Правда,—сказали тѣ.—Что же ты тамъ будешь искать? «То же, что и вы». «Если сердце приказываетъ—иди». Младшая фея не заставила повторять себѣ этого дважды, сбѣжала съ лѣстницы и передъ дверью произнесла магическія слова: «Зеленый Лавръ откройся, пропусти мудрую дѣву».

Солнце на нее не глядѣло, вѣтеръ ее не билъ,

По землѣ она не ходила, ни одинъ юноша ее не цѣловалъ.

Дверь открылась, проказница побѣжала къ палаткамъ, попробовала кушанья, нашла солонку и только что хотѣла насыпать соли въ кастрюли, какъ вдругъ сынъ императора вышелъ изъ-за кустовъ, схватилъ ее въ объятія и между двухъ поцѣлуевъ сказалъ: «Это ты, малютка, солонишь мой обѣдъ и заставляешь меня поститься въ продолженіе двухъ дней?» Испуганная, раздосадованная маленькая фея покраснѣла, какъ вишня, задрожала какъ тростникъ. Напрасно сынъ императора упрашивалъ ее остаться. Вся въ

слезахъ побѣжала она къ Зеленому Лавру, и проговорила: «Отворись Зеленый Лавръ, пропусти мудрую дѣву».

Солнце на нее глядѣло, вѣтеръ ее билъ,
По землѣ она ходила, юноша ее подѣловалъ:

Увы! дверь оставалась закрытой. Долго рыдала и жаловалась бѣдняжка, наконецъ, принуждена была вернуться обратно въ палатку сына императора. Какія ласки, какая радость, мои друзья! Какъ нѣжно любили другъ друга маленькая фея и красавецъ юноша. Но время летитъ быстро, слишкомъ быстро. Слуги напомнили сыну императора о томъ, что завтра день святой пятницы и что ему пора возвращаться съ добычей домой на свадьбу, но объ этой свадьбѣ онъ и думать не хотѣлъ: при одной мысли покинуть маленькую фею онъ впадалъ въ отчаяніе. Но такъ какъ къ свадьбѣ все было готово, ложный стыдъ не позволялъ ему оставаться. Долго обдумывалъ онъ, какимъ способомъ уйти безъ грома и шума и, наконецъ, придумалъ: утромъ на зарѣ онъ тихонько всталъ и оставилъ на своемъ мѣстѣ, какъ научилъ его тому нѣжный отецъ, въ объятіяхъ феи подушку, наполненную душистыми цвѣтами—розмариномъ и базиликой—и потихоньку уѣхалъ съ дичью и свитой.

Когда маленькая фея проснулась и увидала наполненную цвѣтами подушку, она горько заплакала и заплѣла, глядя на цвѣты:

Розмаринъ, базилика,
Какъ меня вы опьянили,
Какъ меня вы усыпили,
Съ милымъ другомъ разлучили,—

а тамъ она встала и пошла лѣсной тропинкой, горько рыдая и распѣвая все ту же пѣсню. Шла она шла, пока не пришла на край лѣса. Тамъ встрѣтился ей старый-престарый монахъ съ бородой по колѣна и съ посохомъ въ рукѣ. «Здравствуй, дѣдушка-монахъ, откуда ты идешь, лѣсомъ бредешь?» «Въ монастырь, дѣвушка, завтра праздникъ святого воскресенья». Стали они бесѣдовать, но бѣдняжка не могла удержать слезъ и все прерывала свои слова рыданіемъ и пѣсней. Монахъ спросилъ ее, на что она плачется, отчего она такъ печально поетъ. Все рассказала старику маленькая фея и вдругъ, словно по наитію свыше, стала просить его дать ей его потрепанную, рваную одежду взаменъ ея тканой золотомъ. Старикъ сначала отпѣкивался, но потомъ, тронутый просьбами дѣвушки, отдалъ ей свою рясу, скуфью, посохъ и, пожелавъ ей всего хорошаго, пошелъ своей дорогой. Нарядившись въ монашеское платье, измазавъ

лицо пылью, съ посохомъ въ рукѣ, маленькая фея продолжала свою дорогу по направленію къ императорскому дворцу. Тамъ какъ раз на террасѣ подъ звуки пѣсней и трубъ, подъ барабаны праздновала свадьбу, настоящую императорскую свадьбу. Монашекъ остановился у фонтана, чтобы отдохнуть въ прохладѣ подъ тѣнью осины защищавшей его отъ палящихъ лучей солнца. Сынъ императора ходилъ между танцующими, украдкой бросая взгляды по направленію того мѣста, гдѣ онъ охотился. Замѣтивъ монаха, онъ подошелъ къ нему и сталъ разспрашивать, что тотъ видѣлъ и слышалъ по пути. «Не много видѣлъ, не много слышалъ я, сынъ мой. Ахъ, да встрѣтилась мнѣ прекрасная молодая дѣвушка съ золотыми волосами до колѣнъ». «А что она дѣлала, монашекъ, что дѣлала?» «Плѣкала она, какъ Магдалина, бродила съ лицомъ, испаряннымъ терновникомъ, запыленная, покинутая». «А что говорила она, монашекъ, что говорила?» «Ничего. Опустивъ глаза, шла она по чащѣ вздыхала и пѣла». «А что она пѣла, монашекъ, что пѣла?» «Я пѣсню ея запомнилъ, но спую ее послѣ». «Хорошо ты рассказываешь, монашекъ, говори, говори, что же потомъ было?» «Потомъ все одно то же. Брела, бѣдняжка, по лѣсу, какъ серна, раздирала мнѣ души своими вздохами». «Да ты усталъ, батюшка-монахъ, пойдемъ въ дворецъ, я дамъ тебѣ пріютъ. Ты голоденъ и пить хочешь». Поддерживая его, сынъ императора повелъ его на лужайку, гдѣ танцовали, веселились и дѣлали приготовления къ свадьбѣ. Когда же настала самая чаша торжества, молодой императоръ настоялъ, чтобы монашка посадили съ нимъ рядомъ въ карету, иначе онъ не согласился ѣхать въ церковь. Мать и отецъ невѣсты разсердились на эту выдумку, но сынъ императора объявилъ, что онъ не пойдетъ къ алтарю безъ монашка, хотя бы ему это жизни стоило. Пришлось уступить, потому что женихъ всетаки женихъ. Обрядъ кончился всѣ приглашенные вернулись во дворецъ. Когда сѣли за столъ, молодымъ принесли яйцо, но сынъ императора объявилъ, что до тѣхъ поръ онъ не обмкнетъ въ него своего хлѣба, пока монахъ не споетъ обѣщанную пѣсню. И молодая, и родители, и даже самъ императоръ съ императрицей еще пуще разсердились за эту новую выдумку. Извольте видѣть, какой-то проходимецъ монахъ разстраиваетъ все веселье, но молодой настоялъ на своемъ. Вы знаете, конечно, что спѣлъ монахъ:

Розмаринъ, базилика,
Какъ меня вы опьянили,
Какъ меня вы усыпали,
Съ милымъ другомъ разлучили.

И во время пѣсни, не въ силахъ сдержать болѣе своей страсти, маленькая фея сбросила лохмотья, распустила по плечамъ золотые косы, которые покрыли ее съ головы до ногъ. Блестящая, ослѣпительно-прекрасная предстала она передъ всѣми, фея Зеленаго Лѣва. Задрожалъ сынъ императора, узнавъ ее, обнялъ. «Отецъ, вѣдь, судьба моя рѣшена», сказалъ онъ и посадилъ ее рядомъ съ собой. Разстроилась первая свадьба, сыграли вторую. Счастливые супруги прожили до вчерашняго или третьягодняшняго дня. Я тоже былъ и воду въ ситѣ носилъ.

Золотой цвѣтокъ.

Какъ-то разъ, давно, въ одной деревнѣ собрались посидѣлки; изъ этого народу на нихъ пришло. Среди обычныхъ гостей находился парень, очень красивый, но худой и блѣдный какъ полотно. Никто его не зналъ, и все-таки по гостепріимному обычаю страны его приняли, ничего не спрашивая, позволили слушать въ уголкѣ сказки и загадки.

И потомъ, каждый разъ, какъ у того же крестьянина собирались посидѣлки, приходилъ и блѣдный парень. О немъ попрежнему ничего не знали, только всѣ замѣчали, что онъ пожиралъ глазами хозяйскую дочь, и тогда кровь леденѣла у ней въ жилахъ.

Однажды вечеромъ, когда всѣ гости ушли, незнакомецъ поймалъ дѣвушку въ снѣгахъ:

— Марица! Любишь ты меня? Хочешь за меня замужъ?

Она вырвалась изъ объятій парня и, дрожа какъ осиновый листъ, побѣжала къ своей теткѣ, бабушкѣ, жившей на краю деревни, и рассказала ей все.

— Ай, ай, дѣвушка! Да какъ же ты пойдешь за него, не зная, кто онъ такой?

— Тетушка-матушка, что-жъ дѣлать... До смерти боюсь я его!

— А я почему знаю... Ишь онъ какой блѣдный, да худой... Небось думается мнѣ... Господи помилуй!... Послушай-ка ты меня! Выряди клубокъ нитокъ и, когда онъ придетъ, прикинься ласковой, милуй его, милуй и потихоньку привяжи нитку къ полѣ его кафлана. Парень уйдетъ, клубокъ разматается, пойдешь ты за ниткой, скажешь куда онъ идетъ, придешь и скажешь мнѣ.

Два дня и двѣ ночи пряла Марица, потомъ на посидѣлкахъ сдѣлала такъ, какъ научила ее тетка, и пошла за парнемъ.

Недалеко повелъ онъ ее, прямо къ кладбищу, къ могилѣ, наваленной костями. Въ ужасѣ бросилась дѣвушка къ теткѣ.

— Это упырь, дѣвушка,—сказала та,—догадывалась я; не уйти тебѣ отъ него! Послушай-ка меня: будетъ онъ тебя въ жены просить, скажи, что нѣтъ у тебя пока еще охоты голову покрывать. Грозить будетъ, убить тебя, отвѣть: «такъ что же, убивай!» Я сумѣю тебя воскресить, и ужъ тогда во всемъ тебѣ будетъ удача, такова судьба: когда дѣвушка, убитая упыремъ, воскреснетъ».

Опять возобновилъ упырь свою просьбу, опять отказала ему Марица, и на слѣдующее утро нашли ее мертвой.

Прибѣжала тетка, только вмѣсто того, чтобъ вынести гробъ черезъ двери, заставила пронести его черезъ окна, положила въ изголовье мертвой волшебныя травы и произнесла заклинанія, послѣ чего Марицу похоронили. На третій день, о, чудо! на могилѣ поднялся чудный благоухающій золотой цвѣтъ. Со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться народъ на могилу дѣвушки. Услыхалъ о чудѣ цвѣтѣ и король, прибѣжалъ самъ на него посмотреть, сорвалъ и, вернувшись во дворецъ, поставилъ въ стаканъ въ своей комнатѣ, которую самъ каждую ночь запираетъ на ключъ. Однажды, когда онъ спалъ, выпрыгнулъ цвѣтокъ изъ стакана, перевернулся три раза и обратился въ дѣвушку, красавицу Марицу. Принялась она комнату убирать, платье чистить, что король, раздѣваясь, на полъ бросилъ, потомъ, обернувшись золотой птицей, запѣла сладкимъ голосомъ, и подъ ея пѣсни чудилось королю, что стоитъ онъ въ раю, а кругомъ поютъ, распѣваютъ соловьи и малиновки.

Утромъ, когда король проснулся, увидалъ комнату прибраной, платье вычищеннымъ,—удивился онъ, такъ какъ самъ наканунѣ замкнулъ дверь на ключъ и никто въ комнату его проникнуть не могъ. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало разгадать тайну и ночью притворится спящимъ. Въ полночь опять прыгнулъ цвѣтокъ изъ стакана, обернулся дѣвушкой, красавицей Марицей,—убрала она комнату, вычистила платье, потомъ обернулась золотой птицей и стала пѣть-распѣвать дивныя пѣсни. Слушалъ ихъ король, не шевелясь и только на зарѣ, когда птица стала дѣвушкой, спрыгнулъ онъ съ постели, охватилъ ее и расцѣловалъ въ обѣ щеки. Поиманная Марица смутилась, зардѣлась, и когда королевичъ спросилъ ее, кто и откуда она,—разсказала она ему то, что я разсказалъ вамъ.

Тогда понравилась она королю, взялъ онъ ее себѣ въ жены. Жили они, поживали, дѣтей наживали и живутъ еще, если не умерли.

Максъ Лм.

Изъ „Ирландскихъ мелодій“ Томаса Мура.

(Irish Melodies).

I.

Не вздыхай! Пусть въ тѣни опъ въ объятіяхъ спа,
Гдѣ сложили безъ почестей прахъ...
Да прольется слеза, — молчалива, мрачна,
Какъ роса на могильныхъ цвѣтахъ!
Какъ ночная роса оживляетъ цвѣтокъ
Молчаливо надъ мраморомъ плить,
Такъ и сдержанныхъ слезъ молчаливый потокъ
Объ усопшемъ мечту оживить!

II.

Боль умереть, кто любилъ, но не могъ ничего
Кромѣ горя оставить, любя, —
Ты придешь ли рыдать на могилу того,
Кто всю жизнь посвятилъ для тебя?
Да, рыдай надо мной! Пусть враги очернять,
Приговоръ ихъ ты смоешь слезой,
Небо пусть подтвердитъ: я предъ нимъ виноватъ.
Слишкомъ правъ я, мой другъ, предъ тобой.

Въ грѣзахъ первой любви я мечталъ о тебѣ,
Ты умомъ овладѣла мной!
Робко Духа молю я въ послѣдней мольбѣ,
Да сольется мое имя съ твоимъ!
И въ любви, какъ и въ дружбѣ, блаженъ только тотъ,
Кто дни славы увидитъ, любя, —
Величайшее счастье мнѣ небо даетъ —
Гордо пасть, умереть за тебя!...

Левъ Уманецъ.

И ВСЕТАКИ!

Эскизъ Георга фонъ-Омштеда.

Съ нѣмецкаго.

Старикъ-писатель сидѣлъ у письменнаго стола и задумчиво глаживалъ свою длинную, бѣлоснѣжную бороду. Передъ нимъ жало нѣсколько рукописей и письмо. Стояли хмурыя, послѣбобѣныя зимнія сумерки; поднявъ голову, онъ откинулся на спинку кресла и машинально слѣдилъ за тѣмъ, какъ легкія, словно пушинки, медленно, плавно спускались на землю, колеблемыя лѣйшимъ движеніемъ воздуха.

Онъ возстановлялъ въ памяти длинный пройденный имъ и суровый трудъ творца-художника, мысленно подводилъ къ своему творчеству и задавалъ себѣ вопросъ:

«Чего же я достигъ?»

Склонивъ голову на руки, онъ перебиралъ въ умѣ почтенный рядъ романовъ, новеллъ, драмъ, стихотвореній, который успѣлъ создать со временъ своей юности. Припомнилось ему то счастливое подъемъ духа, который онъ нерѣдко переживалъ благодаря имъ, но вспомнилъ также и испытанныя пораженія, неудачи, борьбу, униженіе, подавленность... Припомнилъ всѣ обратныя стороны своей жизни художника, которыя чуть не доводили его до ланія навсегда отбросить перо.

И какъ будто желая въ эту минуту, дѣйствительно, покончить писательствомъ, онъ небрежно, усталымъ движеніемъ руки отодвинулъ отъ себя ворохъ бумаги, испещренный перерисованными набросками и начинаніями, и поднялся съ мѣста.

Его мучила мысль, что съ минуты на минуту къ нему можетъ придти молодой коллега, первые литературные опыты котораго жали на столѣ, и ему придется высказать на нихъ свой взглядъ, ободрить или отговорить, онъ же совершенно не знаетъ, какъ съ нимъ поступить.

Слегка перегнувшись вперед, нѣсколько отяжелѣвшей походкой, вслѣдствіе постоянного сидѣнія у письменнаго стола, онъ задушиво зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Лицо у него было блѣдное, съ просвѣчивающимися на вискахъ жилками, и высокій, изборозженный морщинами лобъ, изобличавшій постоянную умственную работу.

Нѣтъ, онъ не долженъ ободрять новичка, не смѣть этого дѣлать! Какъ разъ сегодня имъ самимъ овладѣло сильнѣйшее отчаяніе: утромъ онъ хотѣлъ было засѣсть за новое произведеніе—драму въ стихахъ, которая, какъ онъ всегда думалъ обо всѣхъ своихъ начинаніяхъ, будетъ его послѣднимъ твореніемъ—и не смогъ себя принудить къ работѣ.

И всетаки, у юноши таланты! Онъ такъ оригинально, даже сабытно смотреть на вещи, что современемъ, надо думать, у него еще болѣе изощрится наблюдательность; при этомъ у него встрѣчаются столь своеобразныя выраженія, которыя подають надежду на выработку въ будущемъ своего собственнаго стиля. Все имъ написанное сверкаетъ такими яркими красками, дышитъ такимъ увлеченіемъ, такой страстью, что старикъ совершенно поддался обаянію новичка, въ сущности писавшаго совсѣмъ иначе, нежели онъ, дѣлавшаго по своему, и между міросозерцаніемъ и способомъ выраженія котораго и его собственнымъ лежалъ періодъ въ сорокъ, а то и цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ.

И несмотря на то, онъ рѣшилъ отговаривать юношу отъ писательства, и мысль, что вотъ-вотъ онъ можетъ войти, приводила его въ несказанное смущеніе.

Раздался звонокъ. Старикъ вздрогнулъ и обернулся къ дверямъ.

Показался молодой человѣкъ, съ большими лучистыми голубыми глазами, еле замѣтнымъ свѣтлымъ пушкомъ на верхней губѣ, румяными щеками и коротко-обстриженными волосами,—словомъ, молодой человѣкъ, ни единой чертой не напоминавшій поэта прѣданныхъ временъ; не было у него ни волнистой гривы, ни бархатнаго пиджака, ни галстука, завязаннаго бантикомъ, а все изобличало вполне современнаго человѣка.

Старикъ пошелъ къ нему навстрѣчу. Потомъ они сѣли у письменнаго стола.

Молодой выжидалъ, когда заговорить старикъ.

— Вы поставили меня въ очень затруднительное положеніе, требуя отъ меня совѣта; я самъ сильно нуждаюсь въ немъ, потому что, по мѣрѣ того, какъ старѣюсь, все болѣе и болѣе теряю самоувѣренность. Въ настоящее время я задумалъ новую вещь. И еще

никогда въ жизни не относился такъ скептически къ своей работѣ такъ сильно не колебался, стѣдить ли начинать ее. Въ молодости пишешь, какъ Богъ на душу положить, ничтоже сумняшеся. Безразлично, выходитъ ли удачно, или попадаешь впросакъ. Законны искусства только смутно мелькаютъ въ сознаниі, почти не ощущаются; развѣдающая критика, невѣріе другихъ, сомнѣніе въ самомъ себѣ еще не успѣли отрезвить и охладить. Въ юности не задумываешься надъ техникой, мало обращаешь вниманія на успѣхъ или неуспѣхъ, а пишешь, творишь, работаешь, нисколько и ничѣмъ не смущаясь. Но постепенно зарождается сомнѣніе, начинаешь обдумывать, такъ или иначе надо писать, съ той или другой стороны освѣтить сюжетъ, воплотить идею въ ту или иную форму...

Затѣмъ насъ начинаютъ постигать разныя неудачи и глубоки подавляють; правда, въ промежуткахъ между пораженіями, вновь выпрямляешься, но онѣ снова повторяются, все повторяются... Каждый-то разъ онѣ уносятъ частицу нашей увѣренности, нашихъ силъ, нашей непосредственности.

Потомъ появляется критика. Съ жадностью набрасываешься на нее, чтобы услышать, вѣрно ли, хорошо ли написанное тобой, услышать, что бессонныя ночи, проведенныя за работой, не пропали даромъ...

И вѣсто этого узнаешь, что все это—ни къ чему. Надо было писать такъ-то и такъ-то или такъ-то. Сюжетъ не подходящий, форма—невѣрно выбрана, концепція—ошибочна, языкъ оставляетъ желать многого. Съ досадой отбрасываешь статью въ сторону.

Кончаешь тѣмъ, что совершенно перестаешь читать критику. Но она все-таки добирается до насъ, тысячами способовъ проникаетъ въ наше я. Ее чувствуешь въ пожатіи руки друга, въ словахъ сказанныхъ знакомыми, въ разговорѣ, который велся не для насъ и свидѣтелемъ котораго мы сдѣлались случайно. Она подкарауливаетъ насъ на столбахъ тѣхъ газетъ, гдѣ мы не ожидаемъ ее встрѣтить. А прочтя, хотя бы невзначай, свое имя, мы уже набрасываемся на статью... Короткая внутренняя борьба—и мы ее проглатываемъ.

Затѣмъ наступаютъ тяжелыя времена, когда уже никакая похвала намъ болѣе не кажется достаточной, когда насъ уже не радуетъ умѣренное признаніе достоинствъ, не трогаютъ мягкіе, сдержанные звуки, а необходимы литавры и мѣдныя трубы.

Всякое порицаніе насъ гложетъ. Мы чувствуемъ себя обиженными, намъ хотѣлось бы защититься отъ нападокъ, хотѣлось бы разъяснить, что не мы, а тотъ, другой, ошибается; что мы вовсѣ

не добивались того, чего ему хочется; что надо считаться только съ тѣмъ, что мы, дѣйствительно, стремимся воспроизвести, а не съ тѣмъ, что во что бы то ни стало желаютъ прочесть у насъ между строкъ.

Потомъ рядомъ съ нами всплываютъ другія дарованія, имѣющія успѣхъ больше нашего. Тогда мы начинаемъ оцѣнивать ихъ и не понимаемъ, что собственно хорошаго находить въ нихъ толпа? Мы досадуемъ за то, что ихъ хвалятъ, выражаемъ нетерпѣніе, когда при насъ произносятъ ихъ имя, точно они одни чего-нибудь да стоятъ.

А что дѣлается съ нами самими въ это время?

Наконецъ, наконецъ-то появляется писатель, который насъ захватываетъ. Прочтя его книгу, мы со слезами на глазахъ закрываемъ ее, со слезами умиленія, единомыслія, глубокаго потрясенія, со слезами, въ которыхъ выливается жалоба, что не мы написали ее.

Мы хвалимъ ее передъ публикой и въ то же время, въ глубинѣ души, всетаки жаждемъ услышать противорѣчіе и чувствуемъ себя оскорбленными, когда другіе того же взгляда, что и мы сами. Но за ними мы не признаемъ права ставить его, великаго, единственнаго, выше насъ, потому что тогда не останется намъ мѣста. Только и рѣчи будетъ что о немъ, а онъ затемняетъ насъ, при немъ меркнетъ нашъ огонекъ!

Самое низкое чувство въ человѣкѣ — зависть закрадывается въ нашу душу.

Если она даже не успѣетъ вполне овладѣть нами, если только слегка коснется своимъ ядовитымъ жаломъ, то и тогда она парализуетъ насъ, отравляетъ дыханіе нашего ума.

Мы боремся съ собой. Мы хотимъ побѣдить гадкое чувство, хотимъ чистоты, хотимъ величія помысловъ и у себя, въ одинокой комнатѣ, со слезами на глазахъ бросаемся на колѣни; но ужасное сознаніе, что мы не можемъ достигъ этого, что всѣ наши усилія напрасны, овладѣваетъ нами. И тогда-то наступаетъ время, когда насъ страшитъ каждый влочокъ исписанной бумаги, часы, когда мы завидуемъ землекопу, что въ потѣ лица своего работаетъ на улицѣ. Изъ окна мы наблюдаемъ, какъ онъ, не спѣша, хладногровно копаетъ, разрыхляетъ, поднимаетъ землю, отрабатывая за извѣстное вознагражденіе свою поденщину; какъ спокойно онъ коземному спускается туда, куда и мы стремимся, но еле-еле пронымаемъ, — въ глубину.

Въ такія минуты мы смотримъ на свою работу какъ на про-

клятіе, считаемъ ее бесполезной, ужасающе бесполезной... Мы ту однообразно убиваемъ день за днемъ, пока не минуетъ это настроеніе и не наступитъ сравнительное равнодушіе; пока не забудемъ и гучаго, который *можетъ* больше насъ; пока не почерпнемъ силъ приступитъ къ своей поденщинѣ, кажущейся намъ злой барщиной.

Случается, что пережитое даетъ новый толчокъ силамъ и вступаетъ подъемъ духа, какъ будто въ нашу кровь влили новосоки; они оказываютъ на насъ такое же дѣйствіе, какъ соки, которые, поднимаясь весной по стволамъ деревьевъ, выгоняютъ на нихъ новые побѣги. Конецъ зимней спячки.

И вотъ, въ одно прекрасное утро мы просыпаемся. У насъ появляется сознаніе, что земля попрежнему прекрасна, что хотя была зима, но солнце уже вновь вступило въ свои права, что у насъ есть силы, мы еще молоды, на свѣтѣ найдется мѣстечко для всѣхъ и что можно работать бокъ-о-бокъ, каждый по-своему.

Намъ на помощь приходитъ и солнце, и тепло, и ароматный и упоительный воздухъ,—все, все способствуетъ нашему творчеству! Мы хватаемся за сюжеты, что уже много лѣтъ дремали въ нашемъ мозгу, переживаемъ его всѣми своими чувствами, онъ заставляетъ бурно стучать наше сердце... И вотъ тогда испытываешь самое высокое на землѣ наслажденіе, самое божественное чувство,—чувство творчества!

Я могу и хочу, и это будетъ, и это есть!

Мы садимся и записываемъ на бумагѣ свои мысли—голова горитъ, сердце усиленно бьется, насъ охватываетъ умственная лихорадка, рука летаетъ по бумагѣ и набрасываетъ наши думы.

Воспоминанія, молодость, солнце, жизнерадостность,—все служитъ на пользу новаго произведенія. Наконецъ, наступаетъ день, когда ставится послѣдняя точка, и передъ нашими глазами является твореніе, какъ бы изваянное изъ одного куска, во всемъ великолѣпнѣйшій стройнаго сочетанія всѣхъ своихъ частей!

Въ подобныя минуты мы сознаемъ, что имѣемъ право на жизнь именно на такую жизнь, какою мы живемъ. Эти мгновенья поднимаютъ насъ надъ всѣми мелочами, всѣми сомнѣніями, колебаніями и мы чувствуемъ тогда свою связь съ божествомъ.

Эти минуты можно было бы назвать пограничными камнями отмѣчающими различные періоды человѣческаго существованія, въ жизни людей, которымъ природа вложила въ сердце глубочайшую и великую потребность творчества, всегда бываетъ нѣсколько такихъ періодовъ. Среди однообразной равнины жизни, они составляютъ какъ бы немногія вершины. Тутъ все есть: сознаніе

ты мужчина; упоение первой любви, основание семьи и продолжение своего я; ощущение, подобное тому, когда впервые держишь рукахъ плоть отъ плоти своей, кровь отъ крови своей и чувствуешь у своего сердца теплоту дѣтскаго тѣльца; когда говоришь себѣ, отнынѣ уже не живешь только для самого себя, но и для жены, ребенка, для другихъ; борьба съ эгоизмомъ, умерщвление себя-бѣи, и постепенное, какъ развитіе самой жизни, проникновение души всего человѣчества, вселенной, пониманіе давно прошед-ихъ временъ, угадываніе будущаго, а затѣмъ усталость отъ ра-боты и, когда вполнѣ, всецѣло насладишься жизнью, освященной удѣломъ—смертью!

Но до этого приходится испытать не мало горечи, а минуты опья-ненія такъ рѣдки! Пробиваются другіе, болѣе молодые... Волосы дѣвуть, борода подергивается серебромъ, будущее принадлежит молодежи, къ которой насъ уже нельзя причислить. Чувствуешь, идешь назадъ, какъ искусство переходить въ руки «новыхъ», восходящимъ звѣздамъ, появляющимся на горизонтѣ. Вѣчное вращательное движеніе вселенной!

И вновь наступаетъ борьба, и вновь напрягаешь всѣ силы... Если раньше у тебя бывали удачныя произведенія, то теперь тобой овладѣваетъ сомнѣніе, горькое, гложущее сомнѣніе, удастся ли по-стоить? Устоишь ли ты на прежней высотѣ? Подвигаешься ли ты впередъ, или же идешь назадъ и нѣтъ тебѣ болѣе спасенія—ты идешь назадъ!

И наступаетъ день, когда лобъ отъ тяжелой работы покрывает-ся морщинами, когда взоры уже не въ состояніи проникнуть въ тайники души, усталость заставляетъ дрожать руку, и она начи-наетъ еле-еле водить перомъ, мозгъ болѣе не воспринимаетъ но-выхъ впечатлѣній, не испускаетъ изъ себя фосфорическаго блес-ка, не всыхиваетъ, не искрится, не работаетъ... Спина горбится и наступаетъ глубокая старость... подъ конецъ изнемогаешь отъ усталости, измучиваешься и, отложивъ перо въ сторону, забира-ешься въ свой уголокъ, окружаешь себя своими сочиненіями и кни-жками—результатами работы всей своей долгой жизни, и тихо, тер-пѣливо обративъ взоръ на дверь, ждешь, когда она освободитъ тебя, когда придетъ, когда закроетъ глаза? Она—послѣдняя, могу-щая, самая могучая во всемъ мірѣ—смерть! Сидимъ мы тогда, по-гружившись въ тупое старческое ожиданіе, и задаемъ себѣ вопросъ: что мы сдѣлали? Что удалось намъ и что не удалось? Что погнѣ-бить вмѣстѣ съ нами и что переживетъ? О, Господи, Господи, что переживетъ?

Старикъ-писатель смогъ и машинально поглаживалъ свою бѣлую бороду. И какъ раньше, когда говорилъ о приближеніи смерти, онъ смотрѣлъ на дверь, такъ теперь, углубившись въ свои думы, онъ глядѣлъ на письменный столъ, за которымъ въ упорномъ трудѣ провелъ свою жизнь, точно тамъ проносились всѣ пережитыя имъ настроенія, всѣ выведенные характеры, всѣ созданные типы, всѣ картины природы и жизни, которыя когда-то, въ минуты вдохновенія, заставляли усилренно биться его сердце.

И въ то время, какъ темнота все болѣе и болѣе наполняла кабинетъ, онъ, не переводя взора, глядя все туда же, продолжалъ говорить, будто обращаясь къ другому:

— Что останется послѣ насъ? Ради чего мы работали?

Что осталось отъ прежнихъ временъ? Почти ничего. Тысячи людей измучились надъ писаніемъ стиховъ и прозы, и что же осталось послѣ нихъ? Что? Нѣсколько строкъ, нѣсколько словъ, нѣсколько мыслей...

Что осталось послѣ тѣхъ, чьи творенія не погибли, а вошли въ составъ отечественной литературы? Я васъ спрашиваю, что пережило ихъ? Почти ничего. Нѣсколько строкъ, нѣсколько словъ, нѣсколько мыслей...

Спросите-ка народъ, что ему извѣстно о нашихъ величайшихъ писателяхъ? Ничего. Спросите его, знаетъ ли онъ ихъ имена? Едва ли. Спросите интеллигенцію, что она читала изъ всего того, что было написано у насъ, и что изъ прочитаннаго запало ей въ душу? Вамъ назовутъ отдѣльныя, исключительныя имена. А когда измѣнятся взгляды людей, когда наступятъ новыя, культурныя эпохи, то и они изгладятся изъ памяти, а бумага, на которой печатались ихъ произведенія, обратится въ прахъ.

И замѣйте, рѣчь идетъ о величайшихъ, просвѣщеннѣйшихъ, гениальнѣйшихъ людяхъ своего времени, своего столѣтія, можетъ быть, всего своего народа.

А что мы? Мы, мелкота, крохотные огоньки въ сравненіи съ ними? И мы осмѣливаемся думать, что будемъ жить и послѣ смерти? Да раньше нежели мы истлѣемъ въ своихъ могилахъ, о насъ перестанутъ и думать! Допускаю, что самую нашу смерть, еще, пожалуй, такъ или иначе отмѣтятъ: появятся некрологи, раздадутся загробныя рѣчи... но затѣмъ мало-по-малу насъ окутаетъ покрывало забвенія, занесетъ пыль годовъ; насъ будутъ все меньше и меньше читать, потомъ совсѣмъ перестанутъ; будутъ изрѣдка только упоминать, а потомъ и это перестанутъ дѣлать, и мы—исчезли, потухли, забыты... Никто не будетъ знать, что мы суще-

ствовали, что когда-то напрягали всё умственные силы, писали собственной кровью, все лучшее въ себя отдавали работѣ, обнажали свою душу, ничѣмъ не прикрытую, показывали ее людямъ; что когда-то думали совершить нѣчто великое, самое великое и что насъ ничто и никогда не удовлетворяло въ себѣ, ничто ни казалось достаточно сильнымъ, законченнымъ, прекраснымъ, и мы не только старательно оттачивали каждую фразу, но тщательно обдумывали даже запятые. Денно и ночью! И никто этого не будетъ знать, все бесслѣдно исчезнетъ! И для этого-то забвенія мы жили!

Мы исчезнемъ точно такъ же, какъ и любая посредственность, которая родится, питается и умираетъ. Время и вѣчность сравнивать насъ съ первымъ попавшимся идиотомъ, который не ломаетъ головы надъ сущностью вещей, не допрашиваетъ свои нервы, не изслѣдуетъ свое сердце, не борется за идею, не напрягаетъ мозга надъ вопросомъ прошедшаго и будущаго, и онъ достигнетъ того же, что и мы! Это ли не ужасно?

Вы, молодой другъ, отмѣчены печатью Духа Святаго, подаете громадныя надежды, и уже доказали немногими страницами, лежащими у меня на письменномъ столѣ, свое право на великую будущность, и если теперь, послѣ всего сказаннаго, у васъ хватить чувства, тогда—идите и пишите!

Молодой человѣкъ слушалъ старика сначала съ удивленіемъ, улыбаясь по временамъ, но подъ конецъ былъ глубоко тронутъ. Собравъ свои рукописи, онъ долго пожималъ руку стараго писателя, даже чуть было не поцѣловалъ эту руку, безъ усталости проработавшую половину человѣческой жизни!

Ни тотъ, ни другой не проронили ни слова. Но глаза молодого свѣтились такимъ блескомъ, который, казалось, говорилъ: я поступаю, какъ долженъ поступить.

Старикъ-писатель остался одинъ. Темнота окончательно завладела комнатою. Онъ началъ медленно ходить взадъ и впередъ, точно въ немъ зрѣла какая-то мысль, какой-то планъ. Вдругъ онъ подошелъ къ письменному столу и съ лихорадочной поспѣшностью, какъ будто нельзя было терять ни единой минуты, зажегъ свѣчу, пододвинулъ къ себѣ пачку бѣлой бумаги, обмакнувъ перо и при трепетномъ свѣтѣ набросалъ вступительные стихи своей драмы; тѣ стихи, которые онъ такъ долго и напрасно подыскивалъ, что уже началъ терять мужество и думать, что ему никогда не написать ихъ...

Л. Г.

Н Е И З М Ъ Н И Л Ъ.

Новелла Юханны Ахо.

Анти временно замѣнялъ по службѣ своего болѣе счастливаго товарища, находящагося въ отпуску, и потому проводилъ лѣто въ городѣ. Онъ былъ женихомъ, но свадьбу рѣшено было отложить до полученія постоянного мѣста. Вслѣдствіе этого надо было зарекомендовать себя, и Анти остался въ городѣ.

Работать лѣтомъ въ Гельсингфорсѣ и утомительно, и скучно. Особенно мучительны послѣобѣденные часы. Утромъ еще туда сюда, можно какъ-нибудь выдержать въ конторѣ. Но въ три приходилось идти обѣдать, а въ домѣ, гдѣ Анти столовался, невыносимо пекло солнце. Вся мебель была закутана въ бѣлые чехлы, неприятно рѣзавшіе глаза, люстра обернута марлей, на стѣнахъ развѣшаны плохія олеографіи. Тамъ не было ни уюта домашней обстановки, ни удобствъ ресторана. Пообѣдавъ, Анти плелся домой по улицѣ, обезображенной лѣсами каменщиковъ и на которой всѣ окна были вымазаны бѣлой краской.

Насталъ Ивановъ день. Товарищи Анти отправились въ гости по разнымъ дачнымъ мѣстамъ въ шхерахъ. Только у него одного не было знакомыхъ, и, напрасно поломавъ голову надъ вопросомъ, куда бы ему дѣться, онъ послѣ обѣда опять-таки вернулся домой. Обыкновенно у себя онъ занимался тѣмъ, что, облокотившись на столъ, дымилъ папирсой и смотрѣлъ въ окно на противоположную сторону улицы, гдѣ какъ нарочно строился новый домъ. Потомъ онъ перетаскивалъ подушку съ постели на диванъ, протягивалъ ноги подъ столъ и около часа дремалъ. И все-таки по вечерамъ у него оставалось еще много свободного времени. И чѣмъ было наполнить эти безконечныя, изо дня въ день повторяющіеся вечера? Посѣщеніе кофейни и разныхъ увеселительныхъ мѣстъ въ концѣ концовъ обходилось дорого, да и не къ чему было ежедневно ходить въ нихъ.

Но если бы пришлось хорошенечко припомнить, то, несмотря на это, онъ почти что всѣ вечера подъ рядъ проводилъ въ нихъ. Въ субботу—потому что это была суббота; въ воскресенье по той же причинѣ, а всѣ остальные дни въ недѣлѣ большею частью составляли ежедневныя исключенія.

Сегодня бѣлый свѣтъ показался Анти еще тошнѣе. На стройкѣ по ту сторону улицы и то ни души не было, а на запертыхъ досчатыхъ воротахъ красовалась надпись: «входъ запрещенъ».

«Ахъ, если бы находиться теперь далеко, далеко отсюда, въ Солянской деревнѣ, родинѣ своей возлюбленной! Вотъ было бы чудесно! Беззаботно покачивался бы я въ гамакѣ, гребъ, катался подъ парусами, плавалъ, гулялъ бы съ ней рука объ руку, сажалъ къ себѣ на колѣни и чувствовалъ, какъ она обвивается руками вокругъ моей шеи, украдкой цѣловалъ бы ее и ласкалъ — вотъ это было бы совсѣмъ иное дѣло!»

И молодой человѣкъ снова сталъ придумывать, что бы ему принять сегодня и рѣшилъ написать письмо невѣстѣ.

Приготовивъ бумагу и перо, онъ сразу написалъ вверху листа число, а довольно много отступя:

«Дорогая Mia!». Но такъ какъ онъ не могъ себѣ ясно представить, какъ ему начать посланіе и въ какомъ духѣ продолжать его, то и пришелъ къ заключенію, что во время полуденной жары слѣдуетъ спать.

Проснувшись черезъ нѣсколько времени и снова усѣвшись передъ бумагой, на которой отчетливо красовались написанныя и уже совершенно высохшія слова, онъ нашелъ, что на него все еще не снизошло нужное для письма настроеніе.

Закуривъ папиросу... но даже и она не вдохновила его. Въ сущности ему нечего было писать. Каждому, кто, какъ Анти, въ продолженіе трехъ лѣтъ считался женихомъ, извѣстно, что нерѣдко бываетъ весьма затруднительно находить подходящія темы для писемъ. Въдѣ по настоящему слѣдуетъ изъясняться въ любви, говорить о своихъ чувствахъ, ну, а для этого трудно подыскать каки-нибудь новыя слова. Анти давнымъ давно уже пустилъ въ ходъ всѣ употребительныя на финскомъ языкѣ обороты, даже самъ не разъ придумывалъ новые. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по камнѣ, выпилъ воды, открылъ окно и высунулся въ него. Насколько взоръ хваталъ, улица была пуста, такъ же пуста, какъ въ настоящую минуту была голова самого Анти. Пробило семь. Въ это время всѣ его друзья уже должны находиться на различныхъ увеселительныхъ прогулкахъ въ Боргезари, Дегеро и Зерезари...

Сдѣлавъ надъ собою неимоверное усиліе, Анти выжалъ изъ себя еще слѣдующую фразу:

«Сегодня Ивановъ день, а я сижу одинъ въ своей комнатѣ и пишу тебѣ это письмо. Если бы ты только знала, какъ я...» Но тутъ онъ остановился, почувствовавъ себя утомленнымъ, и уже не могъ продолжать. Его охватило чувство, какое онъ испытывалъ, будучи школьникомъ, когда ему задавали сочиненія на неподходящія темы.

Но въ то время, какъ онъ глубокомысленно уставился на свои ногти, съ улицы донеслись къ нему быстрые шаги, смѣхъ и отрывочныя фразы, какими обыкновенно обмѣниваются во время поспѣшной ходьбы. Двѣ довольно миленькія дѣвушки-служанки прошли по направленію къ гавани. Вѣрно, ихъ отпустили на всю ночь. Онъ вырядился въ свои лучшія платья, накинули на головы бѣлые платки съ бахромой, а узкія юбки почти вплотную обхватывали ихъ стройныя, крѣпкія фигуры.

Анти невольно припомнилъ, что въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ оставался вѣренъ своей невѣстѣ и устоялъ противъ всѣхъ искушеній, которыя время отъ времени встрѣчались ему на пути. Онъ занимался гимнастикой, бралъ по утрамъ ванны и изъ ресторановъ возвращался прямо домой. Они съ Міа были того мнѣнія, что Бьернсонъ правъ, а Гейерстамъ не правъ, т.-е. другими словами Анти всегда соглашался съ Міа.

Дѣвушки поспѣшно завернули за уголъ, и улица показалась ему еще болѣе опустѣвшей; то же самое онъ почувствовалъ и въ головѣ.

«Но почему бы мнѣ не поѣхать въ Дегеро, на народное гулянье? Вѣдь туда пароходы отходятъ каждыя полчаса, а вечеръ такъ хорошъ! Цѣлую недѣлю я и безъ того глотаю пыль, а когда, наконецъ, представляется случай побывать на свѣжемъ воздухѣ, опять запираюсь у себя въ комнатѣ».

Онъ потянулся, глубоко вздохнулъ и похлопалъ себя по груди. Ему казалось, что у него уже появляются, вслѣдствіе вѣчнаго пребыванія дома, колотья въ сердцѣ.

Правда, сегодня онъ обязательно долженъ написать письмо невѣстѣ: пропустить сегодняшній день, значитъ пропустить почту въ село. А Міа сама ходитъ на почтовую станцію за цѣлыхъ двѣ версты и, не получивъ извѣстій, упрекаетъ его въ охлажденіи, чувствуетъ себя несчастной... Ну и приходится каждый разъ объясняться, да изливаться въ увѣреніяхъ. Но, по крайней мѣрѣ, въ подобныхъ случаяхъ хоть есть о чемъ писать. Впрочемъ, можетъ быть, вернувшись съ прогулки, можно будетъ еще нацарапать съ

полюстрицы, вѣдь не всегда же человѣкъ въ состояніи писать любовныя изліянія. А если она и разсердится, ну, Господи, Боже мой, авось когда-нибудь и смиляется.

Если бы Анти повнимательнѣе относился къ своему внутреннему состоянію, онъ давно замѣтилъ бы, что подобное расположеніе духа и безпричинное, повидимому, раздраженіе онъ испытывалъ уже не впервые.

Напримѣръ, прошлой зимой, когда его неvěста гостила въ городѣ, и они почти что не разставались съ ней, въ его душу закраюсь какое-то неудовольствіе, что-то вродѣ отвращенія къ любовнымъ объясненіямъ. Онъ не могъ придавать своему голосу выраженія нѣжности, какъ бы ему хотѣлось и только временами, когда Міа надѣвала новое платье или онъ самъ былъ особенно въ ударѣ и воодушевленъ, ему удавалось вызвать въ голосѣ дрожь, а въ сердцѣ трепеть, какъ въ первыя, счастливыя времени своего жениховства.

Анти сунулъ начатое письмо въ ящикъ стола, съ досадою задвинулъ его, поспѣшно одѣлся, наполнилъ папиросницу, запасся свѣчками и поспѣшно спустился съ лѣстницы, точно опасаясь куда-то опоздать. Если бы кто-нибудь внимательно всмотрѣлся сзади въ его походку, непремѣнно пришелъ бы къ заключенію, что этотъ человѣкъ намѣренъ совершить нѣчто, по его же собственному убѣжденію — нехорошее.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже находился на пристани и смотрѣлъ, какъ праздничная толпа перебирается на палубу парохода, готовая отчалить. По базарной площади поминутно проѣзжали экипажи, украшенные въ честь Иванова дня вѣтками березы. Мужчины съ цвѣтами на шляпахъ и женщины съ букетами розъ на груди толпами стремились къ пристани, таща на рукахъ верхнее платье. Весь пароходъ, начиная съ палубы до верхушки мачтъ, былъ изукрашенъ зеленью. Молодой человѣкъ купилъ у цвѣточницы букетъ. Всѣ спѣшатъ попасть на пароходъ и перебраться по мосткамъ на палубу. Анти еще колеблется. Но какъ разъ въ ту минуту, когда собираются уже убрать мостки, онъ тоже бросается къ пароходу.

Но почему же Анти сидитъ такой разстроенный на придорожномъ камнѣ, недалеко отъ мѣста народнаго гулянья, откуда то и дѣло до него доносится музыка и веселые взрывы хохота?

Почему, только недавно попавъ сюда, онъ теперь удаляется отъ веселья и выжидаетъ перваго обратнаго парохода, чтобы вернуться домой?

Когда кошка бросится въ толпу куръ и ничего не поймаетъ, она, недовольная, поджавъ хвостъ, точно стыдясь неудачи, крадется прочь и приходитъ въ дурное расположеніе духа.

Анти усиленно увѣрялъ себя, что вовсе и не зарился ни на кого. Но какъ бы то ни было, онъ далъ маху и теперь раздосадованный и мрачный сидѣлъ и чертилъ тросточкой по землѣ.

Съ парохода одна дѣвушка за другой прыгивали на землю.

Всѣ были необыкновенно развязны и легки на ноги, такъ что при прыжкахъ ихъ юбки такъ и взлетали кверху. Молодые парни поджидали ихъ на берегу и ловили въ свои объятія; они безъ церемоніи брали дѣвушекъ за талии или подъ мышки и не отказывали себѣ въ удовольствіи разъ или два покружить ихъ въ воздухѣ и уже потомъ ставили на землю. Длинными рядами, совершенно запружая улицу, спѣшила, почти бѣжала, эта молодежь къ мѣсту танцевъ.

Анти медленно побрѣлъ туда же; хотя пятки у него такъ и чесались бѣжать скорѣе, но онъ всѣхъ, кто торопился, пропускалъ впередъ. Было похоже, будто дѣвушки спасались отъ мужчинъ, шагавшихъ за ними; но весьма скоро онѣ сдавались и уже къ мѣсту гулянья приходили рука объ руку.

Когда, наконецъ, и Анти пришелъ туда же, танцы были въ полномъ разгарѣ. Веселились непринужденно, ничего не стѣсняясь. Танцующіе тѣсно прижимались другъ къ другу, дѣлали большіе шаги и высокіе прыжки, очень быстро кружились, и всѣ ихъ движенія изобличали беззаботность. Подъ конецъ платки у дѣвушекъ сползли на спины.

Тутъ толпились и солдаты, и широкоплечіе моряки, крѣпыши-крестьяне изъ шхеръ и рабочіе, даже нѣсколько студентовъ въ широкополыхъ шляпахъ. Присутствующія дамы—продащицы, швеи, бульварныя фен, дочери рабочихъ и служанки. Анти встрѣчалъ кое-кого изъ нихъ на улицахъ, даже зналъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, но его никто не зналъ, потому что прошло не мало времени съ тѣхъ поръ, когда онъ принималъ участіе въ этой жизни. И нѣтъ ни души, которая обратила бы на него хоть малѣйшее вниманіе. У каждаго есть своя возлюбленная, а встрѣчались и такіе вѣтренники, у которыхъ на каждой рукѣ висѣло по дамѣ. У Анти же нѣтъ никого и ничего, кромѣ трости, на которую онъ опирается, окидывая испытующимъ взглядомъ одну группу за другой.

Міа такъ далеко. Ему кажется, что здѣшнія дѣвушки ничего себѣ. Между ними есть такія молоденькія, стройненькія и свѣженькія, что ему, дѣйствительно, доставляетъ удовольствіе смотрѣть на нихъ. Во всей ихъ наружности есть что-то вызывающее, беззабот-

кое, напоминающее непосредственную веселость молодых козлят. Онѣ празднуютъ лѣтній праздникъ, и вся ночь принадлежитъ имъ. Господа поразѣхались по дачамъ, и онѣ рѣшили, едипственный разъ въ цѣлый годъ, тоже выѣхать на островъ, погулять по зеленому лугу, побродить по лѣсу, полюбоваться скалами.

И чего онѣ такъ хохочутъ, что имъ нравится въ глупомъ переливаніи изъ пустого въ порожнее ихъ кавалеровъ? Анти въ толкѣ не возьметъ. Но лично онъ вовсе не отказался бы разыграть героя въ толпѣ подобныхъ дѣвушекъ. Ему даже доставило бы удовольствіе обнять которую-нибудь изъ нихъ, пошептать ей на ухо разныя шутки, напустить на себя въ этотъ вечеръ дерзкую самоувѣренность, которая, повидимому, такъ ихъ увлекаетъ.

Долго стоитъ онъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ: лицо выражаетъ безпокойство, взоры затуманены, дыханіе стѣснено... онъ выжидаетъ удобнаго случая.

А что, если бы ему смѣшались съ толпой и начать танцовать, вѣдь здѣсь его никто не знаетъ? И кому это можетъ повредить? Какая польза отъ того, что онъ послѣднее время живетъ точно отшельникъ, такъ уединенно? Нѣтъ, не живетъ, а прозябаетъ!

Весь этотъ идеализмъ, въ сущности, просто-напросто глупость или во всякомъ случаѣ дѣтски наивенъ и даже до нѣкоторой степени доказываетъ его трусость. Почему не жить, какъ того требуетъ природа? Это вѣчное «на-сторобѣ» такъ тягостно, и всетаки въ концѣ концовъ ни одинъ человѣкъ изъ тысячи не сохраняетъ вѣрность въ помыслахъ. Конечно, жизнь вотъ ихъ всѣхъ совершенно иная. Имъ незнакомы строгіе принципы, вырабатываемые образованіемъ и хорошимъ воспитаніемъ. Какъ женщины, такъ и мужчины вполне наслаждаются жизнью. Потому-то они такъ сѣмьи, такъ оживленны, такъ радостны! И умѣютъ же они праздновать Ивановъ день, умѣютъ насладиться праздникомъ лѣта.

Приблизительно въ эту форму выливаются мысли Анти, въ то время какъ глаза, не отрываясь, слѣдятъ за граціозной, миловидной дѣвушкой, съ непокрытой головой, которая обмахиваетъ платкомъ свои пылающія щеки.

Собравшись съ духомъ, онъ подходитъ къ ней, спрашиваетъ, какъ она поживаетъ, сообщаетъ, что погода прекрасная, — слышитъ, старается быть развязнымъ, а въ то же время самъ слышитъ фальшивый, дѣланный тонъ своего голоса. Дѣвушка отвѣчаетъ ему, какъ чужому, почти торжественно. Когда Анти приглашаетъ ее танцовать, она соглашается, но такъ серьезно и офици-

ціально, точно барышня, безъ откровеннаго увлеченія, съ которымъ только что передъ тѣмъ бросилась навстрѣчу—онъ самъ это видѣлъ—одному изъ кавалеровъ, шедшему ее приглашать. Во время танца Анти то прижимаетъ ее къ себѣ, то пожимаетъ ее руку, но не получаетъ отвѣта. Онъ замѣчаетъ, что, танцуя, она не попадаетъ въ тактъ, а при первой же попыткѣ танцовать быстрѣе и сильнѣе кружиться, они и вовсе сбиваются и принуждены остановиться, чтобы начать сначала. По окончаніи они нѣкоторое время молча стоятъ другъ около друга.

— Осмѣлюсь я вамъ предложить, барышня, чашку чая? — наконецъ, спрашиваетъ Анти.

— Нѣтъ, благодарю, и такъ очень жарко.

— Можетъ быть, вамъ угодно лимонаду или чего-нибудь другого?

— Благодарю, мнѣ ничего не угодно.

— Можетъ быть, у барышни есть знакомые, которыхъ она ищетъ?

— Знакомые? Почему вы объ этомъ спрашиваете?

— Потому что вы все время оглядываетесь по сторонамъ.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ особенныхъ знакомыхъ.

— Вы здѣсь совсѣмъ одни?

На это Анти не получаетъ отвѣта.

— Вы еще долго намѣреваетесь пребыть здѣсь?

— Не собираюсь домой.

— Не хотите ли немного пройтись? Здѣсь въ лѣсочкѣ, навѣрное, очень хорошо!

— Гулять можно всегда, а я пріѣхала танцовать.

— Но теперь антрактъ.

Въ эту минуту къ нимъ подходитъ какой-то подмастерье и уводитъ съ собой дѣвушку танцовать. Вотъ эти двое великолѣпно подходятъ другъ къ другу: онъ кружитъ ее и вправо, и влево, а если они при этомъ и столкнутся съ кѣмъ-нибудь, то заливаются самымъ искреннимъ смѣхомъ. Анти слѣдитъ за парочкой и выжидаетъ, когда они разстанутся. Но вмѣсто этого, какъ только музыка смолкаетъ, подмастерье съ дѣвушкой, обнявшись, уходятъ гулять. Всѣ остальные пары тоже идутъ «гулять», и вскорѣ близлежащій лѣсъ кишмя-кишитъ народомъ. Каждый малюсенькій холмикъ—занять, а изъ-подъ деревьевъ раздается шепотъ, смѣхъ и хихиканье...

Вотъ причина, почему Анти, весь съежившись, сидитъ такой разстроенный, ковыряетъ тросточкой землю и собирается домой.

Онъ чувствуетъ себя здѣсь лишнимъ и сильно не въ духѣ. Похоже на то, будто въ немъ чуть-чуть заговорила ревность; весь свѣтъ теперь для него безразличенъ, а жизнь такъ безцвѣтна, такъ суха, точно деревяшка. Доносящіеся съ гулянья музыка и шумъ только раздражаютъ его. И всѣ эти люди, что танцуютъ тамъ,—прыгаютъ, какъ телята, а ихъ веселье неязично, грубо...

Его начинаетъ тянуть къ Міа, внезапно охватываетъ жажда любви и появляется непреодолимое желаніе написать ей какъ можно сердечнѣе.

Да развѣ же онъ измѣнилъ ей?! Можетъ быть—мысленно, но то, что онъ готовъ съ слѣдующимъ же пароходомъ вернуться домой, доказываетъ, что онъ въ состояніи противостоять искушеніямъ и что у него твердый характеръ!

Вернувшись домой, онъ тотчасъ же вынимаетъ изъ ящика начатое письмо.

«Дорогая Міа, сегодня Ивановъ день, а я сижу одинъ въ своей комнатѣ и пишу тебѣ это письмо. Если бы ты знала, какъ я...» На этомъ словѣ оно обрывалось, но теперь перо совершенно неприужденно писало дальше: *«безконечно* тебя люблю! Ты и представить себѣ не можешь, какъ я по тебѣ скучаю, какимъ величайшимъ на землѣ счастьемъ мнѣ представляется возможность въ будущемъ всецѣло обладать тобой! О, почему тебя нѣтъ здѣсь, почему я не могу прошептать тебѣ на ухо про свою любовь? Почему не могу заключить тебя въ свои объятія, цѣловать твой лобъ, щеки, розовыя губки, ласкать и обнимать?

«Безъ тебя я—ничто. Я надѣялся, что сегодня вечеромъ смогу немного развлечься и отправился на народное гулянье въ Дегеро. Но сейчасъ же вернулся обратно съ сердцемъ, преисполненнымъ тоской по тебѣ. Я чувствую себя какъ-то не по себѣ въ подобномъ обществѣ, можетъ быть, вслѣдствіе того, что въ душѣ я слишкомъ большой аристократъ; даже и сейчасъ я ощущаю еще какое-то физическое отвращеніе при мысли о томъ, что я тамъ видѣлъ и что тамъ творилось. Нѣтъ ничего отвратительнѣе городской толпы простолюдиновъ, когда она среди природы даетъ волю своимъ инстинктамъ. Я поторопился уѣхать оттуда. Выпивъ чашку чая, сѣлъ на слѣдующій же пароходъ и вернулся въ городъ.

«И я не рассказываю въ этомъ, потому что на обратномъ пути ѣхалъ одинъ и никто не мѣшалъ мнѣ думать, — думать только о тебѣ, моя дорогая, маленькая Міа! Если бы я былъ поэтомъ или

владѣлъ кистью, какъ ярко изобразилъ бы тебѣ свое теперешнее настроеніе, какую чудную картину окружающей природы, которой я любовался съ палубы, написалъ бы для тебя! Это было иѣчто волшебное и наполнило мое сердце неизъяснимымъ блаженствомъ. Когда мы проѣзжали по шхерамъ, вода подъ форштевнемъ Нека сильно пѣнилась... Тихо было на морѣ и тихо въ ближайшемъ лѣсу... Тонко и нѣжно вырисовывались острова и зундъ на фонѣ лѣтней ночи... Вокругъ по берегамъ виднѣлись разложенные костры Иванова дня, а тамъ и сямъ раздавалась музыка. Это была чудная прогулка.

«И насколько же лучше и прекраснѣе казалось бы все это, будь ты со мной! Но, хотя въ дѣйствительности ты находилась далеко отъ меня, духовно мы были вмѣстѣ. Я все время думалъ о тебѣ, мечталъ о нашемъ собственномъ, крохотномъ гнѣздышкѣ, которое мы сошьемъ себѣ, когда я получу постоянное мѣсто. Мы будемъ жить только другъ для друга и принимать у себя небольшой кружокъ избранныхъ друзей.

«Любишь ли ты меня такъ же, какъ прежде? Мнѣ въ голову иногда приходитъ странная мысль, что ты любишь меня не такъ, какъ въ первые дни послѣ помолвки. Иногда я ревную къ тебѣ весь свѣтъ и воображаю, что на меня никто, даже ты не обращаешь вниманія. Можетъ быть, ты и забыла меня у себя въ деревнѣ—у васъ тамъ такъ много молодежи? Прости мнѣ это недовѣріе, но я потому только и высказываю его, что когда-то общалъ тебѣ быть совершенно откровеннымъ. Вѣдь знаю же я, что все это одно пустое воображеніе, знаю, что ты даже мысленно не можешь измѣнить мнѣ, что все это происходитъ оттого, что я себя чувствую здѣсь одинокимъ, всѣми повинутымъ; но для меня было бы счастьемъ услышать, что я неправъ! Скажи мнѣ, что любишь меня! Я знаю это, и всетаки, пожалуйста, скажи, повтори еще и еще разъ, говори всегда!

«Какое счастье сознавать, что есть человѣкъ, котораго мы любимъ и который насъ любить, съ кѣмъ можно дѣлиться всѣми горестями, всецѣло *открыть* свою душу...

«Ну, пока прощай, любимая Миа! Пришли мнѣ длинное-предлинное письмо, пиши все, что думаешь и чувствуешь, каждая буква, написанная твоей рукой, каждое слово съ твоихъ губъ для меня дороже золота. И что стѣитъ золото, земное золото, въ сравненіи съ тѣмъ...—Тутъ Анти задумался, какъ бы ему докончить фразу, но въ ту же минуту его ослѣнила счастливая мысль

и онъ продолжалъ: — что мы имѣли счастье обрѣсти въ нашихъ сердцахъ.

«Благодаря своимъ родителямъ! Тысячи горячихъ поцѣлуевъ отъ неизмѣнно вѣрнаго тебѣ

Анти.

«Р. S. Я никакъ не могу рѣшиться закончить это посланіе, но необходимо сегодня же ночью снести его на поѣздъ. Я самъ опушу его въ ящикъ, чтобы оно не затерялось и ты напрасно не прошлась бы на почту. Вернувшись домой, я лягу въ постель, и послѣдняя моя мысль, раньше чѣмъ закрою глаза, будетъ о тебѣ.

Твой А. . .

Давно уже Міа не получала такого нѣжнаго, преисполненнаго любви письма отъ своего Анти. А она-то ни о комъ другомъ не думала и ничего знать не хотѣла, кромѣ своего жениха. На всемъ свѣтѣ Міа не встрѣчала болѣе благороднаго, чистаго, совершеннаго человѣка, — о, она вѣдь прекрасно знала его, — и теперь была такъ счастлива, получивъ новое доказательство любви своего избранника. Запершись въ своей комнатѣ, она тотчасъ же сѣла отвѣчать. Сначала обращеніе:

«Мой единственный, милый, дорогой Анти!»

Затѣмъ дѣвушка сообщала, что вся еще дрожитъ отъ радости и счастья при мысли, что такъ горячо любима своимъ Анти. Нѣсколько разъ подъ рядъ перечитывала она его письмо, а на ночь клала его подъ подушку.

Мысль, что Анти сидитъ одинъ-одинешенекъ въ своемъ скучнѣйшемъ Гельсингфорсѣ, заставляетъ ее плакать. Ахъ, если бы она могла хоть что-нибудь сдѣлать, чтобы ускорить то время, когда имъ можно будетъ свить свое собственное гнѣздышко!

«И какъ могло тебѣ придти въ голову, что я тебѣ измѣняю? Я ни о комъ, кромѣ тебя, не думаю, ни до кого мнѣ нѣтъ дѣла. Я иногда, или очень, очень рѣдко принимаю участіе въ удовольствіяхъ молодежи, какъ ты говоришь. И стоитъ тебѣ пожелать, чтобы я совершенно удалилась отъ нея, совсѣмъ отказалась отъ дальнѣйшихъ пикниковъ и баловъ, такъ какъ вѣдь и ты не танцуешь и терпѣть не можешь народныхъ праздниковъ.

«Я часто сижу въ саду подъ березой, на которой мы вырѣзали наши имена и въ тѣни которой прошлое лѣто мы пережили столько незабвенныхъ часовъ. Сижу и шью и мурлыкаю себѣ подъ носъ твои любимыя пѣсни. Иногда же отвязываю лодку и немного катаюсь по озеру. Какъ на немъ хорошо!

«Но ты, ты у меня сталъ поэтѣмъ! Много, много разъ я перечитывала твое описаніе поѣздки по финскимъ шхерамъ. Я прочла его вслухъ папѣ съ мамой. Ты вѣдь не сердишься на меня за это? Они тебя такъ высоко ставятъ и всегда спрашиваютъ, что ты мнѣ пишешь».

И Міа писала и писала, одинъ листъ за другимъ.

«Она такъ счастлива, такъ счастлива! Ею овладѣло было гадкое недовѣріе къ любви Анти, ей казалось, что онъ охладѣлъ къ ней. А теперь она чувствовала почти угрызенія совѣсти за то, что могла усомниться въ своемъ вѣрномъ, дорогомъ Анти». Свое письмо она закончила словами: «Ахъ, какъ ужасно я люблю тебя! Прощай, прощай, мой дорогой, любимый! Я тысячу разъ горячо обнимаю тебя. Любящая тебя Міа».

Л. Г.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ И ПЕРВАЯ ЛОЖЬ *).

Альфонса Додэ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Сколько картинъ, сколько воспоминаній. Я могу сказать, какъ Бодларъ: мнѣ кажется, я прожилъ тысячу лѣтъ—такъ много у меня воспоминаній. Нѣкоторые изъ нихъ такія ясныя и отчетливыя, другія безпорядочныя, отрывочныя, несвязныя. Постараюсь быть искреннимъ и не слишкомъ много сочинять; лучше буду оставлять пробѣлы на начатыхъ страницахъ. Такъ, напримѣръ, о первомъ вечерѣ, съ котораго начинается мой рассказъ, у меня сохранилось лишь воспоминаніе, что происходитъ онъ въ Бокерѣ, на берегу Роны, — въ Бокерѣ, уже опустѣвшемъ отъ прежнихъ громадныхъ ярмарокъ, съ его нежилыми домами, надъ которыми, расклевываясь отъ вѣтра, хлопали дощечки съ надписью: «отдается внаймы». Хозяинъ гостиницы отвелъ мнѣ и моему двоюродному брату свою большую комнату, чтобы удалить насъ отъ солдатъ, обычныхъ посѣтителей кабака. Хозяина и его жену—пождите я припомню—звали Тустенами. Они когда-то служили у моихъ родителей въ Ниццѣ, потомъ обвинялись и купили ту маленькую гостиницу, гдѣ въ памятный лѣтній вечеръ я находился съ своимъ двоюроднымъ братомъ Леонсомъ. Какимъ все это кажется далекимъ, смутнымъ. То, что я, по долготѣйшей привычкѣ, заносилъ въ свои тетради, конечно, достоверно, но то, о чемъ я рассказываю теперь, нигдѣ не записано: происшествіе это теряется въ отдаленной эпохѣ дѣтства, похожей на сонъ. Имя гостиницы? «Бѣлый конь» или какая нибудь «Красная шляпа», тонувшая во мракѣ узкой тем-

*) Посмертная книга знаменитаго романиста.

ной улицы, въ которой хлопаютъ ставни и завываетъ вѣтеръ. Въ дни мистраля онъ дуетъ въ Бокеръ съ такой силой, что отъ одного дома до другого протягиваютъ канаты, за которые цѣпляются прохожіе. На улицѣ я вижу большое квадратное свѣтлое пятно, отраженіе нижней залы, гдѣ поютъ солдаты. Эти солдаты возвращались изъ Крыма... Теперь я могу возстановить годъ, къ которому относится мой рассказъ: это происходило въ 1854 или 1855 г. Въ большой оштукатуренной комнатѣ главное мѣсто занимаетъ постель, на подобіе корабля, съ громаднымъ балдахинномъ изъ старой выпцвѣтшей сине-зеленой матеріи. Здѣсь же находится пузатый комодъ, на которомъ стоитъ статуэтка Богоматери, въ обществѣ стараго померанцева букета, покрытаго пылью подъ своимъ стекляннымъ колпакомъ. Въ глубокой амбразурѣ окна, на подоконникѣ, пріютившись между толстыхъ стѣнъ, сидятъ два мальчика за скромной трапезой. Среди этихъ отрывочныхъ картинъ почему-то, напримѣръ, — великая тайна нашей памяти — мнѣ вспоминается скромный ужинъ: молодая куропатка подъ зеленымъ луковымъ соусомъ. Трапеза романтическая, трапеза искателей приключенія, съѣденная въ полумракѣ, отдѣльно, для того, чтобы насъ, дѣтей, не смѣшать съ разгульной толпой нижней залы. Изъ этихъ двухъ юношескихъ лицъ я никакъ не могу вызвать образа Альфонса, но зато какъ отчетливо въ таинственномъ полумракѣ вижу я снова блѣдное лихорадочное лицо, острые блестящіе глаза его товарища южанина, мальчика 12—13 лѣтъ, ловкаго,мышленаго, съ легкой тревожной дрожью губъ, съ насмѣшливой загадочной улыбкой въ уголкахъ рта, улыбкой, истинное значеніе которой мнѣ было тогда еще непонятно.

II.

Довольно странно, въ особенности во Франціи, гдѣ молодежь не пользуется такой свободой, какъ въ Англіи, видѣть двухъ мальчиковъ, двухъ лицейстовъ однихъ, безъ родителей и гувернера, въ комнатѣ постоялаго двора въ неизвѣстной странѣ. Объясненіе этого необычайнаго явленія слѣдующее: мы ѣхали въ Ліонскій лицей заканчивать наше образованіе. Хотя передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ тогда уже началось, но оно стоило слишкомъ дорого, и наши родители, не обладавшіе большими средствами, рѣшили отправить насъ на одномъ изъ пароходовъ, которые плаваютъ вверхъ по Ронѣ и доставляютъ товаръ изъ Ліона въ Марсель. Случалось, что на эти пароходы брали даровыхъ пассажировъ. У родителей моихъ былъ знакомый капитанъ, которому они рѣшились насъ препоручить.

Рона протекаетъ въ Бокерѣ, отъ котораго Нимъ отстоитъ въ разстояніи 6 часовъ. Ъхали мы въ дилижансѣ по полямъ, засаженымъ виноградниками, оливковыми и тутовыми деревьями, черезъ холмистую равнину вдоль дороги, покрытой толстымъ слоемъ бѣлой, хрустѣвшей какъ снѣгъ пыли; облака ея задергиваютъ ландшафтъ пеленой, измѣняютъ его очертанія, отчего воспоминанія этой первой поѣздки кажутся мнѣ еще болѣе смутными. Я помню хорошо лишь одно: чувство гордости, которое я испытывалъ, оцупывая въ карманѣ своемъ рекомендательное письмо къ капитану Ребулю — вотъ имя, которое не позабыто, — а также письмо къ Тустенахъ — хозяевамъ гостиницы въ Бокерѣ, о которыхъ я уже говорилъ. Лишь глубокое довѣріе къ прежнимъ слугамъ заставило нашихъ родителей отправить насъ однихъ въ Бокеръ, гдѣ мы должны были переночевать, такъ какъ пароходъ, отправляющійся изъ *Tout St. Louis*, приходитъ туда въ шестомъ часу утра. Не спрашивайте меня ничего больше о Тустенахъ: я не помню ни одной черты ихъ лица, ни одного звука ихъ голоса, я помню только эти два письма въ карманѣ, замираніе своего сердца, великую радость перваго путешествія, первой свободы и дорогое всѣмъ Робинсонамъ сознаніе, что, наконецъ, нога моя коснется палубы парохода. Нужно вамъ сказать, что мой родной городъ находится въ необыкновенной странѣ, спаленной, высушенной мистралемъ и солнцемъ на подобіе стараго остова кашелота, которымъ, по словамъ Дарвина, питаются жители Огненной Земли, съ триумфомънося жалкіе отстатки. Этотъ городъ очень древній, временъ римлянъ. Когда-то онъ снабжался водой изъ Роны, протекавшей по чуднымъ водопроводамъ, какъ, наприимѣръ, *Pont de Gond*, но это было очень давно. Теперь *Pont de Gond* представляетъ изъ себя лишь историческій памятникъ, осматривать который англичане всегда считаютъ своимъ долгомъ. Очень красивы силуэты трехъэтажныхъ сводовъ, возвышающихся на уровнѣ двухъ зеленѣющихъ холмовъ, но, какъ водопроводы, они больше не дѣйствуютъ, и бѣднымъ жителямъ Нима со временъ римлянъ приходится высовывать языкъ, мечтая о фонтанахъ, водопадкахъ и озерахъ. Каждый разъ на выборахъ депутаты общаются воду; одинъ хочетъ прорыть каналъ, другой устроить водопроводъ, а ихъ компатріоты, съ обычной южанамъ пылкостью воображенія, принимая эти общенія на вѣру, ужъ повыстроили фонтаны во всѣхъ закоулкахъ города. На площадяхъ стоятъ бассейны, украшенные статуями работы Продье — львами, дельфинами, тритонами, изгибающимися въ водоемахъ изъ чуднаго бѣлаго мрамора. Какъ только выборы кончаются — депутаты забываютъ свои обѣщанія; воды нѣтъ,

бассейны пустуютъ, дельфины съ разинутой и заткнутой паутиной пастью зѣваютъ на солнцѣ, густая черная пыль покрываетъ миеологическія принадлежности нимфъ и тритоновъ. Мнѣ припоминаются два характерныхъ случая, которые дадутъ вамъ нѣкоторое понятіе объ этой водяной жадѣ: на ткацкой фабрикѣ моихъ родителей, находившейся на окраинахъ Нима, гдѣ я родился и о которой мнѣ не разъ приходилось говорить въ Petit Chose, стояли бассейны-резервуары; рабочіе мыли въ нихъ ткани. Вода въ этихъ бассейнахъ была масляная, окрашенная въ зеленую, желтую, красную краску, и я, какъ сейчасъ, помню наше удивленіе, когда однажды къ намъ пришелъ хорошій знакомый, отставной старикъ офицеръ, со своимъ внукомъ, которому онъ хотѣлъ дать урокъ плаванія.—Да гдѣ, Боже праведный, въ чемъ?—спрашиваетъ отецъ.—Въ вашемъ резервуарѣ.—Если угодно, вотъ онъ, резервуаръ къ вашимъ услугамъ,—говоритъ отецъ, и я опять вижу удивленную, испуганную голову внука, высывающуюся изъ пузырей, пробочныхъ поясовъ и разныхъ каучуковыхъ плавательныхъ принадлежностей, раздосадованную и разочарованную фізіономію дѣдушки, крутящаго усы, и всѣхъ насъ вокругъ этой зловонной масляной воды, которой какъ разъ было достаточно для того, чтобы взять ножную ванну. Но какую ванну!... Другой случай покажется вамъ еще болѣе неправдоподобнымъ: я прекрасно помню, что въ то время въ Нимѣ не было даже ручейка для прополаскиванія бѣлья. Какъ только выстроили желѣзную дорогу отъ города до Роны, прачки стали ѣздить по ней съ бѣльемъ и корытами. Лѣтомъ, когда вечеромъ всѣ эти дѣвушки и женщины съ ихъ блѣдно-матовыми и лихорадочными лицами возвращались, нагруженные ворохами бѣлья, толпа стекалась къ вокзалу, обступала ихъ и, съ наслажденіемъ вдыхая прохладный освѣжающій запахъ влажныхъ грудъ, протягивая къ нимъ горячія, сухія руки, шептала: «O d'aego, d'aego, o вода, вода. Если эпизодъ покажется вамъ немножко преувеличеннымъ, отнесите это къ пылкости воображенія вашего друга. Ахъ это проклятое воображеніе! оно въ этой странѣ засухъ воспитало во мнѣ, ребенкѣ, страсть къ водѣ и морю: я мечталъ только о немъ. Читалъ я Робинзона, приключенія капитана Гарнера. Этотъ художникъ морякъ, объѣздившій простымъ матросомъ во времена революціи и имперіи много странъ, попавъ въ плѣнъ къ англичанамъ, записалъ свои страданія на понтонахъ Портсмута. Кромѣ того, любимымъ моимъ чтеніемъ были романы капитана Маріотта, въ особенности его «Midshep Tossy»; я мечталъ о немъ, объ этомъ морскомъ кадетѣ, ему я отчасти и обязанъ своими приключеніями, о которыхъ

рассказу послѣ; ему и юнгѣ, своему товарищу по школѣ, довольно твердо мальчишкѣ, бездѣльнику и хвастуну. Выгнанный родителями изъ дому за лѣнь, онъ поступилъ на пароходъ юнгой. Звали его Теню — ничего общаго съ великимъ философомъ, авторомъ одной англійской литературы, онъ не имѣлъ; однако, встрѣчая послѣдняго по воскресеніямъ у Густава Флобера, я всегда невольно вспоминалъ своего маленькаго товарища Тена. Прослуживши юнгой на какомъ-то неизвѣстномъ суднѣ, Теня отправился въ Крымъ въ числѣ матросовъ французскаго флота; тамъ заболѣлъ онъ холерой, выздоровѣлъ какимъ-то чудомъ и былъ отосланъ обратно къ родителямъ на поправку въ Нимъ, гдѣ занималъ положеніе блуднаго сына, изорившаго праздничнымъ тельцомъ. Въ своемъ костюмѣ моряка, съ открытой шеей, большимъ голубымъ воротникомъ и клеенчатымъ беретомъ, окружавшимъ его голову сіяніемъ, Теня въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ героемъ города; мы окружали его на бульварахъ, на прогулкахъ, на музыкѣ, я страшно гордился разговаривать съ нимъ подъ руку и каждому слову внималъ съ такимъ вниманіемъ, что даже теперь у меня остались въ памяти нѣкоторыя фразы, которыя онъ особенно часто повторялъ. Когда его спрашивали, напримѣръ, нравится ли ему морская служба, онъ всегда говорилъ: «Слишкомъ много супу на такое ничтожное количество мяса». Я мечталъ объ этомъ Тенѣ, объ его крымскихъ разсказахъ, о госпиталѣ, о Галлиполи, о морской школѣ, находящейся теперь въ Варнѣ, куда онъ думалъ поступить — къ несчастію, бѣдный малый страдалъ полнѣйшимъ отсутствіемъ правописанія. Ахъ, еслибъ я былъ на его мѣстѣ. Я видѣлъ себя гардемаринномъ въ голубой курткѣ, въ маленькой плоской шапочкѣ, отороченной золотымъ галуномъ. Свои тайныя мечты, свои честолюбивыя надежды я повѣрялъ Леону, о которомъ я уже говорилъ и съ которымъ мы видались то въ насъ на фабрикѣ, на Авиньонской дорогѣ (я поднимаю старую карту моего дѣтства), то у его родныхъ, державшихъ аптеку на маленькой площади, называвшейся врачебной. О эта аптека съ ея розовыми, голубыми стеклянными шарами, отъ которыхъ по вечерамъ желились цвѣтныя пятна на острые камни маленькой площади, съ большими витринами, заставленными пузырьками, въ которыхъ жидка переливались таинственныя вещества. Она занимаетъ въ моемъ воспоминаніяхъ такое же обширное мѣсто, какъ и фабрика; и если я говорилъ во всѣхъ моихъ книгахъ, ее всюду можно найти на страницахъ Тартарена. Когда я вхожу въ одну изъ такихъ аптекарскихъ лабораторій съ ихъ острымъ запахомъ, я всегда вспоминаю свое дѣтство, аптеку и всевозможныя находившіяся въ ней

лакомства: провансальскій изюмъ, лабрица, лепешки, тѣсто изъ розоваго просвирика и исландскій мохъ. Въ аптекѣ всегда было много народу; дверной колокольчикъ, въ особенности по праздничнымъ днямъ, поминутно звенѣлъ, возвѣщая о новыхъ посѣтителяхъ. Крестьяне юга — большіе любители аптечныхъ товаровъ, они любятъ разнаго рода настойки и сладости. Когда урожай на виноградъ былъ плохъ, аптека пустовала; но когда чаны стояли до верха наполненные, крестьяне толпами приходили за бакалейными товарами. Мы большею частью находились въ маленькомъ темномъ дворикѣ, и тамъ вели бесѣду съ аптекарскимъ ученикомъ, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ; пока онъ растиралъ травы въ мраморной чашкѣ, я развѣтывалъ картины своей робинзонады. Ученикъ — пылкая голова — принималъ живѣйшее участіе въ нашемъ бреду, бреду, изрѣдка прерываемомъ звонкомъ. Ахъ этотъ дверной колокольчикъ, какъ весело звенѣлъ онъ тогда — теперь въ моихъ перескакивающихъ воспоминаніяхъ онъ гремитъ, какъ навѣшанный на шею бубенчикъ. Маленькій Леонсъ въ эту эпоху тоже посѣщалъ Нимскій лицей вмѣстѣ со мною. Я имѣлъ на него большое вліяніе: онъ былъ мальчикомъ смышленнымъ, но страшно избалованнымъ своею матерью вдовой. Мое относительное превосходство происходило не отъ разницы лѣтъ, такъ какъ я былъ лишь годомъ старше его, но отъ того, что я шелъ классомъ выше. Такъ какъ мы очень любили другъ друга, то мнѣ не стоило большого труда настоять на томъ, чтобы увезти его съ собою въ Ліонъ. Мать безпрекословно исполняла всѣ его желанія. И вотъ почему Альфонсъ и Леонсъ сидѣли на краю подоконника въ гостиницѣ, за холодною куропаткой подъ зеленымъ луковымъ соусомъ, и глядѣли передъ собою на черныя стѣны, испещренныя какими-то іероглифами и являвшіяся яркой противоположностью воздушнымъ замкамъ и смѣлымъ планамъ, наполнявшимъ въ этотъ вечеръ ихъ молодыя головы. До котораго часа просидѣли мы? — вотъ чего я не могу вамъ сказать, но вы легко вообразите себѣ нашу радость, наши козлиные прыжки, глухое біеніе сердець при мысли объ этомъ пароходѣ, на который мы должны были завтра вступить. Поминутно я ощупывалъ карманъ своей курточки, чтобы убѣдиться, тамъ ли завѣтное письмо къ капитану. — У тебя оно? — спрашивалъ съ безпокойствомъ Леонсъ — и съ надменной улыбкой Альфонсъ отвѣчалъ: «У меня». Сознаніе моего превосходства надъ этимъ юнымъ телемакомъ, отданнымъ на попеченіе моей мудрости ментора, уже наполняло меня чувствомъ гордости; оно поднималось еще въ не-

опредѣленной формѣ, какъ грозовая туча на горизонтѣ. Эта чудная ложь въ продолженіе нѣсколькихъ дней должна была измѣнить всю нашу жизнь.

III.

О, какая была Рона величавая, прекрасная въ это утро: голубая, волнующаяся, какъ море. Подъ могучимъ дыханіемъ мистрала она быстро несла свои воды, плескаясь о нескончаемые быки мостовъ; сначала шелъ мостъ Бокера, самый большой во всей Франціи,—мостъ, отдѣляющій Бокеръ отъ Тараскона и Лангедокъ отъ Прованса, страны тростника, страны каменьева. Утренній колоколъ звонилъ на обоихъ берегахъ: на колокольнѣ Бокера и на колокольнѣ Тараскона. Надъ крышами и высокими рыжими стѣнами замка короля Рене блеснули бѣлые шпицы. Въ эту эпоху Тарасконъ не былъ еще ничѣмъ знаменитъ: его историческая слава хранилась въ архивныхъ бумагахъ, мой другъ Тартаренъ тогда еще не появлялся на свѣтъ; и въ то утро, расхаживая съ Леонсомъ по набережной, любуясь разстилавшейся передо мной картиной, чуднымъ зрѣлищемъ Тарасконскаго города, раскинувагося на другомъ берегу, я не подозрѣвалъ, что въ одинъ прекрасный день воображеніе мое создастъ типъ южнаго героя, охотника на львовъ, юрнаго туриста, неподобнаго колонизатора, «необыкновеннаго Тартарена».

Вслѣдъ за двумя колоколами и другіе повсюду радостно отбивали пять часовъ. Несмотря на то, что солнце стояло высоко и начинало парить, на берегу Роны было прохладно. Дыханіе мистрала сильно, но не такъ рѣзко, какъ его сестры трансмонтаны, дующей съ сѣверо-востока и приносящей съ собой холодъ снѣговъ. На пристани народу было мало: два-три носильщика, игравшихъ въ пробку, солдаты въ зеленыхъ балахонахъ, расхаживавшіе взадъ и впередъ, группы путешественниковъ изъ пяти-шести человѣкъ, солдаты въ красныхъ шароварахъ, женщины, дѣти, обернутыя въ одѣяла и шарфы, — всѣ, какъ и мы, постукивали подошвами о широкія береговыя плиты въ ожиданіи парохода, поднимавшагося вверхъ по Ронѣ изъ Tour St. Louis. «О, «мостръ», какъ онъ запоздалъ, этотъ пароходъ», сказалъ вдругъ подлѣ насъ голосъ осипшаго пѣтуха, голосъ хрупкаго мальчика, у котораго видѣлись лишь кончикъ носа и слезливыя глазки. Молодому человѣку, очевидно, хотѣлось говорить, и я не преминулъ воспользоваться представлявшимся случаемъ. «Противъ теченія Роны трудно плыть, колеса плохо работаютъ», сказалъ я. Мой увѣренный тонъ

привлечь на себя вниманіе другого мальчика, брата перваго, однихъ съ нимъ лѣтъ. Онъ бросилъ на меня удивленный взглядъ и, подойдя къ намъ, спросилъ: «Вы, кажется, смыслите по морской части? Можетъ быть...» Я прерываю его и говорю: «Я ѣду изъ морской Вариской школы съ своимъ младшимъ двоюроднымъ братомъ Леонсомъ». Какой чортъ дернулъ меня дать этотъ отвѣтъ? кто мнѣ его шепнулъ? Громадное ли жаркое солнце, дискъ котораго мало-по-малу выступалъ изъ розовой утренней мглы, или ты, великій мистраль, опьянившій меня запахомъ травъ и воды, который ты стряхиваешь съ своихъ могучихъ крыльевъ, а можетъ быть тарасконская атмосфера, въ которой таилась душа Тартарена? Кто знаетъ? Фактъ тотъ, что слова были произнесены и, разъ сказавъ ихъ, я долженъ былъ прибавлять другія, такія же ложныя, опасныя, компрометирующія, такъ какъ зубчатое колесо лжи уже захватило меня. «Вы изъ Варны, господинъ офицеръ, — почтительно говорить слышавшій меня солдатъ, а я ѣду изъ Галиполи». Невозмутимо, съ усмѣшкой я воскликнулъ, какъ будто слыша давно знакомое имя: «А, Галипъ, Галипъ! — н, чтобы придать еще больше достовѣрности моему восклицанію, я прибавилъ, обращаясь къ Леону: — Помнишь, Леонъ, въ какой мы тамъ были передѣлкѣ?» У Леона глаза округлились отъ удивленія, но послѣ недолгаго колебанія онъ храбро отвѣтилъ: «Еще бы, я припоминаю, я помню». А подлѣ насъ голоса обоихъ мальчиковъ, полные восторга и зависти, прошептали разомъ: «О, эти мостры!» При словѣ «офицеръ» во мнѣ шевельнулась гордость, но шепотъ моихъ двухъ поклонниковъ еще усилилъ ее, и это чисто мѣстное восклицаніе «о, эти мостры», которымъ они преслѣдовали меня въ продолженіе всего послѣдующаго пути, было каждый разъ ударомъ шпоры для моего ребяческаго хвастовства и побуждало меня нестись во весь опоръ по опасной дорогѣ лжи и выдумокъ. Внезапно раздался ревъ сирены и долго звенѣлъ, отдаваясь вдоль наложенныхъ береговыхъ камней, этихъ громадныхъ камней, служащихъ защитой отъ наводненій; потомъ слышались вздохи машины, всплескъ колеса, — и, окруженный клубами чернаго дыма, «Боннардель» — такъ назывался пароходъ (по имени компаніи) — причалилъ къ пристани, защищающей Бонъ отъ дикихъ, грозныхъ вспышекъ его страшнаго сосѣда. Носильщики прерываютъ свою игру, тамошніе чиновники бросаются къ нарходу, бочки вина, тюки съ товаромъ, ящики всевозможныхъ размѣровъ, наваленные на пристани, переносятся въ трюмъ корабля съ страшными усиліями мускуловъ и криками, потому что мы находимся въ говорливой суетливой странѣ Юга. Что касается

Идущих путешественниковъ, ими никто не занимается: взойти на проходъ позволяютъ имъ лишь тогда, когда послѣдняя бочка съ масломъ и послѣдняя мелочь поставлены на мѣсто и крѣпко увязаны. Путешественники ропшутъ, но вѣдь это только простые солдаты, женщины и дѣти. Гордый сознаниемъ, что у меня въ карманѣ жгитъ письмо, ободряемый своимъ мнимымъ авторитетомъ офицера, я бросаюсь на мостки въ сопровожденіи Леонса, двухъ мальчиковъ изъ Монпелье и солдатъ. Въ сутолокѣ и шумѣ я отправляюсь на поиски капитана. По книгамъ и разговорамъ со своимъ товарищемъ юнгой въ моемъ воображеніи сложился опредѣленный типъ капитана: я представлялъ его себѣ въ полномъ вооруженіи, морской треуголкѣ, съ саблей на бедрѣ и рупоромъ въ рукѣ или же въ бурную ночь покрытымъ капюшономъ, изъ-подъ котораго шеститъ позолота подвязаннаго подъ подбородкомъ кэпи. Но на палубѣ «Боннарделя» — ничего подобнаго: даже на матросахъ не было ни голубыхъ куртокъ, ни широкихъ воротниковъ, а простыя парусинныя блузы. Всѣ они имѣли видъ простыхъ поденныхъ и рабочихъ, катающихъ бочки. Тѣ, къ которымъ я обращался съ просьбой указать капитана, не устаивали меня отвѣтомъ, озабоченные загрузкой; наконецъ, одинъ изъ нихъ, выведенный изъ терпѣнія, чтобы отдѣлаться отъ меня, воскликнулъ: «Кто? Капитанъ? Какой капитанъ? Отецъ Ребуль? Да вонъ онъ, этотъ толстый старикъ въ картузѣ». Должно быть, въ этомъ картузѣ было что-то необыкновенное, такъ какъ отъ всей персоны капитана одинъ онъ остался у меня въ памяти: круглый, громадный, изъ рыжей вытрепанной гольцовой шкуры, съ наушниками до подбородка. И это былъ капитанъ. Я вижу, какъ картузъ быстро читаетъ мое рекомендательное письмо, слышу, какъ онъ говоритъ мнѣ охрипшимъ, грубымъ голосомъ, тономъ человѣка, которому рѣшительно ни до кого и ни о чемъ нѣтъ дѣла: «Спускайтесь въ гостиную перваго класса, очистите палубу». Бъ счастью, солдаты были далеко и не слышали, съ какою непринужденностью обращаются съ офицеромъ. Очистить палубу — это вовсе не такъ легко было сдѣлать. Что предпринять? Запрыгнуть въ воду или же пробраться черезъ угольную яму, куда спускали наполненные масломъ плетенки. Чортъ возьми! Вся штука заключалась въ томъ, что ни я, ни мой двоюродный братъ не были ни на одномъ суднѣ — ни на большомъ, ни на маленькомъ, ни на парусномъ, паровомъ, ни даже на гребномъ. Знаніе наше ограничивалось книгами, здѣсь же, на этихъ мокрыхъ доскахъ все было ново, кипучая всплесками Роны, которая подъ ударами мистрала билась о каменную набережную, такъ что все подъ нами плясало и танцовало.

Мы пережили минуту страшнаго колебанія, — минуту, не болѣе. Я вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ о томъ, будто «чистые» пассажиры всегда помѣщаются на шканцахъ. «Пойдемъ, — говорю я двоюродному брату, — мы спустимся въ гостиную черезъ первый попавшійся люкъ». Еще одно слово, которое я зналъ изъ своихъ Робинзоновъ. «О, эти мостры!» — раздался сзади меня дѣтскій голосъ. Мальчики изъ Монпелье послѣдовали за нами; ихъ такъ кстати раздавшійся возгласъ придалъ мнѣ храбрость и увѣренность. «Что такое люкъ?» — спросилъ одинъ изъ нихъ у Леонса. Такъ какъ тотъ затруднялся дать отвѣтъ, что казалось крайне страннымъ для морского офицера, я поспѣшилъ сказать, что люками называются четырехугольныя отверстія, сообщающія палубу съ низомъ. Какъ разъ въ эту минуту мы увидали нѣчто, похожее на открытое окно чердака. Это было, конечно, то, чего мы искали. Я нагнулся: лѣстница перваго класса не отличалась ни удобствомъ, ни изяществомъ; почти отвѣсная, она углублялась въ черную дыру, изъ которой пахло дымомъ. Какъ могли дамы спускаться по ней? Я всетаки рѣшительно двинулся впередъ, хотя подушки и чемоданы меня страшно стѣсняли. Леонсъ несъ корзину съ провизіей. Испуганный, но подстрекаемый чувствомъ гордости и нашимъ чиномъ морскихъ офицеровъ, онъ волей-неволей слѣдовалъ за мной. Ноги его давили мои пальцы и ускоряли мой спускъ. Мальчики изъ Монпелье не осмѣлились послѣдовать за нами и, поднявъ голову, я увидалъ наклоненные надъ черной дырой ихъ наивные бритые лбы, округленные рты и глаза. Толкнувъ маленькую дверь, я очутился въ какой-то буфетной съ засаленными стѣнами и столами, гдѣ суетились три поваренка въ бѣлыхъ колпакахъ и блузахъ, которые, казалось, валялись въ продолженіе недѣли въ угольной ямѣ. Когда я спросилъ, гдѣ гостинная перваго класса, одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «Пожалуйте сюда, я могу васъ провести въ первый, во второй и въ третій классъ». Этими онъ, очевидно, хотѣлъ дать мнѣ понять, что говорить о первомъ классѣ на подобномъ пароходѣ было большой наивною, простибельной лишь въ мои годы. Въ вухнѣ, черезъ которую мы прошли, лежали куски мяса, корзины съ овощами и громадные круглые, какъ погребальные вѣнки, хлѣбы, которые ліонцы пазываютъ коронами. Толкнувъ другую дверь, я попалъ въ обширное помѣщеніе, по стѣнамъ котораго тянулись кожаные диваны, а посрединѣ стоялъ длинный столъ, окруженный узкими лавками. Когда мы вошли, нѣсколько человѣческихъ фигуръ, лежавшихъ на диванахъ у правой стѣны, зашевелились, словно проснувшись. Длинный, худой господинъ съ рыжей

бородой, съ головой, обвязанной синимъ шелковымъ платкомъ, концы котораго торчали надъ его лбомъ, приподнялся, взглянулъ на меня и, сказавъ нѣсколько словъ на незнакомомъ языкѣ двумъ-тремъ мальчикамъ, повязаннымъ такими же фулярами, опять улегся, пожавъ плечами, точно хотѣлъ сказать: «такихъ я много видѣлъ, не стоитъ и безпokoиться». То, что онъ сказалъ потомъ, навѣрно, было очень смѣшно, такъ какъ, къ моей большой досадѣ, мальчики стали кататься отъ смѣху на своихъ кроватяхъ. Съ большимъ достоинствомъ, нахохлившись какъ два пѣтуха, мы сѣли на противоположный диванъ; онъ тоже былъ занятъ: насъ встрѣтили легкими криками, и изъ-подъ кучи одѣялъ высунулись двѣ фигуры хорошенькихъ, молоденькихъ женщинъ въ черныхъ платьяхъ, съ накинутыми на голову кружевными косынками, съ голубыми глазами и мягкими вьющимися волосами надъ веселыми вздернутыми носиками. Кто были эти дамы, мы сейчасъ же узнали по ихъ рассказамъ; онѣ были уроженки Ліона, двѣ невѣстки, обѣ замушечены за директорами мастерскихъ, принадлежащихъ морской компаніи. Онѣ пробыли нѣсколько дней у своего родственника инженера въ *Tour St. Louis* и, возвращаясь обратно къ своимъ въ Ліонъ, наканунѣ вечеромъ пріѣхали въ Арль, а такъ какъ «Боннардель» ночью не плавалъ, онѣ ради экономіи не поѣхали въ отель, а ночевали на пароходѣ въ гостиной перваго класса. Онѣ очень жаловались, что на пароходѣ съ ними обращаются плохо, обвиняли капитана Ребуля, называли его дикаремъ, а сосѣда англичанина и его учениковъ — людьми крайне невоспитанными: въ продолженіе всей дороги тѣ бормотали на какомъ-то непонятномъ языкѣ и съ ними, какъ съ собаками, не сказали ни слова. Зато онѣ очень обрадовались появленію новыхъ спутниковъ, которые были, по крайней мѣрѣ, «настоящими французами». Все это говорилось шепоткомъ въ то время, какъ «Боннардель», хлопая колесами, отваливалъ отъ берега, желѣзо визжало, дерево скрипѣло и въ запотѣвшія стекла окошекъ видѣлась бѣлая удалявшаяся полоса гати. За откровенность я платилъ откровенностью; я сообщилъ дамамъ, что мы доѣдемъ виѣстѣ съ ними до Ліона, и такъ какъ онѣ удивлялись, какимъ образомъ мы, такіе молодые, путешествуемъ совершенно одни, я объявилъ съ улыбкой превосходства, что, окончивъ морскую школу въ Варнѣ, мы взяли отпускъ для поправки здоровья и, какъ только онъ окончится, мы оба поступимъ на службу, до сего окончанія войны. Вы можете себѣ представить, какими удивленными, восхищенными, широко раскрытыми глазами смотрѣли на насъ обѣ ліонки: «почти дѣти и уже офицеры, наканунѣ битвы!»

Все это краснорѣчиво говорили ихъ голубые глаза, выражая еще многое другое. Говоря, я воодушевлялся, ссылаясь на Леонса, какъ на свидѣтеля, подстрекаемый въ особенности недовѣрчивыми улыбками англичанина-врага, который слушалъ меня, разматывая свою ночную повязку. И вдругъ этотъ невѣжда возымѣлъ дерзость спросить меня черезъ столъ на чистомъ французскомъ языкѣ, но съ англійскимъ акцентомъ: «Такъ, такъ!... А не можете ли вы мнѣ сказать, милостивый государь, какихъ лѣтъ вербуешь французскій флотъ своихъ офицеровъ?» Тутъ я могъ бы вставить героическое слово, одну изъ тѣхъ знаменитыхъ фразъ, которыя дѣлаютъ личность исторической, но искренность заставляетъ меня сознаться, что отвѣта своего наглому собесѣднику я не помню. По всѣмъ вѣроятіямъ, я промолчалъ и хорошо одѣлалъ. Но совершенно ясно, напримѣръ, вижу я появленіе капитана Ребуля въ дверяхъ гостиной. Опъ, наконецъ, разобрался въ письмѣ моихъ родителей, къ которымъ питалъ большое уваженіе, и пришелъ извиниться за оказанный мнѣ пріемъ. Онъ крѣпко, какъ мужчина мужчину, пожалъ мнѣ руку, пожатіемъ, отъ котораго хрустятъ кости, въ особенности такія неокрѣпшія, какими были мои въ эту эпоху, и сказалъ мнѣ, чтобъ я считалъ себя на пароходѣ, какъ дома. Потомъ, оглядѣвъ гостиную, добавилъ, что если въ продолженіе трехъ-четырехъ дней путешествія намъ будетъ здѣсь неудобно спать, онъ уступитъ намъ половину своей каюты—единственной жилой на всемъ пароходѣ. Я поблагодарилъ его, увѣряя, что мы съ двоюроднымъ братомъ привыкли спать на жесткомъ, и проводилъ его до дверей гостиной, въ глубокомъ восхищеніи отъ его словъ, которыя придавали мнѣ значительность и окружали ореоломъ въ глазахъ ліонокъ и въ особенности моихъ враговъ, взгляды которыхъ выражали уже нѣкоторую почтительность.

Максъ Лм.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Всемирный языкъ и народныя языки.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ ученые и литераторы перестали пользоваться при взаимныхъ сношеніяхъ латинскимъ языкомъ, въ средѣ ихъ возникла мысль о замѣнѣ устарѣвшаго жизнью средства—новымъ. Такимъ средствомъ представлялся для однихъ какой-нибудь современный европейскій языкъ, для другихъ казался подходящимъ совершенно-новый, чисто-искусственный, «изобрѣтенный» языкъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій вопросъ о такомъ международномъ, всеобщемъ или всемирномъ языкѣ разрѣшали и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ: одни высказывались за преобладаніе англійскаго, русскаго, провансальскаго языковъ, другіе являлись со своими «волапюгами», «эсперантами» и т. п. выдумками... Доказывали, спорили, рекламировали, пропагандировали,—и все же вопросъ и по сей день остался для «обширной публики» открытымъ.

Въ XVII, XVIII и въ началѣ XIX столѣтій преобладающее значеніе действительно оставалось за языкомъ французскимъ, но преобладаніе это не въ состояніи было однакоже вытѣснить идею искусственно-выработаннаго языка. Лейбницъ, умершій въ 1716 году, всю жизнь увлекался возможностью составленія такого особаго языка, который, подобно арабскимъ цифрамъ, могъ бы пригодиться всѣмъ и былъ бы принятъ поѣтому повсюду. Полагаясь на авторитетъ специалистовъ своего времени, Лейбницъ утверждалъ, что китайскій языкъ представляетъ собою примѣръ именно такой искусственной выработки; онъ думалъ поѣтому, что попытка его заинтересовать общество идеєю такого языка должна непремѣнно оказаться успѣшною. Попытка эта такъ и осталась однако же только попыткою и теперь о ней успѣли уже совсѣмъ забыть. Если же бы она была когда-нибудь осуществлена, то, по вѣрному замѣчанію Альфонса де-Кандоля, навѣрно была бы признана неудачною: языкъ знаковъ неизбѣжно оказался бы столь сложнымъ, непрактичнымъ и лишеннымъ гибкости, что въ концѣ концовъ пришлось бы очень скоро отказаться отъ пользованія имъ. (*Alphonse de Candolle*. «Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles». Genève. 1885, p. 533). О языкѣ знаковъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ уже теперь рѣчи.

Хотя Лейбницъ и жаловался на всеобщее равнодушіе къ его идѣѣ, но жалоба эта была справедлива лишь настолько, насколько относилась къ той формѣ, въ которую онъ облекъ свою идею; самая же идея въ ея общемъ и широкомъ значеніи такъ запала въ умы, что забота о международномъ языкѣ продолжала проявляться то здѣсь, то тамъ, и ей удавалось даже производить иногда нѣкоторый шумъ. «Изобрѣтателей всемірныхъ языковъ», появившихся въ одномъ только XIX столѣтіи, не перечесть. Были всемірные языки для однихъ только ученыхъ, были и языки универсальные. Въ той или иной формѣ, идея всемірнаго языка являлась по временамъ модною и во всякомъ случаѣ забытою не была.

Обзоръ проявленія этой идеи мы начнемъ со сравнительно наименьшей по своей притязательности формы,—съ указанія на возможность преобладанія одного изъ современныхъ европейскихъ языковъ. Такое преобладаніе, съ одной стороны, не является новостью, а съ другой—обыкновенно представляется простымъ, естественнымъ и удобоприимнымъ, такъ какъ самое средство имѣется уже готовымъ и предполагается, будто все дѣло заключается только въ расширеніи области его applicaціи. Посмотримъ же, каковы шансы успѣха той или другой комбинаціи, допускаемой въ этомъ смыслѣ.

По мнѣнію извѣстнаго филолога Густава Мейера и теперь уже можно указать на нѣкоторые болѣе или менѣе обширныя культурныя области, въ которыхъ преобладаніе одного какого-нибудь языка является фактомъ совершившимся. Такъ, въ католической церкви преобладающимъ языкомъ авторитетно установлено языкъ латинскій; среди народовъ, исповѣдующихъ магометанскую вѣру, роль преобладающаго языка принадлежитъ арабскому; для громадной сферы вліянія Англіи такое значеніе имѣетъ англійскій языкъ; для половины Европы и половины Азіи—языкъ русскій; для большинства образованныхъ людей всего свѣта преобладающимъ языкомъ все еще остается французскій, и, кромѣ того, существуютъ еще сравнительно меньшія области, гдѣ слѣдуетъ отмѣтить подобное же преобладаніе: такъ въ многоязычной Австріи общимъ языкомъ является нѣмецкій; въ значительной части Африки первенство остается за языкомъ суахили и т. д. «Будущее развитіе преобладанія языковъ можно,—по мнѣнію Густава Мейера,—представить себѣ такимъ образомъ, что великіе міровые языки, постоянно увеличивая области своего вліянія, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставать исключать менѣе сильныхъ конкурентовъ и доводить число состязавшихся до минимума. И если окажется вѣрнымъ предсказаніе, будто Англіи и Россіи придется вести послѣднюю борьбу за обладаніе міромъ, то можно утверждать, что когда-нибудь единственнымъ міровымъ языкомъ будетъ или англійскій, или русскій. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится во всякомъ случаѣ къ политическому преобладанію». (*Gustav Meyer. «Essays und Studien».* Strasb. 1893, II B-d, S. 40).

Рѣшеніе вопроса является у Мейера очень простымъ, но нельзя не замѣтить, что простота эта пріобрѣтается имъ лишь цѣною той нескладницы,

которую онъ допускаетъ при группировкѣ фактовъ. Преобладаніе письменнаго языка среди того или другого духовенства, или у той или иной администраціи, представляется у него рядомъ съ ничемъ общимъ съ такими явленіями не имѣющимъ преобладаніемъ французскаго языка въ международныхъ сношеніяхъ европейскихъ ученыхъ и литераторовъ; поставленное же рядомъ преобладаніе арабскаго или суагальскаго языка въ средѣ почти или совсѣмъ безграмотной слѣдуетъ опять—такъ счесть такимъ фактомъ, который совсѣмъ не пригоденъ для сопоставленія ни съ первымъ, ни со вторымъ изъ указанныхъ выше группъ. И не надо еще упускать изъ виду и того, что первая и третья группа стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ всякой политики, а потому и не могутъ служить аргументами для Мейера: онѣ просто-напросто опровергаютъ его взгляды. Вообще говоря, изложеніе Мейера слишкомъ поверхностно, неопредѣленно и расплывчато, и слишкомъ ужъ явно обнаруживаетъ непригодность его приемовъ для рѣшенія вопроса сколько-нибудь сложныхъ.

Существуютъ формы взаимовоздѣйствія языковъ, о которыхъ намъ еще придется говорить нѣсколько позже и которыя несомнѣнно подлежали обсужденію Мейера,—это помѣси разныхъ европейскихъ языковъ съ азіатскими и африканскими языками: «lingua franca», «pigeon-english», «малайо-португальскій» говоръ и т. п. Всѣ эти формы существованіемъ своимъ обязаны не политикѣ, не культурѣ, а главнымъ образомъ торговлѣ или, вѣрнѣе, гешефту. Говоры эти и жаргоны пестры, измѣнчивы, прихотливы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неустранимы. Ближайшее съ ними знакомство могло бы, надо полагать, убѣдить Мейера, что ни одна изъ его фантастическихъ комбинацій не смогла бы съ ними справиться; мало того, ни одна не могла бы представить и новообразованій того же рода. Преобладаніе одного европейскаго языка оказалось бы, какъ видно изъ этого, мнимымъ, а разговоръ о такомъ преобладаніи празднымъ. (О говорахъ и жаргонахъ см. *J. Storm*. «*Englische Philologie*». Leipz., 1896; *G. Körting*. *Encyclopedie und Methodologie der englischen Philologie*. Heilbronn, 1888; *M. Grünbaum*. «*Mischsprachen und Sprachmischungen*». Hamburg, 1885).

Говоры эти и жаргоны не нуждаются въ санкціи политиковъ или ученыхъ, они живутъ, множатся, да подъ часъ еще такъ «засоряютъ» появленіе въ нихъ сосѣдство европейскихъ языки, что тѣ становятся неузнаваемыми. Процвѣтаніе этого «лингвистическаго сора» показываетъ, что недостаточно еще составить своего рода таблицъ о рангахъ для языковъ, расписавъ ихъ согласно предполагаемому ихъ значенію съ «высшей» точки зрѣнія, для того, чтобы въ средѣ живыхъ фактовъ, соответствующихъ геллертерской іерархизаціи, немедленно же установилось достодолжная субординація: одни языки стали бы «господствующими», другіе «преобладающими», третьи «терпимыми», четвертые «прозябающими» по милости составителей таблицъ, пятые—обреченными на исчезновеніе и т. п. На самомъ дѣлѣ, жизнь всякаго языка совершается вполне самобытно и регулируется не произволомъ, не прихотью какого ни на есть замечавшагося объединителя и регулиров-

шива, а присущими «эволюціи» языка законами, уничтожать надъ которыми никому не дано. Уже чего ужъ кажутся ничтожны жаргоны лавочниковъ, матросовъ, носильщиковъ, въ приморскихъ странахъ, а и надъ ними всякая прихоть бессильна. Толкай ихъ вправо—они, какъ разъ, пойдутъ влѣво.

Несогласованность мнѣній Мейера съ приводимыми въ подтвержденіе этихъ мнѣній фактами бьетъ въ глаза; она до такой степени рѣзка, что прямо противоположный взглядъ могъ показаться самою подходящею основою для пропаганды преобладанія такого европейскаго языка, который—де тѣмъ и пригоденъ, что лишентъ всякаго политическаго значенія. Такой языкъ нашелъ своего покровителя въ лицѣ одного офицера итальянскаго генеральнаго штаба, капитана Ровере (Alberto Rovere),—это языкъ провансальскій. Офицеру такъ понравился этотъ языкъ, что онъ написалъ о немъ цѣлую брошюру,—«Lingua e città internazionali»,—вышедшую въ свѣтъ въ началѣ 89-го года. Плоды досуговъ штабной службы едва ли покажутся, однако, обладающими силою убѣдительности тѣмъ, которые выкинуть въ нихъ внимательно. Здѣсь прежде всего говорится о необходимости международнаго языка для дипломатіи и торговли, признававшейся—де всегда. Послѣ латинскаго и испанскаго, долгое время пользовались языкомъ французскимъ, но вотъ, нѣкоторыя націи, съ Германіей во главѣ, начинаютъ хмуриться. Капитанъ находитъ, что настаетъ пора для поисковъ такого языка, который могъ бы пригодиться для всѣхъ (?), не задѣвая ничего (?) самолюбія. Такимъ языкомъ, по мнѣнію Ровере, можетъ оказаться одинъ только языкъ провансальскій. На языкѣ этомъ въ настоящее время говорятъ, или, по крайней мѣрѣ, понимаютъ его отъ десяти до двѣнадцати милліоновъ людей; онъ способенъ выразить всякое чувство, всякую идею, и обладаетъ всѣми правами (?) для занятія положенія языка международнаго».

«Находясь въ сыновнихъ отношеніяхъ къ языку латинскому и въ братскихъ—къ новогреческому, итальянскому, испанскому, португальскому и румынскому, провансальскій языкъ оказывается въ близкомъ родствѣ къ нѣмецкому и англійскому и вмѣстѣ съ ними и съ языками кельтскимъ, литовскимъ, армянскимъ, древне-персидскимъ, древне-индійскимъ (?) или санскритскимъ, онъ примыкаетъ къ общему имъ всѣмъ арійскому или индоевропейскому корню.

«На его сторонѣ имѣется еще и та выгода, что онъ не является языкомъ ни одного изъ европейскихъ государствъ; по этой причинѣ онъ можетъ рассчитывать на примѣненіе его различными державами».

Вмѣстѣ съ возведеніемъ провансальскаго языка на степень языка международнаго должно произойти и превращеніе города Монако въ городъ международный. Городъ этотъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для города международнаго: температура атмосферы здѣсь умѣренно-теплая, климатъ—мягкій и здоровый; богатая растительность здѣшняго побережья дѣлаетъ пребываніе тутъ пріятнымъ... Нельзя найти лучшаго мѣста для учрежденія нормальной школы, въ которой преподавался бы провансальскій языкъ

молодымъ людямъ всѣхъ странъ; отсюда онъ сталъ бы распространяться по всему свѣту. Тутъ находилась бы также и академія, назначеніе которой заключалось бы въ поддержаніи чистоты этого прекраснаго языка, а также и академія наукъ, на обязанности которой лежалъ бы переводъ вновь выходящихъ литературныхъ произведеній. Кроме того, въ Монако находились бы еще: выставки, коммерческій институтъ, промышленный институтъ, морская академія и—что всего важнѣе—большой постоянный конгрессъ, состоящій изъ представителей всѣхъ странъ, входящихъ въ «союзъ»; конгрессъ этотъ занятъ былъ составленіемъ трактатовъ и улаживаніемъ могущихъ возникнуть между различными странами столкновеній. Конгрессъ этотъ велъ бы свои пренія по-провансальски и имѣлъ бы значеніе амфиціоновъ соединенныхъ государствъ (штатовъ) Европы.

Ровере предусмотрѣлъ даже и то, что Монако долженъ стать вольнымъ портомъ, и что его флагъ будетъ заключать соединеніе цвѣтовъ Франціи и Италіи—краснаго и бѣлаго.

«Я очень хорошо знаю,—говоритъ онъ въ заключеніе,—что всѣ новшества сперва встрѣчаютъ обыкновенно неодолимые препятствія... Но я знаю также, что многія идеи, считавшіяся первоначально за утопіи, были потомъ приняты повсемѣстно».

Брошюрка Ровере осталась бы, надо полагать, неизвѣстною за предѣлами его роднаго городка Козале, гдѣ она появилась, если бы о ней не оповѣстилъ на весь свѣтъ извѣстный франко-провансальскій писатель Поль Арэнъ. «Это мечта, конечно,—говоритъ Арэнъ,—но мечта эта не глубже упрямаго отстаиванья предполагаемаго единаго языка, всегда почти раздвѣивающагося—на грубый патуа, въ деревняхъ, и неизменный жаргонъ, въ городахъ» (*Paul Arène: «Le Midi Bouge», p. 275 et suiv.*).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, конечно, что маниловщина досужаго капитана не представляетъ еще послѣдняго слова того вздора, который былъ высказанъ о великомъ значеніи всемірнаго языка. Отсутствие лингвистическихъ знаній, метафизическій пошибъ мышленія, преклоненіе передъ казарменными идеалами, смѣшеніе бросающагося въ глаза единообразія съ не столь легко уловимымъ единомысліемъ и единодушіемъ,—все это можетъ иногда сгущаться до недоступной для здраваго сужденія галиматіи. Но не о степеняхъ нечѣпости и пошлости всего этого празднословія идетъ теперь рѣчь; сопоставленіе мнѣній Густава Мейера и Альберто Ровере можетъ оказать намъ ную услугу: оно можетъ представить два крайніе пункта ряда и, принципиально захвативъ всѣ предполагаемые—промежуточные, сдѣлаетъ излишнимъ скучное разсмотрѣніе всѣхъ ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ они одинаково мѣтять на водвореніе ни болѣе, ни менѣе какъ универсальнаго языка: языка, годнаго для всѣхъ народовъ, всѣхъ классовъ, всѣхъ положеній,—на всемъ пространствѣ земной поверхности... Стоитъ ли послѣ этого разыскивать ихъ особенности? Довольно намъ той характеристики, которая можетъ быть установлена на основаніи разсмотрѣнія проектовъ Мейера и Ровере.

Гораздо болѣе интереса представляютъ соображенія уже разъ упомяну-
таго мною де-Кандоля. Самая постановка вопроса у де-Кандоля иная: онъ
не проповѣдуетъ универсальнаго языка, онъ разбираетъ только шансы пре-
обладанія одного изъ современныхъ языковъ при состязаніи на роль между-
народнаго языка въ определенной сферѣ интересовъ науки и литературы,
въ средѣ людей просвѣщенныхъ (*les hommes éclairés*), и затѣмъ, приемы
его не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ приемами Мейера или Ровере,
и безъ ближайшаго разсмотрѣнія могутъ показаться не лишенными осно-
вательствами.

Начинаетъ де-Кандоль съ того, что указываетъ на послѣдствія, возник-
шія въ средѣ просвѣщенныхъ людей отъ потери прежняго соединительнаго
звена между ними—французскаго языка. Всякій сталъ теперь писать только
на своемъ языкѣ, и обычай этотъ сдѣлался уже теперь всеобщимъ. Водворе-
ніе этого обычая можно считать источникомъ начавшагося виѣстѣ съ нимъ
замѣшательства: теперь, чтó считается новостью въ одной странѣ, не пред-
ставляется въ другой тѣмъ же: знаніе или незнаніе иностранныхъ языковъ
опредѣляетъ положеніе. И сколько ни прилагаютъ старанія къ изученію
иностранныхъ языковъ, все же таки приходится узнавать поздно и безъ
достаточной полноты то, что пишется за границей. Немногіе знаютъ болѣе
двухъ языковъ, а между тѣмъ при попыткѣ перейти извѣстный предѣлъ
лингвистическихъ знаній, ощущается недостатокъ времени для другихъ за-
нятій и приходится убѣдиться, что существуетъ извѣстная граница, пере-
ступить которую нельзя, не пожертвовавъ изученію средствъ пріобрѣтенія
знаній самое ихъ пріобрѣтеніе. Неудобство, проистекающее отъ такого по-
рядка вещей, должно, по мнѣнію де-Кандоля, скоро почувствоваться всѣмъ.
Если мы примемъ во вниманіе ту роль, которую играли греческій языкъ
въ Римской имперіи и французскій въ новѣйшее время, то убѣдимся, что
потребность въ преобладаніи какого-нибудь языка всегда является настоя-
тельною. Къ такому преобладанію всегда и приходятъ послѣ нѣкотораго
промежутка, отиѣченнаго замѣшательствомъ. Чтобы понять это, необходимо
вдуматься въ причины, побуждающія къ предпочтенію извѣстнаго языка, а
также и въ условія распространенія такого языка при всѣхъ связанныхъ
съ такимъ распространеніемъ неудобствахъ.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, продолжаетъ де-Кандоль, преобладающимъ
языкомъ былъ французскій, но потомъ успѣхъ науки въ Англіи, Америкѣ,
Германіи и Россіи передвинули центръ тяжести умственной жизни съ юга
на сѣверъ, и преобладанію французскаго языка насталъ конецъ. При сло-
жившихся новыхъ условіяхъ для поднятія какого-нибудь языка до значе-
нія преобладающаго, обозначается необходимость соединенія въ этомъ языкѣ
двухъ свойствъ: 1) обладаніе достаточнымъ количествомъ словъ и формъ,
какъ германскихъ, такъ и латинскихъ, для того, чтобы оказаться доступ-
нымъ для нѣмцевъ и для народовъ латинской рѣчи, и 2) усвоенность зна-
чительнымъ большинствомъ цивилизованныхъ людей. Кромѣ этихъ двухъ
свойствъ, признаваемыхъ де-Кандолемъ существенными, онъ находитъ, что

окончательному приобрѣтенію преобладанія много способствовали бы: грамматическая простота, краткость и ясность этого языка.

Единственный языкъ, могущій представить всё эти свойства черезъ какія-нибудь пятьдесятъ-сто лѣтъ, является языкъ англійскій. Этотъ языкъ имѣетъ всё перечисленные выше достоинства, а потому онъ и можетъ стать переходною ступенію отъ главныхъ языковъ, которыми теперь пользуется наука, подобно тому, какъ французскій языкъ занималъ такое же положеніе между языкомъ латинскимъ и современными европейскими языками.

Основаніе для преобладанія англійскаго языка де-Кандоль поддерживаетъ еще и указаніемъ на вѣроятный ростъ говорящаго по-англійски населенія сравнительно съ населеніемъ другихъ большихъ странъ.

Населеніе Великобританіи, Канады, Соединенныхъ Штатовъ, Австраліи, Новой Зеландіи, Индіи, Африки и другихъ англійскихъ колоній, по «Готскому Альманаху» 1883 года, простиралось до 93 милліоновъ *).

Въ это же самое время, нѣмцевъ, въ Германіи, части Австро-Венгріи, Швейцаріи и Балтійскихъ губерніяхъ, было 58 милліоновъ.

Французовъ, во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Алжиріи и Канадѣ—42½ милліона.

Что касается итальянцевъ, то число ихъ менѣе значительно, чѣмъ число французовъ, и достиженіе преобладанія ихъ языкомъ не представляется вѣроятнымъ. Численность испанцевъ несомнѣнно весьма возрастетъ въ Америкѣ, но ихъ смѣшеніе съ туземнымъ населеніемъ и другія причины ослабить значеніе ихъ языка сравнительно съ возрастающимъ значеніемъ англійскаго; и, наконецъ, языкъ русскій, на которомъ говорятъ теперь отъ 60 до 80 милліоновъ, представляется настолько удаленнымъ отъ другихъ европейскихъ языковъ, что не имѣетъ шансовъ стать преобладающимъ, не говоря уже о недавности цивилизаціи въ странѣ,—фактъ, имѣющимъ, конечно, свое значеніе.

Переходя затѣмъ къ возрастанію населенности тѣхъ странъ, языки которыхъ могли бы при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ стать преобладающими, де-Кандоль, на основаніи имѣвшаго мѣсто въ теченіе послѣдняго столѣтія прироста населенія, считаетъ вѣроятнымъ, что къ 1980 г. общее число говорящихъ по-англійски достигнетъ 450 милліоновъ, тогда какъ нѣмцевъ къ этому времени будетъ только 116 милліоновъ, а французовъ 64.

Такъ какъ цифра прироста населенія области англійскаго языка можетъ показаться иному читателю преувеличенною, то де-Кандоль подкрѣпляетъ ее указаніемъ на существующую уже населенность нѣкоторыхъ европейскихъ странъ. Когда,—говоритъ онъ,—густота населенія Соединенныхъ Штатовъ станетъ та же, что нынѣшняя густота населенія Германіи (84 жит. на 1 кв. килом.), то въ Штатахъ будетъ числиться 643 милліона жителей,

*) Эту же цифру даетъ и G. Körber въ своей „Encyklopedie und Methodologie der Englischen Philologie“. 1888.

сложения ничтожныхъ измѣненій въ теченіе вѣковъ (т.-е. такого періода, который является единицею мѣры и у де-Бандоля) могутъ произойти *различія громадныя*» (Н. Крушевскій: «Очеркъ науки о языкѣ». Казань, 1883 г., стр. 34). Затѣмъ, допуская успѣшность воздѣйствія вліятельныхъ людей на предотвращеніе измѣненій, такъ сказать, макроскопическихъ, все же таки придется ограничить эту успѣшность сферою языка письменнаго; языкъ устный не можетъ быть услѣженъ и не можетъ подвергнуться подчиненію какому бы то ни было мѣрамъ охраны и руководства: онъ неизбѣжно пойдетъ своимъ путемъ,—путемъ той эволюціи, законы которой стоятъ выше намѣреній отдѣльныхъ лицъ, и всѣ измѣненія, которыя должны будутъ совершиться въ немъ, неизбѣжно и совершатся. Въ послѣднемъ итогѣ должно явиться то, что дѣйствительно и является вездѣ, гдѣ письменный языкъ, упираясь въ искусственно-созданныя правила, пренебрегаетъ языкомъ устнымъ и, отказываясь отъ слѣдованія за нимъ, увлекается мнимымъ расчетомъ о возможности заставить его идти за собою: оба языка оказываются настолько разошедшимися, что письменный языкъ перестаетъ, наконецъ, и вовсе быть понятнымъ для народа. Эволюція латинскаго языка можетъ служить яркою иллюстраціею неизбежности такого порядка вещей. Распаденіе латинскаго языка на романскіе говоры, пріобрѣвшіе съ теченіемъ времени значеніе отдѣльныхъ языковъ—французскаго, провансальскаго, итальянскаго, ретороманскаго, испанскаго и португальскаго—и сохраненіе за латинскимъ языкомъ значенія письменнаго языка католической церкви, языка неподвижнаго и неизмѣннаго, и создало то раздвоеніе языка на письменный и устный, на которое я только что указалъ. «Переживъ дѣйствія и противодѣйствія, которымъ подлежитъ всякій языкъ при возрастаніи его области и включеніи въ нее странъ, гдѣ первоначально господствовалъ другой языкъ, переживъ сопоставленіе съ другими иностранными языками и поднятіе до превращенія въ орудіе высшей словесной культуры, французскій языкъ и сталъ тѣмъ языкомъ, на которомъ мы пишемъ,—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ французской литературы и французскаго языка, и устанавливаетъ первоосновной фактъ всего своего изслѣдованія,—*le français est du latin parlé*», «устная латынь и есть французскій языкъ». Поэтому-то и говоритъ онъ далѣе, что при историческомъ восхожденіи отъ современныхъ грамматикъ романскихъ языковъ къ грамматикѣ латинской мы и можемъ достигъ, наконецъ, такого момента, когда эти грамматики сливаются. (*Histoire de la Langue et de Littérature française publiée sous la direction de L. Petit de Julleville. Paris, 1896. introduction, pp. V et XV*).

Нельзя сомнѣваться, конечно, что та миссія, которую теперь де-Бандоль хочетъ возложить на англійскихъ вліятельныхъ писателей, была въ полной мѣрѣ выполнена въ свое время безусловно вліятельными людьми въ области латинской рѣчи, руководившимися притомъ глубоко проникавшимъ ихъ непоколебимымъ и въ высшей степени возбуждавшимъ ихъ убѣжденіемъ. И что же имъ было достигнуто? Одна только неизмѣнность пи-

савнаго языка и ничего болѣе! Распаденіе устнаго языка, выработки отлѣльных народныхъ говоровъ, ставшихъ потомъ самостоятельными литературными языками, эволюція этихъ языковъ,—все это шло своимъ порядкомъ неуклонно и безостановочно, тогда какъ латинскій языкъ получалъ въ мирѣ, похороненный въ книгахъ. Съ латинскимъ языкомъ совершилось то, что ранѣе произошло съ языкомъ санскритскимъ, который то же въ свое время окаменѣлъ въ своей неизмѣнности, уступивъ мѣсто неизмѣнимымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ Индіи. И всегда «у гробового входа младая будетъ жизнь играть», и никакіе въ свѣтѣ заботливые люди, какъ бы они ни вдохновлялись призывами искренно настроенныхъ людей, подобныхъ де-Бандолю, ничего тутъ не подѣлаютъ. Истина эта получаетъ яркое выраженіе въ то же время, когда этимъ заботливымъ людямъ приходится дѣйствовать на громадныхъ пространствахъ, въ области раздѣленной океанами и подъ воздѣйствіемъ мотивовъ, сильно утратившихъ ту силу и значеніе, которыя присущи были мотивамъ прежнихъ вѣковъ. Ожидать иныхъ, сравнительно съ прежними, результатовъ—можетъ ли оказаться допустимымъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясно слагается фактами текущей жизни, обнаруживающими, что дѣйствительность значительно опередила осторожное опасеніе де-Бандоля: распаденіе, которое онъ только допускалъ, оказывается уже частью совершившимся, частью продолжающимся совершаться съ значительной степенью интенсивности. Извѣстный специалистъ Іоганнъ Стормъ въ своей *Englische Philologie* (Leipz., 1896 г. I B-d., Kap. IV und V) даетъ массу въ высшей степени интересныхъ указаній объ англійскомъ языкѣ въ колоніи и Американскихъ Штатахъ; всѣ они представляютъ положеніе англійскаго языка уже измѣненнымъ новыми условіями. Такъ, въ Южной Африкѣ, кромѣ оборотовъ и туземныхъ словъ въ англійскій языкъ вкрались и слова, заимствованныя у буровъ, первоначальный языкъ которыхъ—голландскій остался не безъ вліянія на него прибрежнаго португало-назайскаго жаргона. Повѣсти и рассказы талантливой Оливіи Шрейеръ могутъ представить всякому, знакомому съ англійскимъ языкомъ, интересный образчикъ этого каплендскаго видоизмѣненія англійскаго литературнаго языка. Что касается Американскихъ Штатовъ, то здѣсь, по свидѣтельству Сторма, подкрѣпленному множествомъ выписокъ, всего значительно обозначилось и доселѣ развивающееся американское новообразованіе, особенно яркое въ описаніяхъ народной жизни. Всякій читатель англійскихъ журналовъ не можемъ не прибавить къ этимъ указаніямъ еще и то, что черезъ всѣ англійскія рецензіи книгъ, выходящихъ въ Америкѣ, красною нитью проходитъ упоминаніе о степени значительности или незначительности американизмовъ въ этихъ книгахъ. Бываетъ и такъ—какъ это и можно видѣть въ 3773 номерѣ *Athenaeum'a*, что предположенная англійскимъ рецензентомъ опечатка оказывается американизмомъ. Все это относится къ литературному языку, о которомъ, какъ-никакъ, а все же прилагается извѣстная забота со стороны американскихъ писателей; устный

языкъ находится въ совершенно иныхъ условіяхъ: языкъ этотъ, по мнѣнію Сторма, никакъ не можетъ сойти за нарѣчіе англійскаго языка, а долженъ быть разсматриваемъ какъ развившійся при мѣстныхъ условіяхъ старинный языкъ, не оставшійся, впрочемъ, безъ воздѣйствія на него современныхъ діалектовъ, являющихся въ Америкѣ вмѣстѣ съ переселенцами. На этомъ языкѣ, обнаруживающемся особенностями своего произношенія и своеобразными оборотами, говорятъ въ Америкѣ не только необразованные, но и очень многіе образованные люди. Важнымъ подтвержденіемъ этого указанія Сторма является необходимость словотолкователей. Книга *De Vere*: «Americanism; the english of the New World», London, 1872 г., выполняетъ свою задачу на 685 страницахъ! Сдѣланныя Стормомъ на 35 страницахъ выписки представленныхъ *De Vere* американизмовъ могутъ служить такимъ яркимъ доказательствомъ его указаній, что я склоненъ считать ихъ скорѣе слабо выраженными, нежели сколько-нибудь преувеличенными.

Всего менѣе пострадавшимъ оказывается литературный языкъ англичанъ въ Австраліи. Стормъ утверждаетъ, что образованный австралиецъ съ трудомъ можетъ быть отличенъ отъ коренного англичанина. Все же таки, оговаривается однако же Стормъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ успѣли уже развиться многіе новые обороты и явились даже заимствованныя у туземцевъ слова.

Изъ сказаннаго можно заключить, что предположеніе о возможности преобладанія англійскаго языка, въ силу условій развитія всякаго вообще языка, представляется неосуществимымъ. И хотя не кто другой, какъ Яковъ Гриммъ утверждалъ, что «англійскій языкъ имѣетъ всѣ права называться всемірнымъ языкомъ и, подобно англійскому народу, представляется избраннымъ для владычества во всѣхъ концахъ земли», все же надо признать, что въ настоящее время иллюзію эту уже можно считать отжившею. По крайней мѣрѣ въ свободной отъ тенденціозности научной области для нея мѣста не существуетъ. Даже такіе ученые, которые видятъ въ англійскомъ языкѣ въ высшей степени пригодное орудіе обмѣна идей современной культуры и всемірныхъ отношеній вообще, рѣшительно отвергаютъ возможность достиженія англійскимъ языкомъ значенія языка всемірнаго. (См. *G. Körting*, о. с. S. 46). Нечего и говорить, что по отношенію ко всѣмъ другимъ европейскимъ языкамъ не можетъ быть и рѣчи объ иномъ рѣшеніи.

II.

Перейдемъ къ аналогичнымъ съ разсмотрѣнными въ предшествовавшей главѣ предложеніями всемірнаго языка, выделяемымъ однако же въ особую группу по обилію особыхъ признаковъ, заслоняющихъ собою черты сходства. Всемірные языки этой группы не предназначаются для какихъ бы то ни было специальныхъ цѣлей,—они универсальны; затѣмъ, они не имѣ-

ить въ виду одного только раздвинутія области примѣненія какого-либо изъ существующихъ языковъ, а выставляются какъ языки совершенно новые, имѣющіе своихъ индивидуальныхъ «изобрѣтателей», — это языки «искусственные».

Изобрѣтатели искусственныхъ языковъ появились въ Европѣ уже давно. Мнѣ случалось встрѣчать одного изъ нихъ, барона Габленца, въ Дрезденѣ еще въ 64 году. Онъ усердно пропагандировалъ «свой» языкъ въ нарочно издаваемомъ для того листкѣ и цѣломъ рядѣ изданій, говорилъ на немъ съ своимъ секретаремъ, пользовался въ Дрезденѣ большою извѣстностью... и исчезъ затѣмъ такъ основательно, что, кажется, не оставилъ ни единой въ справочномъ словарѣ, гдѣ встрѣчается однако же имя его брата, австрійскаго фельдмаршала, командовавшаго войсками, совершившими походъ въ Голштинію.

Габленецъ и ему подобные погибли «въ пропасти забвенія», а совершенно равный имъ по уму и талантамъ каноникъ Шлейеръ на шумѣлъ на весь свѣтъ и нѣкоторымъ образомъ обезсмертилъ себя своимъ «волапюкомъ», т.-е. «міра—языкомъ». Девизомъ своимъ онъ избралъ изреченіе, которое на его новомъ языкѣ звучало такъ: «menadé bal rŭki bal», т.-е. «единого человечества—единный языкъ». Лже-прогрессивность этой нелѣпости и теперь еще служить темою празднословія тѣхъ, которые довольствуются словами вмѣсто понятій. Шлейеръ обладалъ изобрѣтательностью, благодаря которой онъ могъ «выдумать» языкъ, и въ этомъ смыслѣ стоялъ на уровнѣ Габленцевъ и иныхъ, но онъ стоялъ выше ихъ всѣхъ знаніемъ жизненной практики. Тогда какъ какой-нибудь Габленецъ только напрасно тратился на самодѣльные «листки» и за предѣлами своего города на шумѣть не успѣлъ, Шлейеръ поднялъ на ноги цѣлую армію глашатаевъ и заводилъ прессу рекламами. Но кромѣ шума производимаго тѣмъ, которые имѣли пай въ гешефтѣ или какъ-либо иначе питались отъ него, появилось, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, множество добровольцевъ, которые, подобно мальчику въ сказкѣ, всегда выбѣгаютъ на всякій шумъ и горчатся больше всѣхъ. Вниманіе, удѣленное «волапюку» было, развѣется, столь же мимолетно, какъ увлеченіе столоверченіемъ или другимъ подобнымъ вздоромъ; восторгающіеся всевозможными новинками всегда предпочитаютъ сегодняшнее вчерашнему. Впрочемъ, не послѣднимъ дѣломъ было и то, что аргументы рекламистовъ и ихъ приспѣшниковъ были уже черезъ мѣру слабы. Если «волапюкъ» представляли до такой степени легкимъ для изученія, что онъ-де могъ быть доступнымъ даже и слабоумнымъ, то этимъ все же такъ еще не доказывали соотвѣтствіе средства и цѣли. По отношенію же къ послѣдней, многое оставалось крайне сомнительнымъ,—и скорость распространенія, и удовлетворительность искусственныхъ, тепличныхъ формъ. Всякій могъ видѣть, что господствующіе языки, вопреки могущественнымъ средствамъ, которыми они располагали въ теченіе вѣковъ, не только не вытѣснили областные языки и діалекты, но и принуждены еще были пережить возрожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, при-

шедшихъ въ упадокъ и считавшихся лишенными будущности. И затѣмъ, если рѣчь шла о торговомъ письмѣ или телеграммѣ на «волапюкѣ», то такія письма и телеграммы представлялись какъ бы однимъ изъ видовъ-мѣненій писемъ и телеграммъ шифрованныхъ: по существу никакого новшества еще не было. Чуть же только вопросъ осложнился, чуть только переступаема была граница мелочей обыденной жизни, гошефта и всякаго будничнаго хлама, какъ вопросъ получалъ совершенно новое освѣщеніе. При мысли унижить Шекспира, Гёте, Пушкина до «волапюка» возмущалось внутреннее чувство всякаго образованнаго человѣка, и «волапюкъ» со всѣми его наглými попользованіями оттѣснялся въ среду спекулирующихъ имъ и ихъ прислѣпниковъ.

И человѣчество, конечно, не «оволапючилось». Пресловутое «изобрѣтеніе» со всѣми его хвалителями со всемірной сцены исчезло. Значеніе «*coup de grâse*» получило для него именно то, что и есть жизнь для всякаго языка: самамалѣйшее измѣненіе, ничтожнѣйшее колебаніе, какая ни на есть конкуренція. И вотъ, когда появился новый «волапюкъ» какого-то Юліуса Лотта, исчезъ окончательно всякій «волапюкъ». Тщетно пытался нѣкій Кергофъ натальванизировать [трупъ этой исторической знаменитости,—успѣха не было ровно никакого. Послѣдующіе «изобрѣтатели»—Липтай, Беерманъ, Габріэль Роза, и какъ тамъ они еще назывались, не были болѣе счастливыми... «Прекрасное погубило въ пышномъ цвѣтѣ»...

Сколько бы впрочемъ ни являлось изобрѣтателей-практиковъ—этихъ сколько угодно разъ повторенныхъ Шлейеровъ—фабрикація всемірныхъ языковъ все же такъ даже и при удачѣ того, другого изъ нихъ можетъ сохранить сходство съ бѣлицымъ колесомъ до тѣхъ поръ, пока не совершится дѣйствительно новый шагъ впередъ всей этой «волапюкин», пока не появится теоретическій обоснователь всѣхъ этихъ затѣй и не выставитъ принципъ, въ силу котораго надо будетъ признать, что живые языки не только могутъ, но должны уступить мѣсто языку искусственному.

Извѣстно, что рядомъ съ вѣчно-обновляющейся живой познающей мыслью подолгу прозябаютъ и всякіе пережитки, что поступательнодвигающаяся наука сосуществуетъ съ окаменѣлостями метафизическаго и до-метафизическаго мировоззрѣнія. Въ каждый данный историческій моментъ можно наблюдать цѣлые ряды наслоеній, накопленныхъ, по выраженію, Тито Виньоли, «психической палеонтологіей». За социологіей мы видимъ тѣнь «философій исторіи», за «наукою о языкѣ» влечется «философія языка», не говоря уже о «философій» *rag excellence*, о философій—отдѣльной и самостоятельной наукѣ, стоящей будто бы во главѣ всѣхъ наукъ. И здѣсь—философія и тамъ—философія... Слишкомъ много философій! Зато и чуткій читатель, услышавъ терминъ «философія», чувствуетъ себя такъ, какъ будто въ глухую ночь раздался возгласъ «слушай!» И не напрасно: при обиліи всякихъ философій отъ размазыванія допотопныхъ афоризмовъ, «постиженій» и «постигновеній», выдающихъ все темное за «глубокое», до томительнаго празднословія про «кота въ мѣшкѣ» или «философію бу-

душаго»—всѣ эти философіи на самомъ дѣлѣ далѣе переряживаній дряхлой метафизики не идутъ. Это же значеніе имѣетъ и та «философія», которая является какъ устой всякаго имѣющаго появиться въ качествѣ всемірнаго языка «волапюка» или какъ бы онъ тамъ ни назывался. И если невозможны «волапюки» и всевозможныя философіи обязаны своимъ существованіемъ вдохновенію импровизаторовъ, то философію всемірнаго языка произвелъ на свѣтъ писатель, не лишенный значенія въ своей специальной области. Одна бѣда: бочка меду его учености одобрена ложкой ягтя метафизики, а потому философія его все же такъ никуда не годится. Я говорю о профессорѣ оксфордскаго университета Сэйсѣ (reverend A. Saxe), известномъ специалистѣ по исторіи Ассиріи и Вавилона, комментаторѣ Геродота и авторѣ пользующагося извѣстностью сочиненія «Principles of Comparative Philologie» (London, 1885).

Сэйс, по словамъ проф. Мищенко, извѣстенъ какъ хорошій знатокъ многихъ восточныхъ, а также и западно-европейскихъ языковъ, какъ объѣздившій восточныя страны, посѣщенный Геродотомъ, и какъ накопившій громадный запасъ научныхъ свѣдѣній объ этихъ странахъ. Специальныя работы Сэйса, какъ то свидѣлствуетъ г. Мищенко, не разъ удостоивались величайшихъ похвалъ со стороны англійской критики; та же критика о комментаріяхъ къ Геродоту высказалась, что «въ Англіи нѣтъ другого ученаго, которому задача эта была бы болѣе по силамъ, нежели Сэйсу». (Геродотъ. Исторія. Перев. съ греч. Ф. Г. Мищенко, Москва, 1888, т. II. стр. IX и LII). Сэйсъ заслужилъ впрочемъ и еще высшія похвалы со стороны профессора Копенгагенскаго университета О. Иесперсена, который считаетъ этого ученаго однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ разрушителей «кумировъ» старой лингвистической школы. Иесперсенъ утверждаетъ, что на его собственныя воззрѣнія Сэйсъ оказалъ значительное влияніе, что въ виду большого авторитета Иесперсена должно считаться въ высшей степени важнымъ (*Otto Jespersen. «Progress in Language with special reference to english. London, 1894»*). И при такой-то оцѣнкѣ Сэйса, и г. Мищенко, и Иесперсенъ считаютъ однакоже своимъ долгомъ полемизировать противъ многихъ взглядовъ Сэйса и—что гораздо важнѣе—противъ его научныхъ прелековъ. Болѣе того, Сэйсъ уличается въ извращеніи приводимыхъ имъ цитатъ.

Нельзя пройти молчаніемъ, что совершенно въ томъ же духѣ возстаетъ противъ Сэйса и авторъ обширнаго изслѣдованія цыганскихъ сказокъ Хиндесъ Грумъ, который находитъ касающуюся изученнаго имъ вопроса ошибку Сэйса неизвѣстно откуда взявшеюся и противорѣчащей при этомъ приводимому Грумомъ указанію, къ которому только и можетъ относиться ошибка Сэйса. (*Hindes Groom. Gypsy Folk-Tales. Lond., 1899. Introduction XIV*).

Однородность заключеній русскаго, датскаго и англійскаго ученыхъ, исходящихся при томъ же въ полной гармоніи съ тѣми, которыя вызывались его разсужденіемъ о всемірномъ языкѣ, дѣлаетъ болѣе, чѣмъ вѣроят-

нынѣ, допущеніе отуманивающего вліянія играющей не послѣднюю роль въ его разсужденіяхъ метафизики на пріемы и привычки его мышленія.

Приступая теперь къ изложенію воззрѣній Сэйса и ихъ оцѣнокъ, я—какъ то и слѣдуетъ само собою изъ вышесказаннаго—долженъ буду войти въ подробности, которыя при другихъ обстоятельствахъ могли бы, пожалуй, посчитаться излишними.

Въ упомянутой выше книгѣ Сэйса—*Принципы сравнительной филологіи*, имѣется глава, всецѣло посвященная «метафизикѣ языка»; по ней можно составить сужденіе о достоинствѣ и состоятельности его мировоззрѣнія, а потому мы къ ней теперь и обратимся.

Основною своею «метафизикой языка» Сэйсъ считаетъ слѣдующее не особенно ясное положеніе: «чистое бытіе и чистое мышленіе тождественны; постепенно же восходящія обобщенія, резюмируя извѣстныя явленія, вводить въ это тождество такой мысленный элементъ, который чуждъ самымъ явленіямъ; этотъ элементъ можно разсматривать поэтому, какъ метафизическій. Въ этомъ смыслѣ можно всѣ научные законы счесть метафизическими, и намъ покажется дѣломъ труднымъ попытку отнятія этой квалификаціи у такихъ трансцендентныхъ понятій, какъ понятіе силы. Понятію этому ничто не соответствуетъ въ матеріальной природѣ. Мы видимъ извѣстныя сосуществующія или послѣдовательныя явленія и создаемъ въ нашемъ воображеніи такой принципъ, результатомъ и проявленіемъ котораго считаются эти явленія, причемъ даемъ этому принципу названіе силы. Принципъ этотъ однакоже есть только понятіе, обязанное своимъ существованіемъ разуму,—понятіе, вносимое нами въ чувственный міръ. Точно такъ же и постулаты математики переходятъ предѣлы прямого опыта»... «Метафизика языка,—говоритъ онъ далѣе,—должна охватить эти общія, лежащія въ основѣ явленій членораздѣльнаго языка, понятія, достигнуть которыхъ намъ можно будетъ благодаря индукціи, опирающейся на изученіе этого языка. Подъ метафизику языка, какъ видно изъ этого, мы подведемъ всѣ изслѣдованія о родѣ и склоненіи, имѣя въ виду, что познаніе ихъ свойствъ, включаемое въ историческую науку, необходимо требуетъ знанія ихъ происхожденія».

Вотъ съ этой-то, переходящей границы опыта, *метафизической точки* зрѣнія и смотритъ Сэйсъ на вопросъ о всемірномъ языкѣ, приправляя свое разсужденіе разсчитанными на эффектъ словами: «цивилизція», «прогрессъ», «мирное развитіе человѣчества»... Всѣ это при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается однакоже частью путаницей, частью шаблонами, столь же пустыми, какъ и шаткими. Удручающее впечатлѣніе производятъ это повтореніе и переповтореніе безсодержательныхъ общихъ мѣстъ, могущихъ производить эффектъ лишь въ предрасположенной средѣ и совершенно освободившихъ себя отъ обстоятельнаго изслѣдованія вопроса, и отъ тѣхъ еще болѣе важныхъ и трудныхъ работъ, которыя возникаютъ изъ правильного его разрѣшенія.

Сэйсъ начинаетъ съ провозглашенія основнаго настроенія нашего времени, заключающагося де въ томъ, чтобы объединять раздѣленное ранѣе,

а не раздѣлить первоначально-единое. Это фундаментальное положеніе довольно неожиданно для читателя подтверждается прежде всего указаніемъ на обычный результатъ войны между дикими племенами: порабощеніе одного племени другимъ и исчезновеніе языка побѣжденнаго. Вся истина высказаннаго Сэйсомъ положенія раскроется впрочемъ, по словамъ его, лишь тогда, когда мы рассмотримъ лѣтописи цивилизованнаго человечества, т.-е. когда мы выступимъ за предѣлы возвратнаго періода, въ теченіе котораго и образуются языки. Мы увидимъ, что условія общественной жизни цивилизованныхъ народовъ приводятъ къ исчезновенію нарѣчій, къ ассимиляціи языковъ, къ созданію общаго средства сношеній. Македонское владычество распространило общій языкъ по всему Востоку; Римская имперія наложила въ сильнѣйшей степени на всѣ нарѣчія Запада свой отпечатокъ; затѣмъ поворотъ къ варварству, нашествіе народовъ германскихъ, привело во второмъ періоду лингвистическаго разъединенія. Одна лишь церковь, эта единственная представительница цивилизаціи, оставалась по-прежнему при единствѣ языка.

«Чѣмъ развитіе и распространеніе цивилизаціи, тѣмъ труднѣе сохраненіе различія языковъ», — продолжаетъ Сэйсъ. — Цивилизація соединяетъ, различіе языковъ разобщаетъ. Общее управленіе, общая литература, общая исторія, общее законодательство требуютъ и общаго языка. Матеріальная сторона современнаго прогресса — желѣзные дороги, пароходы, телеграфы, поразительно возросшая легкость передвиженій и сношеній между народами, — влекутъ съ большою силою къ тому же результату. Сверхъ всего же, торговля — этотъ великій устой современной цивилизаціи, постепенно охватываетъ весь міръ и разноситъ повсюду, куда только достигаетъ, языки главныхъ коммерческихъ народовъ. «Одна монета, одинъ языкъ!» вотъ крикъ, раздающійся въ настоящее время довольно часто. Малыя народности, какъ голландскія, напримѣръ, находятъ совершенно необходимыми усвоеніе двухъ, не то трехъ языковъ. Въ голландскихъ школахъ обязательно обучаютъ какому-нибудь иностранному языку; по торговымъ соображеніямъ, преимущественно англійскому. Политика идетъ этимъ же путемъ. Стремленіе къ единству, удовлетворенное въ настоящее время въ Италіи и Германіи, быстро разрушаетъ теперь мѣстныя нарѣчія при помощи обязательнаго обученія, и уже авангардъ демократическаго социализма и космополитизма выступилъ съ непризнаніемъ различія языковъ и отвергъ различіе расъ. Вотъ на что свелся вопль національностей, такъ недавно еще волновавшихъ Европу? Подъ обаяніемъ успѣховъ своихъ единоплеменниковъ, нѣмцы, эмигрирующие въ Америку, прилагаютъ на практикѣ припѣвъ поэта-патріота Аридти: «повсюду, гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь!» Населеніе Эльзаса, хотя и германское, предпочло переселеніе присоединенію къ Германіи. Вопреки усиліямъ филологовъ, кельтскій языкъ исчезаетъ въ Уэльсѣ и въ Шотландіи. Въ школахъ Бретани не раздается иного языка, кромѣ французскаго. Возрожденіе фламандскаго языка было дѣломъ людей книжныхъ, что ясно показываетъ его искусственность и вскрываетъ его проти-

ворѣчіе духу времени. Языкъ этотъ былъ сохраненъ не ради его пользы—этого единственнаго достаточнаго основанія для поддержанія языка, а изъ-за одной только литературной своей курьезности, изъ-за того только, что бы сдѣлать изъ этого языка филологическую забаву. Принципъ національности является въ самомъ дѣлѣ шагомъ назадъ,—реакціею по отношенію къ принципамъ французской революціи, отверженіемъ рѣшеній старой дипломатіи, раздробившей имперію Наполеона на новые осколки.

Я сохранилъ во всей полнотѣ и неприкосновенности своеобразное изложеніе Сэйса: его безсвязность, разбросанность, небрежность сами теперь бросаются въ глаза. Что же касается его безцеремоннаго обращенія съ фактами, то оно частью тоже очевидно, частью вполне обнаружится при послѣдующемъ изложеніи. Я перейду теперь къ опѣнкѣ его идей, поскольку онѣ могутъ быть выдѣлены изъ того хаоса, въ который погрузилъ ихъ авторъ.

Начнемъ съ исходной точки—съ метафизики.

Понятіе метафизики у Сэйса путаное: онъ старается обосновать его на неизбѣжности для познанія переходить предѣлы опыта, но подъ «опытомъ» онъ разумѣетъ только опытъ въ тѣсномъ смыслѣ слова (experience) или «прямой» опытъ и имѣетъ въ виду предѣлы одного только *этого* опыта. Опытъ въ широкомъ смыслѣ (Erfahrung) онъ вовсе упускаетъ изъ виду, а потому и оставляетъ насъ въ неизвѣстности, когда именно познаніе переступаетъ границы этого опыта. Спутавъ эти понятія, Сэйсъ неизбѣжно оставляетъ безъ выясненія понятія «чистаго бытія» и «чистой мысли», и такимъ образомъ открываетъ себѣ легкую и дешево приобретенную возможность усматривать «тождество» *чистаго бытія* и *чистаго мышленія* и считать «законы» и «силы» понятіями, привнесенными въ область этого чистаго тождества, лишенными соответствія въ матеріальной природѣ, трансцендентными,—вообще говоря, метафизическими. До его свѣдѣнія еще не дошло, что свободная отъ метафизики наука давно уже освободилась отъ мнимаго бремени всѣхъ этихъ хитросплетеній. «Ошибочно было бы думать,—говоритъ Э. Махъ,—что по отношенію къ физикѣ дѣло идетъ въ меньшей степени о воспроизведеніи или копіи фактовъ, чѣмъ объ атомахъ и законахъ, составляющихъ какъ бы ядро самихъ фактовъ. Безпристрастно вникая въ этотъ вопросъ, приходится признать, что мысленное воспроизведеніе фактовъ вполне удовлетворяетъ какъ практическія, такъ и умственныя наши потребности. Это копированіе или воспроизведеніе фактовъ и является поэтому цѣлью физики; атомы же, *силы*, *законы*, напротивъ того, надо считать *только средствами, облегчающими для насъ имѣющееся въ виду воспроизведеніе* (см. *E. Mach: «Die ökonomische Natur der physikalischen Forschung»*. 1882, а также и другія его сочиненія, перечисленные въ моей книгѣ: «Что такое научная философія?». 1891 г.).

«Метафизика» Сэйса является, какъ видно изъ этого, метафизикою по недоразумѣнію; но для насъ вѣдь въ настоящее время вовсе не важно—состоятеленъ или несостоятеленъ взглядъ Сэйса на метафизику; намъ надо приобрести увѣренность въ томъ, что имъ руководитъ настроеніе, призна-

щее неизбежность перехода всякаго познанія за предѣлы опыта и приписывающее поэтому сверхъ-опытнымъ, трансцендентнымъ понятіямъ значеніе высшей стадіи развитія знанія. Намъ интересно наблюдать, какъ это настроеніе, сопутствуя ему повсюду, въ самомъ дѣлѣ держитъ всѣ его разсужденія внѣ области опыта, превращаетъ ихъ въ «примыслы» опыта,—въ нѣчто отъ опыта отторгнутое, витающее внѣ дѣйствительности, внѣ жизни,—нѣчто, дѣйствительно трансцендентное, т.-е. заопытное, для научнаго познанія негодное.

Если бы разсужденія эти не были на самомъ дѣлѣ именно такими, авторъ ихъ, обосновавъ ихъ теоретически, повелъ бы ихъ далѣе, не уклоняясь отъ разъ избраннаго пути, и довелъ бы ихъ до конечной ихъ цѣли: торжества надъ невѣжествомъ, изобличеніемъ фальсификаціи научныхъ истинъ и разоблаченіемъ шарлатанства. Ничуть не бывало: вмѣсто этого, единственно-возможнаго для человѣка науки пути, Сэйсъ забирается въ свои трансцендентныя дебри и, прикрываясь словцомъ «единеніе», съ головой погружается въ интересы, ничего общаго съ наукою не имѣющіе. Красуясь своимъ камнемъ оказывается не одно только зоопытное мышленіе, но и «великій устой нашей цивилизаціи» — коммерція. Это ужъ не прежній фальдфебель, данный въ Вольтеры, этотъ не только выравниваетъ и «успокоитъ», но еще и подкраситъ положеніе чарами «купи-продажи» и прелестями удобствъ всемірной монеты.

Проповѣдая объединеніе языка, Сэйсъ затронулъ и роль народныхъ языковъ въ разныхъ европейскихъ странахъ и смелъ въ одну кучу песстру снѣсь разнороднѣйшихъ фактовъ, частью имѣющихъ отношеніе къ вопросу, частью притянутыхъ къ нему насильно. Все, находящееся въ связи съ разсматриваемымъ нами вопросомъ, я мало-по-малу разсмотрю въ этой статьѣ, а пока я хочу остановить вниманіе читателя на той лишь особенноти прикосновенія Сэйса къ живой области дѣйствительности, которая обнаруживается у него извѣстную послѣдовательность: онъ и живое дѣло подвалъ подъ то же освѣщеніе трансцендентными положеніями, которыми освѣщена его пропаганда всемірнаго языка. «Чѣмъ развитіе и распространеніе цивилизація,—говоритъ онъ,—тѣмъ труднѣе сохраненіе различія языковъ. Цивилизація соединяетъ, различіе языковъ разобщаетъ». Здѣсь что ни слово, то оторвавшееся отъ жизни отвлеченіе, что ни слово, то метафизическая фикція. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ представителямъ современной научной лингвистики и выслушаемъ ихъ мнѣніе и ихъ доводы.

Всего прежде мы встрѣчаемъ новую исходную точку: тогда какъ Сэйсъ исходитъ изъ трансцендентныхъ основоположеній и грезитъ о наукѣ, переступающей предѣлы опыта,—тогда какъ онъ подгоняетъ факты подъ поставленныя во главѣ ихъ абстракціи, новая «наука о языкѣ» самымъ рѣшительнымъ образомъ объявляетъ себя на сторонѣ эмпирическаго знанія и становится въ оппозицію по отношенію къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, апіорнымъ принципамъ и сложнымъ гипотезамъ. И пока ничему не на-

учившаяся и ничего не забывшая «сорока Якова» доживает свой вѣкъ, не имѣя силъ уразумѣть, что такое вокругъ нея творится, «иная жизнь, со всѣхъ концовъ, катитъ ужъ бурными волнами», угрожая ниспроверженіемъ абстракцій и всѣхъ отжившихъ преданій. На мѣстѣ, очищенномъ отъ метафизики, провозглашается торжество эмпиризмъ и у обновленной Паулемъ, Бругманомъ, Бэагелемъ, Вегенеромъ, Шухардтомъ, Тоблеромъ, Строингомъ, Уиллеромъ, Сьюнтономъ, Уитнеемъ, Бреалемъ науки открываются широкія перспективы въ свѣтлое будущее.

Громадная работа предстоитъ впереди. Установивъ опытъ, какъ основу метода, придется пользоваться имъ, идя рука объ руку съ развитіемъ общаго ученія о методѣ, и подъ влияніемъ его требованій поднять значеніе эмпиризмъ введеніемъ въ нее критическаго начала и подвигаться далѣе ужъ въ духѣ эмпирио-критицизма, который и дастъ возможность достигнуть увѣнчанія зданія новой науки.

Вліяніе метафизическаго и—болѣе ранняго—анимистическаго міровоззрѣнія на ходъ развитія знанія было громадно: оно засорило его на многіе вѣка безчисленными примыслами. Окончательное очищеніе всей области познанія отъ этихъ примысловъ и представляетъ собою основную общую задачу науки. Только свободный отъ всякихъ примысловъ опытъ—*чистый опытъ*—и можетъ свести мнимыя «загадки» вѣковъ минувшихъ на *проблемы* и затѣмъ дать рѣшеніе этихъ проблемъ.

«Наука о языкѣ» не составляетъ исключенія изъ этого обобщенія: и она также переживаетъ гнетъ массы анимистическихъ и метафизическихъ примысловъ, сильно задерживавшихъ ея поступательный ходъ. Лишь постепенно, лишь мало-по-малу она отъ нихъ освободилась, и неудивительно поэтому, что слѣды ихъ относятся къ столь еще недавно минувшему, быть можетъ, не безъ нѣкоторыхъ остатковъ, прошедшему. Съ ихъ ролью и значеніемъ въ эволюціи языка намъ придется еще не разъ встрѣтиться въ теченіе нашихъ изслѣдованій.

Въ ряду примысловъ выдающееся положеніе занимаетъ взглядъ на языкъ, какъ на отдѣльный самостоятельный организмъ. Достоюжная оцѣнка этого взгляда требуетъ прежде всего уясненія связи его съ тѣмъ первобытнымъ міровоззрѣніемъ, на почвѣ котораго онъ возникъ и развилъ свои первоначальные фазисы.

Вопросъ настолько интересенъ, что читатель ничего не возразитъ, конечно, противъ явной необходимости «to begin with the beginning».

Всякое мышленіе исходитъ изъ опыта, но опытъ первобытныхъ его стадій является еще лишеннымъ связности и полноты, такъ что сама собою возникаетъ необходимость въ примыслахъ, создающихъ фиктивную связь и полноту первобытнаго міровоззрѣнія. Изъ этихъ примысловъ, отождествленіе предмета съ его названіемъ занимаетъ положеніе выдающееся какъ по своему значенію, такъ и по своей устойчивости.

Для уясненія себѣ этого отождествленія рассмотримъ тѣ условія, при которыхъ возникаютъ названія отдѣльныхъ частей окружающей индивида среды.

Выясняя этотъ вопросъ, необходимо обратить вниманіе на невозможность для индивида охватить однимъ словомъ всю совокупность элементовъ, входящихъ въ представленіе какого-нибудь предмета. Приходится поневолѣ дѣлать выборъ и окончательно остановиться на какомъ-нибудь одномъ признакѣ, который и послужить основаніемъ для названія предмета, для слова, происхожденіе котораго черезъ нѣкоторое время забывается и самый отпечатокъ этого происхожденія стирается, такъ что названіе означаетъ однимъ лишь знакомъ для предмета, словеснымъ его обозначеніемъ, и только.

Для установленія указываемаго выбора одного какого-нибудь признака изъ общей ихъ совокупности необходимо конечно, чтобы признакъ этотъ тѣмъ-либо выдѣлился, тѣмъ-нибудь останавливалъ на себѣ особенное вниманіе наблюдателя. Выдѣленность признака совершается, какъ то показалъ Авенаріусъ, въ силу его повторенности, сравнительно съ повторенностью другихъ признаковъ болѣе часто. Эта повторенность выставляетъ его какъ проявленіе чего-то постоянно-пребывающаго въ предметѣ, чего-то прочнаго и устойчиваго среди текучести и измѣнчивости другихъ признаковъ. Выдѣляющійся вслѣдствіе повторенности признакъ получаетъ такое значеніе, которое представляетъ возможность при упоминаніи о предметѣ указывать только на его одного, какъ на «главное», «существенное». Самое названіе признака переходитъ въ названіе предмета. И затѣмъ, такъ какъ мысль о предметѣ вызывается тѣмъ же самымъ признакомъ, которымъ вызывается его названіе, то съ теченіемъ времени предметъ и сливается для индивида съ названіемъ, съ обозначающимъ словомъ, и устанавливается увѣренность возможности замѣны одного другимъ.

Такая замѣна получила особенную важность въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о возможности располагать предметомъ, располагая его названіемъ. Что считалось правильнымъ по отношенію къ названіямъ предметовъ, признавалось вѣрнымъ и по отношенію къ личностямъ, къ другимъ индивидамъ, такимъ же, какъ и предметы, составнымъ частямъ окружающей среды. Знаніе имени волшебника или колдуна въ области міросозерцанія сказокъ, такъ же, какъ и знаніе имени божества въ области позднѣйшихъ вѣрованій, получаетъ поэтому огромное значеніе. Во всесвѣтномъ сказочномъ фольклорѣ, существуетъ цѣлый циклъ сказокъ, повѣствующихъ о побѣдѣ надъ демонами, злыми духами и всякою вообще враждебною человѣку силою посредствомъ произнесенія имени носителя этой силы. Такова англійская сказка о Томъ-Титъ-Тотѣ, французская—о Ропикѣ, нѣмецкая—о Румпельштильцхенѣ, нормандская о *Ricdon'n*, гессенская о *Flederflitz'n*, ирландская о *Trit-a-Trot'n* и т. д. Вѣрованія, лежащія въ основѣ этихъ сказокъ, и теперь не чужды народному мировоззрѣнію: народъ обыкновенно приписываетъ удачу знанію извѣстныхъ «словъ» и сплошь и рядомъ смѣшиваетъ названіе предмета съ самимъ предметомъ. «Хотя французы и называютъ хлѣбъ по-своему,—говорилъ вернувшійся изъ Франціи нѣмецкій солдатъ,—но на самомъ дѣлѣ это хлѣбъ и больше ничего»; «одни говорятъ, что въ стаканѣ «вода», другіе утверждаютъ будто «аqua», а я говорю, что

тамъ «wasser», т.-е. именно то, что тамъ находится» и т. д. Примѣрамъ такого рода числа нѣтъ. (См. *Fr. Polle: «Wie denkt das Volk über die Sprache»*. Leipz. 1889 *)).

Обширное значеніе роли «слова» въ первобытномъ мышленіи не исчерпывается, впрочемъ, однимъ только отвѣтомъ на вопросъ о томъ, «какъ думаетъ народъ о языкѣ?» Оно требуетъ всесторонняго изученія этой роли, рассмотрѣніе ея съ точки зрѣнія филологической, этнографической, фольклорной и т. д. Къ изслѣдованію Фр. Полле примыкаетъ поэтому изученіе «философіи сказокъ» Эдуарда Клодда, приуроченное имъ къ циклу сказокъ типа «Tom Tit Tot». Здѣсь Клоддъ послѣдовательно разсматриваетъ всѣ тѣ значенія, которыя придаются въ сказкахъ «слову», какъ силѣ:—«слова» созидательныя, разрушительныя, заклинательныя, разрѣшительныя и цѣлительныя. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ значеніяхъ своихъ, «слово» является орудіемъ, которымъ пользуются владѣющіе имъ, которое обладаетъ собственно ему присущею силою, которое существуетъ совершенно самостоятельно.

Вѣрованіе въ эту самостоятельность «слова», какъ силы, хотя и представляетъ собою одинъ изъ примысловъ первобытнаго міросозерцанія, включаетъ въ себѣ, однако же, и нѣкоторую долю опыта. Эта доля была выхвачена первобытнымъ мышленіемъ изъ смутно-предносимвшагося предъ нимъ общественнаго значенія языка, какъ средства сношенія людей между собою. Оцѣнка слова въ этомъ отношеніи могла очень ужъ рано показать его силу. Увлекалъ ли вождь племя свое въ походъ противъ сосѣдей, прорицалъ ли шаманъ, волновались ли души побѣдной или погребальной пѣсней, — во всѣхъ этихъ случаяхъ всегда должна была сказываться весьма могущественная сила слова. Претерпѣвая и воздѣйствіе, первобытный человѣкъ считалъ подпадающими ей и другихъ людей, и всю окружающую его среду, съ ея духами и демонами включительно. Значеніе самого названія, слова, при такомъ обширномъ ихъ значеніи, сохранило свою важность и тогда, когда первобытныя вѣрованія перешли въ религіозныя системы. Въ одной изъ самыхъ раннихъ изъ нихъ—въ египетской—первобытныя вѣрованія эти являются уже приуроченными къ представленію опредѣленнаго божества, функціи котораго они и характеризуютъ. «Владыкою словесъ» является въ Египтѣ Тотъ трижды-величайшій. Онъ самъ начерталъ въ «Книгѣ мертвыхъ» тѣ формулы, произнесеніе которыхъ необходимо усопшему при слѣдованіи его на судъ Озириса. При этомъ слѣдованіи врата, преграждающія путь, открываются только при произнесеніи имени ихъ привратника. Но творчество и познаніе «владыки словесъ» охватываютъ и другія фольклорныя темы: кромѣ словъ разрѣшительныхъ, онъ обладаетъ и словами

*) Съ такимъ отождествленіемъ названія и предмета, имени и лица, можно сблизить обычное у китайцевъ отождествленіе духа усопшаго съ его именемъ, написаннымъ на дощечкѣ (чжу), передъ которыми и совершаются жертвоприношенія и поклоненія предкамъ въ посвященныхъ имъ домовыхъ храмахъ (мяо). (*С. Георгиевскій: „Принципы жизни Китая“*, стр. 74. Сиб., 1888 г.).

заключительными, дѣлительными и созидательными. Ему обязана происхожденію та великая книга мудрости, знанію которой ничто не въ силахъ противостоятъ, ни на землѣ, ни на небѣ, ни въ преисподнихъ земли. Онъ произвелъ и тѣ формулы, которыя управляютъ самими богами. Формулы эти ни «словеса» были сами особливymi существами, божествами, тоже обладавшими силою творчества. Въ Тотѣ до извѣстной степени является снѣтъ всѣхъ фольклорныхъ представленій о значеніи «слова», какъ самостоятельной силы. Подъ вліяніемъ собирательнаго воздѣйствія этихъ представленій роль Тота въ египетской религіозной системѣ поднимается до высоты совершенно исключительной (*Проф. Б. Тураевъ: «Богъ Тотъ», 1898 г. G. Maspero: «Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique». 1895. Vol. 1).*

Вѣрованія родоначальниковъ индійскихъ аріевъ до такой степени существенно близки вѣрованіямъ египтянъ, что и въ нихъ нельзя не признать одного изъ видоизмѣненій вѣрованій первобытныхъ. Индо-арійскія формулы, сопровождавшія жертвоприношенія, были тоже «словеса», обладавшія силою всеобщаго. И эта сила была также олицетворена въ божествѣ—въ Браманапати—«владыкѣ молитвы». Подобно другимъ богамъ—Агни (огню) и Сомѣ (животворящему соку растенія)—Браманапати на глазахъ жрецовъ и народа рождался и взлеталъ ввысь, гдѣ и звучалъ въ перекатахъ грома. Эти небесные возгласы смѣшивались въ представленіи вѣрующихъ съ идеей борющагося съ черною тучею — съ супостатомъ своимъ, божества—Индры, подкупленнаго живительнымъ сокомъ Сомы и сияющаго свѣтомъ небснаго огня—солнца, побѣдителя черной тучи—Вритры. Вся же совокупная сила этого величественнаго, естественнаго, но получающаго таинственный смыслъ, явленія предполагается выраженною въ скрытыхъ отъ людей и непостижимыхъ для нихъ формулахъ, управляющихъ міромъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ всякое божество получаетъ значеніе Браманапати, но въ болѣе высшемъ, въ болѣе отвлеченномъ смыслѣ,—въ смыслѣ, объединяющемъ «силу» слова и «силу» боговъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Браманапати переходитъ въ «Вачъ» — святое слово и представляетъ собою безпредѣльное могущество, превосходящее даже и могущество самихъ боговъ. Это высшее могущество считается создавшимъ все существующее (*Abel Bergaigne: «La religion védique d'après les himnes de RigVeda». Paris, 1878).*

Такое же значеніе имѣетъ «слово» и у древнихъ иранцевъ. Силою его пользуется самъ Агура-Мазда: «когда Агура-Мазда произнесъ двадцать одно слово агуна-вапріи»,—говорится въ иранской космогоніи Бундегешѣ,—то, послѣ первой ея трети преклонился Ангра-Маниу, послѣ второй трети онъ упалъ на колѣни, послѣ третьей онъ созналъ свое безсиліе и низвергся во мракъ». Поэтому и считали иранцы агуна-вапрію произнесенною Агура-Маздою речью созданія міра, какъ то и поясняетъ въ Авестѣ самъ Агура-Мазда, отвѣчая на вопросъ (Заратустры) о томъ, какое слово произнесено имъ было речью созданія міра» (*James Darmestter: «Recueil des travaux originaux et traduits relatifs à la philologie et à l'histoire littéraire» 20-me fascicule, 1877, pp. 101, 119 et 207).*

Греки, какъ извѣстно, отождествляли Тота со своимъ Герміемъ, который назывался у нихъ такъ же, какъ и Тотъ, «трижды - величайшимъ» (трисмигистомъ) и обладать многими общими съ Тотомъ свойствами. Варьированія представленія Тота—Гермія, совершавшіяся въ теченіе многихъ вѣковъ, не могли не быть очень разнообразными и сложными. Одно изъ нихъ, отождествленія Гермія и «Логоса», вмѣстѣ съ бросающимися въ глаза чертами сходства идеи «Логоса» съ идеею, лежащею въ основѣ представленія указанныхъ нами «владыкъ словесъ», ясно указываетъ на громадную устойчивость признанія слова самостоятельно-существующею силою. Могли быть, конечно, разныя степени яркости и выразительности этого первобытнаго представленія при его многовѣковыхъ странствованіяхъ, но все же остается несомнѣннымъ, что и въ эпоху своего пышнаго мистико-метафизическаго расцвѣта, у Филона, значеніе «Логоса», какъ человѣческой рѣчи, приводило въ общую совокупность многообразныхъ и многосмысленныхъ значеній этого термина (подробн. см. *James Drummond: «Phil Judaeus»*. 2 vols. London, 1888).

Экскурсія наша снова привела насъ къ тому пункту нашей рѣчи о воззрѣніяхъ Сэйса, который далъ намъ поводъ предпринять ее. Необходимость выяснитъ метафизическій характеръ разсужденій Сэйса заставляла прослѣдить генезисъ этихъ разсужденій и связать ихъ съ уходящимъ въ глубокую древность примысломъ. Теперь намъ не трудно ужъ видѣть, что у Сэйса все, отъ начала и до конца, держится на этомъ примыслѣ. Только идея особеннаго самостоятельнаго существованія языка могла внушить Сэйсу его воззрѣнія. Для Сэйса—языкъ это нѣчто неотличимое отъ отдѣльныхъ частей окружающей насъ среды. Тѣми и другими мы можемъ располагать въ одномъ и томъ же смыслѣ. Поэтому - то и является возможнымъ требовать одного языка и одной монеты, нисколько не замѣчая существеннаго различія этихъ требованій. Времена Тота - Гермія—владыки словесъ и торговли, прошли однако же безвозвратно.

Обратимся теперь къ тому новому пути изученія языка, на которомъ не могутъ уже встрѣчаться призраки этихъ пережитковъ.

Прежде всего вниманіе наше останавливаетъ самый типъ новой науки рѣзко отличающійся отъ типа науки отживающей. Если исходною точкою новой науки вмѣсто отвлеченныхъ умозрительныхъ положеній является опытъ и притомъ прошедшій черезъ критику, «чистый опытъ», то новая наука и окажется всецѣло пронянутою этимъ началомъ: она не станетъ стремиться за предѣлы опыта и строить безпочвенныя обобщенія, но она не потеряется въ разрозненныхъ подробностяхъ своего сырого матеріала. Она охватитъ единичное взглядомъ, устремленнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ цѣлое, а представленіе цѣлаго привлечетъ къ разсматриванію единичнаго. Слѣдуя этимъ путемъ, она сохранитъ за собою строго-научный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ приобрететъ философское значеніе и избавитъ себя отъ опасности стать мертвою наукою, задохнувшись въ узкой спеціальности.

Эта простая истина, такъ выпукло и ярко выставленная Лестеръ-Уор

домъ, ускользаетъ однако же отъ иныхъ ученыхъ, упускающихъ изъ виду необходимость регулированія своихъ увлеченій высшими принципами метода и изъ-за своей «Detail-Krämerei» ничего уже болѣе не выдающихъ и не замѣчающихъ. Ученые такого типа только пожимаютъ плечами, конечно, встрѣчая разсужденія о значеніи науки для жизни въ новой книгѣ Бреалъ «Essai de Sémantique», 1899. Имъ должно быть странно требованіе автора подходить къ изученію языка съ той стороны, которая говоритъ уму, такъ какъ ограничивая изученіе это изслѣдованіемъ измѣненія гласныхъ и согласныхъ, сводятъ его къ разбѣрамъ второстепенной отрасли акустики и физиологій; довольствуясь же подсчетомъ потерь, понесенныхъ грамматическимъ механизмомъ, создаютъ иллюзію какого-то разрушающагося зданія, а уходя въ неопредѣленные теоріи происхожденія языка, присоединяютъ къ существующимъ бесполезныя новыя» и т. д. Какъ далекъ этотъ призывъ отъ слуха тѣхъ специалистовъ, которые работаютъ точно на необитаемомъ островѣ и упорно отмахиваются отъ всѣхъ общихъ вопросовъ, важныхъ для общества и интересныхъ ему.

Стоитъ раскрыть произведенія Пауля, Сьютта, Бреалъ и столь многихъ другихъ, чтобы убѣдиться въ уклоненіи отъ вѣрнаго пути слишкомъ рьяныхъ изслѣдователей не имѣющихъ общаго значенія подробностей. «Наука о языкѣ» не клиномъ сошла, она богата содержаніемъ большой важности, глубокаго интереса и просвѣтительнаго значенія, не надо только закрывать на все это глаза.

Вотъ, хотя бы по вопросу, столь затемненному и запутанному Сэйсомъ, развѣ у современной науки нѣтъ указаній, могущихъ унести насъ далеко отъ бесплодныхъ пустынь метафизики и озарить новымъ свѣтомъ этотъ важный вопросъ?

«Сравнительное языковѣдѣніе,—говоритъ Пауль,—поставило внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что изъ одинаго языка различнымъ образомъ развились многіе языки, которые, въ свою очередь, не сохранили своего единства, а разбились на многія нарѣчія». Въ дѣйствительности существуетъ столько языковъ, сколько существуетъ индивидовъ. «Когда мы выделяемъ языки въ одну извѣстную группу и исключаемъ при этомъ языки другихъ индивидовъ, то мы всегда отвлекаемъ нѣкоторыя особенности и придаемъ значеніе другимъ». «Изъ этого видно, что, констатируя распадѣніе какого-нибудь первоначально-одинаго языка на нарѣчія, обыкновенно придаютъ совершившемуся событію совсѣмъ извращенный смыслъ. На самомъ дѣлѣ, въ каждый данный моментъ во всякой такой группѣ состоитъ въ наличности столько различныхъ нарѣчій, сколько въ ней числится индивидовъ, причемъ нарѣчія эти, каждое въ отдѣльности, имѣютъ свою исторію развитія и каждое подвержено процессу постоянного измѣненія. Распадѣніе на нарѣчія означаетъ поэтому не что иное, какъ разрастаніе индивидуальных различій за предѣлы извѣстной мѣры». Изъ этого можно заключить, что безконечныя измѣненія и своеобразности всякаго отдѣльнаго индивида приводятъ и не могутъ не приводить къ безконечной измѣнчивости языка въ

цѣломъ и такому же безконечному возрастанію различія нарѣчій (*Н. Paul: «Principien»*. S. 25 — 36). Этому центробѣжному значенію живой устной рѣчи противостоятъ центростремительное значеніе письменнаго книжнаго языка, выдающееся положеніе котораго въ каждой культурной странѣ нерѣдко заслоняетъ собою скромную роль устныхъ народныхъ говоровъ. О взаимномъ соотношеніи этихъ двухъ не вполне однородныхъ явленій мнѣ придется еще говорить впоследствии, теперь я отмѣчу только, что они не могутъ исключить одно другое и что жизнь все же остается повсюду и всегда непрерывнымъ потокомъ измѣненій.

Неудивительно поэтому, если, разсмотрѣвъ цѣлый рядъ попытокъ замѣны реальнаго многоязычія измышленнымъ одноязычіемъ, мы встрѣчали только неудачи и неудачи. Гдѣ только ни проявлялось стремленіе къ объединенію языковъ, шла ли рѣчь о преобладаніи или же о господствѣ, вездѣ стремленіе это разбивалось о неодолимую преграду измѣнчивости живого устнаго языка. Если оно и могло осуществиться, то это имѣло мѣсто исключительно только въ области языка письменнаго, т.-е. языка въ извѣстной мѣрѣ условнаго, но и здѣсь сохраниться оно могло только до тѣхъ поръ, пока этотъ языкъ не обрывалъ связи своей съ текучестью и измѣнчивостью языка устнаго. Лишь только связь эта прекращалась, письменный языкъ становился непригоднымъ для жизни, мертвымъ. Въ силу этихъ необоримыхъ законовъ жизни «волапоукъ», пытавшійся начать жизнь съ того конца, гдѣ она прекращается, и оказался мертворожденнымъ, а незыблемая его неизмѣняемость, какъ была, такъ и осталась, бумажною.

Вопросъ о «всемирномъ» языкѣ оказывается въ концѣ концовъ вопросомъ празднымъ. Что же касается вопроса о международномъ языкѣ книжныхъ людей, то едва ли отыщется для него иное разрѣшеніе, кромѣ того, которое дала сама жизнь. На единственное это рѣшеніе и указываетъ редакторъ журнала *Melusine* Гедозъ. Выразивъ сожалѣніе о томъ, что латинскій языкъ пересталъ быть языкомъ ученыхъ, и указавъ при этомъ на бесплодность такого сожалѣнія, Гедозъ приходитъ къ заключенію, что современнымъ ученымъ приходится по необходимости знать три «мировыхъ» языка: французскій, англійскій и нѣмецкій, къ которымъ, быть можетъ, въ виду обширности Россіи и возрастанія числа русскихъ научныхъ работъ по изученію Азіи, надо будетъ прибавить и языкъ русскій (*Н. Gaidoz: «Langues d'Etat et langues nationales»*, въ июльской книжкѣ журнала *Annales des sciences politiques* 1899).

Этимъ рѣшеніемъ и придется, вѣроятно, удовлетвориться книжнымъ людямъ, большая часть которыхъ съ самой школьной скамьи засаживаются, по крайней мѣрѣ, за два иностранныхъ языка. Тотъ же, кто бы сталъ ожидать, когда наука и литература культурныхъ странъ Европы, покинувъ родные языки, заговорятъ на какомъ-нибудь «волапоукѣ», уподобился бы, конечно, гейневскому юношѣ, ожидавшему, когда, наконецъ, заговоритъ море.

В. Лесевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Аскетическіе недуги въ нашей современной передовой интеллигенціи *).

(По поводу трехъ женскихъ романовъ.)

XI.

Нужно ли говорить о томъ, что литература наша полна произведеній, въ которыхъ такъ или иначе отражаются различныя проявленія современнаго аскетизма. Нѣтъ такого писателя, который прямо или косвенно хотя бы одинъ разъ не задѣлъ этой темы, составляющей такое обыденное явленіе нашей жизни, какое трудно не замѣтить. Такъ что если мы вздумали бы перебрать все, что написано по этому поводу, мы потонули бы въ массѣ всевозможныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ и т. п. Мы остановились лишь на трехъ произведеніяхъ женскаго пера, въ которыхъ наиболее ярко и наглядно рисуется современный аскетизмъ въ различныхъ его перипетіяхъ. При этомъ считаю долгомъ оговориться, что я вовсе не намѣренъ входить въ литературный разборъ избранныхъ мною произведеній, ни подробно знакомить читателей съ ихъ содержаніемъ, ни опредѣлять ихъ достоинства и недостатки. Ограничусь лишь тѣмъ, что приведу изъ этихъ произведеній нужные мнѣ факты, которые и будутъ служить предметами моего обсужденія.

Первое произведеніе, на которомъ я намѣренъ остановиться,—это повѣсть г-жи Лѣтковой «Мертвая зыбь». Читателямъ *Русской Мысли* знакомо это произведеніе г-жи Лѣтковой, такъ какъ впервые оно было напечатано въ №№ 10 и 11 *Русской Мысли* за 1897 г., нынѣ же оно вышло отдѣльно, занимая первое мѣсто въ недавно вышедшемъ 2-томномъ собраніи сочиненій г-жи Лѣтковой.

Читатели, конечно, помнятъ, что во главѣ повѣсти въ лицѣ героини Лили изображается не какая-либо подбитая вѣтеркомъ кисейная барышня, воспитанная на танцахъ и нарядахъ, легкихъ амурахъ съ офицерами и французскихъ романахъ, прячущихся подъ подушкой отъ старшихъ. Лили

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1900 г.

провела дѣтство въ средѣ, принадлежавшей къ сливкамъ интеллигенціи, и была образована въ духѣ самыхъ что ни на есть передовыхъ идей. Довольно сказать, что мать ея была рьяная народница; она вся отдалась вопросу о нравственной и физической гигиенѣ среди крестьянскихъ дѣтей, много писала по этому вопросу для школьныхъ библиотекъ, издала множество книгъ для бабъ и для дѣтскаго чтенія. Конечно, ужъ такая идеальная женщина позаботилась, чтобы дочь ея была повтореніемъ своей матери. Когда Леля кончила гимназію, она принялась еще серьезнѣе заниматься подъ руководствомъ матери: ходила на лекціи, усердно читала. Въ первый же годъ по выходѣ изъ гимназіи она написала рассказъ «Врунья» о вредѣ жи, въ доступной для дѣтей формѣ, и мать издала его. Затѣмъ она помогала матери въ издательствѣ. Но, постоянно занятая такимъ, повидимому, хорошимъ дѣломъ, — тѣмъ не менѣе не была довольна ни жизнью, ни собою: вѣчно находили на нее сомнѣнія въ пользѣ дѣла, которымъ она была занята, вѣчно она была недовольна, чего-то ей не доставало, она тосковала и ждала чего-то совсѣмъ другого. Не доставало ей именно полноты жизни. Она была слишкомъ молода, чтобы довольствоваться одною серьезною, дѣловою, духовною стороною жизни, въ какую была погружена ея мать. Къ тому же въ той средѣ, въ которой ей пришлось жить самые отдыхи носили крайне односторонній, и къ тому же мрачный характеръ. Къ матери приходили изрѣдка друзья единственно для того, чтобы посѣтовать на безвременье и безсиліе что-нибудь сдѣлать. Леля сочувствовала всѣмъ имъ, возмущалась и негодовала вмѣстѣ съ ними, но въ то же время ей хотѣлось иногда бѣжать отъ грустныхъ разговоровъ, отъ мрачныхъ картинъ, отъ возмущающихъ душу фактовъ. Думая себя, она рѣшилась по указанію матери идти въ сельскія учительницы, съ цѣлью посвятить себя пользѣ и благу темнаго ближняго, а ей въ то же время вопреки этого рѣшенія *страстно желалось свободы, радости, счастья, солнца, сиянія неба, красоты.*

Кончилась эта борьба тѣмъ, что молодость побѣдила. Съ дѣвущею произошла обычная въ такихъ случаяхъ реакція, въ силу которой она кинулась изъ одной крайности въ другую. Я полагаю, что каждому не разъ случалось встрѣчать въ жизни, особенно въ послѣднее время, такіе случаи, что дѣвушка, солидно воспитанная, образованная, вся насквозь пропитанная высшими стремленіями, запросами, цѣлями, мечтающая всю жизнь посвятить благу ближнихъ, внезапно влюбляется не въ столь же образованнаго и развитогаго человѣка, вполне солидарнаго съ нею и въ убѣжденіяхъ и цѣляхъ, а въ какого-нибудь пустенькаго вѣтрогона, гусара, улана и т. п. Такіе случаи объяснялись бы просто, если бы при естественной потребности любви былъ недостатокъ въ женихахъ, которые были бы вполне подѣ-стать развитой барышнѣ. А то нѣтъ: зачастую мы видимъ, что дѣвушка окружена бываетъ поклонниками, вполне достойными ея благосклонности; но остается къ нимъ совершенно равнодушною, а увлекается вдругъ вопреки всякаго разсудка какимъ-нибудь отъявленнымъ

ничтожествомъ. Для объясненія такихъ случаевъ сложилась даже известная поговорка, довольно, правда, вульгарная: «Любовь зла, полюбишь и козла», существуетъ кромѣ того такой фаталистическій предразсудокъ, будто такъ ужъ устроено сердце женщины, что негодяю и мерзавцу всегда ближе доступъ къ нему, чѣмъ человѣку порядочному и добродѣтельному. На самомъ же дѣлѣ въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ чѣмъ инымъ, какъ именно съ аскетическими реакціями. Дѣвушка надоедаетъ односторонняя жизнь, посвященная однимъ духовнымъ интересамъ; нервы, заведующіе этими интересами, истощаются, возникаютъ обычныя къ такому состоянію сомнѣнія въ пользѣ приносимыхъ жертвъ, чувство неудовлетворенности, тоска, жажда чего-то совсѣмъ иного. Идеальные же поклонники дѣвушки продолжаютъ вести съ нею все тѣ же рѣчи въ возвышенномъ духѣ. Уже ранѣе они сдѣлали большую ошибку, вставши по отношенію къ ней въ товарищескія, братскія отношенія, думая привлечь ея сердце однимъ духовными качествами. Она и привыкла видѣть въ нихъ товарищей по духу, въ силу одной подобной привычки не возбуждавшихъ въ ней ни малѣйшаго полового влеченія. Вѣдь не влюбляются же сестры въ родныхъ братьевъ,—именно потому, что съ дѣтства приглядывались къ нимъ. Теперь же, продолжая терзать утомленные нервы ея все тѣми же глубокомысленными рѣчами, они дѣлаются ей противными, невыносимыми. Въ такомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе понятно, что стоитъ появиться на горизонтѣ жизни дѣвушки человѣку, непохожему на нихъ, отъ котораго вѣетъ совсѣмъ инымъ, новымъ и вслѣдствіе одной своей новизны привлекательнымъ духомъ, сулящимъ ей цѣлый океанъ любви, радости, веселья,—и дѣвушка очертя голову бросится въ бездну новыхъ, кружащихъ ея голову, желанныхъ ощущеній.

Подобнаго рода реакція произошла и съ Лелей. Когда еще она была дѣвочкой, къ нимъ ходилъ въ отпускъ кадетъ Володя Барминъ, такъ какъ у него не было иныхъ родственниковъ въ Петербургѣ. Мать ея не жаловалась его, называла «фанфарономъ», «ничтожествомъ». Потомъ онъ вышелъ въ гвардію, завертѣлся въ петербургскомъ свѣтѣ и мало-по-малу совсѣмъ исчезъ съ горизонта жизни Лели. И вдругъ она встрѣтила его на художественной выставкѣ, и сразу у нея съ нимъ завязался совершенно неожиданный романъ.

«Володя,—разсказываетъ она въ своемъ дневникѣ,—сталъ бывать у насъ каждый день. Мы, т.-е. я и мои двѣ кузины, смѣялись надъ его невѣжествомъ, надъ его выхоленностью и нарядностью,—но и его невѣжество, и его беззаботность, и его изящество были милы намъ. Онъ поддразнивалъ меня моею ученостью, прозвалъ меня почему-то Шарлотой Кордэ и смѣшилъ насъ всѣхъ до упаду. Вся зима прошла въ сплошномъ весельѣ; я очнуться не успѣла, какъ ужъ Володя говорилъ мнѣ «ты» и цѣловалъ меня. Мама и слышать не хотѣла, чтобъ я вышла за него замужъ. Она не могла «не отдать» меня: это было противъ ея принциповъ, но она считала своимъ долгомъ постоянно говорить, что Барминъ ничтожество, что

онъ невѣжда... Даже его здоровье, его красоту, его хорошій аппетитъ мама ставила ему въ упрекъ. А мнѣ именно и нравилось, что онъ такой красивый, здоровый, такой нормальный».

XII.

Но, увы, непродолжительно было счастье, которое мечтала обрѣсти Леля въ объятіяхъ человѣка, у котораго хотя и былъ и прекрасный характеръ, и прекрасный аппетитъ, и прекрасное здоровье, но не было ни одной мысли въ головѣ своей собственной и сколько-нибудь оригинальной, а одни рутинные взгляды и мнѣнія, вынесенные изъ корпуса и закорюченные въ полковой средѣ. Съ первыхъ же недѣль жизни въ казармахъ, какъ ни увѣряла Леля и себя, и другихъ, что она счастлива, какъ ни погружалась въ хозяйство, говоря, что нашла въ этомъ смыслъ жизни, какъ ни увлекалась обстановкой, туалетами, приемами, тѣмъ не менѣе ей было тяжело, и она томилась какой-то непонятной тоской. Въ теченіе одного года она совсѣмъ завяла. Мужъ былъ попрежнему ласковъ съ нею, но его ласки утомляли ее. Безкопечные поцѣлуи, все одни и тѣ же слова казались ей скучными, и она украдкой зѣвала, сидя долгими часами въ объятіяхъ мужа. Беременность и материнство до нѣкоторой степени оживили молодую женщину и примирили съ жизнью. Но къ сожалѣнію не долго продолжалось счастье материнства: ребенокъ отравился ея молокомъ, признаннымъ докторомъ вреднымъ отъ постоянного волненія матери, безпокойства, безсонныхъ ночей,—и умеръ. Тогда Леля почувствовала полную пустоту въ своей жизни и одиночество. «Вотъ три года,—пишетъ она въ своемъ дневникѣ,—какъ я совсѣмъ одинока. Мы попрежнему дружны съ мужемъ, т.-е. не ссоримся, но у каждого изъ насъ своя особая душевная жизнь. Онъ всецѣло отданъ службѣ, своимъ полковымъ интересамъ и отношеніямъ. Меня онъ любитъ, цѣнитъ, даже точно гордится мною. Но долгіе мѣсяцы беременности, затѣмъ кормленіе ребенка, и, наконецъ, цѣлый годъ слезъ и горя послѣ смерти дочери отдалили насъ съ мужемъ другъ отъ друга; пропала потребность ежеминутнаго участія и сознанія, что есть кто-то, кому дорого знать, отчего грустно, отчего плачешь. Но было ли это когда-нибудь?»

Въ томъ именно и дѣло, что ничего подобнаго никогда и не было, а былъ одинъ взрывъ подавленной чувственности, одинъ размахъ въ противоположную сторону выведеннаго изъ равновѣсія маятника. Разъ плоть восторжествовала и отпраздновала свою побѣду, не замедлили заявить о себѣ и нервы, управляющіе высшими духовными потребностями, которые успѣли собраться съ новыми силами и требовали привычныхъ упражненій. Натура Лели была слишкомъ сложная для того, чтобы довольствоваться одною чувственностью; но развѣ могъ удовлетворить высшимъ духовнымъ требованіямъ молодой женщины мужъ ея, представлявшій изъ себя красивый кусокъ мяса, лишенный малѣйшихъ умственныхъ интересовъ. Отсюда душевная пустота, тоска, чувство одиночества.

Кончилось такое мучительное душевное состояніе тѣмъ, чѣмъ кончается оно по большей части у молодыхъ женщинъ, имѣющихъ несчастье разочароваться въ супругѣ. Тотчасъ же словно изъ-подъ земли явился демонъ-искуситель съ претензією удовлетворить тѣмъ умственнымъ запросамъ ея, которымъ не въ состояніи былъ удовлетворить мужъ. Это былъ Львовъ, старый другъ дома Барминыхъ, мужчина 45 лѣтъ, знавшій мать Бармина молодую женщиной, а его ребенкомъ. Но несмотря на свой немолодой уже возрастъ, Львовъ олицетворялъ собою самоновѣйшаго героя нашего времени. Хотя онъ и имѣлъ видъ холоднаго, безстрастнаго чловека, много пожившаго и утомленнаго, тѣмъ не менѣе—сухой, тонкій, стройный, съ красивымъ профилемъ, съ бѣлыми зубами, всегда изысканно одѣтый, выхоленный, онъ могъ скорѣе назваться молодымъ чловекомъ. Истинный протестантъ противъ всѣхъ аскетическихъ строгостей 70—80-хъ годовъ, онъ руководствовался въ своей жизни двумя лишь принципами: принципомъ безусловной свободы личности по Ницше, и принципомъ культа красоты подъ вліяніемъ французскихъ декадентовъ. «Зачѣмъ,—говорилъ онъ,—работать и вообще что бы то ни было дѣлать? Всякая дѣятельность—что-то ограниченное, условное. По вашему какая-нибудь дѣятельность полезна, по моему вредна... И я не вижу абсолютно-полезнаго дѣла».

Когда же его спрашивали, неужели ему не скучно сидѣть безъ дѣла, онъ отвѣчалъ:

— Нисколько. Неужели веселѣе сидѣть въ департаментѣ, или учить солдатъ разстрѣливать себѣ подобныхъ, или писать никому не нужныя книги, или учить грамотѣ деревенскихъ ребятъ, чтобы они къ двадцати годамъ забыли ее? Плодить «рецидивистовъ неграмотности»!... Не думаю, чтобы свобода была скучнѣе всего этого. А только тотъ свободенъ, «кто сидитъ, ничего не дѣлая, и наблюдаетъ». И отъ женитьбы воздерживаетъ меня то же сомнѣніе, какъ и относительно труда: нужно ли это? И та же увѣренность, что бракъ, какъ трудъ,—что-то ограниченное, условное.

Такое же отсутствіе малѣйшихъ стѣсненій личности проводилъ онъ и во всѣхъ прочихъ нравственныхъ вопросахъ. Нравственность—понятіе условное и растяжимое,—говорилъ онъ;—сегодня нравственно одно, завтра другое... Для развитія чловека гораздо важнѣе быть воспримчивымъ къ краскамъ и цвѣтамъ, чѣмъ имѣть понятіе о правѣ и безправіи... Порокъ естественъ въ чловекѣ, добродѣтель искусственна... Служить ближнему?... Отречься отъ себя во имя меньшей братіи? На какомъ основаніи? Люди, какъ и все въ природѣ, неравны. И низшіе организмы должны служить высшимъ... Личность есть начало и конецъ чловечества. Поэтому всѣ цѣпи, наложенныя чловекомъ на самого себя, бессмысленны... Не страданіе возмутительно, а его бессмысленность. Конечныя перспективы жизни опредѣляются для чловека не страданіемъ, а удовольствіемъ.

XIII.

Всѣми подобными тенденціями Львовъ далъ Лелѣ то, чего тщетно ждала она отъ мужа: оправданіе въ томъ протестѣ противъ матери и друзей ея, во имя котораго она отреклась отъ пути, предназначавшагося ей матерью, и вышла замужъ за ограниченнаго умомъ офицерика. До сей поры протестъ этотъ носилъ чисто стихійный характеръ: повинуваясь своимъ инстинктамъ, Леля въ то же время чувствовала себя словно какъ бы кругомъ виноватою отступницей. Теперь же протестъ осмыслился въ ея глазахъ и, вооружившись афоризмами Львова, она смѣло выступила противъ матери такими словами:

— Мама! Слушай: неужели ты думаешь, я забыла все то, чему ты учила меня? Не забыла, но усомнилась... Нужны ли вы Россіи? Гдѣ результаты вашихъ трудовъ, вашего самопожертвованія? Развѣ васъ не предають? Не отрекаются отъ васъ? Развѣ вы не навязываетесь тому же народу, который васъ знать не хочетъ? Я не могу такъ жить... Не могу...

— А можешь жить эгоистической жизнью, упиваться личнымъ счастьемъ и не видѣть, не желать видѣть ничего, кромѣ своихъ животныхъ наслажденій? Мнѣ стыдно за тебя, Леля! Стыдно, что ты моя дочь.

Мать пристально посмотрѣла на нее и покачала головой. И дочь прочла въ ея глазахъ такой злобный упрекъ, что не могла уже овладѣть собой.

— Мама!—почти закричала она,—надо имѣть призваніе, чтобы быть гувернанткой. Вѣчно морализировать, вѣчно учить, вѣчно разрѣшать вопросы... Я не могу этого; не могу и не хочу... Не хочу учить народъ, не хочу руководить обществомъ, не хочу читать ежесекундные наставленія ни себѣ, ни другимъ... Потому что я не знаю, въ чемъ истина, въ чемъ счастье,—въ невѣжествѣ или въ знаніи, въ покорности или въ свободолюбіи, въ эгоизмѣ или въ альтруизмѣ. Васъ всѣхъ поглотили условности и предрасудки... Всѣхъ, всѣхъ... И тебя, и всѣхъ твоихъ друзей... Чувства, мысли—все приносится въ жертву имъ... Все подводится подъ вашъ шаблонъ, все мѣрится вашей условной мѣрой... Гдѣ же тутъ либерализмъ? Вы самые ужасные деспоты! Вы клеймите все, что хочетъ развиваться свободно, помимо васъ, вы не допускаете эстетическихъ наслажденій, вы браните все, что идетъ дальше условной пользы, условнаго труда, условной честности... Это—тоже рабство, тѣ же цѣпи, только позолоченныя громкими фразами и хорошими словами...

Какъ и надо было ожидать, вся эта исторія разрѣшилась романомъ. Дѣло извѣстное, что разъ женщина начинаетъ мыслить и говорить вашими мыслями и словами, она—ваша, смѣло заключайте ее въ ваши объятія. Львовъ, конечно, не замедлялъ воспользоваться правомъ побѣдителя. Если принципы, которые онъ исповѣдовалъ, запрещали ему надѣвать на себя цѣпи гмения, чтобы не стѣснять свободы своей личности, то они нисколько въ то же время не препятствовали упиваться красотой молодой женщины,

сколько душъ уголно: въ чемъ же иномъ и заключалось въ его глазахъ главное назначеніе жизни? Началось такимъ образомъ дѣло, какъ это всегда водится, тайнымъ адюльтеромъ, а кончилось открытымъ разрывомъ съ мужемъ, послѣ чего Лея уѣхала съ новымъ другомъ сердца за границу.

Но эта поѣздка была кульминаціоннымъ пунктомъ размаха маятника, послѣ чего маятникъ съ такою же быстротою устремился въ обратную сторону. Не много нужно было времени, чтобы Лея могла разглядѣть, что за птица былъ Львовъ. Ее очень скоро начали коробить его холодный, сухой эгоизмъ, вѣчное выставленіе впередъ своего 'великолѣпнаго «я» и любованіе собою, высокомерно-презрительный взглядъ на женщину и стремленіе въ полному поработенію ея, въ чемъ онъ нисколько не уступалъ ея мужу съ его кадетскимъ развитіемъ; мелкій аристократизмъ и тщеславіе, заставлявшіе отрицателя всякихъ условностей стѣсняться нелегальностью ея положенія при немъ. Все это привело Лею къ полному разочарованію въ возлюбленномъ. А затѣмъ началась снова мучительная тоска, чувство одиночества, разладъ во всѣхъ взглядахъ, вкусахъ, стремленіяхъ съ человекомъ, дѣлавшимся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ненавистнымъ ей. Она убѣдилась скоро, до какой степени нелѣпо всю жизнь основывать на томъ, чтобы ѣздить по музеямъ и упиваться созерцаніемъ мраморовъ и холстовъ, или декламировать декадентскія стихотворенія, затыкая уши и закрывая глаза на все остальное, чѣмъ живетъ человѣчество. А тутъ еще произошла встрѣча съ докторомъ Федоровымъ, измѣавшимся на земской службѣ и посланнымъ за границу для отдыха. Принадлежавшій кружку ея матери, Федоровъ живо напомнилъ ей то время, когда она кончала гимназію, и онъ съ товарищами - студентами бывалъ у нихъ чуть не каждый вечеръ и читались хорошія книги, и говорились хорошія слова. А теперь? Мать продолжала свое дѣло, Федоровъ пошелъ въ деревню, его другъ Гопаченко умеръ въ борьбѣ съ холерой, другіе товарищи также дѣлаютъ свое невидное, но большое дѣло... Одна она измѣнила, ушла, вся отдалась личному счастью, и ни до чего, ни до кого ей и дѣла нѣтъ... А тутъ еще созерцаніе страшной народной нищеты въ Неаполѣ и Сициліи и вмѣстѣ съ тѣмъ энергической дѣятельности интеллигентныхъ сицилианокъ въ пользу народнаго блага, причемъ Лея познакомилась съ одною изъ нихъ и та показалась ей точно мать въ молодомъ видѣ: такая же ясная, такая же вѣрующая въ свое дѣло, такая же негодующая и знающая, чего она желаетъ.

Все это повело къ тому, что Лея, наконецъ бросила своего Львова, оставивъ ему на прощаніе письмо, въ которомъ между прочимъ писала:

«Ты былъ правъ, говоря, что я смѣшна съ моими противорѣчіями. Я дошла до того, что искренне стремилась выработать въ себѣ полное равнодушіе къ вопросамъ нравственнымъ и политическимъ; чтобы быть пріятной тебѣ, стала говорить, что все совершается по естественнымъ законамъ причинной связи, и надо смириться... И вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала, что надо фактически участвовать въ торжествѣ добра, способствовать ему...

Жить день за днемъ для себя и оправдываться, что законъ причинной связи измѣнить нельзя, — постыдно»...

Авторъ покидаетъ здѣсь свою героиню, и мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, что случилось съ ней въ дальнѣйшемъ ея существованіи. Можемъ только догадываться, что, конечно, она вернулась къ матери и снова исполнилась жажды добра и самоотверженія, снова начала, подобно матери, смотрѣть, какъ на нѣчто преступное и пошлое, на попушеніе себѣ пользоваться разными благами жизни. Словомъ, устремившись въ другую сторону, маятникъ не замедлитъ, конечно, дойти въ свою очередь до послѣдней крайности, чтобы снова направиться потомъ къ эгоизму и устраненію отъ себя всѣхъ заботъ о ближнемъ. Правда, съ лѣтами размахъ маятника должны будутъ терять быстроту и силу своихъ взмаховъ. Подобно матери Леля можетъ окаменѣть въ своемъ альтруизмѣ или же наоборотъ сдѣлаться отчаянной эгоисткой. Трудно только ей будетъ послѣ всего пережитого излѣчиться отъ своихъ аскетическихъ припадковъ и утвердиться въ томъ здоровомъ равновѣсіи, какое вырабатывается лишь хорошимъ воспитаніемъ и благопріятными условіями жизни.

XIV.

Теперь мы обратимся къ роману г-жи Ельцовой *Въ чужомъ мѣстѣ*, напечатанному въ *Новомъ Словѣ* за 1897 годъ и затѣмъ выпшедшему отдѣльнымъ изданіемъ въ 1899 г. Героиня этого при всѣхъ своихъ недостаткахъ талантливого, многообщающаго романа, Зина Чернова имѣетъ для насъ одно очень важное преимущество передъ Лелею г-жи Лѣтковой. Леля въ нѣкоторомъ родѣ исключительная дѣвушка, такъ какъ родилась и воспиталась въ семьѣ людей, проникнутыхъ аскетическими идеалами 70—80-хъ годовъ; въ духѣ этихъ идеаловъ она была воспитана, и потому получила, такъ сказать, двойной зарядъ аскетизма. Поэтому и реакція противъ идеаловъ ея матери носила характеръ протеста, возмущенія. Зина возросла на рыхлой и безпринципной дворянской почвѣ. Аскеткою сдѣлалась она не вслѣдствіе принципиальнаго воспитанія въ духѣ какихъ-либо аскетическихъ идеаловъ, а лишь повинуваяся вліянію духа времени и учащейся молодежи, въ среду которой она попала. Она является такимъ образомъ заурядной курсисткой, какихъ вы можете встрѣтить тысячами, и отъ того, что произошло съ нею, могутъ быть застрахованы не болѣе 10 курсистокъ изъ 100. Но обратимся къ самому роману.

Отецъ Зины, Николай Григорьевичъ Черновъ, былъ человѣкъ 60-хъ годовъ, прошелъ курсъ Московскаго университета, приобрѣлъ литературное имя участіемъ въ одномъ изъ извѣстныхъ тогда журналовъ передового направленія. Вслѣдствіе этой дѣятельности и знакомства съ нѣкоторыми лицами тогдашняго литературнаго кружка, онъ принужденъ былъ покинуть Москву и переехалъ въ губернскій городъ, подлѣ котораго было родовое имѣніе его покойной жены, Михайловское. По протекціи многихъ знавшихъ

его лицо и отчасти через брата, служившаго въ гвардіи, ему удалось поступить года через два по прибытіи въ N, то-есть когда вина его была уже забыта, на какой-то мѣстный административный постъ. Онъ былъ мужичина огромныхъ размѣровъ, коренастый, сильный. Сангвиникъ, очень легко выходившій изъ себя, онъ громилъ взяточниковъ, казнокрадцевъ и всякаго рода мерзавцевъ такимъ громовымъ голосомъ и съ такими выразительными жестами, что виновники его гнѣва убѣгали изъ его дома безъ шапокъ, въ опасеніи быть спущенными съ лѣстницы, рассказывать анекдоты о «переходовыхъ барышняхъ», «стриженныхъ», какъ онъ выражался, употребляя устарѣвшее выраженіе; поругивалъ молодежь, за то что не учатся, верховъ понахватаются, и воображаютъ, что всѣ дураки, кромѣ нихъ, пилъ каждый день за обѣдомъ красное вино и въ общемъ былъ человекъ, исполненный жизнерадостности.

Матери Зина не помнила: мать умерла, когда дочери было два года. Дѣтство Зины прошло одиноко и какъ нельзя болѣе заурядно. Сначала она была въ рукахъ нянюшки Марѣи Андреевны, изъ крѣпостныхъ ея матери, приставленной къ ней съ минуты ея рожденія и любившей ее, какъ умѣютъ любить своихъ «выходковъ» только русскія няньки, воспитанныя крѣпостнымъ правомъ. Когда Зинѣ было семь лѣтъ, въ домъ отца пріѣхала тетка ея Марья Аркадьевна Рѣпина, съ исключительною дѣлю воспитанія своей племянницы. Зина очень скоро привязалась къ ней. Тетя Маша оказалась и умной, и доброй, и прелестной музыкантшей. И вотъ обратите вниманіе на характерное явленіе, которое встрѣчается въ жизни весьма многихъ русскихъ дѣтей. У тети Маши было задумчивое и грустное лицо; грусть эта отражалась и въ музыкѣ ея. Зина не знала причины грусти тети, но она чувствовала эту грусть и иногда, не выдержавъ, уходила въ темную гостиную и начинала потихоньку плакать. О чемъ она плакала, она не знала; безпричинная, странная тоска часто мучила ее. Она начинала придумывать причину слезъ и говорить себѣ, что Марѣя Андреевна уйдетъ отъ нихъ, что Николая Григорьевича посадятъ въ тюрьму, какъ, она знала, посадили одного его пріятеля, съ которымъ онъ переписывался до сихъ поръ, что тетя Маша несчастная, или, наконецъ, что ея мать умерла... Картины одна другой мрачнѣе и жалостнѣе вставляли въ разыгравшемся воображеніи, и она плакала до тѣхъ поръ, пока не измучивалась и не хотѣлось ей спать.

Грусть тети Маши и печальный тонъ ея музыки является въ настоящемъ случаѣ лишь частностью въ массѣ тѣхъ разнообразныхъ причинъ, въ результатѣ которыхъ является рассматриваемое нами явленіе. Но всѣ онѣ сводятся къ одному знаменателю. Не отъ одного, такъ отъ другого, не отъ дрогана, такъ отъ третьяго, но я убѣжденъ, что рѣдкій изъ моихъ читателей не испыталъ въ дѣтствѣ подобной тоски и ужаса передъ какою-то неотвратимою бѣдою, висящей надъ всею семьею. Подобныя чувства навѣваются на нашихъ дѣтей общимъ фономъ всей нашей жизни, то сѣротоскливымъ, а то и совсѣмъ мрачнымъ. И взрослые, и малыя расположены

у насъ ожидать впереди въ болѣе степенѣ чего-нибудь мрачнаго и лихого, чѣмъ свѣтлаго и радостнаго. На этой именно почвѣ и расцвѣтають столь обильные въ нашей жизни пессимизмъ и аскетизмъ.

Когда Зинѣ минуло 11 лѣтъ, а передъ тѣмъ умерла тетя Маша, отецъ помѣстилъ ее въ домъ своего брата, Александра Григорьевича, генерала, жившаго съ семействомъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ особнякѣ, съ цѣлю помѣстить ее въ учебное заведеніе и дать возможность женѣ Александра Григорьевича, Лидіи Васильевнѣ, основательно заняться ея воспитаніемъ.

Началась для Зины новая школьная жизнь со всѣми ея обычными заботами и интересами товарищескими, гимназическими, наконецъ, литературными. Не преминули развиваться съ лѣтами и тѣ задатки аскетизма, какіе были заложены у нея въ дѣтскіе годы. Безпредметная тоска начала переходить въ религіозное настроеніе, поглощавшее порою всю ея жизнь; явились неопредѣленные мечты о подвижничествѣ и какомъ-то героизмѣ и столь же неопредѣленное, страстное желаніе кого-то встрѣтить, кто бы удовлетворялъ всѣмъ ея нравственнымъ требованіямъ и идеаламъ, и кого-то любить, желаніе, заставлявшее ее долгое время усиленно воображать, что она любитъ своего кузена Павла Зарубина и очень страдаетъ, когда по субботамъ онъ появляется у нихъ и говорить о литературѣ съ репетиторомъ Володи. Всѣ эти мечты и стремленія раздѣляла съ нею родственница и подруга ея Ольга Зарубина. А затѣмъ Зина перешла подъ вліяніе старшей Зарубиной, Лизаветы. Последняя была въ то время на курсахъ и незамѣтно ввела Зину въ свой кружокъ. Въ кружкѣ этомъ дѣвушка нашла то, о чемъ мечтала. Бѣдно одѣтыя, усталыя, заваленные работою дѣвушки этого кружка жили тѣмъ же, чѣмъ жила она, тѣ же интересы, тѣ же вопросы, тѣ же стремленія наполняли ихъ жизнь. Онѣ всѣ понимали ее и сочувствовали ей. Но всѣ онѣ, она видѣла это, жили иначе. Ей казалось, что онѣ уже дѣлали дѣло, тогда какъ она только мечтала о немъ. Совершенно согласно ея пламенному желанію самопожертвованія и страданія за правду, въ кружкѣ Лизаветы Зарубиной она слушала рассказы о страданіяхъ людей, умѣвшихъ жертвовать собою за свободу и правду, о средствахъ помочь этимъ страданіямъ, горячіе толки о томъ, какъ бы поскорѣе кончить курсъ и идти учить народъ, чтобъ облегчить его тяжелую жизнь, неопредѣленные мечтанія о закоптѣлой избѣ среди снѣжныхъ сугробовъ, объ одинокой труженической жизни, полной лишеній, о проповѣди правды и добра, объ угнетеніи и забвеніи себя во имя другихъ.

Послѣ окончанія гимназическаго курса Зина, конечно, ужъ рѣшила во что бы то ни стало поступить на курсы. Не легкую пришлось ей выдержать при этомъ борьбу съ старческимъ эгоизмомъ отца, который мечталъ, что по окончаніи гимназическаго курса она останется съ нимъ и раздѣлитъ его одиночество. Борьба эта была тѣмъ болѣе тяжела для нея, что и самой ей было жалко покидать нѣжно любимаго отца, нуждавшагося въ ея обществѣ. Но она настояла на своемъ, уѣхала осенью снова въ Москву къ

тѣмъ же роднымъ, поступила на курсы и вся ушла въ дѣло. Въ началѣ зимы уже она подала рефератъ, который былъ одобренъ профессоромъ и доставилъ ей почетную извѣстность на курсахъ. Послѣдующія ея работы всѣ удоставлялись хорошихъ отзывовъ. Профессора говорили о ней съ уваженіемъ, какъ о талантливой и занимающейся слушательницѣ. Курсистки спрашивали у нея совѣтовъ и многія изъ ихъ кружка уже завидовали ей. Всѣ знали, что она не пропускаетъ почти ни одной лекціи и видали всегда ея фигуру за первымъ столомъ, наклонившуюся надъ тетрадкой. Съ курсовъ она часто уѣзжала не домой, а въ публичную бібліотеку, гдѣ просиживала по два, по три часа.

Но дѣло не ограничилось однимъ подобнымъ усердіемъ и усидчивостью въ учебныхъ занятіяхъ, заслуживающими полного уваженія и исполнѣ естественными въ дѣвушкѣ живой, талантливой и горячо увлеченной наукой. На второй годъ пребыванія на курсахъ началось распинаніе плоти, совершенно уже излишнее и ни къ чему не нужное. «Она,—читаемъ мы,—юшла до какого-то фанатизма и, Богъ знаетъ, въ силу какихъ побужденій, больше всего вслѣдствіе мысли, мучившей ее, что образъ жизни ея недостаточно оправдываетъ ея пребываніе въ Москвѣ и одиночество отца, стала искать себя всего. Она отказалась ѣздить съ Гаврилой на курсы и стала ходить туда пѣшкомъ, во всякую погоду, черезъ всю Москву, подымаясь со свѣчами. Лидія Васильевна, можетъ быть, и не узнала бы этого, да нянюшка Марѳа Андреевна слышала, какъ Зарубины уговаривали ея барышню не дѣлать этого, и пожаловалась, но это ни къ чему не повело. Въ видахъ той же цѣли Зина стала одѣваться какъ можно холоднѣе. Лидія Васильевна однажды плакала и написала Николаю Григорьевичу письмо послѣ того, какъ племянница ея на первыхъ порахъ схватила сильный гриппъ. Но болѣзнь прошла; къ зимѣ Зина сшила себѣ короткую кофточку, не имѣвшую другого признака зимняго платья, кромѣ маленькаго барашкова воротника. Борьба была трудная, но самый процессъ борьбы занималъ ее. Потомъ она бросила пѣть, на это, впрочемъ, никто не возражалъ, вѣ�ду что и безъ того у нея не было ни одной свободной минуты. Въ домѣ на нее смотрѣли, какъ на «странную барышню», но волей-неволей предоставляли ей жить, какъ она хотѣла».

Обычный результатъ подобныхъ аскетическихъ крайностей не заставилъ себя ждать: неожиданно-негаданно возникла въ дѣвушкѣ неудержимая реакція совершенно въ противоположную сторону.

ХV.

Мѣсяца за два до экзаменовъ, постомъ, съ ней произошло что-то совсѣмъ новое, какой-то странный переворотъ. Въ первый разъ она призналась себѣ, что не въ силахъ прожить такъ, какъ заставляла себя. Она не боялась, что у нея не достанетъ для этого характера, но боялась чего-то болѣе грознаго,—того, что въ ней потухнетъ вѣра въ необходимость жить

такъ, а не иначе. Её стала вдругъ беспокоить мысль, что вотъ теперь она учится, употребляетъ на это всё свои силы, тратитъ даже здоровье, бросила отца одного и живетъ въ праздномъ и безпорядочномъ домѣ тетеньки, все во имя какой-то высокой и важной цѣли. А какая собственно эта цѣль? «Неужели все это для того, чтобы опять жить въ Н. или заниматься въ Михайловской школѣ», думала она. И ей казалось, что послѣ всего, чего она ожидала, ей слишкомъ мало этого, и она на это не способна.

Но совсѣмъ не въ этихъ внезапно одолѣвшихъ дѣвушку сомнѣніяхъ заключалась суть происшедшаго съ ней переворота. Они были лишь слѣдствіями того главнаго, что пришлось переживать дѣвушкѣ. Главное же заключалось въ томъ, что «наступала весна, а она страшно устала; было уже тепло, стучали колеса, чирикали воробьи и потянуло куда-то, какъ можно дальше отъ всего прежняго. И ей вдругъ захотѣлось жить, захотѣлось не работы, не знаній, а самой жизни, для которой должно пригодиться и то, и другое. А жизни, она неожиданно почувствовала это, не было нигдѣ и ни въ комъ».

Однимъ словомъ, Зина находилась вполне въ настроеніи Фауста, въ тотъ моментъ, когда вѣмецкому средневѣковому аскету опротивѣли до послѣдней степени и затхлая ученая келья его, и пыльные фоліанты, онъ готовъ былъ душу погубить, чтобы упиться жизнью, и вызвалъ Мефистофеля. Не замедлилъ явиться своего рода Мефистофель и въ жизни Зины.

Надо при этомъ замѣтить, что самая обстановка, окружавшая Зину въ домѣ дяди, шла совсѣмъ вразладъ съ ея аскетическою жизнью и сама по себѣ была способна закружить юную головку при измѣнившемся настроеніи дѣвушки. Это была распущенная и безпорядочная московская дворянская семья, одна изъ тѣхъ семей, которыя весело прожигаютъ жизнь въ общинкахъ старой столицы и мало-по-малу безопасно придвигаются къ неизбежному разоренію. Домъ былъ вѣчно наполненъ гостями; въ передней то и дѣло раздавались звонки, и въ домъ появлялись молодые люди, офицеры одного полка съ старшимъ сыномъ, Володей, студенты, лиценсты, всѣ франтоватые, чистоплотные и въ высшей степени вѣжливые. Они приходили обыкновенно наверхъ къ Володѣ, и Зина изъ своей комнаты часто слышала ихъ здоровые, самодовольные голоса, хохотъ, отрывки фразъ на французскомъ языкѣ. Володя каждый вечеръ не былъ дома, и девицки каждую ночь дожидаясь его. Случалось, что, возвращаясь домой отъ какой-нибудь курсистки и собираясь уже спать, она видѣла у подъѣзда карету съ фонарями или одиночку, а въ залѣ встрѣчала фигуру своего брата въ мундирѣ и лакированныхъ сапогахъ, на ходу застегивающаго перчатку и расправляющаго вокругъ себя модный запахъ геліотропа; часто шелъ за нимъ заѣхавшій офицеръ или студентъ въ короткомъ, блестящемъ галунами мундирѣ, при шпагѣ, и низко кланялся ей. За обѣдомъ и за чаемъ Зина слышала много разсказовъ изъ того «высшаго» общества, въ которомъ проводилъ время молодой Черновъ, сдѣлавшійся свѣтскимъ балльнымъ кавалеромъ. Говорили о платьяхъ барышень и объ ихъ состояніи, о мазуркахъ

и каруселяхъ въ манежѣ, передавали великосвѣтскія сплетни и порою анекдоты довольно скабрезнаго характера, вродѣ того, какъ молодой графъ N. встрѣтилъ въ Salon des Variétés своего отца въ сопровожденіи кого-то, о комъ упоминалось уже вполголоса, и какъ оба прятались другъ отъ друга. По вечерамъ по всѣмъ свободнымъ угламъ дома устанавливались карточные столы, и только и слышалось всюду: пасъ, три въ червахъ, малый шлемъ! Молодежь же по вечерамъ, особенно весною въ саду, устраивала пѣніе подъ звуки гитары. Пѣли всякій вздоръ, сантиментальный и ошуряющій, цыганскія пѣсни и разные легонькіе старинные и новые романсы, но подъ вліяніемъ этого пѣнія, звуковъ гитары и весны всѣ были въ восторгѣ отъ пѣнія и приходили въ бессмысленно-поэтическое настроеніе.

Среди посѣтителей дома Черновыхъ былъ сынъ старинной пріятельницы хозяйки, польскій графъ Торжницкій. Онъ бывалъ въ этомъ домѣ и въ дѣтствѣ, и въ студенческіе годы, пріѣхалъ съ визитомъ и по возвращеніи изъ-за границы, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ. Прежде еще, чѣмъ явился онъ, Зина почти знала его по рассказамъ, знала о его безалаберной жизни швабнаго и богатаго человѣка, о его женитьбѣ на дѣвушкѣ, которая страстно любила его; но онъ бросилъ жену и сына и проводилъ время то за-границей, то въ своихъ имѣніяхъ въ Россіи. Больше же всего говорили о колоссальномъ успѣхѣ его у женщинъ. Рассказы про всевозможные романы, затѣваемые имъ, и скандалы, ихъ сопровождавшіе, про то, какая барышня отправилась изъ-за него и какая женщина разошлась съ мужемъ, передавались въ изобиліи и служили нерѣдко темою разговоровъ и споровъ о томъ, можно ли назвать его порядочнымъ человѣкомъ.

Въ эпоху разгара курсовой горячки и распинанія плоти, Зина чуждалась гр. Торжницкаго; ей казалась несносною самая необходимость встрѣчаться и говорить съ человѣкомъ, съ которымъ у нея не было рѣшительно ничего общаго, который самымъ своимъ существованіемъ, самою своею жизнью оскорблялъ все то, во что она вѣрила и чѣмъ жила. Но вотъ произошелъ съ нею вышеозначенный переломъ, и стоило только этому исказителю приключеній обратить на нее вниманіе, какъ на рѣдкій и не встрѣчавшійся еще ему экземпляръ русской ученой барышни, и приволочнуться за нею на парѣ съ пріятелемъ, и Зина вся загорѣлась слѣпою, безумною страстью. Это было явленіе чисто стихійное, чуждое малѣйшей осмысленности, какихъ бы то ни было доводовъ разсудка или нравственныхъ оправданій. Зина въ этомъ отношеніи далеко оставила за собою героиню повѣсти Никовой, Лелю. Послѣдняя въ лицѣ Бармина увлеклась человѣкомъ молодымъ, здоровымъ, жизнерадостнымъ, который былъ другомъ дѣтства ея и съ которымъ ничто не мѣшало ей соединиться узами законнаго брака. Зина же увлеклась завѣдомымъ ловеласомъ не первой молодости, достаточно пожилымъ уже, къ тому же женатымъ. Падая въ его объятія, она не думала о томъ, что будетъ дальше и къ чему приведетъ ее подобный романъ. Это было чистое безуміе, «наважденіе», какъ говорили встарину, «грѣхъ»

Но именно въ этомъ самомъ безуміи, въ этомъ «грѣхѣ» и заключалась вся поэзія страсти Зины, равносильная тому головокружительному упоенію, какое влечетъ человека въ пропасть. «Люблю потому, что не могу не любить,—думала она, лежа по вечерамъ у себя на подоконникѣ, смотря въ остывшее хрустальное небо и слушая соловьевъ, раззадоренныхъ балагайкою стараго повара, который всякій разъ передъ ужиномъ садился на крыльцо и «жалостнымъ» мотивомъ вызывалъ слезы изъ глазъ Мары Андреевны. И Зинѣ тоже хотѣлось о чемъ-то плакать. «Его люблю, а вотъ Павла и милаго Михаила Ивановича, всѣхъ мѣ,—разумѣя профессоровъ курсовъ, всѣхъ огуломъ, вспоминая тотчасъ и залу съ кафедрой, и рядъ апатично-серьезныхъ лицъ въ очкахъ и безъ очковокъ, съ бѣлокурыми и черными бородами, что-то безконечно сѣрое и безконечно скучное,—думала она,—всѣхъ мѣ, любить не могу и не стану. А ему отдамъ жизнь, мнѣ теперь все равно. Онъ говоритъ, что все, что есть въ немъ святого и дѣйствительно хорошаго, я разбудила въ немъ. За это стоить умереть, потому что только это жизнь. «Ради этого стоить жить», вспоминала она его слова.

Такой крайній, перешедшій всѣ границы порывъ не могъ, конечно, обойтись Зинѣ даромъ и произвелъ въ ней такое страшное опустошеніе, какое разрѣшилось тяжкою нервною болѣзнію. И лишь оправившись отъ этой болѣзни, грозившей ей полнымъ безуміемъ, поняла Зина, въ какую бездонную пропасть ринулась она, пожертвовавши жизнью первому ничего не стоящему проходивцу. Такой позоръ страшно бываетъ выносить темной неграмотной дѣвушкѣ, стоящей на самой низкой ступени общественной іерархіи, и вдругъ пришлось унизиться до такой степени, ей, высоко-развитой курсисткѣ, съ высшими духовно-нравственными требованіями и запросами, съ гордыми и пренебрежительными взглядами на пошлую толпу. Самому пошлѣйшему члену этой пошлой толпы пришлось сыграть роль словно какъ бы орудія казни за ея высокомерную ученую гордыню, унижить и смирить ея слишкомъ ужъ возвысившуюся надъ всѣми слабыми смертными душу. Въ этомъ невольно должно было чувствоваться дѣвушкѣ присутствіе словно какой-то сознательной силы.

Какъ бы то ни было, но вслѣдъ за нервною болѣзнію, вынесенною Зиною, последовалъ быстрый кризисъ, заключавшійся въ томъ, что нравственные силы дѣвушки воскресли съ новою энергіею и небывалымъ еще влеченіемъ ко всему высокому, доброму, духовно-нравственному. Зина рѣшила бросить курсы и посвятить свою жизнь престарѣлому отцу, нуждавшемуся въ ея обществѣ и опорѣ, а затѣмъ народу. Все это было бы прекрасно, если бы по неизмѣннымъ и неизбѣжнымъ законамъ природы не предвидѣлось бы, что новый порывъ въ нравственную сторону въ свою очередь не доведетъ дѣвушку до истощенія силъ и до новаго колебанія въ противную сторону. Въ томъ-то именно и дѣло, что романисты, увѣряющіе насъ, что герои ихъ послѣ испытанныхъ ими искушеній разныхъ нечистыхъ силъ окончательно укрѣпились въ духѣ правды и добра и впредь неуклонно будутъ шествовать по стезѣмъ добродѣтели, слишкомъ ужъ надѣются на своихъ

героевъ и не принимаютъ въ соображеніе, что у героевъ остаются все тѣ же человѣческіе нервы, попрежнему подлежащіе утомленію и истощенію вследствие слишкомъ усерднаго, однообразнаго и односторонняго витанія въ высшихъ духовныхъ сферахъ, и что герои ничѣмъ не гарантированы отъ новыхъ искушеній и грѣхопаденій, можетъ быть, еще болѣе обаятельныхъ и обольстительныхъ?

XVI.

Теперь мы обратимся къ повѣсти г-жи Т. Барвенковой *Раздолье*, напечатанной въ четырехъ первыхъ книжкахъ *Русскаго Богатства* за нынѣшній годъ. Мы не будемъ входить опять-таки въ подробности сюжета повѣсти г-жи Барвенковой, ни знакомить читателей нашихъ со всѣми ея дѣйствующими лицами, ни трактовать объ ея достоинствахъ и недостаткахъ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ повѣсть довольно заурядная, скроенная по шаблону англійскихъ романовъ, съ массою дѣйствующихъ лицъ, выводить уже неоднократно во множествѣ русскихъ романовъ и повѣстей. Для насъ повѣсть эта любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней выведены двѣ пары взаимно влюбленныхъ другъ въ друга молодыхъ людей, причемъ одна чета является проникнутою аскетическими порывами въ саомъ современномъ духѣ, другая же, напротивъ того, отличается жизнерадостностью, уравновѣшенностью и бодростью духа. Вотъ на этихъ-то двухъ четахъ мы и остановимъ наше вниманіе. Начнемъ, конечно, съ аскетической четы.

Дѣйствіе повѣсти происходитъ въ большой барской усадьбѣ, Раздольѣ. Во главѣ семьи стоитъ помѣщикъ, Софья Глѣбовна Одобарова. Властолюбивая, капризная самодурка, она смахиваетъ нѣсколько на Уланбекову. Но глѣбовскія времена прошли, и вмѣсто ужаса вздорная старуха внушаетъ чадѣ и домочадцамъ одну досаду и смѣхъ своими капризами и причудами. Кромѣ двухъ-трехъ наперсницъ и наушницъ, напоминающихъ собою грустные времена, никто приказаній ея не слушается и гнѣва ея не страшится; каждый поступаетъ, какъ ему вздумается, исключая развѣ старшаго сына ея Анатоля, который одинъ по своей безхарактерности и слабости пляшетъ по ея дудкѣ. Анатолий этотъ является представителемъ людей 40-хъ годовъ. Нѣкогда онъ состоялъ въ дружбѣ съ Тургеневымъ, Гранинскимъ, вследствие чего всю жизнь проводилъ надъ какими-то безконечными и безплодными учеными трудами; подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ былъ рьяный эстетикъ, поклонникъ всего прекраснаго; подобно имъ же былъ щедръ на одни высокія слова, которыя совершенно расходились у него съ дѣлами, хотя, по правдѣ сказать, никакихъ дѣлъ у него и не было; наконецъ, былъ неврасценикъ съ порокомъ сердца, вѣчно глоталъ какую-нибудь аптечную гадость и сидѣлъ на діетѣ.

Старшая дочь хозяйки, Лариса, разошлась съ мужемъ и коптила небо въ родительской усадьбѣ, легкомысленная, суетная, тщеславная, молодая-

шаяся. Младшая дочь, Рита, представляла собою поблекшую старую дѣву, готовую выйти замужъ за перваго посватавшагося урода и старика, лишь бы только вырваться изъ семейнаго ада.

У Ларисы была дочь Маша. Такъ какъ мать вѣчно разъѣзжала по заграничнымъ курортамъ и ей было не до дочки, то послѣдняя была отдана на полное попеченіе няни Елены Никаноровны, старухи за 60 лѣтъ, вынужившей и Анатоля, и Риту. Одновременно съ Машею, на руки Елены Никаноровны свалился осиротѣвшій восьмилѣтній внукъ ея Николай, крестникъ Анатоля. Елена Никаноровна привязалась къ обоимъ, хотя и не мало было хлопотъ ей съ упрямымъ Николаемъ и болѣзненной плаксою Машею, пока дѣвочка не поперилась въ здоровыхъ условіяхъ новой жизни.

Полна глубоко шевелящихъ душу впечатлѣній была для дѣтей жизнь среди природы, одухотворенной чисто-народнымъ интересомъ старухи ко всему, что растетъ и копошится на деревенскомъ привольѣ. Будни смѣнялись праздниками и постами, опоэтизированными множествомъ обрядовъ и эмблемъ, такъ радующихъ дѣтей; дорогія книги изъ библіотеки Анатоля Павловича смѣнялись мастерскими сказками «бабуси» и ея безконечными повѣствованіями о святыхъ, о старинѣ, о собственныхъ ея паломничествахъ.

Бабуса выучила дѣтей грамотѣ, а Анатолій Павловичъ опредѣлилъ Николая въ московское техническое училище и ввелъ его въ семью бывшаго своего университетскаго товарища Лемешковского. Съ сыновьями этого послѣдняго, сперва гимназистами, потомъ студентами, Николай крѣпко сдружился за годы ученія. Каникулы онъ проводилъ въ Раздольѣ, съ бабусей и «сестренкой».

Но вотъ родные Маши, бабка и мать, порастрясши за границей и здоровье, и финансы, вернулись, наконецъ, домой и поневолѣ надолго застѣли въ деревнѣ. Тогда онѣ спохватились, что давно пора заняться воспитаніемъ дѣвочки, наняли ей «кандидатку» и «мамзель», переселили въ мезонинъ, принялись общими усиліями выправлять ей талію, манеры, говоръ и рѣшили прервать всякое сношеніе Мари съ «выжившею изъ ума старухою». Со всею врожденною необузданностью рвалась Маша первое время къ бабуся изъ-подъ ига лжи, скуки и нелѣпостей, навязанныхъ ей съ такимъ насиліемъ, и когда ей удавалось тайкомъ проскальзывать внизъ, она отчаянно рыдала, уткнувшись лицомъ въ колѣни старушки, и то были единственныя минуты, когда двѣнадцатилѣтняя дѣвочка не кипѣла, не ненавидѣла, не желала умереть...

Мало-по-малу однако Маша, повидимому, смирилась. Ея живость, ея порывистая доброта поблекли; черезъ годъ не узнать было въ истощенной, вялой Мари румяную хохотушку Машурку. *Ршиивши, что естъ отъ нея отступились, что она круглая сирота и что все на свѣтѣ обманъ, «преходящее», она впала въ мрачную, экзальтированную религіозность: тайкомъ измуряла себя эпитиміями, доходя до галлюцинацій и экстаза.* Рыцарскіе романы, которыми пичкали ее воспитательницы, только усиливали это настроеніе.

Жестокія головныя боли и нервныя припадки явились послѣдствіями такого режима, какъ разъ въ такомъ періодѣ, когда въ дѣвочкѣ стала складываться женщина. Ее дѣлили и учили; ничего кромѣ ухудшенія истеріи этимъ не достигалось. Одно лишь участіе дяди нѣсколько скрасило жизнь дѣвушки въ этотъ роковой періодъ ея. Онъ и раньше ласкалъ Машу, а теперь отъ скуки сталъ обращать на нее большее вниманіе, привлекалъ ее къ себѣ въ кабинетъ, старался развлечь ее, читалъ ей; скоро завелись у нихъ правильныя занятія, а тамъ и всѣ «русскіе предметы» были сданы въ вѣдѣніе скучающаго дяди. Стройностью программы эти уроки не отличались,—предметы «посуше» были сильно въ загонѣ; тѣмъ не менѣе, въ этихъ разнообразныхъ чтеніяхъ и бесѣдахъ, часами вдвоемъ, годъ изъ году выростала изъ загнанной, нелюдиной Мари Маша-дѣвушка, какою знали ее и любили безъ памяти дядя и «бабуся».

Что касается всѣхъ остальныхъ членовъ семьи, то отношенія къ нимъ дѣвушки сохраняли все тотъ же враждебно-военный характеръ. Постепенно нахуливая удачныя приемы борьбы со своими воспитательницами, Маша пользовалась всякою ихъ непослѣдовательностью, чтобы закрѣпить за собою ту или другую вольность разъ навсегда. Непослѣдовательностямъ же числа не было. Мариса только періодически вспоминала о своихъ обязанностяхъ матери и тогда вдругъ принималась, смотря по настроенію, то муштровать дочь, то изводить ее нѣжностями, какъ трехлѣтнюю крошку. Софья же Глѣбовна, наткнувшись разъ-другой на упорное сопротивленіе, дискредитировавшее ея власть, дѣлала видъ, что махнула на нее рукой: Мари даже не настоящая Одобарова, стоило ли изъ-за нея «портить себѣ кровь?» Гоненія обострялись лишь періодически; въ промежуткахъ Маша дѣлала, что хотѣла: пропадала въ паркѣ и на деревнѣ цѣлыми днями, возилась съ «мушкетеромъ», запиралась у себя наверху, расплачиваясь за эту свободу покорностью по части туалета, особенно въ присутствіи гостей, да отмалчиваясь. Но не легко давался и такой компромиссъ вспыльчивой, правдивой Машѣ. Хмуро, холодно проходила для нея ранняя весна ея жизни...

XVII.

Но вотъ съ годами начали возникать въ головѣ дѣвушки роковыя вопросы о томъ, какой смыслъ въ этой утомительной и унижительной борьбѣ? Для чего вообще живетъ она и проживетъ всю свою жизнь дальше? Но тщетно искала она вокругъ себя отвѣтовъ на эти вопросы. Бабуся отвѣчала на нихъ: «Все воля Божья. Кому какая судьба назначена». Дядя же совѣтовалъ «учиться, учиться и учиться!» Много и хорошо говорилъ онъ о «выращиваніи сѣмянъ добра и сознательнаго въ жизни»... Но этотъ безличный процессъ «облагораживанія жизни» еще менѣе былъ понятенъ дѣвушкѣ, чѣмъ нянина «судьба».

Что же касается друга дѣтства Маши, Николая, то съ годами онъ не сближался съ дѣвушкой, а все болѣе и болѣе отдалялся отъ нея. По окон-

чаніи курса училища онъ успѣлъ пострадать за свои идеи, а затѣмъ поступилъ главнымъ механикомъ въ Репьевской экономіи, большомъ имѣніи съ сахарнымъ заводомъ и механической мастерской, всего въ трехъ верстахъ отъ Раздолья. Но въ Раздольѣ онъ показывался рѣдко, причемъ держалъ себя, какъ подобало полурабочему и няинну внуку, сторонясь отъ всего одобаровскаго не то презрительно, не то враждебно. Онъ и бабушку звалъ жить къ себѣ, старуха же не хотѣла покидать насиженнаго мѣста, изъ-за чего она порою даже ссорилась.

Машу терзало это отчужденіе отъ нея друга дѣтства; она плакала и порывалась заговорить первая, но всякій разъ какая-то робость удерживала ее. Наконецъ, заставъ какъ-то его одного въ комнатѣ Алены Никаноровны, дѣвушка высказала ему все разомъ: и свои вопросы, и горе свое, и обиду свою на него. Результатъ былъ тотъ, что они часто стали видѣться въ паркѣ и съ каждымъ разомъ говорили откровеннѣе: все меньше о себѣ, все больше о разномъ смущавшемъ Машу. Всего чаще о деревнѣ. Маша всю жизнь прожила въ двухъ шагахъ отъ села и до той поры никогда не бывала даже въ хатѣ; заговорить съ бабою, съ чужакомъ хлопчишкою ей было, пожалуй, труднѣе, чѣмъ войти въ гостиную бабушки и сдѣлать реверансъ чопорной дамѣ. И тѣмъ болѣе теперь, сознательно проникшись мыслью о «долгѣ», она терзалась «виновностью» своею передъ всякимъ нищимъ, всякою хворою бабою; терзалась чувствомъ нарастанія этого долга... въ бездѣйствіи. Навѣрное; она могла бы уже что-нибудь дѣлать, хоть немножко... И какъ бы научиться хорошо дѣлать, много—«самаго, самаго пужнаго?»

Николай помогъ ей въ этомъ, завязавъ устройствомъ школы первый узелъ между селомъ и барскою усадьбою. Съ нимъ Маша вошла въ хаты. Онъ же указывалъ ей, какія книги брать у дяди въ библіотекѣ; приносилъ ей другія, какихъ въ одобаровскомъ домѣ не водилось. Бережно сдерживая своею стальною волею горячность Маши, вводилъ онъ ее и въ кругъ нужныхъ ей совѣтовъ. Не лавировалъ онъ и тогда, когда она прямо ему ставила вопросъ о личныхъ его планахъ, намѣченныхъ имъ себѣ въ жизни: насколько могъ, познакомилъ онъ Машу съ тогдашнимъ теченіемъ среди интеллигентной молодежи, которому сочувствовалъ и самъ; разъяснялъ ей строго намѣченные рамки просвѣтительной работы въ народѣ и ея опредѣленные цѣли. Педантично воздерживаясь отъ всякой «лирики», Николай не скрывалъ, однако, своей вѣры въ дѣло, которому въ тѣ годы отдавали всю душу многіе его сверстники. И Маша слушала его съ удивленіемъ и завистью: какой онъ цѣльный, сильный, и ясно ему все впереди... не то, что она, беспомощная, неустойчивая даже въ самыхъ горячихъ стремленіяхъ своихъ къ добру. Никогда, видно, не улепись въ ней этимъ стремленіемъ въ стройную систему, какъ у Николая, никогда не намѣтится передъ нею отчетливо ея жизненный путь...

Но когда Николай, самъ же сведя Машу съ народомъ посредствомъ школы и лѣченія больныхъ крестьянъ, сталъ затѣмъ посмѣиваться надъ

ся сентиментально-благотворительными подвигами ученія и лѣченія, внушать ей, что всѣ эти подвиги, возводя въ великое дѣло жалкую и ни къ чему не ведущую милостыньку, закрываютъ только глаза на существенное и являются лишь поблажкою одобаровской лѣни и распущенности, — думалъ ли онъ, на какую благопріятную почву сѣялъ онъ свои сѣмена, изъ которыхъ не замедлили произрасти плоды отрѣшенія не отъ одной только тѣлственной одобаровщины, но чуть что не отъ самой жизни.

Такъ, будучи строгимъ ригористомъ, Николай требовалъ, чтобы человѣкъ всего себя отдавалъ благому дѣлу, не заботясь о собственномъ своемъ благосостояніи и малѣйшемъ ублаженіи своей плоти; но онъ былъ далекъ отъ отрицанія семьи, считая любовь и бракъ необходимыми въ жизни человѣка не только въ смыслѣ удовлетворенія тѣлесной потребности, но и духовной. Такъ, послѣ объясненія съ Машей, онъ говорилъ своему пріятелю Хмарову:

— Нѣтъ, знаешь, право, не повѣрилъ бы... точно у тебя силъ вдесятеро прибавило. А еще толкуютъ, что любовь дѣлаетъ человѣка слабѣе, уязвимѣе... Вздоръ! Ужъ изъ-за одного того, чтобы себя въ ея глазахъ не уронить... да въ огонь и въ воду пойдешь, не задумавшись...

Маша же пошла дальше въ своемъ аскетизмѣ. Давши слово Николаю быть его женой, она выдержала страшную бурю со стороны своихъ родныхъ, причѣмъ даже дядя Анатолій, при всѣхъ своихъ идеяхъ 40-хъ годовъ — «свободы, равенства и братства», былъ противъ ея брака съ Николаемъ, усматривая въ немъ мезальянсъ. Она должна была порвать съ родными и переселиться къ родственницѣ Ранѣ, занимавшейся въ свою очередь ученіемъ и лѣченіемъ народа. Но вслѣдъ за этимъ смѣлымъ порывомъ на нее напали сомнѣнія и раздумье, имѣетъ ли она право на семейное счастье, не будетъ ли она въ тягость Николаю и т. п. Во имя этихъ сомнѣній она отложила свою свадьбу на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы испытать другъ друга, а главное дѣло, конечно, самоѣ себя, годится ли она къ самостоятельной жизни и честному труду, а затѣмъ начала склоняться къ мысли, что можно обойтись и совсѣмъ безъ семейнаго счастья.

— Будто безъ этого нельзя? — обратилась она къ своимъ друзьямъ, Хмарову и Фредѣ, съ которыми мы успѣемъ еще познакомить читателей.

— Безъ чего: этого? — спросилъ ее Хмаровъ.

— Безъ счастья... Наконецъ, будто все счастье въ томъ, чтобы... позавѣстаться? — еле слышно кончила она, низко наклоняясь пылающимъ лицомъ къ маленькому бюстику Шевченка.

Фреда и Хмаровъ тревожно и дружно протестовали, путаясь въ изобилии аргументовъ. Какой смыслъ осложнять, коверкать двѣ жизни, отказываясь отъ счастья, на которое они имѣютъ полное право? У кого что оно отнимается? А между тѣмъ эта ломка, тоска этой разлуки существенно ослабить ихъ силы...

Маша молчала и смотрѣла на нихъ задумчивыми глазами. Они такъ искренно горячились, убѣждая ее, точно отстаивали вмѣстѣ съ тѣмъ свое

собственное право на счастье... Она отошла къ окну и стала молча глядѣть въ темноту двора... Такъ же темно, смутно и печально было и у нея самой на душѣ; слезы подступали къ горлу и давили грудь.

— Маша, Николай знаетъ объ этомъ? — спросилъ Хмаровъ.

Она, все не оборачиваясь, утвердительно кивнула головой.

— И, конечно, что онъ тамъ ни говори... вы упреетесь по-сегодняшнему... У, зелье!

Хмаровъ взялъ дѣвушку за руку и привелъ ее на прежнее мѣсто, къ столу. Она была очень блѣдна, слезы, казалось, застыли въ широко раскрытыхъ глазахъ, упрямо сжатый ротъ вздрагивалъ.

— Ну, можно ли себя доводить до того, голубушка? — усовѣщевалъ ее Хмаровъ. — Кайтесь, — вы вѣдь высиживали, вымучивали эту дикую идею полгода. Никого близкаго даже не спросили: какъ, молъ, полагаешь на этотъ счетъ? Наконецъ, это непослѣдовательно: то убивалась, что одна, что онъ никогда не полюбитъ. А теперь — на тебя!

— Я ему написала только, что мнѣ надо еще хорошенько обдумать... и что, можетъ быть... всетаки лучше... не надо!

— Знаемъ мы эти ваши «можетъ быть»! Но скажите, скажите же, ради Бога, на что вся эта драма? Какое вы, наконецъ, право имѣете, точно умышленно, опять себѣ нервы ковырять? Это просто нечестно, поймите же.

— Нечестно поступать противъ совѣсти... — Маша выпрямилась, съ загорѣвшимися вдругъ взглядомъ. — Если же я до этого додумалась! Вѣдь кому какъ... А мы? Онъ безъ меня, навѣрное, больше сдѣлаетъ... Я тормозить его буду своими вѣчными «сложненіями». А я? Тоже *такъ* смогу... хоть что-нибудь... Хуже съ раскаяніемъ будетъ... на всю, на всю жизнь!

— Маша, Маша, да сколько же разъ я вамъ доказывалъ, что вы преувеличиваете. Всѣ эти страхи ваши: за свои нервы, за Николая, за дѣтей...

Маша усѣхнулась и взглянула ему пристально въ глаза. Въ первый разъ за весь вечеръ Хмаровъ отвернулся закурить папироску о лампу. Вышло молчаніе; потомъ Маша заговорила опять уже устало, разсѣяннo:

— Да развѣ только это? Просто, не чувствую я въ себѣ вашего права на счастье. Не чувствую, и все тутъ... Не хватить меня и на семью, и на работу... такъ, чтобы по-настоящему работа была, а не забава одна... Будутъ одни упреки себѣ, раздвоеніе... Я ужъ знаю... Кто можетъ, умѣетъ; — другое дѣло. Пускай...

Если смотрѣть на всѣ эти рѣчи Маши съ точки зрѣнія того современнаго аскетизма, которымъ онѣ проникнуты, можно подуматъ: какая могучая сила воли таится въ этомъ больномъ, тшедушномъ, хрупкомъ существѣ, сколько высокаго самопожертвованія обнаруживается передъ нами въ этой ея готовности пожертвовать вдохновляющему дѣлу всѣмъ, что только можетъ быть наиболѣе дорогимъ въ нашей жизни: счастіемъ любви и семейной жизни! И какими маленькими, ничтожными должны казаться передъ этою святою дѣвушкою ея пріятели, предающіеся своимъ страстямъ безъ малѣйшихъ попытокъ побороть ихъ ради полной отдачи дѣлу!

На самомъ же дѣлѣ рѣчи Маши показываютъ лишь, какъ обманчива бываетъ наружность. Въ жизни зачастую случается, что тамъ, гдѣ рисуется передъ нами могучая сила, на самомъ дѣлѣ таится жалкое безсміе. Такъ крестьяне готовы бываютъ видѣть особеннаго избранника неба въ лишенномъ разума юродивомъ, которому мѣсто въ психіатрической лечебницѣ. Могій выѣстити да выѣститъ, гордо провозглашаетъ вамъ аскетъ, а на самомъ дѣлѣ могущество это обуславливается отсутствіемъ сильныхъ страстей, свидѣтельствующимъ скорѣе о слабости, чѣмъ о какой-либо силѣ организма. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Здѣсь пахнуло чѣмъ-то одобаровскимъ, растленнымъ, сирадомъ вырожденія. Не столько сознаніе силы воли руководило здѣсь дѣвушкой, сколько, напротивъ того, малодушный страхъ вслѣдствіе сомнѣнія, хватить ли силенокъ для совѣщенія личныхъ стремленій съ общественными. Маша не думала о томъ, что она играетъ въ руку тѣхъ самыхъ враговъ, которыхъ только что поборола, что она совершенно уподобляетъ себя тому же Анатолію Павловичу съ его рядомъ малодушныхъ отказовъ отъ жизни, чтобы не огорчить маменьку. Ей не приходило въ то же время въ голову, какую сердечную черствость и жестокость обнаруживаетъ она по отношенію къ любимому человѣку, лишая его единственной радости и отрады, какія онъ только допускалъ въ своей суровой жизни. Она боялась сдѣлаться матерью такихъ же хилыхъ дѣтей, какова была она? И опять-таки мы имѣемъ дѣло со *страхомъ* и *сомнѣніями*, и къ тому же, можетъ быть, совершенно неосновательными. Во-первыхъ, почему полагала она, что дѣти ея, если только у нея будутъ дѣти, наследуютъ ея гнилую одобаровскую, а не здоровую плебейскую кровь ея отца? А во-вторыхъ, весьма возможно, что всѣ ея истеріи и нервныя расстройства были лишь временными слѣдствіями того гнета семейнаго деспотизма, которому подвергалась она въ родительскомъ домѣ, въ соединеніи съ аскетическимъ образомъ жизни; на почвѣ же свободной и замужней жизни всѣ ея болѣсти какъ рукой сняло бы. Она же готовилась еще болѣе расшатывать организмъ свой своимъ аскетическимъ режимомъ, да ткнула за собою и многого человѣка.

Однимъ я могу лишь утѣшить читателей,—это тѣмъ, что аскетическое увлеченіе барышни раньше или позже должно имѣть свой обычный исходъ въ видѣ устремленія въ противоположную крайность. Я не знаю только, насколько извлекутъ читатели изъ этого исхода истиннаго утѣшенія, такъ какъ при той аскетической болѣзни, которою были заражены оба молодые люди, ничего не предвидится нами отраднаго въ той противоположной крайности, которая ждетъ ихъ впереди: вѣдь это будетъ въ свою очередь нѣчто ненормальное, болѣзненное, какъ и всякая крайность. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните только, какъ много подобныхъ горяченькихъ ревнителей дѣла, готовыхъ ради этого дѣла распать свою плоть по всѣмъ по тремъ, что называется, кончаютъ тѣмъ, что машутъ руками на всякое дѣло и принимаютъ прожигать жизнь въ свою очередь по всѣмъ по тремъ.

Въ этомъ отношеніи въ неизмѣримо большей степени можете вы поло-

житься на другую пару влюбленныхъ, Хмарова и миссъ Фреду, которые не рискуютъ кидаться изъ одной крайности въ другую, именно потому, что это натуры уравновѣшенныя, совершенно здоровыя отъ всякихъ асцитическихъ недуговъ. Ими мы и займемся въ заключеніе нашей статьи.

ХVIII.

Начнемъ съ Фреды, въ которой наиболѣе ярко выражается уравновѣшенная, жизнерадостная натура. Родилась она въ бѣдной полуанглійской, полунѣмецкой семьѣ учителя музыки, Георга Нейсли; но ее съ пяти лѣтъ взяла къ себѣ на воспитаніе богатая, свѣтская женщина, большая пріятельница ея отца, когда-то его ученица, Юлія Всеволодовна Жарнова. Самые модные учителя обучали Фреду наукамъ и искусствамъ; въ домѣ бывало всегда не меньше трехъ иностранокъ; игрушки, книги, позднѣ туалеты и бездѣлушки смѣнялись по первой прихоти, накапливаясь въ шкафахъ, какъ въ музеѣ. Фреда росла счастливѣе сказочныхъ принцевъ и принцессъ, о которыхъ рассказывали ея золотообрѣзныя книги. Всѣ восхищались ею... Восторги и похвалы, льстившіе самолюбію воспитательницы, встрѣтили Фреду и въ свѣтѣ. Сама же она, прозрѣвая съ чужихъ словъ не всегда опрятную изнанку этого любезнаго и блестящаго общества, веселилась въ немъ отъ души; особенно въ первое время. Ломаться и оригинальничать, какъ другія дѣвушки, менѣе избалованнымъ судьбою, ей было незачѣмъ: за нею и безъ того много ухаживали.

Молодой человѣкъ, котораго сперва шутя, потомъ все серьезнѣе стала отличать Фреда, оказался вполнѣ подходящею партіей: прекрасно воспитанъ, изъ хорошей семьи, на хорошей дорогѣ... Юлія Всеволодовна вполнѣ одобрила выборъ. Бѣденъ? Но у *petite tante*, слава Богу, хватить на двоихъ. Сейчасъ, разумѣется, было не до скучныхъ формальностей съ завѣщаніемъ: Юлію Всеволодовну поглощало приданое, устройство роскошнаго гнѣздышка для молодыхъ. Она молодѣла сама среди ихъ оживленія, сквозь которое со дня на день проступало все замѣтнѣе ихъ увлеченіе другъ другомъ. Фреда будетъ не только богата, онъ будетъ счастливъ. Свадьба была назначена послѣ Пасхи, а великимъ постомъ вдругъ захворала Юлія Всеволодовна. Воспаленіе легкихъ въ пять-шесть дней свело ее въ могилу...

Со смерти воспитательницы судьба Фреды сразу совершенно измѣнилась. Наслѣдники, воспользовавшись тѣмъ, что Юлія Всеволодовна умерла, не оставивъ завѣщанія, завладѣли на законномъ основаніи всѣмъ ея имуществомъ, приславъ Фредѣ лишь дорогой ея гардеробъ и бездѣлушки. Женихъ скорѣ отказался отъ нея: правда, онъ женился не на одномъ приданомъ, Фреда ему нравилась, но не настолько быть богатымъ, чтобы содержать на одни свои средства жену, при условіяхъ жизни въ великосвѣтскомъ кругу, который онъ считалъ своею стихією. Фреда очутилась такимъ образомъ «дома», въ тѣсной нѣмецкой квартиркѣ своей родной матери вдовы и старшей сестры Викторіи. Не сидѣть же ей было вѣкъ сложа руки, на содер-

жизни у нихъ: пришлось поневолѣ думать о самостоятельномъ заработкѣ. Такимъ образомъ и очутилась она въ Раздольѣ, нанявшись къ богатымъ помѣщикамъ Одобаровымъ въ качествѣ компаньонки.

Что касается Хмарова, то г-жа Барвенкова не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о его дѣтскихъ годахъ и воспитаніи. Мы знаемъ только, что онъ былъ южанинъ, поповичъ, блистательно кончилъ курсъ по медицинскому факультету и былъ оставленъ при клиникѣ, въ качествѣ магистранта, по нервнымъ болѣзнямъ. Но онъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы, при всей своей любви къ наукѣ, сдѣлаться ученымъ сухаремъ и педантомъ. «Ударился это я сгоряча, — рассказывалъ онъ Фредъ, — въ науку, что твои Вирховъ и Пастёръ, самое настоящее изслѣдованіе заварилъ. Только къ веснѣ сталъ мой профессоръ замѣчать, что первоначальнаго жару не имѣ поубыло, отлынивать сталъ. А тутъ ему еще кто-то шепни, что меня того и гляди, на родину могутъ... фьютъ! Онъ возьми, да, не говоря дурного слова, меня Одобарову рекомендуй. Я было заартачился. Такъ уломалъ. «И денегъ, — говорить, — прикопите за границу съѣздить, и работу со скуки тамъ прикончите, — много ли осталось? Да и понаблюдать есть что въ этомъ семействѣ». Подумалъ-подумалъ, куда ни шло на годъ, полтора...

Мама и Николай съ ихъ суровымъ ригоризмомъ, простиравшимся до крайней сдержанности въ словахъ и выраженіяхъ, долго не могли сблизиться съ Хмаровымъ: ихъ озадачивало Хмаровское «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», сбивали съ толку его свѣрхпыя выходы противъ «либераловъ», смущала его студенческая безшабашность. Но не такъ-то легко было отдѣлаться отъ Хмарова; въ теченіе года онъ отлично «приручилъ обоихъ ликообразовъ»: за дѣшевымъ его добродушіемъ выяснились кое-какія достоинства посущественнѣе; выяснилось и то, что громоздкость его теорій больше тѣшитъ его «казацкую душу», мало собственно вліяя у него на «практику жизни»... Несмотря на всякія «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», докторъ усердно лѣчилъ лужиковъ, работая съ завидною энергіей. «Слишца дѣвать некуда — все единственно», оправдывался онъ.

Замѣчательно, что на первыхъ порахъ Хмаровъ и Фредъ произвели другъ на друга взаимно отталкивающее впечатлѣніе. Получившей утонченное великосвѣтское воспитаніе дѣвушкѣ не понравились грубыя, угловатыя манеры и мужиковатость воспитанника бурсы.

«Чтобы лѣчить, — писала она роднымъ вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Раздольѣ, — всѣ эти печени, сердца и нервы, живетъ здѣсь во флигелѣ молодой докторъ, нѣкто Хмаровъ. Атлетъ поповичъ, являющійся въ домъ въ отвратительно спитомъ сюртукѣ и съѣдающій съ ножа, не развертывая сафетки, половину нашего тонкаго и весьма необильнаго обѣда. Отъ манеръ и громкаго голоса этого enfant terrible Софью Глѣбовну передергиваетъ, но она терпитъ его, считая его замѣчательнымъ докторомъ для своихъ безчисленныхъ «бо-бо». Лариса съ нимъ заигрываетъ, Анатолий тонко надъ нимъ подшучивается порою, но тоже называетъ его «способнымъ малымъ» и въ ссерахъ съ нимъ быстро теряетъ самообладаніе. Этотъ господинъ, говорятъ,

писать какую-то ученую книгу. Quant à moi—не берусь судить о его умѣ: соли его жаргона я не могу оцѣнить, а когда онъ хохочетъ, откинувшись на спинку стула, selon moi, il n'a pas l'air intelligent du tout.

Хмарову въ свою очередь многое не нравилось въ Фредѣ: ея англійская чопорность и сдержанность, педантическая аккуратность въ исполненіи своихъ полулакейскихъ обязанностей, умѣнье всѣмъ угодить, даже капризной Софьѣ Глѣбовнѣ, наконецъ, страсть наряжаться изящно и по послѣдней модѣ. Все это до такой степени претило ему, что онъ однажды не вытерпѣлъ и въ глаза посмѣялся надъ нею. Такъ, когда встрѣтя его рано въ паркѣ, она испугалась, узнавши, что уже десять часовъ и пора пить чай, который она обязана разливать, онъ замѣтилъ ей иронически:

— Что такъ испугались? Софья Глѣбовна гнѣваться будутъ? Велика бѣда опоздать. Вы уже слишкомъ старательно исполняете свои обязанности, миссъ Фреда.

— Я должна исполнять то, за что взялась,—сухо отвѣтила она.

— Ого! Вотъ это такъ по-англійски! Но, милая барышня, и бѣлка въ колесѣ *должна* вертѣться... А у Якова повара чижики есть; такъ онъ *долженъ* себѣ ведеркой воду таскать... Очень даже занято.

У него и въ мысляхъ не было обидѣть Фреду, просто захотѣлось немного подразнить «аккуратненькую» англичаночку. И онъ очень удивился, когда Фреда обернулась, выправившись и гнѣвно закусивъ губы.

— Очень можетъ быть, м-г Хмаровъ, что я въ вашемъ просвѣщенномъ мнѣніи стою на одномъ ряду съ ученымъ чижигомъ... или тамъ бѣлкою, что ли... Но, можетъ быть, было бы лучше не высказывать мнѣ этого. Вы себя, конечно, считаете очень развитымъ и гуманнымъ человекомъ, а не понимаете, что *такъ* шутить *со мною*—жестoko и не гуманно!...

Съ этой самой ссоры и началось ихъ сближеніе. Несмотря на все различіе воспитанія, вкусовъ и привычекъ, неудержимо потянуло ихъ другъ къ другу. И еще бы, оба они были здоровяки съ уравновѣшенными силами, оба жаждали счастья, любили жизнь не въ смыслѣ однихъ только альтруистическихъ подвиговъ, но со всѣми ея радостями и прелестями, а главное—оба испытывали тоску одиночества, стремились обрѣсти друга и брата какъ ради удовлетворенія физическихъ потребностей, такъ и для нравственной поддержки.

Но между тѣмъ какъ Хмаровъ частью вслѣдствіе того спартанскаго воспитанія, которое онъ получалъ въ бѣдной семьѣ и бурсѣ, частью подчиняясь тѣмъ аскетическимъ вѣяніямъ, какія господствовали въ кружкахъ молодежи, проповѣдовалъ съ чужого голоса тенденціи распинанія плоти, не замѣчая, какъ расходится здоровая и жизнерадостная натура его со всѣми этими тенденціями,—кристально искренняя, прямодушная Фреда, не рисуясь передъ своими юными друзьями никакими напускными альтруизмами и ригоризмами, открыто возстала противъ всяческихъ распинаній плоти. Такъ, когда однажды Маша особенно упрямо настаивала на необходимости заранѣе отучать себя отъ всякихъ прихотей и брезгливости, разъ соби-

решься жить среди народа и для него, чтобы мелочные заботы о себѣ, — о еомъ жильѣ, о бѣдѣ, о платьѣ, — не заслоняли чего поважнѣе, Хмаровъ нетерпѣливо перебилъ ее:

— Ахъ, Марья Ипполитовна, вамъ ли объ этомъ толковать часами, когда вы и теперь-то, вонъ, случается пообѣдать забываете; въ зеркало взглянуть не согрѣшите. Вотъ кому другому не мѣ-ша-ло-бы...

Но Фреда, которую давно уже мучило отъ этихъ непреложныхъ «должно», вскинула, какъ порохъ.

— Вы чрезвычайно послѣдовательны, Викторъ Даниловичъ! — заговорила она прощически. — Объясните хоть, по крайней мѣрѣ, почему это *мнѣ именно* приходится подвергать себя этимъ истязаніямъ? Да, да, я не стыжусь признаться, что для меня было бы истязаніемъ жить въ рубищѣ, въ нечистотѣ. Не стыжусь, потому что признаю законность извѣстныхъ культурныхъ потребностей для человѣка на извѣстномъ культурномъ уровнѣ. Безъ удовлетворенія этихъ потребностей (иному столь же необходимыхъ, какъ вашъ кусокъ хлѣба), нельзя сохранить бодрость тѣла и духа; не принудишь себя развернуть полную энергію въ работѣ... какъ никакими убѣжденіями не заставишь человѣка, изнуреннаго голодомъ, перетаскивать тяжести... Что же вы молчите? Я васъ спрашиваю: чего ради мнѣ... ровно нигуда не «собирающейся», предписывается, да еще такъ авторитетно, подобный режимъ?

— А хотя бы ради школы.

— Школы! — натянута разсмѣялась Фреда, не слушая горячившуюся Машу. — Школы, которая должна выучить птицъ дышать водою и бабочекъ рыть норы! Не правда ли? Эхъ, одного вы не хотите принять въ расчетъ, господа, что не такъ-то легко уложить на Прокустовомъ ложѣ вашихъ «должно» индивидуальность съ ея влеченіями и дарованіями, разнообразными, какъ сами люди. Для натуръ тонко организованныхъ эти ваши пролики — абсурдъ, рабство, жизнь стада!... И не запугать вамъ ими тѣхъ *inquiets chercheurs, délicats*, которымъ мало, мало, — слышите, — вашего насыщенія первыхъ потребностей, которые требуютъ цвѣта, аромата отъ жизни, и сами даютъ ихъ жизни.

Подобная откровенная проповѣдь жизнерадостности долго отпугивала Хмарова отъ Фреды: онъ боялся, что въ лицѣ ея онъ навяжетъ себѣ на шею жену-куколку, неземное существо, созданное для радостей и благоуханій и, слѣдовательно, долженствующее навѣрное знать впередъ, что ей и завтра, и послѣ завтра, и вообще, пока Господь въку пошлетъ, обеспечены якия радости и благоуханія.

Но въ концѣ концовъ Хмаровъ понялъ, что Фреда вовсе не такая куколка, для которой ничего не существовало бы въ жизни, кромѣ шелковъ, да бархатовъ. Въ томъ и бѣда наша, что мы постоянно вращаемся между крайностями, воображая, что внѣ ихъ ничего не существуетъ на свѣтѣ. Такъ въ малѣйшемъ розовомъ бантикѣ на головѣ женщины, въ мало-мальски приличномъ мужскомъ костюмѣ, двухъ-трехъ картинахъ на стѣнѣ нашего жилища мы готовы усматривать филистерство, буржуизмъ. Мы никакъ

не можемъ понять, что благоразумное пользованіе всѣми дарами природы и культуры нисколько и не отрицаетъ высшихъ идеаловъ альтруизма и не мѣшаетъ ихъ осуществленію. Казалось бы ясно, какъ день, что тѣмъ выше нашъ подвигъ, чѣмъ большаго лишаемся мы въ жизни для его совершенія. Нѣтъ, намъ представляется, что мы неспособны ничего совершить маломальски порядочнаго, пока не доведемъ себя до того, чтобы ничего намъ не было бы ни дорого, ни жалко. Не замѣчаемъ мы также и того, что для весьма многихъ нашихъ квази-идеальныхъ людей весь ихъ идеализмъ, всѣ цѣли жизни тѣмъ только и исчерпываются, что надѣннуть они какое-нибудь самое что ни на есть жалкое рубище, служащее для нихъ своего рода мундиромъ, и воображаютъ, что этимъ однимъ они попали въ циклъ праведниковъ, и начинается высокомерное презрѣніе по адресу жалкихъ, ничтожныхъ людишекъ, неспособныхъ отрѣшиться отъ побрякушекъ житейской суеты.

Когда Хмаровъ уяснилъ себѣ эти истины, ничто не помѣшало ему послѣдовать естественному влеченію своей молодой страсти и безбоязненно предложить Фредѣ руку и сердце.

А. Скабичевскій.

Роль зеленого растенія въ экономіи природы *).

II.

Наша земля уже очень древняя старушка. Милліоны лѣтъ, протекшихъ со времени проявленія первыхъ проблесковъ органической жизни, не прошли даромъ. Постепенно и незамѣтно для современниковъ совершаются и теперь на земной поверхности измѣненія. Никто, конечно, не можетъ дать точнаго описанія происхожденія земли, но мы можемъ составить объ этомъ понятіе наблюденіемъ аналогичныхъ космическихъ процессовъ, совершающихся въ звѣздныхъ мірахъ. Въ наше время астрономія сдѣлала громадныя успѣхи; основываясь на ея телескопическихъ наблюденіяхъ и безошибочныхъ вычисленіяхъ, построили аналогичную гипотезу о происхожденіи земли и ея дальѣйшей исторіи. Идея эволюціи земли представляетъ жизнь нашей планеты, какъ постепенный переходъ отъ неопредѣленнаго состоянія къ опредѣленному, отъ простыхъ формъ къ сложнымъ и указываетъ на взаимодействие мировыхъ законовъ вселенной, какъ на причину этого процесса. Согласно съ этой общепринятой научной гипотезой, солнце съ своей планетной системой представляло вначалѣ сгустившуюся туманность. Земля, отделившись отъ уплотнивагося центра туманности, представляла расплавленную массу, имѣвшую много тысячъ градусовъ тепла. Раскаленная масса, вследствие постоянного охлажденія съ поверхности излученіемъ тепла отъ соприкосновенія съ холоднымъ мировымъ пространствомъ, начала остывать, появилась земная кора и атмосфера. Въ этотъ періодъ остыванія раскаленныхъ тѣлъ и газовъ должны были появиться весьма разнообразныя вещества съ большимъ запасомъ потенциальной энергіи, каковы цѣаністыя соединенія, ацетиленъ, бензолы, весьма вѣроятно было также образованіе азотной кислоты. Тогда же могли образовываться и углеводороды нефти, асфальты, которые и въ настоящее время являются органическими веществами неорганическаго происхожденія. Большое количество веществъ съ запасомъ энергіи могли послужить къ возникновенію органическихъ тѣлъ съ очень сложнымъ молекулярнымъ строеніемъ.

*) Русская Мысль, кн. X, 1900 г.

Самозарождение, т.-е. развитіе организмовъ изъ неорганической природы, въ настоящее время, при современныхъ намъ условіяхъ, безусловно отрицается наукой. Однако логика требуетъ признанія такого момента въ исторіи земли, когда должна была зародиться органическая жизнь. Каковы были первые организмы и какъ они возникли, мы, конечно, не можемъ составить объ этомъ точныхъ представленій. Физиологія первичныхъ организмовъ была своеобразна и, вѣроятно, ни одинъ изъ современныхъ намъ типовъ живыхъ существъ не можетъ дать ни малѣйшаго представленія о формахъ жизни и бытѣ этихъ первообитателей нашей планеты. Обстановка появленія жизни въ тѣ первобытныя времена была совершенно отлична отъ современной. Дышать, какъ мы понимаемъ этотъ процессъ, было нечѣмъ, свободный кислородъ если и былъ, то въ недостаточномъ для дыханія количествѣ.

Къ азоту и углекислотѣ атмосферы примѣшивались летучія соединенія углерода съ водородомъ, углерода съ водородомъ и азотомъ и многіе другіе газы. Если на старѣйшихъ планетахъ были въ то время мыслящіе наблюдатели, производившіе спектральныя изслѣдованія атмосферы земли, то они, надо полагать, такъ же удивлялись своеобразному ея составу, какъ въ настоящее время земные наблюдатели недоумѣваютъ по поводу спектровъ поглощенія атмосферой планеты Юпитера. Атмосфера земли была насыщена парами воды. Въ верхнихъ холодныхъ слояхъ атмосферы плавали безпримѣтные скопленія облаковъ; электрическое напряженіе ихъ достигало необычайной силы. Частые ливни орошали свѣжеостывшую кору земли, сопровождаясь неувѣрными грозowymi явленіями. Тонкая еще земная кора подъ напоромъ подземныхъ силъ часто вздувалась и лопалась, извергая изъ своихъ нѣдръ расплавленную лаву. О грандіозности этихъ первобытныхъ изверженій не могутъ дать представленіе ни Везувій, залившій лавой и засыпавшій пепломъ Геркуланумъ и Помпею, ни величайшіе изъ современныхъ дѣйствующихъ вулкановъ. Постоянно разрыхляемая и размываемая поверхность земли никогда не просыхала.

Въ такой-то обстановкѣ, какая неизбежно рисуется намъ, какъ логическій выводъ изъ данныхъ современнаго естествознанія, и зарождалась первобытная жизнь, первобытная протоплазма. Очаговъ зарожденія жизни, вѣроятно, было много. Жизнь внесла съ собой и начала отбора наиболѣе приспособленныхъ къ даннымъ условіямъ существованія и слѣдовательно начала совершенствованія. Не соотвѣтствовавшіе даннымъ условіямъ существованія организмы погибали, а оставались лишь наиболѣе приспособленные по своему строенію къ обстановкѣ ихъ зарожденія. Палеонтологическія изысканія древнѣйшихъ пластовъ земли обнаруживаютъ животныхъ сравнительно высоко организованныхъ, которыя могли жить лишь на счетъ веществъ, родѣ растительной пищи. Всѣ остатки предполагаемой органической жизни предшествующихъ періодовъ, которые могли бы выяснитъ истинный ходъ развитія жизни на землѣ, повидимому, совершенно исчезли.

Съ появленіемъ живыхъ организмовъ должно было, вслѣдствіе ихъ жизнедѣятельности, начаться и постепенное очищеніе атмосферы отъ тя-

желыхъ примѣсей. Первоорганизмы были вѣроятно анаэробы, т.-е. способные жить безъ кислорода, какъ многіе изъ современныхъ намъ бактерій, наприм., бактерій маслянаго броженія, удивляющіе насъ своей своеобразной способностью существовать въ средѣ, совершенно лишенной свободного кислорода. За первоорганизмами появились и прародители современныхъ намъ зеленыхъ растеній, начавшіе подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей разлагать углекислоту воздуха и выдѣлять кислородъ *).

Появленіе кислорода обусловило возможность развитія на землѣ животныхъ, дышащихъ кислородомъ, сперва слабодышащихъ, которымъ не вредила тяжелая атмосфера, наполненная вредными газами, а потомъ, когда количество углекислоты уменьшилось, могли появиться и теплокровныя животныя, нуждающіяся въ большомъ количествѣ кислорода.

Происхожденіе зеленыхъ растеній внесло новый факторъ въ природу, обусловившій постепенное уменьшеніе углекислоты первобытной атмосферы, которое было вначалѣ необыкновенно велико. Въ настоящее время анализъ воздуха показываетъ, что на 100 объемовъ его приходится 79 объемовъ азота съ примѣсью аргона и другихъ новооткрытыхъ газовъ, 21 безъ малаго объема кислорода, а углекислоты всего лишь 0,03 объема.

Если мы теперь измѣряемъ количество этого газа въ атмосферѣ въ 126,240 милліардовъ пудовъ, то въ первобытныя времена углекислоты должно было быть въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе **).

Въ самомъ дѣлѣ, все то количество углекислоты, которое скрыто теперь въ нѣдрахъ земной коры въ формѣ массовыхъ горныхъ породъ, состоящихъ изъ раковинъ углекислой извести, коралловъ, моллюсковъ и другихъ подобныхъ организмовъ, попало туда изъ углекислоты воздуха. Растенія вырвали углеродъ углекислоты въ органическое пищевое вещество, кото-

*) Вегерникъ въ 90 г. показалъ, что нѣкоторые простѣйшіе организмы (водоросли) могутъ разлагать углекислоту въ бескислородной средѣ.

**) Составъ атмосферн:

Въ вѣсов. част. воздуха содержится:	азота съ аргономъ и т. д.	76,91
	кислорода.	23,05
	углекислоты.	0,04

Давленіе атмосферы уравнивается столбомъ ртути въ 760 мм.

Вѣсъ всей атмосферы . . .	315.600.000.000.000 пуд.
„ кислорода.	73.200.000.000.000 „
„ углекислоты.	126.240.000.000,000 „

Количество содержащагося въ углекислотѣ углерода, равное 34.429.000.000,000 пудамъ, заняло бы лишь 244 куб. вер. (принимая удѣльный вѣсъ углерода за 2).

Вѣсъ углекислоты надъ десятиной.	2289 п.
„ углерода въ углекислотѣ надъ десят. . .	618 „

Углекислота атмосферы при барометрическомъ давленіи въ 760 м. можетъ покрыть землю слоемъ въ 0,98 сажени толщиной.

Углеродъ, выдѣленный изъ углекислоты атмосферы, покрылъ бы землю слоемъ толщиной лишь въ 0,56 миллиметра.

рое послужило пищею животным; послѣднія, окисливъ въ своемъ тѣлѣ пищу въ процессѣ дыханія, выдѣлили ее въ формѣ углекислой извести, такъ что вся эта углекислота известняковыхъ горныхъ породъ въ отдаленныя былыя времена составляла часть атмосферы. Затѣмъ вся необъятная масса залежей каменнаго угля, антрацита, торфа является продуктомъ жизнедѣятельности зеленыхъ растений, проявившейся въ теченіе временъ, измѣряемыхъ милліонами лѣтъ геологическихъ эпохъ.

Очищеніе атмосферы отъ тяжелыхъ газовъ и углекислоты повело за собою измѣненіе климатическихъ условій. Даже то ничтожное количество углекислоты въ атмосферѣ, которая наблюдается теперь въ размѣрѣ 0,03%, по объему и которая покрыла бы земную поверхность лишь слоемъ въ 0,98 сажени газообразной углекислоты, имѣетъ большое значеніе, какъ климатическій факторъ, обуславливая задержку ночного и зимняго охлажденія земли.

Въ послѣднее время шведскій ученый Свантъ Арреніусъ попробовалъ высчитать, что стало бы съ нашимъ климатомъ, если бы содержаніе углекислоты въ атмосферѣ измѣнилось, нѣсколько уменьшившись или нѣсколько увеличившись. Если бы количество углекислоты уменьшилось лишь на одну треть противъ теперешняго, т.-е. облекало бы землю слоемъ лишь въ 0,65 саж. вмѣсто 0,98 саж., какъ въ настоящее время, то по вычисленію Арреніуса средняя годовичная температура земного шара всюду стала бы холоднѣе нѣсколько болѣе, чѣмъ на 3 градуса. Существующее въ настоящее время въ Гренландіи, Шпицбергенѣ, на сѣверѣ Новой земли, оледенѣніе приняло бы гораздо болѣе грандіозныя размѣры и спустилось бы до широты Архангельска, а въ Сѣв. Америкѣ расширило бы свои предѣлы съ сѣверо-восточныхъ острововъ на главный материкъ. Такимъ образомъ для сѣвера Европы, Азіи и Сѣверной Америки повторился бы до нѣкоторой степени климатъ когда-то бывшаго въ этихъ мѣстностяхъ ледниковаго періода. Наоборотъ, если бы содержаніе углекислоты увеличилось вдвое, то этотъ излишекъ углекислоты прикрылъ бы землю, какъ чехломъ, задерживающимъ часть тепла, излучивающагося въ пространство; вслѣдствіе этого годовичная температура всюду повысилась бы на 6 градусовъ, что обусловило бы появленіе въ нашихъ широтахъ такихъ растений, какъ араукарія, магнолія, цикасы, пинія, нѣкоторыя пальмы. Словомъ повышеніе содержанія углекислоты въ воздухѣ превратило бы суровый климатъ негостепріимнаго сѣвера въ благодатный югъ и возвратило бы нашимъ широтамъ роскошныя времена когда-то бывшаго здѣсь эоценоваго періода. При этомъ такое увеличеніе количества углекислоты въ воздухѣ не произвело бы замѣтнаго вліянія на наше здоровье, такъ какъ мы въ нашихъ жилищахъ, при отсутствіи правильной вентиляціи, дышимъ въ теченіе многихъ зимнихъ мѣсяцевъ воздухомъ, отравленнымъ гораздо большимъ количествомъ углекислоты.

Несмотря на постоянно продолжающуюся жизнь зеленыхъ растений на счетъ углекислоты воздуха, эта послѣдняя однако все еще не истреблена, хотя при такомъ небольшомъ количествѣ углекислоты въ атмосферѣ, ра-

стительность земного шара могла бы израсходовать весь имѣющійся запасъ ея въ теченіе лишь нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, отложивъ его въ формѣ запасовъ углерода, годнаго для топлива, въ количествѣ не болѣе $34\frac{1}{2}$ билліоновъ пудовъ. Очевидно, въ природѣ существуютъ постоянные обильные источники образованія углекислоты, которые поддерживаютъ ея балансъ въ атмосферѣ приблизительно на одномъ и томъ же уровнѣ.

Такихъ источниковъ много. Главнѣйшимъ источникомъ образованія ея служатъ процессы гніенія и тлѣнія, являющіеся результатомъ жизнедѣятельности низшихъ растительныхъ организмовъ, вродѣ бактерій. Эти растительные органы, мельчайшіе настолько, что количество ихъ въ полмилліарда штукъ могло бы уміститься въ объемѣ булавочной головки, являются наиболѣе важнымъ факторомъ природы въ образованіи углекислоты. При посредствѣ бактерій и другихъ сапрофитовъ всякій трупъ, какъ животный, такъ и растительный послѣдовательно въ процессѣ гніенія превращается въ углекислоту воздуха, воду, азотъ и золу. Явленія гніенія и тлѣнія совершаются всюду на земной поверхности, гдѣ вѣчно жизнь смѣняется смертью. Не будь бактерій, наша земля неминуемо превратилась бы въ непроходимое кладбище, заваленное нетлѣнными трупами. Наконецъ, та углекислота, которая связана въ известнякахъ въ формѣ горныхъ породъ, содержащихъ углекислую известь, благодаря жизнедѣятельности нѣкоторыхъ почвенныхъ бактерій, образующихъ азотную кислоту, опять возвращается въ атмосферу въ формѣ газообразной углекислоты.

Вторымъ важнымъ источникомъ образованія углекислоты служитъ дыханіе живыхъ существъ. Человѣчество, животные и сами растенія поглощаютъ кислородъ воздуха въ процессѣ дыханія и выдыхаютъ углекислоту. Дыханіе, какъ окисленіе углерода въ тѣлѣ живыхъ существъ и выдѣленіе его въ формѣ углекислоты, является весьма существеннымъ жизненнымъ факторомъ, дающимъ организмамъ массу энергіи и обогащающимъ атмосферу углекислотой. Напримѣръ, каждый человѣкъ за сутки выдыхаетъ 500 литровъ углекислоты, что вѣситъ около 2,4 фунта.

Считая все человѣческое населеніе земного шара въ полтора милліарда душъ, мы простымъ умноженіемъ найдемъ, что все человѣчество выдыхаетъ ежегодно около 33,750 милліоновъ пудовъ. Еще болѣе значительное количество углекислоты поступаетъ въ атмосферу вслѣдствіе дыханія животныхъ высоко и низко организованныхъ и дыханія растеній.

Третьимъ источникомъ образованія углекислоты будетъ вулканическая дѣятельность. Какъ велико количество углекислоты, выдѣляемой при изверженіяхъ вулкановъ, изъ трещинъ вродѣ «собачьей пещеры» въ окрестностяхъ Неаполя, въ естественныхъ подземныхъ водахъ вродѣ источниковъ Нарзанъ, горячихъ ключей и т. п., разсѣянныхъ въ горныхъ вулканическихъ мѣстностяхъ всего земного шара, конечно, трудно учесть; но не подлежитъ сомнѣнію, что количества эти очень значительны.

Помимо этихъ природныхъ источниковъ образованія углекислоты въ послѣднее столѣтіе, человѣческая дѣятельность создала еще одинъ факторъ,

съ каждымъ годомъ развивающійся все болѣе и болѣе—это фабрично-заводская промышленность съ десятками тысячъ заводовъ, фабрикъ, сотнями тысячъ локомотивовъ, паровозовъ, пароходовъ. Этому фактору предсказываютъ громадную будущность. И теперь уже существуютъ заводы вроде всемірно извѣстнаго пушечнаго завода Круппа, на которомъ ежедневно сжигается каменнаго угля (2.300,000 килло) до 140,000 пуд. Слѣдующія цифры, собранныя Вильямсомъ, ясно говорятъ о гигантскомъ ростѣ разработки и потребления каменнаго угля на земномъ шарѣ.

Въ 81 г. 360 мил. тоннъ (21,600 мил. пуд.)

» 84 » 400 » » (24,000 » »)

» 90 » 530 » » (31,800 » »)

Въ послѣдніе годы количества эти еще болѣе возросли и достигаютъ около 36,000 мил. пуд. за годъ, что при сжиганіи даетъ ежегодно болѣе 100 миллиардовъ пудовъ углекислоты. Однимъ изъ факторовъ обогащенія атмосферы углекислотой служить и рудное дѣло, расширяющееся теперь благодаря потребленію каменнаго угля.

Въ природѣ существуютъ нѣкоторые процессы, благодаря которымъ понижается содержаніе кислорода и углекислоты въ атмосферѣ, именно при вывѣтриваніи горныхъ породъ, далѣе предполагаемое остываніе нѣдръ земли, по мнѣнію геологовъ, также влечетъ за собою неизбежныя химическіе процессы окисленія на счетъ кислорода воздуха. Въ самомъ дѣлѣ всѣ минералы, большинство рудъ непремѣнно содержатъ кислородъ. При процессѣ остыванія нѣдръ земли, а также при изверженіи вулкановъ, когда расплавленные массы выступаютъ наружу, они неизбежно поглощаютъ кислородъ и воду. Не будь руднаго производства, этотъ процессъ могъ бы угрожать безвозвратною убылью извѣстной доли кислорода; однако человѣкъ, благодаря развивающемуся горному дѣлу, самъ теперь до нѣкоторой степени регулируетъ составъ атмосферы. Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ, собраннымъ Сванкомъ, въ 1882 г. выработано желѣза и стали 1.617.780,000 пудовъ (26.963,000 т.), а въ 1890 г. свыше 1,000 мил. пуд. (30 мил. т.). Желѣзо добывается обжиганіемъ руды. Для полученія каждаго пуда желѣза необходимо сжечь около полутора пудовъ руды, состоящей въ громадномъ большинствѣ рудъ изъ желѣза и кислорода. Слѣдовательно, производствомъ желѣза вносится ежегодно въ атмосферу около 800 мил. п. выдѣленнаго изъ нѣдръ земли, бывшаго тамъ недѣйственнымъ, кислорода. При процессѣ обжиганія руды кислородъ выдѣляется связаннымъ съ углеродомъ топлива въ видѣ углекислоты. Большинство другихъ обрабатываемыхъ рудъ, какковы, наприм., мѣдныя (купритъ, малахитъ), цинковыя (галмее) также содержатъ кислородъ, освобождающійся подобнымъ же образомъ при обработкѣ и соединяющійся съ углеродомъ въ углекислоту. При добычѣ известнаго насильственнаго отнятіе углекислоты отъ известняковъ ведетъ также къ увеличенію запаса дѣйствительнаго кислорода атмосферы. При обработкѣ рудъ происходитъ, слѣдовательно, возвратъ кислорода въ атмосферу. Благодаря горнозаводской дѣя-

тельности кислородъ, лежавшій въ землѣ въ качествѣ мертвого капитала, освобождается и вносится связаннымъ съ углекислотой въ атмосферу, а здѣсь зеленныя растенія съ помощью солнечнаго свѣта разлагаютъ углекислоту и выделяютъ кислородъ уже въ свободномъ видѣ, создавая этимъ громадный запасъ потенциальной энергіи. Человѣчество со своей фабрично-заводской промышленностью оказывается такимъ образомъ весьма дѣятельнымъ факторомъ въ обогащеніи атмосферы земли углекислотой. Зеленныя растенія, поглощающія углекислоту съ помощью свѣта и выделяющія кислородъ, съ одной стороны, а всѣ перечисленные факторы, обуславливающіе образованіе углекислоты, съ другой стороны, стоятъ другъ противъ друга, какъ два вѣчно борющихся начала, какъ древніе Ормуздъ и Ариманъ. Зеленный океанъ растеній въ союзѣ съ живительными лучами солнца, какъ олицетвореніе началъ добра, всегда бралъ перевѣсъ и успѣшно боролся съ порчемъ воздуха. И въ настоящее время, несмотря на неизбежное слѣдствіе постоянно прогрессирующаго развитія фабрично-заводской промышленности съ милліонами машинъ, выбрасывающихъ милліарды пудовъ углекислоты въ атмосферу, мы все же не имѣемъ ни малѣйшаго основанія бояться увеличенія количества углекислоты въ воздухѣ до вреднаго предѣла.

По ученію гигиенистовъ воздухъ долженъ считаться лишь тогда вполне чистымъ, когда онъ содержитъ не болѣе 3 частей по объему углекислоты на 10,000 частей воздуха. Если бы содержаніе углекислоты повысилось втрое, то воздухъ оказался бы уже тяжелымъ для дыханія, такъ какъ венозная кровь не могла бы вполне освобождаться въ легкихъ отъ избытка углекислоты. Въ счастью для насъ такого избытка въ углекислотѣ не можетъ быть, такъ какъ блюстителемъ санитарнаго состоянія нашей атмосферы является зеленая растительность и свѣтъ солнца. Энергія ихъ вѣчна и неиссякаема.

Но, можетъ быть, растенія не сумѣютъ справиться съ ежегодно увеличивающимися поступленіями углекислоты? Въ этомъ отношеніи однако мы можемъ быть утѣшены, такъ какъ данныя фізіологіи говорятъ за то, что зеленныя растенія тѣмъ съ большей энергіей поглощаютъ углеродъ изъ углекислоты атмосферы, чѣмъ больше этой углекислоты имѣется; конечно, это увеличеніе углекислоты для растеній можетъ совершаться съ благоприятнымъ исходомъ лишь до нѣкотораго предѣла. Если количество углекислоты будетъ увеличиваться въ воздухѣ, вслѣдствіе усиливающейся фабрично-заводской промышленности, то, прежде чѣмъ наступитъ предѣльное для растеній отравляющее количество углекислоты, человѣчество само начнетъ ощущать вредное вліяніе избытка углекислоты и сумѣетъ принять свои мѣры для ограниченія зла. Содержаніе углекислоты въ количествѣ 1 объема на 100 объемовъ воздуха, слѣдовательно, въ 30 разъ болѣе, чѣмъ ее находится въ настоящее время въ атмосферѣ, оказывается уже безусловно вреднымъ для человѣка, такъ какъ при этомъ количествѣ нарушаются важнѣйшія условія обмѣна газовъ въ крови, что выражается головной болью и упадкомъ силъ; дальнѣйшее увеличеніе ведетъ уже къ отрав-

ленію и явленіямъ удушенія. Между тѣмъ опыты фізіологовъ единогласно устанавливаютъ фактъ, что прибыль количества углекислоты въ воздухѣ усиливаетъ процессъ отложенія углерода въ формѣ крахмала. Искусственное повышение до 3° выѣсто существующихъ теперь 0,03, слѣдовательно, въ 100 разъ больше противъ теперешняго, при которомъ человѣкъ не въ состояніи уже существовать, такое увеличеніе углекислоты, по даннымъ фізіологін, въ результатѣ могло бы сказаться лишь въ необыкновенномъ накопленіи растеніями органическаго вещества.

Со времени первыхъ точныхъ опредѣленій состава атмосферы, сдѣланныхъ еще Гей-Люсакомъ, прошло уже болѣе 80 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ составъ атмосферы много разъ перемаслѣдовался, и оказывается, что за этотъ промежутокъ времени составъ воздуха не претерпѣлъ существенныхъ измѣненій. Конечно, промежутокъ времени въ 80 лѣтъ очень ничтоженъ для сужденія объ измѣняемости атмосферы, и вопросъ о степени возможнаго колебанія количества углекислоты въ настоящее время не можетъ быть рѣшенъ, но всѣ данныя фізіологін говорятъ въ пользу того, что человечеству нечего бояться увеличенія углекислоты въ воздухѣ. Пока свѣтитъ солнце, мы живемъ подъ защитой нашихъ кормильцевъ — зеленыхъ растеній. Если даже потребленіе каменнаго угля усилится въ 1,000 разъ (что должно было бы повести къ увеличенію содержанія углекислоты въ атмосферѣ лишь вдвое противъ теперешняго его содержанія), количество углекислоты въ воздухѣ все же не увеличится, такъ какъ живыя зеленыя растенія при первыхъ же лучахъ солнца начнутъ соотвѣтственно съ болѣею энергіей отлагать углеродъ углекислоты въ запасъ на пользу жизни на землѣ, а кислородъ опять возвратятъ въ атмосферу.

Слѣдовательно, если ростъ фабрично-заводской промышленности и поведетъ къ повышенію содержанія углекислоты въ атмосферѣ, то этотъ процессъ не только не угрожаетъ благополучію человечества, но, наоборотъ, послѣдствіемъ его будетъ лишь увеличеніе урожаявъ на поляхъ и въ лѣсахъ, къ чему направлены соединенныя усилія агрономовъ всего культурнаго міра.

Попробуемъ теперь сдѣлать общій итогъ созидающей дѣятельности растеній. Если мы предположимъ, что лишь половина суши, слѣдовательно, 6½ милліардовъ десятинъ годны для роста растеній (хотя въ дѣйствительности годно гораздо большее количество земли) и могутъ производить лишь 225 пудовъ органическаго вещества на десятину, что соотвѣтствуетъ урожаюмъ ниже среднихъ большинства земель или, пересчитывая на углеродъ, по 100 пудовъ углерода въ годъ, то при такомъ намѣренно пониженномъ расчетѣ получаемого на землѣ количества органическаго углерода все же получимъ необычайно громадную его массу въ размѣрѣ 600 милліардовъ пудовъ. Эта цифра значительно ниже дѣйствительно получаемого углерода въ культурныхъ земляхъ, о чемъ можно судить по статистическимъ даннымъ. Такъ, наприм., въ Соединенныхъ Штатахъ (по Mulhall'ю) собирается сѣна (пересчитываю въ русскихъ мѣрахъ) на десятину 244 пуда, картофеля со-

бѣрается тамъ же 33 четверти или около 200 пуд. на десятину, не считая ботвы и корней. Пшеница даетъ въ Россіи въ среднемъ зерна по 50 пуд. на десятину и соломы съ листьями и корнями около 150 пудовъ. Средній урожай сахарнаго тростника на островѣ Кубѣ даетъ одного лишь чистаго сахара по 150 пуд. на десятину, а всего органическаго вещества по 4,000 пуд. съ лишкомъ на десятину *). Наша цифра 600 миллиардовъ органическаго углерода соответствуетъ лишь урожаямъ ниже посредственныхъ, какія получаются на земляхъ малокультурныхъ. Объ этой массѣ углерода можно составить себѣ представленіе потому, что на каждого жителя земли, предположивъ земное населеніе увеличившимся до двухъ миллиардовъ, при нашемъ расчетѣ придется 300 пудовъ чистаго углерода или около 700 пуд. сухого органическаго вещества въ годъ. Такое количество растительнаго органическаго вещества, при цѣлесообразной эксплуатаціи земель и при цѣлесообразномъ пользованіи, съ избыткомъ могло бы покрыть всѣ современные потребности каждого человѣка въ пищу, вровѣ, комфортѣ, способахъ передвиженія и т. д. и могло бы даже замѣстить современную добычу каменнаго угля, котораго въ общемъ мировомъ расходѣ приходится около 20 пудовъ на каждого земного жителя.

Значительнѣйшая часть ежегодно получаемаго на землѣ органическаго вещества идетъ мимо человѣчества, непродуцируемо сгнивая и, слѣдовательно, возвращаясь опять въ атмосферу, не производя никакой полезной для человѣчества работы.

Потребности каждого человѣческаго существа не малы. Демонстрируемая табличка наглядно показываетъ въ сравнительныхъ цифрахъ потребности въ хлѣбѣ, мясѣ и другихъ продуктахъ.

*Потребленіе пищи на жителя въ годъ въ англійскихъ фунтахъ
(1 русск. ф. = 0,9 англ. ф.).*

Государства.	Зерн. хлѣбъ.	Масл.	Масло олив.	Са- харъ.	Карто- фель.	Солъ.	Чай, кофе. Въ унц.
Россія	635	51	5	11	180	19	6
Германія	550	64	8	18	1,020	17	78
Франція	540	77	8	20	570	20	66
Австралія (колоніи) .	440	276	21	77	310	—	134
Италія	400	26	4	8	50	18	20
Англія	378	109	19	75	380	40	91
Американск. Соед. Шт.	370	150	20	53	170	39	162

*) Не безынтересно, конечно, составить понятіе о максимальныхъ урожаяхъ: зерни., въ Россіи для озимой ржи показанъ максимумъ въ 25—27 четвертей на десятину (до 239 пуд. зерна); озимая и яровая пшеница до 20 четвертей (до 190 пуд. зерна); овесъ до 35 четвертей (190 пуд.); кукуруза до 30 четвертей. Максимальный урожай для пшеницы во Франціи показанъ въ 72 гектолитра на гектаръ, что составляетъ около 350 пуд. зерна на десятину. Опыты съ нѣкоторыми сортами сахарнаго

Англійскіе колонисты въ Австраліи сѣдають каждый по 276 англійскихъ фунтовъ мяса въ годъ. Чтобы получить такое количество мяса, необходимо скормить убойному животному не менѣе 30 пудовъ ржаной муки. Русскій является настоящимъ вегетаріанцемъ: на его долю приходится 635 англійскихъ фунтовъ зерновой пищи, въ то время какъ мяса онъ сѣдаетъ лишь по 51 фунту въ годъ; итальянецъ ѣстъ меньше всѣхъ, сѣдая въ годъ лишь 26 фунтовъ мяса и 400 фунтовъ зерна. Конечно, такая пищевая потребность въ мясѣ и хлѣбѣ болѣе полутора миллиардовъ жителей на землѣ ведетъ къ преобразованію всего облика земли изъ некультурной въ культурную, изъ дикихъ дѣйственныхъ лѣсовъ, естественныхъ степныхъ луговъ, джунглей Индіи, прерій, саваннъ и пампасовъ Америки—въ плантаціи, нивы, пашни, луга, въ таксированныя лѣсныя площади. Дикая почва становится культурной, искусственно удобряется съ цѣлю повышенія урожая хлѣбныхъ, кормовыхъ, техническихъ, строевыхъ и т. п. растений. Слѣдующія цифры могутъ намъ показать, какъ съ повышеніемъ культуры количество некультурныхъ земель уменьшается. Такъ въ Даніи изъ 9 милліоновъ акровъ 7 милліоновъ культурной земли и всего 2 милліона акровъ некультурныхъ. Во Франціи культурныхъ земель почти въ $1\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ некультурныхъ (90 милліоновъ культурныхъ и 40 милліоновъ некультурныхъ). Въ Соединенномъ королевствѣ (Англія) культурныхъ земель уже болѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза (48 милліоновъ культурныхъ и 30 некультурныхъ). Въ Германіи почти столько же культурныхъ земель, сколько и некультурныхъ (65 милліоновъ акровъ культурныхъ и 68 некультурныхъ), а въ Россіи, наоборотъ, количество некультурной земли еще значительно преобладаетъ надъ культурными (345 милліоновъ акровъ культурныхъ и 899 милліоновъ некультурныхъ земель).

Соотвѣтственно съ повышеніемъ культуры повышается и урожайность. Такъ по вычисленіямъ профессора Фортунатова съ 1885—90 г. въ Даніи съ десятины получается въ среднемъ 16,95 четвертей, Англіи—13,96 четв., Германіи—8,9 четв., во Франціи 8 четв., а Россія получаетъ всего около 5 четвертей на десятину. Повышеніе средней урожайности зависитъ такимъ образомъ отъ степени культуры страны.

Агрономія, наука о цѣлесообразномъ пользованіи землей, выработала уже цѣлый рядъ пріемовъ для повышенія урожая, состоящихъ въ особой подготовительной обработкѣ земли для cadaго вида культурнаго растенія и въ цѣлесообразномъ удобреніи. Многочисленныя, прекрасныя фотографіи культуръ злаковъ и другихъ кормовыхъ растений, сдѣланныя Вагнеромъ, директоромъ агрономической станціи въ Дармштадтѣ, убѣдительношимъ образомъ доказываютъ пользу цѣлесообразнаго удобренія *).

тростника (Австралія Волонгбаръ) показали возможность полученія 75,5 англійскихъ тоннъ на акръ, что составляетъ свыше 12,500 пудовъ стеблей на десятину. Сахарное сорго въ Алжирѣ даетъ до 5,000 пудовъ на десятину; кукуруза на зеленый кормъ до 7,000 пудовъ на десятину.

*) Вліяніе правильнаго удобренія оказывается слѣдующимъ образомъ:

Особо рѣзко выступаетъ вліяніе удобренія селитрой для хлѣбныхъ злаковъ. На знаменитой Ротамстедской фермѣ въ Англіи, гдѣ научные земледѣльческіе опыты ведутся уже болѣе 60 лѣтъ, въ послѣднее тридцатилѣтіе стали примѣнять удобреніе селитрой, что значительно повысило урожайность. Въ то время, какъ въ первое тридцатилѣтіе хозяйства на этой фермѣ при отсутствіи удобренія урожай пшеницы опредѣлялся лишь въ 11,9 бушелей на акръ (5,3 четверти на десятину), въ послѣдніе годы посѣва пшеницы при удобреніи тѣхъ же полей значительнымъ количествомъ селитры вмѣстѣ съ солями калия и фосфорной кислоты давали уже въ среднемъ по 18 четвертей, что составляетъ около 180 пудовъ одного зерна на десятину.

При повторныхъ сборахъ урожая съ одного и того же участка земли почва истощается, растворимыя въ ней зольныя вещества поступаютъ въ растенія и такимъ образомъ уносятся изъ нея. Выбывшія изъ почвы соли калия, фосфорной кислоты, неорганическія соединенія азота безусловно должны быть возмѣщены, въ противномъ случаѣ земля не дастъ урожая. Соединенія калия, кальція, сѣры и фосфора разсѣяны всюду, добыча и переработка этихъ веществъ сравнительно не затруднительна, но соединенія азота въ природѣ очень рѣдки и добыча связаннаго азота соединена съ большими затратами.

Запасъ газообразнаго азота въ природѣ неистощимо великъ, но, будучи газомъ, онъ не имѣетъ никакой цѣны. Газъ этотъ чрезвычайно инертенъ и вступаетъ въ соединенія съ другими веществами только при условіи затраты значительнаго количества посторонней энергіи. Даже съ кислородомъ азотъ вступаетъ въ соединеніе лишь при поглощеніи энергіи при электрическихъ разрядахъ во время грозъ, образуя въ присутствіи воды азотную кислоту. Азотъ, соединяясь съ кислородомъ, горитъ, но лишь при условіи болѣе высокой внѣшней температуры, чѣмъ температура пламени самого азота въ кислородѣ. Только благодаря этому счастливому обстоятельству зажженное пламя азота не распространяется пожаромъ по всей атмосферѣ и не служитъ причиной затопленія всего міра въ волнахъ азотной кислоты. Вступая въ соединеніе лишь при поглощеніи энергіи, азотъ легко освобож-

	Зерна.	Соломы.
Ржи получено (на опытнойъ полѣ въ Дармштадтѣ) съ десятины безъ удобренія	113 пуд.	244 пуд.
„ при удобреніи 13-ю пуд. хлористаго калия и 20-ю пуд. суперфосфата, но безъ селитры	188 „	294 „
„ при удобреніи тѣми же веществами, но съ добавленіемъ 20 п. селитры	193 „	418 „
Овса съ десятины безъ удобренія	111 „	249 „
„ при удобреніи 20 пуд. суперфосфата и 13 п. хлор. калия	118 „	221 „
„ „ такъ же удобреніи, но съ добавленіемъ 20 п. селитры	197 „	457 „
Картофель безъ удобренія на десятину	820 „	клубней.
„ при удобреніи 6 1/2 п. суперф. 13 п. хлор. калия	1,226 „	„
„ „ такъ же удобреніи, но съ добавл. 13 п. селитры	1,603 „	„

дается, развивая въ моментъ своего выдѣленія всю затраченную на его соединеніе массу энергіи.

Источниковъ связаннаго азота для почвъ съ цѣлью полученія повышенныхъ урожаевъ извѣстно нѣсколько: однимъ изъ древнѣйшихъ способовъ служило внесеніе въ почву навоза, а также привознаго изъ тропическихъ странъ птичьяго навоза, такъ называемаго гуано. Однако и фермскій навозъ, и гуано, и добываемая изъ нихъ селитра, если прослѣдить исторію ихъ происхожденія до первоисточника, окажутся продуктами растительнаго происхожденія, а сами растенія получаютъ связанный азотъ благодаря опять-таки жизнедѣятельности нѣкоторыхъ растеній.

Всего 13 лѣтъ тому назадъ весь ученый міръ съ удивленіемъ узналъ результаты многолѣтнихъ изслѣдованій нѣмецкаго ученаго Гельригеля о связываніи газообразнаго азота бактеріями въ клубенькахъ бобовыхъ растеній. Не менѣ замѣчательныя изслѣдованія русскаго ученаго Виноградскаго показали, что въ почвахъ живутъ бактеріи, обладающія способностью усваивать газообразный азотъ при особыхъ біологическихъ условіяхъ. Гельригель и Виноградскій открыли, откуда берутся въ почвахъ соединенія азота, этими открытіями разрѣшена была мировая загадка круговорота азота въ природѣ.

Однако для полученія интенсивныхъ урожаевъ хлѣбныхъ и другихъ кормовыхъ растеній, запасавшихъ большія количества азота въ бѣловыхъ соединеніяхъ, необходимыхъ для прокормленія населенія земного шара, далеко не достаточно въ почвѣ того азота, который связывается бактеріями бобовыхъ растеній и почвенными. Необходимо вводить въ почву съ прочими удобрениями и селитру. Но, къ сожалѣнію, селитра очень дорога. Получаемая искусственно изъ навоза и изъ гуано, она стоитъ въ настоящее время около 75 руб. за англійскую тонну въ 62 пуда (въ Россіи отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за пудъ).

Въ 1898 году извѣстный англійскій ученый Вильямъ Крукъ въ Бристольскомъ засѣданіи Британской Ассоціаціи произнесъ рѣчь, въ которой обратилъ вниманіе всего міра на одно угрожающее намъ бѣдствіе, именно на недостатокъ въ близкомъ будущемъ пшеничнаго хлѣба для разрастающагося культурнаго населенія. На основаніи цѣлаго ряда убѣдительныхъ статистическихъ цифръ Крукъ развѣртываетъ передъ нами картину возрастающихъ потребностей земного населенія въ пшеничномъ хлѣбѣ и невозможность увеличить въ соотвѣтственномъ количествѣ площади подъ культуру пшеницы. По мнѣнію Крукса, если условія культуры останутся въ такомъ же положеніи, какъ въ настоящее время, то черезъ 32 года, т.-е. въ 1931 году настанетъ уже тотъ моментъ, когда человѣчество начнетъ ощущать недостатокъ въ пшеничномъ хлѣбѣ, всего болѣе соотвѣствующемъ, по мнѣнію Крукса, потребностямъ питанія кавказской расы, заселяющей Европу, значительную часть Америки, Европейскія колоніи Африки, Австраліи, Азіи. Въ послѣдніе 25 лѣтъ потребление пшеничнаго хлѣба значительно возросло почти во всѣхъ странахъ, кромѣ Россіи и Италіи, гдѣ оно уменьшилось. Далѣе Крукъ въ цѣломъ рядѣ цифръ даетъ указанія, въ какихъ

странахъ еще возможно усиленіе культуры пшеницы. Такихъ странъ оказывается немного.

Единственнымъ выходомъ изъ грядущаго затрудненія Бруксъ считаетъ примѣненіе селитры вмѣстѣ съ прочимъ удобреніемъ для повышенія урожая. Но такъ какъ запасовъ селитры на землѣ очень немного и они скоро будутъ истощены, то Бруксъ предлагаетъ химикамъ изобрѣсти способъ дешеваго полученія селитры непосредственно изъ воздуха. Опыты сжиганія азота воздуха съ полученіемъ азотной кислоты въ большомъ количествѣ при помощи сильнаго электричества примѣнены были впервые лордомъ Рейли (Rayleigh) для полученія аргона, вновь открытаго газа нашей атмосферы. По вычисленію Брукса примѣненіе для добыванія селитры дешевой электрической силы, развиваемой даровыми двигателями вродѣ Ніагарскаго водопада, могло бы понизить стоимость селитры до 5 фунтовъ стерлинговъ, или до 50 рублей за англійскую тонну въ 62 пуда.

Какихъ благодѣяній можно ожидать для міроваго производства хлѣбныхъ растений отъ удобренія селитрой, мы уже видѣли. Авторитетное слово Брукса не останется, вѣроятно, безъ послѣдствій и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ мы услышимъ о вновь народившемся грандіозномъ производствѣ добыванія селитры изъ воздуха для агрономическихъ цѣлей. Азотъ и кислородъ будутъ искусственно соединяться въ азотную кислоту и затѣмъ перерабатываться въ селитру, т.-е. соединеніе азотной кислоты съ калиемъ или натріемъ.

Еще одна угроза убылью кислорода изъ воздуха, хотя и съ благими цѣлями. Но простой ариметическій расчетъ успокоитъ насъ. Если даже для всѣхъ 13 миллиардовъ десятинъ земной суши потребуется максимальное удобреніе селитрой, какое примѣняется на опытныхъ поляхъ для полученія максимальныхъ урожаевъ, наприм., по 40 пудовъ чистой селитры на десятину, то и тогда кислорода воздуха для полученія такого количества селитры пошло бы не болѣе 310 миллиардовъ пудовъ, что составляетъ лишь 4 миллионныхъ части запаса кислорода въ атмосферѣ, да и пошло бы только временно, такъ какъ въ процессахъ гніенія органическихъ растительныхъ веществъ распадаются, выделяя въ концѣ концовъ газообразный азотъ, углекислоту и воду; кислородъ при этомъ выделяется въ видѣ составной части углекислоты и воды.

Сообщивъ важнѣйшія положенія въ рѣчи Брукса, не могу не остановить вниманія читателей на данныхъ Брукса относительно хлѣбной производительности въ Россіи. Въ настоящее время Россія поставляетъ на міровой рынокъ 95 миллионновъ бушелей пшеницы и занимаетъ второе мѣсто по вывозу. Бруксъ однако же справедливо не считаетъ это количество поставленной пшеницы показателемъ благосостоянія русскаго населенія и обезпеченности въ хлѣбѣ. Естественный приростъ населенія въ Россіи идетъ быстрое, чѣмъ въ другихъ странахъ; производительность земли въ среднемъ меньше 4,2 четвертей на десятину, да и этотъ средній урожай повышается благодаря экстенсивному хозяйству на земляхъ тучной черноземной полосы

Россіи; остальная же громаднѣйшая площадь дастъ едва 2,2 четвертей на десятину (4,6 бушелей на акръ). Крестьяне во многихъ губерніяхъ голодаютъ и умираютъ отъ голоднаго тифа, чумы и прочихъ болѣзней, неизбѣжныхъ спутниковъ истощенія, такъ что вывозимая пшеница и другіе хлѣба должны были бы въ сущности остаться дома на потребности населенія.

Констатируя скудость урожаевъ и голодъ, отъ котораго страдаютъ народныя массы въ настоящее время, мы коснулись самой существенной задачи нашей цивилизаціи, неосуществленной въ истекающемъ XIX вѣкѣ и завѣщанной будущему XX вѣку.

Слово цивилизація обнимаетъ собою понятіе общаго возрастающаго развитія чловѣка какъ въ умственномъ и нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Совершенная цивилизація должна, конечно, представлять совсѣмъ иную картину общественной жизни, чѣмъ та, какую мы наблюдаемъ въ современномъ намъ обществѣ, гдѣ на ряду съ матеріальнымъ богатствомъ, съ высокою образованностью и нравственнымъ развитіемъ, которыми обладаютъ лишь немногіе истинно цивилизованные люди нашего вѣка, существуютъ и крайняя нищета, пролетаріатъ, пороки и преступленія, указывающіе на вырожденіе. Задача современной намъ цивилизаціи состоитъ въ устраненіи возможности подобнаго рода явленій, какъ голодъ народныхъ массъ и прозябаніе ихъ въ нищетѣ матеріальной и духовной. За послѣдніе 25 лѣтъ голодъ въ ужасающихъ размѣрахъ повторялся много разъ во всѣхъ почти странахъ стараго и новаго свѣта—Китаѣ, Индіи, Россіи, Соединенныхъ Штатахъ—и сопровождался каждый разъ громаднымъ количествомъ жертвъ отъ болѣзней, являющихся въ результатъ физическаго истощенія, которое отражается и на будущихъ поколѣніяхъ, обреченныхъ на вырожденіе и вымирание вслѣдствіе плохого физическаго наслѣдія.

Цивилизація есть плодъ общественной эволюціи, въ которой на ряду съ поступательнымъ движеніемъ впередъ—прогрессомъ, являются и регрессивныя явленія, ведущія къ вырожденію. Задача истинной цивилизаціи уравнять и распространить въ массахъ матеріальныя и духовныя блага, которыми пользуются лишь немногіе при нашей несовершенной цивилизаціи, представляющей собою лишь переходную ступень къ высшей.

Увеличеніе знаній и распространеніе ихъ въ массахъ ведетъ къ усилению власти надъ природой и къ богатству, вытекающему изъ подчиненія природы, что доказываетъ намъ весь поступательный ходъ чловѣческой эволюціи. Мы знаемъ, что жизнь на нашей планетѣ появилась съ началами совершенствованія. Всѣ слабыя и не соответствовавшіе даннымъ условіямъ организмы погибали и оставались лишь наиболѣе приспособленные къ измѣнившимся условіямъ. Всѣ данныя палеонтологіи, реставрирующія жизнь съ древнѣйшихъ временъ, и біологія современныхъ организмовъ указываютъ на существованіе такого совершенствованія. Природа ведетъ къ такому совершенствованію и чловѣка путемъ жестокихъ мѣръ, клонящихся къ вымирзанію слабыхъ. Неумолимая, слѣпая природа не различаетъ ни правыхъ,

ли виноватыхъ. Все слабое беспощадно уничтожается ею, выживаетъ лишь здоровое и выносливое. Этотъ жестокий принципъ и обуславливаетъ совершенствованіе. Однако человекъ, будучи самъ продуктомъ естественнаго отбора, выработавшаго его разумъ, сумѣлъ при помощи своего разума возвыситься надъ природой и осудилъ ея несправедливую жестокость. Слабый человекъ—этотъ мыслящій тростникъ сталъ судьей вселенной. Но какъ онъ былъ жалокъ въ началѣ своей эволюціи! Первые проблески его разума и сознанія выразились въ паническомъ суевѣрномъ ужасѣ передъ грозными явленіями природы. Постепенно и послѣдовательно въ теченіе вѣковъ и поколѣній суровая школа природы съ ея голодомъ, борьбой за жизнь съ дикими животными, стихіями и всевозможными препятствіями закалала волю человека и изощрила его разумъ.

Разумъ человека сдѣлался могучимъ факторомъ человѣческой эволюціи, онъ тотъ легендарный Прометей, который похитилъ огонь съ неба и тѣмъ спасъ себя въ неравной борьбѣ съ природой; благодаря разуму человекъ вышелъ изъ звѣринаго состоянія, сдѣлался владыкою земли и проявилъ необыкновенную силу и величіе своего духа. Своимъ пытливымъ умомъ онъ проникъ въ законы природы, измѣрилъ и взвѣсилъ свою планету; не довольствуясь знаніемъ земли, онъ поднялся на крыльяхъ мысли къ солнцу и изучилъ солнечную систему, обозрѣлъ безпредѣльные и безконечныя пространства безчисленныхъ звѣздныхъ міровъ, проникъ своимъ умственнымъ окомъ до самаго начала исторіи вселенной,—словомъ, постигъ безконечность и вѣчность.

Обозрѣвая современную намъ цивилизацію съ ея колоссальнымъ богатствомъ знаній, нельзя не признать отличительной черты ея—могущественной власти человека надъ природой. И эту власть человекъ укрѣпляетъ съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе накапливая запасы знаній, дающихъ ему возможность достигнуть еще высшей ступени развитія и слѣдовательно еще большаго господства надъ природой. Современное состояніе наукъ съ ихъ точными методами и усовершенствованными техническими средствами даетъ намъ увѣренность въ безпредѣльности будущихъ научныхъ открытій.

Уже и теперь человекъ измѣнилъ до нѣкоторой степени природныя условія земли, ея флору и фауну, приспособивъ ихъ во многомъ къ своимъ нѣлымъ; уже и теперь земной шаръ представляетъ гигантскую мастерскую человека, въ которой всѣ силы природы, какъ покорные рабы, служатъ ему для удовлетворенія его потребностей и прихотей. Но самое главное измѣненіе цивилизація произвела въ моральныхъ качествахъ и потребностяхъ человека.

Альтруистическій инстинктъ появился у человека въ началѣ эволюціи, какъ качество, полезное для рода, и закрѣпился отборомъ индивидовъ, наиболѣе приспособленныхъ къ условіямъ общественной жизни, такъ какъ въ своемъ моральномъ развитіи, въ своей социальной эволюціи человекъ подчиненъ тѣмъ же законамъ естественнаго отбора, которые господствуютъ и въ мірѣ животномъ и растительномъ и обуславливаютъ перживаніе болѣе совершенныхъ, болѣе устойчивыхъ формъ.

Медленно, но постоянно альтруистическій инстинктъ развивался въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ, породивъ нравственность и гуманность. Мало-по-малу нравственные и гуманитарныя идеи брали перевѣсъ надъ звѣринными инстинктами человѣка, смягчая его животный эгоизмъ и, наконецъ, разлились широкой волною со времени появленія величайшей религіи въ мірѣ, ученія Христа, даващаго высокій нравственный идеалъ человечеству. Подъ вліяніемъ христіанскаго ученія альтруистическій инстинктъ усиливался и закрѣплялся, побуждая человечество къ уничтоженію рабства, къ созданію многочисленныхъ гуманитарныхъ учреждений и законодательствъ, ограждающихъ свободное развитіе личности. Правда, еще и въ наши дни совершаются общественныя явленія, идущія вразрѣзъ съ требованіемъ справедливости, каково, наприм., обращеніе цивилизованныхъ народовъ съ низшими расами, которыхъ они преспокойно грабятъ, захватывая ихъ территоріи. Но современные несправедливыя и жестокіе поступки продѣлываются не такъ часто и не въ такой мѣрѣ, какъ въ былыя времена, когда отношеніе къ покоренному народу формулировалось лаконическимъ изреченіемъ Бренна: «Горе побѣжденнымъ!»,—или же характернымъ приказомъ представителя Христа на папскомъ тронѣ: «Бейте всѣхъ, на томъ свѣтѣ Господь отличитъ невинныхъ!» Просматривая страницы исторіи, мы убѣждаемся въ явномъ смягченіи нравовъ, которое проглядываетъ въ настоящее время даже и при незаконныхъ поступкахъ сильныхъ со слабыми и, въ противовѣсъ хищническимъ захватамъ, побуждаетъ болѣе гуманныя правительства созывать конгрессы для обезпечиванія мира народамъ.

Накопленіе матеріальныхъ богатствъ и распространеніе культуры много содѣйствовали упроченію миролюбія во взаимныхъ отношеніяхъ націй. Самыя отдѣленныя народности, изолированныя и враждебныя другъ другу встарину, связанныя теперь общностью матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, соединены уже сѣтью телеграфныхъ проводовъ, пароходныхъ рейсовъ, желѣзнодорожныхъ линій и представляютъ организованное цѣлое. Куда дѣвалась безконечная серія бывшихъ независимыхъ герцогствъ, баронствъ, графствъ, удѣльныхъ княжествъ и т. д., вѣчно ссорившихся и воевавшихъ между собою! Прогрессъ, какъ рядъ измѣненій, направленныхъ къ увеличенію человѣческаго счастья, естественно поведетъ къ братству народовъ. Во всѣхъ проявленіяхъ современной жизни мы замѣчаемъ уже, какъ одно всеобъемлющее теченіе, это тяготѣніе человѣка къ человѣку, ведущее къ тѣсному сближенію и къ сліянію.

Пройдутъ еще вѣка и вмѣсто великихъ современныхъ государствъ, заботящихся о сохраненіи мира путемъ обременительныхъ вооруженій, націи сольются въ единое нераздѣльное человечество.

Будущій человѣкъ объединеннаго человечества всецѣло направитъ свой просвѣщенный разумъ и воспитанную волю на борьбу съ природой, которую онъ окончательно покоритъ себѣ и видоизмѣнитъ весь обликъ земли сообразно со своимъ идеаломъ.

Но главную побѣду человѣкъ одержитъ надъ своей природой, искоре-

нивъ изъ нея все злое и несправедливое и упрочивъ только доброе и великодушное.

Философы всѣхъ временъ и народовъ постоянно указывали на необходимость и неизбежность индивидуальнаго совершенствованія для достиженія совершенства общественныхъ группъ. Еще Сократъ училъ, что главнѣйшимъ предметомъ изученія должно быть хорошее поведеніе, достигаемое только размышленіемъ, изученіемъ и трудомъ. Кантъ говоритъ: «принимай за руководство въ твоей дѣятельности лишь такое правило, которое ты пожелаешь бы постановить всеобщимъ закономъ». Гальтонъ заявляетъ, что сознательное содѣйствіе общественной эволюціи должно стать религіозной обязанностью всякаго интеллигентнаго человѣка. Гербертъ Спенсеръ въ своемъ трудѣ: «Основанія этики», говоритъ, что «условія мирной жизни будутъ неизбѣжнымъ образомъ способствовать развитію тѣхъ особенностей нервной системы, средой дѣятельности которыхъ является удовольствіе, доставляемое счастьемъ другихъ. Развитіе такихъ особенностей организаціи будетъ побуждать индивидуума къ альтруистической дѣятельности и доставлять ему чувство удовлетворенія безъ всякаго отношенія къ какому бы то ни было эгоистическимъ мотивамъ, что станетъ источникомъ общаго благосостоянія».

«Такимъ образомъ вмѣстѣ съ болѣе или менѣе полнымъ приспособленіемъ человѣка къ общественнымъ условіямъ, вмѣстѣ съ развитіемъ совершеннаго общественного порядка и окончательнымъ прекращеніемъ стѣсненности въ средствахъ существованія, что должно наступить, когда человѣческая жизнь достигнетъ высшаго совершенства, настанетъ и примиреніе между эгоизмомъ и альтруизмомъ, которое будетъ настолько полнымъ, что одинъ совершенно сольется съ другимъ».

«Всякій, кто станетъ на точку зрѣнія эволюціи, не можетъ отрицать, если онъ будетъ послѣдователенъ, что разъ у животныхъ низшаго порядка встрѣчаются случаи, когда природа ихъ измѣняется настолько кореннымъ образомъ, что альтруистическіе акты уподобляются эгоистическимъ, то отсюда неизбежно слѣдуетъ выводъ, что подобное же уподобленіе совершится при сходныхъ условіяхъ и у людей. Общественныя насѣкомыя служатъ примѣромъ, до какой степени жизнь индивидуума можетъ быть поглощена служеніемъ на пользу другихъ индивидуумовъ».

Какъ ни отдаленно, повидимому, такое состояніе, когда человѣчество будетъ поступать на основаніи этическихъ принциповъ христіанской религіи, но начало этого состоянія мы можемъ прослѣдить и теперь въ дѣятельности наиболѣе нравственныхъ личностей. Вполнѣ естественно ожидать, что качества, характеризующія теперь лишь исключительно высокихъ личностей, станутъ въ концѣ-концовъ свойственными всѣмъ безъ изъятія. Идеалъ, къ которому приблизились въ настоящее время лишь лучшіе, рѣдкіе люди, будетъ достигнутъ современемъ всѣмъ человѣчествомъ безъ исключенія.

Итакъ, прогрессивное движеніе человѣческой эволюціи требуетъ, чтобы

каждый индивидуумъ развивать въ себѣ нравственную личность. Борьбу со зломъ каждый обязанъ начинать съ самого себя. Кто побѣдитъ свое біологическое прошлое и возвысится надъ своими звѣринными инстинктами и страстями, тотъ одержитъ величайшую побѣду надъ природой и станетъ истинно свободнымъ и великимъ. Законъ о вѣчности вещества находитъ аналогію и въ мірѣ идей, въ мірѣ психическомъ. Ничто не исчезаетъ безъ слѣда, и всякое движеніе мысли нравственной личности, всякое разумное дѣйствіе ея распространяется вокругъ и отражается въ безконечности будущаго. Слѣдовательно, работая надъ пріобрѣтеніемъ знаній, ведущихъ къ увеличенію нашего могущества надъ природой, къ накопленію матеріальныхъ богатствъ нашей страны, мы не должны забывать, что прогрессъ общечеловѣческой эволюціи требуетъ отъ насъ дѣятельности, основанной на чувствахъ симпатіи и справедливости къ людямъ, и что только такого рода дѣятельность поведетъ къ счастью личному и общественному благу.

Вик. Хитлевскій.

Джамсиджи Джигибгой.

Въ *Русской Мысли* была помѣщена статья объ индусскомъ дѣятелѣ, Берамжи Малабари, ревностномъ подвижникѣ на пользу своихъ соотечественниковъ. Воздавая ему должную честь, справедливо будетъ упомянуть о другомъ человѣкѣ, который еще въ въ началѣ нынѣшняго столѣтія потрудился много, и съ успѣхомъ, на томъ же поприщѣ. Это былъ парсъ, Джамсиджи Джигибгой, родившійся въ Бомбей, въ семьѣ бѣднаго торговца.

Индостанъ населенъ весьма разнородными племенами, въ общемъ еще мало сочувствующими западной культурѣ, и если англичане успѣли сдѣлать многое, то болѣе благодаря своей матеріальной силѣ, нежели дѣйствительному желанію туземцевъ. Но парсы составляютъ счастливое исключеніе между мѣстными народностями. При замѣчательной даровитости, они весьма восприимчивы, способны оцѣнивать блага цивилизаціи и быстро усваивать все, что только не противорѣчитъ ихъ нравственнымъ понятіямъ.

Бомбей, главный городъ Индіи, служитъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ встрѣчаются представители всѣхъ восточныхъ національностей, завязывая сношенія съ пришельцами изъ другихъ частей свѣта. Населеніе этого города, равное лишь 15,000 ч. въ 1664 г., переходитъ теперь уже за $\frac{1}{2}$ милліона, причѣмъ, круглымъ числомъ, на 300 тысячъ индусовъ—разныхъ кастъ, приходится 125 т. мусульманъ, 115 т. парсовъ и 25 т. христіанъ. Затѣмъ идутъ еще евреи, китайцы, японцы и пр.

Время появленія парсовъ въ Индіи не опредѣлено съ точностью. Сами они говорятъ, что въ то время, когда Бомбей принадлежалъ еще португальцамъ, слѣдовательно въ серединѣ XVII столѣтія, предки ихъ уже давно жили здѣсь. Это подтверждается достоверными свѣдѣніями о томъ, что въ 1671 г., на такъ называемомъ Малабарскомъ холмѣ, существовала уже одна изъ «Башенъ безмолвія», служащихъ мѣстомъ погребенія у парсовъ.

Нынѣшніе парсы, какъ извѣстно, потомки древнихъ персовъ, имѣвшихъ такое громадное вліяніе на ходъ историческихъ событій во времена Кира и его преемниковъ. Но въ половинѣ VII ст. нашей эры, при разгромѣ царства ассанидовъ фанатическими мусульманскими полчищами, коренымъ

обитателямъ древней культурной страны былъ предоставленъ выборъ лишь между принятіемъ магометанства или бѣгствомъ для спасенія своей жизни. Большинство покорилось насилію, отрелось отъ своей вѣры и допустило превратить свои храмы въ мечети. Немногіе, не соглашавшіеся измѣнить ученію Зороастра, бѣжали въ дебри горнаго Хорасана и прожили тамъ спокойно довольно долгое время; потомъ, изгнанные и отсюда, удалились на островъ Ормузь, у входа въ Персидскій заливъ, но вскорѣ, вынужденные совершенно покинуть отечество, рѣшились переселиться въ Индію, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ перекочевокъ, избрали себѣ постояннымъ мѣстожителемъ Гутератъ. Властитель этой области, индусъ Чадоя Рана, принялъ ихъ милостиво, лишь подъ условіемъ селиться среди его подданныхъ не иначе, какъ усваивая языкъ и одежду туземцевъ. Благодаря Ранѣ и его преемникамъ, парсы прожили здѣсь спокойно почти восемь вѣковъ (721—1507), но при нашествіи мусульманскихъ ордъ на Индію, ихъ мирные поселки были разорены. Повторилось то, что было за нѣсколько сотенъ лѣтъ передъ тѣмъ въ Персіи, и не захотѣвшіе отречься отъ своего вѣроученія огнепоклонники были принуждены бѣжать въ Бахарутскія горы, а потомъ въ Банку, Наусари и Суратъ, гдѣ уже и ранѣ поселились нѣкоторые изъ ихъ соплеменниковъ.

Вскорѣ сами мусульмане оцѣнили достоинства парсовъ, въ особенности ихъ безупречную честность. Такъ, сурамскіе властители благоволитъ къ нимъ до того, что возводили многихъ изъ нихъ въ высшія придворныя должности. Большинство парсовъ перешло, между тѣмъ, отъ своего прежняго, преимущественнаго занятія земледѣліемъ, къ торговлѣ, поведя это новое дѣло особенно успѣшно послѣ основанія въ Суратѣ европейскихъ факторій. Голландцы и англичане скоро отличили добросовѣстныхъ, трудолюбивыхъ и смысленыхъ парсовъ среди прочихъ туземцевъ и охотно обращали ихъ въ своихъ маклеровъ и подрядчиковъ. Такое довѣріе сохранялось и до настоящаго времени.

Общее число парсовъ въ Индіи едва превышаетъ 150 т. человекъ. Большинство ихъ, помимо Бомбея, живетъ въ Гутератской области, но въ качествѣ торговцевъ и коммиссіонеровъ парсы встрѣчаются на всѣхъ восточныхъ и многихъ европейскихъ рынкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свои собственныя конторы въ Лондонѣ и Ливерпулѣ, причемъ, при своей дальновидности и практичности, сознаютъ всю цѣну расширяющихся торговыхъ сношеній между Европой и дальнимъ востокомъ, и выписываютъ къ себѣ своихъ сыновей или родственниковъ, чтобы лучше подготовить ихъ къ будущей дѣятельности, давъ имъ вполне европейское образованіе.

Въ религіозномъ отношеніи парсы не отступаютъ, до настоящаго времени, отъ своего возвышеннаго ученія, — къ социальнѣю, искаженнаго позднѣйшими суевѣріями, сильно распространеннымъ среди низшихъ слоевъ населенія. Но болѣе развитые парсы сохраняютъ заветы Зороастра въ ихъ чистотѣ и находятъ названіе «огнепоклонниковъ», приравнивающее ихъ

къ «идолопоклонникамъ», неправильнымъ или неточнымъ. Они говорятъ: «Мы, какъ и хрістіане, вѣримъ въ Единого Всемогушаго Бога, Творца всей вселенной. Поклоненіе другимъ существамъ или предметамъ мы считаемъ идолопоклонствомъ. Но видя въ Божествѣ вѣчный свѣтъ, дарующій жизнь и силу всему сущему на землѣ, мы возносимъ наши молитвы къ Нему не иначе, какъ обратясь къ огню небесному (солнцу) или къ зажженному руками человѣческими, видя въ этихъ огняхъ символъ высшей божественной творческой силы».

Но, естественнымъ образомъ, такое пониманіе обрядности доступно лишь болѣе развитымъ умамъ, а масса, въ своей ограниченности, принимаетъ огонь не за символъ, а за самый предметъ поклоненія. Однако, и это суевѣріе не мѣшаетъ даже самому невѣжественному парсу твердо помнить предписанія Зендъ-Авесты, священной книги, въ которой Зороастръ требуетъ отъ своихъ послѣдователей «чистоты помысловъ, чистоты рѣчи и чистоты дѣйствій». Строгое соблюденіе этихъ заповѣдей обрисовываетъ нравственный обликъ парса. Онъ вѣритъ, что «истинно благъ на землѣ только добродѣтельный; лучшая жертва Богу—добрыя дѣла и добрыя помышленія; примодушіе—естественная основа личнаго усовершенствованія; ложъ достойна только презрѣнія; трудъ лучшій оплотъ противъ всякаго искушенія; тунеядство—открытая дверь ко всему худому; гостепріимство—неуклонная обязанность человѣка».

Эти правила не остаются мертвой буквой. Хрістіанскіе писатели, наблюдавшіе обычаи парсовъ, единогласно свидѣтельствуютъ о высокомъ уровнѣ ихъ нравственности. Пасторъ Прадо, долго жившій въ Индіи, говорилъ о нихъ съ уваженіемъ; сэръ Уильямъ Эльфинстонъ, подтверждая, что парсы выгодно отличаются отъ другихъ восточныхъ народовъ, указываетъ на «Союзъ духовнаго просвѣщенія (Ранумай Масдіазма), основанный наиболѣе прогрессивными изъ нихъ съ цѣлью искоренить народныя суевѣрія, заимствованныя, большею частью, изъ индусскихъ вѣрованій. Къ сожалѣнію, самыми упорными защитниками этихъ искаженій оказываются сами жрецы,—лица большею частью весьма невѣжественныя, не признающія ничего кромѣ самой узкой обрядности, и привязанныя лишь къ буквѣ, а не къ смыслу закона. Это зло трудно искоренить, потому что званіе жреца у парсовъ наследственное: молодой человѣкъ становится жрецомъ не по призванію или благодаря своимъ богословскимъ познаніямъ, а лишь потому, что и его отецъ носилъ этотъ санъ. И хотя лицу жреческаго сословія открытъ доступъ на всѣ пути дѣятельности, тогда какъ міряннинъ никакъ не можетъ стать жрецомъ, рѣдкій изъ членовъ этого привилегированнаго сословія рѣшается выйти изъ него, такъ какъ оно сопряжено со многими преимуществами. Образую особую, замкнутую въ себѣ касту, хотя это и не согласно съ ученіемъ Зороастра,—жрецы мало заботятся о своемъ просвѣщеніи. Впрочемъ, въ послѣднее время и между ними стали появляться люди здравомыслящіе; и хотя они еще въ меньшинствѣ, имъ удалось основать духовное училище, изъ котораго выходятъ уже болѣе бора-

зованные священнослужители, понимающіе внутренній смыслъ догматовъ, которые они призваны проповѣдовать. Въ сказанномъ училищѣ преподаются нарѣчія зендъ, пельви и персидское; сообщаются краткія свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ.

Парсы вообще очень статны и красивы. Поступъ у нихъ благородная, взглядъ открытый, умный и добродушный, вполне соответствующій ихъ внутреннему складу, благодаря которому, по отзыву европейскихъ предпринимателей, съ ними можно вести самыя крупныя дѣла даже просто на слово, безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ. При этомъ подрядчикъ-парсъ весьма внимателенъ къ нуждамъ своихъ рабочихъ. Примѣровъ тому много, но достаточно указать хотя на одного Дорабчи, принимавшаго значительное участіе въ постройкѣ первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Индіи и употреблявшаго въ дѣло болѣе 18,000 рабочихъ, весьма разноплеменнаго состава. Онъ прилагалъ самое добросовѣстное стараніе о ихъ содержаніи, не говоря уже о томъ, что обсертировать какого-нибудь бѣдняка — было для честнаго парса просто немислимо. Этотъ Дорабчи, кромѣ желѣзныхъ путей, построилъ нѣсколько мостовъ и водопроводовъ, и англичане охотно сдавали ему эти подряды въ своихъ владѣніяхъ, зная, что самыя трудныя работы будутъ закончены имъ добросовѣстно и непремѣнно въ обѣщанный срокъ. Многіе парсы содѣйствовали тоже основанію разныхъ банковъ и акціонерныхъ компаній въ Индіи.

Изъ такого-то предприимчиваго, способнаго и, вѣстѣ съ тѣмъ, честнаго племени происходилъ Джамсиджи Джишибгой. Отецъ его, очень бѣдный человѣкъ, добывалъ себѣ пропитаніе перепродажей стеклянной посуды. Заработокъ былъ крайне скудный; особенно круто приходилось семьѣ во время голоднаго 1790 года. Но между богатыми парсами существуетъ настоящее соревнованіе въ дѣлѣ помощи ближнимъ: Ардеши Дади кормилъ на свой счетъ ежедневно, безъ различія вѣроисповѣданій и національности, по пяти тысячъ человѣкъ; другіе парсы слѣдовали, по мѣрѣ своихъ средствъ, его примѣру. Благодаря этому семья Джишибгой пережила кое-какъ трудное время, но все же, когда Джамсиджи остался круглымъ сиротой, все его отцовское наслѣдіе, какъ говорятъ, состояло изъ пары бутылочекъ. Съ нихъ началъ онъ свои торговые обороты, почему и сохранилъ до самой смерти своей и уже сдѣлавшійся миллионеромъ, кличку «Ботль-Валлахъ (торговецъ бутылками).

Ему было только шестнадцать лѣтъ, но онъ былъ уже женатъ, согласно общему въ Индіи обычаю сочетать бракомъ еще малолѣтнихъ, но молодые супруги жили пока врозь и жена перешла къ нему въ домъ лишь по смерти стараго Джишибгой. Начавъ торговать, Джамсиджи учился въ то же время читать и писать, а потомъ и англійскому языку. Скопивъ съ большимъ трудомъ 120 рупій (около 12 ф. ст.), онъ отправился въ Калькуту; воротясь изъ нея черезъ годъ, онъ приумножилъ свой капиталъ до 15 ф. ст., занявъ еще небольшую сумму, благодаря довѣрію, которымъ уже пользовался, и отправился торговать въ самую глубь Индіи. Три

такія поѣздки принесли ему значительные барыши, но при четвертой ему не повезло: каботажное судно, на которомъ онъ располагалъ по-насть въ одно прибрежное мѣстечко, было захвачено французами и всѣ находившіеся на немъ взяты въ плѣнъ. Джамсиджи потерялъ при этомъ все свое имущество и очутился на свободѣ лишь благодаря тому, что вѣз- шій плѣнниковъ французскій корабль разбился у мыса Доброй Надежды. Въ числѣ немногихъ, спасшихся отъ гибели пассажировъ, былъ и Джамсиджи. Онъ обратился здѣсь къ британскому консулу и, при содѣйствіи его и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, ему удалось вернуться на родину. Онъ былъ разоренъ; но между парсами господствуетъ солидарность; его ссудили деньгами и онъ могъ снова приняться за торговлю. Мало-по-малу, онъ разбогатѣлъ такъ, что не только расплатился съ своими кредиторами, но вступилъ въ крупныя коммерческія предпріятія; счастье благоприятствовало ему чрезвычайно; въ тридцатыхъ годахъ онъ посылалъ уже свои собствен- ные корабли въ различныя моря, войдя въ сношенія съ отдаленѣйшими странами. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ восточныхъ торговцевъ чаемъ и жемчугомъ, принималъ тоже участіе въ другихъ обширнѣйшихъ дѣ- лахъ, въ сороковыхъ годахъ онъ считался уже милліонеромъ и его назы- вали «биржевымъ набобомъ» не только въ Бомбей, Калькутѣ, Мадрасѣ, но и въ Амстердамѣ, Лондонѣ и другихъ европейскихъ денежныхъ центрахъ. При этомъ его часто выбирали третейскимъ судьей въ запутаннѣйшихъ торговыхъ дѣлахъ, какъ человѣка, который самъ лично не подвергался ни- когда малѣйшему нареканію.

Еще не будучи такъ богатъ, Джамсиджи Джишибгой сталъ замѣтенъ своею благотворительностью, которая, естественнымъ образомъ, обращалась сначала на его единовѣрцевъ, но мало-по-малу стала простирается и на другихъ жителей, безъ различія. Такъ, возводя храмы для послѣдователей ученія Зороастра, онъ жертвовалъ большія суммы на постройку госпиталей, въ которые принимались больные безъ вопроса о ихъ происхожденіи и вѣроученіи, на убѣжища для бѣдныхъ рабочихъ, на школы и т. п. по- жезныя заведенія. «Онъ богатѣетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ строитъ на свой счетъ мосты, проводитъ дороги, содержитъ школы, пріюты для престарѣ- лыхъ и пр.», пишутъ о немъ лордъ Эльфинстонъ, Онсли и другіе англійскіе резиденты. «Благодаря ему, въ безводныхъ мѣстахъ являются колодцы, въ пустыняхъ возникаютъ поселки. Словомъ, этотъ замѣчательный человѣкъ дѣлается благотворителемъ цѣлаго края. Онъ не христіанинъ, но онъ испол- няетъ заповѣдь о любви къ ближнему и понимаетъ ее во всемъ ея глу- бокомъ смыслѣ, видя ближняго во всякомъ нуждающемся, къ какому бы племеню и исповѣданію онъ ни принадлежалъ». Въ теченіе двухъ десяти- лѣтій съ небольшимъ имъ было истрачено на добрыя дѣла болѣе 2.000.000 рублей, не считая того, что раздавалось имъ изъ рукъ въ руки, по лич- нымъ просьбамъ его единовѣрцевъ или другихъ лицъ, а эта послѣдняя сумма равнялась, вѣроятно, вышеуказанной. Онъ много помогалъ втайнѣ такъ называемымъ «стыдящимся нищимъ», и не только у себя на родинѣ,

но и въ Лондонѣ, который посѣщалъ нѣсколько разъ. «Этотъ великій язычникъ съ душой христіанина», какъ выразилась одна англійская газета—«умѣлъ ковать золото одною рукой, и раздавать его другой. И какъ въ своихъ мелкихъ благодѣяніяхъ, такъ и въ самыхъ крупныхъ, онъ видѣлъ передъ собой только «ближняго», не справляясь о томъ, какого онъ племени и ученія. Одна уже эта высокая черта обрисовываетъ нравственный обликъ этого человѣка».

По счастливой случайности Джамсиджи нашелъ и въ своей жинѣ достойную себя подругу. Получивъ, подобно многимъ женщинамъ въ парсскихъ семействахъ, нѣкоторое образованіе, она пополнила его впоследствии, выполнѣ сочувствовала направленію своего мужа и всегда поддерживала его въ затруднительныя минуты. При постройкѣ моста, соединяющаго Бомбей съ остр. Салсетой и стоявшаго 18,000 ф. ст., она пожертвовала своими драгоценностями для пополненія этой суммы,—за что мостъ и былъ названъ ея именемъ. Подобно этому она внесла свои 2,000 фн. въ фондъ для содержанія убѣжища для бѣдныхъ рабочихъ (Башня феллаха), построеннаго на счетъ ея мужа. Общая сумма, тратившаяся обоими супругами на субсидіи различнымъ, издавна существовавшимъ учрежденіямъ была тоже велика.

Когда слухи о такой обширной благотворительности одного изъ далекихъ подданныхъ великобританской короны дошли до королевы Викторіи, она пожелала вознаградить его возведеніемъ въ дворянское достоинство, а затѣмъ и титуломъ баронета, причемъ прислала ему золотую медаль съ своимъ изображеніемъ и надписью на обратной сторонѣ:

Серу Джамсиджи Джишибгой
отъ британскаго правительства
въ честь

благотворительности и патріотизма.

Парсы, польщенные отличіемъ, оказаннымъ ихъ соотечественнику (первому изъ всѣхъ индусскихъ подданныхъ Англии удостоенному званія баронета), почтили его самымъ лучшимъ способомъ съ своей стороны: вмѣсто всякаго торжественнаго чествованія, они поднесли ему собранную по подпискѣ между ними значительную сумму на учрежденіе фонда подъ названіемъ: «Переводная литература сэра Джамсиджи Джишибгой». Проценты съ этого капитала должны были употребляться на переводы лучшихъ иностранныхъ книгъ на гутератское нарѣчіе, при самомъ дешевомъ или даже бесплатномъ распространеніи ихъ среди народа. Такой даръ былъ вполне по сердцу серу Джамсиджи. «Ваше приношеніе, — сказалъ онъ депутатамъ, — дороже мнѣ всякихъ свѣтскихъ почестей и будетъ для меня сладчайшимъ воспоминаніемъ въ мой смертный часъ. Званіе, въ которое я возведенъ милостью королевы, цѣнно для меня лишь съ общественной точки зрѣнія, то-есть, какъ почестъ, оказанная въ моемъ лицѣ всей Индіи. Быть можетъ, она послужитъ къ обращенію большаго вниманія англійскимъ правительствомъ на нужды нашей страны. Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ

и прошу присоединить къ учреждаемому вами фонду еще три лака рупій отъ меня (около 200 т. р.).

Старанія сэра Джамсиджи и его единомышленниковъ къ поднятію уровня образованія среди молодыхъ парсовъ встрѣтили благодарную почву. Въ 1851 г. въ Эльфинстонъ-Колледжъ (Бомбей) касседру математики и естественныхъ наукъ занималъ уже парсъ. Другіе молодые парсы служили инженерами на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ, судостроительныхъ заводахъ и пр. Ученіе Зороастра воспрепятствуетъ морскія путешествія, но въ этомъ отношеніи парсы отступаютъ отъ правила и служатъ въ англійскомъ флотѣ.

Забываясь о просвѣщеніи своихъ соплеменниковъ, Джамсиджи Джишибгой не забывалъ женщинъ. Въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка объ образованіи ихъ не было и рѣчи; парсы раздѣляли въ этомъ воззрѣніи прочихъ индостанскихъ народностей. Между тѣмъ, дочери парсовъ, по своимъ природнымъ способностямъ, стоятъ неизмѣримо выше индусокъ и, получивъ образованіе, могутъ имѣть большое вліяніе на просвѣщеніе своего племени. Новый баронетъ понялъ это; при всемъ своемъ уваженіи къ нравамъ и обычаямъ единовѣрцевъ, онъ былъ чуждъ предразсудковъ и зналъ то же, что наглядный примѣръ лучше всякихъ словъ вызоветъ подражаніе. Онъ пригласилъ къ своей собственной дочери наставницу-англичанку, и скоро такія же учительницы появились и въ другихъ парскихъ семействахъ. Въ настоящее время въ высшемъ обществѣ парсовъ много образованныхъ женщинъ, владѣющихъ иностранными языками и знакомыхъ съ европейскою литературой. Понемногу такое образованіе распространяется и въ среднемъ кругу.

Кромѣ дочери, сэръ Джамсиджи оставилъ послѣ себя трехъ сыновей. По старому обычаю, всѣ эти дѣти и по вступленіи своемъ въ бракъ, жили въ отцовскомъ домѣ. Старшій сынъ, Курсетчи Джамсиджи, равно какъ и оба его брата, унаслѣдовали отъ своего родителя не только его богатство, но и его направленіе. Въ качествѣ мировыхъ судей и членовъ училищнаго совѣта при высшихъ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, они приняли дѣятельное участіе во всемъ, что могло способствовать развитію и благосостоянію народа.

Наружность Джамсиджи соответствовала его душевному складу. Лицо его дышало добродушіемъ, привѣтливостью и умомъ. Одинъ сотрудникъ нью-іорскаго журнала *Merchant Magazine*, описывая свое свиданіе съ старымъ парсомъ, имя котораго пользовалось уже извѣстностью и въ Америкѣ, говоритъ въ 1850 году: «Близна волосъ и легкое дрожаніе рукъ выдаютъ преклонный возрастъ сэра Джамсиджи, но взглядъ у него ясный, полный жизни, обращеніе веселое, привѣтливое, чуждое всякой напыщенности, говорящее о чистой душѣ. Онъ живетъ, окруженный всѣмъ, что можетъ красить старость: общимъ уваженіемъ и любовью, достойными дѣтьми, сознаніемъ принесенной пользы».

Джамсиджи Джишибгой скончался 14 апрѣля 1859 г. Послѣднимъ его

дарамъ родному городу были: политехническая школа съ рисовальнымъ отдѣленіемъ и поддержка медицинской школы, устроенной при основанномъ имъ госпиталѣ; учрежденіе сѣя стоило большихъ трудовъ сэру Джамсиджи и его помощникамъ, несмотря на очевидную пользу, которую она должна принести, при отсутствіи у туземцевъ настоящей врачебной и въ особенности хирургической помощи. Непріязнь индусовъ къ изученію анатоміи основывается на ихъ религіозныхъ законахъ.

Многотысячная толпа проводила своего благодѣтеля до «Башни Бес-молвіи». Въ оставленномъ завѣщаніи значился списокъ: «Кому и что раз-дать въ Азіи и въ Европѣ». Между прочимъ сынъ покойнаго передалъ лондонскому Сити крупную сумму на богоугодныя заведенія. Благодарный городъ зачислилъ его въ свои почетные граждане.

На одной изъ площадей Бомбея поставленъ памятникъ сэру Джамсиджи, работы скульптора Марокетти, но воспоминаніе о бывшемъ «Ботъ-валлахъ» и такъ живо среди населенія.

Оба замѣчательные дѣятеля, Берамжи Малабара и Джамсиджи Джинибгой, вышли изъ одного племени, даровитаго, благороднаго и общающаго много въ будущемъ для развитія Индіи. Въ судьбахъ ихъ много сходства и много различія. Одинъ по принципу отказался отъ почестей и остался бѣднякомъ, тогда какъ другой достигъ, — хотя и вполне честными путями, — огромнаго богатства, и принялъ дарованный ему титулъ. Джамсиджи не былъ такъ образованъ, какъ Берамжи; онъ обладалъ только чуткимъ сердцемъ и здравымъ практическимъ смысломъ, но заслуги его передъ человѣчествомъ несомнѣнны, и онъ можетъ считаться проложившимъ дорогу для его послѣдователя на поприщѣ широко понятой, истинной благотворительности.

С. В—ая.

Сенъ-Симонъ и начатки французскаго позитивизма *).

IX.

Главное основаніе, почему Контъ такъ высоко ставилъ *Систему позитивной политики*, заключается въ «основномъ открытіи социологическаго закона», объясненнаго впервые въ *Системѣ*. Въ этомъ «великомъ философскомъ законѣ» Контъ и его послѣдователи видятъ его главнѣйшій философскій подвигъ: «соціальная наука,—говоритъ Лафиттъ,—съ тѣхъ поръ была основана, благодаря этому необъятному открытію—*par cette immense découverte*, и позже эта наука могла быть окончательно установлена ¹⁾». Послѣ *Системы позитивной политики* Контъ не переставалъ восхвалять «законъ» и превозносить его всеобъемлющее значеніе въ соціальной наукѣ. Въ сочиненіи, напечатанномъ вскорѣ послѣ смерти Сенъ-Симона въ сенъсимонистскомъ журналѣ *Producteur*, Контъ подробно анализировалъ стадіи и о самомъ законѣ выразился такъ: «Этотъ основной законъ долженъ быть въ настоящее время, на мой взглядъ, точкой отправленія для всякаго философскаго изслѣдованія о человѣкѣ и объ обществѣ» ²⁾. Важнѣйшую работу—*Курсъ позитивной философіи* Контъ началъ выясненіемъ трехъ стадій, совершаемыхъ «каждымъ изъ нашихъ основныхъ воззрѣній, каждой отраслю нашихъ знаній», и весь дальнѣйшій философскій трудъ автора былъ посвященъ одной руководящей цѣли—теоретическому и историческому раскрытію закона, всестороннимъ доказательствамъ его всеобъемлющаго динамическаго характера ³⁾. Очевидно, посягать на убѣдительность закона, начать колебать почву всего позитивизма, усомниться въ оригинальности Конта, какъ автора этой истины,—значить покушаться на его первѣйшее право—считаться философомъ-творцомъ, «геніемъ-изобрѣтателемъ».

* *Русская Мысль*, кн. X. 1900 г.

¹⁾ *Cours*. IV, 463. *Système*. IV. *Préf. de l'App. gén.* III. R. Occid. 1 juillet 22, 27.

²⁾ *Considérations philosophiques sur les sciences et les savants*. *Producteur*, I, 289 ноябрь, 1825. Перепечатано въ *Système de pol. posit.* IV. *Appendice*. 137—176.

³⁾ *Cours*. I, 8.

Естественно,—ученики Конта употребили всё усиліе оберечь славу своего учителя отъ подобной опасности. И не только ученики,—но и вообще большинство критиковъ позитивизма заняли положеніе, безусловное успокоительное для Конта. Это вполне логично послѣ известнаго намъ рѣшенія вопроса объ отношеніи контовскаго позитивизма къ сенъ-симоновскому сенъ-симонизму. Но въ данномъ случаѣ пришлось считаться не съ однимъ Сенъ-Симономъ. У Тюрго, въ его философіи исторіи, въ его ученіи о развитіи человѣческой культуры можно указать очевидное присутствіе позднѣйшаго позитивнаго социологическаго закона, найти точную характеристику трехъ стадій,—за исключеніемъ двухъ только терминовъ, опредѣляющихъ первую и послѣднюю стадію.

Ученіе это излагается такъ:

«Раньше, чѣмъ узнать взаимную связь физическихъ явленій, естественно всего предположить, что они производятся разумными существами, невидимыми, подобными намъ, потому что на кого же еще имъ походить? Все, что совершалось и въ чѣмъ человѣкъ не принималъ участія, имѣло своего бога; страхъ или надежда скоро создавали въ честь его культъ, и культъ этотъ создавался соответственно уваженію, какое люди питали къ людямъ могущественнымъ, такъ какъ и боги были не что иное, какъ люди болѣе могущественные и болѣе или менѣе совершенные, сообразно съ тѣмъ, какъ эпоха, ихъ создававшая, понимала истинныя совершенства человѣческой природы.

«Когда философы признали нелѣпость этихъ басенъ, но въ то же время не приобрѣли правильныхъ понятій объ естественной исторіи, они вздумали объяснить причины явленій отвлеченными выраженіями, въ родѣ *сущности* и *способностей*. Выраженія эти, однако, ничего не объясняли и о нихъ разсуждали будто они были *существа*, новыя божества, замѣнявшія старыя. Аналогіи развивались, количество *способностей* умножалось, чтобы подыскать основаніе каждому явленію.

«Только очень поздно, наблюдая механическое воздѣйствіе однихъ тѣлъ на другія, люди вывели изъ этой механики другія гипотезы, которыя математика можетъ развить и опытъ провѣрить. Вотъ почему физика перестала вырождаться въ плохую метафизику только послѣ того, какъ продолжительный прогрессъ искусствъ и химіи умножилъ сочетанія тѣлъ, благодаря болѣе тѣсному общенію людей расширились географическія знанія, факты получили болѣе большую достовѣрность и сами искусства стали развиваться подъ наблюденіемъ философовъ. Книгопечатаніе, литературные и ученые журналы, записки академій до такой степени упрочили достовѣрность свѣдѣній, что въ настоящее время только подробности вызываютъ сомнѣнія»⁴⁾.

Вотъ съ этимъ фактомъ предстояло разсчитаться всѣмъ, кто желалъ защитить притязанія Конта на безусловную оригинальность его «основного открытія».

Самъ Контъ обошелъ затрудненіе. Онъ называетъ имя Тюрго по поводу

⁴⁾ Turgot. *Oeuvres*. II, 294—5.

Кондорсе, выражается даже *le sage Turgot* и полагаетъ, что его «первичныя драгоценныя замѣчанія объ общей теоріи человѣческаго совершенствованія несомнѣнно оказали пользу мысли Кондорсе» ⁵⁾. Этихъ и ограничивается оцѣнка Тюрго. Впослѣдствіи Контъ, перечисляя своихъ предшественниковъ, не упоминаетъ о Тюрго, но зато Кондорсе называетъ своимъ «духовнымъ отцомъ», своимъ «существеннымъ предшественникомъ», философомъ, «знаменитымъ», «выдающимся», «несчастливымъ» ⁶⁾. Рядомъ съ Кондорсе перечисляется цѣлый рядъ мыслителей XVIII и XIX вѣковъ, — «безсмертная школа Дидро и Юма», горячо превозносится Монтескьё, называются Кантъ, Деместръ, Биша, Галль, Лейбницъ, — и ни намека на Тюрго. А между тѣмъ только у него и имѣется хотя незаконченный, но опредѣленный очеркъ знаменитаго закона. При такихъ условіяхъ умолчаніе не можетъ не производить страннаго впечатлѣнія даже на самыхъ ревностныхъ послѣдователей, — и они попытались объяснить удивительный пробѣлъ въ воспоминаніяхъ своего учителя.

Наиболѣе разсудительный Литтре убѣжденъ, что Контъ «не встрѣтилъ у Тюрго существенныхъ мѣстъ» или забылъ о нихъ; иначе, — онъ несомнѣнно упомянулъ бы о немъ рядомъ съ Кондорсе ⁷⁾. Литтре вполне успокаивается на этомъ соображеніи, — но весьма позволительно усомниться, будто Контъ — если онъ вообще читалъ Тюрго — могъ пропустить разсужденіе, напечатанное вмѣстѣ съ его статьями о прогрессѣ. А если Контъ встрѣтилъ эти мысли, — онъ никоимъ образомъ не могъ забыть ихъ — по самому ихъ существу, по ихъ неопытному значенію для великаго социологическаго закона.

Болѣе заботливые ученики Конта почувствовали несостоятельность довода Литтре и рѣшились прибѣгнуть къ самому смѣлому утвержденію: Контъ *вовсе не читалъ* сочиненія Тюрго до 1852 или 1853 года. Такъ сообщаетъ Лафиттъ и за нимъ повторяетъ Робинетъ ⁸⁾. Утвержденіе — опять вызывающее сомнѣнія. Во-первыхъ, Контъ читалъ вообще разсужденія Тюрго о прогрессѣ, — иначе онъ вовсе не упомянулъ бы о немъ, какъ предшественникъ Кондорсе. А всѣ разсужденія Тюрго на эту тему печатались рядомъ, въ одномъ и томъ же томѣ его сочиненій ⁹⁾. Во-вторыхъ, въ 1853 г. Контъ издалъ третій томъ *Системы позитивной политики*, — въ августѣ и въ предисловіи опубликовалъ извѣстное намъ отреченіе отъ Сентъ-Симона, попутно объявивъ снова своимъ первоначальнымъ вдохновителемъ Кондорсе. Чтò же могло ему помѣшать исправить несправедливость по отношенію къ Тюрго и отмѣтить его существенное участіе въ открытіи закона трехъ стадій ¹⁰⁾? Наконецъ, упущеніе могло быть исправлено и

⁵⁾ *Cours*. IV. 185.

⁶⁾ *Cours* IV, 188 etc. *Catéchisme positiviste*, préf. X. Cp. *Cours*. VI, 8. *Syst. de pol.* pos. III, XV

⁷⁾ Littré. 39 — 40.

⁸⁾ Robinet. 141.

⁹⁾ II т. въ изданіи сочиненій 1809—11, такъ же и въ изданіи 1844.

¹⁰⁾ Предисловіе подписано — 23 Dante 65, т.-е. 7 августа 1853.

годъ спустя, въ августѣ 1854 года, когда вышелъ послѣдній томъ *Системы позитивной политики* и Контъ, мы видѣли, подводилъ итоги своей философской эволюціи и опять говорилъ о своемъ открытіи. Даже по свѣдѣніямъ контистовъ, — онъ тогда уже навѣрное зналъ о разсужденіи Тюрго.

Положеніе гораздо болѣе затруднительно, чѣмъ это казалось ученикамъ философа; не вышли изъ затрудненія и прочіе критики позитивизма, во что бы то ни стало желающіе остаться вѣрными заявленіямъ Конта. Они находятъ возможнымъ «укорить» Конта за умолчаніе о Тюрго, — но эта укоризна совершенно безцѣльна и остается безплоднымъ личнымъ настроеніемъ критика, разъ за Контомъ остаются неприкосновенными всѣ присвоенныя имъ права ¹¹⁾. Другіе признаютъ «удивительнымъ» поступокъ Конта, — но объясняютъ его простой забывчивостью: Контъ могъ читать сочиненія Тюрго въ молодости, поверхностно и даже не въ подлинникѣ, законъ трехъ стадій на него не произвелъ впечатлѣнія, — и потомъ былъ открытъ имъ самостоятельно ¹²⁾. Приводится чрезвычайная добросовѣстность Конта по отношенію къ Кондорсе: не могъ онъ при такой добросовѣстности сознательно вычеркнуть Тюрго изъ списка своихъ предшественниковъ.

И тѣмъ не менѣе вычеркнулъ и, что особенно краснорѣчиво, — одновременно съ Сень-Симономъ. На долю послѣдняго, кромѣ того, досталось множество прямыхъ поношеній, и одному изъ критиковъ, стремящихся все понять и простить, приходится свои объясненія сопроводить слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Любопытное зрѣлище! Вотъ мыслитель, усиливающійся иногда чрезвычайно, — найти предшественницъ своимъ теоріямъ, называющій даже духовнымъ отцомъ мыслителя, которому онъ обязанъ меньше, чѣмъ Сень-Симону и не устающій повторять, что онъ ничѣмъ не обязанъ тому, кто снабдилъ его планомъ дѣятельности и поставилъ его на истинный путь! Вопиющая несправедливость! Откуда она?»

Въ отвѣтъ авторъ вынужденъ вспомнить о «мелкихъ сторонахъ теловѣческой природы» и привести извѣстное намъ наблюденіе Милля надъ измѣнчивостью контовскихъ сочувствій и ненавистей ¹³⁾.

Но для насъ, не менѣе вопроса о личномъ характерѣ Конта, важенъ вопросъ о первоисточникѣ его поведенія. И мы не можемъ ограничиться лирическимъ замѣчаніемъ или общимъ неопредѣленнымъ психологическимъ соображеніемъ. Отъ рѣшенія поставленнаго вопроса зависитъ не только личное, но и философское достоинство учителя Конта. Если принять — даже съ крайними ограниченіями — отзывы бывшаго ученика, всякое изслѣдованіе о Сень-Симонѣ, какъ философѣ, является безцѣльнымъ. Контъ явно стремился похоронить о немъ всякую историческую память, безнадежно дискредитировать его имя и дѣятельность и сполна заслонить собой личность «развратнаго жонглера». Несомнѣнно, — самое усердіе Конта и его послѣдователей

¹¹⁾ Alengry. 471.

¹²⁾ Waentig. 23.

¹³⁾ Alengry. 473—4.

на предпринятомъ пути способно внушить сомнѣніе въ искренности и правдивости ихъ суда,—но для историка впечатлѣній недостаточно: ему необходимо имѣть точный и, насколько возможно, фактически обставленный отвѣтъ. Наша цѣль—не положительный или отрицательный приговоръ вообще надъ человѣческой природой Конта, а устраненіе опредѣленій «любопытное», «вопиющее» и замѣна ихъ безстрастнымъ и, слѣдовательно, болѣе убѣдительнымъ идейнымъ освѣщеніемъ дѣйствительно рѣдкостнаго явленія въ исторіи умственныхъ отношеній.

Прежде всего,—предъ нами, на первый взглядъ, трудно разрѣшимая задача и никѣмъ изъ изслѣдователей не разрѣшаемая: почему Контъ усиленно подчеркиваетъ заслуги Кондорсе въ исторіи позитивной философіи и опускаетъ Тюрго, намѣтившаго центральную творческую идею этой философіи, и уничтожаетъ Сень-Симона, кого онъ же самъ неоднократно и даже послѣ разрыва признавалъ своимъ наставникомъ? Даже Деместръ, вождь реакціонныхъ идеологовъ, слѣдовательно, по самому существу противникъ позитивизма,—восхваляется Контомъ за то, что онъ понялъ значеніе «духовной власти», всеподчиняющей доктрины,—а Сень-Симонъ, уяснившій культурный смыслъ не вообще доктрины, а именно позитивной,—отвергается съ сильнѣйшимъ чувствомъ вражды и презрѣнія ¹⁴⁾! Какъ все это совмѣстить съ простѣйшимъ представленіемъ не о справедливости, какъ нравственному понятію, а о чистомъ здоровомъ смыслѣ, какъ обще-обязательномъ логическомъ явленіи?

Отвѣтъ, по нашему мнѣнію, представляется ясный и точный,—стоитъ только вчитаться въ сужденія Конта о «духовномъ отцѣ» Кондорсе и сравнить окончательныя, по его мнѣнію, заслуги этого философа съ тѣми, какія слѣдовало бы приписать первымъ творцамъ принципа позитивной философіи и политикѣ.

Мы знаемъ сущность историко-философскихъ представленій Кондорсе и знакомы съ сужденіемъ о нихъ Сень-Симона и Конта. Въ *Курсъ позитивной философіи* предъ нами окончательный приговоръ. Въ сущности,—во всемъ трудѣ Кондорсе для Конта удовлетворительно только предисловіе къ книгѣ о прогрессѣ: это—«безсмертныя страницы», т.-е. планъ изучать въ исторической связи «различныя социальныя состоянія». Но выполнить планъ Кондорсе не смогъ,—и Контъ посвящаетъ рядъ страницъ отрицательной критикѣ работы философа XVIII вѣка. Въ основѣ контовская критика—прямое отраженіе давнихъ взглядовъ Сень-Симона на философію Кондорсе. Сень-Симонъ перепечаталъ введеніе въ *Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain* еще въ 1808 году въ своемъ сочиненіи *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle*,—перепечаталъ какъ характернѣйшее выраженіе идей просвѣтительной эпохи о прогрессѣ,—и сопровождалъ перепечатку критическими замѣчаніями насчетъ партійнаго

¹⁴⁾ О Деместрѣ, въ статьѣ напечатанной въ *Producteur*: I. 596; II, 314, 358—*Considérations sur le pouvoir spirituel*.—Appendice. 184, 191—2.

пріема Кондорсе рѣшать философскій вопросъ. Подробнѣе развитіе этимысль въ одномъ изъ писемъ Сентъ-Симона къ Редерну,—здѣсь находится краткое, но чрезвычайно содержательное обобщеніе взглядовъ Сентъ-Симона на работу Кондорсе: «Онъ первый составилъ планъ написать исторію прошлаго и будущаго человѣческаго разума. Его планъ былъ великогѣпентъ, но выполнение ничего не стоило». Вскорѣ Сентъ-Симонъ снова вернулся къ Кондорсе въ сочиненіяхъ *Memoire sur la science de l'homme и Travail sur la gravitation universelle* ¹⁵⁾),—но фраза въ письмѣ къ Редерну должна быть признана точнымъ конспектомъ разсужденій Конта о Кондорсе, какъ своемъ предшественникѣ. Контъ съ особенною тщательностью развилъ вторую часть фразы—отрицательную. Началъ онъ свой трудъ опять-таки съ приговора Сентъ-Симона надъ идеей Кондорсе о «неограниченномъ совершенствованіи». Мы увидимъ,—Сентъ-Симонъ подробно разобралъ эту «ошибку» Кондорсе въ томъ же письмѣ къ Редерну ¹⁶⁾. Контъ отнесся къ ней еще суровѣе. Она уполномочила критика укорить философа за «воображеніе, лишенное всякаго научнаго руководства и всякой научной узды, создаваемыхъ истинными основными законами человѣческой природы». Въ этомъ тонѣ, часто даже повышенномъ, продолжается разборъ идей Кондорсе. Отсутствие позитивнаго метода въ изученіи умственныхъ и нравственныхъ явленій сказывается у него «самымъ плачевнымъ образомъ», роковое воздѣйствіе революціоннаго духа радикально воспрепятствовало научному развитію идеи прогресса. Получился злополучный взглядъ на преимущества революціонной философіи, непосредственно враждебной всякой здоровой оцѣнкѣ политическаго прошлаго и, слѣдовательно, всякому истинно разумному представленію о непрерывномъ и постепенномъ прогрессѣ человѣчества. Все сочиненіе Кондорсе сводится въ сущности къ основному противорѣчію,—настолько же очевидному, насколько странному: съ одной стороны совершенство человѣческаго ума въ концѣ XVIII вѣка философу представляется необязаннымъ, съ другой стороны почти всѣмъ важнѣйшимъ доктринамъ, учрежденіямъ и властямъ прошлаго философъ приписываетъ рѣшительно-ретроградное вліяніе. «Такимъ образомъ,—говоритъ Контъ,—изученіе прошедшаго, по правдѣ говоря, представляется чѣмъ-то вродѣ непрерывнаго чуда, причемъ даже запрещается прибѣгать къ вульгарному объясненію посредствомъ провидѣнія». Въ результатѣ, Кондорсе не открылъ ни одного истиннаго закона человѣческаго развитія, не подозрѣвалъ даже переходнаго смысла революціонной политики и совершенно не имѣлъ представленія о социальномъ будущемъ. Предпріятіе Кондорсе потерпѣло неизбежную и полную неудачу. Его цѣлкомъ предстоитъ вновь осуществлять,—и самъ Кондорсе никогда бы его не осуществилъ ¹⁷⁾

¹⁵⁾ *Oeuvres. choisies*, I, 98—110; *Oeuvres*. XV, 113; XL, 21, 284 etc.

¹⁶⁾ *Oeuvres*. XV, 116—8.

¹⁷⁾ *Cours*. IV. 187—192.

Таковъ приговоръ Конта, — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ фактически-преувеличенный въ ущербъ «духовному отцу». Сень-Симонъ поступилъ иначе. Вѣсто неопредѣленнаго и слабаго ограниченія *почти*, онъ точно перечисляетъ «ошибки» Кондорсе, настаивая особенно на одной — на непониманіи культурнаго значенія религій. Что касается социальнаго будущаго, — здѣсь приговоръ Конта слишкомъ рѣшителенъ: мы указывали у Кондорсе проблески даже социалистической мысли и видѣли смыслъ его *Атлантиды*. Со стороны Конта было несомнѣнной неблагодарностью не отмѣтить у своего предшественника идеи «общей философіи», научно-философскаго авторитета, господствующаго надъ умами и учрежденіями человѣчества. Не трудно было распознать въ подобныхъ размышленіяхъ, по крайней мѣрѣ, предчувствія будущей «общей науки», т.-е. позитивной философіи и будущей «духовной власти».

Не опѣявъ надеждъ Кондорсе на будущее, Контъ сосредоточилъ свое вниманіе на его несправедливостяхъ къ прошедшему и поспѣшилъ отмѣтить въ этомъ отношеніи «глубокое философское превосходство» Монтескьё, который, въ свою очередь, только *по нѣкоторымъ подробностямъ Духа законовъ* ставится впереди своихъ предшественниковъ — вплоть до Аристотеля, и даже уступаетъ греческому философу, — если принять въ расчетъ разницу эпохъ, — логической продуманностью работы. Единственная заслуга Монтескьё въ представленіи объ естественной законмѣрности политическихъ явленій, но эта идея не нашла ни малѣйшаго примѣненія на практикѣ, Монтескьё и не подумалъ приурочивать накопленные факты къ какому-либо закону, а ограничился произвольнымъ метафизическимъ сближеніемъ ихъ. Въ результатѣ у него планъ оказался *совершенно невыполненнымъ* ¹⁵⁾.

Въ результатѣ, — *вся работа* по социальной наукѣ осталась нерѣшенной задачей послѣ философовъ XVIII вѣка. Къ этому выводу пришелъ Контъ послѣ разбора трудовъ своихъ предшественниковъ. Онъ могъ расточать сколько угодно хвалебныхъ эпитетовъ и Монтескьё, и Кондорсе, — восторги не влекли ни къ какимъ послѣдствіямъ — въ смыслѣ даже отдаленнаго уменьшенія или затемненія творческихъ заслугъ самого Конта. Но представимъ, — онъ внимательно разсмотрѣлъ «рѣчи» и отрывки Тюрго по философіи исторіи, — могъ бы онъ также заявить, что «предпріятіе все цѣликомъ остается еще совершить?» *Все цѣликомъ — tout entière* — послѣ такого внушительнаго «аргумента» Тюрго, что защитникамъ Конта пришлось отрицать даже его знакомство съ произведеніями одного изъ популярнѣйшихъ писателей XVIII вѣка! Сопоставленіе фактовъ, на нашъ взглядъ, достаточно краснорѣчиво, чтобы заключеніе подлежало сомнѣнію. Контъ *сознательно* и съ *одинаковой цѣлью* опустилъ Тюрго и отрекся отъ Сень-Симона: оба философа являются его высшими духовными отцами и сообразно со степенью зависимости отъ важнаго изъ нихъ Контъ распредѣлилъ свои чувства: для Тюрго, даващаго идею «великаго открытія», достаточно было умолчанія, для Сень-Симона,

¹⁵⁾ Гл. 179—181.

снабдившаго ученика гораздо богѣе обильнымъ философскимъ достояніемъ, потребовался квалифицированный образъ дѣйствій, самой своей страстностью отбѣившій затаенный смыслъ многократныхъ отреченій. Когда мы теперь обратимся къ *Системѣ позитивной политики*, — работѣ, столь важной въ глазахъ Конта, — намъ станетъ еще яснѣе въ сущности очень нехитрая политика.

Центральная идея сочиненія — законъ трехъ стадій. До какой степени Контъ ея создатель? Считать его безусловнымъ и независимымъ авторомъ — не допускаетъ простой здравый смыслъ послѣ Тюрго. Но между Тюрго и Контомъ существуетъ Сень-Симонъ, — не имѣетъ ли онъ части въ идее?

Въ отвѣтъ предъ нами пространное разсужденіе въ *Mémoire sur la science de l'homme*, являющееся развитіемъ очень давней мысли, — еще изъ *Писемъ женеваго обывателя*. Мысль эта, по словамъ Сень-Симона, сообщена ему нѣкимъ Бюрданомъ, военнымъ врачомъ: мы встрѣтимся позже съ этимъ фактомъ. Для насъ пока важно, что Сень-Симонъ не преминулъ назвать подлиннаго автора концепціи, равнозначашей по своему историко-философскому смыслу — закону трехъ стадій.

Въ *Письмахъ женеваго обывателя* впервые представлена классификація наукъ въ порядкѣ ихъ развитія въ позитивномъ направленіи. Мысль выражена очень просто: взято два принципа — *воображеніе* и *наблюденіе*. Сообразно съ *простотой* содержанія, т.-е. изучаемыхъ предметовъ, науки скорѣе или медленнѣе освобождаются отъ власти воображенія и подчиняются одному наблюденію. Астрономія и химія уже совершили этотъ путь, — очередь остается за физиологіей и наукой о социальныхъ явленіяхъ. Сень-Симономъ намѣчена и промежуточная стадія — между чисто-воображаемымъ и опытнымъ состояніемъ, когда человѣкъ сѣмшиваетъ факты наблюдаемые съ воображаемыми, получаетъ «элементарную галиматію», удовлетворяющую его потребность въ предвидѣніи будущаго ¹⁹⁾).

Это — зерно трехъ стадій. Къ тому же вопросу Сень-Симонъ вернулся во время переписки съ Редерномъ. Здѣсь уже употребленъ терминъ *позитивный* въ противоположность *гадательному* — *conjectural*, науки расположены въ прежнемъ порядкѣ, прибавлена «общая наука», — т.-е. философія, — она въ своемъ развитіи зависитъ отъ частныхъ наукъ, и предѣль ея — *позитивная философія* ²⁰⁾).

Наконецъ, въ *Запискѣ по наукѣ о человѣкѣ* та же идея развита еще подробнѣе, физиологія признана самой молодой среди наукъ, еще не вполне позитивной, психологія слѣдуетъ за ней, такъ же какъ мораль и политика, въ вѣнцѣ всего — общая наука и религія, которая должна усовершенствоваться одновременно съ позитивнымъ развитіемъ частныхъ наукъ и философіи, — и не только религія, но и духовенство, т.-е. практическая часть религіи, «организация примѣнителей принциповъ». Въ будущемъ это будетъ

¹⁹⁾ *O. choisies*. I, 24—26 — „ce galimatias élémentaire“.

²⁰⁾ *Oeuvres*. XV, 108—9.

«ученая корпорація», такъ какъ сама религія — не что иное, какъ «материализація научной системы» ²¹⁾.

Въ этихъ сравнительно очень краткихъ, конспективныхъ разсужденіяхъ Сень-Симона заключается тема и планъ позитивной политики Конта, со всеми сопутствующими работами, предшественниками *Курса позитивной философіи* и *Системы позитивной политики*, — т.-е. статьями въ *Прогнодистель* о наукахъ и ученыхъ и о духовной власти.

Намѣтивъ двѣ основныхъ стадіи умственного прогресса, Сень-Симонъ даетъ имъ еще болѣе точную характеристику. Первая стадія — господство «религіозной системы» — разчленена на три: идолопоклонство — *idolâtrie*, политеизмъ и деизмъ. Они соответствуютъ контовскимъ фетишизму, политеизму и монотеизму. Последняя стадія имѣетъ также два періода: представленіе о нѣсколькихъ законахъ, управляющихъ міромъ, и вѣра въ единый законъ: это — цѣль будущаго ²²⁾.

Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Сень-Симонъ снова перечисляетъ установленныя имъ стадіи, замѣняя терминъ *деизмъ* — *теизмомъ*, очевидно, не придавая значенія рѣзкимъ отгѣнкамъ, какіе видѣлъ въ этихъ наименованіяхъ восемнадцатый вѣкъ. Для него и то и другое характеризуетъ представленіе объ единомъ личномъ божествѣ. Но не въ этомъ значеніе поправокъ Сень-Симона: онъ теперь употребляетъ терминъ *метафизическій*, говоритъ, что доктрина жрецовъ египетскихъ была болѣе метафизическая, чѣмъ вѣра народа ²³⁾. Философъ не развиваетъ *метафизическое воззрѣніе* въ особую стадію, но смыслъ метафизики ясенъ: это — переходное состояніе. Вполнѣ опредѣленно это значеніе развивается въ сужденіяхъ Сень-Симона о философіи XVIII вѣка и о политической формѣ, созданной этой философіей. Мы знаемъ, для него эта философія — *критическая*, т.-е. орудіе разрушенія старой системы, подготовительная для созиданія новой — позитивной. Также и конституціонный строй — переходный между феодальнымъ и индустріальнымъ, и онъ покоится на метафизическихъ идеяхъ о правахъ человѣка. *Метафизики* — обычное имя у Сень-Симона для революціонныхъ политиковъ. Очевидно, у него имѣлось понятіе о переходной стадіи именно какъ метафизической, почему же онъ не ввелъ его въ свой обзоръ историко-культурной эволюціи? Можетъ быть, здѣсь Контъ обнаружилъ особенное напряженіе оригинальной мысли и существенно дополнилъ концепцію Сень-Симона?

Обратимся къ самому Конту, именно къ его метафизической стадіи. Какое имѣетъ она значеніе для самого Конта? Замѣтимъ, если бы это значеніе и было исключительнымъ, метафизическая стадія — съ своими терминами — имѣется уже у Тюрго. Но эта справка излишня послѣ взглядовъ Конта на предметъ.

²¹⁾ XL, 25—32.

²²⁾ Ib. 42—3.

²³⁾ Ib. 133—5.

Въ сущности существуютъ только двѣ органическихъ стадіи—теологическая и позитивная,—для третьей у Конта нѣсколько пояснительныхъ опредѣленій, совершенно уничтожающихъ ея самостоятельное значеніе. Еще въ раннемъ сочиненіи «метафизическія воззрѣнія» Контъ опредѣлялъ какъ теологию, видоизмѣненную физикою, и описывалъ процессъ метафизическаго созерцанія, состоящій въ изобрѣтеніи отвлеченныхъ сущностей, какъ своего рода эманаций высшей власти. Контъ даже иногда считаетъ *безполезнымъ* говорить о метафизикѣ: *такъ какъ она всегда только — переходъ — transition* ²⁴⁾. Впослѣдствіи въ *Курсъ позитивной философіи* метафизическая стадія признается «въ основѣ простымъ общимъ видоизмѣненіемъ первой» — *n'est au fond qu'une simple modification générale du premier*, или «последняя существенная фаза древней философіи», т.-е. теологич., «последнее подготовительное преобразование первичной философіи» и философъ указываетъ общія принципиальныя черты теологическаго и метафизическаго воззрѣнія, до такой степени глубокиа и многочисленныя, что считаетъ возможнымъ выразиться «режимъ теологико-метафизическій». Метафизическое состояніе ума Контъ считаетъ совершенно равносильнымъ теологическому, насколько идетъ вопросъ о преобладаніи религиозныхъ представленій надъ позитивными. Только позитивная философія знаменуетъ рѣшительный поворотъ ²⁵⁾.

Всѣ эти разсужденія вполне согласны съ идеями *Системы позитивной политики* 1822 года. Метафизическое понятіе—«воплощенное отвлеченіе», «мистическое наименованіе для сверхъестественной причины» ²⁶⁾. Ясно, метафизическая стадія нѣчто *побочное*—Контъ такъ и выражается: «*son caractère est bâtarde*», сравнительно съ двумя другими—неполноправное, не творческое, а исключительно разлагающее, критическое. Такъ понимаютъ метафизику и Сень-Симонъ,—Контъ не внесъ въ идею ничего другого: элементы *переходности* и *критицизма* и у него цѣлкомъ исчерпываютъ моментъ, названный имъ второй стадіей.

Имѣлъ ли послѣ этого Контъ право приписывать себѣ *открытіе* социологическаго закона? Мы должны по меньшей мѣрѣ раздѣлить трудъ между тремя или четырьмя мыслителями: Тюрго, Бюрдэномъ, Сень-Симономъ и Контомъ, и на долю Конта достанется не творческая часть, а организаторская. Умъ по преимуществу аналитическій и притомъ въ чисто-математическомъ направленіи, Контъ *упорядочилъ* другими созданное зданіе, выровнялъ основныя линіи, сгладилъ лишніе приатки, нарушавшіе чистоту и стройность фасада, вдвинулъ его въ симметрическія, часто рѣзко подчеркнутыя формы. Не чувствовалъ ли хотя отдаленно этого процесса одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поклонниковъ контовской оригинальности? Робинъ, переписавъ подлежащее мѣсто изъ *Mémoire sur la science de l'homme*, спѣ-

²⁴⁾ *Consid. philos. sur les sciences et les savants. App. 144—5, 160.*

²⁵⁾ *Cours. I, 9—10; V, 500—2.*

²⁶⁾ *Oeuvres. XXXVIII, 76.*

нить заявить, что Сень-Симонъ не показывалъ Контю этого своего сочиненія, желалъ скрыть отъ ученика «съ ревливой заботливостью» свою предыдущую фазу развитія, свою бонапартистскую лесьть²⁷⁾.

Намъ неизвѣстно, откуда Робине узналъ о такой «заботливости» Сень-Симона, а потомъ учитель могъ сообщить содержаніе «15 или 16 страницъ» — какъ выражается Робине — безъ помощи своего сочиненія: слышалъ же отъ него кое-что Контъ, приписывавшій такое великое значеніе для своего философскаго развитія своему знакомству съ Сень-Симономъ?

Итакъ, «необъятное открытіе» Конта, основа всей его философской дѣятельности, сущность его системы и его главнѣйшее право на славу гениальнаго философа-творца — не можетъ быть признано его *открытіемъ*. Подобное же заключеніе мы должны сдѣлать и относительно другихъ мыслей Конта, легшихъ въ основу *Системы позитивной политики*. Онѣ второстепеннаго значенія, такъ на нихъ смотрятъ и Контъ, но онѣ любопытны, какъ неуклонное свидѣтельство глубокихъ внушеній Сень-Симона.

Вначалѣ Контъ очень настойчиво доказываетъ необходимость одной для всѣхъ обязательной доктрины. Все разсужденіе пестритъ извѣстными намъ философскими мыслями и историческими сопоставленіями Сень-Симона, изъ Контъ неоднократно повторялъ уже въ прежнихъ произведеніяхъ. Мы снова читаемъ о процессѣ установленія феодально-теологической системы, о развитіи критическаго теченія, о значеніи духовной власти въ средніе вѣка, о близорукости философіи XVIII вѣка, о критической роли метафизиковъ и легистовъ; все это очень стройный и ясный сводъ политическихъ и философскихъ воззрѣній учителя. Рядомъ — разсужденія о новой позитивной системѣ, которая должна получить для новаго времени догматическую силу: ученіе о свободѣ совѣсти должно исчезнуть. Оно лишь орудіе борьбы противъ теологической системы, узаконяетъ самодержавіе каждаго личнаго разума и стремится къ полному обособленію умовъ. Все это не что иное какъ рѣзкое развитіе сень-симоновской идеи изъ второго тома *Индустріи*. Сень-Симонъ взглядъ XVIII вѣка на религіозную свободу противопоставляетъ философской *необходимости* XIX «подвергнуть всѣхъ дѣтей изученію одного и того же уложенія земной морали»: только позитивная мораль можетъ сплотить людей въ общество²⁸⁾.

Контъ очень тщательно и подробно развиваетъ эту идею, указываетъ, что свободы совѣсти нѣтъ въ астрономіи, въ физикѣ, въ химіи, въ физиологіи. Пользуясь опредѣленіемъ, какое Сень-Симонъ далъ философіи XVIII в. — *анти-теологіи*, Контъ свободу личной совѣсти сопоставляетъ съ папской непогрѣшимостью, аналогичное ученіе о народномъ самодержавіи съ ученіемъ о божественномъ правѣ государей: оба догматы — *анти-теологическіе* и ихъ роль кончается съ разложеніемъ феодализма и папской власти. Настало время «новой истинно-органической доктрины», взаимныя десятиа

²⁷⁾ Robinet. 143—4.

²⁸⁾ *Ouvrages*. XXXVIII, 22—5; XVII, 218.

конституцій, возникших и упраздненных въ теченіе тридцати лѣтъ. Слѣдуетъ извѣстное намъ доказательство необходимости организовать міросозерцаніе раньше учрежденій и повторяется планъ Сентъ-Симона—точно опредѣлить цѣль общественной организаціи, воспитать массу во имя этой цѣли, создать проектъ работъ, предстоящихъ выполнить обществу. Все это буквально предлагалось Сентъ-Симономъ въ январѣ 1822 года ²⁹⁾. О воспитаніи народа, какъ главной задачѣ новой позитивной организаціи, говорилъ Сентъ-Симонъ и въ 1817 году ³⁰⁾. Контъ навсегда усвоить этотъ принципъ и снова будетъ развивать его въ 1826 году, въ особомъ разсужденіи о духовной власти ³¹⁾.

Много мѣста отведено Контонъ другой важной идеѣ позитивной философіи — эволюціонному взгляду на исторію. Моментъ особенно поучительный. «Духовный отецъ» Конта, Кондорсе не могъ дать ему даже отдаленнаго представленія объ этомъ ученіи. Деметръ, который, по словамъ Конта, «дополняетъ» для него Кондорсе, непостижимъ въ этой роли; до такой степени противоположны возрѣнія восторженнаго пѣвца «прогрессовъ» и идеолога крайней реакціи. Контъ, къ сожалѣнію, не считаетъ нужнымъ пояснить, какъ онъ могъ привести въ идейное цѣлое подобныя міросозерцанія.

Мы знаемъ, идея закономѣрнаго историческаго развитія утвердилась въ умахъ пореволюціонной эпохи непосредственно подъ вліяніемъ событій и явилась достояніемъ всѣхъ партій. Политическая мысль—либеральная, желавшая воспользоваться завоеваніями революціи, и реакціонная, мечтавшая о восстановленіи стараго порядка—одинаково старались опираться не на личную волю, а на логику фактовъ. Въ реакціонной философіи эта логика превращалась въ предписанія Провидѣнія, у либеральныхъ политиковъ въ историческій законъ, часто весьма близкій къ фатуму. Контъ имѣлъ всѣ основанія предостерегать своихъ читателей, чтобы «научное чувство необходимаго подчиненія социальнымъ явленіямъ неизмѣннымъ естественнымъ законамъ никогда не вырождалось въ систематическое расположеніе къ фатализму или къ оптимизму, одинаково унижительнымъ и опаснымъ». И философъ полагалъ, что въ виду этой опасности «соціальной физикой» съ успѣхомъ могутъ заниматься только «возвышенные характеры» ³²⁾. Другая крайность—систематическое отрицаніе необходимости и полезности великихъ историческихъ явленій—также неразумна и ведетъ исключительно къ отрицательнымъ результатамъ: примѣръ—Кондорсе. Какъ же найти вѣрный путь, т.-е. примирить неотразимую закономѣрность общаго социальнаго процесса съ самоопредѣленіемъ личности?

Сентъ-Симону неизбѣжно долженъ былъ представиться этотъ вопросъ немедленно, лишь только онъ пришелъ къ убѣжденію въ будущемъ научномъ характерѣ исторіи. Если ученый историкъ способенъ выполнять на-

²⁹⁾ *Suite à la brochure: „Des Bourbons et der Sturats“. O. choisies. II, 487—8.*

³⁰⁾ *De l'Industrie. Oeuvres. XVIII, 221.*

³¹⁾ *Append. 194—6.*

³²⁾ *Cours. VI. 190.*

значеніе, свойственное вообще всякому ученому, т.-е. *предвидѣть* явленія, очевидно, историческій процессъ совершается по строго опредѣленному плану и роль личности не можетъ быть такою, какъ представляли ее философы XVIII вѣка. Какою же?

Просвѣтителѣ вѣрили въ неограниченную творческую силу человѣка—законодателя, философа,—Сень-Симонъ, напротивъ, убѣжденъ, что человѣкъ не создастъ принципа, т.-е. социальной организующей идеи, а только подѣлываетъ его, выводитъ его изъ фактовъ ⁸²⁾. Такъ разсуждалъ Сень-Симонъ въ 1817 году и обобщалъ свои частныя мысли, высказанныя уже два года назадъ. Онъ доказывалъ безсиліе правительствъ и націй предъ «силой вещей» въ то время, когда Контъ до глубины души переживалъ революціонный духъ ⁸³⁾. Мы знаемъ, вліяніе Сень-Симона освободило его отъ соблазна, и это признаетъ Литтре, но онъ забываетъ, что плодомъ этого освобожденія, между прочимъ, слѣдуетъ считать и рядъ блестящихъ страницъ въ *Системѣ позитивной политики*. Всѣ онѣ, по обыкновенію, написаны на тему, заданную Сень-Симономъ. Точную форму ея можно указать въ слѣдующихъ словахъ учителя: «истинный разумъ, позитивный, состоитъ въ томъ, чтобы предвидѣть ходъ явленій, съ которыми приходится имѣть дѣло: уметь оберегаться отъ тѣхъ, какія угрожаютъ вредомъ, и воспользоваться могущими принести пользу» ⁸⁴⁾.

Слѣдовательно, во власти личности только философское предвидѣніе и практическая находчивость, а не творчество. Находчивость слѣдуетъ понимать какъ искусство комбинировать извѣстныя данныя условія и обстоятельства, напримѣръ, въ мірѣ физическихъ явленій—предвидѣть грозу и воспользоваться громоотводомъ, въ мірѣ социальныхъ явленій—предвидѣть опасность со стороны неимущей массы и обратиться къ помощи нравственного воспитанія и реорганизации собственности. Но всѣ эти мѣры вовсе не означаютъ, будто человѣкъ можетъ остановить стихію или ходъ цивилизаціи и *создать* другое явленіе или направленіе исключительно на основаніи своего идейнаго плана. Напротивъ, Сень-Симонъ убѣжденъ,—всякая жизнеспособная организація общества должна быть построена «на философскомъ наблюденіи хода цивилизаціи въ предшествующіе вѣка». Онъ предлагаетъ представить историческіе факты въ *двухъ рядахъ*: въ одномъ *факты изобрѣтенные*, т.-е. нарочито придуманныя системы политическаго строя, въ другомъ—*факты наблюденные*, т.-е. естественное движеніе исторіи, и въ результатѣ окажется: изобрѣтенныя системы лишь тогда приводили къ усовершенствованію, когда приближались ко второму ряду ⁸⁵⁾.

Человѣкъ, слѣдовательно, плодотворно можетъ дѣйствовать только въ предѣлахъ историческаго процесса и въ его направленіи, ускоряя эволюцію или замедляя ее.

⁸²⁾ *L'Industrie. Oeuvres. XVIII, 190.*

⁸³⁾ *Opinion sur les mesures à prendre contre la coal. de 1815.*

⁸⁴⁾ *Mémoire sur la sc. de l'homme. 182.*

⁸⁵⁾ *L'Organisateur. Oeuvres. XX, 181, 219.* Конецъ 1819 и начало 1820 года.

Эту же мысль развивает и Контъ два года спустя послѣ Сень-Симона. Мы не намѣрены утверждать, что Контъ путемъ собственныхъ размышлений не могъ додуматься до только что объясненной идеи, особенно при настоячивыхъ современныхъ внушеніяхъ—жизненныхъ и литературныхъ. Мы только желаемъ указать, до какой степени ярко отражалась на мышленіи Конта умственная работа Сень-Симона. Говоря объ историческомъ процессѣ, ученикъ не забываетъ воспользоваться старой излюбленной идеей учителя, сравнить законъ развитія человеческого рода съ закономъ тяготѣнія, по его необходимости, признать его только болѣе подлежащимъ воздѣйствію, чѣмъ тяготѣніе. Онъ почти буквально повторяетъ мысль Сень-Симона о прочности только тѣхъ политическихъ дѣйствій, какія совершаются согласно съ стремленіемъ культурныхъ силъ. Человѣкъ можетъ только наблюдать это стремленіе, предвидѣть его результаты и пользоваться ими ради своихъ цѣлей, но непремѣнно сообразно съ ихъ природой. Большая разница, говорить Контъ, повиноваться ходу цивилизаціи безотчетно или сознательно. Цѣль практической политики—избѣгать насильственныхъ переворотовъ, которые возникаютъ благодаря ошибочнымъ преградамъ естественному движенію цивилизаціи. Стремительность революціи происходитъ главнымъ образомъ отъ невѣдѣнія историческихъ законовъ. Всякая революція можетъ быть сведена къ «простому нравственному движенію», хотя и болѣе энергическому, чѣмъ обычная жизнь общества ²⁷⁾.

Контъ еще разъ сравниваетъ историческій законъ съ астрономическимъ и пользуется оригинальнымъ указаніемъ Сень-Симона, какимъ путемъ слѣдуетъ составлять позитивно-философскую оцѣнку настоящаго и строить организацію будущаго. Настоящее можно понять только при свѣтѣ прошедшаго и будущаго. Это значитъ: философъ изъ наблюденій надъ прошедшимъ долженъ логически представить будущее и свои выводы перенести на анализъ настоящаго,—тогда только среди окружающаго хаоса явленій онъ увидитъ дѣйствительность—ясную и осязательную, и опредѣлитъ свой путь. Критики позитивизма этотъ философскій порядокъ, отличный отъ хронологическаго, поспѣшили приписать Конту, но идея принадлежитъ Сень-Симону, высказана имъ еще въ *Работѣ о всемірномъ тяготѣніи*. Онъ указалъ, что единственное средство безпристрастно разобраться въ явленіяхъ современности,—подойти къ нимъ со «взорами, устремленными на холодную картину самаго отдаленнаго прошедшаго и будущаго» и взглянуть на настоящее какъ на *соединительное звено двухъ рядовъ* ²⁸⁾.

Можно все сочиненіе Конта разобрать въ этомъ духѣ, противъ каждой руководящей мысли поставить соответствующую идею Сень-Симона. Контъ совершенно вѣрно опредѣляя характеръ своей работы въ *Предупрежденіи*: систематизировалъ, развилъ и усовершенствовалъ часть взглядовъ Сень-Симона, относящуюся къ научному направленію ²⁹⁾. Отри-

²⁷⁾ О. с. 114—5, 113—7.

²⁸⁾ *Очерки*. XL, 287—8. Контъ. О. с. 124.

²⁹⁾ О. с. 9.

путь у Конта искусство систематизаціи и даже совершенствованія чужихъ идей невозможно. Въ этомъ отношеніи онъ, несомнѣнно, превосходилъ своего учителя, обладавшаго только въ слабой степени систематическимъ умомъ, но относительно творческаго философскаго таланта между двумя философами сравненіе невыгодно для Конта.

Онъ даже не всегда умѣлъ придумать свои иллюстраціи для какого-либо положенія и заимствуетъ ихъ у Сень-Симона вмѣстѣ съ самой темой разсужденія. Перечисляя общія черты теологическаго и метафизическаго воззрѣнія, указывая на *абсолютный* характеръ ихъ политики, Контъ припоминаетъ аналогію между естественнымъ состояніемъ у Руссо и теологическимъ взглядомъ на первородный грѣхъ. Эта аналогія основательно развита Сень-Симономъ въ *Mémoire sur la science de l'homme* ⁴⁰⁾. Мы знаемъ значеніе сень-симоновской критики философскихъ заслугъ Кондорсе для разсужденій Конта о томъ же предметѣ, вообще весь судъ Конта подъ восемнадцатымъ вѣкомъ—непосредственное отраженіе сень-симонизма: это, мы видели, признаютъ даже защитники философской оригинальности Конта. Въ *Системѣ позитивной политики* обсуждаются всѣ эти вопросы и, кромѣ того, философія Монтескьё. Ея отрицательныя стороны могли быть постигнуты и самимъ Контомъ послѣ общаго усвоенія сень-симоновскихъ воззрѣній, но могли и каждое отдѣльно быть внушены Сень-Симономъ,—напримѣръ, преувеличенный взглядъ Монтескьё на значеніе политическихъ формъ, влияніе климата. По поводу послѣдняго вопроса у Конта находимъ пространное разсужденіе о рѣшающемъ значеніи человѣческой организаціи. Онъ могъ эту истину заимствовать изъ современнаго естествознанія, такъ же, какъ подъ влияніемъ Кабаниса и Галля, всю цивилизацію прошедшую и будущую признать «необходимымъ слѣдствіемъ организаціи человѣка, видоизмѣняемой въ своихъ дѣйствіяхъ внѣшними условіями». Но не слѣдуетъ забывать, что Сень-Симонъ не переставалъ настаивать на фیزیологическихъ основахъ культурной эволюціи и утверждать, что «умственная дѣятельность тождественна органической». Контъ очень удачно формулировалъ смыслъ этого воззрѣнія: «исторія цивилизаціи не что иное, какъ продолженіе и необходимое восполненіе естественной исторіи человѣка»—формула, по своему содержанію, соответствующая давнему выраженію у Сень-Симона: *физико-политическій* путь ⁴¹⁾.

Всѣ эти сопоставленія при всей своей значительности являются въ сущности роскошью для нашей цѣли. Для этой цѣли—на основаніи представленія самого автора о значеніи своего труда—достаточно разрушить легенду объ оригинальномъ открытіи закона трехъ стадій. Контъ долженъ былъ на каждомъ шагѣ чувствовать надъ собой власть чужого вдохновенія, надъ каждой страницей его произведеній тяготѣлъ образъ учителя и каждая основная идея его философіи являлась самымъ живымъ напоминаніемъ объ «отцѣ-

⁴⁰⁾ Контъ—91. *Mémoire*. 181.

⁴¹⁾ Контъ, 142—4, 181; *Mémoire sur la science de l'homme*. 48, 153. *Oeuvres publiées par Ol. Rodriguez*. p. XX, 1808 годъ, 1-й автоб. отрывокъ.

Симонъ». И тѣмъ шире развивалась позитивная философія, тѣмъ напоминанія становились настойчивѣе и стали невыносимо-тягостными своей скопцентрированной многолѣтней силой, когда философъ перешелъ къ организаціи теоретической и практической религіи, т.-е. духовной власти. Он могъ создать свои подробности догмы и культа, — но самый принципъ позитивной религіи и позитивнаго духовенства цѣликомъ принадлежалъ все тому же уже не разъ отвергнутому благодѣтелю. И постепенно, тѣмъ глуше становилась аналогія, тѣмъ яснѣе и новелительнѣе сооружаемое зданіе своей общей идеей и подробностями вызывало въ представленіи зрителя невольныя сравненія и сопоставленія съ дѣломъ преднамѣренно-жестокъ унижаемаго предшественника, — тѣмъ болѣзненно-нетерпимѣе, раздраженнѣе становилось чувство философа, уже привыкшаго считать себя пророкомъ «Запада». Онъ безпощадно разрывалъ давнія дружескія связи во имя свое непогрѣшимости и произносилъ верховныя истинно-папскіе приговоры надъ людьми, когда-то дорогими для него великой умственной помощью.

Х.

Въ нашу задачу не можетъ входить всесторонняя характеристика личности Конта, но мы должны указать на факты, освѣщающіе безпримѣрную несправедливость ученика къ учителю.

Мы указывали на способность систематизаціи, какъ на сильную сторону контовскаго таланта. Въ этой способности, по мнѣнію, напримѣръ, Мишль имѣла своя слабость: Контъ злоупотреблялъ систематизаціей. Мишль разумѣлъ исключительно область философіи; была сдѣлана попытка распространить основную наклонность природы Конта и на его личныя отношенія къ людямъ. Существуетъ обширная характеристика Конта, тщательно обставленная фактами, на слѣдующую тему: «Контъ судилъ систематически о всякомъ предметѣ—себя самого, своихъ друзей, свою жену; онъ былъ неспособенъ думать иначе, какъ общими идеями и въ этомъ заключается, несомнѣнно, одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ его ума» ⁴²⁾.

Въ доказательство авторъ приводитъ отзывы Конта о разныхъ близкихъ ему лицахъ. Къ сожалѣнію, — именно занимающіе насъ отзывы въ нашихъ мѣста въ пространной статьѣ изслѣдователя, — онъ даже смутнѣе совершенно ошибочно, представляетъ самыя существенныя личныя отношенія, какія только пережилъ Контъ, за исключеніемъ развѣ отношеній къ Клотильдѣ Во. Сенъ-Симонъ будто «одинъ моментъ» былъ учителемъ Конта и будто объявлялъ себя «истиннымъ папой», «наиѣстникомъ Бога на землѣ»; первыя слова поставлены даже въ кавычкахъ авторомъ, между тѣмъ ничего подобнаго нельзя отыскать въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона. Правда, онъ признавалъ себя исполнителемъ «божественной миссіи», —

⁴²⁾ G. Dumas. *L'état mental d'Auguste Comte. Revue philosophique*. 1898, février 180 (томъ XVI).

но нравствѣ со всѣми, кто усиливался подчинить человѣческія учрежденія основному принципу христіанской нравственности ⁴²⁾. Изъ-за «момента» Контъ глубоко волновался десятки лѣтъ,—и опустить эти волненія въ нравственномъ изображеніи Конта, значить на половину не выполнить поставленной цѣли.

Но можно ли объяснить одиниѣ лишь систематическимъ духомъ даже приговоры, принятыя авторомъ во вниманіе?

Мы оставимъ въ сторонѣ сужденія Конта о женѣ и о Клотильдѣ Во: здѣсь имѣютъ рѣшающее значеніе внушенія любящаго или оскорбленнаго чувства,—хотя слѣдуетъ замѣтить—обвиненія Конта противъ жены въ революціонныхъ наклонностяхъ не требуютъ толкованій съ точки зрѣнія философской системы. Контъ вполне опредѣленно выражается: «полное отсутствіе склонности ко мнѣ никогда не позволяло ей неукротимому и деспотическому характеру. найти противовѣсъ въ сердечномъ расположеніи по отношенію ко мнѣ—единственнымъ привилегированнымъ качествѣ, гдѣ женщины не могутъ быть никѣмъ замѣнены» ⁴³⁾. Революціонный духъ г-жи Контъ, слѣдовательно, заключался просто въ ея равнодушіи къ мужу, которое она дѣйствительно систематически доказывала въ теченіе всей совиѣстной жизни съ нимъ ⁴⁴⁾.

Для насъ имѣютъ существенное значеніе отношенія Конта, аналогичныя съ его исторіей съ Сентъ-Симономъ, т.-е. дружескія на почвѣ общей идейной жизни. Предъ нами три вполне удостовѣренныхъ примѣра, фактически не съ одинаковыми подробностями извѣстныхъ, но по общему смыслу болѣе или менѣе родственныхъ, созданныхъ одной и той же чертой контовскаго характера.

У Конта еще въ ранній періодъ его самостоятельной философской дѣятельности было два искреннихъ цѣнителя его философскаго таланта—Ламеннѣ и историкъ-естествоиспытатель Блэнвилль. Ламеннѣ, увлеченный особенно идеями Конта о духовной власти, превозносилъ его съ обычной рѣшительностью какъ «умъ стоящій высоко надъ предрассудками зурядныхъ философовъ», называлъ его «прекрасной душой»,—и Контъ съ своей стороны отвѣчалъ Ламеннѣ уваженіемъ. Но это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока Ламеннѣ оставался въ лонѣ католической церкви: лишь только онъ возсталъ противъ Рима, то-есть обнаружилъ революціонный духъ—хотя бы даже во имя высшаго идеала—Контъ уваженіе смѣнилъ на презрѣніе. По мнѣнію Конта—Ламеннѣ былъ въ «истинно-нормальномъ состояніи» только въ качествѣ «чистаго и энергическаго

⁴²⁾ *Nouveau christianisme. Oeuvres.* XXIII, 188 Damas. 408.

⁴³⁾ *Lettres inédites*, 102. Письмо къ Милю отъ 24 авг. 1842.

⁴⁴⁾ Справедливыя поправки, внесенныя Дюма въ рассказъ Литтре—преднамѣреннаго сторонника г-жи Контъ—въ статьѣ: *La folie d'Auguste Comte*. *Revue de Paris*. 15 sept. 1897. Поправки внесены на основаніи писемъ Конта къ самому Литтре.

вождя откровенной католической реакціи ⁴⁶⁾. И Контъ негодованіе противъ новыхъ идей «слишкомъ пресловутаго аббата» переносить на его личность.

Слѣдующій по времени—разрывъ съ Миллемъ. Благодаря образцовой сдержанности Милля, у насъ нѣтъ тяжёбныхъ документовъ, но фактъ достаточно краснорѣчивъ. Сначала многолѣтнія отношенія настолько близки, что Контъ находилъ возможнымъ подробно рассказывать въ письмахъ къ Миллю о своихъ личныхъ дѣлахъ, даже исторію съ женой—а потомъ—неумолимая суровость, по обыкновенію, безапелляціоннаго суда ⁴⁷⁾. Чѣмъ объяснить это превращеніе? Системой—невозможно, по самой простой причинѣ: нѣтъ послѣдовательности въ общемъ представленіи о человѣкѣ: сначала оно безукоризненно и открыто-дружеское, а потомъ несправедливо-враждебное.

Третій фактъ, самый краснорѣчивый—приключеніе съ Блэнвиллемъ. Иначе нельзя назвать образъ дѣйствій Конта: до такой степени онъ неожиданъ и удивителенъ.

Блэнвилль—одна изъ самыхъ почтенныхъ личностей во французской наукѣ первой половины XIX-го вѣка,—личность выдающаяся прямою и благородствомъ характера. «Сама честность», выражается о немъ Литтре ⁴⁸⁾,—и Контъ такъ же смотрѣлъ на Блэнвилля. Отзывъ Литтре особенно замѣчательнъ: Блэнвилль, по убѣжденіямъ, представлялъ политѣйшую противоположность позитивисту, принадлежалъ къ католической и монархической реставраціи. И Литтре указываетъ на этотъ фактъ, былъ онъ извѣстенъ Конту даже ближе, чѣмъ Литтре. Блэнвилля слѣдуетъ считать однимъ изъ ближайшихъ руководителей Конта,—можно сказать его репетиторомъ. Контъ съ самаго начала своей самостоятельной философской дѣятельности безпрестанно обращается къ Блэнвиллю за совѣтами и указаніями. Онъ подвергаетъ его критикѣ свои произведенія, программу своего курса, радуется его одобреніямъ, еще въ 1843 году въ письмѣ къ Миллю онъ выражается: «Я очень польщенъ честью, какую Блэнвилль оказалъ моей книгѣ внимательнымъ прочтеніемъ и высокимъ одобреніемъ, какое столь высокому уму было угодно засвидѣтельствовать ей» ⁴⁹⁾.

И Блэнвиллю трудно было не одобрить сочиненій Конта: такъ часто встрѣчалъ онъ здѣсь свои мысли, прямые ссылки на свои взгляды съ хвалебными замѣчаніями—особенно въ третьемъ томѣ *Курса позитивной философіи*, излагающемъ философію химіи и биологіи. Здѣсь «великій біологъ» безпрестанно является—«лучше всѣхъ» понявшимъ, «точнѣе всѣхъ» выразившимъ извѣстный фактъ или законъ ⁵⁰⁾. Но Блэнвилль не огра-

⁴⁶⁾ *Lettres inédites*. 424. Письмо къ Миллю отъ 15 мая 1845.

⁴⁷⁾ *Lettres inédites*. X.

⁴⁸⁾ О. с. 127.

⁴⁹⁾ *Lettres à Valat*. 205. Письмо Блэнвилля къ г-жѣ Контъ у Литтре—121. *Lettres inédites*. 286.

⁵⁰⁾ *Cours*. III, 460, 462, 549.

ничивался только научными услугами Конту,—онъ принималъ въ высшей степени дѣятельное участіе въ его личной жизни. На Блэнвилля возлагается обязанность найти подписчиковъ на курсъ Конта, Блэнвилль горячо старается провести его въ академію наукъ, самъ Контъ его усердіе считаетъ «выше всякой похвалы», въ письмахъ къ Миллю онъ называетъ его «мой знаменитый», «мой славный другъ»—это обычные эпитеты,—и въ спорномъ вопросѣ съ Миллемъ о природѣ женщины Контъ, по обыкновенію, не забываетъ сослаться на авторитетъ Блэнвилля, своими изслѣдованіями внушающаго заключеніе объ естественной высотѣ мужского пола во всей іерархіи организмовъ²¹⁾).

Еще въ началѣ 1845 года Контъ именуетъ Блэнвилля своимъ другомъ,—и въ этомъ же году происходитъ событіе, повидимому, первоисточникъ всего дальнѣйшаго. Выходитъ извѣстная намъ *Histoire des sciences de l'organisation*. Здѣсь философія Конта называлась *математизмомъ* и приравнивалась къ матеріализму,—повторялся давній упрекъ Гизо, въ началѣ тридцатыхъ годахъ обозвавшаго позитивизмъ Конта «математическимъ матеріализмомъ». Контъ, еще въ *Системѣ позитивной политики* доказывавшій непригодность математическаго метода въ социальной наукѣ, рѣзко возсталъ противъ Гизо. Теперь то же жесткое слово оказалось въ книгѣ его собственнаго авторитета. Попало оно сюда по винѣ не Блэнвилля, а редактора его лекцій, ученаго аббата Монье. Блэнвилль немедленно поспѣшилъ навстрѣчу жестоко обиженному философу и предложилъ сдѣлать все, что только въ его власти для исправленія досаднаго замѣчанія. Явился къ Конту и самъ Монье—съ тѣмъ же предложеніемъ. Контъ такъ принялъ аббата, что онъ долженъ былъ не забыть этого пріема всю свою жизнь. Такъ пишетъ Контъ женѣ. Онъ поразилъ аббата «философской отповѣдью»: «надѣюсь,—прибавляетъ Контъ,—я какъ слѣдуетъ воспользовался благородной привилегіей, перешедшей теперь въ нашъ лагерь, производить судъ и расправу надъ всѣми его противниками». И безпощадный судья здѣсь же противопоставляетъ новый трибуналъ прежнему,—теологическому.

Но Контъ этимъ не ограничился. Онъ заявилъ аббату, что посоветуетъ Блэнвиллю уничтожить все изданіе—на что, по расчетамъ Конта, должно хватить средствъ у Блэнвилля—и немедленно приступить ко второму, исправленному—и уже единолично. Конту извѣстно, что расходы обойдутся въ 10,000 франковъ, но это будетъ «урокомъ», хотя и «нѣсколько дорогимъ».

Блэнвилль лично навѣстилъ Конта, и тотъ дѣйствительно предложилъ ему «выкупить изданіе и вновь напечатать весь трудъ». Контъ сообщалъ женѣ, что, къ его сожалѣнію, Блэнвилль не «почувствовалъ достаточно важности» предложенной «мѣры» и врядъ ли осуществить ее²²⁾. И Блэнвилль, дѣйствительно, не послушался совѣта.

²¹⁾ *Lettres inédites*. 74, 147, 201, 203, 213, 277.

²²⁾ *Litté* 632—6, приведено письмо.

²³⁾ *Hist. des sciences*. II, 289.

Вспомнимъ, что вся исторія загорѣлась буквально изъ-за *четыре* строкъ, въ сущности изъ-за трехъ словъ — *mathématisation d'Auguste Comte*, — и ради него требовалось уничтоженіе трехъ большихъ томовъ ученой работы, и въ частности и вообще безусловно терпимой. На выдержку можно взять главу о Галлѣ и даже о Бруссѣ — крайнемъ материалистѣ: Блэнвилль или редакторъ его лекцій, признавая великое дарованіе Бруссѣ, ограничиваются замѣчаніемъ о бесплодности борьбы противъ католицизма и теологівъ, — и здѣсь же даютъ обстоятельное изложеніе всѣхъ работъ Бруссѣ, не посягая ни на одну изъ его научныхъ заслугъ ⁴⁴⁾.

Очевидно, Контъ велъ войну исключительно за свой счетъ и онъ это доказалъ, прервавъ сношенія съ Блэнвиллемъ. Въ 1850 году онъ вспомнилъ о немъ весьма оригинально, — послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшилъ, наконецъ, внести имя Блэнвилля въ позитивистскій календарь въ качествѣ дополнительнаго святого къ Ламарку ⁴⁵⁾. Считая это большой почестью, онъ поручилъ г-жѣ Контъ сообщить объ этомъ Блэнвиллю. Новый «*Sous-Saint*» отвѣтилъ на сообщеніе простой улыбкой.

Въ томъ же году Блэнвилль умеръ, — и теперь начались расчеты Конта съ покойнымъ «знаменитымъ другомъ».

Первое напутствіе со стороны Конта было — «это — вполнѣ смерть эгоиста», потому что Блэнвилль умеръ неожиданно и не могъ ни съ кѣмъ проститься. Потомъ Контъ произнесъ на могилѣ рѣчь, и немедленно издалъ ее съ надписью *Religion de l'Humanité* и съ девизомъ — *L'amour pour principe, l'ordre pour base, et le progrès pour but*. Контъ говорилъ именно въ качествѣ великаго жреца новой религіи и излагалъ свой символъ вѣры въ формѣ суда надъ католикомъ. Такъ говорилось и въ началѣ рѣчи: «простой философъ является добровольно осуществить священство человечества» и «преподать юношеству спасительное ученіе» ⁴⁶⁾.

Преподавалось оно въ полномъ противорѣчій съ «принципомъ», т. е. съ любовью. Правда, ораторъ вспомнилъ біологическій талантъ покойнаго, но сейчасъ же перешелъ къ ненавистной *Исторіи*, къ своимъ «бесплоднымъ протестамъ» противъ изданія этого сочиненія, къ «умственному вырожденію» Блэнвилля, къ «важнымъ недостаткамъ его нравственной организаціи», вызвавшей это вырожденіе. Контъ не можетъ обойти молчаніемъ рыцарственнаго безкорыстія Блэнвилля, никогда не пользовавшагося своимъ вліяніемъ ради карьеры. Онъ считалъ долгомъ жить для другихъ, — это признаетъ Контъ, но недоволенъ, почему именно — *долгомъ*; это, по мнѣнію философа, эгоизмъ, — и у Блэнвилля не было чувствительнаго сердца. Онъ потому и не женился, хотя, — немедленно прибавляетъ Контъ, — «часто и жаловался на свою холостую жизнь». Всѣми этими соображеніями Контъ желаетъ доказать, что Блэнвилль не зналъ великой си-

⁴⁴⁾ Тб. III, sections III и IV.

⁴⁵⁾ Въ мѣсяцъ (13) Бима — 26-й день.

⁴⁶⁾ Напримѣръ, — I, 402, 405, 435.

лы «симпатическихъ инстинктовъ», не испытывалъ «систематическаго воздѣйствія сердца на умъ», а этотъ фактъ—«одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ результатовъ позитивизма», замѣчаетъ философъ, уже въ теченіе пяти лѣтъ пороживающій страстныя чувства къ Клотильдѣ Во. Въ *Системѣ позитивной политики* безпрестанно прославляется власть чувства надъ разумомъ. Мы увидимъ—это прославленіе беретъ свое философское начало въ сентъ-симонизмъ, но для насъ существенъ не источникъ, а результатъ. Философская идея сердца и аффектацій не помѣшала Конту, на основаніи своихъ личныхъ чувствительныхъ опытовъ, произнести надъ могилой покровителя и учителя обвиненіе въ эгоизмъ и его «печальный конецъ», т. е. его «непредвидѣнную смерть» объявить естественной для эгоистовъ.

«Урокъ» имѣлъ очень грустныя послѣдствія для учителя. Въ самомъ началѣ его рѣчи могли покинута товарищи и друзья Блэнвилля, не встрѣтила рѣчь сочувствія и среди учениковъ Конта. Литтре рѣшительно ее порицаетъ, даже Робина находить неудачно-выбраннымъ мѣсто и время для подобнаго краснорѣчія, наконецъ, одумался и самъ Контъ. Робинъ думаетъ, что печальная судьба надгробной рѣчи заставила Конта узаконить семилѣтній срокъ для подобныхъ приговоровъ ⁵⁷⁾.

Но тѣмъ не менѣе, изумительное напутствіе остается фактомъ, и, при всемъ философскомъ усащеніи суда, фактомъ въ высшей степени личнымъ.

Контъ говорилъ, что Блэнвилль «благородно принялъ его первичный очеркъ истинной соціальной науки на основахъ естественной философіи», что тотъ же Блэнвилль «немедленно призналъ свой низшій рангъ» въ позитивистскомъ календарѣ, несмотря на свою «несговорчивую гордость». Получается впечатлѣніе, будто Контъ снисходительно сообщалъ Блэнвиллю свои труды и потомъ благосклонно опредѣлялъ его мѣсто въ наукѣ. Впечатлѣніе, совершенно противорѣчащее дѣйствительности и собственнымъ заявленіямъ Конта. Несмотря на «мозговую гигиену» и на рѣшимость не имѣть дѣла ни съ какой чужой критикой, Контъ до конца пользовался отзывами Блэнвилля. Это видно изъ простаго хронологическаго сопоставленія. Въ сентябрѣ 1842 года Контъ сообщаетъ Вала, что онъ рѣшился не считаться съ замѣчаніями Блэнвилля, а въ декабрѣ слѣдующаго года въ письмѣ къ Миллю онъ въ восторгѣ отъ критики того же Блэнвилля ⁵⁸⁾.

Какъ бы то ни было, Блэнвилль относительно Конта занималъ совершенно другое положеніе, чѣмъ усиливается представить Контъ. А что касается распредѣлительной справедливости позитивистскаго календаря, значеніе ся для Блэнвилля,—настоящаго ученаго и убѣжденнаго католика—чистѣйшій плодъ первосвященническаго *воображенія* Конта. Сообщение Литтре въ данномъ случаѣ—несомнѣнно *исторія*.

И врядъ ли кто могъ серьезно относиться къ приговорамъ Конта въ

⁵⁷⁾ *Ibid.*, 478. *Littre*. 639.

⁵⁸⁾ *Lettres à Valat*. 304—5. *Lettres inédites*. 286.

описываемую эпоху. Если въ его личныхъ отношеніяхъ и была какая система, она сводилась къ нетерпимой притязательности на непогрѣшимость и философское единодержавіе. Все, что хотя бы отдаленно угрожало въ полномъ смыслѣ клерикальному духовному деспотизму, что могло бросить тѣнь на неограниченно-ослѣпительное философское солнце «запада», — все это стремительно отталкивалось и подвергалось перунамъ новой папской власти. Объяснять или оправдывать эти дѣйствія по общечеловѣческимъ принципамъ морали и разума нѣтъ возможности. Здѣсь мыслима только одна «правда»: субъективное созволеніе, *potius propterea* верховной особы, и естественно, даже фанатикамъ-контистамъ приходится отступать предъ нѣкоторыми проявленіями практической религіи своего учителя.

А практика у Конта шла непосредственно за теоріей. Говоря о *Sacerdote de l'Humanité*, Контъ вполне серьезно извлекалъ всѣ житійскія слѣдствія изъ этой идеи и не путемъ доказательствъ, а предписаній. Его тяжба за субсидію, — безпримѣрная во всей исторіи человѣческой мысли, — фактъ столь же невиняемый съ точки зрѣнія общечеловѣческаго нравственнаго достоинства и здраваго смысла, какъ надгробная рѣчь надъ Блэнвиллемъ, «воспоминанія» о Сентъ-Симонѣ. Надо обладать совершенно исключительной психологіей, чтобы написать письмо къ Блэнвиллю, почти съ явнымъ негодованіемъ, какъ онъ могъ лишить автора письма «его счастливой философской беззаботности». Только при такой же психологіи мыслимо знаменитое *Воззваніе къ западной публикѣ*, о «нравственномъ долгѣ» снабжать средствами основателя позитивизма⁵⁹⁾. Циркуляры и предисловія Конта къ разнымъ томамъ *Системы позитивной политики* смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ энцикликами папскаго престола. Это — гипнозъ величія, не просто высшая оцѣнка своего значенія, а вдохновенный, органическій культъ своей духовной личности. И не только духовной, потому что философическій культъ своего я безпрестанно обнаруживалъ самое реальное себѣлюбіе и самообожаніе. Первосвященникъ, не переставая заявлять объ «умственной», о «мозговой гігіенѣ» и торжественно отрекаясь отъ полемики за свои истины, — время отъ времени практиковалъ самый подозрительный жанръ нравственной и философской критики, до послѣдней степени злобный и «анти-гігіеничный» въ литературномъ смыслѣ. И критика возникла не во имя принциповъ, т.-е. не вовсе по внушенію философской системы, а подъ вліяніемъ несомнѣнно «мелкихъ сторонъ» бѣдной человѣческой природы.

Клотильда Во, вполне засвидѣтельствовавшая свою бездарность двумя повѣстями, ставится рядомъ съ Жоржъ-Зандъ и въ ней открывается талантъ — способствовать «необъятному возрожденію» человѣчества въ XIX вѣкѣ⁶⁰⁾.

⁵⁹⁾ Robinet. 459.

⁶⁰⁾ Dumas. О. с. 163—4.

Мишль и Литтре въ особенности должны были почувствовать тяготу контовскаго первосвященства,—Литтре, такъ много и совершенно безкорыстно хлопотавшій о ежегодной субсидіи учителю и такъ горячо восхваленный имъ въ *предисловіи* къ первому тому *Системы позитивной политики*,—Мишль, такъ искренно восхищавшійся талантомъ Конта и искавшій въ его личности удовлетворенія своихъ высшихъ умственныхъ запросовъ. Оба попали въ разрядъ еретиковъ и вѣроотступниковъ, въ буквальномъ смыслѣ, и правилами контовской справедливости были превращены во «враговъ», а Литтре даже въ «главнаго», и Мишль, идеальный образецъ сдержанности и аристократизма, долженъ былъ «несправедливость» Конта признать *общимъ явленіемъ*.

Это признаніе, мы видѣли, было высказано по поводу отношеній Конта къ Сень-Симону. Мишль, очевидно, не удивлялся этимъ отношеніемъ, и совершенно основательно. Если онъ, Мишль, не пожелавшій только слѣдовать за Контомъ въ нѣкоторыхъ *выводахъ* его философіи, оказался достойнымъ гоненія,—чего же можно было ожидать для Сень-Симона, однимъ существованіемъ своихъ произведеній угрожавшаго пьедесталу контовской философской славы? Мишль и Литтре преклонились предъ оригинальностью Конта, а ученики Сень-Симона осмѣливались публично заявлять, что пророкъ новой религіи своими основными идеями обязанъ Сень-Симону. И—что особенно должно было раздражать Конта—это мнѣніе высказывалось ближайшими свидѣтелями личныхъ отношеній учителя и ученика. Напримѣръ, Контъ давалъ подробнѣйшій отчетъ о своей ссорѣ съ Сень-Симономъ Гюставу Эйхталю, ему же сообщалъ, что Родригъ можетъ засвидѣтельствовать, какъ Сень-Симонъ нарушилъ свое обѣщаніе и напечаталъ его *Систему позитивной политики* въ видѣ третьей тетради своего сочиненія. И въ результатѣ, Эйхталъ, мы знаемъ, явился свидѣтелемъ *противъ* Конта въ печати и продолжалъ свидѣтельствовать противъ него и въ перепискѣ съ Мишлемъ, а Родригъ остался восторженнѣйшимъ почитателемъ личности Сень-Симона. Вообще весь лагерь сень-симонистовъ, считавшій Конта только дессидентомъ сень-симонизма, не давалъ покою до нестерпимой болѣзненности выросшему самолюбію и славолюбію Конта ⁴¹⁾. И всѣ они, вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, оказывались «жонгльерами» и даже корыстными дѣльцами.

41) J. S. Mill. *Corresp. inéd. avec. G. d'Eichthal*. P. 98. 62. 71. До какой степени строго Контъ относился къ заимствованіямъ изъ его сочиненій, кромѣ многократныхъ безличныхъ жалобъ,—показываетъ его исторія съ Базаромъ. Въ *Producteur*'ѣ Базаръ высказалъ мысль, что въ положительныхъ наукахъ нѣтъ свободы совѣсти. Контъ указалъ, что эта мысль принадлежитъ ему, была напечатана въ 1822 г. въ сочиненіи, позже получившему названіе *Система позитивной политики*, и потребовалъ, чтобы это было печатно заявлено Базаромъ. Базаръ отказался и дѣло едва не дошло до дуэли (Litttré, 113). Контъ вообще считалъ сень-симонистовъ своими выучениками, хотя, по его словамъ, отнюдь не гордился этимъ. (Письмо къ Эйхталю у Литтре, 173). Но и здѣсь притязанія философа на учительство и оригинальность встрѣча-

Намъ теперь ясна психологія Конта, какъ безпощаднаго врага Сентъ-Симона—философа и человѣка. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, психологія эта не отличается нравственной высотой и не служитъ къ укра-

ются съ неблагопріятными фактами. Одинъ особенно ярокъ. Сентъ-симонисты во время устояой пропаганды своего ученія одно изъ собраній посвятили критикѣ *Системы позитивной политики*, написанной въ 1822 году. Сентъ-симонисты находили, что Контъ слишкомъ рѣзко отрицаетъ роль воображенія въ позитивной стадіи человѣческаго развитія. Воображеніе, напротивъ, сохраняетъ свое значеніе,—именно въ созданіи *ипотезъ*, сопровождающихъ развитіе какихъ угодно положительныхъ наукъ. Не отсутствіе гипотезъ характеризуетъ позитивный уровень наукъ, а характеръ гипотезъ. Въ сущности безъ предварительно-составленной теоремы и гипотезы не мыслимо никакое обсужденіе наблюдаемыхъ фактовъ: „une conception précède le raisonnement“ и провѣряется новыми изслѣдованіями. (*Doctrine de Saint-Simon. Expositi-on. Prémidière année. P. 1831, 373—389*). Это говорилось въ 1829 году. Контъ представилъ *тождественную* теорію гипотезъ въ *Курсъ позитивной философіи*, въ 28 лекціи II-го тома, написанной въ 1835 году (2 изд., II, 266, 297—9). Касательно перемѣны взглядовъ у Конта сообразно съ настроеніемъ,—на что указалъ Милль и съ чѣмъ согласился Литтре,—можно привести иллюстрацію болѣе общаго характера. Извѣстно, съ какимъ усердіемъ Контъ доказывалъ Миллю естественный низкій уровень женской природы сравнительно съ мужской, обрекающій женщину на жизнь домашнюю (*éminement domestique*—письмо отъ 16 іюля 1843 г.). Взглядъ этотъ не всегда былъ убѣжденіемъ Конта въ такой рѣзкой формѣ. Въ молодости у него была романтическая связь съ парижской дамой. Контъ восторженно рассказываетъ о своемъ счастьѣ любовника и отпа, весело издѣвается надъ обманутымъ мужемъ, восхищается своей героиней. Счастья хватило немного больше чѣмъ на годъ. Контъ сталъ тяготиться свиданіями, горько жаловаться на требовательность своей возлюбленной, но всетаки считалъ нужнымъ снисходить на основаніи общей причины,—крайне жалкаго положенія женщины въ современномъ обществѣ. Контъ негодуетъ на „его величество мужчину, который милостію Божіей и силой своихъ мускуловъ сталъ собственникомъ домашнего животнаго, именуемаго женщиной“. Контъ говоритъ исключительно о „страшномъ законѣ сильнѣйшаго“, и далекъ отъ мысли доказывать естественность преимуществъ мужчины (*Lettres à Valat, 42, 85 etc.*). Совершенно другой тонъ писемъ къ Миллю; Контъ испыталъ жестокое горе въ семейной жизни, едва не доведшее его до самоубійства. Его удержала только мысль объ его высокомъ философскомъ назначеніи,—но отношеніе къ женщинѣ, очевидно, приняло другую окраску. Можно думать и она не осталась прочной. Клотильда Во, глубоко повлиявъ вообще на характеръ даже идей Конта, еще разъ измѣнила и его отношеніе къ женщинѣ, явившись для философа: „une belle compagne“, „une précieuse conseillère“, „une éminente collègue“ и даже предметомъ культа и вдохновительницей чувствъ и идей, изложенныхъ въ *Системѣ позитивной политики* подъ заглавіемъ *Influence féminine du positivisme*. Позитивизмъ, по словамъ Конта, открываетъ женскому полу такъ же какъ и народу „благородный социальный путь“. Она вмѣстѣ съ пролетаріемъ является „существенной частью новой духовной власти“, и эта власть осуществляется такимъ образомъ: философы—органъ систематизаціи, пролетаріи—политическая гарантія, женщины—„élément affectif“, стихія чувства; только оно вмѣстѣ съ энергіей народа можетъ обезпечить социальную силу позитивнаго разума (208, 212, 215). Нельзя не вспомнить, что анфантаністы еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ совоставляли „женщину и пролетарія“ и приписывали себѣ ихъ освобожденіе (*Le Proletaire et la Femme, Prédications, P. 78. III, 351*). Анфантаністы совсѣмъ иначе понимали освобожденіе женщины, чѣмъ Контъ, но и ихъ духовная организація сла-

шенію пророческаго достоинства философа. Но для насъ руководящее значеніе имѣть не этотъ вопросъ, а психологическая почва невѣроятной войны, какую одинъ изъ знаменитѣйшихъ мыслителей XIX в. велъ съ личностью своего непосредственнаго предшественника и многолѣтняго учителя. На основаніи сопоставленія идей Конта и Сень-Симона, на основаніи аналогичныхъ субъективно-философскихъ эпизодовъ въ жизни Конта, мы приходимъ къ выводу, не только отвергающему судъ ученика надъ учителемъ, но съ особенной убѣдительностью удостоверяющему прямую идейную зависимость судьи отъ осужденнаго. Въ неизбывномъ чувствѣ этой несправедливой зависимости, въ мучительномъ сознаніи фактическихъ неопровержимыхъ доказательствъ первенствующаго творческаго значенія сень-симонизма въ возникновеніи и въ развитіи позитивизма мы видимъ источникъ недостойнаго отношенія Конта къ воспитателю и покровителю своего философскаго таланта. Выводъ этотъ долженъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ идейномъ и личномъ вопросѣ о Сень-Симонѣ. Контъ своимъ авторитетомъ и его послѣдователи своимъ усердіемъ стремились воздвигнуть грозную стѣну между общественнымъ мнѣніемъ и подлинной исторіей Сень-Симона и похоронить память философа въ общемъ презрѣніи и забвеніи. Врядъ ли самый неукротимый личный врагъ могъ изобрѣсти болѣе жестокую задачу, чѣмъ намѣренія и дѣйствія самаго знаменитаго ученика Сень-Симона.

Теперь мы обратимся къ самымъ преданнымъ его ученикамъ и посмотримъ, насколько они оказались способными защитить своего учителя отъ посягательства Конта и установить среди безпристрастной публики, истинное представленіе о Сень-Симонѣ, какъ человѣкѣ и какъ философѣ. Во главѣ его вѣрныхъ почитателей стоятъ Олэндъ Родригъ, — единственный среди сень-симонистовъ его непосредственный ученикъ и представитель предъ современниками и потомствомъ.

XI.

Въ торжественномъ собраніи сень-симонистовъ Олэндъ Родригъ произнесъ публичную исповѣдь и, между прочимъ, заявилъ: «я родился іудеемъ, но мой отецъ желалъ создать изъ меня человѣка для будущаго, а не для прошедшаго, я никогда не выполнялъ обрядовъ іудейства.

«Сень-Симонъ заставилъ меня понять и почувствовать въ глубинахъ моего сердца возвышенную религію, которая восторжествовала надъ языческими Римомъ и надъ варварами, проявляя высшее могущество самоот-

газая изъ философа—первосвященника, женщины и пролетарія. Своеобразная исторія съ Клотильдой Во сообщила извѣстную окраску системѣ Конта. Очевидно, его общіе приговоры всегда стояли въ тѣснѣйшей связи съ его личными аффектами и въ этомъ отношеніи онъ вполне оправдалъ свое правило: „Le sentiment doit toujours dominer l'intelligence“ (*Syst. de pol. posit.* I, 435 ср. *Dédicace* къ I-му тому и *Invocation finale*, IV, 545).

реченія, освящая достоинство женщинъ, по крайней мѣрѣ, подѣ сънью домашняго очага, призывая всѣ классы общества къ взаимному общенію, по крайней мѣрѣ, духовному, несомнѣнное предназначеніе болѣе реальнаго и болѣе широкаго общенія, величественное предвѣстіе всемірной ассоціаціи всѣхъ дѣтей одного и того же отца.

«Однако, я не принялъ христіанства. Кто же я? Атеистъ? Нѣтъ!

«Я—сень-симонистъ»⁶³⁾).

Дальше слѣдовало восторженное прославленіе сень-симонистской религіи, ея верховнаго главы—Анфантена, іюльской революціи, народа и, наконецъ, призывъ къ обществу объ учрежденіи рабочаго банка.

Въ этой рѣчи ярко и вѣрно отразилась личность «перваго ученика» Сень-Симона, какъ именовалъ себя Родригъ, исполненный искренняго энтузіазма къ личности своего учителя, къ религіи будущаго, всегда готовый на героическое дѣло, на самоотреченіе, до конца оставшійся истиннымъ рыцаремъ сень-симонизма въ его религіозно-нравственныхъ задачахъ.

У Олэнды былъ братъ Евгенийъ, воплощавшій въ себѣ всю глубину семитической религіозной стихіи. «Онъ нашъ святой», говорили о немъ сень-симонисты, и въ этомъ признаніи звучало не только сектантское пристрастіе. Евгенийъ дѣйствительно напоминалъ своей двадцати трехлѣтней жизнью подвижника религіи. Съ самой ранней молодости онъ «питался великими книгами человѣчества», внимательно изучилъ іудейство, христіанство, магометанство, усвоилъ твердую вѣру въ пробужденіе среди новаго человѣчества религіознаго чувства и съ восхищеніемъ отдался «откровенію Сень-Симона». Онъ одинъ изъ первыхъ переступилъ границы сень-симонизма, какъ философъ, и явился дѣятельнѣйшимъ апостоломъ сень-симонистской церкви. Его *Письма о религіи и политикѣ* возымѣли значеніе одной изъ священныкъ книгъ новой религіи и «верховный отецъ» Анфантенъ постоянно ссылался на нее, какъ на сокровищницу догматовъ. Евгения посвятилъ въ сень-симонизмъ старшій братъ, руководившій вообще его умственнымъ развитіемъ⁶⁴⁾).

Олэндъ Родригъ «жилъ жизнью пророка» два года, познакомился съ Сень-Симономъ въ маѣ 1823 года⁶⁵⁾. Точный срокъ не лишень значенія: вспомнить, что именно въ это время разгоралась вражда Конта противъ Сень-Симона, будто бы обманно затѣгивавшаго изданіе его сочиненія. Родригу въ точности было извѣстно все дѣло и, принимая во вниманіе его

⁶³⁾ Рѣчь послѣ объявленія Анфантена „le chef suprême de la religion Saint-Simonienne“ 27 ноября 1831 г. *Oeuvres, Notices historiques*. IV, 109—210. Олэндъ Родригъ обладалъ выдающимся математическимъ талантомъ.

⁶⁴⁾ *Lettres sur la religion et la politique*. P. 1829 приложены переводъ сочиненія Лессинга *О воспитаніи рода человѣческаго* и краткая характеристика Евгения Родрига.

⁶⁵⁾ Его выраженія: „cet homme est celui qui seul vécut deux ans de la vie du révélateur“. *Not. hist.* VI, 43. *Oeuvres*. XXIII, 8.

личность, мы вряд ли можем сомнѣваться, что онъ немедленно порвалъ бы съ Сень-Симономъ, если бы жалобы Конта имѣли основаніе. По Родригъ не только не сталъ на сторону Конта, а по уходѣ его занялъ его мѣсто сотрудника Сень-Симона и сосредоточился на той сторонѣ его ученія, какая больше всего отвѣчала его природѣ. Вообще, изучая отношенія учениковъ къ нашему философу, мы видимъ, какъ каждый изъ нихъ спѣшилъ войти въ кругъ идей лично ему близкихъ, и въ бесѣдахъ и въ сочиненіяхъ Сень-Симона всѣ находили по меньшей мѣрѣ тотъ толчокъ, то «возбужденіе», какое даже Лафиттъ не рѣшается отрицать по отношенію къ Конту ⁴⁵⁾. Тьерри привлекло ученіе Сень-Симона объ исторической наукѣ, Контъ посвятилъ себя воздѣлыванію «общей науки», т.-е. позитивной философіи, а Родригъ страстно привязался къ религиознымъ воззрѣніямъ учителя. Сень-Симону до конца не посчастливилось встрѣтить ученика со всеобъемлющимъ философскимъ талантомъ, съ умомъ, способнымъ въ одинаковой полнотѣ усвоить и развить его теоретическую и практическую философію. И самый преданный и внимательный ученикъ—въ энтузіазмѣ односторонняго увлеченія—сослужилъ едва ли не самую отрицательную службу своему наставнику, какъ мыслителю.

Мы видѣли, Родригъ приписывалъ Сень-Симону свое посвященіе въ нравственный міръ христіанства. Мы знаемъ, Сень-Симонъ высоко цѣнилъ христіанскую религію, какъ великую и положительную культурную силу, цѣнилъ за ея организацію духовной власти въ средніе вѣка, т.-е. какъ учрежденіе, и еще выше ставилъ христіанство, какъ нравственную систему. Прямые заявленія на этотъ счетъ встрѣчаются въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Сень-Симона, когда социальный вопросъ окончательно становится рядомъ съ философскимъ, является его логическимъ и практическимъ выводомъ. Около 1819 года возникаетъ отрывокъ *Naissance du Christianisme* и съ этихъ поръ, надо полагать, Сень-Симонъ не перестаетъ заниматься христіанствомъ, какъ моралью: мы могли заключить это изъ откровеній Конта въ письмѣ къ Вала и особенно изъ сочиненій самого Сень-Симона за 1820 и 1821 годы. Прославляется высокая личность основателя христіанства, гениальность апостола Павла, въ обращеніи къ промышленникамъ—евангельское предписаніе о любви къ ближнимъ полагается въ основу разрѣшенія социального вопроса, первые христіане ставятся въ примѣръ современнымъ социальнымъ преобразователямъ, христіанская мораль именуется «божественной» ⁴⁶⁾.

Всѣ эти мысли—вступленіе къ позднѣйшему предсмертному сочиненію *Новое христіанство*. Родригъ засталъ Сень-Симона въ процессѣ созданія этой книги, и принявъ въ немъ участіе. Какъ далеко оно простиралось, у насъ нѣтъ указаній, но что оно было немаловажнымъ, доказывается

⁴⁵⁾ *R. occid.* I juillet 82, 36.

⁴⁶⁾ *Oeuvres*. XIX, 180. XXII, 84, 85, 127.

предисловіемъ, пространнымъ и очень внушительнымъ и потому значеніемъ, какое *Новое христіанство* получило въ рукахъ Родрига для дальнѣйшей судьбы сенъ-симонизма. Предисловіе написано Родригомъ и «я,—говоритъ авторъ,—побудилъ Сенъ-Симона принять его какъ своего рода переходъ философскаго духа къ религіозному чувству». Въ предисловіи объясняется цѣль сочиненія — «призвать народы и государей къ истинному духу христіанства», «попытаться опредѣлять вліяніе религіознаго чувства въ обществѣ». Сочиненіе имѣетъ въ виду тѣхъ, кто видитъ «существенную цѣль» религіи въ морали, кто усвоилъ все истинное возвышенное и божественное въ первобытномъ христіанствѣ, призналъ преимущество морали надъ культомъ и догмой и понималъ, что культъ и догма должны сосредоточивать вниманіе всѣхъ вѣрныхъ на божественномъ и нравственномъ законѣ.

Такъ писалъ Родригъ, точно передавая взглядъ Сенъ-Симона на религію, но весьма часто опускаая социальную почву и задачу этого взгляда. Правда, Родригъ сознается, что онъ не понималъ еще всего «необъятнаго значенія» книги Сенъ-Симона, что Сенъ-Симонъ только передъ смертью просвѣтилъ его. Учитель говорилъ:

«Послѣдняя часть нашихъ работъ будетъ, можетъ быть, дурно понята.

«Нападая на средневѣковую религіозную систему, доказали въ сущности только одно: эта система не согласовалась съ прогрессомъ положительныхъ наукъ; но ошибочно отсюда заключать, что религіозная система должна вообще исчернуть, она должна только придти въ соответствие съ прогрессомъ наукъ»⁶⁷⁾. Дѣло это Родригъ признавалъ своимъ назначеніемъ. Онъ извлекъ изъ всего міросозерцанія Сенъ-Симона религіозную струю и на ней сталъ изощрять свой реформаторскій пылъ и неукротимую энергію. Обстоятельства какъ нельзя болѣе помогли этой работѣ.

Незадолго до смерти Сенъ-Симона Родригъ встрѣтился съ Просперомъ Авфантеномъ, такъ же какъ и онъ сыномъ банкира. Отецъ Авфантена обанкротился и сыну пришлось пережить весьма разнообразную трудовую жизнь. Въ качествѣ ученика политехнической школы, онъ мужественно дрался въ 1814 году, потомъ велъ торговлю винами въ Германіи, въ Петербургѣ, возвратился, наконецъ, въ Парижъ, и здѣсь предъ нимъ неожиданно открылось новое поприще. Авфантенъ отъ природы чувствовалъ такое же влеченіе къ философіи, какое Родригъ къ религіи, всюду искалъ яснаго отвѣта на грозные вопросы современности и напалъ, наконецъ, на сочиненія Сенъ-Симона, именно на *Катехизисъ промышленниковъ*.

Встрѣча съ Родригомъ, повидимому, окончательно убѣдила его, что Сенъ-Симонъ искомый вождь. Родригъ привелъ его къ учителю, Сенъ-Симонъ былъ уже на смертномъ одрѣ, и Авфантенъ могъ только присутствовать при чтеніи Родригомъ *Новаго христіанства*⁶⁸⁾. Сенъ-Симонъ

⁶⁷⁾ *Oeuvres de S. S.* par O. Rodrigues. 2-й выпускъ. 85. Курсивъ автора.

⁶⁸⁾ Эти свѣдѣнія разсѣяны по разнымъ томамъ *Oeuvres*. Біографія Авфантена—*Not. hist.* I, 135 etc. также *N. hist.* VI, 48; *Oeuvres*. XXIII, 11.

умеръ, и его трудъ остался въ рукахъ двухъ друзей, какъ завѣщаніе, какъ неисчерпаемый источникъ вдохновеній. Вскорѣ они приобрѣли себѣ товарища съ блестящимъ ораторскимъ талантомъ и съ силой воли, закаленной въ политической борьбѣ. Это былъ будущій второй «отецъ» сень-симонистской религіи—Базаръ.

Предъ нами его пространная и искренняя исповѣдь, изложенная въ письмѣ къ одному изъ членовъ сень-симонистской семьи. Незаконный сынъ, осужденный съ самаго начала на тяжелую житейскую борьбу и во многихъ случаяхъ на унижительное положеніе, Базаръ рано окунулся въ политическую войну. Ему уже въ ранней молодости казалось, что на немъ лежитъ нѣкое призваніе. Это чувство поддерживалось въ немъ невольнымъ сознаніемъ своего превосходства надъ большинствомъ тѣхъ, кому приходилось подчиняться. Отвращеніе къ авторитету подобныхъ людей толкнуло его въ опасныя политическія предпріятія. Онъ сталъ однимъ изъ главныхъ вождей карбонаризма. Заговоры не имѣли никакого положительнаго успѣха, Базаръ долженъ былъ спастись отъ смертнаго приговора, но тяжелѣе всего оказалось разочарованіе «въ критической философій и въ революціонной политикѣ». Въ это время его вниманіе привлекли сочиненія Сень-Симона, и Базаръ тотчасъ же почувствовалъ, что въ «воззрѣніяхъ этого смѣлаго новатора заключается зерно новаго міра», къ которому давно «инстинктивно» стремился Базаръ ⁶⁹⁾.

И онъ съ энтузіазмомъ принялся за изученіе желанныхъ идей. Его убѣдительная рѣчь, простая, всегда изобрѣтательная логика, его исконный навыкъ *доказывать* отвлеченныя истины, — все это отвело Базару первое мѣсто въ исторіи сень-симонизма послѣ смерти Сень-Симона, но первое по внутренней значительности дѣла, а не по внѣшнему эффекту, не по практическимъ результатамъ. Здѣсь Анфантэнъ возымѣлъ всѣ преимущества надъ политикомъ и діалектикомъ, — Анфантэнъ, обладавшій особымъ стихійнымъ очарованіемъ въ глазахъ толпы, человекъ паюса и гипнотическаго воздѣйствія, гораздо болѣе красивый, чѣмъ краснорѣчивый, неизмѣримо болѣе чувствительный, чѣмъ даровитый, неотразимо-симпатичный, а не логически сильный.

Родригъ немедленно былъ подавленъ своими блестящими соребрователями и съ искренней готовностью призналъ себя существомъ низшаго порядка предъ Анфантэномъ и Базаромъ. Но тѣмъ замѣчательнѣе оказалась его апостольская дѣятельность.

Мы видѣли, его цѣль заключалась въ переходѣ отъ философскаго *духа* къ религіозному *чувству*. Братъ его, несомнѣнно, съ величайшимъ жаромъ поощрялъ эту цѣль, но обоимъ имъ пришлось подчиниться неотразимо-властному паюсу Анфантэна.

Евгеній считался однимъ изъ главныхъ богослововъ новой религіи, — та

⁶⁹⁾ Not. Hist. VII, 41—62.

кой смыслъ имѣли заявленія самого Анфантена, — но Евгеній передавалъ только откровенія «верховнаго отца». Такъ понимало дѣло сент-симонистское общество. Эйхталъ опредѣлялъ значеніе Анфантена слѣдующими словами въ письмѣ къ Оланду Родригу: «этотъ человѣкъ далъ намъ догматы, возвышенный намъ Сентъ-Симономъ. Онъ далъ намъ новую *политику* и новую *теологию*. Онъ сдѣлалъ больше: онъ открылъ вамъ такъ же, какъ и намъ, чѣмъ былъ вашъ *учитель*, онъ открылъ намъ его устами Евгенія, устами вашего брата». Слѣдовательно, Анфантенъ истинный основатель сент-симонизма, какъ религіи и церкви ⁷⁰⁾.

Откуда же онъ заимствовалъ принципы своего созданія? Эйхталъ говорить — отъ Сентъ-Симона: ею Анфантенъ открылъ даже Родригу. Самъ Анфантенъ считалъ символомъ своей вѣры — присутствіе въ немъ, въ его личности — Сентъ-Симона, и пытался связать логически свое ученіе съ *Новымъ христіанствомъ* ⁷¹⁾. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ оно развивалось при восторженныхъ одобреніяхъ Родрига, который давалъ ихъ публично на основаніи своего авторитета, какъ единственнаго ученика Сентъ-Симона, какъ прямого наслѣдника его идей. Эйхталъ все это напомнилъ ему, когда онъ рѣшилъ отложиться отъ Анфантена.

Улика была неопровержимая. Безъ горячаго соучастія Родрига Анфантену трудно было бы занять такъ легко положеніе сент-симонистскаго пророка и устремиться дальше по пути, испугавшему, наконецъ, самого Родрига.

Мы находимъ его на первомъ мѣстѣ во всѣ моменты возвышенія Анфантена. По завѣту Сентъ-Симона возникаетъ журналъ *Производитель* сначала еженедѣльный — Родригъ инициаторъ изданія, — но Анфантенъ оказывается главнымъ сотрудникомъ; изъ пятидесяти двухъ сент-симонистскихъ редакціонныхъ статей, — ему принадлежитъ сорокъ девять, имъ же написана программа и въ одномъ первомъ томѣ *ежемесячнаго Производителя* не менѣе пятнадцати статей. Въ частной перепискѣ Анфантенъ говорить о журналѣ, какъ хозяинъ, властной рѣчью неограниченнаго представителя сент-симонистской редакціи ⁷²⁾. Рядомъ съ нимъ въ журналѣ пишутъ Родригъ, Базаръ, Огюсть Контъ, Бюшезъ, Лоранъ и другіе послѣдователи новой философіи: ихъ статьи, мы увидимъ, представляютъ крупную идейную цѣнность, — но направляющая сила, видимо, у Анфантена, — и прежде всего потому, что носитель сент-симоновскаго преданія явился его преданнымъ спутникомъ, — и въ послѣдствіи издателя сочиненій Сентъ-Симона и Анфантена имѣли право *всѣхъ* сент-симонистовъ считать просто сотрудниками одного Анфантена.

Онъ, независимо отъ кого бы то ни было, принялся развивать и до-

⁷⁰⁾ *Not. hist.* VI, 48—9.

⁷¹⁾ *Ib.* 5.

⁷²⁾ *Oeuvres.* XXIV, 51, 71, 96. *Not. hist.* I, 173, 180—1.

попытъ наслѣдіе Сентъ-Симона. Преданіе и писаніе его нисколько не смущало. Анфантэнъ, говорится въ исторіи сентъ-симонизма, обладалъ цѣльной доктриной и не только «въ той формѣ, какъ ее завѣщалъ Сентъ-Симонъ своему вѣрному ученику, но и въ какой онъ, Анфантэнъ, долженъ былъ истолковать ее, дополнить и изложить въ своихъ произведеніяхъ».

Дальше исторія сообщаетъ, что Анфантэнъ неустанно развивалъ «свою религіозную мысль»—во всѣхъ своихъ письмахъ. Онъ поставилъ себѣ рядъ вопросовъ—о мировой жизни, о безсмертіи, о божественномъ провидѣніи, о послѣдовательномъ откровеніи, о скрытомъ смыслѣ чудесъ, о вѣщательствѣ социальнаго провидѣнія въ устраненіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, въ превращеніе женщины «въ равную и истинную половину мужчины, долженствующую образовать социальный индивидуумъ» ⁷³⁾.

Находились ли всѣ эти вопросы въ подлинномъ философскомъ наслѣдствѣ Сентъ-Симона и завѣщалъ ли философъ точные отвѣты на тѣ или другія поставленныя Анфантэномъ задачи?—Анфантэнъ не имѣлъ нужды справляться съ идеями «учителя».

Онъ *единолично* дѣлалъ «важныя дополненія», становился «отцомъ новыхъ идей, вводимыхъ въ доктрину». Такъ выражаются сами сентъ-симонисты—вполнѣ согласно съ собственнымъ взглядомъ Анфантэна на свою роль, признанную впереди всѣхъ Родригомъ ⁷⁴⁾.

Что же означали эти *additions importantes*? Въ какой логической связи они съ ученіемъ самого Сентъ-Симона? Очевидно, въ той, какую требовалось установить Анфантэну.

Онъ охотно рассказываетъ о своемъ изученіи сочиненій Сентъ-Симона. Давалось оно ему очень трудно. Онъ жалуется на чрезвычайно непонятный языкъ философа. Вѣшняя форма его разсужденій иногда отбиваетъ охоту конспектировать ихъ сущности. Требуется усилія—постигнуть его идеи. Иному въ трехъ лѣтъ мало изучить какъ слѣдуетъ доктрину Сентъ-Симона,—напримѣръ, братъ Анфантэна, даже подъ его руководствомъ не успѣлъ за этотъ срокъ проникнуть въ существо дѣла ⁷⁵⁾.

Прилагая усиленный трудъ къ усвоенію воззрѣній Сентъ-Симона, Анфантэнъ относился къ нимъ критически, даже къ *Новому христіанству*, легшему, по его словамъ, въ основу его собственной дѣятельности. Имен-но,—онъ не согласенъ съ Сентъ-Симономъ относительно религіозной проповѣди народу. Анфантэнъ не знаетъ, что и какъ проповѣдовать народу? У него нѣтъ точнаго представленія о томъ, какое религіозное чувство можетъ испытывать народъ и какимъ языкомъ слѣдуетъ говорить съ нимъ, чтобы вызвать въ немъ общественные интересы ⁷⁶⁾?

⁷³⁾ *Not. hist.* II, 19—20.

⁷⁴⁾ *Ibid.*, VI, 48, II, 113.

⁷⁵⁾ Письма 26 августа 1825 г., 2 февраля 1826 г. *Oeuvres*. XXIV, 51—3. 84—5. *Not. hist.* II, 17—8, 15 ноября 1828.

⁷⁶⁾ *Oeuvres*. XXVI, 77—9, 26 ноября 1825 года.

Слѣдовательно, надо полагать, Анфантэнъ не рѣшится выступить на проповѣдническомъ поприщѣ? Такъ онъ думаетъ скорѣ послѣ смерти Сень-Симона,—но постепенно религіозный вопросъ захватываетъ его воображеніе и чувство, онъ быстро входитъ въ роль жреца и пророка, даже духовника отъ лица новой религіи. Первый шагъ въ этомъ направленіи—вполнѣ ясный, онъ рѣзко опредѣляетъ положеніе Анфантэна въ сень-симонистскомъ обществѣ,—и прежде всего,—отдѣляетъ его цѣлой пропастью отъ Базара.

Пока еще іерархія не существуетъ официально. Предъ нами просто кружокъ, одушевленный задачей развивать и распространять идеи Сень-Симона путемъ печати, переписки, устного слова. Даже религіозный вопросъ далеко не является общепризнаннымъ въ редакціи *Производителя*. Самъ Анфантэнъ пишетъ почти исключительно экономическія и финансовыя статьи,—и, мы увидимъ, собственно статья одного Конта *Разсужденія о духовной власти* настойчиво и пространно развивала идею *отры*. Въ теченіе всего изданія журнала мы только одинъ разъ встрѣчаемся съ ясно выраженнымъ притязаніемъ сень-симонизма—замѣнить въ качествѣ религіи другія религіозныя системы,—въ статьѣ второстепеннаго сотрудника ⁷⁷⁾). Фурнель называетъ журналъ «последнимъ выраженіемъ непосредственныхъ работъ Сень-Симона» ⁷⁸⁾). Въ высшей степени важное замѣчаніе со стороны одного изъ искреннѣйшихъ сень-симонистовъ: оно ставитъ грань между сень-симоновскимъ и анфантэновскимъ сень-симонизмомъ. Въ чемъ долженъ былъ заключаться *второй* сень-симонизмъ,—ясно изъ сообщенія прямого историческаго источника: «послѣ прекращенія *Производителя* его редакторы въ своихъ тѣсныхъ собраніяхъ занимались преимущественно религіознымъ вопросомъ». Исторія замѣчаетъ, что этотъ вопросъ поставилъ самъ Сень-Симонъ,—замѣчаніе справедливое,—только, очевидно, Сень-Симонъ поставилъ его не вполнѣ согласно съ намереніями «редакторовъ», если имъ пришлось формулировать вопросъ независимо отъ Сень-Симона и въ выраженіяхъ, противорѣчащихъ самому духу его философскаго направленія. Редакторы,—продолжаетъ исторія,—«спрашивали у себя, допускаетъ ли въ будущемъ человѣческій разумъ, при своихъ притязаніяхъ на позитивизмъ,—религіозныя вѣрованія, независимыя отъ научнаго наблюденія?»

Опредѣленно, *словами* выраженного отвѣта, въ сочиненіяхъ Сень-Симона не оказывалось,—но отвѣтъ, несомнѣнно, подсказывался самымъ понятіемъ—*позитивизмъ* и Сень-Симонъ никогда не допустилъ бы приписать человѣческому разуму—*des prétentions au positivisme*. По убѣжденію Сень-

⁷⁷⁾ Allier: *Examen des faits qui prouvent la tendance de la société à l'organiser Producteur*. II, 293. Первый № журнала вышелъ въ началѣ октября 1825 г. и выходилъ еженедѣльно до 1 мая слѣдующаго года, когда превратился въ еженѣщное изданіе, а 12 декабря было объявлено о прекращеніи журнала.

⁷⁸⁾ „La dernière expression des travaux directs de Saint-Simon“. О. с. 63.

Симона,—разумъ не *притязалъ* на позитивизмъ, а стремился къ нему, какъ къ своей естественной цѣли. Другой вопросъ,—какое мѣсто надлежитъ отвести вѣрованіямъ, независимымъ отъ науки, въ экономіи человѣческой культуры;—мы знаемъ,—Сень-Симонъ рѣшалъ его какъ философъ-позитивистъ, т.-е. *объясняя* явленіе безъ всякаго внимательства публицистическихъ настроеній. Но могъ ли онъ питать намѣреніе—*притязаніемъ* разума на позитивизмъ противопоставить новую систему исключительно—*чувствительнаго происхожденія*? Это, какъ мы видѣли изъ отдѣльныхъ идей философа и увидимъ изъ ихъ общаго развитія,—противорѣчию бы самой сущности его задачи.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Недѣля въ Шварцвальдѣ *).

IV.

Деревенскій дворъ.—Мужикъ.

Наконецъ, настала хорошая погода. Мы несемся по Шварцвальдской желѣзной дорогѣ. Эта линія такъ же замѣчательна въ техническомъ отношеніи, какъ Земмерингъ и Бреннеръ. Путеводители вычисляютъ, надъ какими безднами лѣпится она, какой страшной вышины поддерживаютъ ее арки и мосты, черезъ какое количество туннелей пробѣгаетъ она. Пока мы несемся еще по долинѣ Кинцигъ. Здѣсь горы начинаютъ выступать волнообразно, одна изъ-за другой. Долина суживается. Часто встрѣчаются лѣсопильные заводы, глиняные заводы, фабрики рѣзбы по дереву, вѣпокурённые заводы, гдѣ изготовляютъ знаменитый *киршвассеръ*. Большинство селеній католическое: на перекресткахъ распятія, часовни съ статуэтками святыхъ, передъ ними горятъ стеариновые свѣчи.

Наша сегодняшняя экскурсія—настоящая деревенская. Мы ѣдемъ въ глубь, въ горы осматривать типичное крестьянское хозяйство Hof—«дворъ». Чтобы сильнѣе проникнуться окружающей меня страной, я начинаю пересчитывать свѣдѣнія, доставленные мнѣ русскимъ отъ баденскаго администратора. Мои милые спутницы, мать и дочь фонъ Z., подтверждаютъ ихъ.

Бѣдныхъ дворовъ въ Шварцвальдѣ нѣтъ. Бѣдные крестьяне идутъ сами въ сельскіе работники. Шварцвальдъ страна старая.

— Очень старая,—подтверждаютъ мои собесѣдницы.—Еще римляне отлично знали ее. Одна изъ римскихъ императрицъ купалась въ источникахъ Шварцвальда.

Шварцвальдъ занимаетъ около 6,500 квадратныхъ километровъ. Его населеніе достигаетъ 450,000 жителей; изъ нихъ четыре пятыхъ принадлежатъ герцогству Баденскому, одна пятая Виртембергскому королевству.

Кромѣ католиковъ и протестантовъ есть небольшія религіозныя общины.

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1900 г.

менонитовъ около 1,250 ч.; баптистовъ 500 ч.; братская-евангелическая община 400 ч., «называемая также «герренгутеры».

Главное мѣсто герренгутеровъ Кёнигсфельдъ,—говорятъ мои спутницы,—Кёнигсфельдъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, близъ Филлингена.

Въ Кёнигсфельдѣ правовыя отношенія довольно своеобразны: земля принадлежитъ общинѣ за исключеніемъ дворовъ. Общинѣ принадлежитъ торгово-промышленный домъ, пивоварня, два воспитательныя учрежденія и цѣлый поселокъ. Для пожилыхъ, холостыхъ крестьянъ и крестьянокъ существуетъ общинный домъ. Кёнигсфельдъ отличается чистотой, порядкомъ и добрыми нравами. Онъ считается также «воздушной» хорошей станціей. Онъ стоитъ на плоскогорьѣ и окруженъ сосновыми лѣсами.

— Вы это сообщите у себя,—прибавляютъ мои дамы,—интересно. Русскіе мало знаютъ про нашъ Шварцвальдъ; кромѣ Бадена да Сенъ-Блазиенъ нигуда не заглядываютъ.

Земельная собственность въ Шварцвальдѣ очень разнообразна. Собственно хозяйства *землепашцевъ* состоятъ изъ участковъ отъ 10—100 морговъ. Изъ этого исключаются участки батраковъ и кустарей. Владѣющій сотнею морговъ считается крупнымъ землевладѣльцемъ. Есть крестьяне, которые владѣютъ и 500 моргами. Цѣна морга земли колеблется, глядя по положенію ея и почвѣ, между сорока и восьмьюстами марками за моргъ.

Тѣ же, кто занимается кустарнымъ промысломъ — а ихъ много въ Шварцвальдѣ—имѣютъ пахотной земли и луговъ настолько, чтобы прокормить свою семью, т.-е. отъ двухъ до трехъ морговъ.

Крестьяне платятъ государственныя и земскія (мірскія, коммунальныя) повинности. У крупныхъ, зажиточныхъ крестьянъ, смотря по ихъ оборотамъ, сойдеть податей отъ 800 до 5,000 марокъ. У мелкихъ хозяевъ, имѣющихъ около трехъ морговъ, сойдеть тоже немало: отъ 200—300 марокъ *).

Въ Шварцвальдѣ есть крестьяне, которые кромѣ земли имѣютъ изрядныя суммы денегъ въ процентныхъ бумагахъ и въ закладныхъ листахъ. Подоходнаго налога взимается 2 м. 50 п. на 100 м. Налогъ на ренту 10 со 100 марокъ.

— Крестьянская семья изъ шести человѣкъ, напр., можетъ хорошо прожить на шестьсотъ марокъ,—говорятъ мои спутницы—расходуя ихъ на вещи, которыя не добываются въ самомъ хозяйствѣ. Конечно, бѣдныя семьи сокращаютъ расходы сколько возможно. Вообще шварцвальдецъ довольствуется малымъ, при тяжелой, сельской, горной работѣ. Онъ трудолюбивъ и экономенъ, характера спокойно-добродушнаго; но когда онъ раздраженъ, можетъ сдѣлаться буенъ, сосѣднія распри не рѣдкость; сутяга онъ первостатейный. На эту тему есть прекрасные рассказы у Гапсъякова,—подчеркиваютъ дамы,—у этого автора крестьянская жизнь изображена

*) Вообще земскіе налоги въ Шварцвальдѣ чрезвычайно различны: отъ нѣсколькихъ шфелиговъ до 2 марокъ со 100 м. земельной стоимости.—Прим. авт.

реальнѣе, нежели у Ауэрбаха. Изъ-за сутяжничества крестьянинъ способенъ въ прахъ разориться.

«Съ чужими шварцвальдецъ недовѣрчивъ,—читала я дальше сообщеніе администратора.—Шварцвальдскій крестьянинъ очень скопидомъ и своекорыстенъ, но эти свойства не вырождаются, однако, въ типическія свойства: такъ по воскресеньямъ онъ любитъ посидѣть въ шинкѣ, гдѣ зачастую можно видѣть шварцвальдскихъ крестьянъ, играющихъ въ крупную игру. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пьютъ много водки, но честность и правдивость вообще еще держатся. И ими шварцвальдцы до сихъ поръ отличаются. Интересуются крестьяне больше экономическими, чѣмъ политическими вопросами, а также нѣкоторыми выдающимися личностями. Со времени введенія всеобщей подачи голосовъ для выборовъ въ рейхстагъ оживился политическій интересъ крестьянъ и онъ поддерживается многочисленными мѣстными листками, которые стали съ тѣхъ поръ издаваться. Крестьяне охотно читаютъ *свою* газету, больше по воскресеньямъ и зимой. Обыкновенно цѣна газеты отъ одной марки пятидесяти пфениговъ до двухъ марокъ за три мѣсяца. Письмоносецъ приходитъ одинъ разъ въ день, даже въ мелкіе поселки. Грамотность обязательная. Во всемъ Шварцвальдѣ въ настоящее время 1,583 начальныхъ училищъ, выходитъ—одна школа на 1,089 душъ. По правилу, въ каждой избирательной общинѣ должна быть школа, даже въ самыхъ мелкихъ общинахъ, если онѣ въ видѣ исключенія не слиты съ сосѣдними общинами, что случается чрезвычайно рѣдко. Содержаніе учителей выдается изъ государственной кассы; но общины должны вносить государству:

1) за каждое мѣсто старшаго учителя, смотря по селенію, отъ 780 до 1,080 марокъ.

2) за cadaго помощника отъ 660 до 700 марокъ.

3) за cadaго ученика ежегодно 2 м. 80 п. школьныхъ податей.

«Кромѣ того общины должны доставлять помѣщенія для классовъ и учителей. Въ сельскихъ школахъ допускаются и учительницы—въ первые четыре школьные года (обученіе полагается шестилѣтнее); но число учительницъ не должно превышать $\frac{1}{100}$.

«Старшіе сельскіе учителя получаютъ отъ 1,100 до 2,100 м. и даровую квартиру. Главныя учительницы отъ 1,100 до 1,500 марокъ.

«Младшіе учителя и учительницы получаютъ отъ 800 до 900 марокъ и *меблированную комнату*.

«Въ мелкихъ общинахъ полагается только одинъ учитель.

«Лѣтнія вакаціи не должны превышать восьми недѣль».

Pia desideria всѣхъ сторонниковъ народнаго образованія,—говорятъ мои спутники,—чтобы преподаватели и преподавательницы были поразвитѣе.

Несмотря на чувствительныя затраты, какія крестьянинъ дѣлаетъ на обученіе своихъ дѣтей, онъ не стремится отрывать ихъ отъ земли, для этого онъ слишкомъ практиченъ и трезвъ умомъ—узнаю я далѣе—только

нѣкоторые богомольные крестьяне охотно отдають дѣтей въ семинарію. Изъ нихъ иногда выходятъ школьные учителя. Сама по себѣ *тяга* въ города уже существуетъ нѣсколько лѣтъ; чисто земледѣльческіе округа сильно жалуются на недостатокъ рабочихъ рукъ. Часть шварцвальдцевъ, какъ-то: часовщики и органистки уходятъ за границу, уѣзжаютъ въ Америку. Иногда они возвращаются на родину, но уже стариками, когда разживутся.

Наслѣдственное право въ Шварцвальдѣ различно: гдѣ *майоратъ*, гдѣ *миноратъ*, хотя послѣдній закономъ не введенъ, но по обычаю существуетъ во многихъ округахъ.

Женщина, по баденскому, мѣстному праву, наследуетъ наравнѣ съ мужчинами, за исключеніемъ самой усадьбы, которая переходитъ по майорату или минорату, т.-е. къ старшему или къ младшему въ семьѣ. Женщина въ Шварцвальдѣ не угнетена. Она зачастую главенствуетъ надъ мужемъ, а коли вдова, то дѣти вполне подчиняются ей.

— Согреѣшившая дѣвушка въ иныхъ мѣстностяхъ, — говорятъ монахи, — чистосердечно признается въ своемъ «грѣхѣ», надѣвъ шляпу съ черными лентами, вмѣсто пунцовыхъ, и становясь въ ряды женщинъ въ религиозныхъ церемоніяхъ. Дѣвушкѣ, имѣющей ребенка, не трудно выйти замужъ.

«Эта-то ужъ навѣрняка будетъ имѣть дѣтей», передразниваетъ барышня парней; а непорочная «Богъ еще ее вѣдаетъ, плодущая ли она!» Но есть мѣстности, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ былъ *одинъ* незаконнорожденный ребенокъ. Въ Шварцвальдскомъ хозяйствѣ дѣти — рабочія руки.

«Природа наградила страну чудесной землей, — читаю я далѣе, — все родится: и табакъ, и виноградъ, и хмѣль, и кукуруза, и разные сорта злаковъ».

— Да вы лучше посмотрите, — приглашаютъ меня дамы, — какіе лѣса! Царица ихъ сосна. Чего-чего изъ нея не выдѣлываютъ, даже конфеты!

Изъ-за сосновыхъ лѣсовъ привѣтливо выглядываютъ «санаторіи».

— Скромный интеллигентъ, слабогрудый или ревматикъ, не идетъ въ *sanatorium*, — говорятъ мои дамы; вы непременно скажите это у васъ дома, въ Россіи. Нашъ бѣдняга-интеллигентъ отпращивается прямо въ горы, къ крестьянамъ на пансіонъ. Постель чистая, ѣда свѣжая, и дешево чрезвычайно. Прогулки великолѣпныя. Дороги, тропинки вездѣ превосходно содержятся.

Это видно и изъ окна вагона. Встрѣчаются шоссейные каменщики; они сидятъ подъ соломенными шатрами, въ темныхъ очкахъ разбиваютъ щебень, который тутъ же складываютъ кучками. У подошвы горъ въ сторонѣ отъ шоссе попадаются длинныя зданія.

— Убѣжище для кретиновъ, дачи для золотушныхъ дѣтей, — указываютъ мнѣ на нихъ дамы. — Они содержатся на счетъ государства и ферейновъ.

Въ Шварцвальдѣ, какъ и по всей Германіи, масса обществъ, попечительства о бѣдныхъ и сиротахъ. Такъ, есть даже *въ деревняхъ* ночлежные *приюты для нищихъ!*

Паровозъ начинаетъ глубже дышать, подъемъ крутой. Дамы восхищаются мѣстностью, точно бы ѣхали по ней въ первый разъ. Поѣздъ вьется зигзагами. Поднимаемся легко, быстро и все въ гору, среди горъ, то ущельемъ, надъ обрывами и надъ пропастями. У меня холодѣютъ и руки, и ноги. Горы, покрытыя сплошь лѣсомъ, обступаютъ насъ кольцомъ. Кажется нѣтъ выхода, но вотъ поѣздъ завернулъ... и опять долинка, ущелья, туннели. Путь проложенъ среди самой красивой мѣстности Шварцвальда, мимо Хазлахъ, Хаузахъ, Гутагъ съ его прозрачной, веселой горной рѣчкой, которая извивается неожиданными изгибами и безпрестанно перерѣзываетъ желѣзнодорожный путь. То тутъ, то тамъ видѣются средневѣковые замки.

— Да настоящіе ли они, — спрашиваю я скептически моихъ дамъ, — можетъ быть, они выстроены по рисункамъ старыхъ замковъ?

— Нѣтъ, всѣ настоящіе, даже тотъ, видите, пониже...

Мы входимъ въ туннель, я не могу разслышать названія.

— Ему черезъ три года, — продолжаютъ дамы, — минетъ тысяча лѣтъ. У насъ въ Шварцвальдѣ основанъ ферейнъ, который блюдетъ за поддержкой замковъ. Годовой взносъ пять марокъ. Членомъ можетъ быть всякій. Общество это очень богато, членовъ множество. Каждому члену привратникъ замка долженъ оказывать вниманіе на случай ночлега.

Теперь попадаются и «гофы» — цѣль нашей поѣздки. Гдѣ-нибудь сбоку горы или на плоскогорьѣ, въ лошинкѣ, приткнутъ крестьянскій домикъ. Откуда на него ни смотри, все глядитъ онъ одинокимъ человѣческимъ гнѣдомъ, среди гористыхъ и лѣсистыхъ громадъ. Какъ разъ поѣздъ проходитъ надъ такимъ гофомъ: остроконечная, хохлатая соломенная крыша низко сползла, какъ бы придавила домикъ. Онъ въ три этажа. Нижний каменный позеленѣлый, заплесневѣлый, тамъ помѣщается скотина. Второй, деревянный, плохо выбѣленный, съ частыми широкими окнами, — это жильѣ хозяевъ. Третій этажъ совсѣмъ подъ крышей, въ два-три оконца; такъ сѣновалы, амбары.

— Зимой живетъ тепло. Снизу скотина грѣетъ, сверху солома да сѣно, — говорить барышня.

Деревянный балконъ опоясываетъ весь домикъ. На балконѣ, среди домашнего скарба, сидитъ женщина, прядетъ. Тутъ же возятся и дѣти. Всѣ они подняли головы и смотрятъ на нашъ поѣздъ. Совершенно щеглята!... Возлѣ огорода. Крестьянинъ полетѣлъ гряды. На откосѣ пасется корова; еще ниже, другой крестьянинъ работаетъ въ полѣ, — вотъ и все хозяйство гофа налицо.

Паровозъ засвистѣлъ. Мы остановились на станціи и сейчасъ же пересѣли въ маленькій, закрытый шарабанъ, куда насъ натискали шесть чело-вѣкъ. Разсматривать мѣстность не было возможности; зато я могла разсматривать сосѣдей. Трое крестьянъ, всѣ одинаково одѣты: черные штаны, черныя куртки, высокіе черные галстуки, концы торчатъ крылышками, бѣлые воротники подпираютъ голову, черныя фетровыя шляпы, хорошія. Все чисто, ново. Изъ-подъ рѣзкихъ бровей любопытно смотреть круглые, темные глаза.

Мои дамы тотчасъ заговорили съ ними на ихъ діалектѣ. Они *аллеманы*. Я ничего не понимала. Мужики улыбались и отвѣчали медленно, медленно.

— Брестяне всегда думаютъ, что горожане смѣются надъ ними,—сказали дамы.

Все-таки мы узнали, что эти мужики ѣздили присматривать пастушескую собаку, цѣна которой 80 марокъ.

40 рублей за собаку! Эта цифра сразу давала понятіе о благосостояніи шварцвальдскихъ деревенскихъ дворовъ.

Шарабанъ доставилъ насъ черезъ полчаса въ нагорное селеніе.

Селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, съ чистенькими домиками, всѣ крашены палевой краской и всѣ съ зелеными ставнями; крыльца обвиты садовыми растеніями, съ пунцовыми цвѣтами. Крыши черепичныя, блестятъ. Идеальное селеніе! Крестьянки (въ городскихъ платьяхъ) что-то не очень заняты работой. Онѣ расхаживаютъ по улицамъ, сидятъ у оконъ. Есть суровская лавка, мясная, почта, аптека. Не видно домашней птицы, ни коровъ: попрятаны по задворкамъ; это даетъ видъ мѣшанскаго пригорода, а не деревни.

Издали увидели мы бучку людей, они надъ чѣмъ-то трудились среди щебня и облаковъ пыли.

— Богъ мой!—воскликнула барышня,—вѣдь это они старую башню ломаютъ,—и бѣгомъ побѣжала къ нимъ.

Дѣйствительно, разламывали башню.

— Прелестную средневѣковую башню! — воскликнули мать и дочь. — Варвары! Не бережете, не понимаете вы красоты, глупые люди!

Ломавшіе сперва опѣшили, затѣмъ обозлились.

— Вотъ и сломали,—отвѣчали они хоромъ, злорадно. — И поставимъ здѣсь новое. Куда намъ старье!

Зрители ломки засмѣялись, запячательно поглядывая на насъ. Дамы все продолжали сокрушаться надъ ломкой башни и рѣзко выговаривать.

Коляска уже дожидалась насъ. Пока мы усаживались, кучка очень громко продолжала разсуждать, видно все на тему: обзывая варварами, грубыми людьми,—ничего не возьмешь!

Въ ласковой природѣ лѣсистыхъ горъ, зеленыхъ луговъ, въ кокетливомъ селеніи,—эта исторія вышла совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ «Деревенскіе разказы»—Ауэрбаха. Полвѣка новой жизни, новыхъ вѣяній сказались.

Въ покойной, извозничьей коляскѣ, запряженной парой сильныхъ лошадей, мы опять стали и спускаться, и подниматься. Горы обступали насъ плотно; казалось нѣтъ выхода, но вотъ поворотъ: и опять долина, изумрудный лугъ, звонкій ручей. Нарядно, блестяще, какъ «въ англійскомъ паркѣ».

Дамы разсказываютъ мнѣ легенду про короля—искуснаго охотника и сына его принца, сердца добраго: король застрѣлилъ ястреба, что летѣлъ на соловья; а сынъ короля отдалъ нищенкѣ беретъ, съ драгоценнымъ камнемъ. Соловей и нищенка—одно лицо, благодѣтельная фея. Она наградила за это страну неизсякаемыми источниками.

Въ Шварцвальдѣ много легендъ о феяхъ, колдунахъ и оборотняхъ, гномахъ и русалкахъ.

— Но все это—литература; народъ не вѣритъ въ нихъ, кое-гдѣ, пожалуй, еще держатся «дурного глаза»,—прибавляетъ г-жа фонъ Z*.

— А вѣдь нашъ кучеръ начинаетъ лаутать,—замѣтила Лора.

— Вы хорошо знаете дорогу въ Мюльштейнъ, гофъ Іозефа Эрдериха?—спрашиваетъ она кучера.

Тотъ отвѣчаетъ ей, тыкая въ пространство бичомъ:

— Кто ее знаетъ! Должна быть она тутъ; вонъ надо сперва обогнуть этотъ лѣсокъ, за нимъ пойдетъ орѣховый кустарникъ, а тамъ она, какъ будто на межѣ,—припоминалъ кучеръ.

— Вы сами когда ѣздили къ Эрдериху?

— Не ѣздили я самъ, а слыхалъ, какъ проѣхалъ къ нему.

Барышня мигомъ взбирается на козлы, беретъ возжи и присматривается къ мѣстности.

Кучеръ сконфуженъ.

Г-жа фонъ Z* закуриваетъ напиросу. Эта привычка русскихъ очень ей нравится въ минуты раздраженія.

Вдругъ раздается рожокъ, за нимъ другой. Еще и еще, какъ будто выше, ниже; звуки короткіе, учащенные, какъ бы тревожные.

Кучеръ тотчасъ захлопалъ бичомъ и протяжно заулюлюкалъ по-тирольски.

Мать и дочь вспыхнули, перемолвились между собой и тоже стали улюлюкать.

Тогда и я встревожилась.

— Что такое?

— Ничего, ничего, вырубленные деревья спускаютъ съ вершинъ.

— Это значить, всѣ бревна полетятъ на насъ?

Дровосѣкъ уже бѣжалъ съ горы, прямо къ нашему экипажу. Звукъ рожковъ замолеки.

Началась перебранка, объясненія: кучеръ не туда насъ завезъ, и сами мы вышли не на той станціи. Здѣсь, какъ и вездѣ, съ общапіемъ на выпивку—все уладилось: дровосѣкъ взялся вывести насъ на хорошую дорогу. Онъ былъ чумазъ, рванъ, но при серебряныхъ часахъ, которые онъ вынулъ изъ-за пазухи и, поглядывая на нихъ, объявлялъ, что минутъ черезъ двадцать мы будемъ у Эрдериха. Дровосѣкъ пошелъ рядомъ съ экипажемъ; мои дамы заговорили съ нимъ. Я ни слова не могла понять. Одни звуки—гортанноносые.

Мы поднимались въ гору по тяжелой дорогѣ, усыпанной щебнемъ, съ выбоинами и гатями. Передъ нами открылась порубка деревьевъ. Тутъ работали съ десятокъ такихъ же чумазныхъ дровосѣковъ. Они вырывали пни, раскалывали длинные мачтовые стволы, уже очищенные отъ коры. Янтарно-желтые, блестящіе, какъ гигантскія ноги и руки, лежали стволы, приготовленные къ скату внизъ; стояло нѣсколько салазковъ. Въ сторонѣ, саженьями сложены дрова, навалены кучи перевязаннаго хворосту. Къ не-

срубленнымъ соснамъ, съ солнечной стороны, подвѣшаны бадейки, для собиранія смолы; духъ отъ всего этого удивительный. Не вышелъ бы отсюда!

При нашемъ появленіи понесся разговоръ: объясненія, указанія, куда ѣхать; дровосѣки трунили надъ нашимъ кучеромъ.

Тутъ были и молодые, и старые мужики, всѣ они смотрѣли бодро, здорово, лица до черноты загорѣлыя, но осмысленныя. Меня интересовала ихъ дневный заработокъ. Барышня спросила съ подходомъ: прямо—не деликатно.

— Получаютъ одну марку (48 к.) въ день и пять разъ харчи.

Дамы подробно рассказывали мнѣ, какъ спускаютъ срубленный лѣсъ въ низины, все сталкивая его. Тамъ связываютъ лѣсъ въ плоты. Плоты несутся вдоль горныхъ рѣкъ, ниспадаютъ съ горными водопадами и доплываютъ до Рейна и по Рейну отправляются въ разныя страны. Изумительная ловкость плотовыхъ матросовъ, когда они несутся по водопадамъ. Этихъ матросовъ цѣлая корпорація, она существуетъ еще со времени римлянъ. Лѣтомъ матросамъ полагается шесть недѣль вакаціи на ихъ полевныя работы. Конечно, съ развитіемъ желѣзной дороги корпорація уменьшается и, вѣроятно, скоро совсѣмъ перестанетъ существовать.

— Ну, теперь не далеко!—прервалъ дровосѣкъ рассказъ барышни, — поѣзжайте прямо до вершины горы, потомъ спускайтесь въ ложбину той же дорогой, другой нѣтъ, поднимитесь на холмъ, тутъ вамъ и будетъ гофъ Эрдериха.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ мы были на одной изъ вершинъ Шварцвальда.

Передъ нами открылась картина, какую мнѣ пришлось видѣть первый разъ въ жизни. Насъ окружало какъ бы море горныхъ волнъ, остановившихся въ своемъ движеніи, холмовъ,—мягкихъ, бархатистыхъ, съ густой окраской, сосновыхъ лѣсовъ. Картина великолѣпная и рѣдкая. Ясный, солнечный день, безоблачное, прозрачное небо вызывали настроеніе, полное вѣры въ природу. Изъ глубины души поднималось чистое, широкое чувство, которое соприкасалось съ природой. Именно чувствовалъ себя *ея твореніемъ* и видѣлъ въ ней, въ ея теплыхъ краскахъ, могущество доброе, благорасположенное къ человѣку.

— Да, мы каждый день благодаримъ Господа, что онъ даровалъ намъ жизнь въ Шварцвальдѣ,—благодарно произнесли мои спутницы.

Добрались мы до *юфа*, какъ сказалъ дровосѣкъ.

Гофъ Эрдериха стоитъ одиноко, на площадкѣ плоскогорья, за нимъ сосновая роща.

Самый гофъ все тотъ же швейцарскій домикъ, въ три этажа. Первый каменный, съ заплесневѣлыми пятнами, тамъ хлѣвъ. Второй этажъ—жилье, дерево съ глинной, выбѣленный; вокругъ него деревянная галлерей съ чулачками изъ старыхъ, почернѣлыхъ досокъ. На галлерей выходятъ низкія, широкія окна изъ мелкихъ стеколъ, съ потемнѣлыми ставнями. Третій этажъ—подъ остроконечной, низко спускающейся крышей; тамъ сѣновалы.

Крыша соломенная, подъ щетку. Все это опять, какъ и гофъ внизу, бѣдно, старо, неряшливо, но опять-таки чрезвычайно живописно. Возлѣ каменной лѣсенки, ведущей со двора на балконъ, крупная надпись, выстѣнная въ камнѣ перваго этажа. Мои дамы стараются прочесть ее и не могутъ: ни по-нѣмецки, ни по-латыни!

— «*Домъ Эрдериха, выстроенъ въ тысяча семьсотъ девяностомъ году*», — подсказываетъ кучеръ. Надпись латинскими буквами, но съ такой перестановкой *d* и *t*, что именно только малограмотный можетъ разобрать ее.

Мы разсѣялись. Ни на шумъ нашего экипажа, ни на нашъ разговоръ и смѣхъ никто не показывался. Начинаемъ окликать... Та же горная, какъ бы прозрачная тишина. Откуда-то снизу долетаетъ шелковистый лязгъ кося. Мы идемъ на него: съ полверсты пониже мужики косятъ траву. Изъ всѣхъ силъ зовемъ ихъ.

Сзади насъ раздается почтительный окликъ кучера. Оборачиваемся. Онъ бичомъ указываетъ на галерею гофа. Оттуда смотреть русая женская голова. Видно только голову; перила балкона высоки.

Барышня объясняетъ ей: слухи о хуторѣ Мюльштейнѣ отъ священника Гансъякова, ея собственное желаніе и желаніе ея матери (барышня вдалбливаетъ слова и указываетъ жестомъ на себя, на мать) показать мнѣ, иностранцѣ (опять жестъ), жилью шварцвальдскаго крестьянина.

Женская голова улыбается, качается въ знакъ согласія, произноситъ радужное:

— Bitte, bitte... — и тотчасъ скрывается.

Входимъ на галерею, попадаемъ въ комнату: низкую, широкую, закопѣлую мужицкую горницу, съ лавками вдоль стѣнъ. Еслибъ не деревянные фигурные стулья около стола, можно принять эту комнату за горницу въ любой русской избѣ. Хозяевъ—никого. Мы начинаемъ расхаживать и разсматривать, какъ въ музеѣ.

Влѣво отъ входа красный уголъ: въ немъ родъ кіота. На полкѣ разставлены божественныя статуэтки, бумажные цвѣты; полка задрапирована полотенцами съ вышивкой: *Frau Erderich Mühlstein*. Вокругъ полки божественныя картинки и тутъ же, въ бумажныхъ колапакахъ, висятъ нѣсколько паръ оловянныхъ ложекъ съ вилами.

— Это куверты работниковъ, — объяснила барышня.

Подъ кіотомъ—большой столъ. У противоположной стѣны выѣхала грузная, широкая печка-лежанка; надъ ней, на веревкѣ, развѣшано мужское и женское платье; на полу стоятъ сапоги, башмаки. Печка по лѣтнему времени холодная; тутъ же, рядомъ, на гвоздѣ, виситъ прекрасная черная поярковая шляпа.

— Эта шляпа Гансъякова?—обращается барышня съ вопросомъ къ хозяйкѣ, которая уже вноситъ мѣстную наливку—киршвассеръ.

Хозяйка — настоящая крестьянка молодуха: загорѣлыя мелкія черты лица; волосы—полосатые, жиденькіе; одежда—юбка и кофта ситцевыя; бременна, «на сносяхъ».

— Извините,—говорить она конфузиво,—это шляпа мужа, самъ онъ въ полѣ, на работѣ.

Я прошу молока вмѣсто наливки. Барышня шепчетъ, что надо отвѣдать всего, что принесли, иначе опечалятся. Опять повтореніе мотива нашего визита.

Хозяйка еще сильнѣе конфузится, кроткимъ голосомъ приглашаетъ насъ не стѣсняться, разсматривать, снимаетъ со стѣны рисунокъ карандашомъ Хаземанна.

— Мой портретъ,—говорить она и исчезаетъ.

Трудно узнать въ тонкой, граціозной головкѣ поблекшую женщину; но ея кротость, конфузивость, гостепріимство не нарушаютъ общаго впечатлѣнія.

— Записывайте,—напоминаютъ мнѣ дамы,—этотъ гофъ—типичный; да въ другомъ бы насъ, пожалуй, такъ любезно и не приняли.

На стѣнѣ висятъ часы, характерные шварцвальдскіе, кухонные, съ розаномъ.

На одномъ изъ подоконниковъ прибитъ барометръ; за окномъ вывѣшенъ градусникъ. Видно, что въ хозяйствѣ соображаются съ ними.

Вдругъ пришелъ и самъ хозяинъ, Іозефъ Эрдерихъ. Онъ запыхался и шибко вспотѣлъ; вѣроятно, за нимъ посылала жена. Его лицо—молодое, бритое, тонкое, скорѣе лицо семинариста, чѣмъ крестьянина, выражаетъ смущеніе и недоумѣніе; но онъ привѣтливымъ голосомъ здоровается съ нами, прибавляя, что пришелъ домой *случайно*.

Барышня опять представляетъ мать, упоминаетъ о священникѣ Гапсъ-любѣ и о цѣли визита русской дамы.

— Мнѣ очень радостно, es freut mich sehr,—отвѣчалъ Эрдерихъ,—что пасторъ такъ хорошо говоритъ о моемъ домѣ. Только я прошу госпожъ разрѣшить мнѣ пріодѣться.

Эрдерихъ былъ босикомъ, въ панталонахъ и рубашѣ.

За угломъ печки онъ сталъ обуваться, извиняясь, что не имѣетъ времени совсѣмъ переодѣться, готовъ дать всѣ свѣдѣнія пріѣзжей «Gnädige» о крестьянскомъ хозяйствѣ; но сперва надо закусить гостямъ; на пустой залудокъ—плохіе разговоры.

Конечно, привѣтствіе Эрдериха барышня перевела мнѣ. Шипящіе, носовые звуки, перестановка и удлинненіе гласныхъ мѣшали мнѣ понимать самыя простыя слова.

— Его произношеніе—аллемана; такое же,—замѣчаютъ дамы,—что у крестьянъ внизу. Большинство шварцвальдцевъ—аллеманы.

Явилась ветчина, сало, два тонкихъ, мѣстныхъ вина, бѣлое и красное, еще графинчикъ киршу, пеклеванный хлѣбъ, домашнее пиво и новѣйшіе рюльцевые ножи съ вилками въ футлярѣ. Подавала жена, разставляя на столѣ безъ скатерти.

— Для васъ рюльцевые,—шепнула барышня,—хотятъ почтить ипо-страшку. Это знакъ высшаго гостепріимства.

Стали чокаться за здоровье присутствующих. Насъ пригласили сѣсть за столъ, въ красный уголъ, на лавку. Хозяева не сѣдлись.

Жарко становилось въ низкой комнатѣ. Черезъ маленькія окошки снопами врывалось солнце. Мухъ налетѣло масса; кружились, жужжали и кусали онѣ, какъ бы и въ русской избѣ.

Хозяйка, выпивъ за здоровье гостей, удалилась.

Эрдерихъ сѣлъ. Его тонкое лицо все еще выражало недоумѣніе. Широко разставивъ локти и упершись руками въ колѣна, онъ, видимо, ждалъ.

— Очень мнѣ совѣстно,—начала я по-нѣмецки, какъ сумѣла,—что мы оторвали васъ отъ работы и вотъ теперь задерживаемъ.

— И намъ также, — подтвердили дамы.

— Bitte, bittel — радушно воскликнулъ Эрдерихъ. — Я самъ пришелъ домой, случайно, — сталъ онъ повторять заново, — мы косили, погода хорошая, дѣло не спѣшное, es freut mich sehr показать иностранкѣ мой домъ.

— Въ Россіи, въ моемъ отечествѣ, очень давно напечатана была книжка съ нѣмецкаго.

— Переведена, — поправилъ онъ.

— Хорошая книжка, она много хорошаго рассказываетъ про шварцвальдскихъ крестьянъ; съ тѣхъ поръ ничего не было написано о Шварцвальдѣ.

— Нашъ пасторъ Гансъякобъ пишетъ про насъ. И вѣрно пишетъ, не одно только хорошее; пишетъ и про многое дурное. И это—правда,—замѣтилъ Эрдерихъ серьезно.

— У насъ еще книжекъ Гансъякоба не переводили; да мнѣ интереснѣе самой видѣть шварцвальдскихъ крестьянъ, съ помощью этихъ дамъ узнать, какъ живутъ ваши крестьяне.

— Спрашивайте, и я расскажу, что знаю.

— Вотъ моя записная книжка. Въ ней всѣ вопросы написаны по-нѣмецки. Вы позволите мнѣ читать ихъ и записывать ваши отвѣты?

Эрдерихъ охотно согласился. Позвалъ жену и вмѣстѣ съ ней сталъ давать отвѣты.

Здѣсь, какъ и въ прирейнскихъ селахъ, какъ и во французскихъ деревняхъ меня трогала готовность рассказать про свой домашній обиходъ. Интервью крестьянъ я всегда провѣряла у людей совершенно безпристрастныхъ, и никогда никто изъ мужиковъ не подсмѣялся надъ любопытствомъ заѣзжей иностранки.

Родъ крестьянина Эрдериха — почтенный, ему триста лѣтъ, имѣетъ легенду, чувствительную, о вѣрности любви его женщины. Всѣ въ родѣ были и остаются землепашцами. Эрдерихъ владѣетъ сто шестьюдесятью моргами пахотной земли. Рожь приноситъ ему самъ-восемь; овесъ сѣютъ сто восьмьдесятъ литровъ, собираютъ—тысячу триста. Обрабатывать землю могутъ въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ. Въ страдное время работаютъ и въ большіе праздники. Пасторъ съ каеодры въ церкви разрѣшаетъ работы. Податей сходитъ у Эрдериха триста марокъ. Сколько онъ имѣетъ доходу, а

не рѣшилась спросить: на это крестьяне во всѣхъ странахъ не любятъ давать отвѣта. У Эрдериха пять работниковъ; они получаютъ по двѣсти марокъ въ годъ, пишу, комнату и полный рабочій костюмъ. Эрдерихъ тратитъ на домашнюю жизнь звонкой монетой сто шестьдесятъ марокъ въ годъ, т.-е. восемьдесятъ рублей.

— Вы вдвоемъ съ женой?

— Нѣтъ, насъ восемь душъ; у меня шесть человекъ дѣтей. Вотъ кончите писать, я покажу вамъ весь домъ и дѣтей.

— Тратите всего сто шестьдесятъ марокъ въ годъ, а угощаете насъ отличнымъ виномъ?

— Бѣлое—Markgräfler—стоитъ 150 марокъ, красное—Zeller—110 мар. бочка. 200 ведеръ, скоро не выпьешь.

— А ваша одежда во сколько обходится?

— У насъ двѣ: будничная и праздничная. Будничная, видите, дорого не стоитъ. Праздничная живетъ подолгу.

Онъ приказалъ женѣ принести показать.

Я поставила было ему другіе вопросы, онъ остановилъ меня.

— Позвольте... по порядку.

Теперь Эрдерихъ пересталъ недоумѣвать, онъ видѣлъ въ нашемъ визитѣ фальш и отвѣчалъ на всѣ мои вопросы вдумчиво, медленно, дожидаясь, пока я напишу, часто спрашивая дамъ: поняла ли я его? Жена принесла шварцвальдскіе костюмы, мужской и женскій. Мнѣ интересно было разглядѣть ихъ. Мужской сюртукъ изъ шерстяного муаръ на бѣлой бумазени, отороченъ цинковымъ кантомъ, жилетъ изъ алаго сукна, метръ котораго стоитъ десять марокъ. Прекрасная фетровая шляпа, чтó висѣла на гвоздѣ, 14 марокъ; а чепецъ жены, головка, расшитая золотомъ и обрамленная тюлевой оборкой—100 талеровъ. Костюмы шьются дома странствующими портными и портнихами, обходятся отъ 50—100 марокъ (конечно, исключая головки, ова переходить по наслѣдству). Домашняя одежда больше шьется изъ своей пряжи.

— Вотъ въ чемъ я вѣнчалась,—сказала хозяйка, поставивъ на столъ корону въ поларшина вышины, сдѣланную изъ фольги, бисера, яркихъ жемчужекъ и стеклянныхъ яблочковъ,—безобразный, тяжелый вѣнецъ. Такіе же вѣнцы надѣваются и на подругъ невесты.

— Вотъ наша карточка,—хозяйка протянула мнѣ раскрашенную фотографію.—Здѣсь мы оба, женихъ и невеста.

Невеста сидѣла въ безобразной коронѣ; женихъ стоялъ передъ ней въ пиѣ и обѣими руками держалъ, какъ образъ, большой пряникъ—сердце, покрытое розовой глазурью.

Дамы рассказали, что когда идутъ вѣнчаться, молодежь преграждаетъ путь веревкой. Женихъ бросаетъ деньги, чтобы пропустили. Свадебное пиршество длится три дня въ трактирахъ, гдѣ готовится обильная ѣда, главное—мучное. Во время антрактовъ блюда—танцы. Самыхъ близкихъ родныхъ угощаютъ. Знакомые же сами за себя платятъ.

— Ну, а когда у васъ родился первый ребенокъ, — спросила я хозяйку, — кто тутъ былъ: повитуха, акушерка или докторъ?

Акушерку всегда приглашаютъ заранѣе и она живетъ въ домѣ роженицы. Плата ей умеренная—10 м. за все время. Отъ крестинъ доходу она не имѣетъ. При тяжелыхъ родахъ приглашаютъ и доктора. Ему платятъ 8 м. за визитъ. Случается, что и докторъ, и акушерка заняты, тогда обращаются къ повитухѣ. На-дняхъ такъ умерла родственница Эрдериха. Дамы рассказали мнѣ и обрядъ похоронъ. Родственники, знакомые дожидаются гроба съ усопшей у ближайшаго перекрестка въ церковь. Большой частью, гофы на далекомъ разстоянii отъ сельскихъ церквей, съ часъ ходьбы. Подобная встрѣча гроба изображена на одной изъ картинъ Кнауса. Во время отпѣванiя женщины выходятъ изъ церкви, обходятъ ее вокругъ и возвращаются въ главныя двери, то же дѣлаютъ и мужчины. Послѣ погребенiя—поминки въ трактирѣ. Опять близкихъ угощаютъ, знакомые платятъ за себя. Пастору полагается по 5 м. за похороны, крестины, свадьбы. Околотокъ Эрдериха — католическiй, поэтому часто бываютъ религозныя процессiи. Есть чудотворные источники. Посты соблюдаются. Я попросила Эрдериха рассказать мнѣ весь его рабочiй день. Онъ задумался, откашлялся, потеръ руками колѣна, улыбнулся.

— Трудновато... сразу. Попробую...

И началъ было:

— Я встану съ кровати...—онъ подумалъ.—Жены уже нѣтъ, она тамъ (онъ махнулъ вглубь дома) съ работницей... Скотина мычить... дѣти тоже ѣсть просятъ... Нѣтъ, не могу рассказывать!—прервалъ онъ себя, покраснѣлъ, замоталъ головой.—Не умѣю! Вы спрашивайте, какъ у васъ написано,—указалъ онъ на мою книжку.

— Что ѣдятъ крестьяне?

У Эрдериха ѣдятъ пять разъ въ день, хлѣбъ пекутъ дома. Свиное сало очень любятъ, ѣдятъ мучное, молочное, овощи изъ своего огорода. Когда, въ праздникъ, домашнюю птицу. Покупаютъ и мясо, но рѣдко; оно обходится средней цифрой 70 пфениговъ (1¼ ф. 28 к.), всѣ сорта одинаковы. Хозяинъ и работники ѣдятъ изъ одной чашки, только у каждого свой собственный кувертъ, который потомъ и вѣшаютъ въ красный уголъ, въ буфажномъ кофакѣ. Подаетъ хозяйка. Накормивъ всѣхъ, она садится ѣсть сама съ дѣтьми. Работаютъ какъ свѣтло станетъ, кончаютъ съ сумерками. Вечеромъ жгутъ керосинъ. Женщины прядутъ. Праля въ Шварцвальдѣ въ большомъ употребленiи. Эрдерихъ по вечерамъ любитъ читать, онъ ведетъ свое хозяйство, соображаясь съ газетными метеорологическими таблицами и съ своими барометрическими инструментами. Про Эльзасъ говорить, что эта страна *нѣмецкая* и должна она быть у *нѣмцевъ*. Себя считаетъ—*нѣмцемъ*. Слѣдитъ за газетами и за социальнымъ движенiемъ. Онъ, какъ большинство европейскихъ крестьянъ, боится, что социалисты будутъ отнимать земли у мужиковъ.

Еще много оставалось интересныхъ вопросовъ въ моей книжкѣ, но мы всё начинали утомляться. Интервью уже длилось добрыхъ два часа.

— Herzlichen Dank!—поблагодарила я Эрдериха.

— Желаете что еще узнать—спрашивайте. Расскажите подробно въ вашей отчизнѣ, какъ живетъ шварцвальдскій крестьянинъ. Теперь пожалуйста домъ осматривать,—пригласилъ Эрдерихъ.

Опять черезъ балконъ, опоясывающій всю избу, прошли мы въ надворную часть жилья. Тутъ стояли бочки, лоханки, разная домашняя утварь, лежали крытые чуланчики.

Видъ съ балкона открывался полный простора, крестьянскаго довольства и независимости. А вопросъ все-таки напрашивался.

— Вы отъ кого зависите? Кто ваше начальство?

— Мы зависимъ отъ особенной колоніи дворовъ. Имѣемъ своего представителя, но есть гофы, приписанные къ сельскимъ общинамъ—Gemeinde, ихъ старшина—бургомистръ.

— А неурожаи случаются?—сталъ другой вопросъ.

— Случаются *). Во время неурожая на помощь голодающимъ является «Landwirthschaftlicher Verein» и крестьянскій банкъ.

— Но въ банкъ крестьяне не любятъ обращаться, изъ-за формальностей,—подсказали мои дамы,—предпочитають «жидовъ» (т.-е. евреевъ), поэтому случается, гдѣ въ скотинкѣ корова, лошадь, быкъ ли, коза ли принадлежать такому-то «жиду». Конечно, попавъ къ нему въ когти,—продолжаютъ дамы,—крестьянинъ постепенно разоряется въ лошкѣ, идетъ самъ въ работники; случается, что кончаетъ и самоубійствомъ, хотя записки баденскаго администратора не говорятъ о самоубійствахъ въ Шварцвальдѣ.

Бухня въ избѣ Эрдериха низкая, до черноты закопѣлая, съ огромнымъ очагомъ, гдѣ на крюкѣ кипѣлъ большой котелъ, изъ котораго вырывался паръ похлебки. За варевомъ приглядывала хозяйка, жена Эрдериха. Ей помогала молодая работница, грязноватая, некрасивая, худая; но, какъ всё истинныя крестьянки, съ умными глазами и тонкими чертами лица. Здѣсь же были и дѣти Эрдериха. При нашемъ появленіи они скучились и глядѣли на насъ любопытно-испуганными глазами. Ихъ было пять дѣвочекъ отъ 8—4 лѣтъ. Ни одной хорошенькой: испитыя, какъ ихъ мать, но личики тоже тонкія и умненькія. Сами измазаны, босы.

— Kump, Lisa, kump, —ласково позвалъ отецъ старшую. Она не двигалась и что-то уже шептала на нашъ счетъ младшимъ.

Мои дамы хотѣли приласкать дѣтей. Они всё кучкой попятились къ стѣнѣ, лица ихъ мгновенно вытянулись, сейчасъ разревутся разомъ.

Мать стояла рядомъ и кротко улыбалась.

— Дѣти они, гостей видятъ рѣдко,—извинился отецъ.—Теперь я покажу вамъ моего послѣдняго. Опъ спитъ въ нашей спальнѣ.

*) Германія покупаетъ ежегодно на одиннадцать милліоновъ иностраннаго хлѣба.
Прим. автора.

Опять выходъ на балконъ. Эрдерихъ отворилъ дверь съ балкона въ комнату.

Мы остановились на порогѣ, удивленные видомъ хорошей городской спальни, послѣ крестьянской столовой и мужицкой кухни. Спальня оклеена свѣжими обоями. Около широкой кровати ночной столикъ, съ мраморной доской, ореховый комодъ, коврикъ у постели, въ головахъ олеографія Мадонны. Занавѣски у оконъ. Ставни прикрыты.

— Вотъ и сыночекъ,—указалъ Эрдерихъ на люльку, завѣшанную кассей. Въ ней спалъ толстенный ребенокъ.

— Пять дѣвочекъ, одинъ мальчикъ!—сказалъ отецъ, цѣлуя осторожно спящаго сына.

— Гинекей!—воскликнули дамы, оглядывая спальню.

Рядомъ дѣтская, чисто выбѣленная, съ пятью кроватками, ночными столиками, комодомъ. Трудно повѣрить, что обитательницы этой дѣтской тѣ маленькія, босоногія замарашки.

— Здѣсь комната для пріѣзжихъ друзей,—сказалъ хозяинъ и отворилъ еще дверь съ балкона.

Опять чистенькая комната, хорошая постель. Надъ кроватью скрещены два ружья. У окна старое, кожаное кресло.

— Прежде здѣсь жилъ покойный отецъ.

— А какъ у васъ насчетъ наслѣдства, какой соблюдается законъ? Старшій или младшій наслѣдуетъ? Хотя минорать такъ же несправедливъ, какъ и майорать!

Эрдерихъ понялъ меня и сталъ обстоятельно доказывать справедливость *минората*. При большомъ количествѣ дѣтей нельзя дѣлить землю поровну. Они всѣ женятся рано. Отецъ еще молодой, полный силы, успѣваетъ поставить на ноги, пристроить старшихъ дѣтей. Младшій можетъ родиться, когда отцу уже за шестьдесятъ. Въ пору пристройства младшаго, отецъ совершенный старикъ, младшій и становится хозяиномъ, подъ руководствомъ отца, который всегда тутъ и живетъ до смерти, въ самомъ гофѣ. Умираютъ въ Шварцвальдѣ совсѣмъ древними.

— Развѣ участь короля Лира не постигаетъ иныхъ?—спросила я дамы.

— О, нѣтъ!—воскликнули обѣ.

Эрдерихъ любопытно прислушивался къ нашему французскому *a parte*. Ему перевели. Онъ улыбнулся, покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Никогда!—съ такимъ видомъ, какъ бы отвѣтилъ на небылицу.

— Правы у шварцвальдцевъ библейскіе,—продолжали барыни по-нѣмцки.—Случись нѣчто подобное, весь околотокъ возмущился бы, отвернулся. Да это просто немыслимо и подумать.

Эрдерихъ только кивалъ головой въ знакъ согласія.

Мы стали собираться уѣзжать, вышли на балконъ. Шелковистый лязгъ косарей раздавался ближе.

— Ахъ, да!—вспомнила я,—вы сказали, что батраки получаютъ у васъ 200 марокъ въ годъ жалованья и комнату, можно взглянуть, гдѣ комната?

Эрдерихъ прошелъ вѣскольکو шаговъ по балкону, открылъ дверь.

Маленькая, выбѣленная комната съ окномъ. Некрашенная кровать, прибранная постель, ночной столикъ, возлѣ стулъ, на стѣнѣ вѣшалка съ кое-какимъ мужскимъ платьемъ. Чемоданъ въ углу. Комната студента, а не деревенскаго батрака, зарабатывающаго 100 рублей въ годъ. Эта комната болѣе изумила меня, чѣмъ гнѣвоей хозяевъ.

— Вашъ гофъ богатый, — сказала я вслухъ, — ну, а въ бѣдныхъ дворахъ развѣ батраки получаютъ такое помѣщеніе?

— Бѣдныхъ дворовъ у насъ, въ Шварцвальдѣ, нѣтъ, — отвѣтилъ Эрдерихъ. — Если по какимъ-либо обстоятельствамъ хозяева бѣднѣютъ, тогда они сами идутъ въ батраки. Себѣ откажешь, а слугѣ дашь. Онъ требуетъ и хорошую ѣду, и помѣщеніе. Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ! Все города забираютъ и курорты. Молодежь неохотно возвращается потомъ въ деревни — и это горе для хозяевъ и батраковъ!

— А вы сами, что желали бы сдѣлать изъ вашего сына: крестьянина или горожанина? — спросила я Эрдериха, не спуская съ него глазъ.

Онъ тотчасъ отвѣтилъ вѣско, не задумавшись:

— Брестянина. У насъ въ родѣ всѣ были землепашцы и всѣ прожили счастливо.

Мы стали спускаться съ балкона по лѣсенкѣ, возлѣ которой на камнѣ высѣчена латинскими буквами: *Мюльштейнъ. Иозефъ Эрдерихъ, тысяча семсотъ девяностый годъ*. Мнѣ очень хотѣлось списать надпись, да со-вѣстно было вучера и хозяйки, которая, навѣрно, слышала, какъ мы смѣялись надъ безграмотностью надписи, а хозяйка, всѣ ея пять дѣвочекъ, еще другая работница, всѣ онѣ теперь смотрѣли съ балкона, какъ мы сажались въ экипажъ; хозяинъ усаживалъ насъ.

Удивительно! худыя, загорѣлыя лица казались на солнцѣ, въ яркомъ освѣщеніи лѣтняго дня, хорошенькими! Щеки порозовѣли, глаза искрились, красивые рты кротко, привѣтливо улыбались. И такъ онѣ были просты, дѣльны душой! Понятно становилось то впечатлѣніе, какое выносить и писатели, и художники изъ Шварцвальда.

Эрдерихъ захотѣлъ самъ проводить насъ до главнаго шоссе, вывести на другую дорогу, чѣмъ та, какой мы пріѣхали.

— Тутъ будетъ очень круто, я поддержу коляску, — отвѣчалъ онъ на наши протесты.

Г-жа фонъ-З. пошла пѣшкомъ. Барышня взяла одну лошадь подъ уздцы; лучерь — другую; я осталась въ коляскѣ. Эрдерихъ сзади поддерживалъ колеса.

Видъ опять открылся чудесный. Опять окружало насъ волнистое море горъ; но въблизи что-то не замѣтно было ни церкви, ни школы. Вообще селеній, городковъ не видно было, они точно утонули среди этихъ своеобразныхъ волнъ.

Я спросила Эрдериха. Церковь отъ нихъ полчаса ходьбы, за горой не видно. Школа подальше, три четверти часа. Ученіе обязательное. Пола-

гается посылать дѣтей съ 6 до 14 лѣтъ. Я, конечно, освѣдомилась: могутъ ли дѣти, на случай метели, ливня, переночевать въ школѣ? Не полагается; но всегда найдутся знакомые, которые дѣтей пріютятъ. Маленькихъ въ школу провожаютъ, если нѣтъ товарища постарше.

Эрдерихъ вдругъ остановился, прислушался.

— Кричать... изъ дому кричать,—сказалъ онъ.

Мы ничего не слышали.

Онъ длинно, протяжно отвѣтилъ.

До насъ еще донесся звукъ съ вершины горы.

— Вы забыли черную книжку.

Всѣ мои записи о Шварцвальдѣ!

— Сейчасъ, сейчасъ принесутъ,—успокаивалъ онъ меня.

И опять долго протяжно отвѣтилъ.

— Удивительный слухъ у этихъ горцевъ!—замѣтила и барыня.

Мы остановились въ ложбинѣ. Насъ окружали великолѣпные лѣса изъ вяза, хвоя, бука.

— Букъ достигаютъ такихъ вершинъ, на какихъ въ остальной части Германіи онъ и не растетъ,—сказалъ Эрдерихъ.

— Я думаю, у васъ тутъ масса хищнаго звѣря?

— Никакого! Очень рѣдки кабанъ или каменный баранъ. Дикихъ козъ много; но охотники отдадутъ двадцать козъ за одного глухаря—въ такомъ почетѣ убить эту птицу. И мѣстные глухари великолѣпны, точно оранжаріи... но цѣнность, приманка Шварцвальдскихъ горъ—форель.

— Форели въ горныхъ ручьяхъ и озерахъ, тысячу сто съ чѣмъ-то метровъ надъ уровнемъ моря!—воскликнула барышня.

— Тысячу сто тринадцать метровъ,—обстоятельно поправилъ ее Эрдерихъ.

— А вопъ Mädel бѣжить.

По откосу быстро сбѣгала Mädel, т.-е. работница, которую мы уже видѣли въ кухнѣ.

И она на воздухѣ, въ горахъ, совсѣмъ иной смотрѣла: граціозной, гибкой; босые ноги мелькаютъ легко, проворно.

Я поблагодарила, вложивъ ей въ руку монету. Мәдель зардѣлась, стало отпѣкиваться, потомъ распрощалась со мной крѣпкимъ рукопожатіемъ и скоро, скоро побѣжала обратно въ горы.

Спускъ становился очень крутымъ. Теперь барышня и кучеръ держали морды лошадей кверху, слѣдя, чтобы лошади не застряли копытомъ въ поперечныхъ канавкахъ дороги, которыя устроены для прямого стока воды съ горъ. А Эрдерихъ изо всей силы поддерживалъ то одно, то другое колесо. Г-жа фонъ-Z. давно опередила насъ. Ея фигура видна была по до роги, ниже насъ: она курила папиросы и часто посылала намъ вверхъ яснымъ голосомъ тирольскія «ла-ла-лау». И это въ шестьдесятъ лѣтъ!

Когда спускъ кончился, мы всѣ три опять усѣлись въ коляску, тогда

только Эрдерихъ простился съ нами, пожелавъ добраго пути и поблагодаривъ за честь посѣщенія.

Люблю я свою родину,—говорила Лора фонъ-Z.—Вы видите, какъ не любить ее! Въ ней все гармонично—и люди, и природа!

Про тѣхъ «варваровъ», что ломали башню, мы и позабыли.

Да, въ Шварцвальдѣ все «гармонично»: и Баденъ-Баденъ въ его изящной рамѣ чернолѣся, и провинціальный, тихій городокъ Г. съ средневѣковыми башенками, и гостепріимный, одиноко стоящій гофъ Эрдериха.

Я не имѣла ни времени, ни силъ, ни знанія точно провѣрить «Деревенскіе рассказы» Ауэрбаха, Гансъякоба; но то настроеніе, какое я испытала за недѣлю моего житія въ Шварцвальдѣ, освѣтило мнѣ эти рассказы еще ярче, еще теплѣе.

Послѣ Мюльштейна Эрдериха, я побывала въ Санъ-Георгіенѣ, въ Трибергѣ (центръ производства часовъ-кукушекъ), но объ этомъ въ другой разъ.

С. Б.

Фридрих Ницше.

Аристократическій радикализмъ *). Статья Георга Брандеса **).

Переводъ съ датскаго.

Въ литературѣ современной Германіи Фридрихъ Ницше представляется мнѣ самымъ интереснымъ писателемъ. Мало извѣстный даже въ своемъ отечествѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ къ первостепеннымъ умамъ и заслуживаетъ въ полной мѣрѣ, чтобы его изучали, анализировали, оспаривали и усваивали себѣ. Въ числѣ многихъ своихъ хорошихъ свойствъ онъ обладаетъ свойствомъ сообщать другимъ извѣстное настроеніе и приводитъ въ движеніе мысли.

Въ теченіе восемнадцати лѣтъ Ницше написалъ длинный рядъ книгъ и брошюръ. Размышленія, разсыпанныя въ этихъ томахъ, трактуютъ преимущественно о моральныхъ предразсудкахъ. Его главное значеніе лежитъ въ этой области. Но, помимо этого, онъ касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, писалъ о культурѣ и исторіи, объ искусствѣ и о женщинахъ, о совмѣстной и одинокой жизни, о государствѣ и обществѣ, о жизненной борьбѣ и о смерти.

Онъ родился 15 октября 1844 г. въ той самой мѣстности, гдѣ происходила битва при Люценѣ. Первое иностранное имя, слышанное имъ въ дѣтствѣ, было имя Густава-Адольфа. Предки Ницше были польскіе дворяне (Niėzku), и польскій типъ сохранился, повидному, у нихъ потомка, несмотря на три поколѣнія нѣмецкихъ матерей. За границей его часто принимали за поляка. Его бабушка принадлежала къ гётевскому кружку въ Веймарѣ.

Ребенкомъ Ницше имѣлъ счастье попасть въ превосходную школу, прусскую Schulpforta, изъ которой вышли многіе замѣчательные дѣятели нѣмец-

*) Der Ausdruck „aristokratischer Radikalismus“, dessen Sie sich bedienen, ist sehr gut. Das ist, mit Verlaub gesagt, das gescheuteste Wort, das ich bisher über mich gelesen habe.

Ницше (2 декабря 1897 г.).

(Употребляемое вами выраженіе „аристократическій радикализмъ“ весьма удачно. Смѣю сказать, что это самое мѣткое слово, какое мнѣ до сихъ поръ доводилось читать по отношенію къ себѣ.)

**) Написано въ 1889 г.

кой литературы (Клопштокъ, I. Э. Шлегель, Фихте, Ранке и т. д.). По отзыву Ницше, учителя этой школы сдѣлали бы честь любому университету. Отсюда онъ перешелъ сначала въ Боннскій, затѣмъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ на него не замедлилъ обратить вниманіе старикъ Ритцль, въ то время первый филологъ Германіи. Двадцати двухъ лѣтъ Ницше уже сотрудничалъ въ *Litterarisches Centralblatt*. Онъ основалъ въ Лейпцигѣ филологическое общество, существующее и понынѣ.

Въ 1868 г. Базельскій университетъ пригласилъ его на кафедру профессора филологіи. Ему было 24 года и онъ не имѣлъ еще докторской степени. Впослѣдствіи Лейпцигскій университетъ далъ ему докторскій дипломъ безъ экзамена. Онъ прервалъ на время свою преподавательскую дѣятельность, чтобы принять участіе въ франко-прусской войнѣ въ отрядѣ краснаго креста. Ницше былъ профессоромъ въ Базелѣ отъ 1869 до 1879 г. Ему пришлось отказаться отъ нѣмецкаго подданства, такъ какъ въ качествѣ офицера (конной артиллеріи) онъ слишкомъ часто подлежалъ призыву, что являлось большою помѣхой для академическаго преподаванія.

Въ Базелѣ Ницше жилъ хорошо, несмотря на его юность (студенты, которыхъ онъ долженъ былъ экзаменовать, нерѣдко бывали старше экзаминатора). Среди выдающихся личностей, съ которыми онъ завязалъ сношенія, были замѣчательный историкъ культуры, Яковъ Буркгардтъ, и Рихардъ Вагнеръ, жившій въ то время съ своей женой Козимой въ одномъ помѣстьѣ близъ Люцерна. Чувства удивленія и преданности къ Буркгардту у Ницше не измѣнились. Въ отношеніяхъ же его къ Вагнеру произошелъ съ теченіемъ времени полный переворотъ. Изъ провозвѣстника Вагнера онъ сдѣлался мало-по-малу самымъ ожесточеннымъ его противникомъ. Ницше всегда былъ душой и тѣломъ музыкантъ; въ своемъ *Гимнѣ къ жизни* (хоровой пѣсь съ оркестромъ, 1888 г.) онъ даже рѣшился испытать свои силы въ композиціи, а совѣстная жизнь съ Вагнеромъ оставила глубокіе слѣды на самыхъ раннихъ его произведеніяхъ. Но опера *Парсиваль* со своей католической тенденціей и аскетическими идеалами, которые она выдвигаетъ и которые ранѣе были какъ нельзя болѣе чужды Вагнеру, заставила Ницше видѣть въ великомъ композиторѣ нѣчто опасное, указала ему въ немъ врага, болѣзненное явленіе, ибо послѣ этой оперы и всѣ прежнія предстали передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ.

Въ 1876 г. здоровье Ницше пошатнулось. Онъ провелъ зиму въ Сорренто, но тщетно искалъ себѣ тамъ облегченія. Сильнѣйшія и упорнѣйшія головныя боли, отнимавшія у него чуть не по двѣсти дней въ году, не переставали его мучить въ слѣдующія шесть лѣтъ и привели его на край ноггмы. Въ 1879 г. онъ отказался отъ профессуры. Съ 1882—88 г. его здоровье хотя крайне медленно, но постепенно поправлялось. Глаза его были такъ слабы, что ему угрожала слѣпота. Онъ принужденъ былъ соблюдать величайшую осторожность въ образѣ жизни, а въ выборѣ своего мѣстожительства сообразоваться съ климатическими и метеорологическими условіями. Зиму онъ проводилъ по большей части въ Ниццѣ, лѣто въ Sils-Maria

въ Верхнемъ Энгадинѣ, въ Швейцаріи. 1887-й и 1888-й гг. были у него изумительно производительны. За этотъ періодъ времени онъ выпустилъ въ свѣтъ наиболѣе выдающіеся труды свои самаго разнообразнаго характера и подготовилъ къ печати цѣлый рядъ новыхъ работъ. Затѣмъ, въ концѣ 1888 г., быть можетъ, вслѣдствіе переутомленія, съ нимъ сдѣлался бурный приступъ болѣзни, отъ которой онъ и не получалъ исцѣленія.

Какъ мыслитель, Ницше находится въ преемственной связи съ Шопенгауэромъ; въ своихъ первыхъ произведеніяхъ онъ прямо является его ученикомъ. Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ молчанія, во время котораго онъ пережилъ свой первый духовный кризисъ, онъ выступаетъ освободившимся отъ всякаго учительскаго авторитета. Онъ проходитъ затѣмъ чрезъ такую сильную и быструю эволюцію, — не столько въ самомъ мірѣ своихъ идей, сколько въ способѣ ихъ выраженія, — что каждый новый его трудъ знаменуетъ собой и новую стадію, и постепенно всё его мысли сосредоточиваются, наконецъ, вокругъ одного основного вопроса, — вопроса о моральныхъ цѣнностяхъ. Еще съ самаго начала, полемизируя съ Давидомъ Штраусомъ, онъ протестовалъ, какъ мыслитель и какъ писатель, противъ всякаго моральнаго истолкованія сущности вселенной, указывая мѣсто нашей морали въ мірѣ явленій, называя ее то призракомъ или ошибкой, то приспособленіемъ и искусствомъ. И наивысшей точки его писательская дѣятельность достигла до сихъ поръ въ изслѣдованіи возникновенія моральныхъ понятій, послѣ чего онъ надѣялся и намѣревался дать всестороннюю критику моральныхъ цѣнностей. Первая книга *Переоцѣнки цѣнностей* (*Umwerthung der Werthe*) была готова, когда на Ницше обрушился недугъ.

I.

Впервые Ницше заставилъ о себѣ много говорить, — хотя эти отзывы о немъ были не особенно хвалебнаго свойства — ѣдкой и юношески-запальчивой полемикой противъ Штрауса по поводу книги этого послѣдняго *Старая и новая этра*. Эти нападки направлены, однако, не столько противъ послѣдняго произведенія знаменитаго критика, сколько противъ владычества нѣмецкой посредственности, для которой это послѣднее его слово являлось послѣднимъ словомъ вообще научнаго образованія.

Это было спустя полтора года по окончаніи франко-прусской войны. Никогда еще волны нѣмецкаго самолюбія не вздымались такъ высоко. Побѣдное ликованіе незамѣтно перешло въ бурно-восторженное самовозвеличеніе. Общій взглядъ былъ тотъ, что нѣмцы одержали верхъ надъ французами въ силу своей культуры. И вдругъ раздался голосъ, говорившій:

Предположимъ, что здѣсь дѣйствительно состязались двѣ культуры. Это всетаки не дастъ поводовъ вѣнчать культуру побѣдительницу; надо еще знать, чего стоила культура, потерпѣвшая поражение; если цѣнность ея была весьма незначительна, — что именно и говорятъ о французской культурѣ, — тогда мало чести въ побѣдѣ. Но затѣмъ въ этомъ случаѣ вовсе не

можетъ быть рѣчи о побѣдѣ нѣмецкой культуры, отчасти потому, что французская все еще существуетъ, отчасти и потому, что нѣмцы и теперь, какъ прежде, находятся въ зависимости отъ нея. Военная дисциплина, природная храбрость, выносливость, талантливость полководцевъ, послушаніе подчиненныхъ—*элементы, не имѣющіе ничего общаго съ культурой*—вотъ что доставило Германіи побѣду. И, наконецъ, нѣмецкая культура не побѣдила уже по той простой причинѣ, что *Германія не имѣетъ еще ничего такого, что можно было бы назвать культурой*.

Всего за годъ передъ тѣмъ самъ Ницше взиралъ съ величайшимъ упованіемъ на грядущія судьбы Германіи, надѣялся, что недалеко то время, когда она перестанетъ ходить на помочахъ у романской цивилизаціи, и въ нѣмецкой музыкѣ черпалъ самыя благоприятныя предвѣстія *). Умственный упадокъ, несомнѣнное начало котораго, какъ ему казалось, — и, конечно, справедливо, — совпадало съ учрежденіемъ Германской имперіи, заставилъ его теперь бросить господствующему народному настроенію безпощадный вызовъ.

Онъ настаиваетъ на томъ, что прежде всего другого культура скъывается въ единствѣ художественнаго стиля,—единствѣ, проходящемъ чрезъ всѣ жизненныя проявленія народа. Если же народъ многому учился и много знаетъ, то это, какъ указываетъ Ницше, не есть ни необходимое средство къ достиженію культуры, ни признакъ культуры; онъ превосходно сравниваетъ это съ варварствомъ, то-есть съ полнымъ отсутствіемъ стиля или нестрою смѣсью различныхъ стилей. И онъ прямо утверждаетъ, что съ культурой, состоящей изъ подобной смѣси, нельзя преодолѣть врага, всего менѣе такого врага, какъ французы, съ давнихъ поръ обладавшіе дѣйствительной, плодотворной культурой, какую бы цѣну мы ни приписывали ей.

Онъ ссылается на слова Гёте къ Эккерману: «Мы, нѣмцы, существуемъ только со вчерашняго дня. Правда, послѣднія сто лѣтъ мы усердно стремились къ культурному состоянію, но можетъ пройти еще два столѣтія, пока наши соотечественники успѣютъ настолько проникнуться умственными силами и высшей культурой, чтобы можно было сказать о нихъ, что они давно уже не варвары».

Какъ видитъ читатель, понятія «культура» и «однородная культура» покрываютъ въ глазахъ Ницше другъ друга. Чтобы быть однородной, культура должна достигнуть извѣстнаго возраста и быть настолько сильной въ своихъ характерныхъ чертахъ, чтобы проникать насеквозъ въ формы жизни. Однакожь, однородная культура, разумѣется, не тождественна съ доморощенной культурой. Однородную культуру имѣла древняя Эллада, но то былъ плодъ египетскихъ и азіатскихъ вліяній; однородную культуру имѣла древняя Исландія, хотя именно расцвѣтомъ ея она была обязана живому общенію съ Европой; однородную культуру имѣла Италія въ эпоху Ренессанса, Англія въ шестнадцатомъ, Франція въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ

*) „Die Geburt der Tragödie“, стр. 112 и слѣд. („Рожденіе трагедіи“).

вѣкахъ, несмотря на то, что Италія создала свою культуру изъ греческихъ, римскихъ и испанскихъ элементовъ, Франція свою—изъ античныхъ, кельтическихъ и итальянскихъ, и несмотря на то, что англичане болѣе всѣхъ другихъ народовъ представляютъ изъ себя смѣшанную расу. Нѣтъ спора, что нѣмцы всего какихъ-нибудь полтора вѣка тому назадъ приступили къ своему освобожденію отъ французской культуры, едва ли болѣе ста лѣтъ тому назадъ окончательно сбросили съ себя главенство французской школы, воздѣйствіе которой, тѣмъ не менѣе, ощущается и понынѣ; но все же никто не можетъ съ какимъ-либо основаніемъ отрицать наличность нѣмецкой культуры, если даже она сравнительно еще юна и находится пока въ періодѣ развитія. Равнымъ образомъ тотъ, кто чувствуетъ соотвѣтствіе между нѣмецкой музыкой и нѣмецкой философіей, кто слышитъ соотвѣтствіе между нѣмецкой музыкой и нѣмецкой лирической поэзіей, кто видитъ въ нѣмецкомъ образовательномъ искусствѣ преимущества и недостатки, истекающіе изъ того же основного влеченія, которое проявляется во всемъ мірѣ идей и чувствъ нѣмецкаго народа, тотъ не будетъ склоненъ отвергать напередъ существованіе въ Германіи однородной культуры.

Между тѣмъ, этотъ пунктъ для Ницше сравнительно менѣе важенъ. Онъ убѣжденъ, что скоро пробьетъ часъ для національныхъ культуръ, такъ какъ недалеко уже то время, когда вообще можно будетъ вести рѣчь лишь объ европейской или составляющей одно цѣлое европейско-американской культурѣ. Онъ отправляется отъ того факта, что развитые люди всѣхъ странъ чувствуютъ себя уже въ настоящій моментъ европейцами, соотечественниками,—больше того, союзниками, и исходитъ изъ увѣренности, что уже будущее столѣтіе можетъ принести землѣ войну за верховенство.

Когда же въ результатѣ этой войны по всѣмъ національнымъ тщеславіямъ пронесется ураганъ, который скоситъ и сломитъ ихъ своимъ напоромъ, какой тогда будетъ на очереди вопросъ?

Тогда, полагаетъ Ницше, совершенно сходясь въ этомъ съ большинствомъ выдающихся современныхъ французовъ,—тогда все будетъ зависѣть отъ того, удалось ли къ этому времени воспитать или вырастить нѣчто вродѣ касты выдающихся умовъ, которые могли бы взять въ свои руки центральную власть.

Главное несчастье, слѣдовательно, не въ томъ, что страна еще не имѣетъ неподдѣльной, однородной и всесторонней культуры, а въ томъ, что люди мнятъ себя культурными. Обращая взоръ на Германію, Ницше спрашиваетъ, какъ могло возникнуть это чудовищное противорѣчіе,—противорѣчіе между отсутствіемъ истинной культуры и самодовольной увѣренностью въ обладаніи какъ разъ самой истинной,—и отвѣтъ на свой вопросъ онъ находитъ въ томъ обстоятельствѣ, что у власти сталъ классъ людей, которыхъ не зналъ ни одинъ изъ прежнихъ вѣковъ, классъ людей, которыхъ онъ (въ 1873 г.) окрестилъ именемъ *филистеровъ образованія*. Филистеръ образованія считаетъ свою безличную образованность настоящей культурой; если ему приходилось слышать, что культура предполагаетъ однород-

ный умственный отпечатокъ, то это утверждаетъ его въ хорошемъ мнѣніи о самомъ себѣ, такъ какъ всюду онъ видитъ людей съ такого же рода образованіемъ, и такъ какъ школы, университеты и художественныя академіи устроены по образцу, соответствующему его собственной образованности. Встрѣчая, такъ сказать, повсюду то же безмолвное соглашеніе относительно морали и литературы, относительно брака, семьи, общины и государства, онъ видитъ въ этомъ какъ бы доказательство, что эта импонирующая однородность есть культура. Онъ не подозреваетъ, что это благоустроенное филистерство, изъ-за того, что между его органами существуетъ гармонія, отнюдь еще не сдѣлалось культурой. Это даже не плохая культура, говоритъ Ницше, это—варварство, окружившее себя по возможности твердыми окопами, но совершенно лишенное свѣжести и дикой мощи первобытнаго варварства. Въ живописныхъ выраженіяхъ филистерство образованія уподобляется болоту, которое засасываетъ всякую энергію и своимъ ядовитымъ туманомъ отравляетъ и губитъ всякое стремленіе.

И вотъ, мы всё рождаемся въ обществѣ филистерскаго образованія, всё растемъ въ этомъ обществѣ. Оно несетъ намъ навстрѣчу господствующія мнѣнія, бессознательно принимаемыя нами; а если даже мнѣнія и раздѣляются, то все же они дѣлятся лишь на партійныя мнѣнія—общественныя мнѣнія.

У Ницше есть слѣдующій афоризмъ: «Что такое общественныя мнѣнія? Это частная лѣнь». Положеніе не безусловно вѣрное. Есть случаи, когда общественное мнѣніе имѣетъ цѣну. Противъ извѣстныхъ грубыхъ проявленій вѣроломства и поправленія закона, противъ нѣкоторыхъ грубо-низменныхъ оскорбленій человѣческаго права общественное мнѣніе можетъ возстать, какъ сила, за которой стоить послѣдовать. Вообще же оно обыкновенно бываетъ фабрикатомъ, изготовленнымъ на службѣ у филистеровъ образованія.

Такимъ образомъ, при вступленіи въ жизнь юноша наталкивается на различныя, немного болѣе или немного менѣе филистерскія групповыя мнѣнія. Чѣмъ болѣе въ индивидуумѣ задатковъ настоящаго человѣка, тѣмъ болѣе будетъ онъ оказывать сопротивленія, прежде чѣмъ послѣдуетъ за стадомъ. Но если даже внутренній голосъ говоритъ ему: сохрани свое «я!» Будь самимъ собою! то онъ съ уныніемъ внимаетъ этому призыву. Есть у него свое «я»? Онъ этого не знаетъ; это «я» ему еще неизвѣстно.

Онъ озирается, ища учителя, наставника, ища человѣка, который не станетъ сообщать ему какихъ-нибудь постороннихъ свѣдѣній, а научить его сдѣлаться самимъ собою, сдѣлаться индивидуумомъ.

Какъ найти себя въ себѣ самомъ? Какъ откопать себя въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ? Вотъ въ чемъ ему долженъ помочь наставникъ. Наставникомъ можетъ быть только освободитель.

Такого наставника-освободителя искалъ юношей Ницше и нашелъ его въ Шпенггауерѣ. Всякій, ищущій себѣ такого наставника, находитъ его въ личности, оказавшей на него въ періодъ его развитія наиболѣе глубокое

освободительное воздѣйствіе. Ницше говоритъ, что, прочитавъ первую страницу Шопенгауэра, онъ уже знаетъ, что будетъ читать каждую его страницу и обращать вниманіе на каждое слово; даже на самыя заблужденія, которыя, быть можетъ, въ нихъ встрѣтитъ. Всякій человѣкъ, исполненный духовныхъ стремленій, будетъ въ состояніи назвать писателей, которыхъ онъ читалъ такимъ образомъ.

Правда, Ницше, какъ и всякому стремящемуся впередъ уму, оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ: освободиться отъ освободителя. Въ наиболѣе раннихъ его сочиненіяхъ можно встрѣтить нѣкоторые излюбленные Шопенгауэровскіе термины, которые впоследствии больше не попадаютъ. Но здѣсь освобожденіе—спокойная выработка самостоятельности, не мѣшающая сохраненію глубокой благодарности, а не бурный переворотъ, побуждающій его отвергать всякую цѣнность у произведеній, казавшихся ему ранѣе драгоценнѣйшими, какъ это было въ отношеніяхъ его къ Вагнеру.

Онъ восхваляетъ у Шопенгауэра его высокую честность, рядомъ съ которой онъ можетъ поставить лишь честность Монтеня, превозноситъ его ясность, его постоянство, его опрятное отношеніе къ обществу и государству, къ государственной религіи, отношеніе, особенно рельефно выступающее при сравненіи съ Кантомъ. У Шопенгауэра никогда нѣтъ уступокъ, никогда нѣтъ замгиванія.

Ницше спрашиваетъ себя съ недоумѣніемъ, какъ могъ вообще Шопенгауэръ выносить жизнь въ Германіи. Одинъ изъ современныхъ англичанъ сказалъ: «Шелли не могъ бы ужиться въ Англіи, и нѣсколько такихъ личностей, какъ Шелли, были бы прямо невозможны». Такого рода умы рано надламываются, затѣмъ впадаютъ въ меланхолію, а затѣмъ дѣлаются жертвой недуга или психическаго расстройства. Въ обществѣ филистеровъ образованія жизнь людей необыкновенныхъ бываетъ далеко не сладка. Въ литературѣ всѣхъ странъ найдется тому множество примѣровъ, а доказательство отъ противнаго приходится встрѣчать на каждомъ шагѣ. Стоитъ только подумать объ изрядномъ количествѣ талантовъ, рано или поздно приносящихъ повинную и дѣлающихъ уступки филистерству для того, чтобы имѣть возможность существовать. Но даже и у самыхъ сильныхъ изнурительная и бесполезная борьба съ филистерствомъ образованія обнаруживается въ преждевременныхъ морщинахъ. Ницше приводитъ слова одного опытнаго дипломата, имѣвшаго случай лишь вскользь говорить съ Гёте: *Voilà un homme qui a eu de grands chagrins* и замѣчаніе Гёте, передававшего эти слова своимъ друзьямъ: «Если слѣды пережитыхъ страданій стоятъ неизгладимо даже въ чертахъ нашего лица, то что же удивительнаго, если все то, что остается послѣ насъ, какъ плодъ нашихъ стремленій, носить на себѣ тѣ же слѣды». И это говоритъ Гёте, всѣми признанный баловень счастья!

Шопенгауэръ былъ, какъ извѣстно, до конца своей жизни совершенно одинокимъ человѣкомъ. Никто не понималъ его, никто его не читалъ. Боль-

шая часть экземпляровъ перваго изданія его книги *Миръ какъ воля и пред-
ставленіе* пришлось распродать на макулатуру.

Въ наши дни сильно распространился взглядъ Тана, что великій чело-
вѣкъ всецѣло опредѣляется эпохой, сыномъ которой онъ долженъ считаться,
что онъ безсознательно резюмируетъ ее въ себѣ, а сознательно долженъ
давать ей выраженіе *). Но хотя великій человѣкъ стоитъ, какъ это само
собою разумѣется, не внѣ хода исторіи и долженъ всегда создавать на пред-
шественникахъ, то все же та или другая идея всегда зарождается въ одной
отдѣльной личности или въ нѣсколькихъ отдѣльных личностяхъ, и эти
личности не разбросанныя точки въ низкостоящей толпѣ, а высокодарован-
ныя, притягивающія къ себѣ толпу, а не притягиваемыя ею. То, что на-
зываютъ духомъ времени, возникаетъ впервые въ очень и очень немногихъ
умахъ.

Сильно проникнутый съ самаго начала, въ особенности благодаря воз-
дѣйствію Шопенгауэра, тѣмъ положеніемъ, что великій человѣкъ не сынъ,
а пасынокъ своего вѣка, Ницше требуетъ отъ выдающагося наставника,
чтобъ онъ воспиталъ юношу *наперекоръ* его вѣку.

Ему представляется, что новѣйшее время выдвинуло въ послѣдователь-
номъ порядкѣ три человѣческихъ образа, вызывающихъ на подражаніе и
соревнованіе. Первый изъ нихъ — человѣкъ Руссо, титанъ, придавленный
и скованный высшими кастами, но воспрянувшій и вызывающій объ осво-
божденіи къ святой природѣ. Затѣмъ слѣдуетъ человѣкъ Гёте. Не Вертеръ
и не родственные ему революціонные образы, еще ведущіе свое происхо-
жденіе отъ Руссо, не первоначальная Фаустовская фигура, а Фаустъ въ томъ
видѣ, до какого онъ развился постепенно. Онъ не міроосвободитель, а міро-
созерцатель. Онъ не человѣкъ дѣйствія. Ницше напоминаетъ читателю
слова Ярно къ Вильгельму Мейстеру: «Вы сердитесь и негодуете, это не-
дурно. Но еслибъ вы могли хоть разъ настоящимъ образомъ разгнѣваться,
то это было бы еще лучше».

Разгнѣваться настоящимъ образомъ для того, чтобъ сдѣлалось лучше, —
вотъ къ чему, по мнѣнію тридцатилѣтняго Ницше, поощряетъ Шопенгау-
эровскій человѣкъ. Этотъ человѣкъ добровольно беретъ на себя страданіе,
неизбѣжное для того, кто обязывается говорить правду. Основная мысль
его заключается въ слѣдующемъ: счастливая жизнь невозможна; наивысшее,
чего можетъ человѣкъ достигнуть, это — жизнь героическая, жизнь, въ ко-
торой люди съ величайшими трудностями борются за что-либо, что тѣмъ
или другимъ способомъ оказывается благомъ для всѣхъ. Къ истинно-чело-
вѣческому поднимаютъ насъ лишь истинные люди, какъ будто сразу создаю-
щіеся въ природѣ, мыслители и изобрѣтатели, художники и творцы, и тѣ,
которые дѣйствуютъ больше въ силу своей сущности, чѣмъ своей дѣятель-

*) Пишущій эти строки не выступалъ поборникомъ этого взгляда, какъ это иногда
высказывалось публично, а, наоборотъ, ратовалъ противъ него. Послѣ недолгаго ко-
лебанія и еще въ 1870 г. высказался противъ этого воззрѣнія въ своей книгѣ *Фран-
цузская эстетика въ наши дни*, а впоследствии и во многихъ другихъ.

ности: благородные, въ большомъ стадѣ добрые, тѣ, въ которыхъ дѣйствуютъ гений добра.

Эти-то люди и составляютъ цѣль исторіи.

Ницше формулируетъ слѣдующее положеніе: «Человѣчество должно непрерывно работать надъ производствомъ отдѣльныхъ великихъ людей—въ этомъ, и не въ чемъ другомъ заключается его задача *). Это та же формула, къ которой пришли нѣкоторые изъ современныхъ ему аристократическихъ умовъ. Такъ, наприм., Ренанъ говоритъ почти тѣми же словами: «Въ общемъ итогѣ цѣль человѣчества—производить великихъ людей... Безъ великихъ людей ничего нельзя достигнуть; спасеніе придетъ отъ великихъ людей»... **). Изъ писемъ Флобера къ Жоржъ Сандъ видно, до какой степени онъ былъ убѣжденъ въ томъ же самомъ. Онъ говоритъ, наприм.: «Единственная разумная вещь есть и всегда будетъ правленіе мандариновъ, предполагая, что мандарины могутъ что-нибудь или, вѣрнѣе, могутъ много сдѣлать... Будетъ ли большее или меньшее количество крестьянъ уметь читать, это не имѣетъ большой важности; но безконечно важно то, чтобъ могло жить и говорить много такихъ людей, какъ Ренанъ и Литтре. Наше спасеніе лежитъ отнынѣ въ настоящей аристократіи» ***). И Ренанъ, и Флоберъ подписались бы подъ основнымъ представленіемъ Ницше, что подъ народомъ надо разумѣть обходъ, дѣлаемый природой для производства десятка великихъ людей.

Однакожъ, хотя нѣтъ недостатка въ поборникахъ этой основной мысли, это еще не значить, что она является господствующей въ европейской философіи. Въ Германіи Эдуардъ Гартманъ, наприм., мыслить о ходѣ исторіи весьма отличнымъ отъ этого способомъ. Извѣстны его печатные отзывы объ этомъ вопросѣ. Въ одной частной бесѣдѣ онъ намекнулъ однажды на то, какъ сложилась въ его душѣ его идея: «Съ раннихъ поръ,—сказалъ онъ,—мнѣ стало ясно, что исторія или, употребляя болѣе сильное выраженіе, мировой процессъ долженъ имѣть цѣль, и что цѣль эта можетъ быть только отрицательна. Золотой вѣкъ слишкомъ вѣдь ужъ глупая химера». Отсюда его фантазіи о добровольно подготовленномъ наиболѣе даровитыми людьми крушеніи міра. Въ связи съ этимъ находится и его ученіе о томъ, что человѣчество вступило теперь, повидимому, въ зрѣлый возрастъ, перешло, слѣдовательно, за ту ступень развитія, гдѣ необходимы гении.

Рядомъ со всѣми этими толками о мировомъ процессѣ, цѣль котораго есть уничтоженіе или же отрѣшеніе,—отрѣшеніе даже страждущаго божества отъ существованія, весьма трезвымъ и рациональнымъ представляется Ницше съ своей простой вѣрой въ то, что цѣль человѣчества не отодвинута до безконечности, а должна лежать въ выспихъ его экземплярахъ.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ приходитъ къ окончательному отвѣту на вопросъ: что такое культура? Ибо на указанномъ отношеніи покоятся основная мысль

*) „Unzeitgemässe Betrachtungen“. Drittes Stück, стр. 60. (Несвоевременныя размышленія).

**) Renan: „Dialogues et fragments philosophiques“, стр. 103.

***) Flaubert: „Lettres à George Sand“, стр. 130 и слѣд.

культуры и обязанности, налагаемые ею. Она налагает на меня обязанность стать въ самостоятельное отношеніе къ великимъ человѣческимъ идеаламъ. Основная мысль ея такова: всякому отдѣльному человѣку, хотящему работать для нея и быть ея участникомъ, она ставитъ задачу — работать въ себѣ и внѣ себя надъ производствомъ мыслителя и художника, друга истины и друга красоты, чистой и доброй личности и содѣйствовать этимъ путемъ совершенствованію природы, содѣйствовать цѣли: совершенная природа.

Когда господствуетъ культурное состояніе? Когда люди въ данномъ обществѣ неустанно работаютъ надъ производствомъ отдѣльныхъ великихъ людей. Изъ этой наивысшей цѣли вытекаютъ и всѣ другія. А когда состояніе умовъ наиболѣе удалено отъ культурнаго? Когда люди инстинктивно и соединенными силами затрудняютъ возникновеніе великихъ людей, частью препятствуя воздѣлыванію почвы, потребной для того, чтобы гениальное могло пустить ростки, частью ведя упорную борьбу со всѣмъ гениальнымъ, возникающимъ посреди нихъ. Такое состояніе отстоитъ дальше отъ культуры, чѣмъ состояніе чистаго варварства.

Въ новѣйшее время мы сроднились съ мыслью, что цѣль, для которой слѣдуетъ работать, это — счастье, — счастье всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большинства. Въ чемъ счастье состоитъ, это рѣже взвѣшивается, а между тѣмъ невольно напрашивается вопросъ, не виѣщаетъ ли въ себѣ больше счастья одинъ годъ, одинъ день, одинъ часъ въ раю, нежели цѣлая жизнь въ углу за печкой? Но все равно! Насколько намъ сдѣлалось близко представленіе о необходимости приносить жертвы цѣлой странѣ, цѣлой толпѣ людей, настолько же намъ кажется нелѣпо, будто человѣкъ существуетъ ради другихъ отдѣльныхъ людей, будто его обязанность — посвящать имъ свою жизнь, чтобы этимъ двигать культуру. По на вопросъ о культурѣ, на вопросъ о томъ, какимъ путемъ единичная человѣческая жизнь получаетъ высшую цѣну и величайшее значеніе, все же приходится отвѣтить: тѣмъ, что она отдается на пользу самыхъ рѣдкихъ и самыхъ цѣнныхъ экземпляровъ человѣческаго рода. Такимъ образомъ отдѣльный человѣкъ поработаетъ въ наибольшей мѣрѣ и для того, чтобы жизнь большинства стала болѣе цѣнной.

Въ наши дни всякое такъ называемое культурное учрежденіе имѣетъ такую организацію, въ силу которой люди культурные шествуютъ впередъ, сомкнутыми рядами, отбрасывая въ сторону всѣхъ одинокихъ, всѣхъ несогласныхъ, всѣхъ, чье стремленіе направлено на высшія цѣли; поэтому обыкновенно даже люди науки бываютъ совершенно неспособны угадать слагающагося генія и оцѣнить современныя имъ, стремящіяся въ высь гениальныя силы. Поэтому же, вопреки неоспоримому и безостановочному прогрессу во всѣхъ техническихъ и профессионально-научныхъ сферахъ, условія для возникновенія величія настолько мало улучшились, что неприязнь къ гениальному скорѣе усилилась, чѣмъ ослабла.

Отъ государства выдающіеся индивидуумы не могутъ многого ожидать.

Оно рѣдко приносить имъ пользу, принимая ихъ на свою службу; несо-
мѣнную пользу оно приносить имъ лишь тогда, когда обезпечиваетъ имъ
полную независимость. Одна только истинная культура можетъ противо-
стоять ихъ преждевременному утомленію и оскудѣнію, одна только она
можетъ уберечь ихъ отъ раздражающей борьбы съ филистерствомъ обра-
зованія.

Достоинство Ницше заключается въ томъ, что онъ носитель подобной
культуры: самъ независимый, этотъ умъ сообщаетъ независимость другимъ
и сумѣетъ сдѣлаться для другихъ той освободительной силой, какой въ дни
его юности былъ для него Шопенгауэръ.

II.

Четыре юношескихъ статьи Ницше носятъ общее заглавіе: *Несвоевре-
менные размышленія*, — заглавіе, характеризующее собой раннюю рѣши-
мость автора идти противъ теченія.

Одна изъ сферъ, въ которыхъ онъ возсталъ противъ духа времени въ
Германиі, это—сфера воспитанія; онъ необузданно громитъ все историче-
ское воспитаніе, которымъ гордится Германія и которое обыкновенно всюду
считается желательнымъ.

Основной его взглядъ таковъ: свободно дышать и смѣло хотѣть люди
потому не могутъ, что влечать за собою, какъ ядро на ногѣ, слишкомъ
длинное прошлое. Ницше полагаетъ, что какъ наслаждаться, такъ и дѣй-
ствовать людямъ препятствуетъ историческое воспитаніе, такъ какъ тотъ,
кто не можетъ сосредоточиться и жить всецѣло мгновеньемъ, не можетъ
ни самъ ощущать счастье, ни своею дѣятельностью способствовать счастью
другихъ. Безъ умѣнья чувствовать неисторически—нѣтъ счастья. Подоб-
нымъ же образомъ всякое дѣйствіе требуетъ забвенія или, лучше сказать,
незнанія прошедшаго. Забвеніе, неисторическое состояніе ума—это какъ бы
окружающая насъ воздушная оболочка, какъ бы та атмосфера, въ которой
только и можетъ возникнуть жизнь. Чтобъ это понять, представьте себѣ
юношу, охваченнаго страстью къ женщинѣ, или мужчину, охваченнаго
страстью къ какой-либо задачѣ. Все, что лежитъ позади нихъ, для нихъ
обонхъ не существуетъ больше, а между тѣмъ это состояніе самое не-
историческое, какое только можно себѣ представить, есть именно то, въ
которомъ зарождается и осуществляется всякое дѣйствіе, всякій подвигъ.
Аналогичнымъ образомъ существуетъ, по мнѣнію Ницше, извѣстная сте-
пень историческаго знанія, разрушительная для энергіи человѣка, пагубная
для производительныхъ силъ народа.

Въ этомъ разсужденіи слышится ученый нѣмецкій филологъ, наблюдав-
шій преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ и художниковъ. Ибо нелѣпо было
бы допустить, что нѣмецкіе купцы или крестьяне, нѣмецкіе военные или
промышленники страдаютъ излишкомъ историческаго образованія. Между
тѣмъ, даже по отношенію къ нѣмецкому кабинетному ученому, поэту и

художнику указываемое здѣсь зло едва ли можно уничтожить простымъ упраздненіемъ историческаго преподаванія. Тѣ, чьи производительные инстинкты встрѣчаютъ преграду или находятъ смерть въ историческомъ знаніи, были уже заранѣе настолько безсильны и недѣтельны, что міръ не сдѣлался бы богаче отъ ихъ творчества. Притомъ же, если здѣсь что и парализуетъ силы, то не столько разнородная масса мертвыхъ историческихъ свѣдѣній (о правительственныхъ дѣйствіяхъ, политическихъ шахматныхъ ходахъ, сраженіяхъ, художественныхъ стиляхъ и т. д.), сколько знакомство съ отдѣльными великими умами прошлаго, такъ какъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлали они, все, чего можетъ достигнуть индивидуумъ, кажется ему до того ничтожнымъ, что ему становится совершенно все равно, появится ли на свѣтъ его трудъ, или нѣтъ. Одинъ уже Гёте можетъ привести въ отчаяніе начинающаго нѣмецкаго поэта. Но такой поклонникъ героевъ, какъ Ницше, не можетъ послѣдовательно желать уменьшенія знакомства съ величайшими изъ нихъ.

Недостатокъ художественной отваги и умственного дерзновенія имѣетъ несомнѣнно болѣе глубокія причины, и прежде всего ослабленіе индивидуальности, какъ результатъ современнаго общественнаго порядка. Сильные люди выдерживаютъ большую сумму исторіи, не дѣлаясь отъ этого неприспособленными къ жизни.

Интересны между тѣмъ и характерны для всего умственного склада Ницше его изслѣдованія вопроса, въ какой степени жизнь вообще можетъ примѣнять исторію. Исторія принадлежитъ, по его мнѣнію, тому, кто борется за что-нибудь великое и пугается въ образахъ, наставникахъ, гѣиментахъ, но не находитъ ихъ среди современниковъ. Безъ исторіи проходящія черезъ тысячелѣтія великія мгновенія въ жизни великихъ личностей не стояли бы живо и отчетливо передо мной. Тотъ, кто видитъ, что культура Ренессанса была создана всего лишь какой-нибудь сотней людей, окажется, наприм., способенъ дойти до убѣжденія, что сотня производительныхъ умовъ, воспитанныхъ въ новомъ духѣ, сумѣетъ справиться съ филистерствомъ образованія. И, наоборотъ, въ рукахъ людей не-вдохновенныхъ исторія можетъ дѣйствовать пагубнымъ образомъ. Молодыхъ художниковъ, наприм., посылаютъ въ галлерей, вмѣсто того, чтобъ заставлять ихъ изучать природу, отправляютъ ихъ съ неокрѣпшею еще душой въ художественные города, гдѣ они теряютъ мужество. И во всѣхъ своихъ формахъ исторія можетъ дѣлать человека непригоднымъ къ жизни: какъ *монументальная*, тѣмъ разочарованіемъ, которое вызываетъ ея напоминаніе, что существуютъ опредѣленные, повторяющіеся историческія констелляціи, такъ что тѣ, что было нѣкогда возможно, вновь возможно и теперь, при совершенно измѣнившихся условіяхъ; какъ *антикварная*, пробуждая піететъ къ старому и минувшему и парализуя этимъ дѣйствующаго, которому постоянно приходится оскорблять тотъ или другой піететъ;—наконецъ, какъ *критическая* исторія, наводя уныніе получающимися изъ нея выводами, что намъ самимъ не чужды заблужденія прошлаго, надѣ

которыми мы стремимся возвыситься, что они кроются въ нашей крови, какъ наслѣдіе и какъ впечатлѣнія дѣтства, такъ что мы живемъ въ постоянномъ внутреннемъ разладѣ между старой и новой природой.

Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ разѣ затронутыхъ, Ницше въ послѣдней инстанціи обрушивается на хромого современное образованіе. Что *образованный* и *исторически образованный* сдѣлались въ наше время почти однозначными понятіями, въ этомъ онъ видитъ печальный симптомъ. Мы безслѣдно забыли, чѣмъ должно бы быть образованіе, чѣмъ оно было у грековъ: побужденіемъ, способностью къ принятію рѣшенія. Въ наше время образованіе—мертвый внутренній комокъ, ни къ чему не побуждающій своего обладателя. Наиболѣе *образованные* люди представляютъ изъ себя энциклопедическіе словари. Если они дѣйствуютъ, то лишь въ силу какой-нибудь общепризнанной, жалкой условности или исходя изъ самой низменной грубости.

Къ этимъ мыслямъ, несомнѣнно имѣющимъ общее для всѣхъ значеніе, присоединяется затѣмъ сѣтованіе, особенно понятное въ современной литературной Германіи, сѣтованіе на угнетенное чувство, поселяемое величіемъ прежнихъ временъ въ душѣ потомковъ, убѣждающихся, что они эпигоны запоздалые, что они—наслѣдники болѣе великой эпохи и хотя могутъ изучать исторію, но никогда не будутъ въ силахъ создавать ее.

Даже философія—жалуется Ницше, имѣя въ виду нѣмецкіе университеты,—даже философія все болѣе и болѣе превращается въ исторію философіи, сообщеніе о томъ, что думалъ міръ о вселенной, своего рода безвредную болтовню между академическими старцами и академическими младенцами. «Въ различныхъ странахъ съ гордостью утверждаютъ, что въ нихъ существуетъ свобода мысли. На самомъ же дѣлѣ это лишь скудная свобода. Мыслить можно на сотни ладовъ, дѣйствовать же всегда лишь однимъ способомъ—и это-то и называется образованіемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ «это лишь форма, и притомъ плохая форма и однообразная, какъ мундиръ».

Ницше возстаетъ противъ воззрѣнія, по которому исторически образованный человекъ является въ общемъ сознаніи наиболѣе справедливо судящимъ. Тотъ историкъ дѣлается популярнымъ, который домогается чистаго знанія, не влекущаго за собой никакого результата. Но есть много безразличныхъ истинъ, и когда на нихъ набрасываются цѣлые батальоны наслѣдователей, то если даже эти узкіе умы—честные характеры, это все-таки остается несчастьемъ. Того историка считаютъ объективнымъ, который измѣряетъ прошлое излюбленными мнѣніями своихъ современниковъ, того субъективнымъ, который эти мнѣнія не признаетъ за образцы. У того находятъ наибольшее призваніе къ изображенію того или другого момента прошлаго, кого это совсѣмъ не касается. Но лишь тотъ, кто создаетъ и на будущемъ, въ состояніи понять, чѣмъ было прошлое, и, лишь преобразованная въ художественное произведеніе, исторія можетъ поддерживать или даже пробуждать инстинкты.

Въ томъ видѣ, въ какомъ теперь ведется историческое воспитаніе, оно сообщаетъ такую массу впечатлѣній, что слѣдствіемъ ея является притупленность, такое чувство, будто мы рождаемся старыми въ старомъ поколѣніи—и это несмотря на то, что менѣе 30 человѣческихъ жизней, считая каждую въ 70 лѣтъ, отдѣляютъ насъ отъ начала нашей эры. Къ этому присоединяется непомерное суевѣріе относительно цѣнности и значенія мировой исторіи. Безъ конца повторяется шиллеровская фраза: *Die Weltgeschichte ist das Weltgericht*—точно можетъ быть какой-либо иной историческій судъ, помимо мысли!—и упорно держатся гегелевскій взглядъ на исторію, какъ все болѣе явственное самоотверженіе Божества, съ тою лишь разницей, что постепенно это воззрѣніе выродилось въ простое восхищеніе передъ счастливымъ исходомъ, въ признаніе любого факта, какъ бы онъ ни былъ жестокъ. Но величіе ничего общаго не имѣетъ съ результатомъ и счастливымъ исходомъ. Демосеенъ, говорившій тщетно, болѣе великъ, чѣмъ Филиппъ, постоянно выигрывавшій сраженія. Въ наши дни все, что бы мы ни взяли, разъ это совершившійся фактъ, считается въ порядкѣ вещей; даже когда геній умираетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, то находятъ доказательства тому, что онъ во-время умеръ *). Малая толпа исторіи, которую мы имѣемъ, получаетъ наименованіе *мировой процесса*; люди, какъ Эдуардъ Гартманъ, наприм., ломаютъ себѣ голову надъ вопросомъ объ его источникѣ и конечной цѣли—пустая, можно сказать, трата времени. Для чего ты существуешь, думаетъ Ницше, какъ и Серенъ Киркегоръ, этого никто на свѣтѣ не можетъ сказать тебѣ заранее; но разъ уже ты существуешь, старайся придать смыслъ своему существованію, поставивъ предъ собою насколько возможно высокую и благородную цѣль.

Знаменательны для столь яркой впослѣдствіи аристократической тенденціи Ницше его нападки на уваженіе къ массамъ, замѣчающееся въ современной историографіи. Прежде, разсуждаетъ онъ, исторію писали съ точки зрѣнія правителей, останавливались инакучительно на нихъ, какъ бы они ни были посредственны или негодны. Теперь стали писать съ точки зрѣнія массъ. Но массы—ихъ всегда приходится разсматривать лишь какъ одно изъ трехъ, или какъ копінъ съ великихъ личностей, плохія копінъ, влияющія копінъ изъ плохого матеріала, или какъ сопротивленіе, оказываемое великимъ людямъ, или, наконецъ, какъ орудіе великихъ людей. Впрочемъ, ими еще занимается статистика, находящая въ массовыхъ инстинктахъ, какъ обезьянство, лѣнь, голодь и половое влеченіе, такъ называемые историческіе законы. И вотъ, великимъ называютъ то, что на долгое время привело въ движеніе подобную массу. Это именуютъ историческою силой. Когда, наприм., неуклюжая масса усвоила или приспособила къ своимъ потребностямъ ту или другую религіозную идею, упрямо защищала и влечила ее за собой сотню лѣтъ, то родоначальника этой мысли называютъ великимъ. Въ пользу этого, говорятъ намъ, свидѣлствуютъ

*) См. мою книгу о Серенѣ Киркегорѣ, стр. 266.

вѣка. Но,—и это мысль какъ Ницше, такъ и Киркегора—самое благородное, самое высокое вовсе не оказываетъ воздѣйствія на массы, не оказываетъ его на нихъ ни раньше, ни послѣ.

Когда хотѣтъ назвать какое-нибудь изъ немногихъ вполнѣ удавшихся историческихъ предпріятій, то по большей части называютъ реформацию. Оспаривая значеніе этой удачи, Ницше выдвигаетъ не тѣ факты, которые обыкновенно приводятся: свѣтскій характеръ, еще вначалѣ приданный Реформациі Лютеромъ, его компромиссы съ властью имѣющими, то обстоятельство, что въ интересахъ князей было освободиться отъ верховенства церкви и, завладѣвъ церковными имѣніями, приобрести въ то же время на мѣсто свободного, независимаго отъ государственной власти духовенства зависимое и подчиненное. Главную причину того, что Реформациа удалась, Ницше видитъ въ отсутствіи культуры у сѣверно-европейскихъ народностей. Въ древности попытка основать новыя греческія религіи не разъ терпѣла крушеніе. Хотя Пинегоръ, Платонъ, быть можетъ, Эмпедоклъ, обладали свойствами, необходимыми для основателя религіи, индивидуумы были слишкомъ разнородны для того, чтобы имъ можно было помочь указаніемъ одной общей вѣры и надежды. Аналогично съ этимъ, въ успѣхѣхъ лютеровской реформациі на сѣверѣ Европы Ницше усматриваетъ признакъ того, что сѣверъ Европы уступалъ въ культурѣ югу. Народъ слѣпо, точно стадо овецъ, повиновался лозунгу, раздававшемуся съ троновъ; тамъ же, гдѣ переворотъ былъ дѣломъ совѣсти, это обнаружило, какъ мало индивидуализировано было населеніе, оказавшееся столь однороднымъ въ своихъ духовныхъ нуждахъ.

Читатель имѣетъ теперь образчики аргументовъ, приводимыхъ Ницше въ пользу его положенія, что исторія, какъ исторія, не служитъ, какъ принято думать, здоровымъ и укрѣпляющимъ элементомъ для молодого поколѣнія; только тотъ, кто позналъ жизнь и вооруженъ для дѣйствія, нуждается въ исторіи и можетъ пользоваться ею. Другихъ же она угнетаетъ, дѣлаетъ ихъ бесплодными, заставляя ихъ чувствовать себя поздними потомками, и побуждаетъ ихъ преклоняться во всѣхъ сферахъ передъ счастливымъ исходомъ.

Обличительныя рѣчи Ницше по этому вопросу,—обличительныя рѣчи противъ всякаго историческаго оптимизма, но онъ энергично отворачивается отъ обычнаго пессимизма, проистекающаго изъ выродившихся или ослабленныхъ инстинктовъ, изъ упадка, декадентства. Онъ съ юношескимъ восторгомъ мечтаетъ о побѣдоносномъ проведеніи въ жизнь *трагической* культуры, съ неустрашимымъ духомъ поддерживаемой подрастающимъ поколѣніемъ, культуры, въ которой могла бы возродиться греческая древность. Онъ отвергаетъ шопенгауэровскій пессимизмъ, ибо всякій аскетизмъ съ юныхъ лѣтъ претитъ ему; но онъ ищетъ пессимизма здоровья, пессимизма, порождаемаго силой, льющагося черезъ край мощью, и думаетъ, что нашелъ его у грековъ. Онъ развилъ это воззрѣніе въ ученостъ и глубокомысленномъ сочиненіи своего юношескаго періода *Рожденіе трагедіи или*

греческій духъ и пессимизмъ, гдѣ онъ вводитъ два новыхъ термина *аполлоническій* и *дионисическій* *). Греческіе боги искусствъ, Аполлонъ и Діонисій указываютъ на противоположность между скульптурой и музыкой. Первая соответствуетъ сну, вторая—опьяненію. Образы боговъ впервые выступили передъ людьми во снѣ; сонъ—это міръ прекрасныхъ призраковъ. И, наоборотъ, если мы заглянемъ въ глубочайшіе тайники человѣка, подъ сферой мысли и фантазіи, то встрѣтимъ міръ ужаса и упоенія, царство Діонисія. Вверху владычествуетъ красота и мѣра, внизу же—радость и нѣжа вздымаются волнами не знающей мѣры свободной природы. Позднѣйшій уровень развитія Ницше открываетъ намъ болѣе глубокій мотивъ этого пытливаго и чуткаго углубленія въ греческую древность. Уже въ этотъ моментъ въ томъ, что считается моралью, онъ улавливаетъ принципъ умаленія природы, ищетъ ему принципиальнаго противоположенія и находитъ его въ чисто-художественномъ, наиболѣе чуждомъ христіанству принципѣ, который онъ окрестилъ именемъ *дионисическій*.

Съ психологической точки зрѣнія уже здѣсь явственно выступаютъ основныя черты автора. Что это за натура, съ такой дикой ненавистью преслѣдующая филистерство, уличающая въ немъ даже Давида Штрауса? Очевидно, натура художника. Что это за писатель, съ такой убѣжденностью предостерегающій противъ опасностей историческаго образованія? Очевидно, филологъ, пережившій ихъ въ самомъ себѣ, чувствовавшій, какъ ему грозитъ опасность сдѣлаться эпигономъ, и чуть не начавшій самъ преклоняться предъ счастливымъ исходомъ. Что это за существо, такъ страстно опредѣляющее культуру, какъ поклоненіе гегіямъ? Несомнѣнно, не экскриптъ-мановскій темпераментъ, а энтузіастъ, сначала готовый повиноваться тамъ, гдѣ онъ не можетъ повелѣвать, вскорѣ уяснившій себѣ свое стремленіе къ господству, но рано постигшій, что человѣчество далеко еще не отдѣлалось отъ стараго противорѣчія: слушаться и приказывать. Для него, какъ и для многихъ другихъ, доказательствомъ этому служатъ появленіе Наполеона: радость, охватившая тысячи людей при мысли, что, наконецъ-то вновь явилась личность, умѣющая повелѣвать.

По въ области морали Ницше не склоненъ проповѣдовать послушаніе. Наоборотъ, душевный складъ его побуждаетъ его видѣть косность и неизмѣненность нашей современной морали въ томъ, что она до сихъ поръ постоянно ставитъ высшей моральной заповѣдью послушаніе, вмѣсто способности самому себѣ предписывать мораль.

Военная школа и участіе въ войнѣ, по всей вѣроятности, заставили его открыть въ себѣ нѣчто суровое и мужественное и внушили ему глубокое отвращеніе ко всякой сантиментальности и феминизму. Онъ, поклонявшійся Шопенгауэру и Вагнеру, отвернулся съ негодованіемъ отъ морали состраданія въ философіи перваго и отъ романтически-католическаго элемента въ музыкѣ втораго. Онъ увидѣлъ, что его фантазія передѣлала ихъ обо-

*) Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik, 1871.

них по своему собственному вкусу, и хорошо понять заявившій себя въ этомъ истинникъ самосохраненія. Высоко стремящійся умъ самъ создаетъ себѣ помощниковъ, которые ему нужны. Подобнымъ же образомъ самъ позднѣйшую книгу *Человѣческое, чрезмерно человѣческое*, изданную въ столѣтнему юбилей Вольтера, онъ посвящаетъ «свободнымъ умамъ» современной эпохи; грѣзы творили ему союзниковъ, еще не встрѣченныхъ ни въ жизни.

Тяжкій, мучительный педугъ, начавшійся у него на 32 году жизни и надолго обречшій его на одиночество, заставляетъ его отрѣшиться отъ всякой романтики и освобождаетъ его душу отъ узъ пѣтета. Онъ уводитъ его далеко отъ пессимизма въ силу его гордой мысли: «страждущій не имѣетъ права на пессимизмъ». Этотъ педугъ дѣлаетъ его въ строгомъ смыслѣ философомъ. Мысль Ницше двигается запретными путями, ставя одинъ вопросъ за другимъ: это признается цѣпностью. Нельзя ли перевернуть это вверхъ дномъ? Это считается благомъ? Не зло ли это скорѣе? Не жертвы ли мы обмана? И не всѣ ли мы обманутые обманщики?

И затѣмъ, долгое болѣзненное состояніе порождаетъ страстное желаніе здоровья, радость жизни, свойственную выздоравливающему, наслажденіе свѣтомъ, тепломъ, душевной легкостью и свободой, перспективами и горизонтомъ мысли, «зрѣніемъ новыхъ утреннихъ зорь», творческой способностью, поэтическимъ даромъ. И Ницше вступаетъ въ періодъ высокаго, гордаго упоенія долго не прерывающагося творческою дѣятельностью.

III.

Мы не имѣемъ возможности и не считаемъ нужнымъ разсматривать здѣсь весь длинный рядъ его произведеній. Мы хотимъ только изобразить въ рельефѣ наиболѣе оригинальныя мысли его и выраженія, такъ, чтобы читатель могъ безъ большого труда составить себѣ представленіе о характерѣ этого мыслителя и ума. Эта задача въ нѣкоторой степени затрудняется для насъ тѣмъ, что Ницше мыслитъ афоризмами, но, съ другой стороны, облегчается, благодаря тому, что онъ любитъ всякой мысли придавать горельефъ, сообщая ей парадоксальную фizioномію.

Англійская мораль благополучія не привилась въ Германію; изъ болѣе выдающихся мыслителей главнымъ представителемъ ея является Вагенинъ Дюрингъ; кромѣ того, къ англичанамъ примыкаетъ Фридрихъ Паульсенъ. Эдуардъ Гартманъ, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ (см. мою книгу о «Берлинѣ», стр. 201), пытался доказать невозможность одновременной работы на пользу культурнаго прогресса и счастья. Ницше встрѣчаетъ новыя затрудненія при изслѣдованіи понятія о счастьѣ. Цѣль морали благополучія заключается въ томъ, чтобы доставлять людямъ какъ можно больше удовольствій и какъ можно меньше неудовольствій. Но что если удовольствіе и боль такъ тѣсно связаны между собою, что тотъ, кто хочетъ имѣть какъ можно больше удовольствія, долженъ взять въ придачу со-

отвѣтствующую сумму мученія? Въ пѣснѣ Клерхенъ сказано: *Himmelhoch jauchsend, zum Tode betrübt*. Кто знаетъ, не послѣднее условіе для перваго? Таково было вѣрованіе стоиковъ, и, желая избѣжать муки, они требовали отъ жизни какъ можно меньше удовольствія. Вѣроятно, и въ наши дни не должно обѣщать людямъ сильныхъ радостей въ томъ случаѣ, если хотятъ ихъ застраховать отъ крупныхъ страданій.

Читатель видитъ, что Ницше переноситъ вопросъ въ самую высокую духовную сферу, не принимая въ соображеніе, что самыя низменныя и наиболѣе распространеныя несчастья—голодь, физическое истощеніе, изнурительный и наддамывающий душевныя силы трудъ, вовсе не возмѣщаются сильными радостями. Если даже признать, что всякое наслажденіе покупается дорогою цѣною, то этимъ еще не доказано, что всякая мука смѣняется и уравнивается сильнымъ наслажденіемъ.

Согласно аристократическому направленію своего ума, Ницше нападаетъ затѣмъ на Бентамовское положеніе: возможно большее счастье для возможно большаго количества людей! Идеаль, какъ извѣстно, заключался собственно въ томъ, чтобъ создать счастье для всѣхъ людей. Такъ какъ это неосуществимо, то принципъ формулируется въ вышеприведенномъ видѣ. Но почему счастье для наибольшаго числа? Скорѣе можно было бы подумать: для лучшихъ, благороднѣйшихъ, для самыхъ гениальныхъ, и мы въ правѣ спросить, слѣдуетъ ли предпочитать простое благосостояніе и простое благополучіе неравенству въ жизненныхъ условіяхъ, подстрекающему культуру и принуждающему ее подниматься все выше и выше.

Затѣмъ эта мораль учитъ отсутствію себялюбія. Быть нравственнымъ значить быть неэгоистичнымъ. Намъ говорятъ, что хорошо быть неэгоистичнымъ. Но что такое хорошо? Хорошо для кого? Не для того, кто жертвуетъ собою, а для ближняго. Кто восхваляетъ добродѣтель альтруизма, восхваляетъ нѣчто такое, что составляетъ благо для общества, но вредъ для отдѣльнаго человѣка. А ближній, хотящій, чтобъ его любили безкорыстно, не безкорыстенъ, однако, самъ. Основное противорѣчіе въ этой морали—это то, что требуемое и предписываемое ею отреченіе отъ своего я должно происходить на пользу чужого я.

Для Ницше съ самаго начала существенное и неоцѣненное во всякой морали,—одно лишь то, что она долговременная дисциплина. Какъ языкъ пріобрѣтаетъ силу и изящество, благодаря дисциплинѣ разума, какъ все, что есть свободнаго и тонкаго въ пластическомъ искусствѣ, въ музыкѣ, танцахъ и т. д., возникло въ силу произвольныхъ законовъ, такъ и чело-вѣческая природа лишь посредствомъ дисциплины достигаетъ своего развитія. Этимъ природа не насиливается; это—сама природа.

Существенное въ томъ, чтобъ люди повиновались, долго повиновались и все въ одномъ направленіи. Ты долженъ слушаться того или другого лица, той или другой вещи, и долженъ слушаться долго, иначе ты погибнешь,—въ этомъ состоитъ, повидимому, моральное велѣніе природы, конечно, не категорическое (какъ думалъ Кантъ) и, съ другой стороны, не обра-

шающееся къ индивидуумамъ (природѣ нѣтъ дѣла до отдѣльныхъ личностей), но обращающееся, повидимому, къ народностямъ, сословіямъ, вѣкамъ, расамъ и даже ко всему человѣчеству. Наоборотъ, всякая мораль, обращающаяся къ отдѣльной личности ради ея собственнаго блага, въ видахъ ея благополучія, становится, вслѣдствіе этого основнаго взгляда, просто-на-просто прописной моралью, превращается въ правила житейской практики, въ рецепты противъ страстей, у которыхъ можетъ явиться желаніе сорвать съ себя узду, и вся эта мораль нелѣпа по своей формѣ, потому что обращается ко всѣмъ и обобщаетъ то, что не допускаетъ обобщенія. Кантъ своимъ безусловнымъ императивомъ далъ путеводную нить. Но эта путеводная нить порвалась въ нашихъ рукахъ. Нѣтъ никакой пользы говорить намъ: Дѣйствуй такъ, какъ должны были бы поступить въ этомъ случаѣ другіе! Ибо мы знаемъ, что нѣтъ и не можетъ быть совершенно тождественныхъ дѣйствій, но что всякое дѣйствіе единственно въ своемъ родѣ, почему и всѣ предписанія могутъ быть направлены лишь на грубыя наружныя стороны дѣйствія.

Но голосъ и судъ совѣсти? Затрудненіе въ томъ, что за нашей совѣстью скрывается еще другая, за моральной совѣстью есть совѣсть интеллектуальная. Мы понимаемъ, что судъ совѣсти Н. Н. имѣетъ предварительную исторію въ его влеченіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, въ его житейскомъ опытѣ или отсутствіи этого опыта. Мы понимаемъ прекрасно, что наши мнѣнія о томъ, что хорошо и благородно, что наши моральныя оцѣнки служатъ могучими рычагами, когда приходится дѣйствовать, но, прежде чѣмъ приступить къ дѣйствию, мы должны очистить эти мнѣнія и самостоятельно создать себѣ новыя таблицы цѣнностей.

Что же касается проповѣди морали для всѣхъ, то она совершенно такъ же безсодержательна, какъ моральныя сплетни другъ о другѣ общественныхъ индивидуумовъ. Ницше даетъ проповѣдникамъ морали добрый совѣтъ: вмѣсто того, чтобъ воспитывать цѣлыя поколѣнія, пусть они послѣдуютъ примѣру педагоговъ семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, сосредоточившихъ свои силы на томъ, чтобъ воспитать отдѣльнаго человѣка. Но сплошь и рядомъ моральныя крикуны и сами-то совсѣмъ невоспитанные люди, и дѣти ихъ рѣдко возвышаются надъ уровнемъ моральной посредственности.

Тотъ, кто чувствуетъ, что въ завѣтной глубинѣ своей природы онъ не подлежитъ сравненію съ другими, тотъ самъ будетъ для себя законодателемъ. Ибо одно необходимо: придать своему характеру стиль. Въ этомъ искусствѣ упражняется тотъ, кто, вникнувъ въ сильныя и слабыя стороны своей натуры, удаляетъ нѣкоторыя изъ своихъ первоначальныхъ свойствъ, затѣмъ ежедневнымъ упражненіемъ и приобретаемымъ упорною борьбою навыкомъ усваиваетъ себѣ другія качества, дѣлающіяся для него второй натурой,—слѣдовательно, дисциплинируетъ себя съ тѣмъ, чтобы мало-помалу совершенно подчинить свою природу своимъ собственнымъ законамъ. Только такимъ образомъ достигаетъ человѣкъ довольства самимъ собою,

только такимъ образомъ дѣлается онъ терпимымъ для другихъ. Ибо люди неудовлетворенные и неудачники сплошь и рядомъ именно на другихъ постоянно вымещаютъ свою обиду. Сами они пьютъ отраву изъ всего на свѣтѣ, изъ своихъ слабыхъ способностей, какъ и изъ психич. матеріальныхъ своихъ обстоятельствъ, и жизнь ихъ протекаетъ въ вѣчной жадѣ отищенія тѣмъ, въ существѣ которыхъ они чуютъ гармонію. У такихъ людей постоянно на языкѣ моральные термины, весь оркестръ янычаровъ: нравственность, серьезность, цѣломудріе, жизненные запросы; постоянно свирѣствуетъ въ ихъ сердцахъ зависть къ тѣмъ, которые достигли равновѣсія и поэтому могутъ наслаждаться.

Цѣлыя тысячелѣтія нравственность означала повиновеніе тому, что было въ обычаѣ, благоговѣйное отношеніе къ унаслѣдованнымъ привычкамъ. Свободный, оригинальный человѣкъ былъ безнравственъ, потому что порывалъ съ традиціей, къ которой другіе питали суевѣрный страхъ. Всего чаще онъ и самъ считалъ себя безнравственнымъ, самъ охваченъ содроганіемъ, которое внушалъ къ себѣ другимъ. И вотъ всѣми, принадлежавшими къ одному племени, бессознательно вырабатывалась такая, основанная на обычной нравственности, народная мораль, такъ какъ постоянно встрѣчались новые примѣры и доказательства якобы существующаго соотношенія между виной и наказаніемъ: кто такъ и такъ ведетъ себя, тому приходится плохо. Но такъ какъ людямъ зачастую приходится плохо, то это утвержденіе пріобрѣтало все больше и больше силы, и такимъ образомъ укрѣплялась народная мораль, фактивная наука, стоящая на степени народной медицины.

Правы и обычаи представляли собой опытъ болѣе раннихъ поколѣній касательно миним. полезнаго и вреднаго; но нравственное чувствованіе не имѣетъ никакого отношенія къ этому опыту, какъ таковому, а находится въ связи съ его возрастомъ, почтенностью и простирающейся отсюда неоспоримостью.

Среди непрерывныхъ войнъ, въ которыхъ жили въ древности угрожимыя со всѣхъ сторонъ племена, и при господствѣ строжайшей обычной нравственности, наивысшимъ наслажденіемъ была жестокость. Жестокость неразлучна съ древнѣйшими празднествами и побѣдными пиршествами челоуѣчества. Древніе думали, что и боговъ освѣжаетъ, и настраиваетъ на праздничный ладъ зрѣлище жестокостей, совершаемыхъ ради нихъ,—и такимъ образомъ въ міръ вкралось представленіе, что и добровольное самоистязаніе, умерщвленіе плоти, аскетизмъ, имѣютъ большую цѣнность, не какъ самовоспитаніе, а какъ сладостное благоуханіе предъ лицомъ Господа.

За моралью жестокости послѣдовала мораль сострадательности. Сострадательность восхваляется, наприм., и въ особенности Шопенгауэромъ, какъ чувство неэгонистическое.

Еще Эдуардъ Гартманъ въ своемъ обильномъ мыслями сочиненіи *Philosophie des sittlichen Bewusstseins* (217—240) настаивалъ на томъ, что невозможно видѣть въ сочувствіи важнѣйшій—тѣмъ менѣе единствен-

ный, какъ того хочетъ Шопенгауэръ—моральный двигатель. Ницше нападаетъ на мораль сострадательности съ другихъ точекъ зрѣнія. Онъ показываетъ, что она отнюдь не чужда эгоизма. Несчастье другого стѣсняетъ насъ, оскорбляетъ насъ, клеймитъ меня, быть можетъ, трусостью, если я не оказываю помощи. Или же въ немъ лежитъ указаніе на возможность опасности для насъ самихъ; кромѣ того, мы испытываемъ радость, сравнивая свое собственное состояніе съ состояніемъ несчастнаго и когда можемъ вступить, какъ болѣе могущественные, какъ оказывающіе помощь. Самая эта помощь приноситъ намъ ощущеніе счастья или, быть можетъ, просто нарушаетъ для насъ скучное однообразіе жизни.

Сострадательность, какъ дѣйствительное состраданіе, было бы слабостью, больше того, несчастьемъ, ибо она увеличила бы страданіе въ мірѣ. Тотъ, кто не на шутку вздумалъ бы сострадать всѣмъ окружающимъ его бѣдствіямъ, прямо обрекъ бы себя на гибель.

Дикари думаютъ съ содроганіемъ о возможности вызвать состраданіе. Кто его вызываетъ, тотъ считается презрѣннымъ. Питать къ кому-нибудь состраданіе, значитъ презирать этого человѣка. Но при видѣ страданій презрѣннаго существа нельзя испытывать удовольствія. Видѣть же, какъ страдаетъ врагъ, сохраняющій гордость и среди мукъ, это доставляетъ наслажденіе, это вызываетъ энтузіазмъ.

Мораль сострадательности часто проповѣдуется подъ формулой: Люби ближняго.

Ницше, въ интересахъ своей атаки, цѣпляется за слово: ближній. Онъ возмущается тѣмъ, что истинная сущность моральнаго будто бы требуетъ, чтобы мы обращали взоръ на ближайшія послѣдствія нашихъ поступковъ и соображались съ этими послѣдствіями. Взмѣнивъ этой узкой и мѣщанской морали онъ выдвигаетъ другую, пренебрегающую этими ближайшими послѣдствіями,—мало того: съ помощью средствъ, которыя причиняютъ ближнему муку, стремящуюся къ отдаленнымъ цѣлямъ, двигающую, наприм., пониманіе вещей, несмотря на то, что это возбуждаетъ печаль, сомнѣніе и дурныя страсти у ближняго. Намъ нѣтъ надобности быть вслѣдствіе этого лишенными сострадательности, но мы можемъ обуздывать наше состраданіе во имя цѣли.

Насколько нехѣно называть сострадательность неэгоистическимъ чувствомъ и хотѣть санкціонировать ее, настолько же нехѣно отдавать родъ дѣйствій во власть угрызений совѣсти изъ-за того только, что эти дѣйствія ослаблены эгоистическими. Въ позднѣйшее время стали превозносить истиннѣе самоотреченія, самопожертвованія, все неэгоистическое, какъ будто въ немъ-то и заключается моральная цѣнность.

Англійскіе моралисты, подъ вліяніемъ которыхъ находится въ настоящее время Европа, слѣдующимъ образомъ объясняютъ возникновеніе морали. Неэгоистическія дѣйствія первоначально получали названіе *добрыхъ* со стороны тѣхъ, кому они предназначались и для кого были полезны, впоследствии этотъ первоначальный поводъ къ ихъ восхваленію былъ за-

быть, и неэгоистическія дѣйствія стали разсматривать, какъ нѣчто само по себѣ доброе.

Сочиненіе одного нѣмецкаго писателя, д-ра Пауля Ре (Rée), принадлежащаго къ англійскому направленію—*Der Ursprung der moralischen Empfindungen* (Chemnitz 1877) подстрекнуло Ницше, по его собственнымъ словамъ, къ такому страстному возраженію по всѣмъ пунктамъ, что послужило для него вмѣстѣ съ тѣмъ толчкомъ къ уясненію и развитію и своихъ мыслей по этому предмету.

Но вотъ что, однако, странно. Недовольный тѣмъ первымъ сочиненіемъ, Ре составилъ другую, гораздо болѣе значительную книгу на ту же тему *Die Entstehung des Gewissens* (Berlin 1885), гдѣ онъ покинулъ вызвавшую негодованіе Ницше точку зрѣнія и приводитъ нѣкоторыя изъ основныхъ мыслей, которыми тотъ старался его побить, причемъ подерѣпляетъ ихъ множествомъ доказательствъ, заимствованныхъ у самыхъ различныхъ авторовъ и народностей.

Оба эти философа знали другъ друга и поддерживали между собой личныя сношенія. Я самъ лично былъ знакомъ съ ними обоими, но я затрудняюсь рѣшить, который изъ нихъ повлиялъ на другого, и почему Ницше, касаясь въ 1887 г. своей антипатіи къ высказаннымъ Ре въ 1877 г. воззрѣніямъ, не упоминаетъ, насколько приближался этотъ послѣдній къ его взглядамъ въ книгѣ, изданной за два года до его собственной.

Ре приводилъ уже множество примѣровъ того, что различнѣйшіе народы древности не знали иной моральной классификаціи людей, помимо раздѣленія на знатныхъ и незнатныхъ, могущественныхъ и слабыхъ, такъ что древнѣйшее значеніе слова *добрый* какъ въ Греціи, такъ и въ Исландіи было знатный, могущественный, богатый.

Ницше все свое ученіе строитъ на этой основѣ. Ходъ его мыслей таковъ.

Слово *добрый* ведетъ свое начало не отъ тѣхъ, кому было оказываемо юбро. Его древнѣйшее употребленіе заключалось въ слѣдующемъ. Люди знатные, болѣе могущественные, болѣе высокопоставленные, съ высокимъ строемъ мыслей, считали самихъ себя и всѣ свои дѣйствія *добрыми*, первостепенными, въ противоположность всему низменному, съ низкимъ складомъ души. Знатный, благородный въ смыслѣ сословнаго чувства высшей касты, это основное понятіе, изъ котораго развивается *добрый*, какъ рожденный съ высокой душой. Люди низшей касты получаютъ названіе *простыхъ* (по-нѣмецки *schlecht, schlicht*), а не *злыхъ*. Слово *schlecht* лишь много позднѣе пріобрѣтаетъ свое безусловно уничижительное значеніе. Со стороны простолюдина оно выражаетъ похвалу: *schlecht und recht*.

Люди господствующей касты иногда называютъ себя просто могущественными, иногда правдивыми: такъ, напр., греческая знать, органомъ которой былъ Теописъ. У него слова красивый, добрый, благородный всегда употребляются въ смыслѣ высокаго рожденія. Оцѣнка морали у знатныхъ

исходить изъ торжествующаго засвидѣтельствованія, утвержденія: Мы, знатные, прекрасные, храбрые, мы — добрые, мы — любимцы боговъ. Это сильные, преисполненные мощи люди, все наслажденіе которыхъ въ дѣйствіи и борьбѣ,—иными словами, для которыхъ счастье есть нѣчто активное.

Само собою разумѣется, что бываютъ случаи, когда эти знатные несправедливо и пренебрежительно относятся къ простой толпѣ, надъ которой они господствуютъ. Однако сплошь и рядомъ у нихъ чувствуется сожалѣніе къ поработенной кастѣ, къ невольнику труда, къ вычужному животному, снисхожденіе къ тѣмъ, для которыхъ счастье—отдыхъ, покой, нѣчто пассивное.

И наоборотъ: въ душѣ низкопоставленныхъ неминуемо должно жить искаженное ненавистью и завистью представленіе о господствующей кастѣ. Въ этомъ искаженіи сказывается месть.

Въ противоположность аристократической оцѣнкѣ (добрый-знатный, красивый, счастливый, любимый богами) рабская мораль складывается въ слѣдующемъ видѣ: *добрые*—одни только несчастные. Страдающіе и обремененные, больные и безобразные—вотъ единственные благочестивые люди. Вы же, знатные и богатые, вы останетесь вѣкъ вѣковъ *злыми*, жестокими, ненасытными, нечестивыми, осужденными послѣ смерти на проклятіе. Тогда какъ мораль знатныхъ была проявленіемъ высокаго чувства собственнаго достоинства, постояннымъ утвержденіемъ, рабская мораль есть постоянное *нѣтъ* другому, постоянное *не дѣлай этого*, постоянное отрицаніе.

Этой оцѣнкѣ знатныхъ: *добрый—простой* (плохой, не имѣющей цѣны) соотвѣтствуетъ противоположеніе рабской морали: *добрый—злой*. А кто же злые для этой морали угнетенныхъ? Тѣ самые, которые для другой морали были добрыми.

Прочтите исландскія саги, углубитесь въ мораль древнихъ обитателей сѣвера, затѣмъ противопоставьте ей жалобы на злодѣянія викинговъ, и вы увидите, что эти аристократы, нравственность которыхъ во многихъ отношеніяхъ стояла высоко, къ своимъ врагамъ были не лучше сорвавшихся съ цѣпи хищныхъ звѣрей. Они накидывались на прибрежныхъ жителей въ христіанскихъ странахъ, какъ орлы на ягнятъ. Можно сказать, что орелъ былъ для нихъ идеаломъ. Но за то и не удивительно, что тѣ, которые подвергались этимъ ужаснымъ насиліямъ, спѣшили столпиться вокругъ совершенно противоположнаго моральнаго идеала: идеала агненка.

Въ третьей главѣ утилитарной морали Стюартъ Милль пытается показать, какимъ образомъ чувство справедливости развилось изъ животнаго стремленія отплатить тѣмъ же за нанесенный вредъ или убытокъ. Въ статьѣ о «трансцендентальномъ удовлетвореніи чувства мести» (приложеніе къ первому изданію *Цѣнности жизни—Werth des Lebens*) Евгеній Дюрингъ старался по его слѣдамъ построить все ученіе о правѣ наказанія на истиннѣмъ воздаяніи. Во своей *Феноменологии* Эдуардъ Гартманъ доказалъ, какъ

этотъ инстинктъ въ строгомъ смыслѣ всегда лишь влечетъ за собой новое страданіе, новое оскорбленіе, помогаясь возмездіа за прежнее, вслѣдствіе чего принципъ воздаянія никогда не можетъ сдѣлаться нравственнымъ принципомъ.

Ницше дѣлаетъ страстную попытку свести главный итогъ живой современной морали не къ инстинкту воздаянія или чувству мести вообще, а къ болѣе узкой его формѣ, зложелательству, зависти, *rancune*. То, что онъ называетъ рабской моралью, для него чистая мораль зложелательства. И эта мораль зложелательства перечеканила заново всѣ идеалы. Безсиліе, не ищущее возмездія, сдѣлалось добротой; боязливая низость сдѣлалась смиреніемъ, подчиненіе тому, кого боятся, сдѣлалось послушаніемъ, неумѣніе мстить сдѣлалось нежеланіемъ мстить, прощеніемъ, любовью къ врагамъ. Возбуждающее жалость состояніе превратилось въ отличіе, въ особую отиѣту: кого любить Богъ, того и наказуетъ. Или же оно превратилось въ приготовленіе, въ испытаніе, школу, даже нѣчто еще большее: нѣчто такое, что въ будущемъ возмѣстится съ лихвою, получить отплату въ видѣ вѣчнаго блаженства. И самые отъявленные пегоды, дышашіе ненавистью и злобой, стали говорить: мы—добрые, мы—праведные. Они не ненавидѣли своихъ враговъ, они ненавидѣли неправду, нечестіе. Не на сладость мести надѣялись они, а на побѣду правосудія. Если имъ оставалось что-нибудь любить на землѣ, такъ это ихъ братьевъ и сестеръ въ ненависти, которыхъ они называли братьями и сестрами въ любви. Будущее, на которое они уповали, они называли пришествіемъ своего царства, царства Божія. Въ ожиданіи его, они продолжали жить въ вѣрѣ, надеждѣ, любви.

Если Ницше этимъ изображеніемъ мѣтитъ въ историческое христіанство, то онъ далъ, какъ это всякій видитъ, лишь каррикатуру въ духѣ и стилѣ восемнадцатаго вѣка. Но что его описаніе вѣрно схватываетъ извѣстный типъ апостоловъ морали зложелательства, этого нельзя отрицать, и рѣдкій писатель изобличалъ съ большей энергіей весь тотъ самообманъ, который можетъ пританываться за проповѣдь морали. (Сравните: «По ту сторону добра и зла. Прологъ къ философій будущаю» и «Къ генеологій морали. Полемическая брошюра»).

В. С—ая.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Даніэль О'Коннелль *).

Какъ въ процессахъ Меджа и Фитцъ Патрика, такъ и въ другихъ процессахъ, большихъ и маленькихъ, какъ только требовалась защита свободы Ирландіи противъ Англіи, обыкновенно обращались къ О'Коннеллю, и хотъ онъ зналъ, что участь большинства дѣлъ была предрѣшена заранѣе, тѣмъ не менѣе онъ вкладывалъ въ защиту всю силу своего краснорѣчія, все свое знаніе и всю свою энергію. При этомъ онъ никогда не забывалъ, что позади его кліентовъ была другая большая кліентка, дорогая Ирландія. Голосъ его, то насмѣшливый, то возмущенный, раздавался вездѣ,—на банкетахъ, митингахъ, засѣданіяхъ католическаго совѣта. Адвокатъ-папистъ дѣлается серьезною помѣхою для англійскаго правительства, и оно задумываетъ отъ него отдѣлаться.

Въ 1815 году О'Коннелль на одномъ католическомъ митингѣ употребилъ выраженіе: «нищенствующая» корпорація Дублина. Въ этомъ выраженіи не было, конечно, ничего, что превышало бы право О'Коннелля выражать свой негодующій протестъ противъ выходокъ оранжистовъ муниципальной корпораціи Дублина. Въ особенности было трудно усмотрѣть въ немъ личное оскорбленіе для какого бы то ни было члена корпораціи. Тѣмъ не менѣе одинъ оранжистъ, по имени Д'Естеръ, нашелъ это выраженіе оскорбительнымъ и пожелалъ выступить защитникомъ своихъ товарищей. Повидимому, онъ поступалъ въ этомъ случаѣ не самостоятельно. Этотъ Д'Естеръ, бывшій морской офицеръ, былъ выбранъ въ корпорацію какъ представитель купеческой гильдіи. Онъ считался человекомъ храбрымъ и умѣющимъ хорошо владѣть оружіемъ. Оранжистамъ корпораціи и правительственной партіи показалось, что это былъ какъ разъ случай расправиться съ несправедливымъ предводителемъ католической партіи, и Д'Естеръ, сознательно или безсознательно, поддался ихъ внушеніямъ. Онъ написалъ письмо О'Коннеллю, въ которомъ спрашивалъ, правда ли, что онъ употребилъ выраженіе: «нищенствующая корпорація». О'Коннелль отвѣтилъ ему, что онъ ничего не имѣетъ ни убавить, ни прибавить къ этому выраженію Д'Естера. Планъ

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1900

состоять въ томъ, чтобъ или добиться извиненія отъ О'Коннелля, или заставить его вызвать себя на дуэль. Весь Дублинъ, знавшій о намѣреніяхъ Д'Эстера, былъ какъ въ лихорадкѣ. Говорили, что оранжисты готовятъ западную зашитнику католической свободы, и стоило только О'Коннеллю появиться на улицѣ, какъ его окружала цѣлая толпа, съ цѣлью защитить его отъ нападенія. Но однажды случилось такъ, что при выходѣ изъ суда О'Коннелль встрѣтился съ Д'Эстеромъ, который замахнулся на него хлыстомъ. Результатомъ этихъ событій была дуэль между О'Коннеллемъ и Д'Эстеромъ. Д'Эстеръ стрѣлялъ первый и промахнулся. Выстрѣлъ О'Коннелля нанесъ серьезную рану его противнику, отъ которой онъ и умеръ на другой день. Когда вѣсть объ исходѣ дуэли распространилась по Дублину, радость народа не имѣла границъ, на улицахъ устраивались демонстраціи въ честь О'Коннелля, горѣть былъ освѣщенъ. Что касается до самого О'Коннелля, то онъ былъ страшно подавленъ смертью Д'Эстера. Вернувшись послѣ дуэли домой, онъ послалъ своего брата къ епископу съ выраженіемъ своего глубокаго сожалѣнія по поводу случившагося. Историкъ Фаганъ рассказываетъ, что когда коадьюторъ узналъ, что О'Коннелль остался невредимъ, первымъ его словомъ было: «Слава Богу, Ирландія жива!»

О'Коннелль сдѣлалъ все, чтобы загладить, сколько было въ его силахъ, зло, причиненное имъ семьѣ Д'Эстера. Такъ какъ Д'Эстеры были небогаты, то онъ предложилъ вдовѣ покойнаго раздѣлить съ нимъ его годовой доходъ; предложеніе это было отклонено, но у Д'Эстера осталась дочь, матеріальное положеніе которой было очень затруднительно, и О'Коннелль до конца своей жизни выплачивалъ ей пенсію. Однажды О'Коннелль былъ приглашенъ на засѣданія уголовного суда въ Коркѣ, но многочисленные дѣла задержали его въ Дублинѣ и онъ отказался пріѣхать. Вслѣдъ за своимъ отказомъ онъ получилъ письмо, въ которомъ ему сообщали, что между прочими дѣлами въ Коркѣ былъ процессъ семьи Д'Эстера, исходъ котораго представлялъ для нея большую важность. О'Коннелль немедленно бросилъ всѣ свои неотложныя дѣла и пріѣхалъ въ Коркѣ, гдѣ ему, къ его большому удовольствію, удалось выиграть процессъ Д'Эстеровъ.

Изъ всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ ирландцевъ въ началѣ XVIII вѣка, однимъ изъ наиболѣе важныхъ былъ вопросъ о *Veto*. Этими именами были названы гарантіи, которыхъ добивалось англійское правительство отъ католическаго духовенства, взамѣнъ будущихъ благодѣяній. Гарантіи эти, между прочимъ, давали англичанамъ право вмѣшиваться въ выборъ епископовъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ еще въ 1799 году, т.-е. наканунѣ заключенія акта уніи: «Безъ уніи нѣтъ эмансипація», говорили католикамъ, чтобъ ослабить ихъ протестъ, а обращаясь къ духовенству, прибавляли: «Да, мы дадимъ эмансипацію и даже обезпечимъ доходы католической церкви въ Ирландіи, но намъ нужна гарантія нѣкоторыми постановленіями, которыя не будутъ несовмѣстны съ вашими доктринами, съ вашей дисциплиной и вліяніемъ». Предложеніе это было представлено на разсмотрѣніе десяти прелатовъ, которые увидѣли въ немъ актъ справедливости, а не западню, и

объявили, что католическое духовенство принимает предложение съ благодарностью.

Когда унія сдѣлалась совершившимся фактомъ, вопросъ объ эмансипаціи былъ отложенъ, а о *Veto* продолжали говорить, какъ о пунктѣ, который надо было рѣшить, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію вопроса объ эмансипаціи. Мы знаемъ, какъ возставали О'Коннелль и его приверженцы противъ заключенія уніи, а къ *Veto*, затрогивавшемъ въ самомъ основаніи ихъ религіозные интересы, ирландскіе католики относились еще съ большимъ отвращеніемъ. Но между ними были и такіе, которые были преданы англійскому режиму и находили выгоднымъ согласиться на претензіи Англіи, надѣясь тѣмъ самымъ ускорить эмансипацію. Партія эта нашла поддержку въ лордѣ Донугморѣ и въ Гратанѣ, двухъ протестантахъ, уполномоченныхъ католиками защищать въ парламентѣ ихъ петицію объ эмансипаціи. О'Коннелль употреблялъ все свое вліяніе въ «католическомъ бюро» и на митингахъ, чтобы противустоять этому давленію. На одномъ изъ митинговъ онъ внесъ предложеніе выразить благодарность доктору Мильнеру, единственному прелату Англіи, который возсталъ противъ *Veto* и былъ за это исключенъ изъ совѣта англійскаго католическаго комитета. Предложеніе его было встрѣчено громкими аплодисментами, криками ура и демонстраціями. На другомъ митингѣ въ Коркѣ О'Коннеллю пришлось имѣть дѣло съ партіей, возстававшей противъ резолюціи выразить благодарность доктору Мильнеру, Меджу и ему самому. О'Коннелль горячо выразилъ свой протестъ противъ ирландскихъ католиковъ, осмѣлившихся оскорбить прелата Мильнера и журналиста Меджа, а затѣмъ, перейдя къ предложенію въ честь его самого, сказалъ: «Я всегда буду идти впередъ и чѣмъ больше меня будутъ оскорблять, тѣмъ болѣе я буду доволенъ, тѣмъ болѣе я буду разсчитывать на успѣхъ. У меня не будетъ основанія сомнѣваться въ себѣ до тѣхъ поръ, пока жалкія орудія гнилости не начнутъ расточать своихъ мерзкихъ похвалъ по моему адресу. Тогда сомнѣвайтесь во мнѣ, а до тѣхъ поръ, нѣтъ. Внутри и извнѣ я буду сражаться съ нашими общими врагами. Но я васъ прошу, не принимайте преувеличенныхъ похвалъ, которыя мнѣ расточаютъ сегодня; немыслимо, чтобы я или какой-нибудь другой человекъ могъ ихъ заслужить». И когда собраніе, слушавшее его стоя, закричало, что оно хочетъ, чтобы предложеніе вотировалось въ прежней формѣ, онъ продолжалъ: «Въ такомъ случаѣ благодарю васъ заранее, благодарность моя искренна и глубока. Это придаетъ мнѣ бодрости и радуетъ меня. У меня нехватаетъ словъ, чтобы выразить мои чувства. Пока я живъ, я буду около васъ, я никогда не покину бѣдную Ирландію». Но только предложенія были вотированы безъ всякаго протеста, но толпа, несмотря на сопротивление О'Коннелля, посадила его на стулъ и съ триумфомъ допесла его до дома, гдѣ онъ жилъ. На митингѣ въ Лимерикѣ противникомъ его выступилъ совѣтникъ Вульфъ. Вульфъ въ краснорѣчивой рѣчи высказался за *Veto* и выразилъ протестъ противъ ирландскихъ католиковъ, которые относились враждебно къ лорду Донугмору и Гратану за

то, что они были сторонниками *Veto*. Несмотря на красноречіе оратора и уваженіе, которое онъ внушалъ, слышались неодобрительные возгласы; О'Коннелль легко успокоилъ эту маленькую бурю и потребовалъ, чтобы оратору дали коптить его рѣчь. Затѣмъ онъ всталъ, чтобы разсказать басню. Овцы мирно паслись подъ бдительной охраной своихъ собакъ, когда волки представили имъ «адресъ», въ которомъ они предлагали имъ избавиться отъ ихъ собакъ. Затѣмъ появляется на сценѣ предводитель волковъ (wolf по-англійски — волкъ), онъ убѣждаетъ овецъ покинуть своихъ собакъ. Послѣ этого овцы были растерзаны. Слѣдуетъ поэтому надѣяться, что ирландскіе католики, предупрежденные примѣромъ овецъ, не доверятся волку.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела эта нравоучительная басня, разсказанная О'Коннеллемъ со свойственной ему живостью. Базалось, что зала обрушится подъ оглушительными взрывами смѣха и аплодисментами. Что же касается до «волка», то у него хватило здраваго смысла понять, что онъ имѣетъ дѣло съ національнымъ чувствомъ и не наставлять больше на своемъ предложеніи. Вотъ какъ онъ впоследствии разсказывалъ объ этомъ вечерѣ своему другу доктору Коалъ: «Безполезно бороться съ О'Коннеллемъ. Я произношу рѣчь, которая мнѣ стоила грехъ педѣль подготовленія, а этотъ человѣкъ одной остротой, игрой словъ, построенной на моей фамиліи, совершенно уничтожаетъ весь эффектъ моей реторики».

Пылкая оппозиція О'Коннелля противъ *Veto* вызвала новыя проявленія, симпатіи и восхищенія его соотечественниковъ по его адресу: фабриканты *Liberties* *) поднесли ему великолѣпную серебряную чашу и адресъ, выражавшій ихъ признательность и уваженіе. Затѣмъ ирландскіе католики отчеканили въ честь О'Коннелля великолѣпную медаль съ изображеніемъ мощной головы освободителя. На обратной сторонѣ въ вѣнкѣ изъ листьевъ дуба и трилистника написано: «Моя дорогая Ирландія». О'Коннелль сказалъ по этому поводу, что ничто не можетъ увеличить его преданности Ирландіи. Онъ поглялся посвятить всѣ свои силы на то, чтобы завоевать свободу своей страны. Онъ чувствуетъ признательность къ своимъ врагамъ, нападенія которыхъ доставили его соотечественникамъ случай выразить ему ихъ чувства. Люди, болѣе значительные, чѣмъ онъ, и тѣ почувствовали бы въ себѣ новый приливъ силъ для служенія странѣ, которая такъ великодушно умѣетъ цѣнить малѣйшія изъ заслугъ ея сыновъ. «До сихъ поръ, — сказалъ онъ въ заключеніе, — я служилъ Ирландіи ради нея самой. Теперь я оплаченный слуга ея, и никакой господинъ не заставитъ меня пренебречь интересами моей страны или измѣнять имъ».

Можно подумать, что у человѣка, занятаго до такой степени, какъ О'Коннелль, не оставалось времени для семьи. Тѣмъ не менѣе время это онъ находилъ. Его очагъ былъ благословенный очагъ. Отъ его брака съ Маріей О'Коннелль у него родилось восемь человѣкъ дѣтей. Семья для О'Кон-

*) Предмѣстье Дублина.

нелзя была радостью и гордостью жизни. Указаніемъ на его отношенія къ женѣ и дѣтямъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ письма, посланнаго имъ г-жѣ О'Коннелль, когда та лѣчила въ Килларней: «Моя дорогая, вотъ я снова здѣсь. Окруженный моими овечками, я думаю о нихъ матери, моемъ сокровищѣ. Нелзя очень поправился за то недолгое время, которое я пробылъ въ отсутствіи. Бетси и Джонъ прелестны, это такія прекрасныя дѣти. Дорогія крошки такъ и висятъ на мнѣ, а наша маленькая милая Рикарда въ самомъ дѣлѣ величайшее сокровище въ мірѣ. Тебѣ пріятно будетъ видѣть, какая вышла изъ нея женщина». А вотъ свидѣтельство самой г-жи О'Коннелль: «мой дорогой Данъ, увѣрю тебя, что ты постоянный предметъ нашихъ мыслей. Когда говорятъ о какомъ-нибудь хорошемъ мужѣ или о какомъ-нибудь хорошемъ отцѣ, Елена и Ката тотчасъ же вскрикиваютъ: «копечно, мама, нѣтъ такого хорошаго мужа и такого хорошаго отца, какъ нашъ папа». Ты, конечно, догадываешься, мой дорогой, что я на это отвѣчаю. Ты знаешь, чего ты стоишь, и ты знаешь также, что я не думаю, чтобы могъ быть другой такой мужъ и отецъ, какъ ты! Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что это невозможно, и если самая искренняя и самая нѣжная любовь можетъ тебя вознаградить, то повѣрь мнѣ, что я чувствую ее къ тебѣ. Да, мой Данъ, у меня нехватаетъ словъ, чтобы выразить, какъ я тебя люблю и восхищаюсь тобой. Часто, часто я говорю себѣ: какое я счастливое существо, и какъ я должна быть благодарна Провидѣнію за то, что оно дало мнѣ такого мужа! И это въ самомъ дѣлѣ такъ. Скоро пятнадцать лѣтъ, мой милый, какъ мы поженились, и я могу сказать, что у меня никогда не было случая пожалѣть объ этомъ. Я извѣдала все счастье брака, безъ его непріятныхъ сторонъ, благодаря нѣжному и снисходительному мужу». Очевидно, что О'Коннелль владѣлъ великимъ секретомъ быть на высотѣ всѣхъ обязанностей.

Сила Наполеона и страхъ передъ нашествіемъ французовъ заставляли Англію относиться нѣсколько гуманнѣе къ Ирландіи. Капитуляція Парижа и паденіе Наполеона развязали ей руки. Какъ только вѣсть объ этихъ радостныхъ для англичанъ событіяхъ достигла Лондона, ирландскому вице-королю немедленно былъ посланъ приказъ уничтожить католическое бюро. Для ирландцевъ опять настали тяжелые дни. Надежды ихъ нѣсколько возродились, когда они узнали о предстоящемъ пріѣздѣ Георга IV. Еще въ первый разъ монархъ соединеннаго королевства вступалъ въ Ирландію, какъ мирный властелинъ, а не какъ завоеватель, потому католики рѣшили не подавать повода королю быть недовольнымъ ими. Пріемъ, оказанный ирландцами Георгу IV, превзошелъ всѣ его ожиданія. Появленіе его въ Ирландіи сопровождалось цѣлымъ рядомъ «лоялистскихъ» демонстрацій, причѣмъ самое дѣятельное участіе въ нихъ принималъ самъ О'Коннелль. Король, восхищенный этими оваціями, не скупился на обѣщанія и увѣренія. Лордъ-капцлеръ Эльдонъ говоритъ по этому поводу въ своихъ *Мемуарахъ*, что «подъ конецъ король самъ наполовину вѣрилъ своей искренности». Король уѣхалъ, а положеніе ирландцевъ осталось тяжелымъ попрежнему. И только

съ назначеніемъ вице-королемъ лорда Веллесли ирландцы стали съ болѣею надеждою смотрѣть на свое будущее. Лордъ Веллесли считался человѣкомъ, расположеннымъ къ католикамъ. Кромѣ того, еще въ первый разъ ирландцу поручалось управленіе своей страной. Лагерь оранжистовъ немедленно забилъ тревогу. Они не допускали мысли, что ихъ право угнетать ирландскихъ католиковъ можетъ быть хоть сколько-нибудь ограничено.

Два числа были особенно тягостны для ирландскихъ католиковъ: 12 іюля и 5 ноября. День 12 іюля былъ годовщиной битвы (Вуно), когда ирландцы были окончательно разбиты солдатами Вильгельма Оранскаго. 5 ноября было воспоминаніемъ о знаменитомъ «Пороховомъ заговорѣ». Заговоръ этотъ, по мнѣнію протестантскихъ католиковъ, никогда и не существовалъ, а былъ намѣренно раздутъ правительственной партіей. Какъ бы то ни было, заговоръ этотъ не принесъ никакого зла Англіи, но множество ирландцевъ заплатило жизнью по обвиненію въ совершенно недоказанныхъ преступленіяхъ. Каждый годъ англійскіе лоялисты праздновали этотъ день «освобожденія» и день 12 іюля оскорбительными для національнаго чувства ирландцевъ процессіями и демонстраціями. Ирландцы надѣялись, что лордъ Веллесли, пришедшій къ нимъ съ оливковой вѣтвью въ рукахъ, избавитъ ихъ отъ этого униженія и запретитъ грубыя демонстраціи, которыя къ тому же нарушали общественное спокойствіе, такъ какъ зачастую оканчивались драками. Тѣмъ не менѣе 11 іюля оранжисты безпрепятственно сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія для празднованія слѣдующаго дня. Тогда О'Коннелль написалъ свое знаменитое письмо лорду Веллесли, которое мы приводимъ почти цѣликомъ:

«Милордъ, завтрашній день выяснитъ окончательно характеръ вашего управленія. Католики Ирландіи, угнетенные и покинутые, надѣялись, что «другъ», занимающій такое высокое положеніе, какъ ваше превосходительство, отнесется сочувственно къ ихъ ходатайствамъ. Вы очень скоро разрушили эти надежды навсегда. Въ вашемъ отвѣтѣ католикамъ кларскаго графства, вы объявили, что пріѣхали сюда для того, чтобы «вкоренить законы, а не мѣнять ихъ». Ваше превосходительство пріѣхали для того, чтобы «вкоренить законы!» Милордъ, я очень почтительно, но настойчиво прошу васъ «вкоренить» ихъ. Демонстрація, предполагаемая на завтрашній день, есть очевидное нарушеніе закона. Это открытое и публичное подстрекательство къ безпорядкамъ, это прямое возбужденіе страстей, такъ какъ съ одной стороны собирается толпа оскорбителей, съ другой—толпа раздраженная. Эти соображенія, и другія, не менѣе очевидныя, милордъ, доказываютъ неоспоримое нарушеніе законовъ. Я берусь доказать передъ какими угодно судомъ, передъ какими угодно безпристрастными присяжными, что обычныя демонстраціи 12 іюля незаконны. Я беру на себя это обязательство не безъ серьезнаго риска. Мой профессиональный доходъ равняется, а вѣроятно и превосходитъ заработокъ, который когда-либо имѣлъ человѣкъ, принадлежащій къ ирландскому суду. Этотъ доходъ зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, приписывающаго мнѣ нѣкоторыя

знанія въ области моей спеціальности. Я не могу рисковать потерей этого довѣрія общества и тѣмъ не менѣе я свободно соглашаюсь потерять его, если не смогу доказать передъ судомъ, что ежегодныя демонстраціи 12 іюля незаконны. Опираясь на это обязательство, я снова почтительно прошу ваше превосходительство оправдать репутацію, которой вы пользуетесь, сдѣлать честь великому имени, которое вы носите, и исполнить высокія обязанности, взятыя вами на себя.

«Такъ какъ вы не можете измѣнить законовъ, то я смиренно, почтительно, но твердо прошу васъ вкоренить ихъ и запретить незаконную и оскорбительную манифестацію.

«Милордъ, у васъ нѣтъ недостатка, и не можетъ быть недостатка въ средствахъ, чтобы уничтожить эту вредную манифестацію; одного вашего слова будетъ достаточно. Дублинская полиція въ вашемъ распоряженіи; однимъ вашимъ словомъ вы можете смѣстить весь персоналъ ея, начиная съ самаго высшаго чина и кончая послѣднимъ служащимъ. Вполнѣ въ вашей власти, милордъ, вкоренить законы. Не говоря уже о военныхъ силахъ, находящихся въ вашемъ распоряженіи, вы можете требовать помощи, и это въ предѣлахъ конституціи (и такъ должно быть на практикѣ), вы можете требовать помощи, говорю я, всѣхъ либеральныхъ протестантовъ, которые представляютъ значительную силу, и дублинскихъ католиковъ, въ качествѣ «спеціальныхъ констеблей» для того, чтобы поддерживать порядокъ и помѣшать нарушенію закона. У васъ широкая власть, милордъ, безпристрастно вкоренять законы относительно всѣхъ классовъ подданныхъ его величества, и не дай Богъ, чтобы когда-нибудь было сказано, что у васъ для этого не было достаточно желанія.

«Я ничего не говорю объ обѣщаніяхъ его величества во время его отъѣзда. Я ничего не говорю о безкорыстномъ лоялизмѣ, который проявили католики относительно своего государя во время его посѣщенія Ирландіи, и я воздержусь также отъ восхваленія той активной роли, которую моя скромная особа играла въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ. Милордъ, католики забыли несправедливости и—что еще труднѣе—оскорбленія, ради примиренія съ ихъ соотечественниками протестантами. Со времени отъѣзда короля католики ни разу ни дѣломъ, ни словомъ не нарушили этого дружественнаго соглашенія, котораго они добивались тогда, и думали, что получили его. Я вызываю самаго пылкаго изъ нашихъ клеветниковъ указать на поступокъ или привести хоть одно слово, могущее доказать, что католики нарушили это соглашеніе. Но, увы! Какъ скоро, какъ совершенно оно было нарушено другими! Каково было отношеніе другой стороны, людей, которые самымъ громкимъ образомъ проявляли свою дружбу? Но я не буду настаивать на этомъ тяжеломъ пунктѣ; я скажу только, что католики заслуживаютъ и требуютъ помощи противъ обидъ и оскорбленій. Откажете ли вы имъ, милордъ, въ этой помощи?

«Завтрашній день рѣшитъ характеръ управленія вашего превосходительства въ Ирландіи. Пусть ваше поведеніе оправдаетъ, наконецъ, желанія и

обманутыя надежды этой несчастной страны. Таково, милордъ, мучительное желаніе и вашего покорнаго слуги Даніэля О'Коннелля».

Это письмо,—говорить историкъ Фитцъ Патрикъ,—произвело свое дѣйствіе, и лордъ Веллеслей пытался помѣшать манифестаціи. Но, повидимому, этихъ попытокъ было недостаточно, потому что на другой день утромъ оранжисты безпрепятственно со стороны присутствовавшей полиціи украсили статую Вильгельма Оранскаго, а для усмиренія нѣкоторыхъ возмущенныхъ папистовъ, хотѣвшихъ въ теченіе дня сорвать украшенія со статуи, были призваны войска, которые и разогнали любопытныхъ. Тѣмъ не менѣе письмо О'Коннелля не осталось безъ результатовъ. Передъ пятимъ ноября лордъ Веллеслей предписалъ дублинскому лорду-мэру издать прокламацію, въ которой запрещалось украшеніе статуи Вильгельма III. Тогда сторонники англійскаго правительства объявили открытую войну вице-королю. Рѣшивъ не обращать вниманія на прокламацію, они 4 ноября отправили подъ охраной большой толпы народа двухъ живописцевъ для украшенія знаменитой статуи. Живописцы были арестованы, и лордъ Веллеслей доказалъ такимъ образомъ, что онъ, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ рѣшился «вкоренять законы».

Еще въ первый разъ статуя Вильгельма III осталась 5 ноября не украшенной. Можно себѣ представить негодованіе оранжистовъ, въ первый разъ лишенныхъ такимъ образомъ права вызывать и оскорблять своихъ соотечественниковъ католиковъ этимъ традиціоннымъ маскарадомъ. Въ отищеніе они устроили въ театрѣ манифестацію противъ вице-короля, извѣстную въ исторіи Ирландіи подъ именемъ «Заговора бутылки». Она разразилась 14 ноября въ дублинскомъ театрѣ, въ которомъ присутствовалъ въ этотъ вечеръ вице-король. Партія оранжистовъ кричала актерамъ, чтобы они пили за «славную, благочестивую и безсмертную память Вильгельма III» и бросали черезъ всю залу разные тяжелые предметы. Одна бутылка упала на сцену около лампы, а въ ложу вице-короля было брошено большое полѣно. Никто не былъ раненъ, но произошелъ страшный беспорядокъ. Вытребованное на помощь войско арестовало пять бунтовщиковъ. Событіе это вызвало по всей Ирландіи цѣлый рядъ протестовъ. Страна хотѣла поддержать вице-короля, обѣщавшаго равное безпристрастное правосудіе относительно всѣхъ партій. На митингъ въ Дублинѣ О'Коннелль заявилъ, при всеобщихъ аплодисментахъ, что враги порядка и закона должны понести справедливое наказаніе. Но англійское правительство воспротивилось. Трое изъ главныхъ зачинщиковъ были на нѣкоторое время посажены въ тюрьму, чтобы дать передъ судомъ показанія относительно заговора противъ представителя королевской власти. Затѣмъ дѣло было заято. Католики были бы, вѣроятно повѣшены за это, но, для сторонниковъ англійскаго правительства были другіе законы. Такъ велось правосудіе въ Ирландіи въ доброе старое время до эмансипаціи.

Въ началѣ 1823 года О'Коннелль обѣдалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ

друзей у нихъ общаго друга М. О'Мапа. На этомъ обѣдѣ онъ въ первый разъ открылъ имъ свой планъ католической ассоціаціи.

Прежде всего нужно было обойти «Convention act», по которому всякое общество, или всякое собраніе, имѣвшее делегатовъ, считалось нелегальнымъ и подвергалось всей строгости законовъ. Католическая ассоціація, по плану О'Коннелли, не должна была ни принимать, ни посылать делегаций. Каждый членъ ея долженъ былъ представлять только самого себя, но зато каждый католикъ, каждый ирландецъ могъ быть ея членомъ подъ условіемъ подчиненія правиламъ ассоціаціи, которая такимъ образомъ должна была легально представлять всю Ирландію. Первый митингъ, на которомъ О'Коннелли сообщилъ о своемъ планѣ, отличался большимъ оживленіемъ. О'Коннелли объяснилъ, что онъ хотѣлъ создать ассоціацію, задачей которой было поднять интересы ирландцевъ, освободить ихъ отъ ихъ политическаго рабства и добиться того, чтобы ихъ ходатайства выслушивались въ парламентѣ. Члены ассоціаціи должны были раздѣляться на двѣ категоріи; къ первой принадлежали члены со взносомъ одной гиней въ годъ, въ составъ второй входила народная масса съ годовой платой въ размѣръ одного шиллинга. Католики, не желавшіе участвовать въ ассоціаціи, исключались изъ всѣхъ собраній ассоціаціи, не-католики же допускались на собранія, но безъ права вотировать и обсуждать текущія дѣла, если только они не примыкали къ ассоціаціи. Это постановленіе вызвало большіе протесты. Присутствующимъ не хотѣлось, чтобы католическая ассоціація относилась къ католикамъ строже, чѣмъ къ протестантамъ, но О'Коннелли настоялъ на своемъ. «Вѣятельные католики,—сказалъ онъ,—не желающіе дать одной гиней въ годъ для дѣла католиковъ, недостойны быть между нами». Кромѣ того, желательно было обратить протестантовъ въ друзей и имъ дѣлались льготы, чтобы они могли видѣть и судить католиковъ на дѣлѣ. Чтобы привлечь и духовенство, О'Коннелли предложилъ, чтобы каждый священникъ былъ по праву почетнымъ членомъ ассоціаціи.

О'Коннелли внесъ всю свою энергію въ дѣло католической ассоціаціи и не жалѣлъ своихъ силъ. Онъ сдѣлался душою ассоціаціи и ея миссіонеромъ. Онъ вездѣ говорилъ и писалъ о ней, возрождая вокругъ себя надежду, довѣріе и энтузіазмъ. Старанія его не остались безплодными. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ организаціи католической ассоціаціи «католическая рента» доставляла 5,000 франковъ въ недѣлю, затѣмъ 22,000 фр. За пять лѣтъ ея существованія взносы въ среднемъ равнялись 250,000 фр. въ годъ.

Англійское правительство было, конечно, очень обезпокоено успѣхами католической ассоціаціи и огромной популярностью О'Коннелли и рѣшило пресѣчь зло въ корнѣ. Случай къ этому скоро представился.

Вниманіе Европы было въ это время обращено на Боливара, вырвавшаго у Испаніи независимость Колумбіи и Перу. О'Коннелли настолько сочувствовалъ ему, что въ 1820 году послалъ къ нему своего сына Моргана, выражая при этомъ свою радость, что сынъ его будетъ помогать храброму народу Колумбіи въ его борьбѣ за дѣло свободы.

Европу волновало также возстаніе Греціи противъ оттоманскаго ига. Одна англійская газета *London Examiner* отозвалась очень сочувственно о грекахъ и объ ирландскихъ католикахъ и ихъ требованіяхъ. На засѣданіи католической ассоціаціи О'Коннелль сказалъ по этому поводу: «Писатели *London Examiner* проявили къ католикамъ такія же чувства, какъ и къ грекамъ. Для того, чтобы отвоевать свои права, греки начали войну; католики вѣрятъ, что ихъ цѣль будетъ достигнута болѣе мирными средствами. Но если бы они наткнулись на военное сопротивленіе, чего, я надѣюсь, никогда не будетъ, пусть, по крайней мѣрѣ, появится между ними какой-нибудь Боливаръ и пусть духъ грековъ и американцевъ воспламенитъ народъ Ирландіи». Газеты воспроизвели рѣчь О'Коннелля, а черезъ два дня онъ былъ привлеченъ къ суду, но главный свидѣтель англійскаго правительства, какой-то журналистъ, сознался на судѣ, что онъ спалъ во время засѣданія и что онъ сообщалъ рѣчь О'Коннелля со словъ своихъ товарищей. Главный судья нашелъ обвиненіе противъ О'Коннелля недостаточнымъ и дѣло на этомъ было покончено.

Но англійское министерство не сложило оружія. Если оно потеряло неудачу относительно О'Коннелля, то оно рѣшило напасть на самое «дѣло». Съ возобновленіемъ засѣданій парламента въ февралѣ 1825 г. въ тронной рѣчи было сказано, что слѣдуетъ принять мѣры строгости противъ ассоціаціи. Католики заволновались. На митингѣ въ Дублинѣ О'Коннелль съ негодованіемъ возставалъ противъ направленного въ нихъ удара. Онъ говорилъ, что ассоціація всегда дѣйствовала легально и конституціонно; что вліяніе ея въ странѣ было самое благотворное; что противъ нея можно было изобрѣсти какія-нибудь придирки, но ни одного законнаго аргумента и что для того, чтобы уничтожить ее, нужно будетъ нарушить конституцію и права Ирландіи.

Собраніе выработало петицію въ парламентъ, въ которой просило нижнюю палату выслушать адвоката отъ ассоціаціи, уполномоченнаго защищать ее противъ ея враговъ.

Но два или три дня спустя секретарь Ирландіи Гульбурнъ представилъ нижней палатѣ билль, въ которомъ онъ предлагалъ уничтоженіе ассоціаціи. Ассоціація поняла, что она погибла, тѣмъ не менѣе она рѣшилась защищаться до послѣднихъ силъ. Она выбрала изъ своихъ членовъ «совѣтъ», которому во главѣ съ О'Коннеллемъ поручена была защита ихъ дѣла въ нижней палатѣ. Въ половинѣ февраля депутація ирландскихъ католиковъ отправилась въ Лондонъ. Въ первый же день ея пріѣзда въ столицу Англіи она присутствовала на засѣданіяхъ нижней палаты, причемъ и друзья, и враги спѣшили позать руку великому ирландскому оратору. Съ разрѣшенія спикера делегаты были проведены на галлерею, предназначенную для почетныхъ иностранцевъ. Первые впечатлѣнія О'Коннелля были не особенно блестящи. Онъ писалъ своей женѣ: «Мое мнѣніе о почтенной палатѣ значительно понизилось съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь. Я не думаю, чтобы насъ выслушали, какъ «совѣтъ». Мнѣ сказали, что если намъ и позволятъ говорить, то только изъ любопытства. Въ сущности они насмѣхаются надъ

Ирландіей. И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока они не почувствуютъ въ ней нужды. Я желаю, чтобы пришло время, когда мы имъ понадобится!»

Съ высоты отведенной делегатамъ галлерей они выслушали рѣчь министра Пилля, самую рѣшительную, какую онъ когда либо говорилъ противъ Ирландіи. Несмотря на это, О'Коннелль не перестаетъ думать, что «дорогое, святое дѣло» много выиграло отъ ихъ пріѣзда въ Лондонъ. Депутаты Ирландіи и въ особенности О'Коннелль сдѣлались «львами» лондонскаго сезона. Всѣмъ интересно было посмотреть и послушать этихъ непокорныхъ ирландцевъ, которые доставляли столько непріятностей англійскому правительству. «Изъ меня дѣлаютъ оратора на всѣхъ собраніяхъ», пишетъ О'Коннелль своей женѣ. И онъ очень этимъ доволенъ, потому что, какъ онъ говоритъ въ другомъ письмѣ, «мы прокладываемъ себѣ дорогу въ палатѣ и въ общественномъ мнѣніи, несмотря на Пилля и агитацію оранжистовъ. Я во всѣхъ отношеніяхъ радъ, что пріѣхалъ, ибо чувствую, что мы много сдѣлали для того, чтобы пробудить чувство справедливости въ англійскомъ обществѣ. И съ Божьей помощью мы сдѣлаемъ еще больше».

Англійская католическая аристократія наперерывъ старалась оказать вниманіе ирландскимъ делегатамъ. Въ ихъ честь давались обѣды, устраивались митинги. На одномъ большомъ митингѣ, организованномъ въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ герцога Норфолькскаго, О'Коннелль своею рѣчью произвелъ огромное впечатлѣніе на слушателей. Онъ сказалъ, что, цѣною большихъ неудобствъ, онъ оставилъ свою страну, домашній очагъ, дѣла и пріѣхалъ въ Лондонъ представить петицію католиковъ. Но нижняя палата не захотѣла его выслушать; онъ не могъ представить свою петицію, англійское правосудіе презрительно оттолкнуло его ногой. «Я не знаю, — воскликнулъ онъ съ горечью, — что даетъ право вашей интеллигенціи относиться къ ирландцамъ такъ, какъ нельзя относиться къ африканскимъ невольникамъ. Жалобы ирландцевъ могутъ быть непріятны, но пока они въ силахъ, они не перестанутъ потрясать цѣпи, которыми ихъ связали, какъ бы непріятенъ ни былъ звукъ этихъ цѣпей для ушей ихъ господъ». Затѣмъ О'Коннелль описалъ всѣ жестокости, жертвой которыхъ Ирландія была въ теченіе столькихъ вѣковъ, и объяснилъ, какъ крайняя необходимость заставила ихъ основать католическую ассоціацію съ цѣлью защиты ихъ правъ и какъ враги ихъ хотятъ непремѣнно уничтожить эту ассоціацію. О'Коннелль говорилъ болѣе трехъ часовъ. Поднять ирландскую аудиторію, готовую аплодировать всякому, кто будетъ говорить объ ея прошлыхъ страданіяхъ и о будущихъ надеждахъ, было гораздо легче, чѣмъ воспламенить англійскую аудиторію, естественно предубѣжденную противъ стремленій ирландцевъ. Тѣмъ не менѣе, рѣчь О'Коннелля имѣла огромный успѣхъ. «Я имѣлъ успѣхъ, моя дорогая! — писалъ онъ своей женѣ. — А я въ самомъ дѣлѣ боялся поражения. Я знаю прекрасно, что у тебя страха этого не было. Наконецъ-то, мое сокровище, я излилъ свою душу. Да, я могу тебѣ сказать, что я имѣлъ успѣхъ. Мнѣ аплодировали съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и на митингѣ въ Дублинѣ».

Несмотря на всѣ личные триумфы ирландскаго трибуна, дѣло католической ассоціаціи было проиграно. Предложеніе друзей Ирландіи выслушать «совѣтъ» католической ассоціаціи было отвергнуто, а билль правительства объ уничтоженіи ассоціаціи былъ вотированъ огромнымъ большинствомъ.

Тѣмъ не менѣе О'Коннелль не палъ духомъ. Если ему не удалось отстоять католическую ассоціацію, то зато дѣло эмансипаціи, по его мнѣнію, несомнѣнно подвигалось впередъ, а ассоціація была только средствомъ, цѣлью же и завѣтной мечтой его была эмансипація. О'Коннелль былъ выслушанъ въ нижней палатѣ, и его рѣчь о положеніи Ирландіи произвела наилучшее впечатлѣніе. Полковникъ Давсонъ, родственникъ Пилля, увѣрялъ его, что онъ разсѣялъ большую часть «предразсудковъ». Плункетъ, генеральный адвокатъ, увѣрялъ, что правительство рѣшилось дать Ирландіи эмансипацію, и что О'Коннеллю будетъ поручено приготовить проектъ закона. Самъ герцогъ Іоркскій, братъ короля и предполагаемый наслѣдникъ престола, въ восторженныхъ выраженіяхъ отозвался объ его показаніи въ нижней палатѣ. Наконецъ, билль касательно эмансипаціи былъ вотированъ въ нижней палатѣ. Ирландія ликовала и ждала только послѣдняго слова, послѣдняго акта освобожденія.

И вдругъ разразился громовой ударъ: 25 апрѣля герцогъ Іоркскій поднялся въ палатѣ лордовъ и высказался за петицію противъ «всякой новой концессіи въ пользу католиковъ». Въ заключеніе онъ сказалъ: «Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ вопросъ былъ поднятъ, я защищалъ дѣло протестантскаго правительства. Я былъ воспитанъ въ этихъ принципахъ, а когда сталъ разсуждать самостоятельно, держался ихъ по убѣжденію. Какое бы положеніе я ни занялъ впослѣдствіи, я всегда буду ихъ поддерживать и Богъ мнѣ поможетъ въ этомъ!»

Король никогда и не думалъ дать эмансипацію, но Плункетъ былъ несомнѣнно искрененъ, обѣщая О'Коннеллю эмансипацію. Правительственная партія воспользовалась имъ, чтобы ввести въ заблужденіе великаго трибуна Ирландіи. Такимъ путемъ уничтоженіе ассоціаціи не встрѣтило сопротивленія. По словамъ историка Фагана, «съ О'Коннеллемъ поступили съ величайшею подлостью». Ангійское правительство прекрасно знало, что оно можетъ разсчитывать на палату лордовъ, что она задушитъ билль объ эмансипаціи. И въ самомъ дѣлѣ она отвѣтила восторженными оваціями на страстную рѣчь герцога Іоркскаго противъ католиковъ. Можно себѣ также представить радость ирландскихъ оранжистовъ. Тѣмъ не менѣе вся Англія должна была выслушать негодующій, но полный бодрости протестъ О'Коннелля. Его упрекали потомъ, что онъ въ своей рѣчи недружелюбно отозвался о герцогѣ Іоркскомъ, который такъ коварно насмѣялся надъ О'Коннеллемъ и надеждами его страны. Но, по справедливому выраженію одного протестантскаго историка, къ жаднымъ устамъ семи милліоновъ человѣкъ поднесли чашу справедливости и свободы, и когда эти уста готовы были выпить ее, чаша эта неожиданно была брошена на землю и разбита въ куски.

20 мая 1825 года Дублинъ узналъ о неудачѣ проекта эмансипаціи. На

другой же день состоялся большой митингъ, чтобы обсудить новое положеніе дѣлъ. О'Коннелль съ большимъ жаромъ, чѣмъ когда-либо, призывалъ своихъ согражданъ на борьбу за свободу: «Соединимся,—воскликнулъ онъ,—вокругъ знамени свободы. Я общалъ въ Англіи, что будетъ новая католическая ассоціація и новая католическая рента: народъ будетъ исчисленъ, у насъ есть перепись приходовъ... Съ католиками поступили жестоко и они были измѣннически побиты въ этой борьбѣ за ихъ свободу одной изъ палатъ парламента, послѣ того какъ ихъ требованія были признаны другой законодательной палатой. При такомъ положеніи дѣлъ наша обязанность подумать, какъ намъ лучше поступить, чтобы окончательно завоевать для насъ самихъ, и для нашихъ дѣтей наши права, такъ долго конфискованныя. Правда, мы побиты, но мы еще не покорены». Въ своей рѣчи О'Коннелль напомнилъ слушателямъ то невозможное положеніе, въ которое были поставлены католики большинства приходовъ. Для примѣра онъ указалъ на маленький приходъ Ardcath въ епархіи Meath; населеніе этого прихода, состоявшее приблизительно изъ 1,200 душъ, насчитывало только одного протестанта; тѣмъ не менѣе приходъ долженъ былъ платить за этого единственнаго члена государственной церкви подать въ 4 пенсы съ cadaго акра земли. Протестантскаго храма не было, но нужно было платить жалованье клерку прихода (протестанту), у котораго не было ровно никакого дѣла, и еще другому клерку прихода (протестанту), который былъ слишкомъ старъ, чтобы что-нибудь дѣлать. Фактами подобнаго рода О'Коннелль и католическая депутація вызвали въ нижней палатѣ благопріятное теченіе въ пользу требованій католиковъ. Факты эти были до такой степени «кричащіе», что въ концѣ-концовъ Англія и весь міръ должны были ихъ услышать. Но прежде всего надо было возсоздать католическую ассоціацію. Актъ, по которому она была уничтожена, запрещалъ всякую ассоціацію, всякое собраніе, продолжавшіяся болѣе четырнадцати дней. Кромѣ того запрещены были всякія собранія, имѣвшія цѣлью какія-нибудь реформы, церковныя или государственныя.

Особая коммиссія во главѣ съ О'Коннеллемъ выработала статуты новой ассоціаціи. Программа ея была совершенно безобидна, но, тѣмъ не менѣе, она заключала въ себѣ всѣ надежды, всѣ требованія католиковъ. Такимъ образомъ борьба продолжалась съ новой силой. Въ Дублинѣ начались знаменитые митинги, продолжавшіеся законные четырнадцать дней. По *Мемуарамъ* Пилля видно, что англійское правительство было не въ силахъ помѣшать этому искусному возрожденію проклятой ассоціаціи. Въ каждомъ графствѣ католики и ихъ протестантскіе друзья собирались тысячами на четырнадцатидневные митинги. Духъ и краснорѣчіе О'Коннелля вдохновляли эти братскія манифестаціи. На нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда присутствовалъ и самъ О'Коннелль и тогда онъ дѣлался предметомъ неслыханныхъ овацій. Вотъ что пишетъ О'Коннелль своей женѣ изъ Траля: «Я пріѣхалъ сюда сегодня изъ Лимерика. Мы прослушали обѣдню и вышли въ шесть часовъ утра. Я ѣхалъ въ Rathkeale; собралась огромная толпа на-

рода, мѣхъ лошадей выпрягли и подъ звуки флейты, дудки и скрипки, со знаменемъ во главѣ, меня несли на протяженіи мѣли до дома Роша. Все это доставило не мало непріятностей ханжамъ-оранжистамъ, жившимъ въ окрестностяхъ».

Наступили знаменитые выборы въ Ватерфордѣ, бывшіе, такъ сказать, прелюдией къ эмансипаціи. Тамъ съ незапамятныхъ временъ царили Бересфорды. Богатые и могущественные, они распоряжались какъ имъ было угодно своими фермерами и при помощи могущественнаго сосѣда и союзника, герцога Девонширскаго, думали и на этотъ разъ восторжествовать надъ враждебнымъ отношеніемъ къ нимъ графства.

Кандидатъ, выступившій противъ Бересфордовъ, Вильерсъ Стюартъ, пригласилъ О'Коннелля въ «совѣтники», на что О'Коннелль, конечно, съ восторгомъ согласился. Борьба съ Бересфордами была очень тяжела. Благодаря ихъ влиянію все графство было переполнено полиціей и войсками, призванными подъ предлогомъ поддержанія общественнаго порядка, а въ сущности для того, чтобы запугать избирателей. О'Коннелль въ сопровожденіи Вильерса и нѣсколькихъ друзей объѣхалъ все графство, говоря по десяти разъ въ день и вызывая повсюду манифестаціи уваженія и восторга.

Рѣшительный день насталъ. Два сторонника кандидатуры Бересфордовъ въ присутствіи большой толпы народа предложили своего кандидата. Но, должно быть, у нихъ не было большого дара слова. Желая польстить собравшейся публикѣ, они, путаясь въ словахъ, начали что-то говорить о здравомъ смыслѣ и вѣрности ирландцевъ. Не успѣли они кончить, какъ О'Коннелль поднялся и съ самымъ серьезнымъ видомъ провозгласилъ троекратное «ура» за «краснорѣчивыхъ джентльменовъ». Несчастные краснорѣчивые джентльмены, совершенно уничтоженные, удалились при неудержимыхъ взрывахъ смѣха присутствовавшихъ. Чтобы дать возможность говорить, О'Коннелль, былъ предложенъ, какъ «особа, могущая быть представителемъ графства». Такимъ образомъ онъ могъ обратиться къ народу съ послѣднимъ воззваніемъ. Онъ напомнилъ слушателямъ, что они слишкомъ долго были принуждены вотировать за паденіе ихъ религіи, за порабощеніе ихъ самихъ, ихъ женъ и дѣтей. Онъ просилъ ихъ вотировать, какъ подобаетъ хорошимъ католикамъ и хорошимъ ирландцамъ. «Столько волненія,—закончилъ онъ веселымъ тономъ свою рѣчь,—по поводу политики и религіи въ этомъ графствѣ, что я, желая поддержать общественное спокойствіе, отклоняю отъ себя честь быть представителемъ Ватерфордскаго графства». Можно себѣ представить смѣхъ и аплодисменты наэлектризованныхъ католиковъ. Но кому было не до смѣха, на другой день выборовъ, такъ это главѣ фамиліи Бересфордъ. Онъ былъ отвергнутъ подавляющимъ большинствомъ и это послѣ того, какъ онъ потратилъ на выборы, по крайней мѣрѣ, 100,000 фун. ст. За это пораженіе онъ отомстилъ своимъ фермерамъ, которые въ огромномъ количествѣ были выгнаны изъ своихъ очаговъ. Бѣдные фермеры за свой протестъ противъ кандидата англійскаго правительства нажили себѣ много враговъ. Но О'Коннелль сдѣлалъ все, чтобы облегчить ихъ

участь. Онъ такъ много говорилъ о нихъ на всѣхъ митингахъ, что ему удалось обратить на нихъ вниманіе всей страны и основать для нихъ «фондъ фермеровъ».

Въ 1827 году умеръ герцогъ Йоркскій, главный врагъ ирландцевъ. Тѣмъ не менѣе билль объ эмансипаціи, который католики снова пытались провести въ парламентѣ, былъ вотированъ только въ нижней палатѣ, и опять провалился въ верхней. Но и на этотъ разъ католики не пали духомъ. Они надѣялись, что превосходная организація католическаго движенія несомнѣнно сдѣлаетъ свое дѣло.

Друзья посоветовали О'Коннеллю выставить свою кандидатуру на выборахъ представителя Кларскаго графства. О'Коннелль зналъ, что онъ не можетъ проникнуть въ нижнюю палату, потому что для этого ему пришлось бы произнести святотатственную присягу, но во всякомъ случаѣ для дѣла Ирландіи было важно, чтобы католикъ былъ избранъ въ представителя графства. Рѣшеніе О'Коннелля вызвало въ католической ассоціаціи взрывъ восторга и надеждъ. Въ день отъѣзда О'Коннелля карета, запряженная шестью лошадьми, подъѣхала къ зданію суда, въ которомъ О'Коннелль до послѣдней минуты исполнялъ свои обязанности адвоката. О'Коннелль снялъ парикъ и костюмъ, присущій адвокату того времени, и поѣхалъ, сопровождаемый радостными и восторженными демонстраціями собравшагося народа. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ напечаталъ въ *Evening Post* воззваніе къ избирателямъ кларскаго графства, которое произвело сильное впечатлѣніе не только въ Ирландіи и въ Англіи, но и за предѣлами соединеннаго королевства. Воззваніе это мы приводимъ почти цѣлкомъ:

«Къ избирателямъ кларскаго графства. Соотечественники, ваше графство нуждается въ представителѣ. Я почтительно прошу васъ помочь мнѣ добиться этого званія. Предоставляю вамъ судить, достоинъ ли я носить его. Привычка говорить въ большомъ обществѣ и долгіе годы, посвященные мною служенію Ирландіи, дѣлаютъ меня, можетъ быть, не менѣе способнымъ, чѣмъ другого служить интересамъ моей родины въ парламентѣ. Вамъ скажутъ, что я недостаточно знатенъ, чтобы быть избраннымъ. Это утвержденіе, мои друзья, не вѣрно. Я достаточно знатенъ, чтобы быть выбраннымъ, и чтобы быть вашимъ представителемъ. Правда, какъ католикъ, я не могу произнести и не произнесу никогда присягу, требуемую отъ членовъ парламента. Но власть, создавшая эту присягу (парламентъ), можетъ ее отиѣнить, и я надѣюсь и даже увѣренъ, что если вы меня выберете, самые фанатичные изъ нашихъ враговъ поймутъ необходимость уничтожить для представителя, избраннаго народомъ, препятствіе, мешающее ему исполнять свои обязанности относительно его короля и страны. Присяга, требуемая теперь закономъ, святотатство. Конечно, я никогда не загрязню моей души произнесеніемъ такой клятвы. Я предоставляю это моему почтенному противнику—Фитцъ Жеральду. Онъ часто произносилъ эту ужасную присягу и готовъ ее произнести еще разъ. Я предпочитаю, чтобы меня растерзали, чѣмъ произнести ее. Избиратели

Кларскаго графства, выбирайте между мной, чувствующимъ ужасъ передъ этой присягой, и Фитцъ Жеральдомъ, двадцать разъ произносившимъ ее. Выберете меня въ парламентъ, и, можетъ быть, эта святотатственная присяга будетъ уничтожена навсегда. Если я буду вашимъ представителемъ, я начну борьбу на этой почвѣ съ друзьями Фитцъ Жеральда. Они могутъ отправить меня въ тюрьму; я готовъ идти туда, чтобы подвинуть впередъ дѣло католиковъ и всеобщей свободы. Попытка исключить вашего представителя изъ нижней палаты произведетъ сенсацию во всей Европѣ и вызоветъ такой взрывъ негодованія противъ британской нетерпимости во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, что голоса великихъ и хорошихъ людей Англіи, Шотландіи и Ирландіи соединятся съ голосами всѣхъ націй земли, восторжествуютъ надъ всякою оппозиціей и лишатъ Пилля и Веллингтона возможности закрывать дальше двери конституціи католикамъ Ирландіи. Избиратели Кларскаго графства! Фитцъ Жеральдъ выставляетъ теперь своей единственной заслугой титулъ друга католиковъ. Я тоже католикъ; если онъ искренно нашъ другъ, пускай онъ вотируетъ за меня и поддержитъ передъ британскимъ правительствомъ въ моей скромной особѣ дѣло католиковъ. Но нѣтъ, соотечественники! Нѣтъ, онъ не принесетъ никакой жертвы ради этого дѣла, онъ будетъ называться вашимъ другомъ и играть роль вашего самаго неутомимаго врага. Мнѣ не хотѣлось бы касаться его политической жизни, но обстоятельства требуютъ этого. Его служебная карьера началась при Персевалѣ, при томъ самомъ Персевалѣ, который добился власти потому, что его стараніями въ Англіи раздался жестокий, антихристіанскій крикъ: «Долой папизмъ». Въ его власти было назначеніе представителемъ мѣстечка Эннисъ. Онъ выбралъ Спенсера Персевала, отъявленнаго врага католиковъ. Онъ вотировалъ за проектъ Ретфорда, который долженъ былъ ввести въ парламентъ двухъ злѣйшихъ враговъ католиковъ. Въ дѣлѣ диссидентскихъ протестантовъ въ Англіи онъ вотировалъ за ихъ исключеніе, т.-е. противъ принципа свободы совѣсти, этого священнаго принципа, который ирландскіе католики всегда желали и на которомъ они основали свои требованія эмансипаціи. Наконецъ, онъ вотировалъ за уничтоженіе католической ассоціаціи въ Ирландіи. И послѣ этого, справедливое небо, онъ называется другомъ католиковъ! Онъ товарищъ и союзникъ герцога Веллингтона и Пилля, а они, какъ вамъ извѣстно, самые яростные, самые упорные враги католиковъ, и послѣ всего этого онъ называется другомъ ирландскихъ католиковъ.

«Обрисовавши такимъ образомъ недостатки моего почтеннаго противника, что скажу я о самомъ себѣ? Передъ вами моя прошлая жизнь, моя постоянная и безкорыстная приверженность религіи и свободѣ католической Ирландіи». Затѣмъ О'Боннелль говоритъ, что если Кларское графство пошлетъ его въ парламентъ, то онъ беретъ на себя обязательство вотировать за всѣ законы, благоприятные Ирландіи. «Избиратели Кларскаго графства,—такъ заканчиваетъ свое воззваніе О'Боннелль, выбирайте между мною и Фитцъ Жеральдомъ, между тѣмъ, кто такъ долго служилъ своимъ интересамъ, и

тѣмъ, кто думаетъ только о вашемъ благѣ; выбирайте между клеветникомъ католической религіи и тѣмъ, кто съ раннихъ лѣтъ посвятилъ свою жизнь вашему дѣлу, кто провелъ свои зрѣлые годы въ борьбѣ за вашу свободу, и который всегда жилъ, и готовъ умереть за честь, чистоту католической религіи и за дѣло свободы и счастья Ирландіи. Вашъ вѣрный слуга Даніэль О'Коннелль».

О'Коннелль пріѣхалъ въ Эннисъ (въ графствѣ Кларъ) въ два часа утра. Несмотря на раннее время, огромная толпа народа ждала его съ факелами въ рукахъ. Въ 11 часовъ О'Коннелль явился въ судъ, гдѣ должны были происходить формальности выборовъ и былъ выбранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Это была самая блестящая побѣда, какую ему только приходилось одерживать. При этомъ нельзя не упомянуть о великолѣпномъ поведеніи народа. О'Коннелль потребовалъ отъ своихъ сторонниковъ, чтобы они за все время выборовъ не входили въ трактиры и не отвѣчали на вызовы противниковъ. Приказаніе его было исполнено. Одинъ изъ приверженцевъ Фитцъ Жеральда оскорбилъ сторонника О'Коннелля, нѣкоего Sheehy. Sheehy былъ человекъ очень сильный и очень вспыльчивый. Можно было ждать драки. Но Sheehy далъ слово повиноваться предписаніямъ О'Коннелля и потому онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ своему оскорбителю съ сдержаннымъ бѣшествомъ: «Видите ли, у меня дома есть маленькій поросенокъ, ну такъ я продамъ его и заплачу вамъ его стоимость, если только вы повторите ваши слова послѣ выборовъ». Такимъ образомъ полиція и войскамъ, присланнымъ въ большомъ количествѣ на время выборовъ, нечего было дѣлать для водворенія общественного порядка.

Побѣда О'Коннелля произвела потрясающее впечатлѣніе въ правительственномъ лагерѣ. И въ самомъ дѣлѣ, это была ужасная эмансипація католиковъ, которая черезъ брешь Кларскаго графства входила по праву завоевателя въ британскую конституцію. Что же касается ирландскихъ католиковъ, то радость ихъ не имѣла границъ. Возвращеніе О'Коннелля въ Дублинъ было цѣлымъ рядомъ торжественныхъ овацій. Въ Эннисъ 60,000 человекъ приняло участіе въ кортежѣ «освободителя». На всемъ пути его сопровождали делегации и процессіи. Но О'Коннелль возвращался въ Дублинъ, а сама свобода католиковъ, независимость и будущность цѣлаго народа.

Англійское правительство начинало понимать, что съ его стороны было безразсудно держаться прежней политики. Самъ Пиль, непримиримый врагъ дѣла ирландскихъ католиковъ и О'Коннелля, нашелъ нужнымъ пойти на уступки, и представилъ въ нижнюю палату «Catholic Relief Bill». Онъ напомнилъ при этомъ, что въ теченіе долгихъ лѣтъ боролся за изгнаніе католиковъ изъ парламента и высшихъ государственныхъ должностей. По его мнѣнію это была борьба естественная и разумная. И если онъ теперь отказывался отъ нея, то только потому, что продолжать ее дальше было невыгодно. «Catholic Relief Bill», т.-е. эмансипація, на этотъ разъ былъ вотированъ обѣими палатами.

Три мѣсяца спустя О'Коннелль явился на засѣданія нижней палаты. Спикеръ потребовалъ, чтобы онъ произнесъ присягу въ ея старой формѣ. Напрасно О'Коннелль доказывалъ, что для него обязательна только новая присяга, утвержденная биллемъ эмансипаціи. Ему возражали, что такъ какъ онъ былъ выбранъ представителемъ Кларскаго графства до эмансипаціи, то онъ долженъ произнести старую присягу. Тогда О'Коннелль попросилъ, чтобы ему дали прочесть текстъ этой присяги. Желаніе его было исполнено. Среди воцарившагося гробового молчанія О'Коннелль внимательно прочелъ поданный ему листъ отъ начала до конца. Затѣмъ движеніемъ, полнымъ негодованія, онъ бросилъ его на столъ и сказалъ, что отказывается отъ присяги. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ палата оставалась въ какомъ-то оцѣнѣніи. Наконецъ, спикеръ, поднявшись съ мѣста, объявилъ, что такъ какъ О'Коннелль отказывается произнести требуемую присягу, то онъ исключается изъ членовъ парламента. Такимъ образомъ мѣсто представителя Кларскаго графства осталось вакантнымъ. Въ Дублинѣ О'Коннелля ждала парская встрѣча, а жители Кларскаго графства не замедлили выбрать его вторично своимъ представителемъ.

1829 годъ, кромѣ окончательнаго вступленія О'Коннелля въ парламентъ, ознаменовался для него еще однимъ торжествомъ. Мы говоримъ о знаменитомъ дѣлѣ, извѣстномъ въ Ирландіи подъ именемъ: «Донеральскаго заговора».

Одинъ полицейскій агентъ въ компаніи съ своими товарищами обвинилъ массу жителей Корка въ намѣреніи убить нѣсколькихъ важныхъ лицъ графства. Они увѣряли, что слышали, какъ нѣкто Лери и его друзья въ палатѣ на ярмаркѣ въ Раткларѣ составляли планъ заговора. Первая группа обвиняемыхъ была присуждена къ повѣшенію черезъ восемь дней. О'Коннелль въ это время отдыхалъ отъ своихъ многочисленныхъ занятій въ ирландіи Дарринанѣ, которое онъ получилъ въ наслѣдство отъ дяди Мориса. Въ Коркѣ носился слухъ, что О'Коннелль отказался вести защиту обвиняемыхъ, ссылаясь на необходимость въ отдыхѣ. Друзья обвиняемыхъ, пораженные страшнымъ приговоромъ, отправили въ Дарринанъ верхового съ обвинительнымъ актомъ и судебными подробностями, прося О'Коннелля немедленно пріѣхать. Верховой выѣхалъ въ субботу, а въ понедѣльникъ утромъ въ Коркѣ еще никто не зналъ о результатахъ его миссіи. А между тѣмъ процессъ шелъ своимъ чередомъ и судьи отклонили просьбу защитниковъ обвиняемыхъ объ отсрочкѣ дѣла. На судѣ фигурировала новая группа обвиняемыхъ. Друзья ихъ стояли на дорогѣ, по которой О'Коннелль долженъ былъ въѣхать въ городъ, и съ тоскою смотрѣли вдаль, не покажется ли желанный путникъ. Вдругъ громкій крикъ радости раздался на окраинѣ города, пронесся по улицамъ и достигъ зданія суда: «О'Коннелль! Вотъ, наконецъ, О'Коннелль! Слава Богу!» О'Рourke передаетъ, что прокуроръ, бывший личнымъ врагомъ О'Коннелля, переѣхалъ въ лицѣ, когда услышалъ этотъ крикъ. Было около десяти часовъ, когда О'Коннелль пріѣхалъ въ Коркъ. Едва успѣлъ онъ выйти изъ экипажа, какъ лошадь его пала мертвою. О'Коннелль ничего

еще не ѣлъ, но нельзя было терять времени. Весь покрытый пылью и умирая съ голода, онъ вошелъ въ залу суда. Извинившись передъ предсѣдателемъ за свой «не профессиональный» костюмъ, онъ попросилъ позволенія что-нибудь съѣсть. Ему тотчасъ же подали молока, хлѣба и немного холодной говядины и, пока онъ закусывалъ тутъ же въ судѣ, два молодыхъ адвоката дѣлали ему сообщенія о положеніи дѣлъ. Когда О'Коннелль приступилъ къ переспросу свидѣтелей, одинъ изъ нихъ окончательно спутался и, наконецъ, воскликнулъ: «Ахъ, Боже мой, я вовсе не рассчитывалъ встрѣтить васъ здѣсь, г. О'Коннелль!» Затѣмъ началась ораторская борьба между О'Коннеллемъ и прокуроромъ, окончившаяся полнымъ пораженіемъ послѣдняго. Вѣщательство великаго адвоката дало себя знать съ перваго же дня. Вторая и третья группы обвиняемыхъ были оправданы. Затѣмъ ему удалось доказать несостоятельность показанія, на основаніи котораго была обвинена первая группа. Въ концѣ концовъ судьи вынесли оправдательный приговоръ всѣмъ 150 обвиняемымъ.

Въ 1830 году Викентій Фитцъ Патрикъ, котораго историкъ того же имени называетъ «министромъ финансовъ ирландскаго короля безъ короны», устроилъ національный сборъ въ пользу О'Коннелля, такъ какъ О'Коннелль, чтобы окончательно посвятить себя политикѣ, отказался отъ своей адвокатской практики, приносившей ему огромный доходъ. Сборъ этотъ достигалъ иногда 400,000 фр. въ годъ. Тѣмъ не менѣе О'Коннелль не составилъ себѣ состоянія, ибо дѣло Ирландіи, которому онъ служилъ, требовало огромныхъ расходовъ, а, кромѣ того, онъ обыкновенно отдавалъ одной рукой то, что получалъ другой.

Въ личной жизни О'Коннелля постигло большое несчастье: онъ потерялъ свою жену, которую такъ сильно любилъ.

Добившись эмансипаціи, О'Коннелль поставилъ своей задачей добиться отиѣны уніи. Съ этой цѣлью онъ основалъ въ 1840 г. «Rappel Association». «Да,—воскликнулъ онъ на первомъ собраніи новой ассоціаціи,—мы собрались, чтобы принять мѣры, которыя останутся памятными въ исторіи нашей страны. Да, этотъ день 15-го апрѣля останется памятнымъ въ лѣтописяхъ Ирландіи, его будутъ вспоминать, какъ день, когда знамя отиѣны уніи было развернуто безстрашно, легально, конституціонно, и я буду держать его развернутымъ, пока не добьюсь успѣха или пока не закроется надо мной могила, на которой напишутъ: онъ умеръ сторонникомъ «отиѣны уніи».

«Уніонисты» закричали, что подъ предлогомъ автономіи О'Коннелль хочетъ сепараціи. О'Коннелль отвѣтилъ имъ: «Нѣтъ человѣка, который менѣе меня хотѣлъ бы сепараціи. Нѣтъ человѣка, болѣе меня убѣжденнаго, что унія между двумя странами при одномъ королѣ и отдѣльныхъ парламентахъ будетъ неопѣнимымъ благомъ для обѣихъ націй и для свободы цивилизованнаго міра».

Когда кабинетъ тори достигъ власти, О'Коннелль сдѣланъ былъ лордъ-мэромъ, первымъ ирландскимъ лордъ-мэромъ въ Дублинѣ, а черезъ нѣ-

сколько дней послѣ этого демонстрація въ 60,000 человекъ, во главѣ съ О'Коннеллемъ, праздновала въ Ватерфордѣ реставрацію старыхъ муниципальныхъ вольностей.

Въ 1843 году «Rappel Association» ознаменовала себя огромными митингами. На митингъ въ Mullaghmast собралось 500,000 человекъ, на митингъ въ Тага 750,000 человекъ. Англійское правительство испугалось и митингъ въ Clontarf, долженствовавшій послѣдовать за митингомъ въ Тага, былъ запрещенъ. О'Коннелль и его восемь «сообщниковъ» были обвинены въ «заговорѣ и другихъ преступленіяхъ» противъ безопасности королевства. Въ числѣ восьми сообщниковъ былъ и сынъ О'Коннелля, Джонъ. Процессъ тянулся восемь мѣсяцевъ. О'Коннелль защищалъ себя самъ. Его рѣчь въ судѣ произвела повсюду огромное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе нашлись люди, которые утверждали, что О'Коннелль проявилъ на этотъ разъ мало силъ и энергіи. По приговору «подтасованныхъ» присяжныхъ О'Коннелль былъ присужденъ къ одному году тюремнаго заключенія и къ 50,000 фр. штрафа. Кромѣ того, онъ долженъ былъ внести 250,000 фр., какъ залогъ своего благоразумія въ теченіе семи лѣтъ. Вѣсть объ этомъ приговорѣ произвела въ Ирландіи всеобщее отчаяніе, доказательствомъ котораго можетъ служить молитва, составленная ирландскими епископами на ихъ общемъ собраніи въ 1844 году. Молитва эта читалась во всѣхъ ирландскихъ церквахъ и часовняхъ и заключала въ себѣ прошеніе къ Богу, чтобъ онъ, всемогущій и вѣчный, царь царей, бросилъ взглядъ состраданія на несчастный народъ ирландскій и положилъ конецъ его страданіямъ, чтобъ онъ помогъ Даніэлю О'Коннеллю, заключенному въ тюрьму, переносить съ терпѣніемъ посланное ему испытаніе и чтобъ онъ возвратилъ Даніэлю О'Коннеллю свободу для того, чтобъ онъ могъ руководить ирландскимъ народомъ.

О'Коннелль и его друзья апеллировали, обращая вниманіе парламента на то обстоятельство, что составъ присяжныхъ былъ «подтасованъ». Лордъ Денманъ, бывшій на этотъ разъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, открыто заявилъ по этому поводу въ палатѣ лордовъ, что при такихъ условіяхъ институтъ присяжныхъ въ Ирландіи обращается «въ насмѣшку, измѣлу и фарсъ».

4-го сентября палата лордовъ отиѣнила приговоръ дублинскаго суда. Телеграфа тогда еще не было, «тѣмъ не менѣе 5 сентября Дублинъ уже зналъ радостную вѣсть отъ одного ирландца по имени Форда. Фордъ взялъ специальный поѣздъ въ Квинстоунъ, на локомотивѣ котораго крупными буквами было написано: «О'Коннелль свободенъ».

Въ Дублинѣ О'Коннелля встрѣтили восторженными оваціи. Его посадили на триумфальную колесницу, и онъ ѣхалъ такъ по улицамъ среди ликующаго народа.

Но пребываніе въ тюрьмѣ оставило на О'Коннеллѣ неизгладимые слѣды. Въ его годы нельзя было безнаказанно перейти отъ свободы къ заточенію, отъ движенія къ бездѣйствію, и великій трибунъ вышелъ изъ тюрьмы совсемъ инымъ человекомъ, чѣмъ вошелъ въ нее. Къ тому же, обстоятель-

ства сложились такъ, что все заразъ подавляло его: старость, которая, благодаря долгимъ годамъ нечеловѣческаго труда, давала себя чувствовать, политическій расколъ, произведенный *Молодой Ирландіей*, упрекавшей О'Коннелля въ недостатокъ энергіи и, наконецъ, страшный голодъ, опустошившій въ этомъ году Ирландію.

Въ мартѣ 1847 года О'Коннелль появился опять въ нижней палатѣ. Увы! Это не былъ прежній великій ораторъ, пламенное слово котораго возбуждало и друзей и враговъ. Это былъ старикъ, пришедшій въ послѣдній разъ молить Англію за свою несчастную страну. «Ирландія,—сказалъ онъ,— все еще въ вашихъ рукахъ и въ вашей власти. Если вы ее не спасете, она не можетъ спастись сама, и я прошу васъ вспомнить о предсказаніи, которое я дѣлаю въ полномъ убѣжденіи моей правоты: четверть населенія ея погибнетъ, если вы не придете къ ней на помощь».

Два дня спустя разошелся слухъ, что освободитель очень боленъ, а черезъ мѣсяцъ доктора послали его въ Гастингсъ. Тамъ онъ пробылъ двѣ недѣли, а затѣмъ черезъ Францію поѣхалъ въ Римъ. Луи Велльо такъ рассказываетъ о свиданіи католической делегаціи въ Парижѣ съ умирающимъ О'Коннеллемъ:

«Я имѣлъ счастье привѣтствовать О'Коннелля за нѣсколько дней до его смерти, когда онъ былъ въ Парижѣ проездомъ въ Римъ. Насъ было пятнадцать или двадцать, не болѣе. Всѣ мы были люди неизвѣстные, за исключеніемъ Монталамбера, бывшаго во главѣ нашей делегаціи. Въ этомъ большомъ Парижѣ мы составляли почти всю католическую партію. Если бы Монталамберъ захотѣлъ собрать людей съ именами, то онъ рисковалъ бы остаться одинъ. О'Коннелль, уже умирающій, выѣхалъ немного подышать воздухомъ. Мы ждали его возвращенія въ улицѣ Риволи около дверей скромнаго отеля, въ которомъ онъ остановился. Наступалъ вечеръ печальнаго, дождливаго дня, и мы съ горечью говорили о пораженіи, которое только что потерпѣла наша партія въ одной изъ палатъ. Мы были побиты, къ намъ отнеслись съ презрѣніемъ, таково было наше обычное положеніе. Наша малочисленность тоже удручала насъ. О'Коннелль, говорили мы, видитъ вокругъ себя народъ. Въ это время онъ вернулся. Мы замѣтили его въ каретѣ и подняли свои шляпы. Кое-кто изъ прохожихъ спросилъ, кто это. Это О'Коннелль. — А кто этотъ О'Коннелль? — Одинъ изъ насъ, докторъ Тессье, отвѣтилъ: «Никто, человѣкъ!»—и повернувшись къ мнѣ прибавилъ: «Увы! Бѣдная Ирландія, бѣдная свобода! Этотъ человѣкъ умеръ!» Мы вошли грустные. Несмотря на утомленіе, О'Коннелль захотѣлъ насъ принять. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, обернутый одѣялами, блѣдный, изнеможенный. Монталамберъ обратился къ нему съ рѣчью. Онъ отвѣтилъ нѣсколькими словами, которыя мы съ трудомъ разслышали: «Не слабѣйте... а я умираю... пріѣхать въ Римъ... не падайте духомъ»... Мы вышли подавленные. Намъ казалось, что все кончено, О'Коннелля не стало и долгая ночь вступала въ свои права. «Но нѣтъ,—сказалъ мнѣ Тессье,—пѣть. Это только сѣятель умираетъ, онъ посеялъ, жатва взойдетъ. Подождемъ трехъ дней».

Изъ Ларнша О'Коннелль направился въ Ліонъ, гдѣ ему было такъ плохо, что онъ не могъ принять многочисленныя делегаціи, добивавшіяся чести привѣтствовать освободителя Ирландіи. По дорогѣ изъ Ліона въ Италію онъ почувствовалъ себя лучше, но это былъ вспыхнувшій огонь лампы, которая должна была скоро потухнуть. Онъ скончался въ Генуѣ 15 мая 1847 года, съ спокойствіемъ ребенка, съ руками сложенными въ послѣдній разъ на молитву. Смерть этого великаго человѣка была трауромъ не только для Ирландіи, но и для всего католическаго міра.

Посреди большого кладбища въ Дублинѣ возвышается круглая башня, красивой формы, съ крестомъ на верху, поднимающимся къ небу и издали привлекающимъ вниманіе путниковъ. Подъ башней въ прекрасномъ склепѣ покоится прахъ «невѣнчаннаго короля Ирландіи». Вокругъ могилы посажено множество трилистника, который служитъ какъ бы воспоминаніемъ для посѣтителей, проходящихъ поклониться могилѣ освободителя.

С. В. Л—ва.

Тиволи, Перджина. Лишь за послѣдніа десять лѣтъ, благодаря росту демократіи, муниципализація приняла обширные размѣры.

Изъ болѣе или менѣе значительныхъ коммунъ Спеція занимаетъ первое мѣсто въ дѣлѣ муниципализаціи общественныхъ службъ. Она муниципализировала: снабженіе газомъ для освѣщенія и отопленія, электричествомъ и питьевой водой. Кромѣ того въ рукахъ города Спеціи находятся санитарная служба, бойня, баня и народныя купальни. Газовая служба была построена въ 1866 г. и обошлась въ 150,000 лиръ. Все возрастающій спросъ на газъ вызывалъ новые расходы на постройку, такъ что до середины 1899 г. было истрачено сверхъ упомянутыхъ 150,000 лиръ еще 450,000. Среднее годовое производство равняется 1,250,000 метроцентнерамъ, изъ которыхъ 640,000 продаются частнымъ лицамъ и государственнымъ учреждениямъ для освѣщенія, отопленія и въ качествѣ двигательной силы. Цѣна газа (1000 покупателей въ годъ) равняется 25 центезими за метроцентнеръ, когда газъ употребляется на освѣщеніе и 20 чен., когда онъ служитъ въ качествѣ двигательной силы. Муниципалитетъ платитъ государственный налогъ на газъ, не перекладывая его на потребителей. «Расходъ коммунальнаго управленія на газовую службу равняется приблизительно 190,000 лирамъ въ годъ, а приходъ съ излишкомъ покрываетъ эту сумму. Притомъ коммуна безъ всякаго обремененія освѣщаетъ городъ, отпускаетъ газъ даромъ школамъ, благотворительнымъ учреждениямъ, зависящимъ и независящимъ отъ нея *). Водопроводъ былъ построенъ городскимъ управленіемъ Спеціи въ 1887 году и обошелся всего-навсего въ 800,000 лиръ. Изъ 3,250 метроцентнеровъ воды, добываемой ежедневно, 340 продаются частнымъ лицамъ, 200—домамъ рабочихъ, 500 даются бесплатно администраціи Средиземныхъ желѣзныхъ дорогъ, остальное идетъ на общее пользованіе и на благотворительныя учрежденія. Вода продается частнымъ лицамъ и государственнымъ учреждениямъ обыкновенно за 40—60 лиръ въ годъ. Городское управленіе тратитъ теперь на водоснабженіе около 31,000 лиръ въ годъ, а получаетъ въ среднемъ 37,000 лиръ.

Городъ Падуя (до 100,000 жит.) нѣсколько уступаетъ городу Спеціи въ дѣлѣ муниципализаціи городскихъ службъ. Тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ честь эксплуатаціи рѣчки Баккильоне для производства электричества въ 300 лошадиныхъ силъ. Это обошлось городскому управленію въ 277,713 лиръ. Кромѣ того въ рукахъ коммуны находятся: водопроводъ и газовая служба. Въ 1913 году въ ея вѣдѣніе перейдутъ трамваи отъ акціонерной компаніи. Водопроводъ и газовая служба были построены частными компаніями и только недавно выкуплены коммуной. Въ этомъ дѣлѣ ей помогъ мѣстный кооперативный народный банкъ. Газъ продается по 20 чен. (метроцентнеръ) для освѣщенія и 18 чен. для индустріальныхъ цѣлей. Съ переходомъ газовой службы въ руки городского управленія, потребление его значительно увеличилось **).

*) „Relazione comunale di Spezia“, 29 marzo 1899.

**) См. „La Storia amministrativa del Comune. Padova, 1898.

Небольшой городокъ Комо изстратилъ въ 1895 г. на устройство газовой службы 400,000 лиръ. Съ вычетомъ всѣхъ расходовъ, между прочимъ, на погашеніе долга, коммуна получила въ 1897 г. съ газовой службы 45,450 лиръ чистой прибыли. За 1899 г. чистая прибыль равнялась уже 67,000 лиръ. Продажа газа годъ отъ году увеличивается (метрочентнеръ стоитъ 20 чен.), такъ что въ 1897 г. его было продано на 1.457,274 лиры. Въ іюлѣ 1900 г. Комо муниципализировалъ электрическую службу.

Миланъ съ почти полумилліоннымъ населеніемъ уступаетъ въ дѣлѣ муниципализаціи нѣкоторымъ другимъ городамъ Италіи. Онъ управлялся консервативною администраціей до середины 1898 г., а эта администрація мало вѣшпывалась въ дѣла акціонерныхъ компаній, въ рукахъ которыхъ находились городскія службы. Новой городской администраціи, состоящей изъ членовъ народныхъ партій, предстоитъ еще много работы.

Электрическіе трамваи въ Миланѣ полумуниципальные. Муниципалитетъ провела трамвайныя линіи на свой счетъ и можетъ въ случаѣ надобности провести еще новыя. Только управленіе ими передано частной компаніи, причемъ послѣдняя принуждена была опредѣлить максимумъ рабочихъ часовъ для служебнаго персонала и минимумъ вознагражденія. 60% прибыли съ трамваевъ получаетъ коммуна, а 40% достается компаніи. Такимъ образомъ коммуна получила съ трамваевъ за 1899 г. 1.100,000 лиръ чистой прибыли. Черезъ десять лѣтъ, когда истечетъ срокъ концессіи частной компаніи, эта сумма значительно увеличится. Трамвайный тарифъ не высокъ: за конецъ публика платитъ 10 центезим. Рабочіе же могутъ платить 5 чен. Всецѣло принадлежать миланскому муниципалитету водопроводъ и нѣсколько народныхъ бань и прачечныхъ*). Прибавимъ еще, что въ мартѣ 1900 г. миланское городское управленіе рѣшило отереть бѣло похоронныхъ процессій.

Слѣдуя примѣру Милана, туринское городское управленіе (17 социалистовъ изъ 40 муниципальных совѣтниковъ) заключило недавно съ одной акціонерной компаніей условіе, по которому оно будетъ получать 50% чистой прибыли съ электрическихъ трамваевъ. Срокъ концессіи истечетъ въ 1918 г. Затѣмъ въ вѣдѣніи муниципалитета города Турина находится купальня на рѣкѣ По. Купальня была построена въ 1893 г. и обошлась въ 20,000 лиръ. За лѣто 1899 г. число купавшихся равнялось 39,172, изъ которыхъ 5,221 женщины. Валовой доходъ за это время равнялся 11,302 лирамъ 10 чен. Цѣна за купанье въ общей и номерахъ колеблется между 15 и 50 центезимами**).

Городокъ Асти выкупилъ газовую службу у частной компаніи въ ноябрѣ 1898 г. Метрочентнеръ газа на частное освѣщеніе по 20 чен., а на общественное по 16 чен., причемъ государственный налогъ на газъ платится потребителями.

*) См. Come fu amministrato il commune? Milano 1900.

**) См. *Germinal* „La rinascenza comunale“, № 13, 15 luglio 1900.

Воспитаніе общественности.

I.

Въ былыя времена, когда вся мѣстная общественная жизнь была въ рукахъ помѣщиковъ и администраціи, и тѣмъ, и другимъ старались давать возможно лучшее, по тогдашнимъ понятіямъ, образованіе. Для этого устраивались самыя разнообразныя и спеціальныя, и общеобразовательныя учебныя заведенія, причемъ не скупились ни на какіе расходы.

Всѣ хорошо понимали, что для людей, направляющихъ всю мѣстную жизнь, необходима насколько возможно лучшая подготовка къ исполненію ихъ общественныхъ обязанностей. Теперь большая часть этихъ функцій перешла къ самому населенію: въ городское и земское самоуправленіе, въ судъ присяжныхъ, въ волостной судъ, волостной сходъ, волостное правленіе, въ сельскій сходъ и къ должностнымъ лицамъ, выбираемымъ изъ крестьянъ самими крестьянами, изъ горожанъ самими горожанами и т. д. И мы поступили бы совершенно согласно съ завѣщанными намъ нашею исторіею принципами, если бы стали усиленно заботиться о томъ, чтобы люди, на которыхъ возложены самыя важныя общественныя функціи, были возможно лучше подготовлены къ исполненію ихъ.

Что школа и теперь уже благотворно вліяетъ на улучшеніе общественныхъ отношеній, на развитіе альтруистическихъ побужденій,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Очень любопытны въ этомъ отношеніи отзывы учителей о бывшихъ ученикахъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ.

«По единодушнымъ заявленіямъ учителей,—говорится въ очеркѣ о состояніи начального народнаго образованія въ Полтавской губ. за 1897 г.,—грамотные въ общественныхъ дѣлахъ оказываются болѣе надежными, чѣмъ неграмотные, они осмысленнѣе защищаютъ общественные интересы; въ нихъ школы на сельскихъ сходахъ находятъ всегда жаркихъ защитниковъ». Учитель Софьянскаго училища, Хорольскаго уѣзда, сообщаетъ: «Между грамотными и неграмотными недавно выразилась большая разница: грамотные стояли за школу, а неграмотные за шинокъ». По словамъ учителя Дия-

тровскаго училища, Золотоношскаго уѣзда, «благодаря участію грамотныхъ, у нихъ устроилось братство. По единодушнымъ заявленіямъ учителей, грамотные постепенно получаютъ преобладающее значеніе на сходахъ, такъ какъ къ ихъ голосу начинаетъ прислушиваться другая часть населенія».

Въ подобномъ же очеркѣ по Курской губ. мы находимъ отзывы отдѣльныхъ учителей, еще болѣе подтверждающихъ только что цитированный выводъ. «У грамотныхъ проявляется больше солидарности въ отношеніяхъ другъ съ другомъ»,—заявляетъ одинъ; «бывшіе ученики школы обнаруживаютъ добропорядочность въ отношеніи ко всѣмъ членамъ общества», читаемъ въ отзывѣ другого; учитель школы, существующей 18 лѣтъ, заявляетъ, что вліяніе школы замѣтно отражается на улучшеніи общественнаго управленія; по словамъ учителя Анненковскаго училища, окончившіе народную школу обстоятельнѣе судятъ объ окружающихъ явленіяхъ и общественныхъ дѣлахъ.

Къ тѣмъ же выводамъ приводятъ насъ и отзывы бывшихъ учениковъ о вліяніи школы, и факты изъ жизни бывшихъ школьниковъ. «Грамотные люди,—пишетъ одинъ изъ окончившихъ курсъ,—считаются передовыми въ своемъ обществѣ и болѣе вліяютъ на мірскія дѣла, чѣмъ неграмотные». Намъ извѣстно, что въ дер. Присельѣ, Смоленской губ., когда тамъ закрылась школа и учительница переехала въ другую губернію, одинъ изъ бывшихъ учениковъ взялъ на себя заведываніе частной безплатной бібліотекою и исполнялъ свои обязанности толково, съ пониманіемъ значенія своего дѣла и при томъ совершенно безкорыстно. Намъ извѣстна другая школа, бывшіе ученики которой по собственной инициативѣ устроили общество трезвости, организовали народныя чтенія, открыли книжный складъ, народную бібліотеку и чайную, и проектируютъ учрежденіе ремесленной школы. Первымъ предсѣдателемъ этого общества трезвости былъ выбранъ тоже бывший ученикъ школы, а послѣ него учительница.

Въ одной провинціальной газетѣ мы прочли слѣдующую корреспонденцію, рельефно изображающую различныя отношенія къ общественнымъ вопросамъ со стороны грамотнаго и неграмотнаго населенія деревни.

«Въ Саратовской губерніи въ 1892 г. залегла саранча; весной слѣдующаго года были приняты мѣры для уничтоженія ячекъ саранчи. Для болѣе успѣшнаго веденія дѣла собраны были представители сельскихъ обществъ, ихъ познакомили по Линдеману съ образомъ жизни саранчи, и предложили собравшимся установить порядокъ работъ по истребленію ячекъ саранчи. На одномъ такомъ собраніи присутствовалъ и авторъ сообщенія, отрывокъ изъ котораго приводится ниже. Его поразила разница въ отношеніяхъ къ вопросу со стороны старшаго поколѣнія крестьянства, не бывшаго подъ воздѣйствіемъ школы, и младшаго, прошедшаго школу. Первые являлись принципиальными противниками какихъ-либо мѣръ противъ саранчи и даже проводили ту мысль, что противъ «Божьей кары» грѣхъ бороться; тогда какъ вторые внимательно выслушивали рекомендуемое для борьбы съ саранчей, указывали сами тѣ или иные средства и вообще сто-

или за необходимость борьбы. «Здѣсь,—говоритъ авторъ,—сказалась весьма наглядно разница воззрѣній въ представителяхъ крестьянства, сообразно ихъ возрасту: люди пожившіе вносили въ обсужденіе вопроса о борьбѣ съ саранчей извѣстные фантастическія соображенія; тогда какъ личности помоложе склонны были отнестись къ явленію съ болѣе спокойной, разсудочной точки зрѣнія. Выйдя изъ помѣщенія, гдѣ состоялось собраніе, я невольно обратилъ вниманіе на оживленную группу крестьянъ, въ средѣ коихъ еще продолжалось обсужденіе вопроса, причемъ, къ удивленію своему, услышалъ, что принципиальный противникъ борьбы съ саранчей ухитрился эксплуатировать въ доказательство своихъ положеній и услышанное имъ на собраніи сообщеніе о личинкахъ милабриковъ. «Видишь,—горячо говорилъ онъ, обращаясь къ молодому мужику, — послалъ Господь саранчу, чтобъ образумить насъ, заблудшихъ, послалъ и червя, который можетъ насъ избавить; намъ ли грѣшнымъ вступаться въ его премудрыя дѣла?» — «Такъ-то оно такъ,—спокойно возражалъ ему молодой,— но вѣдь Господь возложилъ на человѣка и обязанность владѣть землею и всѣми ея произведеніями, и какъ бы намъ чего не было, если мы будемъ нерадиво выполнять повелѣнія Божія». Старшій собесѣдникъ, видимо, не ожидалъ такого возраженія и, отходя, укоризненно провозгласилъ: «Развѣ съ вами, нынѣшней молодежью, сговоришь!» — «А сговорить, какъ видитъ читатель, съ нынѣшней крестьянской молодежью представляется уже много возможностей»,—прибавляетъ авторъ.

Большое число фактовъ, иллюстрирующихъ вліяніе школы на развитіе общественныхъ чувствъ, собрано относительно вечернихъ классовъ и воскресныхъ школъ.

«Благодаря Давиду Гурвейсу (герой разсказа «Жидъ» — Мачтета), — пишетъ одинъ ученикъ воскресной школы, — и этой книгѣ, многіе теперь будутъ смотрѣть на жидовъ, цыганъ, татаръ и проч. по-человѣчески. Онъ показалъ своимъ примѣромъ, что и жида не безчеловѣчны, что и въ нихъ есть доброе, хорошее. Благодаря ему евреи не будутъ въ презрѣніи». По поводу книги «Горячее сердце», онъ пишетъ: «Теперь не охота будетъ мнѣ камнемъ бросить въ такихъ несчастныхъ женщинъ, не разобравши дѣла; невольно приходится пожалѣть ихъ *). Можно бы привести массу фактовъ, какъ хорошая школа и книга пробуждаетъ жажду подвига, стремленія жить и работать на пользу другихъ. «Я бы очень желалъ, — пишетъ одинъ ученикъ, — подѣлиться участіемъ съ такими людьми; я слышалъ, что хорошо умирать за правду и какъ бы я желалъ этого». — «Если бы мнѣ пришлось постоять хоть не за вѣру, а за отечество (читаемъ мы въ замѣткахъ по поводу книги «Два міра»), то я былъ бы очень радъ. Вотъ главная цѣль моей жизни. А то живешь, живешь, никакой пользы нѣтъ». — «Хорошо бы хоть въ маломъ, да послужить міру, — читаемъ въ другомъ мѣстѣ, — да что? Отъ насъ этого не требуютъ». По поводу другой

*) *Русская Школа*, хроника воскресныхъ школъ.

книги одинъ ученикъ пишетъ: «Хотѣлъ бы я погибнуть для людей или за людей, послужить орудіемъ хоть небольшого освобожденія». Школьникъ 14-ти лѣтъ пишетъ: «Вспомнилась мнѣ книга про великихъ людей и думается, они жили не для своей пользы, а для блага людей; и хочется мнѣ быть такому, вѣдь, все возможно человѣку; отъ этой думы у меня сжимается сердце, эта дума не выходитъ изъ головы». По поводу стихотворенія «Школьникъ» — Некрасова, читаемъ: «Трудно достается человѣку знаніе. Вездѣ препятствіе къ ученію. Иные бьются, какъ рыба объ ледъ, но толку мало выходитъ. Но, можетъ быть, кто и посмотритъ съ сожалѣніемъ на такого человѣка. Еще добро не заглохло на землѣ, найдутся сострадательные люди, которые отнесутся съ сочувствіемъ къ человѣку, жаждущему знаній. И вотъ съ помощію добрыхъ людей научится онъ, какъ надо помогать людямъ и будетъ онъ жалѣть другихъ, если вложить ему въ сердце сѣмя добра». Послужить міру, постоять за родину, погибнуть за людей, послужить орудіемъ «хоть небольшого освобожденія», жить не для своей пользы, а для блага людей, помогать людямъ, жалѣть другихъ — вотъ мотивы, преобладающіе въ замѣткахъ и дневникахъ наиболѣе развитыхъ школьниковъ. Этихъ мотивовъ они ищутъ и въ книгахъ, и на урокахъ учителей. На ту же тему они мечтаютъ въ одиночествѣ. Одинъ взрослый ученикъ такъ изображаетъ свою завѣтную мечту: «Вотъ я забылся и мнѣ представляется: сижу я на улицѣ въ большой деревнѣ, не очень или совсѣмъ незнающей про образованіе, собирается ко мнѣ нѣсколько крестьянскихъ ребятшекъ, я съ ними начинаю разговаривать. Они меня охотно слушаютъ и мнѣ западаетъ въ голову мысль поучить ихъ чему-нибудь. И вотъ говорю: ребята, будемъ здѣсь въ деревнѣ учиться! Я васъ учить буду, чему знаю. Они всѣ какъ крикнутъ за разъ: «будемъ, будемъ!» Да такъ и радуются. Я еще больше радъ и началъ рассказывать, что будемъ учить. Много мы говорили и, наконецъ, въ поздній часъ разошлись. Послѣ этого уговора часто мы собирались, совѣтовались и, наконецъ, осенью помѣстились въ одной избѣ, и я началъ учить. Проходитъ недѣля, мѣсяцъ и болѣе: учатся охотно; я радуюсь, что мнѣ приходится подѣлиться своими знаніями, а тѣмъ временемъ самъ учусь все больше и больше. Вотъ пришла весна и мы завели небольшой образцовый огородъ... Но вдругъ вошелъ человекъ и воображеніе рушилось». Намъ скажутъ, что это только мечты, только слова; но мечты очень часто осуществляются на дѣлѣ; слова выражаютъ идеи, а въ идеяхъ, — говоритъ современная психологія, — заключено стремленіе превратиться въ дѣйствительность; слово нерѣдко становится фактомъ, а мечтапія фактомъ. Вотъ, на примѣръ, бывшій ученикъ классовъ на фабрикѣ Губнера устраиваетъ въ своей деревнѣ школу грамотности, деревенскую бібліотеку, народныя чтенія, складъ хозяйственныхъ орудій и улучшенныхъ сѣмянъ и общественное опытное поле *). Одна изъ ученицъ Т. воскресной школы, дѣвушка 20 лѣтъ, сама открываетъ у себя на дому

*) В. Вагтерова: „Вѣтшкольное образованіе народа“.

воскресную школу, и это, несмотря на самыя тяжелыя условія ея существованія. А вотъ другая бывшая ученица М. устраниваетъ у себя на дому безплатную дѣтскую школу. Безхитростно и эпически спокойно рассказываетъ она, какъ образовалась ея школа: «Въ улицѣ, гдѣ я жила, я знала многихъ дѣвочекъ сосѣдскихъ, которыя были со мною друзья. Я спрашивала ихъ, какъ онѣ играютъ, что дѣлаютъ, умѣютъ ли читать? Нѣкоторыя дѣвочки не умѣли. Я спросила ихъ, хотятъ ли онѣ учиться? Всѣ сказали, что очень хотятъ. Не долго думая, я тутъ же сказала дѣтямъ: если кто хочетъ учиться, можетъ приходить ко мнѣ въ воскресенье. Дѣвочки обрадовались и обѣщались ходить учиться». Такъ началась эта оригинальная школа, помещающаяся въ сараѣ (школа функционировала въ лѣтнее время), гдѣ вмѣсто партъ служили то обрубокъ бревна, то опрокинутый боченокъ.

И много такихъ учениковъ и ученицъ вышло изъ нашихъ школъ, и много тепла и свѣта вносятъ они своею безкорыстною дѣятельностью въ темную народную среду.

Уже то одно, что десятки дѣтей ежедневно проводятъ вмѣстѣ нѣсколько часовъ подъ рядъ, смотрятъ другъ на друга, слушаютъ, говорятъ, вмѣстѣ работаютъ, создаетъ привычку къ общественности. Привычка во всѣхъ случаяхъ человѣческой дѣятельности—великое дѣло.

Всякій изъ насъ знаетъ тысячъ примѣровъ огромнаго значенія привычекъ.

Общественныя инстинкты у людей тоже наследственны; но это не значить, что нечего заботиться объ ихъ развитіи. Совершенно напротивъ. Но это не все. Несомнѣнно, что одной привычки жить общею жизнью съ другими людьми, заражаться ихъ настроеніемъ, радоваться и горевать вмѣстѣ съ ними—мало, надо дать еще опредѣленное содержаніе общественной работѣ, надо знать, какая именно общественная дѣятельность является наиболѣе цѣлесообразной, наиболѣе выполнимой и лучше содѣйствующей общественному благосостоянію, и надо внушить любовь именно къ этой, а не другой формѣ общественной работы. Вѣдь тѣми крестьянами, которые сжигали вѣдму или принимали нѣмца за холеру и утопили его въ рѣкѣ, тоже руководили общественныя инстинкты. Конечно, въ этомъ отношеніи будетъ важнѣе вліяніе хорошей воскресной школы и бібліотеки; но и въ начальной школѣ можно сдѣлать многое въ этомъ направленіи. Намъ уже приходилось говорить о воспитательномъ значеніи чтенія. Учитель будетъ читать и рассказывать ученикамъ о понятныхъ имъ примѣрахъ общественной дѣятельности изъ жизни нашихъ самоучекъ, изъ исторіи, изъ беллетристическихъ произведеній, изъ собственныхъ воспоминаній. Даже ребенокъ, только что поступившій въ школу, слушая эти рассказы, увидитъ, какъ горятъ восторгомъ глаза его товарищей, когда идетъ рѣчь о подвигахъ общественнаго служенія, услышитъ слово похвалы и восхищенія отъ самого учителя, и онъ невольно признаетъ изображаемую дѣятельность чѣмъ-то безусловно хорошимъ, хотя бы онъ даже еще не вполне понималъ ея значеніе. И онъ уже любить эту дѣятельность, восхищается ею. Позже, когда онъ лучше пойметъ ея значеніе, его восторгъ передъ общественною работою станетъ еще больше.

И онъ захочетъ самъ, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, походить на этихъ дѣателей. Пусть, пока онъ еще не созрѣлъ, это будутъ только мечты и планы; но тѣмъ чаще онъ будетъ возвращаться къ этимъ мечтамъ, тѣмъ болѣе вѣроятности, что хоть небольшую часть изъ нихъ онъ попытается осуществить, когда станетъ взрослымъ. Біографіи извѣстныхъ общественныхъ дѣателей полны примѣрами, какъ дѣтскія великодушныя мечты дали направление всей послѣдующей жизни взрослого человѣка. Ребенокъ вырастетъ съ этими мечтами и планами и, если онъ богатъ инициативою, онъ самъ захочетъ осуществить эти планы въ жизни; если онъ не довольно активенъ, онъ прикинеть къ другимъ, которые начнутъ его любимое дѣло, и въ худшемъ случаѣ онъ окажетъ имъ поддержку своимъ содѣйствіемъ, своимъ одобреніемъ, а вѣдь это тоже важно въ общественныхъ дѣлахъ. Такая поддержка вліяетъ на перемѣны въ общественномъ мнѣніи, огромнаго значенія котораго нельзя отрицать. Сквозникъ-Дмухановскій обкрадывалъ казну и бралъ взятки, не испытывая никакого стыда, потому что всѣ чиновники такъ дѣлали, потому что общественное мнѣніе относилось къ такимъ дѣламъ снисходительно, а протестовали противъ этого одни «проклятые шелкоперы», но тотъ же Сквозникъ-Дмухановскій не взялъ бы на себя работы Толстовскаго Акима, хотя бы и сознавалъ, что въ нравственномъ отношеніи это дѣло неизмѣримо выше казнокрадства и взяточничества. Но таково ужъ общественное мнѣніе, презирающее трудъ Акима, и противъ него не пойдетъ даже горюхачъ. Подъ вліяніемъ общественного мнѣнія, дикарь переноситъ большія мученія, накалывая на своей кожѣ разные узоры и изображенія. У новозеландцевъ такія насѣчки дѣлаются щедрою рукою, раны остаются открытыми въ теченіе нѣсколькихъ дней: имъ не даютъ заживать, чтобы въ эти зіяющія раны втирать потомъ краску. Извѣстенъ случай, что нѣкоторые не переносятъ этой операціи и умираютъ. Но такова уже сила общественного мнѣнія. Ей повинуются и дикари. Хорошо направленная, эта сила можетъ стать огромнымъ благомъ для народа, направленная дурно она становится великимъ зломъ. И внести свою долю вліянія на общественное мнѣніе школа можетъ, и она, какъ мы видѣли выше, уже и теперь дѣлаетъ это, хотя ея роль въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно затруднена внѣшними условіями.

Когда перечитываешь всѣ эти изданныя различными учрежденіями планы преподаванія въ народныхъ школахъ, объяснительныя къ нимъ записки, программы экзаменовъ, циркуляры и даже методическія и педагогическія руководства для учителей, то удивляешься, до какихъ тонкостей разработано, напримѣръ, преподаваніе каллиграфіи и грамматики. Въ интересахъ развитія хорошаго почерка въ строжайшей постепенности предписываются сущайшія упражненія сначала въ черченіи всевозможныхъ линій. Тутъ и горизонтальныя слѣва направо и справа нѣтъ, и прямыя и овальныя, съ нажимомъ и безъ нажима. Рекомендуются черченіе на всѣ манеры—и такъ, чтобы одна линія ложилась на другую, и такъ, чтобы онѣ шли парал-

тельно и рядомъ. Дѣтей упражняютъ въ черченіи безсмысленныхъ фигуръ напоминающихъ то четырехугольники обыкновенные, то четырехугольники разогнутые, то какія-то странныя закругленія, широкія, какъ море, съ тѣлымъ рядомъ не менѣе удивительныхъ фигуръ внутри нихъ и т. д. И всѣ эти фокусы-покусы предписывается продѣлывать съ дѣтьми еще тогда, когда они не знаютъ, что такое буква и не въ состояніи понять, какой смыслъ имѣютъ всѣ эти фигуры и для чего необходима эта механическая мушкетровка, которая ничего не скажетъ ихъ сознанию. Но въ этихъ планахъ программъ, запискахъ и разъясненій вы ничего не найдете о томъ какъ развить въ дѣтяхъ заложенные въ нихъ самую природою общественныя инстинкты, какъ научить ихъ солидарности, внимательному отношенію къ нуждамъ другого.

Бъ счастью, практика школьной жизни далеко опередила въ этомъ отношеніи и нашихъ современныхъ педагоговъ-теоретиковъ и еще болѣе официальныхъ руководствъ. Творецъ современной народной школы, Песталоцци, далъ намъ высокій образецъ того, какъ слѣдуетъ развивать въ дѣтяхъ общественныя чувства, дѣятельную, а не созерцательную только любовь къ нуждающимся въ нашей помощи, вниманіе и сочувствіе къ горю другого человѣка. Песталоцци работалъ въ пріютѣ въ Станцѣ въ то время когда во всей странѣ то и дѣло происходили стычки между французами и австрійцами. Послѣ одной такой битвы при селеніи Альтдорфъ французъ заподозрилъ мѣстныхъ жителей въ тайныхъ сношеніяхъ съ австрійцами и въ наказаніе сожгли селеніе. Песталоцци, конечно, не могъ отнестись равнодушно къ положенію пострадавшихъ, оставшихся безъ крова, и особенно къ положенію несчастныхъ дѣтей; но что могъ сдѣлать онъ, самъ бѣдный человѣкъ, когда у него не хватало средствъ и на содержаніе пріюта, гдѣ онъ служилъ? И однако же любящее сердце подсказало гениальному педагогу средство, удивительное и по своей простотѣ, и по его крупному воспитательному значенію. Песталоцци обратился за помощью къ воспитанникамъ пріюта. Онъ собралъ ихъ и сказалъ: «Альтдорфъ сгорѣлъ; можетъ быть, въ эту минуту бродить по пожарищу до ста дѣтей безъ крова, безъ пищи. Желаете ли вы попросить наше начальство, чтобы оно дало пріютишь въ нашемъ домѣ?» Всѣ дѣти въ одинъ голосъ отвѣчали: «Желаемъ, желаемъ!»—«Но у насъ мало средствъ,—продолжалъ великій педагогъ,—вы принуждены будете больше работать для этихъ бѣдняковъ, меньше получать пищи и должны будете подѣлиться съ ними даже своимъ платьемъ, желаете ли вы все-таки помочь имъ въ ихъ несчастіи?» И дѣти единодушно отвѣчали: «Пусть всѣ они придутъ сюда! Мы согласны и больше работать и меньше ѣсть». И когда затѣмъ прибыли въ пріютъ дѣти погорѣльцевъ воспитанники пріюта приняли ихъ, какъ своихъ братьевъ, подѣлились съ ними своими постелями, своимъ платьемъ и заботились о нихъ съ нѣжностью хорошихъ нянекъ.

Когда дѣти искренно и шумно выражали Песталоцци свою признательность за все, что онъ дѣлаетъ для нихъ, ихъ знаменитый воспитатель

ворилъ имъ, что для него лучшимъ выраженіемъ ихъ благодарности будетъ, если они сами, когда вырастутъ, посвящать себя бѣднымъ, покинутымъ дѣтямъ, станутъ жить среди нихъ, учить ихъ и воспитывать. «Великодушный мечтатель», какъ его называли многіе современники, думалъ, что если онъ самъ могъ посвятить всѣ свои думы и заботы воспитанію несчастныхъ и бѣдныхъ дѣтей, то на это хватитъ силъ и у его учениковъ. Было ли это ошибкой? Мы думаемъ, что Песталоцци въ извѣстной степени былъ правъ и, если не всѣ изъ его учениковъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ должны были своею жизнью оправдать его ожиданія. Если бы это было не такъ, Песталоцци не могъ бы создать такого широкаго движенія въ пользу всеобщаго, всенароднаго обученія, въ пользу призрѣнія покиннутыхъ и бѣдныхъ дѣтей.

Въ одномъ изъ разсказовъ г. Засодимскаго выведенъ учитель, который вмѣстѣ съ дѣтьми принимаетъ мѣры противъ распространенія чумы рога-таго скота. Когда взрослые крестьяне не захотѣли внять доводамъ о необходимости зарыть трупы павшихъ животныхъ, онъ обращается къ дѣтямъ и вмѣстѣ съ ними продѣлываетъ эту работу. Мы лично знаемъ случай, когда учитель вмѣстѣ съ учениками своей деревенской школы сдѣлалъ нѣчто подобное. Колодезь, изъ котораго брали воду жители деревни, былъ вырытъ на низинѣ, куда весной и осенью стекали нечистоты съ крестьянскихъ дворовъ. И вотъ школьники, по слову учителя и вмѣстѣ съ нимъ, впро-чемъ, съ согласія схода, дѣлаютъ насыпь около колодца, проводятъ ка-лавки для стока нечистотъ и улучшаютъ воду для питья.

Достоевскій, посѣтившій колонію малолѣтнихъ преступниковъ подъ Пе-тербургомъ, вотъ что между прочимъ разсказываетъ о порядкахъ колоніи: «Тамъ дѣти привлекаются къ участию въ общей работѣ по уборкѣ своихъ помѣщеній, причемъ и самъ воспитатель работаетъ съ ними заодно. Тамъ въ каждой семьѣ, находящейся подъ наблюденіемъ воспитателя, царятъ простыя дружныя отношенія, причемъ воспитатель—не начальникъ, а только какъ бы старшій товарищъ. Тамъ существовалъ «самосудъ» воспитанни-ковъ. Всякій провинившійся поступалъ на судъ всей семьи, къ которой принадлежитъ, и мальчики или оправдываютъ его, или присуждаютъ къ на-казанію, причемъ единственнымъ наказаніемъ служило отлученіе отъ игръ».

Аналогичныя воспитательныя мѣры употребляетъ учитель Хорольскаго уѣзда, Полтавской губ., г. Симоновскій. Вотъ что сообщалъ онъ мнѣ въ запискахъ о своей школѣ:

«Нитя въ виду повысить нравственный уровень своихъ учениковъ и подготовить въ нихъ будущихъ деревенскихъ общественныхъ дѣателей, сознательно относящихся къ своей общественной жизни, я задумалъ учре-дить «школьное товарищество». Преобладающее число изъ моихъ учениковъ составляютъ мальчики отъ 13 до 15 лѣтъ, хорошо знакомые съ деревен-скою жизнью, съ ея темными сторонами. Всѣмъ имъ очень понравилась идея «товарищества», и всѣ они сами дали слово помогать своимъ мень-шимъ товарищамъ во всѣхъ ихъ нуждахъ, ласково обходиться съ маленъ-

кими дѣтьми, вести себя хорошо дома и на улицѣ, быть вѣжливыми съ прохожими и проезжими, предостерегать другъ друга отъ дурныхъ дѣлъ».

Далѣе г. Симоновскій рассказываетъ, какъ дѣти, не желая огорчать учителя, избѣгали сообщать ему о шалостяхъ своихъ товарищей, а исправляли ихъ сами путемъ товарищескихъ увѣщаній. Однажды двое изъ дѣтей сдѣлали некрасивую шутку съ мѣстнымъ сидѣльцемъ. Тогда одинъ изъ учениковъ, выбранный дѣтьми старостою, сказалъ въ присутствіи всего класса виновнымъ: «Нехорошо вы, хлопцы, сдѣлали. Теперь уже всякому школьнику нельзя будетъ пройти по селу. Будутъ на него пальцами указывать. И намъ чрезъ васъ нехорошо, и учителю». Виноватые все время рыдали. «Что же съ ними дѣлать?»—спросилъ выборный. «Пусть они пойдутъ съ кѣмъ-нибудь изъ насъ къ сидѣльцу и попросятъ у него прощенья», былъ общій отвѣтъ. Дѣти извинились. «Вѣсть о поступкѣ учениковъ и о школьномъ судѣ надъ ними въ тотъ же день облетѣла всю деревню, — продолжаетъ г. Симоновскій. — Поздно вечеромъ ко мнѣ явились сидѣлецъ съ нѣсколькими крестьянами. Всѣ они были очень растроганы и со слезами на глазахъ говорили: спасибо вамъ, что вы нашихъ дѣтей уму-разуму наставляете. Если бы и насъ такъ учили, легче бы намъ жилось теперь. Спасибо вамъ, дай вамъ Богъ здоровья».

Почему не пойти далѣе? Почему бы не попробовать устроить всю школьную дисциплину и порядокъ на началахъ существующаго сельскаго самоуправленія? Почему бы не предоставить ученикамъ права выбирать своего школьнаго старосту и судей, разумѣется, безъ права оставлять безъ обѣда, ставить на колѣна и проч.? Подобные опыты были въ Америкѣ. Начальникъ одной школы, гдѣ обнаружена была особая распущенность дѣтей, передалъ самими ученикамъ всѣ обязанности по поддержанію классной дисциплины. Всѣ ученики изображали изъ себя избирателей. Рассказываютъ, что результаты получились удивительные: безпорядки прекратились и школа стала вполне благоустроеннымъ заведеніемъ. Въ другой школѣ въ основу самоуправленія положены были начала городского управленія. Дѣти были гражданами; они избирали мэра, полицію и другихъ должностныхъ лицъ.

Противъ подобныхъ мѣръ дѣлались разныя возраженія. Говорили, что онѣ отзываются чѣмъ-то книжнымъ, что есть много гордыхъ дѣтей, которыя будутъ оскорблены этою «вѣчевою властью» такихъ же какъ они сами; что среда, которая рѣшаетъ дѣло, почти всегда середина, и ея приговоръ уязвить самолюбіе много, болѣе другихъ умнаго и талантливаго изъ учащихся. Но это пренебреженіе къ «вѣчевой власти» середины едва ли выдерживаетъ критику вообще. Наша литература, нашъ театръ, наше искусство не сдѣлались хуже оттого, что стали служить интересамъ широкихъ слоевъ срединной публики, а не отдѣльнымъ меценатамъ, какъ было въ прежнія времена; уровень талантовъ нисколько не понизился оттого, что писатели, артисты и художники принуждены теперь сообразоваться со вкусами и требованіями массы, а не маленькой горстки высокопоставлен-

ныхъ покровителей литературы и искусства. Но если бы даже противники «вѣчевой власти» и были правы, если бы судъ середины, дѣйствительно, грѣшилъ увлеченіями, у школы всегда найдется коррективъ,—это учитель, отъ котораго во многомъ будетъ зависѣть, какъ направить судъ школьниковъ. Онъ всегда можетъ придти на помощь своему классу въ случаѣ, если замѣтитъ какія-либо нежелательныя уклоненія. У пишущаго эти строки есть личный опытъ относительно привлеченія самихъ учащихся къ исполненію функций общественнаго характера въ начальныхъ школахъ. Въ 90-мъ году мнѣ пришлось принять на себя надзоръ за учебною частью начальныхъ училищъ въ г. Москвѣ, и меня съ перваго же осмотра школъ поразило невнимательное отношеніе нѣкоторыхъ учащихся къ вѣкъклассному чтенію дѣтей въ одѣхъ школахъ и даже полное отсутствіе ученическихъ библиотекъ въ другихъ. Напримѣръ, одно изъ старѣйшихъ казенныхъ училищъ, существующее 110 лѣтъ,—школа съ расширенною программю, рассчитанною на шестилѣтній курсъ, съ правами второго разряда, по воинской повинности,—не имѣло ни одной книги въ ученической библиотекѣ, а завѣдующее школою лицо прямо-таки считало и вреднымъ, и излишнимъ подобное новшество. Пришлось позаботиться и о томъ, чтобы преподаватели обращали побольше вниманія на вѣкъклассное чтеніе учениковъ, но прежде всего о томъ, чтобы при всѣхъ начальныхъ школахъ были основаны ученическія библиотеки.

Сравнительно легко было завести библиотеки въ общественныхъ и казенныхъ училищахъ; но частныя школы, содержащія на плату за ученіе, съ содержателями, не расположенными тратить деньги на школу, долго ставили неразрѣшимую, казалось, задачу: какъ устроить въ нихъ библиотечки? Эта задача разрѣшена была слѣдующимъ образомъ. Когда не помогло обращеніе къ содержателямъ, я обратился къ ученикамъ. Обходя школы, я предлагалъ самимъ дѣтямъ выбрать изъ своей среды библиотечкаря, вмѣстѣ съ послѣднимъ я начиналъ подписку на библиотеку, къ ней добровольно примыкалъ содержатель и большинство учениковъ. Когда собиралась какая-нибудь сумма,—а она была иногда довольно значительной (въ одной школѣ было собрано 70 рублей),—избранный библиотечкарь-ученикъ вмѣстѣ съ учителемъ шелъ въ книжную лавку и покупалъ книги. Онъ же хранилъ книги, велъ каталогъ, выдавалъ книги на домъ выбравшимъ его товарищамъ, записывалъ каждую выдачу и каждое возвращеніе. Онъ обыкновенно дѣлалъ все это съ увлеченіемъ, съ жаромъ, съ большою аккуратностью, чувствуя надъ собою двойной контроль — и со стороны товарищей, и со стороны учителя. Это было для него общественнымъ дѣломъ, его званіе библиотечкаря—общественной, отвѣтственной должностью. Воспитательное значеніе этой игры очень велико. Школа готовитъ людей для жизни. Настанетъ время, когда теперешніе ученики станутъ общественными дѣателями, будутъ на сельскомъ и волостномъ сходахъ выбирать должностныхъ лицъ, рѣшать вопросы о налогахъ, дорогахъ, продовольствіи и призывѣ, о школахъ, о библиотекахъ, о народныхъ чтеніяхъ, въ земствѣ будутъ разсуждать о са-

нительномъ и школьномъ дѣлѣ, будутъ судить то въ качествѣ волостного судьи, то въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Мы справедливо жалуемся, что наши общественные дѣятели не всегда стоятъ на высотѣ своего положенія, что наши общественныя учрежденія могли бы функционировать лучше; но что мы дѣлаемъ для того, чтобы приготовить идущее намъ на смѣну поколѣніе къ его общественной дѣятельности? Ничего или почти ничего. Мнѣ кажется, что на учениковъ въ интересахъ воспитанія необходимо возлагать извѣстныя обязанности съ общественнымъ, а не личнымъ значеніемъ, съ самаго ранняго возраста приучать ихъ къ заботамъ, хлопотамъ, трудамъ не для себя самихъ только, но и для другихъ. До сихъ поръ школа очень рѣдко брала на себя эту роль; но мы вѣримъ, что настанетъ время, когда это будетъ считаться самой главной задачей школы, когда воспитаніе общественныхъ чувствъ и привычекъ къ общественной дѣятельности станетъ во главу угла всѣхъ школьных порядковъ. И въ этомъ смыслѣ нельзя не признать хорошимъ воспитательнымъ средствомъ исполненіе учениками обязанностей по веденію библіотеки.

Если бы такихъ записей собрано было много, то это было бы драгоценнымъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса о томъ, что читаетъ народъ и чего онъ ищетъ въ книгѣ для чтенія. За разработку такого цѣннаго матеріала были бы рады взяться нѣкоторые изъ дѣятелей нашихъ просвѣтительныхъ обществъ, нѣкоторые изъ публицистовъ. Тогда вопросъ о вкусахъ читателя изъ народа можно было бы поставить на твердую почву. И ученики-библіотекари оказали бы услуги не только школѣ, не только своимъ деревенскимъ читателямъ, но еще содѣйствовали бы, сами того не подозревая, рѣшенію вопросовъ, которые давно уже волнуютъ русское общество. Пользуясь помощью учениковъ-библіотекарей, можно безъ всякихъ затрудненій для учителя организовать выдачу книгъ и утромъ до начала уроковъ, и въ перемѣну между уроками, и по окончаніи уроковъ; и по праздникамъ, и по буднямъ, и зимою, и лѣтомъ. Только двухъ функцій нельзя будетъ поручить библіотекарю изъ учениковъ: онъ не можетъ рекомендовать книги и не въ силахъ произвести провѣрку прочитаннаго. Обѣ эти функціи учителю надо взять на себя. Въ американскихъ школахъ изъ учениковъ составляются кружки для чтенія. Въ такомъ кружкѣ всегда есть выборныя лица, которыя заведуютъ выдачею книгъ. Говорятъ, что дѣти относятся къ книгамъ съ особенною внимательностью и аккуратностью. И мало ли такихъ функцій общественнаго характера можно найти для учениковъ начальной школы. Мы имѣли случай наблюдать, съ какимъ увлеченіемъ дѣти одной начальной школы собирали предметы для школьных коллекцій по естественной исторіи.

Народная школа мало-по-малу дѣлается центромъ, куда тяготеютъ всѣ учрежденія народообразовательнаго характера. При школѣ можетъ существовать книжный складъ и нѣкоторые изъ его операций смѣло могутъ быть возложены на учениковъ. Я хорошо помню, какъ учитель Б. училища въ Смоленской губ. съ огромнымъ успѣхомъ пользовался добровольцами

изъ учениковъ, чтобы торговать книжками школьнаго склада на б—скомъ сельскомъ базарѣ. При школѣ устраиваются народныя чтенія. Почему бы ученикамъ не взять на себя и здѣсь нѣкоторыя изъ доступныхъ имъ ролей: приготовить помѣщеніе, рассадить публику по мѣстамъ, помочь лектору при демонстраціяхъ чтеній туманными картинами. При школѣ могутъ быть устроены воскресныя и вечернія занятія для взрослыхъ. Почему бы и въ этомъ случаѣ не обратиться къ помощи добровольцевъ-школьниковъ, хотя бы по раздачѣ учебныхъ принадлежностей и книгъ и т. дал.

Гдѣ существуютъ общежитія и ночлежныя пріюты, можно было бы съ несомнѣннымъ успѣхомъ организовать продовольствіе на артельныхъ началахъ. Примѣры такого артельнаго хозяйства я наблюдалъ въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ Смоленской губерніи: тамъ ученики сами распредѣляли между собою обязанности по завѣдыванію артельнымъ хозяйствомъ, и мнѣ не приходилось слышать никакихъ жалобъ на небрежность или недобросовѣстность. Тамъ, гдѣ ученики на свои средства пріобрѣтаютъ учебныя принадлежности, можно было бы выписывать бумагу и карандаши оптомъ, въ складчину. Эти привычки къ артельнымъ предпріятіямъ, образующіяся въ такомъ раннемъ возрастѣ, не могутъ не отразиться на развитіи солидарности и навѣрное внесутъ свою долю добра и свѣта въ деревенскую жизнь.

Въ степныхъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ было бы въ высшей степени полезно привлекать дѣтей къ посадкѣ деревьевъ. Хорошо извѣстно, что въ Америкѣ школьниками посажены и выращены миллионы деревьевъ.

Въ г. Лубнахъ, на руководимыхъ мною учительскихъ курсахъ, былъ устроенъ праздникъ деревьевъ. Дѣтямъ временной школы послѣ моего урока о значеніи растительности, одною изъ учительницъ было рассказано о томъ, какъ въ Америкѣ, благодаря, между прочимъ, школьникамъ, безлѣсный край былъ превращенъ въ лѣсистую мѣстность. Затѣмъ дѣти отправились въ пріютъ для бѣдныхъ и на землѣ, окружающей пріютъ, вырыли нѣсколько ямокъ для посадки деревьевъ. Надо было видѣть оживленіе и радость дѣтей во время праздника, усердіе, съ которымъ они работали, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что идея праздника глубоко проникла въ душу дѣтей.

Въ Америкѣ въ день благодаренія,—національный американскій праздникъ,—въ школахъ дѣти устраиваютъ складчину на какое-нибудь доброе дѣло. Одинъ несетъ пару яицъ, другой—картошку, третій—деньги и т. п. Въ школахъ Сентъ-Поля на деньги, собираемыя такимъ образомъ, оказало возможнымъ содержать въ теченіе цѣлаго года одну бѣдную семью.

Почему бы и у насъ не устраивать время отъ времени чего-либо подобнаго?

Если, какъ мы уже видѣли, школа и книга учатъ простолюдина человѣческому отношенію къ еврею, цыгану и вообще иноплеменнику, если онъ учитъ жалости къ падшей женщинѣ, то непосредственное участіе въ исправленіи порочныхъ дѣтей заставить найти и полюбить человѣка въ испорченномъ ребенкѣ.

Чего нельзя сдѣлать прямымъ привлеченіемъ дѣтей къ участию въ дѣлахъ общественнаго значенія, того можно достигнуть посредствомъ цѣлесообразной организаціи дѣтскихъ игръ. Главное свойство игры состоитъ въ томъ, что въ ней упражняются тѣ самыя способности, какія необходимы и въ жизни. Играющій котенокъ толкаетъ клубокъ нитокъ, изображающій для него мышъ, гонится за нимъ, прижимается къ полу, точно прячется въ засаду, и затѣмъ вдругъ прыгаетъ и бросается на него. Но то же самое онъ станетъ потомъ дѣлать и съ настоящей мышью, то же самое и теперь дѣлаетъ его мать. Дѣтская игра, тоже основанная большею частью на подражаніи, всегда до извѣстной степени отражаетъ свойства и образъ жизни взрослыхъ и нерѣдко представляетъ первые шаги въ подготовкѣ къ будущей дѣятельности. Посмотрите на дѣвочку изъ свѣтской семьи. Она нянчить куколъ, принимаетъ визиты, сама отдаетъ ихъ, разсуждаетъ съ куклою о нарядахъ, даже о танцахъ. Но это самое дѣлаетъ и ея мать, это самое будетъ дѣлать и дѣвочка, когда она станетъ взрослой. У народовъ, живущихъ охотою или ловлею, дѣтей съ помощью игръ приучаютъ къ охотѣ или рыбной ловлѣ. У римлянъ, для которыхъ главнымъ дѣломъ была война, игры дѣтей носили военный характеръ. Средневѣковые рыцари, напоминающіе римлянъ по своей страсти къ завоеваніямъ, сходились съ римлянами и въ выборѣ игръ для своихъ дѣтей. Будущему вонну нужна была сила, ловкость и умѣнье владѣть оружіемъ и всего этого стремились достигнуть между прочимъ съ помощью игръ. Отчего бы и въ нашихъ сельскихъ школахъ на ряду съ другими уже существующими играми не попробовать ввести игръ, изображающихъ, что дѣлается на сходѣ, въ волостномъ судѣ, при раскладкѣ повинностей и т. д. Эти игры, чередуясь съ другими излюбленными дѣтскими играми, внесутъ въ школьную жизнь много оживленія и удовольствія и такимъ образомъ будутъ содѣйствовать жизнедѣятельности всѣхъ органовъ тѣла. Ихъ нечего и сравнивать со скучными, подъ команду учителя, гимнастическими упражненіями. Въ этихъ играхъ будетъ изображаться деревенская жизнь, какую видятъ дѣти, а то, что они видятъ, они любятъ драматически изображать въ своихъ играхъ. Но учитель сумѣетъ выбрать изъ изображаемой дѣтскими среды тѣ элементы, которые могутъ содѣйствовать не только физическому, но и нравственному развитію дѣтей, и устранить при игрѣ все то, что могло бы произвести на дѣтей дурное вліяніе. Конечно, дѣти играютъ и сами, но почему бы учителю не внести луча свѣта въ ихъ игры, нерѣдко заключающія въ себѣ скорѣе развращающія, нежели воспитывающія вліянія. Г. И. Успенскій художественно описываетъ игры деревенскихъ дѣтей, изображающихъ: то какъ пропиваютъ невѣсту, то какъ поймали вора. Мальчикъ, представляющій вора, какъ вѣтеръ несется съ украденной сумкой, закинувъ голову назадъ, весь потный и блѣдный. Вотъ онъ споткнулся о бревно, и вся орава, гнавшаяся за нимъ, наваливается на него. «Веревку, давай кушакъ, вяжи ему руки! А, ты отбиваться!» раздаются крики. Воръ связанъ, онъ усталъ, онъ еле стоитъ на ногахъ, волосы у него спутаны. Когда мальчикъ, изображающій

станового, допрашиваетъ вора, ему совѣтуютъ: «ругай, ругай его на-перво: мошенникъ, каналья, укуку!» Тотъ ругаетъ. «Ударь его по мордѣ». «Бей его сначала по щекѣ»... а теперь приказывай: «въ холодную его, шельму». Далѣе вора прогоняютъ «скрозь строй», приносятъ прутья, силою ваютъ его на полъ, исправникъ кричитъ: «бей сильнѣе». Воръ вопитъ, все слабѣй и слабѣй, это значитъ, что его засѣкаютъ. Наконецъ, онъ умолкаетъ. Онъ безъ памяти. Десятскіе на рукахъ несутъ его и кладутъ въ большую плетеную корзину. Это лазаретъ. Мы только вкратцѣ передали рассказъ Успенскаго, но и отсюда видно, какъ фотографически вѣрно изображаютъ дѣти стрипцательныя стороны деревенской дѣйствительности. Не ихъ вина, если все, что продѣлывается въ этой игрѣ, такъ отвратительно и жестоко.

Вредное вліяніе такихъ игръ въ воспитательномъ отношеніи едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Ребенокъ, изображающій вора, десятскаго или исправника въ какой-нибудь игрѣ, дѣйствительно, можетъ настолько войти въ свою роль, что совершенно сольется съ нею свою личность. Если онъ такъ легко представляетъ себѣ простую палку то лошадыю, то ружьемъ, то саблемъ, то ему гораздо легче представить себя десятскимъ. Рассказываютъ про дѣтей, настолько вошедшихъ въ роль, что они и по окончаніи игры отзывались лишь тогда, когда ихъ называли не по имени, а, напримеръ, кучеромъ, разъ такова была ихъ роль въ игрѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самымъ сильнымъ воспитательнымъ средствомъ—самовнушеніемъ. Путемъ самовнушенія ребенокъ преобразуетъ свою личность во время игры въ изображаемаго имъ героя. Въ его душѣ, а не въ словахъ и не въ жестахъ только, возникаютъ всѣ стремленія, всѣ чувства, всѣ побужденія этого героя, какимъ онъ долженъ быть, по мнѣнію ребенка. Ребенокъ, который ругаетъ вора отборною бранью и бьетъ его по мордѣ, какъ бьетъ по его мнѣнію, исправникъ съ крикомъ: «бей сильнѣе!»—переживаетъ всѣ воображаемыя имъ состоянія исправника: и жестокость, и злобу, и сознание, что онъ исполняетъ такимъ образомъ исправническій долгъ.

Почему бы учителю, ничѣмъ не насилуя дѣтей, безъ всякаго принужденія, ничѣмъ не ослабляя интереса игры, не внести въ эти игры воспитывающіе, облагораживающіе мотивы, свѣтлые, радостные образы, заставить ребенка путемъ самовнушенія превратиться въ игрѣ въ добраго человѣка, въ дѣятельнаго общественнаго работника, въ примирителя, въ справедливаго и гуманнаго судью, въ добросовѣстнаго, радѣющаго о мірскихъ интересахъ старшину и т. д. Вѣдь если дѣти сами не вносятъ этихъ мотивовъ въ свои игры, такъ только потому, что ни окружающая ихъ дѣйствительность, ни книга—ничто не познакомило ихъ съ этими мотивами. Хорошо извѣстно, что дѣти вводятъ въ свои игры не только эпизоды, которые они наблюдаютъ въ жизни, но и то, что поражаетъ ихъ въ разсказѣ, въ прочитанной книгѣ. Даже въ игрѣ, описанной Г. И. Успенскимъ, несомнѣнно есть эпизоды, которыхъ дѣти не наблюдали самолично, а знаютъ по разсказамъ взрослыхъ.

У ищущаго эти строки есть въ этомъ отношеніи, правда, единичный

личный опытъ, о которомъ мнѣ уже приходилось упоминать по другому поводу. Какъ-то разъ мнѣ пришлось пріѣхать въ одну сельскую школу вечеромъ, когда тамъ оставалось въ общешитѣ около 30 дѣтей обоого пола. Они играли, и я предложилъ имъ сыграть въ волостной сходъ. Дѣти съ восторгомъ согласились, и мы приступили къ баллотировкѣ должностныхъ лицъ, большинствомъ голосовъ выбрали старшину и волостныхъ судей. Избранники были очень довольны выборами, а одинъ мальчикъ безуспѣшно баллотировался во всѣ должности; и только подъ конецъ дѣти сожалѣли надъ нимъ и выбрали его, къ большому его удовольствію, на какую-то второстепенную должность. Затѣмъ мы стали составлять смѣту предполагаемыхъ волостныхъ расходовъ, чтобы потомъ сдѣлать разверстку по числу душъ волостныхъ платежей. Мнѣ бросилась въ глаза одна маленькая подробность. Дѣти очень долго и упорно спорили о размѣрахъ жалованья писарю и старшинѣ, очень скупы были по отношенію къ этимъ должностнымъ лицамъ; но оказались очень щедрыми, когда рѣчь зашла объ ассигновкѣ на школу, на библіотеку-читальню, на волшебный фонарь и картины для народныхъ чтеній и на сиротскій пріютъ. Даже школьному сторожу была вотирована щедрая прибавка къ жалованью, вѣроятно, потому что и онъ служить просвѣщенію народа. Этотъ сторожъ стоялъ въ дверяхъ, и довольная улыбка не сходила съ его лица все время, пока велись разговоры о прибавкѣ къ его жалованью. Когда смѣта расходовъ была составлена, дѣти приступили къ разверсткѣ платежей. Каждый изъ нихъ заявлялъ, сколько душъ представляетъ его дворъ; одинъ счетчикъ подводил итоги и раздѣлялъ сумму предполагаемыхъ расходовъ на полученное число душъ. Каждому надо было сосчитать, сколько платежей приходится на его дворъ, и съ этою задачею большинство дѣтей справилось безъ затрудненій. Послѣ того мы перешли къ игрѣ въ волостной судъ. Предъ судомъ предсталъ мальчикъ съ просьбой взыскать съ другого школьника, изображавшаго отвѣтника, просроченный долгъ. Помню, что сначала нѣкоторые изъ судей высказались было за строгія мѣры и немедленное взысканіе и долга, и роста; но потомъ всѣ мы перешли на сторону отвѣтника и стали мирить тяжущихся, стали уговаривать истца, чтобы онъ отерочилъ уплату долга и уменьшилъ ростъ, стали заявлять объ обстоятельствахъ, извиняющихъ отвѣтника. И не трудно было замѣтить, какъ обрадовались всѣ дѣти, когда дѣло окончилось миромъ, истецъ согласился подождать и уменьшить проценты, а отвѣтникъ обѣщалъ уплатить при первой возможности. И мнѣ почему-то хотѣлось надѣяться, что это хорошее чувство, это гуманное отношеніе къ воображаемому отвѣтнику, эти усилія покончить дѣло миромъ, безъ обиды, безъ свары, даромъ не пропадетъ; что о немъ, можетъ быть, вспомнать эти дѣти, когда станутъ сами творить судъ и расправу и уже не на игрушечномъ судоговореніи, а въ форменномъ волостномъ судѣ.

Было уже поздно, пора было спать и дѣтямъ, и мнѣ, а школьники все просили меня придумать имъ еще и еще такую же интересную игру, и я придумалъ для нихъ сначала игру въ почту съ заготовленіемъ и сорти-

ровкою писемъ, съ отправкою ея въ разные города и съ доставленіемъ по адресамъ. Но и этого было мало. Пришлось придумать игру въ земское собраніе съ выборами должностныхъ лицъ, съ вопросами о школахъ и больницахъ, со смѣтою на то и другое. И я не знаю, когда бы окончились игры, если бы я слушался дѣтей и придумывалъ для нихъ новыя игры, основанныя на подражаніи учрежденіямъ общественнаго характера.

Разумѣется, это нисколько не исключаетъ и другихъ любимыхъ дѣтими игръ. Здѣсь все должно быть основано на доброй волѣ учащихся, и игра перестаетъ быть игрой, если она насильно навязана свыше. Надоѣдаетъ одна игра, и дѣти переходятъ къ той, какая въ данный моментъ имъ болѣе всего нравится.

Предлагаемый нами способъ изученія предстоящихъ ученику общественныхъ обязанностей не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Еще Коменскій рекомендовалъ знакомить дѣтей съ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ посредствомъ игръ; и только схоластика, поработившая педагоговъ его времени, помѣшала плодотворной идеѣ великаго педагога получить широкое распространеніе. Еще въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, открытомъ въ XVIII столѣтіи, по словамъ Сушкова, воспитанниковъ готовили къ гражданской службѣ практически, распредѣляя между ними роли истцовъ, свидѣтелей, секретарей, прокурора и проч. «И практическое законоискусство,—говоритъ Сушковъ,—поглощало все вниманіе воспитанниковъ. Имъ весело было проходить, какъ бы въ дѣйствительной службѣ, всѣ степени и чины, отъ писца до предсѣдателя. Одинъ истецъ, другой отвѣтчикъ, тѣ свидѣтели, тѣ писцы, повѣтчики, протоколисты, секретари, члены, стряпчіе, прокуроры и т. д. Дѣйствующія лица въ этихъ судопроизводныхъ драмахъ были проникнуты своими ролями, усердно нападали, защищались, судили, углублялись въ свои обязанности, ревностно вели свое дѣло, и въ послѣдствіи, конечно, многіе изъ нихъ не одинъ разъ благодарили мысленно своихъ учителей за свѣдѣнія, приобретенныя какъ бы играючи. Сколько выгоды при вступленіи въ должность члена какой-нибудь палаты войти въ нее не ученикомъ, а уже довольно знающимъ канцелярскіе обряды, порядокъ производства, ходъ дѣлъ всякаго рода и коренныя законоположенія». На сѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію и въ 1890, и въ 1896 годахъ нѣкоторые изъ учителей счетоводства рекомендовали для обученія бухгалтеріи образовывать изъ учениковъ торговую контору, распредѣляя роли служащихъ между учащимися.

II.

Когда въ своей статьѣ «Нравственное воспитаніе» *) мы говорили о значеніи ума въ дѣлѣ нравственнаго развитія, мы отмѣтили самую крупную роль ума, состоящую въ томъ, чтобы опредѣлять относительную важ-

*) Русск. Мѣсяцъ за 1898 г.

ность и подчиненность каждой из наших идей, каждого из наших стремлений и целей. Существенно важно, чтобы мы расположили все свои мотивы, цели и стремления в более или менее стройную систему по их относительному значению. Только при этом условии мы будем в состоянии разобраться, как поступить в каждом отдельном случае, когда сталкивается два или несколько мотивов; только тогда мы сделаем надлежащий выбор, которому из этих мотивов в каждом данном случае отдать предпочтение.

Это стремление к гармонии между нашими идеями, нашими чувствами и желаниями живет в душе каждого из нас. Противоречия, когда мы встречаем их внутри, себя в идеях или в чувствах, может быть мучительным для нас, как мучительны для музыканта грубые диссонансы в любимой пьесе. Мы естественно стремимся водворить в нашей душе строгий порядок, тесную логическую связь между образами и влечениями на разумных основаниях, и если этой связи нет, если наш внутренний мир представляет непослѣдовательную и беспорядочную игру образов, влечений и желаний, если мы сейчас хотим одного, а потом другого—противоположного, если мы переходим от любви к отвращению, то эта неустойчивость, эти диссонансы доставляют нам страдания. Между идеями, между целями, желаниями и стремлениями должен быть установлен известный строй, известное равновѣсіе в движеніи, как это существует в движеніях планет, комет и метеорных туч в нашей солнечной системѣ, или как это существует в движеніях атомов, образующих частицы. Подобно тому, как в нашей планетной системѣ солнце занимает господствующее положеніе и управляет движеніями планет лишь потому, что оно заключает в себя наибольшую массу вещества, так точно и в нашем внутреннем мирѣ будет играть доминирующую роль та цель, съ которою соединено наибольшее количество ярких образов, влечений и желаний. Подобно тому, как в солнечной системѣ каждая планета живет собственной жизнью, но в то же время и кружится вокруг общаго центра, подчиняется вліянію других планет и сама на них вліяет, так точно и в нашей душѣ все естественныя стремленія должны найти себѣ мѣсто, но должны быть приведены въ равновѣсіе друг съ другом и также сведены къ одному общему центру.

Къ этому же выводу мы придемъ и другимъ путемъ. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что развитая воля вноситъ во все наши дѣйствія единство нашего я. Но сама воля представляетъ лишь одну изъ сторонъ этого я. Она сама опредѣляется идеями и образами, живущими въ нашей душѣ и согрѣтыми чувствомъ, а также отношеніями и связями, существующими между образами. Для насъ въ данномъ случаѣ безразлично, опредѣляется ли дѣйствіе нашей воли въ каждый данный моментъ только тѣми идеями и образами, которые въ этотъ же моментъ вспыхиваютъ въ нашемъ сознаніи, или на наши поступки вліяютъ и скрытые образы, лежащіе за

порогомъ сознанія. Во всякомъ случаѣ, каждое дѣйствіе воли опредѣляется тѣми идеями и образами, которые даетъ намъ жизнь; и тѣмъ образъ ярче, тѣмъ чаще мы къ нему возвращаемся, тѣмъ многочисленнѣе его связи со всѣми другими образами, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ вліять на наши желанія, на нашу волю, на наши поступки, тѣмъ болѣе подчинены ему будутъ другіе идеи и образы, другіе побужденія и мотивы. Дѣло воспитателя укрѣпить путемъ повтореній и упражненій болѣе важные мотивы, связать ихъ съ возможно большимъ количествомъ душевныхъ движеній, превратить ихъ въ господствующіе и, такимъ образомъ, внести гармонію и стройность въ душевную жизнь воспитанника. Чтобы получать стройное и красивое изображеніе въ зеркалѣ, нѣтъ другого средства, какъ стройно и красиво расположить предъ нимъ предметы, въ зеркалѣ отражаемые. Чтобы волею нашего воспитанника руководилъ стройный и гармоническій порядокъ связанныхъ между собою образовъ и идей, есть только одно средство и другого нѣтъ: внести гармонію и строй въ тѣ образы, какими снабжаемъ его мы, семья, книга и весь внѣшній міръ, его окружающій. Только впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшняго міра, опредѣляютъ наши мотивы и цѣли. Но мало сказать, что надо правильно расположить мотивы и цѣли въ ихъ взаимной подчиненности; важнѣе опредѣлить, что слѣдуетъ считать правильнымъ расположеніемъ. Въ сущности всѣ основныя стремленія наши исполнѣ естественны и законны. Самыя эгоистическія наши стремленія имѣютъ въ виду либо поддержать наше здоровье и силы, либо сдѣлать счастливою нашу жизнь, а такія цѣли ни въ комъ не могутъ вызвать порицанія, если онѣ не сталкиваются съ какими-нибудь другими цѣлями, признаваемыми за болѣе важныя. Весь вопросъ, стало быть, въ томъ, какія цѣли слѣдуетъ признавать высшими, какія поставить ниже и какъ ихъ связать другъ съ другомъ естественною логическою связью. Хорошо извѣстна попытка вывести всѣ наши стремленія изъ одного эгоизма. Въ основѣ самыхъ высокихъ побужденій и поступковъ, требующихъ и самопожертвованія и геройства, видѣли одинъ эгоизмъ и ничего болѣе. Но если этому слову не давать слишкомъ широкаго толкованія, если, напримѣръ, не признавать эгоизмомъ простое удовлетвореніе всѣхъ нашихъ стремленій, не исключая и самыхъ безкорыстныхъ изъ нихъ, то было бы очень трудно въ наше время защищать эту теорію. Люди принимаютъ мѣры противъ истребленія лѣсовъ и рыбы, противъ истощенія почвы и рудниковъ, хорошо зная, что на ихъ вѣкъ хватало бы и того, и другого. Общественные дѣлатели нерѣдко ставятъ дѣломъ своей жизни достиженіе отдаленныхъ цѣлей, хорошо зная, что при ихъ жизни на избранномъ ими пути имъ удастся пройти лишь нѣсколько шаговъ, а результатами ихъ работы воспользуются только потомки ихъ современниковъ. Намъ скажутъ, что и чистопробный эгоистъ чувствуетъ себя неловко при видѣ чужого страданія; но отсюда еще далеко до желанія помочь другому: вѣдь отдѣлаться отъ этихъ непріятныхъ ощущеній гораздо легче, устроить свою жизнь такъ, чтобы не встрѣ-

чать на своемъ пути ни стоновъ, ни проклятій, окружить себя избраннымъ обществомъ довольныхъ и счастливыхъ людей, видѣть только веселыя картины и лица, слышать молодой смѣхъ, наслаждаться природой, театромъ, музыкою, жить въ богатыхъ квартирахъ, на дачѣ, въ Ниццѣ, гдѣ нѣтъ ничего, что вносило бы диссонансъ въ розовое, безоблачное жизнерадостное настроеніе. Нѣтъ, изъ одного эгоизма не выведешь всѣхъ остальныхъ стремленій, какими живутъ люди. Эгоизмъ поведетъ въ этомъ случаѣ къ отрицанію и атрофіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ альтруистическихъ стремленій. И пока эти альтруистическіе мотивы еще живутъ въ нашей душѣ, мы не сумѣемъ согласовать ихъ съ эгоистическими мотивами; если эти послѣдніе поставлены нами на первомъ мѣстѣ, мы не отдѣляемся отъ противорѣчій и диссонансовъ.

Но что трудно оспаривать изъ принциповъ этой школы, это то, что свобода личности не должна быть подавлена и приносима въ жертву какому-либо фантому, что личности должно быть предоставлено свободное проявленіе ея индивидуальныхъ силъ, что ея отношенія къ другимъ личностямъ могутъ быть основаны на равенствѣ и добровольномъ соглашеніи съ другими.

Существуетъ другая, противоположная теорія. Говорятъ, что стоить только расположить наши стремленія по степени ихъ важности въ обратномъ порядкѣ, и получится замѣчательно простой и стройный планъ, гдѣ все связано одно съ другимъ тѣсною логическою связью. Стоить только поставить выше чисто-эгоистическихъ стремленій заботу о другихъ, а на самыхъ высшихъ ступеняхъ—о всемъ человѣчествѣ, и тогда устанавливается самая строгая, стройно пригнанная во всѣхъ своихъ частяхъ система, своего рода іерархія рѣшительно всѣхъ безъ исключенія нашихъ стремленій. Если поставить интересы своей семьи, интересы общества или народа выше интересовъ своего я, выше чисто-эгоистическихъ стремленій, то эта постановка не требуетъ ни отрицанія, ни атрофіи, ни одного изъ стремленій, присущихъ людямъ. Если во главу угла поставить, напримѣръ, физическое, умственное и нравственное развитіе другихъ людей, то всѣ стремленія получаютъ свой опредѣленный смыслъ и значеніе, всѣ мотивы надо будетъ признать и законными, и справедливыми, лишь бы они были поставлены на своихъ мѣстахъ. Развитіе предполагаетъ извѣстный мінімумъ матеріальнаго благосостоянія и, стало быть, требуетъ заботъ и объ экономическомъ положеніи другихъ. Оно предполагаетъ удовлетвореніе стремленія къ счастію, а стало быть, требуетъ и заботъ о счастіи другихъ. Общая цѣль—забота о другихъ будетъ стоять вверху, ей одной будутъ подчинены всѣ другія цѣли; но она не только не отрицаетъ эгоистическихъ стремленій, а напротивъ, требуетъ ихъ здороваго удовлетворенія. Чтобы работать для другихъ, надо быть самому здоровымъ, умнымъ, сильнымъ и бодрымъ. Чтобы быть здоровымъ, надо хорошо питаться, дышать чистымъ воздухомъ и жить въ обстановкѣ, удовлетворяющей требованіямъ гигиены.

Чтобы быть добрымъ, надо, чтобы личная жизнь была сравнительно счастливою. Чтобы уметь помочь другимъ, надо быть самому достаточно развитымъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ. Ни одно изъ стремленій не противорѣчитъ другому; всё они сливаются въ общую гармонію, но эта гармонія обуславливается лишь тѣмъ, что жизнь для другихъ мы поставили выше жизни для себя и послѣднее стремленіе подчинили первому. Попробуйте переставить это стремленіе на другое, низшее мѣсто, и вся гармонія исчезнетъ, между различными стремленіями возникнутъ непримиримыя противорѣчія, одно изъ нихъ будетъ отрицаніемъ для другого, диссонансы наполнять жизнь; не можетъ быть и рѣчи о стройности, согласованности между нашими мотивами; получится хаотическій нравственный міръ, гдѣ можно было бы возстановить порядокъ только путемъ уничтоженія всѣхъ не эгоистическихъ стремленій, что едва ли возможно.

Но другіе говорятъ, что если идти далеко въ этомъ направленіи, то мы придемъ къ полному поглощенію личности обществомъ. Это будетъ рабство общественнаго блага,—это будетъ деспотизмъ большинства надъ меньшинствомъ или наоборотъ. Это будетъ подчиненіе личности цѣлому, а между тѣмъ цѣлое не можетъ существовать безъ личностей; безъ нихъ оно простая абстракція, простое отвлеченіе. Благосостояніе цѣлаго—это только благосостояніе его частей. И само общество существуетъ только для блага составляющихъ его всѣхъ безъ исключенія личностей. Когда люди въ интересахъ самозащиты соединяются въ общество, они дѣлаютъ это не для ограниченія своихъ индивидуальныхъ проявленій, а для увеличенія своихъ силъ. Раньше каждый защищалъ себя только своими личными силами, а теперь каждого защищаютъ всѣ.

Необходимо,—говорятъ современные философы школы Гюйо и Фулье,—чтобы свобода каждого была согласована съ свободою всѣхъ, чтобы интересы каждого были согласованы съ интересами всѣхъ, чтобы это единеніе миллионовъ личностей состоялось на почвѣ всеобщаго добровольнаго соглашенія, на почвѣ взаимопомощи, общей симпатіи, солидарности, кооперации, взаимной добровольной зависимости, а не порабошенія; необходимо, чтобы достоинство личности было сохранено, чтобы обезпечена была всеобщая свобода и всеобщее развитіе; необходимо, чтобы свободное проявленіе всѣхъ индивидуальныхъ силъ совпало съ добровольною ассоціаціею этихъ силъ.

Возможно ли это? Что этого нѣтъ теперь,—это несомнѣнно. Но въ людяхъ живетъ вѣра, что человѣчество развивается въ этомъ направленіи и что это когда-нибудь будетъ. Когда-нибудь станетъ возможной такая организація, гдѣ свобода и благо личности совпадутъ съ свободою и благомъ всѣхъ.

Чѣмъ просвѣщеннѣе люди, тѣмъ лучше они понимаютъ, что для обезпеченія личной и всеобщей свободы развитія необходима кооперация на

началахъ взаимопомощи, а не порабощенія, на началахъ справедливости и равенства, а не началахъ силы. При свѣтѣ знанія, ясно представляя себѣ общія задачи, люди будутъ стремиться къ общей цѣли и заодно мыслить, а при широкомъ развитіи общественныхъ чувствъ они будутъ заодно чувствовать. И это будутъ добровольныя связи, это будетъ не подчиненіе, а свободное соглашеніе. Когда гонимъ формулируетъ безспорныя общественныя идеалы, а всеобщее образованіе и воспитаніе сдѣлаетъ ихъ достояніемъ всѣхъ народныхъ массъ, то каждый будетъ сознавать этотъ идеалъ, и онъ станетъ руководящимъ принципомъ поведенія каждаго. У каждаго будетъ сознание не только своего «я» съ его интересами, но еще и сознание цѣлаго, сознание общихъ идеаловъ и стремленій. Такимъ образомъ каждый будетъ не только благороднымъ свидѣтелемъ совершающихся событій, но еще и творцомъ событій. Каждый будетъ, по мѣрѣ своихъ силъ, помогать осуществленію идеала. Этого мало. Чѣмъ болѣе развивается личность, тѣмъ больше остается у нея свободныхъ силъ, за удовлетвореніемъ всѣхъ личныхъ потребностей, тѣмъ большее количество этихъ силъ идетъ на общественную работу, тѣмъ сильнѣе въ ней стремленія къ общественной дѣятельности.

Все дѣло въ томъ, мыслима ли и осуществима ли эта гармонія между возможно полною жизнью для себя и жизнью для другихъ. Наиболѣе рѣшительныя возраженія противъ такой возможности идутъ со стороны нѣкоторыхъ сторонниковъ органической теоріи общества. По аналогіи съ организмомъ животнаго, гдѣ все подчинено мозгу, ставятъ на личности крестъ и предсказываютъ ея порабощеніе цѣлому. Но, во-первыхъ, аналогія еще не достаточное доказательство, и аналогіями можно доказывать любой абсурдъ, а, во-вторыхъ, даже аналогіи общества съ организмомъ далеко не приводятъ къ такимъ безнадежнымъ выводамъ, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Съ легкой руки Мененія Агриппы много разъ проводились поразительныя аналогіи между обществомъ и организмомъ. Если эта параллель у Аристотеля, Спинозы, Шекспира и Руссо представляетъ только поэтическій образъ, то новѣйшіе социологи, Шеффле, Гумпловичъ и, наконецъ, Спенсеръ, принимаютъ эту параллель не въ переносномъ, а въ реальномъ смыслѣ.

Основаніемъ для этой аналогіи (Спенсеръ: «Основанія социологіи», ч. II, стр. 277) служатъ слѣдующія совпаденія.

Группировка единицъ, составляющихъ общество, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ остается постоянною, и единицы въ немъ связаны между собою опредѣленнымъ образомъ. Но въ такомъ же отношеніи находятся и единицы, составляющія организмъ.

Общество растетъ, пока оно не раздѣлится на два общества или не будетъ поглощено другимъ; но и организмъ растетъ большую часть своей жизни.

И тамъ, и тутъ во время роста увеличивается сложность въ строеніи цѣлаго. Какъ организмъ создаетъ внутри себя особые органы: пищеварен-

тельную систему, нервную и т. д., так и общество состоитъ изъ классовъ: правящаго, промышленнаго и проч. И тамъ, и тутъ измѣненія въ различныхъ частяхъ взаимно опредѣляютъ другъ друга; нарушение одной функціи нарушаетъ другія. И тамъ, и тутъ происходитъ раздѣленіе труда.

Организмъ состоитъ изъ единицъ—кѣтокъ, общество изъ единицъ—людей.

Организмъ живетъ дольше, чѣмъ каждая изъ кѣтокъ въ отдѣльности, общество дольше, чѣмъ отдѣльныя его единицы.

Эта аналогія въ наше время, послѣ открытія Бюкли о строеніи кѣтокъ, могла бы быть дополнена еще слѣдующимъ сопоставленіемъ. Старинные ученые, говоря о строеніи растений, справедливо утверждали, что организмъ построенъ изъ ячеекъ, точно такъ же, какъ пчелиный сотъ. Эти ячейки мы называемъ теперь кѣтками. Но Бюкли, рассматривая кѣтки подъ микроскопомъ, нашелъ, что сама протоплазма кѣтки тоже построена, какъ пчелиный сотъ, изъ ячеекъ. Какъ будто природа строитъ все живое по одному плану. Ячейчатое строеніе кѣтки аналогично съ такимъ же строеніемъ организма изъ кѣтокъ. Современные социологи видятъ ту же аналогію въ строеніи общества изъ индивидуумовъ съ строеніемъ организма изъ кѣтокъ. Но послѣдняя аналогія встрѣчается съ однимъ существенно важнымъ возраженіемъ. Въ организмѣ сознание сосредоточено только въ нервной системѣ. Если животное заботится объ остальныхъ органахъ, то только потому, что ихъ болѣзни причиняютъ страданія нервной системѣ. Наоборотъ, въ обществѣ сознание разлито между всѣми единицами, составляющими цѣлое. Общество должно существовать для блага единицъ, а не всѣ единицы для блага какого-либо одного органа. Такая аналогія противорѣчила бы всѣмъ нашимъ представленіямъ о справедливости, равенствѣ и свободѣ. Рабочіе классы были бы обречены, благодаря доведенному до крайности раздѣленію труда, на атрофію органовъ сознанія, предоставивъ ихъ функціи только правящимъ классамъ, подобно тому, какъ кѣтки, составляющія пищеварительную систему, лишены сознанія. Но если въ аналогіи нѣтъ совпаденія признаковъ, значитъ она нуждается въ поправкахъ. Соціальныи организмъ не можетъ существовать безъ домашнихъ животныхъ и полезныхъ растений. Эти послѣднія нужны для питанія соціальныхъ кѣтокъ—людей, какъ кровь нужна для питанія кѣтокъ организма. Они нужны для поддержанія температуры соціальныхъ кѣтокъ и проч. Поэтому можно сказать, что соціальныи организмъ не весь въ людяхъ, составляющихъ общество. Въ него входятъ, какъ часть, еще два тоже живыхъ элемента. Съ другой стороны, между нервной кѣткою коркового вещества головного мозга и кѣткою пищеварительнаго органа разница безконечно больше, чѣмъ между двумя людьми, изъ коихъ одинъ стоитъ на вершинѣ умственнаго развитія, а другой—внизу. Кѣтка, выделяющая желудочный сокъ, ни въ самой себѣ, ни въ своихъ дочернихъ кѣткахъ не носитъ возможности преобразиться въ кѣтку коркового вещества головного мозга; тогда какъ варвары, населяв-

шіе Европу во время расцвѣта античной цивилизаціи, были предками современныхъ творцовъ науки и искусства. Нельзя проводить параллели между однороднымъ и разнороднымъ. А если такъ, то аналогію между обществомъ и организмомъ можно было бы принять лишь въ томъ случаѣ, если, вслѣдъ за Лиліенфельдомъ, все человѣческое общество разсматривать не какъ цѣлый организмъ, а только какъ нервную систему, и отдѣльнаго индивидуума, какъ отдѣльную живую нервную клѣтку коркового вещества мозга съ ея отростками. Тогда роль клѣтокъ организма въ пищеварительной системѣ, дыхательной и проч. была бы аналогична съ ролью, какую играютъ въ нашей промышленности полезныя животныя и растенія. Каждая живая нервная клѣтка организма большого мозга можетъ быть связана съ известной спеціальной функціей, но это не мѣшаетъ ей принимать участіе и въ общей сознательной дѣятельности всего организма. Въ большомъ мозгу, по словамъ Гефдингга, локализируются только элементарныя дѣятельности души, но не мышленіе или умъ въ собственномъ смыслѣ. «Умъ, — говоритъ Мункъ, — находится повсюду въ корковомъ слое большого мозга и нигдѣ въ особенности, потому что онъ есть совокупность и результатъ всѣхъ представлений, происходящихъ отъ чувственныхъ воспріятій».

Но точно такъ же каждый человѣкъ можетъ выполнять въ обществѣ известныя спеціальныя функціи, и это не мѣшаетъ ему въ то же время принимать участіе въ сознательной жизни всего общества. Оставаясь спеціалистомъ, онъ прежде всего человѣкъ. Готовясь къ профессиональной дѣятельности, онъ прежде всего долженъ получить общее образованіе. Сознаніе, являющееся результатомъ психической дѣятельности нервныхъ клѣтокъ большого мозга, не опредѣляется дѣятельностью одной или немногихъ нервныхъ клѣтокъ, а опредѣляется дѣятельностью всего коркового вещества большого мозга. Но точно такъ же общественная жизнь и общественное мнѣніе не опредѣляется разумомъ и волею одного или нѣсколькихъ человѣкъ, а опредѣляется разумомъ и волею всѣхъ членовъ общества. Органы тѣла связаны между собою взаимно-зависимою дѣятельностью, но эта дѣятельность регулируется и эта связь поддерживается только благодаря нервной системѣ, благодаря безчисленнымъ соединительнымъ волокнамъ между живыми клѣтками большого мозга. Одно расположеніе клѣтокъ мускуловъ еще ничего не значило бы, если бы ихъ отправленія не были согласованы направляющей дѣятельностью нервныхъ клѣтокъ. Но точно такъ же взаимныя связи въ человѣческомъ обществѣ поддерживаются, благодаря языку, письменнымъ и устнымъ сношеніямъ, а это связи психическія. Промышленные и всякіе иные интересы связываютъ людей лишь тогда, когда эти интересы будутъ сознаны и въ нашемъ сознаніи превратятся въ идеи.

Почему бы не перенести этой аналогіи выше? Почему бы не признать хотя бы для отдаленнаго будущаго всю живую природу земного шара, съ всѣми растеніями и животными за организмъ, человѣчество за большой мозгъ, за органъ сознанія этого организма, а отдѣльныхъ индивидуумовъ

за отдѣльныя нервныя кѣтки этого мозга. Наша нервная система состоитъ изъ безчисленнаго множества нервныхъ кѣтокъ. Каждая изъ этихъ миллионныхъ кѣтокъ со всѣми ея отростками представляетъ особое живое существо; она живетъ личною жизнью: питается, воспринимаетъ внѣшнія раздраженія, воспроизводитъ ихъ, претворяетъ ихъ въ движенія, имѣетъ свои желанія и стремленія, періоды движенія и отдыха, свои болѣзни и свое здоровье, свои чувства голода и сытости. Но въ то же время она является частью всего нашего мозгового аппарата, каждое ея отправленіе строго согласовано съ нашею общею жизнью. Значеніе этой кѣтки—поддерживать жизнь цѣлаго; это жизнь для другихъ, но въ то же время и жизнь индивидуальная, согласованная съ интересами цѣлаго.

Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы выводы, сдѣланные путемъ аналогій, имѣли большую цѣну въ смыслѣ убѣдительности, хотя они пригодны въ смыслѣ иллюстрацій защищаемыхъ положеній. Мы хотѣли только показать, что даже органическая теорія общества не противорѣчитъ убѣжденію въ томъ, что полная личная жизнь можетъ быть согласована съ жизнью для другихъ, съ общественной жизнью и дѣятельностью. Въ этомъ убѣжденіи поддерживаютъ насъ и исторія. Достоинство и свобода личности, хотя и не довольно быстро, но все же возрастаетъ. Въ цивилизованныхъ государствахъ теперь нѣтъ рабовъ, нѣтъ крѣпостного права. Возрастаютъ общественныя связи, развиваются и общественныя чувства. Въ этомъ же направленіи идетъ воспитаніе юношества.

Задача воспитанія не подавлять даже эгоистическихъ стремленій, а развивать ихъ въ гармоніи съ общественными стремленіями; не бороться съ стремленіями къ личному доволъству и счастью, а только согласовать ихъ съ общественными цѣлями. Будемъ поднимать личность ученика, развивать въ немъ чувство человѣческаго достоинства и чувство чести; но въ то же время чаще направлять умъ его къ великодушнымъ образамъ, каждое событіе въ жизни, въ разсказѣ оцѣнивать съ точки зрѣнія блага другихъ, предоставлять ученику посильное участіе въ дѣлѣ, служащемъ интересамъ всей школы, , приучать мысль ученика чаще возвращаться къ этой цѣли, съ этой точки зрѣнія опредѣлять значеніе своего и чужого поступка, логически связывать съ нею всѣ другія цѣли. Но ученику трудно будетъ возвыситься до представленія такихъ отвлеченныхъ понятій, какъ народъ, отечество, человечество. Ему нужно на первыхъ порахъ что-нибудь конкретное, ясно представляемое. И таково для него семья, школа, деревня, колотокъ, фабрика, волость. Вотъ почему ему особенно понятны разсказы о нашихъ самоучкахъ изъ народа, ихъ дѣятельность на пользу деревни, фабрики. Вотъ почему его такъ увлекаетъ игра въ волостной судъ и волостной сходъ. Вотъ почему наши школьники съ такою радостью берутъ на себя трудъ по поддержанію въ школѣ чистоты и опрятности, помогаютъ отстающимъ ученикамъ, просматриваютъ ихъ письменныя работы, помогаютъ учителю въ выдачѣ ученикамъ книгъ и учебныхъ принадлежностей.

Вотъ почему дѣти съ такимъ восторгомъ беругся за посадку деревьевъ на отведенномъ участкѣ земли. Вотъ почему они охотно берутъ на себя суетливыя роли въ народной библіотекѣ-читальнѣ и въ народной аудиторіи.

Жить для общества, возможно точнѣе опредѣлить и возможно лучше выполнить свою роль въ общественной жизни, но въ то же время жить и для себя, чтобы тѣмъ успѣшнѣе была наша общественная работа,—такова задача нравственнаго воспитанія. Жизнь для другихъ, наравнѣ съ жизнью для себя самого,—это тотъ высшій принципъ, который проповѣдуетъ христіанство. Тотъ же принципъ провозглашаетъ философія.

Такую жизнь воспѣваютъ поэты. Тому же самому учать насъ примѣры великихъ друзей человѣчества. Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что тотъ же самый принципъ долженъ быть проведенъ и въ воспитаніи, и въ обученіи ребенка и юноши *).

В. Вахтеровъ.

*) При составленіи настоящей статьи мы пользовались сочиненіями Бэна, Гегеля, Гюйо, Песталоцци, Пирогова, Руссо, Спенсера, Селли, изданіями земствъ по народному образованію и другими.

Волостныя совѣщанія, сельско-хозяйственный органъ въ составѣ земскихъ учреждений.

Эта статья есть результатъ наблюденій двухъ голодныхъ годовъ (1891/2 и 1892/3) частью въ Казанскомъ, частью въ Ланшевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи *). Мнѣ, мѣстному землевладѣльцу, приходилось принимать участіе въ земскихъ собраніяхъ своей губерніи, и съ этой, исключительно земской, точки зрѣнія статья написана. Она имѣетъ въ виду одну изъ самыхъ существенныхъ задачъ земства—земледѣльческую жизнь сельскаго населенія.

I.

Положеніе сельскаго хозяйства у крестьянъ въ Казанской губерніи за послѣдніе 10 лѣтъ видно изъ слѣдующаго **):

1889 г. озимое—осенью озимой червь; плохая зима и холодная сухая весна; мѣстами перепахивали подъ яровое. Много сорныхъ травъ и вредныхъ насѣкомыхъ (проволочный червь, пыльщики, гессенская муха). Буря 19 іюля выбила много спѣлаго зерна. Яровое—всходы дружны и ожидали хорошаго урожая; въ іюнѣ овсы (главный яровой хлѣбъ) погибли отъ ржавчины. Скотоводство—мало кормовъ и распродажа скота, несмотря на низкія цѣны, и много крестьянскихъ хозяйствъ осталось безъ живого инвентаря и понизились арендные цѣны на землю». Самый тяжелый годъ за послѣднее пятилѣтіе». Исслѣдованіе Попова (изъ Александріи) о сельскомъ хозяйствѣ чувашъ, черемисъ и вообще крестьянъ, дало въ результатѣ: домашняго скота становится меньше, посѣвы расширяются на счетъ луговъ, лѣсовъ и выгоновъ, солома служитъ подстилочнымъ, кормовымъ, строительнымъ и отопляющимъ матеріаломъ. О кормленіи корнеплодами не можетъ быть и рѣчи, потому что ихъ нехватаетъ на потребности са-

*) Харьковскія Вѣдомости 1899 г. № 52 и Волжскій Вѣстникъ 1900 г. (15 мая).

**) Казанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи (изданіе Казанскаго губернскаго земства); она даетъ намъ мотивированный сводъ болѣе 200—300 корреспонденцій изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи. Я беру факты за послѣдніе 10 лѣтъ—это сельско-хозяйственная исторія двухъ голодовокъ, которыя вызвали большія затраты на помощь сельскому населенію.

ного хозяина. Всюду недостатокъ выгонныхъ пространствъ: главнымъ мѣстомъ пастбы служить съ начала весны паровое поле, а въ межуарье скотъ околачивается по оврагамъ, кустарникамъ, околицамъ и проч. Въ общемъ, кормъ едва сводится на поддержку жизни животного. Заключение: нужны опытные поля въ средѣ крестьянскаго населенія съ образцами сѣвооборотовъ, травосѣянія и проч.

1890 г. озимое—зима благопріятная, но морозы весной задержали ростъ озимей. Лѣтомъ дожди, озими поправились, но буря въ половинѣ іюля сильно понизила урожай. Сорныхъ травъ мало. Яровое—всходы плохи, рѣдки и недружны; въ половинѣ мая начали вянуть; въ іюнѣ дожди оживили ростъ, а въ іюлѣ сухая жара, и урожай плохой. Скотъ зимой—недостатокъ корма.

1891 г. озимое—малоснѣжье, и озими пострадали отъ морозовъ; всего больше было вреда для позднихъ посѣвовъ. Весной—ранній сходъ снѣговъ, утренники, и жары,—и уже съ осени потерялись надежды на урожай: большія площади озимыхъ посѣвовъ перепаханы подъ яровое; вредныя настькомыя и сорныя травы. Во многихъ мѣстахъ не собрали сѣмянъ. Яровое—урожай предшествовавшихъ годовъ былъ плохъ, сѣмянъ было мало и приходилось сѣять не то, что было нужно, а то, что было подъ руками. Весной все стало сохнуть и желтѣть; утренніе заморозки и холодные вѣтры довершили вліяніе засухи. Въ іюнѣ и іюлѣ засуха полная—жары погубили посѣвы, а поздніе дожди вызвали ростъ сорныхъ травъ, которые заглушили послѣдніе остатки ярового. Всего больше выросла лебеда и продавалась на базарахъ. Скотъ зимой—одна изъ самыхъ тяжелыхъ зимъ: скотъ вели на рынки, раскрывали крыши на избахъ, повѣтахъ и сараяхъ. Къ веснѣ скотъ былъ слабъ и тощъ, коровы часто не донашивали плода, лошади обезсиѣли и съ поднятіемъ пара скотъ падалъ отъ истощенія (при вскрытіяхъ находили землю въ желудкахъ). Скотъ былъ очень дешевъ и, несмотря на то, покупщики были рѣдки. Въ результатъ—упало скотоводство, упало земледѣліе, много безлошадныхъ и плохая обработка полей. Былъ истинно голодный годъ со всѣми его трагическими подробностями *).

*) Въ прочихъ народныхъ бѣдствіяхъ (эпидеміи, наводненія и проч.) мы часто видимъ тревожный, иногда протестующій характеръ сельскихъ людей противъ неудачныхъ мѣръ помощи, и послѣдствія хорошо извѣстны изъ послѣдней холерной эпидеміи на Волгѣ. Иная картина при голоданіи селеній, какъ я ее видѣлъ семь лѣтъ тому назадъ (1892 г.) частью въ Казанскомъ, частью въ Ланшевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи: раньше всего [пропадаютъ въ народѣ пѣсни; потомъ на улицахъ дѣти съ маленькими мѣшками подъ окошкомъ просятъ милостыню; потомъ вереницы нищихъ по дорогамъ; потомъ нищихъ меньше, и дороги пустѣютъ; потомъ просятъ не у кого, и дороги пусты, улицы пусты, въ хатахъ пусто и въ душахъ у людей тоже пусто. Потомъ все тихо: дѣтей стало меньше, солому стравили скоту, хаты раскрыты, заборы изрублены на топливо, и гдѣ семьи бѣдѣе, люди замкнулись и ждутъ, когда придетъ ихъ послѣдній часъ. Такъ оно было въ одной изъ глухихъ мѣстностей Ланшевскаго уѣзда въ татарскихъ и крещенскихъ селеніяхъ". (Харик. Уезд. 1899 г., № 52, стр. 2). Все это было именно такъ, какъ я сказалъ.

1892 г. озимое—поздніе посѣвы плохи; на навозныхъ земляхъ выше, гуще и устойчивѣе; гдѣ была плохая обработка, тамъ больше сорныхъ травъ. Яровое—ко времени посѣва, крестьяне мѣстами были безъ хлѣба, безъ сѣмянъ, безъ денегъ и многіе безъ лошадей. Іюньскіе дожди не помѣстили роста, и въ результатѣ скудный урожай, сорные травы и поврежденія насѣкомыхъ. Осенью и въ первую половину 1892 года положеніе вообще было «бѣдственное»: суда продовольствія хватала на половину мѣсяца, и продавали все, что можно продать; скотъ былъ дешевъ, хлѣбъ былъ дорогъ. Скотъ рѣзали и били, и хлѣба все же недоставало. Мѣстами дѣлали варено изъ отрубей и лебеды, варили травы съ мукой и солью. «Такого голода не запомнятъ старые люди; работы неспорились» и проч.

1893 г. озимое—осенью озими успѣли раскуститься и мало сорныхъ травъ. Яровое—урожай вообще выше средняго.

1894 г. озимое—благополучные дожди послѣ посѣва, и земля пошла мерзлой подъ снѣгъ. Весной озими вышли хороши, а потомъ мало солнца, дожди, наливъ зерна неполный, и рожь вышла тощевата на нѣжной солодѣ и мѣстами полегла отъ вѣтровъ. Мало сорныхъ травъ. Яровое—сѣвъ въ два пріема и поздніе посѣвы рѣдковаты; влажное лѣто и много головни. Число безлошадныхъ въ девяти уѣздахъ около 20% (мѣстное изслѣдованіе).

1895 г. озимое—обильные атмосферные осадки, и озимь пошла подъ снѣгъ неблагополучно. Весной снѣгъ таялъ медленно, ожидали урожай, но холода въ маѣ и засуха въ іюнѣ, и въ результатѣ соломы немного, но зерно хорошее. Яровое—мѣстами поздній посѣвъ; ничего особо замѣчательнаго.

1896 г. озимое—очень благоприятная зима, и надежды на урожай, но рожь цвѣла въ дожди и вѣтра и дала средній умолотъ. Мало сорныхъ травъ. Яровое—погода при посѣвахъ благоприятная; главный хлѣбъ, какъ всегда, овесъ, сравнительно неприхотливый на почву и ходкій на рынкѣ. Съ половины іюня жары и мгла, и зерно вышло тощее; сорныхъ травъ не много; вредныя насѣкомыя. Скотъ зимой—зима прошла благополучно. Среднія цѣны на скотъ были: лошади—весной 37 р. и осенью 28 р.; коровы—весной 24 р. и осенью 17 р.; овцы—весной 3 р. и осенью 2 р. 40 к.—ны мѣсяцъ здѣсь интересные показатели на недостатокъ зимнихъ кормовъ.

1897 г. озимое—озими пошли недурны подъ снѣгъ; весна сухая съ вѣтрами, и урожай пестрый, въ общемъ ниже средняго. Яровое—сѣвъ въ свое время, но май былъ сухой, въ іюнѣ перепадали дожди, и возмозло что не успѣло прорасти раньше, яровые зазеленѣли, и много сорныхъ травъ (лебеда и куколь). Уборка яровыхъ затянулась и овсы, льны, гречи и чечевички пострадали мѣстами отъ сырости. Скотъ зимой—содержаніе въ общемъ удовлетворительно и такія же различія осеннихъ и весеннихъ цѣнъ.

1898 г. озимое—погода зимой и весной неблагоприятная для озимей; съ возвышенныхъ мѣстъ вѣтра сдули снѣга, и при первыхъ дняхъ весны

земля оттаяла раньше, посѣвы тронулись въ ростъ и ихъ побили морозы; во второй половинѣ мая жаркіе дни, рожь приостановилась въ ростѣ, рано выколосилась и начала сохнуть. Со второй половины іюня жары, свернулась рожь, свернулись и сорные травы; все выгорѣло, пропала и лебеда, на которую еще оставались надежды при угрожающемъ голодѣ. Мѣстами не жали потому, что жать было нечего, мѣстами скосили рожь выѣвъ съ травами на корнѣ скоту; урожай былъ въ 4 раза меньше, чѣмъ за послѣдніе средніе годы. Яровое—весной теплые дни попережку съ морозами, и сѣвъ запоздалъ; мерзлая земля не могла впитать снѣговья воды, которая скоро сбѣжала; земля осталась сухой, сѣять было рисковано, ждали дождей, а ихъ не было, поля оставлены для позднихъ посѣвовъ, мѣстами совсѣмъ не засѣяны потому, что не было сѣмянъ, мѣстами потому, что не было лошадей. Въ началѣ іюня дожди, а съ половины іюня засуха и жары; мѣстами сорные травы покрыли сплошь поля, поврежденія насѣкомыхъ и скудные урожаи.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько числовыхъ данныхъ.

а) По земледѣлію:

Чистый сборъ ржи у крестьянъ, съ 1 дес., ржи и овса за 1885—98 голы.	85 г.	86 г.	87 г.	88 г.	89 г.	90 г.	91 г.	92 г.	93 г.	94 г.	95 г.	96 г.	97 г.	98 г.
Рожь	47	50	40	37	31	25	5	33	60	49	48	44	30	+10
Овесь	22	28	28	30	16	15	3	9	52	36	32	29	27	— 5

б) По скотоводству:

Число рабочихъ крестьянскихъ лошадей въ губерніи было въ 1882 г.—357,779 головъ, а въ 1893 г.—277,706 гол., т.-е. убыль 80,000 лошадей. Число безлошадныхъ крестьянскихъ хозяйствъ за тѣ же годы было: въ 1882 г.—50,014, а въ 1893 г.—87,323, т.-е. прибыль 37,000 безлошадныхъ дворовъ. Вліяніе недорода кормовъ видно изъ слѣдующихъ чиселъ за 1889—1892 годы: 1889 г.—243,196 лошадей + 220,151 рогатаго скота + 760,935 мелкаго скота; 1892 г.—195,383 лощ. + 172,770 рог. скота + 455,424 мелк. скота, т.-е. убыль—44,000 лощ. + 48,000 рог. скота + 300,000 мелк. скота.

При общей убыли скота и обѣднѣніи людей въ голодные годы, попушка его въ слѣдующіе благоприятные годы очень затруднительна, прибыль скота идетъ путемъ естественнаго прироста, и крестьянское хозяйство едва успѣваетъ оправиться, какъ наступаетъ новый голодный годъ.

Итакъ, въ общемъ: сорные травы, вредныя насѣкомыя, вѣтры обнажаютъ возвышенныя мѣс а отъ снѣговъ зимой и сдуваютъ лучшую землю (пыль) лѣтомъ, нѣтъ пашни подъ зябь, засоренныя сѣмена, часто запоздалые посѣвы, недостатокъ луговъ и пастбищъ, нѣтъ травосѣянія, плохая обработка полей, невыгодныя условія сбыта на рынкѣ, скоту нехватаетъ корма на зиму, и его распродаютъ за дешевыя цѣны осенью съ тѣмъ, чтобы купить за дорогія цѣны весной; недороды съ убылью скота, котораго во-

ше мало и онъ плохого качества, и проч. Однимъ словомъ, земледѣліе и животноводство неблагополучны и—что очень важно—неустойчивы, а, следовательно, нѣтъ устойчивой сельско-хозяйственной и вообще благополучной жизни, потому что только земледѣліе есть вѣрная основа этой жизни.

II.

За исключеніемъ малаго числа занимающихся промыслами (около 4%, особнякъ къ труду) всѣ сельскія мужскія и женскія души заняты разными формами земледѣлія. Ихъ основной капиталъ, отъ котораго зависитъ ихъ благосостояніе и на которомъ протекаетъ ихъ вся трудовая жизнь, есть земля—земельные надѣлы ихъ семей и селеній. Семьи съ ихъ земельными надѣлами сгруппированы въ сложныя сельско-хозяйственныя единицы—земскія общества. По исторической традиціи и по закону, сельское общество есть самостоятельный органъ сельскаго хозяйства, живой истинный элементъ земства. Поэтому, разсуждая по существу, у насъ три послѣдовательныхъ ряда земскихъ самостоятельныхъ органовъ управленія въ губерніи: 1) губернское земство; 2) уѣздное земство, и 3) сельское общество. Эти три тождественны по личному составу, какъ мѣстные свѣдущіе люди или, и тождественны по призванію, потому что у нихъ цѣль одна—заботиться и охранять благополучную сельско-хозяйственную жизнь своей губерніи, своего уѣзда, своего селенія. Таковъ общій принципъ земскихъ предпріятій и такъ его понимали гласные земскихъ собраній съ самой первой ихъ сессіи: предполагалось само собой, что уѣздъ раздѣлится на земскіе участки и что члены уѣздной земской управы будутъ въ нихъ жить и будутъ въ нихъ исправлять всѣ земскія дѣла и только по временамъ и въ экстренныхъ случаяхъ будутъ пріѣзжать въ свой уѣздный городъ «соображать управу» для общихъ дѣлъ по уѣзду. Случилось иначе: подъ вліяніемъ общаго канцелярскаго строя уѣздной жизни, члены уѣздной управы остались въ своемъ уѣздномъ городѣ, и сельскія общества съ ихъ полями, пашнями, лѣсами и живыми людьми, съ ихъ земельными интересами и промыслами остались за флагомъ, безъ органической связи съ земствомъ своего уѣзда. Конечно, это было нехорошо, но такъ оно устроилось и такъ оно шло больше тридцати лѣтъ; на гумнахъ стало меньше запасныхъ зеренъ, стало меньше скота, и понемногу устанавливалось земельное неблагополучіе, какъ правило, и «недороды» сдѣлались лишь временными обостреніями этого общаго неблагополучія. Поэтому временная помощь въ годы такихъ «недородовъ», очень похожихъ на голодовки, разумѣется, очень важна и очень полезна, но это не есть помощь основная; какъ бы она ни была велика и отлично исполнена, она не рѣшаетъ существа задачи, и, смотря въ будущее, можно ожидать худшаго, если все останется попрежнему. Но это прежнее жило и дѣйствовало и, какъ все, что живетъ и дѣйствуетъ, успѣло вырасти, успѣло осѣсть и организоваться и получать традицію, которая, конечно, не можетъ намъ дать то новое живое, что намъ

нужно, потому что мы его не получили и тогда, когда еще не было никакой традиции и все было так просто и легко. Поэтому нужно поставить задачу иначе: найти такое жизненное нѣчто, которое было бы жизнеспособно само по себѣ, было бы исполнимо въ предѣлахъ правъ, дарованныхъ закономъ, было бы способно устроить болѣе благополучную сельско-хозяйственную жизнь въ селеніяхъ—и все это съ условіемъ, чтобы путь, которымъ оно должно идти, былъ бы вѣрный путь и всѣми признанъ за вѣрный путь. У насъ есть именно такое жизненное нѣчто—*сельское общество*, и остается только дать ему довѣющее мѣсто въ жизни людей. Эта мѣра неотразимо вѣрна съ точки зрѣнія земледѣлія, заслужена вѣками труда тѣхъ самыхъ людей, ради которыхъ она предлагается и такъ совершенно законна, что не нуждается ни въ какихъ сочувствіяхъ и ходатайствахъ со стороны администраціи. Намъ нужно только одно сочувствіе министерства земледѣлія. Нужно создать *сельско-хозяйственныя совѣщанія* въ средѣ сельскихъ обществъ, создать ихъ какъ постоянный сельско-хозяйственный органъ, примыкающій къ составу земскихъ учрежденій. Надежды наши основываются на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1. По общему закону земледѣльческихъ народовъ, русскій народъ ачтенъ къ землѣ, любить ее, даже когда она перестаетъ быть выгоднымъ промысломъ—это видно изъ аграрныхъ неурядицъ прежнихъ временъ, изъ дѣлъ крестьянскихъ банковъ, изъ исторіи переселеній и крестьянскихъ ходокъ въ далекія мѣста сибирской стороны и проч. Съ той же точки зрѣнія о важности лучшихъ условій для земледѣлія смотреть законъ 27 декабря 1883 года, предлагающій большія льготы для устройства низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, и еще яснѣе законъ объ учрежденіи министерства земледѣлія, отъ котораго мы ждемъ сочувствія къ нашему пониманію.

2. Земледѣліе есть свободный трудъ, и люди, которые имъ занимаются, всегда считались полноправными людьми въ своемъ земледѣльческомъ дѣлѣ. Такъ же говорить намъ великій актъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости императоромъ Александромъ II, и въ томъ же смыслѣ говорить законъ, создавшій земскія учрежденія. Народъ освобожденъ, юридическая реформа закончена, и вопросъ можетъ быть только о томъ: способенъ ли нашъ сельскій народъ къ дальнѣйшему усовершенію своего сельско-хозяйственного дѣла, которымъ онъ занятъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русская земля? Есть ли въ его сельско-хозяйственной жизни признаки актовъ самопомощи?

3. Вологодская губернія—еще въ началѣ XIX в. уже было травосѣяніе въ ея нѣкоторыхъ уѣздахъ. Ярославская губернія—клеверъ вводился крестьянами въ сѣвооборотъ; она же дала намъ романовскую овцу и ярославскую корову, которая отлично замѣняетъ дорогой альгаускій скотъ. Тверская губернія—во многихъ сельскихъ обществахъ вводится травосѣяніе. Смоленская губернія—травосѣяніе началось съ зажиточныхъ крестьянъ на огородахъ и усадьбахъ, затѣмъ перенесено на полевые земли, и уже многія

деревни приняли травосѣяніе, приобрѣтали сѣмена на мірской счетъ. Московская губернія—тоже началось травосѣяніе. Подобное же явленіе улучшенія своего земледѣлія актами самопомощи есть въ губерніяхъ Архангельской, Новгородской, Тульской и проч. (Тернеръ). Вездѣ замѣчается сознательный переходъ отъ сохи къ плугамъ, къ вѣялкамъ, и такихъ фактовъ можно набрать со всѣхъ концовъ Россіи. Тотъ же процессъ мы видимъ въ земствахъ крестьянскаго характера, у нашихъ сѣверо-восточныхъ сосѣдей Вятской и Пермской стороны. Отсюда три заключенія: 1) крестьянамъ доступны акты самопомощи по земледѣлію, однажды они видятъ ихъ пользу на практикѣ; 2) общинная форма землевладѣнія не есть препятствіе къ прогрессу земледѣлія, она связываетъ людей въ общее дѣло, и 3) только мѣстные земскіе люди суть дѣйствительно свѣдующіе люди своего земельного дѣла и своей земли. Въ 1881 году екатеринбургское и вятское земства просили Императорское Вольное Экономическое Общество указать имъ образцы улучшенныхъ орудій для крестьянскаго хозяйства и получили знаменательный отвѣтъ и не менѣе знаменательный совѣтъ; отвѣтъ былъ—не знаемъ мѣстныхъ условій, а совѣтъ былъ—путемъ выставокъ и конкурсовъ самимъ познакомиться съ орудіями и самимъ выбрать, что нужно. Таковы были отвѣтъ и совѣтъ компетентнаго учрежденія.

4. Волостныя совѣщанія не суть что-либо новое и неизвѣданное; они были у насъ въ прошлый голодный годъ (1891—92) и оказались совершенно пригодны для раздачи помощи нуждающемуся населенію. Волостное попечительство *), какъ оно тогда называлось и какъ я его знаю въ Казанскомъ уѣздѣ, состояло изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, сельскихъ старостъ волости, учителей земскихъ народныхъ школъ, священниковъ православныхъ приходовъ, земскаго врача, когда онъ свободенъ, и земскаго начальника, какъ предсѣдателя. У насъ не было ни жалованья, ни прогонныхъ, ни суточныхъ, ни подъемныхъ и мы ничего не стоили правительству. Это все были мѣстные люди, ихъ зналъ народъ и они знали его нужды и могли сказать, что нужно и какъ это сдѣлать. Совѣщанія собирались одинъ разъ въ мѣсяцъ въ помѣщеніи волостного правленія; они, какъ я уже сказалъ, состояли изъ мѣстныхъ свѣдующихъ людей и вели массу своей дѣла. Въ этомъ состояла вся тайна ихъ успѣха. Въ сущности, это былъ какъ бы слабый отблескъ русской старины, тѣхъ совѣтныхъ

*) Нынѣ существующія волости очень различны по размѣрамъ земельной площади, по числу селеній и по числу дворовъ; однимъ словомъ, это единица произвольнаго размѣра, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Волостныя совѣщанія могутъ прямо совпадать съ дѣленіемъ волостей. Кромѣ сельскихъ старостъ и землевладѣльцевъ, которые прямо заинтересованы въ благополучномъ ходѣ земледѣлія, мы имѣемъ въ числѣ членовъ волостного совѣщанія еще два ряда членовъ, составляющихъ, по своему занятію и образованію, мѣстную интеллигенцію страны—духовныя лица православныхъ приходовъ и учителя народныхъ школъ. Въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на ихъ участіе, видно изъ того, что въ 1895 г. было 384 добровольныхъ корреспондентовъ губернскому земству по сельскому хозяйству, въ томъ числѣ 83 духовныхъ лицъ и 108 учителей народныхъ школъ, т.-е. половина всѣхъ корреспондентовъ.

людей земских соборовъ, которые не разъ спасали русскую землю въ неблагополучныя времена.

Судя по задачѣ, положенной въ основу идеи волостныхъ совѣщаній, по ихъ личному составу, по общественному положенію лицъ и по ихъ общему занятію земледѣіемъ (см. Уставъ Вол. Сов. §§ 1, 2, 3, 5 и Уставъ опытн. поля и сел.-хоз. школы §§ 1, 10, 11, 12), волостныя совѣщанія представляютъ хорошую аналогію своеобразной сельской общины въ Закавказьѣ и вообще въ мусульманскомъ востокѣ *): тамъ, совмѣстно съ крестьянами (райатъ) живутъ въ ограниченномъ числѣ и владѣютъ землею лица, принадлежащія къ другимъ сословіямъ, такъ называемыя въ административномъ языкѣ «постороннія лица» — туземное сельское дворянство, сельское духовенство и приписанные къ городамъ разные люди. Здѣсь положеніе человека опредѣляется, главнымъ образомъ, родомъ его занятія, и съ этой точки зрѣнія, несмотря на ихъ сословныя различія, они могутъ составлять одну общину, одну сельско-хозяйственную единицу. По мѣстному праву, всѣ огороженные мѣста, сады, огороды и усадьбныя мѣста признаются собственностью владѣльцевъ, и «постороннія лица» связаны съ деревней прямыми интересами землевладѣнія, водовладѣнія и орошенія и возможностью сельскихъ сервитутовъ (права прогона, проѣзда, водопоя, поворота плуга, выпаса скота по жниву и проч.), если они оказываются необходимы. Новый русскій законъ (Полож. сел. общ. на Закавказьѣ) придалъ сельскимъ обществамъ чисто-сословный характеръ, устранилъ «постороннія лица» отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, юридически поставилъ ихъ внѣ общины; «это нанесло смертельный ударъ все-сословности этихъ общинъ», и взятыя изъ дѣйствительности факты говорятъ въ пользу сохраненія status ante quo (Егіазаровъ). Я привелъ результаты серьезнаго изслѣдованія — они въ пользу общинныхъ формъ въ мірѣ земледѣлія. Примѣняя это къ нашему случаю (сельско-хозяйственная народная школа съ опытнымъ полемъ въ рукахъ волостного совѣщанія), получаемъ слѣдующую юридическую характеристику волостного совѣщанія: *волостное совѣщаніе есть самостоятельный сельско-хозяйственный без-сословный (не всесословный) органъ въ ряду земскихъ учреждений.*

5. Географическій районъ средней волости не слишкомъ великъ и не слишкомъ малъ для данной задачи; на это есть два вѣрныхъ пути: 1) путь практическаго примѣра — *опытное поле* и 2) путь разъясненія и убѣжденія — сельско-хозяйственная школа съ практическими уроками на поляхъ своей волости. Вездѣ, гдѣ это устроится, можно быть спокойнымъ за результатъ: сельское хозяйство въ волости повернется къ лучшему, недороды, насколько они зависятъ отъ человека, будутъ постепенно рѣже и слабѣе и, если будетъ нужна внѣшняя помощь великодушныхъ людей, то она

*) С. А. Егіазаровъ: „Изслѣдованіе по исторіи учреждений въ Закавказьѣ“. (Ученыя записки Импер. Казан. университета по юридическому факультету. Казань, 1889 г., стр. 1, 2, 40, 45, 139, 157).

явится во время, потому что голодовки не будутъ замалчиваться, какъ это дѣлается теперь и—что очень важно—пришедшая помощь встрѣтитъ дружную, дружественную, готовую организацію, мѣстную, достойную довѣрія. Конечно, было бы большою ошибкой, если бы такія совѣщанія учреждались только во времена общественнаго бѣдствія и исчезали бы какъ тѣни, безслѣдно, во всѣ остальные времена; но все возможно на свѣтѣ, и я скажу поэтому нѣсколько пояснительныхъ словъ. Если нужна умѣлая, хорошая работа, то ищутъ мастера именно этой работы, который ее знаетъ, который ее дѣлаетъ и приспособился къ ней; также понимаютъ это военные люди, предпочитаая постоянныя дисциплинированныя войска и срочныя, периодически правильныя упражненія войскъ запаса—средневѣковымъ сборнымъ войскамъ, набраннымъ отъ ad hoc въ неблагополучныя времена, когда нужны вооруженные люди. Точно также это выяснилось въ исторіи женевской конвенціи, и учреждены больницы Краснаго Креста и общины сестеръ милосердія въ мирныя времена съ тѣмъ, чтобы онѣ были готовы прямо въ дѣло въ военное время; точно также понимали это всѣ, кто въ самомъ дѣлѣ заботился о народномъ образованіи, учреждая школы, семинаріи и проч. Такъ, наконецъ, это дѣлаютъ всѣ, кому нужна и для кого цѣнна умѣлая, хорошая работа, будетъ ли то обработка поля или постройка дома, или лѣченіе больного, или помощь нуждающемуся въ годы голодовокъ и эпидемій, или школьное дѣло, или ремесленное дѣло.

III.

Уставъ волостного совѣщанія. § 1. *Волостное совѣщаніе есть самостоятельный, безусловный, сельско-хозяйственный органъ въ составѣ земскихъ учреждений.* Волость есть его географическій районъ. Въ этомъ районѣ оно есть ближайшій совѣтникъ, руководитель и попечитель у сельскихъ обществъ волости и отдѣльныхъ семей, и выѣстъ съ тѣмъ посредствующее звено въ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ между сельскими обществами и уѣздной земскою управой.

§ 2. Волостное совѣщаніе имѣетъ предметомъ: 1) знать положеніе сельского хозяйства въ своей волости и его нужды по земледѣлію, скотоводству, огородничеству, сельскимъ промысламъ и по народному здравію; 2) слѣдить за сельско-хозяйственными причинами (факторами) и признаками угрожающихъ недородовъ (погода, посѣвы, сорныя травы, вредныя наѣкомыя), пользуясь опытнымъ полемъ и уроками на поляхъ волости; 3) давать на практикѣ примѣръ земледѣльческаго дѣла (опытное поле) и въ случаѣ надобности ходатайствовать передъ уѣздной земскою управой о содѣйствіи, доводя о томъ въ то же время до свѣдѣнія губернской земской управы.

§ 3. Волостное совѣщаніе состоитъ изъ слѣдующихъ совѣтныхъ людей: 1) сельскіе старосты волости, 2) священники православныхъ приходовъ волости и ихъ дьяконы и псаломщики, 3) учителя земскихъ и церковно-

приходскихъ народныхъ школъ, 4) мѣстные землевладѣльцы, 5) представитель земской медицины (фельдшеръ или земскій врачъ).

§ 4. Волостному совѣщанію не присвоивается никакой власти надъ населеніемъ. Оно можетъ имѣть вліяніе только двумя путями: а) *собственными примѣромъ* чрезъ посредство опытнаго поля и б) *убѣжденіемъ* чрезъ посредство сельско-хозяйственной школы, связанной съ опытными полями.

§ 5. Волостныя совѣщанія бываютъ срочныя, въ избранные удобные сроки (1 разъ въ мѣсяцъ), и экстренныя или чрезвычайныя, когда того потребуетъ надобность. Всѣ совѣщанія *платны*.

§ 6. Въ волостныхъ совѣщаніяхъ, кромѣ ихъ членовъ (§ 3), могутъ присутствовать съ совѣщательнымъ голосомъ слѣдующія лица: 1) всѣ земледѣльческіе люди волости, 2) всѣ уѣздные чины всѣхъ вѣдомствъ и министерствъ, съ условіемъ не нарушать хода совѣщанія. Въ особенности всегда желательны близкіе намъ люди: 3) члены уѣздной земской управы и 4) земскіе агрономы и вообще всѣ лица министерства земледѣлія.

Волостное совѣщаніе можетъ дѣйствовать только примѣромъ и убѣжденіемъ (§ 4). Какъ можно убѣждать сельскихъ земледѣльческихъ людей, приведу примѣръ: въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, земскій агрономъ развѣзжаетъ по деревнямъ съ сортировками сѣмянъ. Крестьяне не вѣрили въ сортировки, но согласились сдѣлать опытъ: разсортировали зерно на три сорта—крупное, среднее и мелкое. Потомъ посѣяли врознь рядомъ. Крупное зерно дало на 24 пуда больше противъ обыкновеннаго урожая, средній сортъ далъ на 8 пудовъ больше противъ обыкновеннаго урожая, а мелкій сортъ далъ на 18 пудовъ меньше противъ обыкновеннаго (см. «Крестьянское хозяйство 1900 г.», стр. 249—256, въ № 6).

§ 7. Волостныя совѣщанія, являясь охранителями сельско-хозяйственныхъ интересовъ своего района, имѣютъ право, въ лицѣ своего председателя или особаго уполномоченнаго, личныхъ и письменныхъ заявленій въ уѣздныя земскія собранія и въ уѣздную земскую управу своего уѣзда. О каждомъ такомъ заявленіи доводится до свѣдѣнія губернской земской управы.

§ 8. Заботы волостного попечительства о благополучіи своей волости раздѣляются на двѣ части: а) благополучныя времена и б) времена общественнаго бѣдствія, куда можно отнести главныхъ три: 1) недороды хлѣбовъ и травъ съ ихъ послѣдствіями; 2) пожары съ ихъ причинами; 3) эпидемическія болѣзни людей и домашняго скота съ ихъ причинами, теченіемъ и послѣдствіями.

§ 9. Благополучныя времена: а) *Заботы по сельскому хозяйству*: 1) Устройство опытнаго поля и его веденіе. 2) Устройство и веденіе сельско-хозяйственной школы. 3) Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ по земледѣлію и скотоводству въ волости за текущій годъ, о земледѣльческихъ орудіяхъ и сѣменахъ, объ урожаяхъ травъ и хлѣбовъ, о сорныхъ травахъ и вредныхъ наѣжкомыхъ, о цѣнахъ на скотъ, о цѣнахъ на сельскіе товары въ мелочныхъ лавкахъ селеній, объ условіяхъ краткосрочнаго займа денегъ, объ

условіяхъ найма рабочихъ на полевые работы и проч. 4) Участіе въ сельскохозяйственныхъ выставкахъ своего уѣзда. 5) Корреспонденція въ губернскую земскую управу о положеніи сельско-хозяйственного дѣла въ волости и отвѣты на вопросы губернскаго земства и министерства земледѣлія, если таковыя будутъ даны. б) *Заботы по народному здравію*: 1) Заботы объ устройствѣ постоянного врачебнаго пункта съ пріемнымъ покоемъ. 2) Нумерація дворовъ въ селеніяхъ волости. 3) Свѣдѣнія о появленіи эпидемій людей и домашнихъ животныхъ. с) *По пожарамъ* *): 1) Устройство пожарныхъ артелей. 2) Устройство подъѣздныхъ путей къ водѣ. 3) Устройство неогораемыхъ или трудно сгораемыхъ (черепица, глиносоломенные крыши) крышъ и замѣна межизбычныхъ плетней и заборовъ живыми изгородями. 4) Пользоваться пригодными случаями (пожаръ и въ особенности *раздѣлъ семьи*) превращать большія селенія въ систему хуторовъ.

§ 10. *Времена общественнаго быдствія*: а) Заботы по сельскому хозяйству: 1) Заявленіе въ уѣздную земскую управу о признакахъ, угрожающихъ недородомъ и недостаткомъ продовольствія людей и скота. 2) Составленіе предварительныхъ списковъ нуждающихся въ помощи семей (съ указаніемъ на № двора по § 9, 6, п. 2) и предоставленіе этихъ свѣдѣній лицамъ, которые являются для оказанія помощи. 3) Ходатайства предъ уѣздной земской управой о напечатаніи въ официальномъ органѣ губернской прессы воззванія къ добровольнымъ пожертвованіямъ. б) *По народному здравію*: 1) Заявленіе въ уѣздную земскую управу о появленіи эпидеміи съ указаніемъ на селенія и номера домовъ, гдѣ больные. 2) Содѣйствіе врачбнымъ лицамъ, присланнымъ для оказанія помощи заболѣвшимъ, какъ-то: пріисканіе квартиры, помѣщеніе больныхъ, передвиженіе врачбныхъ лицъ и больныхъ и пріисканіе достойныхъ довѣрія мужчинъ и женщинъ для ухода за больными и проч.

§ 11. Сельско-хозяйственный годъ считается отъ праздника Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ этому сроку (1 октября), въ годовомъ совѣщаніи, предѣдатель волостного совѣщанія читаетъ краткій отчетъ объ опытномъ полѣ и сельско-хозяйственной школѣ, о наиболѣ важныхъ событіяхъ за истекшій годъ, объ успѣхахъ и неуспѣхахъ принятыхъ мѣръ и ходатайствъ вообще о всей дѣятельности волостного совѣщанія и сельско-хозяйственной жизни волости. Этотъ отчетъ посылается въ уѣздную земскую управу и въ губернскую управу, для доклада губернскому собранію по губерніи, въ его ближайшую (декабрьскую) сессію.

§ 12. Волостныя совѣщанія открываются на мѣстахъ предѣдателямъ уѣздной земской управы; онъ принимаетъ участіе въ первомъ засѣданіи и передаетъ всѣ необходимыя руководящія свѣдѣнія, инструкціи, бланки, бумаги и печать волостного совѣщанія (хранится у предѣдателя совѣщанія).

*) Изъ данныхъ обзора по Казанской губерніи за 1894—98 гг. видно, что число пожаровъ увеличивается съ 1894 г., что въ инородческихъ уѣздахъ пожаровъ и число сгорѣвшихъ домовъ въ одинъ пожаръ меньше, чѣмъ въ русскихъ уѣздахъ.

IV.

У насъ есть высшія, среднія и низшія сельско-хозяйственныя школы и фермы, гдѣ въ теоріи и на практикѣ обучаются разнымъ формамъ земледѣлія (поля, огороды и сады); въ университетахъ есть профессуры агрономической химіи и агрономіи, въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ обсуждаются вопросы по практическому земледѣлію, въ сельско-хозяйственныхъ книгахъ, журналахъ и газетахъ печатаются статьи по практическому земледѣлію. Ничего изъ этого богатаго матеріала не доходитъ до милліоновъ не книжныхъ людей, которые заняты практикой земледѣлія, той самой практикой, которой кромѣ, ихъ никто, не занимается и которая въ то же время считается, по справедливости, основой благосостоянія народа и государства. Причина тому не есть малограмотность народа, потому что здѣсь одна грамотность недостаточна, потому что даже въ самой высшей школѣ грамотности (университетѣ) всѣ науки о природѣ основаны не на книжкахъ и разсказахъ (лекціи), а на практическомъ изученіи специальныхъ объектовъ (предметовъ) въ музеяхъ и непремѣнно связаны съ практическими занятіями. Таковъ общій законъ для всякаго настоящаго знанія, для всякаго пракческаго умѣнья, для всякаго сознательнаго труда. Къ этой же категоріи принадлежитъ земледѣліе. А такъ какъ народъ нашъ, въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, не можетъ искать этихъ ему нужныхъ практическихъ знаній ни въ ученыхъ обществахъ, ни въ земледѣльческихъ школахъ, то они (знанія) должны сами къ нему придти и дѣйствовать на его глазахъ, точно такъ же какъ къ нему пришла земская медицина не съ лѣчебниками, а съ врачами, фельдшерами, перевязками, больницами и лѣкарствами. Такъ пришла къ нему земская народная школа—не съ букварями и указками, а съ учителями, школами, перьями, чернилами и проч.; такъ же къ нему пришла Христова Церковь съ IX вѣка съ богослуженіями, церквями, монастырями и проч. Точно такъ же должно придти земледѣльческое дѣло съ опытными полями, образцами плодосмѣна и сѣвооборота, съ улучшенными орудіями и земледѣльческими школами и агрономами.

Уставъ опытнаго поля и земледѣльческой школы.

§ 1. Волостная земледѣльческая школа съ опытнымъ полемъ имѣетъ цѣлью содѣйствовать сельскимъ обществамъ своей волости и ея отдѣльнымъ семьямъ благополучно вести сельское хозяйство на ихъ земельныхъ наделахъ. Она есть практическій органъ волостного совѣщанія, находится въ его непосредственномъ вѣдѣніи и вліяетъ на сельское населеніе примѣрами своего опытнаго поля, занятіями учениковъ и практическими уроками на поляхъ, лугахъ, садахъ и огородахъ своей волости.

§ 2. Курсъ обученія продолжается *три года*. Въ ученики школы могутъ быть приняты, по экзамену изъ русскаго чтенія, письма и счета, окончившіе курсъ въ земской или церковно-приходской школѣ мѣстные

мальчики, а также которые выдержали приемный экзаменъ въ чтеніи и письмѣ по-русски и въ арифметическомъ простомъ и именованномъ счетѣ.

Въ особенности желательны въ числѣ учащихся дѣти сироты *) и дѣти бѣдныхъ семей, а также воспитанники сиротскаго дома губернскаго земства (ст. 7 п. 1, ст. 176 и ст. 184 п. 2). Земельные надѣлы сиротъ находятся подъ особымъ попеченіемъ волостного совѣщанія.

§ 3. Ученіе раздѣляется на полугодія: лѣтнія полугодія, начиная отъ пашни яровыхъ полей до уборки озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ, и зимнія полугодія, начиная отъ установившагося зимняго пути до свѣтлаго праздника Пасхи.

§ 4. Въ составъ лѣтнихъ полугодій входятъ: 1) работы на опытномъ полѣ, образцы плодосмѣна, практика удобреній, хозяйственные особенности злаковыхъ, мотыльковыхъ, масличныхъ и корнеплодныхъ растений; 2) на-

*) Въ Саратовской губерніи, по мысли учредителя Николая Николаевича Жеденова, мѣстнаго земскаго начальника, устроились пріюты для крестьянскихъ сиротъ, съ цѣлю обучить ихъ сельскому хозяйству, ремесламъ и грамотѣ, добывая собственнымъ трудомъ необходимое для жизни (пища и одежда). Объ этихъ пріютахъ было много молвы, и оправдалась народная поговорка, что добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. Я имѣлъ случай лично узнать все дѣло отъ Н. Н. Жеденова и вѣрю въ правду его; но этого мало для тѣхъ, для кого писана эта статья; я поэтому приведу по нѣскольку словъ изъ брошюры Г. И. Лакина „Въ гостяхъ у крестьянскихъ сиротъ“ (Сиб., 1896 г.) и изъ реферата И. О. Фесенко „Сельско-хозяйственные пріюты сиротъ какъ новая форма благотворительности“ (Образованіе 1894 г., ноябрь, № 11, стр. 263—273). Г. И. Лакинъ далъ себѣ трудъ лично видѣть пріюты, видѣлъ, какъ они живутъ, что дѣлаютъ и написалъ то, что онъ видѣлъ: у пріюта земельный надѣлъ, заведуетъ пріютами волостной совѣтъ, состоящій изъ волостного правленія, предсѣдателя волостного суда, всѣхъ овященниковъ волости, земскаго участковаго врача и волостного фельдшера. Всѣ дѣти носятъ платье собственной работы. Рожь убирали косами 1 рабочій, 3 питомцевъ и 5 дѣвочекъ вавальщизъ, и поле убрано никакъ не хуже крестьянскаго. Содержаніе питомца обошлось волости сначала 25 р., а потомъ 10 р. въ годъ, и учредитель надѣялся, съ теченіемъ времени, покрывать всѣ расходы продуктами своихъ работъ въ пріютѣ. Дѣти около 9 лѣтъ отлично исполняютъ обязанности пастуховъ мелкаго скота, утокъ и гусей. Огородъ даетъ хорошій урожай и личу; въ особенности въ лѣтній (Петровский) постъ понравился редисъ, и по просьбѣ крестьянъ выписаны его сѣмена. Поля даютъ урожай хлѣбовъ, а скотный и птичій дворъ—запасы мяса. Пріютъ беретъ земледѣльческія орудія отъ нѣвѣстной фирмы на коммиссію съ льготой 10% и продаетъ ихъ мѣстнымъ крестьянамъ; вообще стараются ввести механическія приспособленія, чтобы облегчить трудъ работающихъ дѣтей. Все дѣло дано въ руки смотрителю съ женой; они получаютъ 300 р. въ годъ, на полномъ содержаніи. Г. И. Лакинъ кончаетъ свое описаніе словами: „если сомнѣваетесь, поѣзжай и самъ посмотри“. Это рекомендація хорошая. И. О. Фесенко признаетъ достойнымъ уваженія основную мысль Н. Н. Жеденова и факты, которые высказалъ въ воронежскомъ отдѣлѣ моск. сел.-хоз. общества. Осуществлена попытка создать семью тѣмъ, кого судьба лишила семьи; поэтому во главѣ пріюта поставлена семья, мужъ и жена, не имѣющие дѣтей. Въ крестьянской семьѣ дѣти пріучаются къ труду, имѣтъ различія *мое* и *твое*, а только *наше*, и къ осуществленію того направлены силы крестьянской семьи. Та же задача въ пріютахъ Н. Н. Жеденова. Въ ней, по мнѣнію референта, есть существенный недостатокъ—не видно стремленія расширить умственный кругозоръ крестьянскаго населенія.

блюденіе вредныхъ насѣкомыхъ, мѣры помощи и значеніе полезныхъ птицъ; 3) мѣры противъ промоннъ и овраговъ; 4) практика пастушного дѣла; 5) практика огнеупорныхъ крышъ и устойчивыхъ саманныхъ построекъ; 6) письмо хозяйственныхъ замѣтокъ; 7) хоровое пѣніе въ вечерніе часы.

§ 5. Въ составъ зимнихъ полугодій входятъ: 1) постройка и починка земледѣльческихъ орудій и подготовка ихъ къ работамъ весной; 2) уходъ за скотомъ и практика зимняго корма; 3) практика скирдного, овиннаго и амбарнаго дѣла; 4) практика сельско-хозяйственныхъ мѣръ и вѣсовъ, натуръ хлѣбовъ и основы счетоводства земледѣльской крестьянской семьи; 5) краткіе рассказы о сельскомъ благоустройствѣ, о земскихъ учрежденіяхъ и о министерствѣ земледѣлія; 6) чтеніе и письмо, рассказы по исторіи, географіи, пользуясь жизнеописаніями лучшихъ, самоотверженныхъ людей всѣхъ народовъ; 7) краткіе рассказы о солнцѣ и звѣздномъ небѣ, о погодѣ, вѣтрахъ, облакахъ, дождяхъ и снѣгахъ, пользуясь явленіями въ природѣ *); 8) хоровое пѣніе въ вечерніе часы.

§ 6. Учебныя пособія. Они состоятъ изъ семи отдѣловъ: 1) учебныя книжки, доступная сельско-хозяйственная литература и отдѣлъ общей литературы; все для внѣкласснаго чтенія и для чтенія на дому; 2) карты: планъ опытнаго поля школы, карта волости съ земельными надѣлами сельскихъ обществъ и всѣми дорогами, дорожками и тропинками; карта уѣзда съ волостями; карта губерніи съ уѣздами, карта Россіи съ губерніями и областями; 3) чертежи и рисунки (если можно—модели) орудій и построекъ; 4) музей: рисунки и образчики земледѣльческихъ растений, луговыхъ и сорныхъ травъ, вредныхъ насѣкомыхъ и ихъ поврежденій; 5) инструменты сельско-хозяйственной метеорологіи; 6) рисунки племенныхъ домашнихъ животныхъ и птицъ; 7) образцы минеральныхъ удобреній отъ разныхъ фирмъ и ихъ цѣны; 8) отражательный волшебный фонарь.

§ 7. Школа управляется учителемъ и его помощникомъ; они получаютъ готовыя квартиры съ мебелью и отопленіемъ и раздѣляютъ между собою преподаваніе, практическіе уроки на поляхъ и заботы объ успѣхахъ школы, опытнаго поля и учениковъ школы **).

§ 8. Учитель школы и его помощникъ представляютъ волостному совѣщанію каждый мѣсяцъ отчетъ о ходѣ дѣла въ школѣ, на опытномъ полѣ,

*) По поводу мѣръ противъ жука „кузьки“ проф. Харьковскаго университета, Ю. Морозовъ, предложилъ устройство сельско-хозяйственныхъ метеорологическихъ станцій. Для такой станціи, въ сокращенномъ видѣ, при волостномъ совѣщаніи нужно было бы два термометра (6 р.), барометръ (6 р.), лѣтка для помѣщенія инструментовъ (5 р.), флюгеръ (3 р.)—всего одновременно 20 р. Кроме того, записи о дождяхъ и снѣгахъ, состояніи неба, цвѣтеніи культурныхъ растений и ихъ созрѣваніи, появленіи вредныхъ насѣкомыхъ. Предложеніе проф. Морозова внесло бы лучъ свѣта въ наше земледѣльческое дѣло; оно просто, дешево и легко исполнимо (доклады комиссіи при харьк. губ. зем. управѣ, 1880 г., стр. 126—136).

**) Годовой расходъ школы можетъ быть разлеченъ. Для примѣра, возьмемъ: а) большая (для уѣзда); б) малая (для волости); в) начальная (огородная форма) для дѣт-

на практическихъ урокахъ, на поляхъ сельскихъ обществъ волости и вообще объ успѣхахъ школы и всего дѣла.

Въ случаѣ затрудненій, которыя школа не можетъ разрѣшить собственными силами, она проситъ совѣта отъ сельско-хозяйственной фермы министерства земледѣлія или мѣстной земской фермы, или мѣстнаго земскаго агронома.

§ 9. Ученики школы живутъ въ общежитіи, въ особомъ помѣщеніи дома, гдѣ живетъ учитель, гдѣ устроена кухня и живетъ кухарка общежитія. Въ другомъ особомъ помѣщеніи живетъ помощникъ учителя, помѣщаются классы, музей и учебныя пособія и живетъ сторожъ школы.

Въ помѣщеніи, гдѣ живутъ ученики, вѣсто наръ или кроватей устраиваются висачія койки, которые убираются на время дня.

§ 10. Волостное совѣщаніе можетъ открыть у себя школу съ опытнымъ полемъ различно: а) по собственному почину; б) по предложенію уѣздной земской управы; в) по предложенію губернскаго земства; д) по предложенію вѣдомства министерства земледѣлія; е) по предложенію частныхъ земле-владѣльцевъ или сельскихъ обществъ волости. Нужныя для того матеріальныя (вещевыя и денежныя) средства могутъ быть доставлены и доставляемы добровольными приношеніями частныхъ лицъ, сельскихъ обществъ, уѣздныхъ земствомъ, губернскимъ земствомъ, министерствомъ земледѣлія (примѣняясь къ мнѣнію государственнаго совѣта 27 декабря 1883 года, чрезъ посредство ходатайства о томъ губернскаго земства). Всѣ такія школы считаются земскими школами.

§ 11. Вести образцовое земледѣльческое хозяйство и научить тому людей своей волости,—это самая существенная, самая истинная цѣль школы и ея опытнаго поля. Въ этомъ все ихъ значеніе и достоинство: «ниже со-творить и научить, сей велиіи наречется». Все остальное придетъ само собою.

У.

Разъ, это было въ семидесятыхъ годахъ, мнѣ пришлось проѣздомъ остановиться въ Цюрихѣ, въ Швейцаріи. Былъ поздній вечеръ, время года было глухое, путешественниковъ вообще было мало, и хозяйка отеля, пока собирали легкій ужинъ, предложила пригласить другого путешественника, который тоже у нея остановился и сидитъ одиноко въ своей комнатѣ.

Что отдѣленія земской или церковно-приходской школы (смотря по мѣстнымъ условиямъ, цѣны будутъ различны):

	а	б	в
Учитель и помощникъ	780	420	60
Учебныя пособія, инвентаръ и ремонтъ .	460	160	36
Сторожъ и кухарка	180	132	24
Отопленіе и страховка	92	40	—
Итого	1,512	752	120
Содержаніе учениковъ	?	?	?

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ высокій, худощавый человѣкъ и сѣлъ у сервированнаго стола, пока я вписывалъ въ книгу отоя обычныхъ отмѣтокъ (имя, національность, зачѣтъ, куда и проч.); хозяйка прочитала ихъ. Тутъ мой сосѣдъ, при словѣ Russland (Россія) всталъ и, съ оттѣнкомъ нѣкоторой торжественности, протягивая мнѣ руку, сказалъ коротенькую рѣчь, что «есть два великихъ народа на землѣ, что эти два народа сами отпустили на свободу своихъ рабовъ, отпустили изъ нравственныхъ причинъ съ матеріальными пожертвованіями—Россія и Сѣверо-Американскіе Союзные Штаты», и предложилъ дружескимъ Shake hands скрѣпить обоюдное сочувствіе и уваженіе въ память оказаннаго акта христіанской нравственности и вѣстѣ съ тѣмъ политической мудрости. Логика событій привела къ сближенію освобожденныхъ людей съ остальнымъ населеніемъ; у насъ оно выразилось въ правительственномъ актѣ земскихъ учрежденій. Народъ освобожденъ, административная опека устранена, реформа совершилась благополучно, и дальнѣйшія заботы о преуспѣяніи и завершеніи земледѣльческаго народнаго дѣла остались на нашихъ рукахъ. У насъ къ тому два пути: а) починъ самихъ земледѣльцевъ — *волостныя совѣщанія*, о которыхъ я говорилъ и б) починъ земства — *земская народная школа*, о которой сейчасъ скажу. Конечно, оба пути, каждый по своему, могутъ успѣть это хорошее дѣло, но чтобы успѣхъ былъ полный и стоялъ крѣпко, нужно согласное сочетаніе обоихъ путей. Если же это такъ, а оно въ самомъ дѣлѣ такъ, то совершенно все равно, откуда бы ни началось первое движеніе въ каждомъ данномъ случаѣ, отъ волостного ли совѣщанія, или отъ земской школы, лишь бы началось. Голодные годы послѣдняго десятилѣтія доказали это съ полной очевидностью.

Передовыми земствами считаются наши сѣверо-восточные сосѣди — пермскія и вятскія земства; ихъ дѣла на пользу земледѣлія въ селеніяхъ извѣстны, и я могу ограничиться краткими замѣчаніями изъ жизни пермскаго земства, гдѣ дирекція народныхъ училищъ также стоитъ на высотѣ своего призванія. Пермскіе факты *) говорятъ слѣдующее:

Въ уѣздныхъ земствахъ Пермской губерніи, уже въ восьмидесятыхъ годахъ поднимался вопросъ о надѣлахъ земли для земскихъ народн. школъ; съ 1890 года онъ получилъ настоящее движеніе, которое сохраняется и до сей поры. Дирекція народныхъ училищъ запросила учителей школъ о ихъ занятіяхъ по сельскому хозяйству; изъ отвѣтовъ выяснилось, что у многихъ есть свои земельные надѣлы (крестьянскіе душевые надѣлы), многіе арендуютъ землю, и громадное большинство высказалось за пользу земельныхъ надѣловъ школъ на правѣ полной собственности. Въ концѣ 1890 года дирекція училищъ представила Пермскому губернскому собранію записку о пользѣ надѣлить земскія народныя школы земельными надѣлами: это дѣласть учителя осѣдлымъ семьяниномъ и благотворно отразится на

*) А. П. Раменскій: статья о школьномъ земледѣліи въ Пермской губ. (*Русская Школа*, 1897 г., № 9 и 10).

всемъ матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ строѣ его жизни. Та-кой учитель уже не будетъ чувствовать себя бобылемъ, чуждымъ крестьянскому обществу; земля сдѣлаетъ изъ него хозяйственнаго человѣка, сбли-зить его съ народомъ. Губернское земство передало эту записку на за-ключеніе уѣздныхъ земствъ, и большинство ихъ высказалось въ пользу ос-новной идеи записки. Затѣмъ голодъ 1891—92 годовъ заставилъ ближе подумать о мѣрахъ поднять сельское хозяйство селеній и въ концѣ 1892 года составилось при губернскомъ земствѣ особое совѣщаніе, которое при-шло къ слѣдующимъ заключеніямъ: нужно измѣнить программы двуклас-сныхъ училищъ, нужно имѣть при земской народной школѣ земельный на-дѣлъ для сельскаго хозяйства, огородничества и садоводства; нужны об-разцовыя поля съ травостѣяніемъ, нужны преміи за лучшія народныя книж-ки по земледѣлію. Лѣтомъ 1893 года устроились курсы (съ 15 мая по 8 августа) по сельскому хозяйству и повторены въ 1894, 1896 и 1897 гг. Кромѣ того нѣкоторые уѣздныя земства дали учителямъ своихъ земскихъ школъ огородныя сѣмена, земледѣльческія орудія (вѣялка, молотилка, кукле-отборка) съ разсрочкой платежа, и состоялись пожертвованія земли въ пользу школъ. Въ 1897 году, изъ 729 училищъ, 245 училищъ получили земель-ные участки и устроили сельско-хозяйственныя занятія на 263 десятинахъ, 105 садахъ, 155 огородахъ и 18 пасѣкахъ (съ 1 сентября 1893 г. было 91 улей, въ 1894 г. 172 улья, въ 1895 г.—226 ульевъ).

Въ Россіи, странѣ земледѣльческой, школа не должна быть чужда ин-тересовъ сельскихъ обществъ, тѣмъ болѣе, что она, вѣроятно, еще долго останется единственнымъ образовательнымъ учрежденіемъ, доступнымъ на-родной массѣ; кромѣ того, поколѣнію будущихъ хозяевъ, проходящихъ те-перь свою земскую школу, придется работать при худшихъ условіяхъ, чѣмъ работаютъ теперь ихъ отцы (стр. 199). Официальныя данныя Пермской губерніи показали, что душевой на-дѣлъ колеблется отъ 8 до 14 десятинъ и въ среднемъ равенъ 10,2 десятинамъ казенной мѣры. Если примемъ, что земельный на-дѣлъ народной земской школы долженъ быть равенъ душе-вому на-дѣлу, получаемъ: малый на-дѣлъ школы 8 десятинъ, средний на-дѣлъ школы—10 дес., большой на-дѣлъ школы—14 дес. Итакъ, въ резуль-татѣ, два условія успѣха: 1) Земскія народныя школы должны имѣть зе-мельные на-дѣлы и 2) учителя земскихъ народныхъ школъ должны имѣть (получать) сельско-хозяйственную подготовку *).

*) Въ статьѣ А. П. Раменскаго приведены болѣе детальныя свѣдѣнія по Осин-скому уѣзду, гдѣ даны пособія въ нѣкоторыя школы (изгородь, инвентарь, сѣмена); условія денежной помощи были главныя три: 1) земельный на-дѣлъ, 2) сельско-хо-зяйственное образованіе учителя и 3) личный трудъ и собственное желаніе. Для школьнаго сада, не считая кустовъ и деревъ, нужно садовыхъ орудій на 25 р. Для начала пасѣки (кромѣ мшанника) нужно на 2 улья съ пчелами (16 р.), на 3 рамоч-ныхъ ульяхъ (9 р.), на наблюдательный улейекъ (1 р. 50 к.), на орудія (3 р. 50 к.), на книги по пчеловодству (3 р.) и на устройство тына или плетня, или живой изго-роди (30 р.)—всего на 63 р. Очень важно устройство изгороди, она даетъ безопас-

VI.

Въ пользу того, что сказано, можно, казалось бы, рассчитывать на участіе и содѣйствіе многихъ лицъ и учреждений, напримѣръ: *министра земледѣлія, министерства народнаго просвѣщенія, святѣйшаго синода, губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, земледѣльцевъ и землевладельцевъ селеній, императорскаго вольнаго экономическаго общества и мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, университетскихъ обществъ естествоиспытателей, органовъ періодической печати и всѣхъ вообще великодушныхъ людей, которыми свѣтится русская земля. При такихъ условіяхъ есть хорошіе шансы на успѣхъ.*

Ар. Ив. Якобій.

ность и спокойствіе занятія,—это не можетъ быть получено никакими просьбами, жалобами, приказами, судами или деньгами. Для Пермской губерніи предложены: береза, осина, вязъ, китайская аблоня, желтая акація, ивы, шиповникъ.

Грибоѣдовскій музей въ Москвѣ.

I.

Сто пять лѣтъ прошло со дня рожденія А. С. Грибоѣдова. Въ 1879 г. исполнилось пятидесятилѣтіе со дня его кончины, въ 1895 г. болѣе чѣмъ зримо русская литература праздновала столѣтіе со дня рожденія поэта, подарившаго ей драгоцѣнную комедію, которая «едва ли когда-нибудь со- гасится», какъ писалъ Гончаровъ.

Съ той поры, какъ водится, имя Грибоѣдова упоминалось лишь изрѣд- — на афишахъ, въ рѣдкіе дни постановки «Горя отъ ума». Совершенно неожиданно въ настоящее время въ газеты и въ публику проникли слухи о устройствѣ «Грибоѣдовскаго музея», у насъ, въ Москвѣ. Затѣмъ по- появились извѣстія о памятникѣ поэту въ Тегеранѣ. Если мы вспомнимъ, то память великихъ людей нашей литературы крайне рѣдко знаменуется въ-либо дѣйствительно значительнымъ,—слухи о новомъ учрежденіи въ па- ять Грибоѣдова покажутся очень важными. Въ виду этого мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ идеѣ Грибоѣдовскаго музея и о сред- ствахъ къ ея осуществленію.

Инициаторомъ этого московскаго дѣла является петербуржецъ, г. Ша- ломытовъ, изслѣдователь жизни, дѣятельности и эпохи Грибоѣдова. По мно- гимъ причинамъ (о нихъ рѣчь будетъ ниже) полагая, что именно въ Москвѣ необходимо сдѣлать что-либо въ память поэта, г. Шаломытовъ обратился о своей идеей къ Москвѣ. Встрѣтились различныя затрудненія. Прежде всего необходимо было найти помѣщеніе, подходящее для этой цѣли. На помощь пришла администрація Историческаго музея, которая рѣшила опре- дѣлить для помѣщенія залъ въ башнѣ своего зданія—въ лѣвой, ближай- шей къ Никольскимъ воротамъ. Это довольно обширная комната—восьми- тольная, въ 2 окна, высокая. Затѣмъ при музеѣ постепенно организо- вался комитетъ, которому предстоитъ его устройство и заведываніе его дѣлами.

Въ составъ комитета вошли: гр. П. С. Уварова, И. Е. Забѣлинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. Е. Носъ, Ю. А. Веселовскій, Н. В. Шаломытовъ,

П. А. Ефремовъ, А. А. Бахрушинъ и А. И. Станкевичъ. Г. Станкевичъ принялъ на себя обязанности хранителя организующагося музея.

Теперь комитету предстоитъ выполненіе двухъ задачъ. Прежде всего надо составить возможно болѣе обширную коллекцію для музея; вѣстѣ съ тѣмъ предполагается рядъ предпріятій для поддержанія въ публикѣ интереса къ Грибоѣдову и для пополненія крайне скудныхъ средствъ музея. Будутъ устроены публичныя чтенія, лекціи и т. дал. Судя по составу комитета, можно заключить, что средствами для цѣлей второй категоріи онъ вполне располагаетъ. Значительно больше трудностей представляетъ собираніе коллекціи, которую предполагается составить по слѣдующей программѣ: 1) Рукописи, письма, наброски, черновыя тетради А. С. Грибоѣдова; 2) списки «Горя отъ ума», во множествѣ расходившіеся по рукамъ до напечатанія комедіи. Написана она, какъ извѣстно, въ 1823—1824 году, а вышла въ печати лишь въ 1833 году; 3) Вещи, книги и ноты поэта; 4) портреты его и лицъ, близко къ нему стоявшихъ, виды различныхъ мѣстностей, связанныхъ съ его именемъ; 5) матеріалы по исторіи русскаго театра грибоѣдовской эпохи; 6) портреты и группы исполнителей «Горя отъ ума»; 7) архивный матеріалъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ; 8) коллекція различныхъ изданій сочиненій Грибоѣдова и литература, посвященная имъ.

Припомнимъ, что со смерти поэта прошло уже болѣе 70 лѣтъ. За это время всевозможные предметы, намѣченные комитетомъ для музея, разошлись по разнымъ рукамъ и по разнымъ мѣстамъ Россіи. Значительная часть ихъ приобрѣтена частными коллекціонерами,—опять-таки во многихъ городахъ,—часть находится въ рукахъ неизвѣстныхъ лицъ, и лишь небольшое количество можетъ быть найдено въ скоромъ времени. Вотъ почему составленіе музея потребуетъ большихъ усилій со стороны членовъ комитета. Множество затрудненій возникнетъ и по инымъ причинамъ. Одной изъ главныхъ явится недостаточность средствъ комитета, которыя увеличатся только современемъ. Между тѣмъ, предметы для музея будутъ цѣниться довольно дорого, такъ какъ частные коллекціонеры, очевидно, не съ охотой будутъ уступать музею свои приобрѣтенія, и комитету предстоитъ встрѣчаться съ частными «столкновеніями интересовъ». Дѣйствительно, предположимъ, что у кого-нибудь есть хорошая галлерей портретовъ русскихъ спеническихъ дѣятелей, собиравшаяся долгое время, съ большими затратами и трудами. Среди этой коллекціи многіе портреты необходимы для 5-й категоріи коллекціи Грибоѣдовскаго музея—это портреты исполнителей «Горя отъ ума». Комитетъ обращается къ собственнику съ просьбой продать или уступить музею нужные портреты. Собственникъ колеблется: съ одной стороны, портреты необходимы музею, съ другой—отдавъ ихъ, онъ обезцѣниваетъ свою собственную коллекцію. Если вдобавокъ, онъ не нуждается въ деньгахъ, положеніе усложняется окончательно. Остается только предполагать, что частный интересъ будетъ принесенъ въ жертву общественному. Идея Грибоѣдовскаго музея прежде всего предполагаетъ общедоступ-

ность, а частныя хранилища въ громадпомъ большинствѣ случаевъ совершенно недоступны для публики. Будемъ надѣяться на сочувствіе коллекціонеровъ именно этой идѣ, на сочувствіе всего общества, безъ чего работа комитета не достигнетъ никакихъ значительныхъ результатовъ.

Московскій комитетъ—первый. Предполагается организація еще двухъ—одного въ Петербургѣ, другого—на Кавказѣ, въ Тифлисѣ. Это, разумѣется, значительно облегчитъ достиженіе намѣченныхъ цѣлей. Петербургъ уже и такъ сдѣлалъ для памяти Грибоѣдова больше, чѣмъ Москва: читальня имени поэта, устроенная на средства города—одно изъ образцовыхъ учрежденій этого рода. Тифлисскій комитетъ, функціонирующий въ городѣ, гдѣ еще, быть можетъ, нѣкоторые помнятъ поэта (и уже навѣрное помнятъ его жену и лицъ, составлявшихъ его общество), гдѣ цѣль домъ Ахвердовой, въ которомъ такъ часто бывалъ Грибоѣдовъ,—очевидно, многое можетъ сдѣлать даже безъ особаго труда. Этому поможетъ и близость Персін, откуда, быть можетъ, удастся добыть какія-либо свѣдѣнія о жизни Грибоѣдова, которыя освѣтятъ еще неразработанныя части его біографіи. Такимъ образомъ, три комитета, дѣйствуя одновременно въ разныхъ пунктахъ, выполнять задачи организаціи Грибоѣдовскаго музея.

Мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ самомъ непродолжительномъ времени въ Тегеранѣ, передъ дѣтнимъ поштеніемъ русской дипломатической миссіи, будетъ поставленъ памятникъ А. С. Грибоѣдову. Памятникъ работы академика В. А. Беклемишева. Поэтъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ, въ покойной и задумчивой позѣ; онъ смотритъ вдаль.

Говорятъ, что памятникъ очень хорошъ. Онъ сооруженъ почти исключительно на средства миссіи *).

Между тѣмъ, у насъ въ Москвѣ устранивается музей, посвященный памяти того же человѣка. Нѣсколько небольшихъ обществъ организуются съ цѣлью устройства хранилища всего, что связано съ именемъ Грибоѣдова, съ цѣлью распространенія знаній о немъ и его эпохѣ среди *всѣхъ*, кто читаетъ, кто любитъ театръ, кто хотѣлъ бы знать нѣсколько болѣе того, что Грибоѣдовъ—тотъ, кто написалъ «Горе отъ ума». Намъ кажется, что такое чествованіе памяти поэта—лучше памятника.

Вспомнимъ, прежде всего, съ какими затрудненіями сопряжено для каждаго изученіе какой-нибудь эпохи въ исторіи русскаго общества. Наша литература далеко не такъ богата, чтобы можно было предпринять такое изученіе, сидя въ своемъ кабинетѣ: даже хорошей, обстоятельной біографіи Грибоѣдова мы не имѣемъ до сей поры.

Необычайно трудно частному изслѣдователю найти документы, характеризующіе, положимъ, Чаадаева. Еще труднѣе найти ихъ въ количествѣ, достаточномъ для изслѣдованія. А, между тѣмъ, сколько еще не освѣщенныхъ вопросовъ, сколько не разработанныхъ эпохъ, почти неизвѣстныхъ біографій многихъ выдающихся людей.

*) Копія, какъ мы недавно узнали, уже обѣщана музею.

Большими пособіемъ въ такихъ затрудненіяхъ и являются учрежденія, подобныя нашему новому Грибоѣдовскому музею. При удачномъ выполненіи задуманнаго плана, всякій желающій, всякій интересующійся безъ труда найдетъ тамъ, такъ сказать, и наглядную характеристику человѣка и эпохи, и всю документальную ихъ исторію. Общество, занимающееся организаціей такого учрежденія, въ свою очередь, можетъ, кромѣ популяризаціи, внести своими изысканіями по данной эпохѣ значительные вклады въ исторію русской мысли, русской литературы.

И помимо большого образовательнаго значенія, въ тѣсномъ смыслѣ, самый музей является лучшимъ памятникомъ для человѣка, которому онъ посвященъ. Собранные портреты, вещи, книги и документы приближаютъ то далекое прошлое, къ которому они относятся, освѣщаютъ его многосторонне и рельефно.

Грибоѣдовскій музей въ этомъ отношеніи обѣщаетъ многое уже по самому интересу времени «Горя отъ ума». Вспомнимъ, что это время молодой, еще не окрѣпшей, но уже широкой литературы, страстной журнальной полемики по вопросамъ молодого русскаго искусства, время Пушкина, Лермонтова и Гоголя, время перваго расцвѣта нашего театра и перваго истиннаго интереса къ нему. Кружки Шаховскаго и Катенина, Карамзинъ и Жуковскій, декабристы, массоны—сколько глубоко интересныхъ лицъ, сколько важныхъ и значительныхъ моментовъ!

И это время требуетъ еще большой и вдумчивой работы, требуетъ освѣщенія. Грибоѣдовскій музей можетъ въ значительной мѣрѣ осуществить то и другое, поэтому мы и отмѣчаемъ его, какъ важное и многообѣщающее явленіе.

II.

Москва особенно въ долгу передъ памятью Грибоѣдова. Родившійся въ Москвѣ, въ 1795 году 4 января, Грибоѣдовъ провелъ дѣтство и юность въ домѣ, на углу Новинскаго бульвара и Большого Девятинскаго переулка. Въ этомъ домѣ онъ началъ учиться, думать, здѣсь постепенно намѣчался его характеръ и развивался умъ.

Вотъ первое мѣсто въ Москвѣ, связанное съ его именемъ. И замѣтимъ, что время дѣтства поэта вовсе не разработано. Глубокій интерес представляютъ лица, окружавшія его въ это время: мать, властная и, повидимому, суровая женщина, дорожившая своимъ аристократизмомъ, которому она принесла въ жертву всю судьбу сына; первые учителя — Петрозинусъ и Іонъ, просвѣщенные, даже ученые люди, имѣвшіе громадное вліяніе на развитіе поэта; отецъ его—загадочная личность, почему-то совсѣмъ почти не упоминаемый біографами; затѣмъ, были же какіе-нибудь сверстники у мальчика Грибоѣдова, были какіе-нибудь товарищи изъ среды кн. Одоевскихъ, гр. Разумовскихъ, Нарышкиныхъ,—изъ всей этой блестящей среды, къ которой такъ настоятельно и почти безуспѣшно приучалъ мальчика для

его, Алексѣй Федоровичъ Грибоѣдовъ. А мы встрѣчаемъ слишкомъ мало характеристикъ этой толпы, среди которой молодой Грибоѣдовъ, бывало, стоялъ «одинъ-одинехонекъ, прегрустный и презадумчивый», какъ пишетъ его сестра, и размышлялъ, «отчего это онъ не умѣетъ вальсировать, какъ... и онъ назвалъ фамиліи пустѣйшихъ молодыхъ людей».

Наконецъ и самъ Алексѣй Федоровичъ, послужившій первообразомъ Фамусова. Вотъ нѣсколько строкъ изъ маленькой замѣтки, названной Грибоѣдовымъ «Характеръ моего дяди»: «Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи была развита повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ—рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ—отсутствіе всякаго чувства; тогда по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго на разныя подлости общаніями, которыхъ не могъ исполнить. Объяснимся круглѣе: у всякаго была на душѣ безчестность—и лживость на языкѣ. Дядя мой принадлежалъ къ той эпохѣ».

Грибоѣдовъ наблюдалъ дядю своего, будучи еще почти мальчикомъ, въ домѣ на Новинскомъ бульварѣ: уже тогда, значить, складывались въ его воображеніи образы, воплотившіеся впоследствии въ «нестарѣющей» комедіи. Эволюція этихъ образовъ глубоко интересна—и не только для біографа. Она необходима для всесторонняго пониманія эпохи и значенія «Горя отъ ума». Въ этомъ отношеніи первый московскій періодъ жизни Грибоѣдова дастъ богатый матеріалъ.

Въ Московскомъ же университетѣ учился поэтъ. Въ 1808 году, прекрасно подготовленный Б. И. Юпомъ и Иоганномъ Буле, преподававшимъ философію и право, Грибоѣдовъ окончилъ этико-политическій факультетъ. «А чтобы оградить юношу отъ общества товарищей, не принадлежавшихъ къ избранному кругу,—говоритъ одинъ изъ біографовъ,—Грибоѣдовъ былъ опредѣленъ вольнослушателемъ и ходилъ въ университетъ не иначе, какъ съ гувернеромъ».

Сообщаемыя нами свѣдѣнія объ университетскихъ годахъ Грибоѣдова—противорѣчатъ даннымъ прежнихъ біографовъ. Утверждаютъ, напримѣръ, что поэтъ поступилъ на этико-политическій факультетъ 15-ти лѣтъ отъ роду, въ 1810 г. Новѣйшіе документы положительно доказываютъ, что онъ уже окончилъ курсъ въ 1808 г., *тринадцати лѣтъ*. До 1812 г. онъ былъ оставленъ при университетѣ и готовился къ ученой карьерѣ: при выходѣ изъ военной службы, въ прошеніи о переводѣ на статскую онъ упоминаетъ, что въ 1812 г. былъ уже «почти докторомъ правъ».

Московскій университетъ въ это время уже насчитывалъ среди своихъ профессоровъ нѣсколькихъ истинно ученыхъ людей: Буле, Геймъ, Шлецеръ, Сохачскій, Снегиревъ и Страховъ имѣли значительное вліяніе на молодого Грибоѣдова. Съ этого времени появляется у него глубокая любовь къ театру и литературѣ. Ложно-классическое построеніе «Горя отъ ума» объясняется именно вліяніемъ Буле, который воспитывалъ своего ученика на древнихъ образцахъ, объясняя ему красоты Плавта и Теренція, толковалъ теорію Аристотеля.

Увлекаясь студенческими спектаклями, устраивавшимися под руководством профессоровъ, Грибоѣдовъ началъ посѣщать и другіе театры, прсматриваясь къ сценѣ, къ ея условіямъ, къ ея быту. Въ скоромъ времени онъ задумалъ написать что-нибудь для театра.

Въ началѣ 1812 года онъ прочелъ Юну и одному изъ товарищей (кому же именно?) отрывки и наброски изъ какой-то комедіи. Рассказываюгъ, что это были эскизы нѣкоторыхъ сценъ изъ «Горя отъ ума». Имъ суждено было еще 11—12 лѣтъ ждать окончательной обработки, а въ то время поэта захватилъ взрывъ патріотическаго воодушевленія, заставившій всѣхъ стремиться на военную службу. Онъ поступаетъ въ гусарскій графа Салтыкова полкъ. Мать довольна: она съ искреннимъ презрѣніемъ относилась къ литературнымъ стремленіямъ сына и готовила ему иную карьеру. Первый періодъ жизни поэта въ Москвѣ этимъ и кончается. Онъ перестаетъ быть москвичомъ и посѣщаетъ родной городъ только наѣздами.

Въ 1818 году онъ ненадолго останавливается въ Москвѣ проездомъ въ Персію. «Въ Москвѣ все не по мнѣ,—пишетъ онъ Бѣгичеву.—Праздность, роскошь, не сопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему... Прежде тамъ любилъ музыку — нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ изящному...»

Только одно попрежнему привлекало его въ Москвѣ — театръ. Въ это время была въ первый разъ поставлена его комедія «Притворная не-вѣрность».

Москва не хорошо встрѣтила Грибоѣдова. На него смотрѣли все еще какъ на молодого барина, которому предстоитъ быть статскимъ совѣтникомъ.

Черезъ пять лѣтъ поэтъ снова былъ въ Москвѣ. «Горе отъ ума» уже было начато, и здѣсь онъ заканчивалъ его обработку. Онъ внимательно вглядывался въ окружавшее общество, посѣщалъ всѣ балы, собранія и каждый разъ добавлялъ въ своемъ произведеніи новую, яркую, характерную черту. Въ отрывкахъ, по слухамъ уже многіе знали «Горе отъ ума» и въ это время. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ появляется въ литературныхъ кружкахъ Москвы уже съ законченнымъ, вполне отдѣланнымъ произведеніемъ.

Это и было «Горе отъ ума», «феноменъ, какого доселѣ не видано», какъ писалъ А. Бестужевъ.

Общій восторгъ, самые лестные отзывы, популярность—все это заставило Грибоѣдова убѣдиться въ своихъ силахъ. Онъ думалъ посвятить всю жизнь литературѣ, мечталъ о долгой работѣ по призванію. Обстоятельства сложились иначе. Въ маѣ 1824 года онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, затѣмъ въ Крымъ, на Кавказъ—и въ Москву является только въ январѣ 1826 года, арестованный по дѣлу 14 декабря. Дураныхъ послѣдствій для него это, какъ извѣстно, не имѣло.

Грибоѣдовъ окончательно рѣшилъ оставить службу. Онъ рѣшительно отказался ѣхать къ Паскевичу, несмотря на просьбы матери. Но мать не хотѣла примириться съ этимъ. Сестра поэта рассказываетъ такъ: «Вотъ что

Гушка съ нимъ сдѣлала: она какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божіей Матери. Приѣхали, отслужили молебенъ... Вдругъ Гушка упала передъ братомъ на колѣни и стала требовать, чтобъ онъ согласился на то, о чемъ она его будетъ просить. Растроганный, взволнованный, онъ далъ слово. Тогда она объявила ему, чтобъ онъ ѣхалъ слушать къ Паскевичу. Дѣлать было нечего, онъ поѣхалъ...» — на смерть. Въ 1829 г. 30 января его убили.

На Страстной площади, справа отъ монастыря стоитъ большой, старинный домъ. Теперь въ немъ помѣщается 7-я гимназія. Внутреннія комнаты раздѣланы. Отъ стараго сохранилась только парадная лѣстница, широкая, съ массивными перилами.

Это — историческій домъ. Здѣсь, по преданію, произошли событія, составившія завязку «Горя отъ ума».

Когда вы смотрите на эту лѣстницу, вамъ невольно кажется, что вотъ сейчасъ отворится дверь внизу налѣво, и выйдетъ Чацкій...

М. С.

С о с т о р о н ы.

(Письма изъ деревни).

I.

Я внимательно слѣдилъ за полемикою марксистовъ съ сторонниками символистовъ и декадентовъ съ сторонниками критической школы Блоса-Добролюбова, и не могъ разобраться въ новыхъ требованіяхъ, ихъ торжествующей путаницѣ. Газета *Россія* отмѣчаетъ, напримѣръ, эпидемию годовъ именами гг. М. Горькаго, Будищева и Дорошевича. Сожалѣнію, второго изъ этихъ писателей я совсѣмъ не знаю; талантливо двухъ остальныхъ не подлежитъ сомнѣнію, но трудно повѣрить, что они составляютъ эпоху. Г. Горькій быстро завоевалъ себѣ выдающееся мѣсто въ нашей литературѣ, но его *босая* явленіе не новое. Прочтите *Бай Мамина-Сибиряка* (разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ *Русской Мысли* въ 1885 году, а потомъ вышелъ отдѣльною книжкою). Многихъ привлекаетъ къ г. Горькому, помимо его художественнаго дарованія, пѣснь то жествующаго эгонизма, которая звучитъ въ его произведеніяхъ, и неприторное презрѣніе и ненависть къ культурѣ, которой онъ будто бы ничѣмъ не обязанъ.

Новыя вѣянія, отчасти подъ вліяніемъ Запада, проникли и въ нашъ театр. Шумъ, поднятый всѣми этими теченіями, горячая защита ихъ нашими и презрительный отпоръ со стороны другихъ не удовлетворили меня. Моя старая вѣра была непоколебима, но невозможно отдѣлываться симъ комъ отъ *поэтріи* уже по тому одному, что оно заразительно. Я рѣшилъ отдалиться на время отъ родины, чтобы сразу уйти отъ сутолоки, а затѣмъ поселиться въ деревнѣ и слѣдить со стороны за тѣмъ, что происходитъ въ нашей литературѣ и обществѣ. Это казалось мнѣ условіемъ не безстрастія, а безпристрастія.

И вотъ, я поплылъ по Рейну, слышалъ волшебныя сказки и рѣзкія свистки паровоза, мечтательные вальсы и грозную палбу пушечныхъ орудій. У одного маленькаго городка, на берегу рѣки, я видѣлъ Асю и до меня слабо донеслись звуки ланнеровскаго вальса.

иные отношенія. Здѣсь все дышитъ побѣдою человѣческаго духа надъ природою, надъ законами общественности. Вотъ въ Роттердамѣ статуя проповѣдника гуманизма, великаго Эразма, а далеко позади остался замокъ, въ бывшемъ заключенъ свободолюбивый Гуго Гроцій... Въ Амстердамѣ—дома старые, шдеи новы.

Назадъ я вернулся черезъ Германію. И тамъ, гдѣ въ средніе вѣка выше сего поднимался крестъ готической колокольни, теперь высоко падаетъ фабричная труба. Замокъ развалился, сталъ романтическимъ украшеніемъ, яркость вползла въ землю, а на мѣсто замка возпелась гостиница. Но легко разобратъ въ сложной картинѣ современной культуры. Эй, ухнемъ!—понятно сразу, а въ вагнеровской музыкѣ обыкновенный слушатель не сразу уловитъ руководящіе мотивы (*Leitmotive*).

И вотъ я въ далекой родной деревушкѣ. Уныло качаются голыя вѣтви мокрыхъ деревьевъ, уныло шумитъ осенній вѣтеръ въ словомъ лѣсу. Почти нѣтъ солнца, а когда оно на минутку выглянетъ, все становится веселѣе. Нѣсколько дней покоя далъ я себѣ, затѣмъ началъ разбираться въ впечатлѣніяхъ и мысляхъ. Уѣзжалъ я усталый, раздраженный. Теперь все улеглось, и на душѣ выросла печаль, освобожденная отъ гнѣва: какъ быстротечна жизнь, какъ много уходитъ силъ и времени на безплодную борьбу, на томительныя недоразумѣнія! А между тѣмъ у каждого можетъ и долженъ быть уголокъ, чтобы погрѣться на солнышкѣ, которое и безъ того у насъ скупо свѣтитъ.

II.

Буду писать въ формѣ дневника, прямо назначая его для печати. Накопилось много газетъ и журналовъ, и я приступилъ къ ихъ чтенію. Познакомился съ мнѣніемъ трехъ русскихъ газетъ и одного французскаго извозчика. *Московскія Вѣдомости*, *Новое Время* и *Гражданинъ* чрезвычайно порицаютъ нынѣшнее французское правительство съ Вальдекомъ Руссо во главѣ. Мнѣніе это не раздѣляется большинствомъ нашей печати, но теперь кн. Мещерскій выставилъ новый аргументъ. Кончая одинъ изъ своихъ дневниковъ, редакторъ *Гражданина* сообщаетъ, что получилъ изъ Парижа письмо отъ пріятеля, озаглавленное *Голосъ фіакра*. Оно поразило кн. Мещерскаго совпаденіемъ съ его мыслями. «Вчерашній мой фіакръ (ѣхъ около 25—26),—пишетъ пріятель,—меня поразили своимъ консерватизмомъ. Онъ весь преисполненъ симпатіей къ Россіи и ненависти къ нынѣшнему правительству». Извозчикъ получилъ, вѣроятно, на чай отъ пріятеля кн. Мещерскаго, а взгляды *Гражданина* приобрѣли, наконецъ, надлежащую авторитетность: ужъ если такихъ же взглядовъ держится одинъ изъ парижскихъ извозчиковъ, то взгляды эти, стало быть, правильны.

Жаль, что пріятель кн. Мещерскаго не спросилъ у своего фіакра его мнѣнія о китайскомъ вопросѣ. Тогда мы могли бы успокоиться и въ этомъ отношеніи.

Вопросы международной политики, поскольку они отражаются въ нашей печати, я оставляю, впрочемъ, въ сторонѣ: это можетъ быть скорѣе дѣломъ обозрѣвателя иностранной жизни. Я буду отъликатъ на наболѣвшіе запросы нашей внутренней жизни, нашего настоящаго и ближайшаго будущаго. И начну съ вопроса о воспитаніи, съ постановки нашей средней, общеобразовательной школы. Этотъ вопросъ обсуждается и въ разныхъ правительственныхъ комиссіяхъ, и въ семьяхъ, и въ печати.

Прискорбные результаты классической системы теперь общепризнаны. Защищаютъ пресловутую систему лишь *Моск. Вѣдом.*, совсѣмъ высохшіи *Русскій Вѣстникъ* и немногіе ихъ единомышленники.

Не буду останавливаться на педагогическихъ подробностяхъ. Важенъ печальный итогъ, та тоскливая нота, которая звучитъ въ настоящее время въ нашей личной и общественной жизни. Извѣстный педагогъ, Е. Д. Марковъ, говоритъ въ своей книгѣ *Грѣхи и нужды нашей средней школы*: «Результаты нашей школьной системы налицо. Книжничество показало теперь себя во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Изъ общества нашего исчезло здоровье, исчезла радость жизни, исчезла святая вѣра въ будущее». Система, усвоенная въ классическихъ гимназіяхъ и здѣсь доведенная до совершенства, угнетала и другія среднеучебныя заведенія. Чиновники этой системы образовали строго дисциплинированную армію для планомѣрныхъ дѣйствій противъ дѣтской любознательности и жизнерадостности, и во многихъ случаяхъ, безъ этой планомѣрности, но въ томъ же направленіи дѣйствовала семья. Появились въ огромномъ количествѣ разслабленные юноши, не способные къ серьезному труду, не способные искренно любить какое-либо дѣло, иногда не способные вообще любить. Они выходили на жизненный путь, очень плохо зная и родную, и иностранную литературу и исторію, безъ вѣры въ смыслъ жизни, безъ сознанія общественнаго долга.

«Во имя чего, — спрашиваетъ г. Марковъ, — должно совершаться это сознательное закланіе нашего юношества? Ради какихъ высшихъ благъ заставляемъ мы ихъ уничтожать свое здоровье, запираемъ ихъ на десятокъ лѣтъ въ тюрьмы своего рода, лишая ихъ воздуха, движенія, природы, полезнаго труда въ тотъ самый возрастъ, когда у нихъ складывается и ихъ тѣлесный, и ихъ душевный организмъ?»

И замѣтите: это говоритъ бывшій директоръ гимназій, педагогъ, а не журналистъ, къ которому наши матерые классики чувствуютъ презрѣніе. На московскомъ совѣщаніи одинъ изъ нихъ возмущался печатью, которая, по его выраженію, касается язвъ школы неумытыми руками. Хороша система, хорошъ педагогическій духъ, требующій закупорки школы отъ взгляда общества! Упомянутый классическій педагогъ полагаетъ, очевидно, вмѣстѣ съ извѣстнымъ полицеймейстеромъ, что есть *публика*, а общества не существуетъ.

Укажу на одинъ обычай, принятый въ нашихъ гимназіяхъ и, по моему мнѣнію, характерный и глубоко антипатичный: ученикамъ гимназій учителя и надзиратели говорить *ты*. Это слово хорошо звучитъ, если существуютъ

теплыми отношеніями между говорящими, но въ нашей гимназіи оно оскорбительно, отъ него коровить.

Я отнюдь не думаю бросать камень въ нашихъ гимназическихъ учителей огуломъ. Среди нихъ и теперь не мало просвѣщенныхъ людей, истинныхъ педагоговъ, но «люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ». Тотъ же г. Марковъ говоритъ въ своей поучительной книгѣ: «Учитель, воспитатель, директоръ—потеряли всякій живой интересъ къ живому дѣлу, которымъ механически правила издали чужая, холодная, но тѣмъ не менѣе властная рука. Естественно, что люди, преданные сердцемъ дѣлу воспитанія, вынуждены были, въ такихъ условіяхъ, при первой возможности покидать его и искать другихъ занятій, а ряды педагоговъ неволью пополнялись людьми иныхъ взглядовъ, смотрѣвшихъ на свое призваніе исключительно какъ на средство получать жалованье и выслуживать пенсію».

Прочтите у г. Маркова описаніе тульской гимназіи въ шестидесятыхъ годахъ, и вы увидите, чѣмъ могла быть русская средняя школа сорокъ лѣтъ тому назадъ и чѣмъ ей всегда слѣдуетъ быть.

III.

Въ Москвѣ и Петербургѣ отпраздновали сорокалѣтній литературный юбилей П. Д. Боборыкина. Чествовали заслуженнаго писателя искренне и тепло. Г. Боборыкинъ въ своей московской рѣчи упомянулъ о несправедливомъ отношеніи къ нему критики, о тѣхъ глумленіяхъ, которыми онъ такъ долго подвергался. Главный органъ этихъ глумленій, *Новое Время*, напечаталъ по поводу юбилея автора *Василія Теркина* статейку, заключающую довольно интересныя признанія. «Критики,—пишетъ г. А. О.,—у насъ уже давно нѣтъ, а есть только манера относиться къ автору. Къ одному шутиливо, къ другому почтительно и торжественно». А г. Буренинъ столько лѣтъ пишетъ въ *Новомъ Времени* статьи, называя ихъ критическими очерками,—какъ же это такъ?

Кончаетъ свою статью г. А. О. слѣдующими словами: «Странное дѣло, теперь, послѣ сорока лѣтъ шутиливаго и пристыжающаго отношенія къ г. Боборыкину, становится какъ-то особенно яснымъ и очевиднымъ, что почтенный романистъ совсѣмъ не забавлялъ въ своей авторской дѣятельности и уже ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ повода стыдиться ея. Передъ нами хорошій, отлично образованный, интересный писатель, владѣющій прекраснымъ языкомъ, большимъ знаніемъ жизни, очень чуткой восприимчивостью, умѣньемъ наблюдать и передавать весьма тонкіе оттѣнки характеровъ и настроеній. Онъ не глубокій психологъ, потому что больше всматривается въ мыслительные аппараты дѣйствующихъ лицъ, чѣмъ въ развитіе страсти; отъ этого онъ мѣстами бываетъ холоденъ, мѣстами бѣденъ красками; но зато его произведенія обилуютъ многими такими, что не составляютъ зауряднаго явленія въ нашей литературѣ. Онъ, напримѣръ, чрезъ-

вычайно ясенъ въ своихъ этическихъ требованіяхъ; онъ умѣетъ отлично разбираться въ сложностяхъ культурной жизни и всегда чрезвычайно правильно ставить свои симпатіи. Если принять во вниманіе, что сказанное относится къ весьма плодотворной сорокалѣтней дѣятельности, то получается впечатлѣніе извѣстной цѣльности, а цѣльнаго писателя нельзя не уважать».

Слѣдовательно, по словамъ самого *Новаго Времени*, эта газета недостойно глумилась надъ писателемъ, котораго *нельзя не уважать*. Правильное, хотя и очень запоздалое признаніе.

Когда эти строки появятся въ свѣтъ, русская литература и общество будутъ праздновать другой литературный и также сорокалѣтній юбилей— Н. К. Михайловскаго. Очень кстати поэтому вышла книжка г. Красносельскаго: *Мировоззрѣніе гуманиста нашего времени*. Г. Михайловскій писалъ постоянно и много, по разнообразнымъ вопросамъ философіи, критики и публицистики. По большей части труды его носятъ слѣды злободневности и спѣшности. Многимъ читателямъ и почитателямъ знаменитаго писателя трудно поэтому разобраться въ его міропониманіи, и г. Красносельскій дѣлаетъ попытку на девяноста страницахъ стройно изложить это міропониманіе. По мнѣнію автора, всѣ отдѣльныя воззрѣнія Н. К. Михайловскаго пропизываются и связываются общимъ ученіемъ, ясно ставящимъ и определенно рѣшающимъ «вопросъ всѣхъ вопросовъ—какъ человѣку владѣть обстоятельствами, а не быть въ ихъ власти. Согласно этому мировоззрѣнію, всю совокупность явленій жизни человѣка можно сгруппировать около одного центрального явленія—отношеній общественности къ личности».

Конечно, здѣсь неумѣстно и несвоевременно было бы подвергать разбору книжку г. Красносельскаго. Мы пожелаемъ юбиляру,—пожелаемъ отъ всего сердца,—какъ можно дольше поработать на пользу нашей философской мысли и общественнаго развитія.

Веталисъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наши промышленные успѣхи въ концѣ XIX в.—Что дѣлается въ Англіи въ цѣляхъ промышленнаго развитія?—Потребность въ выработкѣ самодѣятельности среди торгово-промышленнаго класса.—Наше незнаніе рынка и послѣдствія этого.—Необходимость изслѣдованія условій нашего промышленнаго развитія.—Педагогическій совѣтъ и режимъ воспитательнаго режима.—Характерные протесты противъ усиленнаго покровительства.—Земля наша велика и обильна, но умѣнья въ ней нѣтъ.—Объ откѣтахъ.—Русскій Вѣстникъ и разрушеніе классицизма.—Итоги убѣдывающихъ земскихъ собраній.—Пушкинская коммиссія при Общ. Люб. Рос. Слов.

Недавно вышла новая книга «Россія въ концѣ XIX вѣка» подъ общей редакціей В. И. Ковалевскаго (мин. финан.), Спб., 1900 г. Очень интересная работа—обзоръ всѣхъ сторонъ экономической жизни Россіи. Въ этой книгѣ какъ бы производится смотръ нашимъ успѣхамъ въ области промышленности.

По даннымъ этого изданія, въ 1887 г. стоимость выработанныхъ продуктовъ и издѣлій равнялась 1,334,499 тыс. руб., а въ 1897 году уже 2.839,144 тыс. руб. За тотъ же періодъ времени и количество рабочихъ поднялось съ 1.318,048 до 2.089,262.

Относительно развитія отдѣльныхъ отраслей промышленности иллюстраціей могутъ служить хотя бы слѣдующія данныя: такъ, каменнаго угля въ 1887 году было добыто 4,534 тыс. тоннъ на сумму въ 13,839 тыс. руб., а въ 1897 г.—11,203 тыс. тоннъ на сумму въ 38.945 тыс. руб., а въ 1898 г.—12,219 тыс. тоннъ на сумму 44,760 тыс. руб. Средній же ежегодный приростъ добычи угля въ періодъ 1855—77 г. составлялъ около 74,000 тоннъ, а въ періодъ 1887—97 г. онъ былъ около 667 тыс. тоннъ. Производительность фабрикъ по обработкѣ шерсти со 105 милл. руб. въ 1887 г. поднялась до 192 милл. р. въ 1897 г. Продуктивность шелковаго производства составляла въ 1887 г. 14.489 тыс. р., а въ 1897 г.—29,499 тыс. руб. Бумажное производство поднялось съ 21 милл. въ 1887 г. до 45 милл. въ 1897 г. Кожевенное производство за тѣ же годы поднялось въ круглыхъ цифрахъ съ 40 милл. до 57. Стекланное производство — съ 10 милл. до 21½. Машиностроительное производство—съ 50 м. до 142 милл. Производительность фабрикъ по обработкѣ хлопка въ 1887 г. составляла

231 милл. р., а въ 1897 г.—430 милл. р., и теперь весь почти спрос внутри Россіи покрывается продуктами внутренняго производства. Хлопковые плантаціи въ 1887 г. въ среднеазіатскихъ владѣніяхъ доставляли около 16 тыс. тоннъ волокна, а теперь онѣ доставляютъ 80—90 тыс. тоннъ. Въ Россію поступаютъ теперь только высокіе номера пряжи и модные сорта тканей.

Наше хлопководство внушаетъ большія опасенія Соединеннымъ Штатамъ. Въ одной книгѣ, вышедшей года два тому назадъ и посвященной хлопчатобумажной промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ *), мы читаемъ, что рядомъ съ Индіей и Египтомъ, страна, наиболѣе всего обѣщающая выступить важнымъ соперникомъ южнымъ штатамъ Америки на хлопковомъ рынкѣ, является Азіатская Россія, и авторъ съ удивленіемъ сообщаетъ, что въ Туркестанѣ, хотя начали сѣять хлопокъ только съ 1884 г., но такъ быстро шло развитіе производства, что 1894 году было уже произведено 120 милл. фунтовъ для русскихъ фабрикъ, и авторъ указываетъ, что Соединеннымъ Штатамъ нужно сдѣлать все возможное съ ихъ стороны, чтобы обезпечить себѣ русскій рынокъ по снабженію хлопкомъ.

Не менѣе удивительные успѣхи мы имѣемъ и въ другихъ отрасляхъ промышленной жизни Россіи за послѣднее десятилѣтіе. Но тѣмъ не менѣе по многимъ отраслямъ ввозъ къ намъ изъ-за границы очень великъ. Такъ, каменнаго угля въ 1887 г. къ намъ было ввезено 1,638 тыс. тоннъ, а въ 1897 году—2,719 тыс. тоннъ, слѣдовательно, привозъ за 1897 г. составлялъ 25%, количества внутренней добычи. Ввозъ чугуна за 1897 г. (если мы выразимъ ввозъ желѣза и стали также въ чугунѣ) составлялъ 623 тыс. тоннъ, т.-е. около одной трети добычи чугуна за тотъ же годъ.

Итакъ, несмотря на усиленное покровительство, значительное количество внутренняго спроса даже по основнымъ продуктамъ — каменному углю и желѣзу — покрывается привозными продуктами, и это имѣетъ мѣсто при огромныхъ нашихъ богатствахъ въ каменномъ углѣ и желѣзѣ. Въ то же время отовсюду мы слышимъ жалобы на нашу техническую отсталость. Естественно возникаетъ тогда вопросъ, являются ли пошлины единственнымъ и вполнѣ дѣйствительнымъ способомъ развитія промышленности.

Вѣдь и другія страны не менѣе Россіи пекутся о развитіи своей промышленности. Конечно, въ этомъ воспитаніи не малую роль играютъ и пошлины (наприм., въ Германіи, въ англійскихъ колоніяхъ), но здѣсь не забывается, что прежде всего нужно развивать самостоятельность самого промышленнаго класса: мы видимъ, что самъ промышленный классъ сплошь и рядомъ организуетъ тѣ или другія обследованія по ознакомленію съ рынкомъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ. Затѣмъ само правительство вступаетъ на путь воздѣйствія на промышленность, но нѣсколько иными способами. Такъ, оно зорко слѣдитъ за рынками, за тѣми или другими за-

*) Publie. of the Americ. Econ. Assoc. New. Series № 1. The Cotton Industry by M. Hammond, стр. 350.

казами въ той или иной странѣ, о чемъ и оповѣщаетъ заинтересованные круги, публикуя о заказахъ, о которыхъ дошло до свѣдѣнія правительства. Такъ, наприм., стоитъ только открыть англійскій журналъ Департамента торговли *), какъ вы наталкиваетесь на главу съ указаніемъ крупныхъ заказовъ въ разныхъ странахъ всего свѣта: Россіи, Германіи, Испаніи, Италіи, Мексики, Греціи и т. д. Нерѣдко сообщаются здѣсь и сроки, на который то или другое правительство или крупное коммерческое, или желѣзнодорожное предпріятіе имѣетъ сдѣлать заказъ, и условія поставки, цѣна, а также и адресъ, куда можно обращаться за дальнѣйшими справками. Такъ, наприм., въ № 189 отъ 1 іюля въ журналѣ сообщается, что муниципалитетъ въ Осакѣ въ Японіи нуждается въ чугунныхъ трубахъ въ размѣрѣ 5,000 тоннъ для расширенія водоснабженія, тутъ же сообщается изъ мадридской газеты о королевскомъ приказѣ, разрѣшающемъ закупку стали, чугуна и др. металловъ, цемента, дерева для военныхъ цѣлей. Въ № 202 того же журнала за октябрь этого года сообщается, что государственныи секретарь Индіи уполномоченъ произвести нѣкоторые заказы для Индіи и что объ условіяхъ поставки можно справиться тамъ-то и тамъ-то, и дается соотвѣтствующій адресъ.

Въ этомъ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно и представляющемъ довольно объемистую тетрадь около 80 страницъ и стоящемъ на наши деньги 4 коп., очень много мѣста удѣляется свѣдѣніямъ по имѣющимъ быть въ скоромъ времени заказамъ въ тѣхъ или другихъ странахъ, — заказамъ, въ которыхъ англійскіе купцы и промышленники могли бы принять участіе. Такимъ образомъ, англійское правительство черезъ своихъ консуловъ слѣдитъ за рынками и своевременно доводитъ о нихъ до свѣдѣнія англійскихъ промышленниковъ. Мало того, за послѣднее время Англія назначала особыхъ коммерческихъ агентовъ въ разныхъ иностранныхъ государствахъ, какъ-то: въ Россіи, въ Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ, Центральной Америкѣ, вся обязанность которыхъ состоитъ въ наблюденіи за торговлей и промышленностью тѣхъ странъ, гдѣ они назначены, и въ представленіи отчетовъ и въ обязательствѣ давать отвѣты на обращаемые къ нимъ запросы. И всѣ англійскіе промышленники имѣютъ право обращаться къ этимъ агентамъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, касающимся промышленности и торговли, причѣмъ услуги этихъ коммерческихъ агентовъ должны быть оплачиваемы. Такъ, за обыкновенный вопросъ, отвѣтъ на который не требуетъ особаго труда, указывается запрашивающимъ лицомъ 5 шиллинговъ, за вопросъ, отвѣтъ на который требуетъ болѣе или менѣе труда со стороны агента, взимается 21 шиллингъ, т.-е. 10 рублей, отвѣты на болѣе трудные вопросы оплачиваются, въ зависимости отъ сложности ихъ, въ размѣрѣ отъ 20 руб. до 50-ти. Если же для отвѣта на тотъ или другой запросъ коммерческій агентъ долженъ предпринять путешествіе по той странѣ, гдѣ онъ живетъ, то за это полагается особая плата: за день путешествія 10 руб. и, кромѣ того, возмѣщеніе издер-

*) The Board of Trade Journal.

давляет эту самостоятельность, создаетъ отсутствіе инициативы. Эти двѣ системы—нашу и англійскую, можно сопоставить съ двумя типами школъ, описываемыхъ въ известной книгѣ Е. П. Побѣдоносцева: «Новая школа»—французской и англійской. Первая своей системой подавляетъ въ молодомъ человѣкѣ самостоятельность, она стремится всѣмъ и каждому придать однообразную форму, создать изъ каждого орудіе, а не личность. Вторая же развиваетъ энергію, волю, старается сдѣлать изъ ребенка цѣльнаго человѣка, который былъ бы въ силахъ достигать цѣли, намѣчаемой имъ въ жизни.

Обостреніе борьбы за рынки лежитъ въ недалекомъ будущемъ, а пошлины и теперь уже не въ состояніи защитить нашъ рынокъ отъ наплыва иностранныхъ товаровъ, и еще труднѣе это будетъ при обостреніи конкуренціи, и тогда, конечно, придется самимъ промышленникамъ защищаться отъ внѣшней конкуренціи, искать себѣ новыхъ рынковъ, и имъ трудно это будетъ сдѣлать, разъ предшествующая исторія не выработала въ нихъ этихъ качествъ. Здѣсь будетъ съ ними то же самое, что съ маленькими сыномъ, котораго гладили по головкѣ, когда онъ не учился, а когда онъ подросъ и вступилъ въ жизнь, то, не будучи приноровленъ къ ней, не обладая знаніями, онъ обращается къ родителямъ съ упрекомъ, зачѣмъ-де смотрѣли на его капризы снисходительно, зачѣмъ его не учили. И мы ужъ теперь видимъ подобныя жалобы на недостатокъ ученія. Такъ, *Въ Промышленномъ Мирѣ* (№ 46 «Исповѣдь наболѣвшаго сердца») одинъ фабрикантъ пишетъ въ отвѣтъ на упреки общества, обращенные къ торгово-промышленнымъ сферамъ по поводу бездѣятельности послѣднихъ: «легко сказать,—пишетъ онъ,—вы слезъ не лейте, а сообща поразмыслите и сообща найдите средство спасенія. Вѣдь промышленники и торговцы на ряду съ прочими группами населенія у насъ никогда не обучались сообща мыслить и сообща подыскивать мѣры, пригодныя для ихъ благополучія. Имъ всегда вбивалось и вбито въ голову, что за нихъ промыслить и сдѣлаютъ, что надо, а ихъ дѣло аршиномъ работать. Теперь мы жалуемся, что у насъ нѣтъ торгово-промышленнаго класса, а имѣются «аршинники», ничего дальше аршина не видящіе и признающіе только одинъ символъ вѣры: каждый за себя, а Богъ за всѣхъ. Общее же дѣло—это не ихъ дѣло, а дѣло начальства, которое разрѣшаетъ только имѣть свой аршинъ, по-своему имъ мѣрить, а все прочее дѣлать по приказу, да по указу и ждать отъ него и милостей и гнѣва. Что же удивительнаго въ томъ, что наши торгово-промышленные классы отличаются попрошайничествомъ, когда ихъ вѣками учили просить милостей и не карать гнѣвомъ. Что же удивительнаго, если они отличаются слезливостью и привыкли слезами растрогивать начальство. Что же удивительнаго, если они въ дѣйствительной бѣдѣ, не имъ наклепанной, обращаютъ свои взоры къ начальству и просятъ «животы пощадить».

«Все это безспорно могло бы быть иначе, но если теперь не обстоитъ иначе, то менѣе всего въ томъ виноваты наши торгово-промышленные классы. Нужды торговли и промышленности вѣдаютъ не они, а начальство. Въ дру-

хъ странахъ тоже имѣется начальство по дѣламъ торговли и промышленности, но оно имѣетъ иное призваніе. Тамъ оно вѣдаетъ, т.-е. удовлетворяетъ нужды промышленности и торговли, а не командуетъ этими нуждами. Истинна громаднaго размѣра, а все-таки намъ надо къ ней приблизиться. Извѣщать промышленность и торговлю и управлять ими при помощи отношений и циркуляровъ—задачи, почти не совпадающія».

Въ этомъ письмѣ одного изъ представителей промышленности и теперь же слышится упрекъ по адресу нашей системы, которая, покровительствуя, не обучала *совмѣстной дѣятельности*. Этотъ голосъ является зарѣвщикомъ на этомъ пути сѣтованій на неправильную систему воспитанія нашей промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, мы налагали на населеніе громажныя жертвы въ пользу нашей промышленности, но никакой самостоятельности въ средѣ самихъ промышленниковъ мы не создали.

«Ни для кого не тайна, — пишетъ *Торгово-Промышленная Газета* № 223, — что надеждамъ торговой организаціи мы не имѣемъ, особыхъ хлопотъ къ изученію потребности населенія не проявляемъ, готовимъ невѣдо продукты даже не зная, куда ихъ сбудемъ. Въ этомъ пока, конечно, виной надобности я не было». И вотъ когда вся система воспитанія промышленности была направлена на подавленіе самостоятельности, теперь та же *Торгово-Промышленная Газета*, офиціозный органъ министерства финансовъ, отмѣчая затруднительное положеніе нашей промышленности въ настоящее время, говоритъ, что «съ нимъ необходимо и считаться и бороться, притомъ собственными силами, собственной инициативой и солидарными дѣйствіями. Съ крупнымъ развитіемъ нашей промышленности время уповать на помощь только извнѣ неизбежно проходить. Аппаратъ становится настолько крупнымъ и сложнымъ, что онъ требуетъ непрестанной и стройной внутренней работы, самостоятельной и энергичной». На такіе слова промышленники, конечно, въ правѣ возражать, что вся предшествующая исторія готовила ихъ какъ разъ къ обратному и вотъ результаты: сокращеніе казенныхъ заказовъ южнымъ металлургическимъ заводамъ поставило эти послѣдніе въ затруднительное положеніе. Южные металлургическіе заводы казались неприспособленными къ условіямъ рынка, непривыкшими слѣдить за его потребностями и съ плачемъ теперь обращаются къ правительству съ просьбой новыхъ казенныхъ заказовъ; для каковой цѣли, по мысли некоторыхъ, государство должно даже предпринять постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ или же установить вывозную премію на нашъ чугунъ при вывозѣ его на иностранные рынки, чтобы поддержать такимъ образомъ вывозъ цѣны на внутреннемъ рынкѣ. Казенные заказы по высокой цѣнѣ пріучили ихъ къ высокимъ дивидендамъ и теперь они требуютъ опять высокихъ цѣнъ. «Было бы странно, — пишетъ опять та же *Торгово-Промыш. Газета* (№ 223), — полагать, что народное потребленіе по разѣ навсегда установившимся высокимъ цѣнамъ точно на откупъ сдано данной группѣ предпріятій. Ихъ барыши должны были привлечь къ дѣлу новые капиталы, создать новое предпріятіе и подготовить неизбежно болѣе широкое пред-

ложеиіе по болѣе низкимъ цѣнамъ». Совершенно справедливо «Железное дѣло Россіи въ 1899 году» пишетъ по этому поводу, что можно поставить упрекъ заводамъ Южной Россіи, «которые возникали при такихъ льготныхъ условіяхъ, какъ обезпеченіе доходности на первые три-четыре года, что они не сумѣли въ достаточной мѣрѣ этой льготой воспользоваться и приготовить себѣ за это время почву для дальнѣйшей дѣятельности и что по истеченіи льготнаго срока такъ же, какъ и во время своего основанія оказались не знающими потребностей рынка, а потому и не знающими, что имъ дѣлать».

Эти слезы и жалобы со стороны промышленниковъ, если только имъ приданъ будетъ вѣсъ, грозятъ надолго удержать у насъ высокія таможенныя ставки.

Въ интересной книгѣ г. Матвѣева *Железное дѣло въ Россіи за 1899 (1900 годъ)* много удѣляется вниманія вопросу о взаимной неосвѣдомленности потребителей и производителей въ области желѣзнаго дѣла. «Между заводомъ и потребителемъ, — говоритъ г. Матвѣевъ, — до сихъ поръ стоятъ посредники-торговцы, который одинаково не знаютъ ни производства, ни потребленія, — этотъ порядокъ и требуетъ кореннаго измѣненія. Каждому отдѣльному русскому заводу едва ли возможно изучить потребности рынка, да и единичный потребитель при настоящихъ условіяхъ не имѣетъ возможности узнать производство, — ясна поэтому необходимость такого учрежденія (биржа, музей и т. под.), въ которомъ каждый потребитель или производитель могли бы получить необходимыя другъ о другѣ свѣдѣнія». И авторъ приводитъ много иллюстрацій на ту тему, какъ вслѣдствіе этой неосвѣдомленности производителей съ потребностями рынка послѣдній загромождается какимъ-нибудь однимъ сортомъ желѣза, тогда какъ на другіе сорта желѣза ощущается большой спросъ. «Если внимательно слѣдить, — пишетъ г. Матвѣевъ, — за нижегородскимъ желѣзнымъ торгомъ, изъ года въ годъ возможно замѣтить, что какихъ-нибудь сортовъ не хватаетъ, другихъ же громадный излишекъ, — въ истекшемъ году, наприм., шиннаго желѣза не хватило, другіе же сорта разошлись лишь съ большимъ трудомъ, а въ 1900 году возможно ожидать, что шиннаго желѣза будетъ избытокъ, не хватить же какого-нибудь сорта, котораго за годъ передъ тѣмъ не знали куда сбыть (стр. 39). Теперь прошло уже то время, когда производители почти держали въ кабалѣ потребители и сами опредѣляли тѣ сорта желѣза, въ которыхъ они нуждаются. «Еще на памяти у многихъ, — говоритъ г. Матвѣевъ, — покупатели заблаговременно выѣзжали навстрѣчу каравану уральскаго желѣза и съ глубокими поклонами освѣдомлялись, какова будетъ милость, и какое количество желѣза можно рассчитывать получить, — какого желѣза — часто и не смѣли спросить, — какого дадутъ, то и получивъ, бывали въ такихъ случаяхъ и высокоумныя отвѣты» (39 прим.).

Сами производители тогда опредѣляли ассортиментъ желѣза и, хочешь не хочешь, покупатель долженъ былъ брать. Какъ произвольно тогда опредѣлялся ассортиментъ — такъ же произвольно опредѣлялась и его цѣна.

акъ какъ не заводчики искали рынка, а рынокъ искалъ ихъ; обычно на Нижегородской ярмаркѣ запродалась уже вся заводская выработка слѣдующаго года, притомъ скупщикъ совершенно былъ во власти заводчика: въ запродажной записи обычно говорилось, что покупающее лицо обязуется принять такое-то количество желѣза по цѣнѣ, какая будетъ установлена самими заводчиками на Нижегородской ярмаркѣ... По традиціи же обыкновенно цѣны устанавливались фирмой графа Строганова (Отчетъ о ходѣ торговли въ Нижегородской ярмаркѣ за 1898 г., стр. 30—36). Кромѣ того, по словамъ того же отчета, сама запродажная записка нисколько не обязывала заводчика, принявшаго заказъ, выполнить его въ полности,—болѣе того, при хроническомъ недостаткѣ въ уральскомъ желѣзѣ случаи выполненія заказовъ полностью—рѣдкое исключеніе; обыкновенно заводчикъ производитъ разверстку всей своей выработки между заказчиками пропорціонально количеству заказаннаго желѣза, и заказчикъ удовлетворяется лишь частью своего заказа.

Но эти счастливыя времена отошли въ область прошлаго; теперь приходится работать на рынокъ, спросъ на которомъ не зависитъ отъ желанія производителя, и, слѣдовательно, нужно изучать условія рынка. «Можетъ быть, много тяжкихъ еще уроковъ,—пишетъ г. Матвѣевъ,—придется итѣ (железозаводчикамъ) вынести до тѣхъ поръ, пока они привыкнутъ къ новому порядку вещей, такъ какъ въ этомъ случаѣ не только надо выдѣлать желѣзо, но надо выдѣлать именно то желѣзо, которое требуется на рынокъ и, мало того, надо еще сумѣть помѣстить его на рынокъ, а этихъ-то знаній пока въ Россіи нѣтъся слишкомъ мало» (стр. 38). И факты послѣдняго времени относительно затрудненій, связанныхъ со сбытомъ желѣза, «надо приписать и незнанію желѣзнаго рынка, и малоподвижности продавцовъ, а также и тому, что и потребитель желѣза не знаетъ, гдѣ и что можно достать» (стр. 36). Несомнѣнно,—справедливо говорить въ другомъ мѣстѣ г. Матвѣевъ,—съ упрощеніемъ производства и связаннаго съ нимъ пониженія цѣнъ, русское кровельное желѣзо могло бы расширить себѣ сбытъ, сдѣлавшись доступнымъ болѣе широкому кругу потребителей (стр. 18). Кромѣ того, можно предполагать, что значительная часть иностраннаго желѣза ввозится именно потому въ Россію, что эти требуемые сорта вырабатываются въ Россіи безъ достаточной тщательности и безъ достаточнаго знанія рынка (стр. 40). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало заводы посвящаютъ своего вниманія ознакомленію съ условіями рынка.

Такимъ образомъ производители должны измѣнить свое поведеніе относительно рынка, должны подступать къ нему теперь съ другими пріемами, чѣмъ это имѣло мѣсто ранѣе, и инициатива въ этомъ дѣлѣ должна исходить отъ людей, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ (стр. 43). «Правительственные мѣры,—пишетъ тотъ же авторъ,—могутъ, конечно, помочь металлургической промышленности выдержать постигшій ее кризисъ, но устранить самую возможность возникновенія кризиса въ будущемъ можетъ лишь она сама» (курсивъ нашъ) (стр. 44). Если же не будетъ про-

изведено со стороны заводчиковъ ознакомленія съ рынками, то несомнѣнно, что затрудненія аналогичныя имѣющимъ мѣсто въ нынѣшнемъ году, и обрѣтутъ хроническій характеръ, а ввозъ изъ-за границы, вмѣсто того, чтобы сокращаться, будетъ увеличиваться, такъ какъ у иностранцевъ болѣе организовано это изученіе рынковъ, съ которыми они имѣютъ дѣло, и онѣ у русскихъ предпринимателей, что называется, изъ-подъ носу будутъ вырывать рынокъ. Русскимъ же промышленникамъ, не имѣющимъ возможность помѣщать свои продукты на своемъ рынкѣ, ничего не останется и впереди, какъ ходатайствовать объ увеличеніи таможенныхъ ставокъ, или объ установленіи вывозной преміи и т. д., т.-е. попросту говоря, придется обращаться въ вѣчныхъ пенсіонеровъ, живущихъ на счетъ русскихъ потребителей.

За границей и сдaroмъ и удѣляется такое огромное вліяніе комм-вожерамъ, которые шныряютъ по всѣмъ странамъ свѣта, недаромъ съ такою зоркостью англійскіе консулы и слѣдятъ за комм-вожерами другихъ странъ. Эти комм-вожеры являются очами и ушами промышленности своихъ странъ. Такъ, съ горечью англійскій консулъ въ Норвегій замѣчаетъ, что тогда какъ въ 1899 г. число англійскихъ комм-вожеровъ въ Норвегій увеличилось только на 13, число нѣмецкихъ увеличилось на 57. Число иностранныхъ лицензій, выданныхъ комм-вожерамъ, доходило въ Христіаніи до 1.727, изъ нихъ только 148 выданы были англійскимъ комм-вожерамъ, а огромная цифра 1,034—были выданы нѣмцамъ, въ то время, какъ эти цифры за 1898 г. были: 135 англійскихъ комм-вожеровъ и 977 нѣмецкихъ. На остальные же страны въ 1899 г. приходится, слѣдовательно, 545, т.-е. опять-таки въ 4 раза болѣе, чѣмъ англійскихъ комм-вожеровъ (стр. 20). Мы останавливаемся съ нѣкоторыми подробностями на этихъ цифрахъ, чтобы иллюстрировать, съ какой внимательностью на Западѣ слѣдятъ за приемами изученія рынковъ: тамъ съ такой же заботливостью учитываютъ этихъ воиновъ въ области торговли и промышленности—комм-вожеровъ, съ какой воюющія стороны учитываютъ солдатъ у своего противника *).

Теоретики протекціонизма, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, какъ Фридрихъ Листъ, говорили, что въ концѣ концовъ пошлины сами ведутъ къ своему уничтоженію. Критики указывали ему, что это не всегда такъ, что хотя развитіе промышленности въ данной странѣ и понижаетъ издержки производства, но въ то же время развитіе промышленности создаетъ крупную общественную силу, которая въ своихъ интересахъ будетъ стремиться удерживать на возможно долгое время высокія таможенные ставки. Въ наше же время уровень цѣнъ—очень ненадежный показатель того, на какой высотѣ нужно держать таможенные ставки. Въ наше время—время синдикатовъ—послѣдніе играютъ немаловажную роль въ искусственномъ вздутіи товарныхъ цѣнъ. Конечно, со стороны очень трудно выяснитъ вліяніе этихъ организацій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на поднятіе цѣнъ, но кажется несомнѣннымъ, какъ еще года два тому назадъ на столбцахъ *Москов-*

*) „Dipl. and Cons. Rep. An. Series.“, № 2471, july 1900.

скихъ Вѣдомостей было выяснено, что во вздорожаніи каменнаго угля у насъ, повидимому, крупную роль играло соглашеніе углепромышленниковъ юга Россіи. Точно также, какъ теперь во вздорожаніи нефти, вѣроятно, также сказывается вліяніе соглашеній крупныхъ нефтяныхъ фирмъ. Вслѣдствіе этого уровень рыночныхъ цѣнъ—не вполне надежный показатель для опредѣленія размѣра таможенныхъ ставокъ, въ какомъ нуждается наша промышленность.

Несомнѣнно, что мы сдѣлали крупные успѣхи въ области промышленности... но всетаки остается много темныхъ вопросовъ въ области нашего торгово-промышленнаго развитія, наприм., хотя бы вопросъ, почему, несмотря на столь высокія таможенные ставки, мы далеко не покрываемъ нашего внутренняго потребленія внутреннимъ производствомъ, а вынуждаемся получать много изъ-за границы; такъ въ 1887 г. по европейской границѣ поступило каменнаго угля 1,638 т. тоннъ, въ 1897 г.—2,719 т. тоннъ, слѣдовательно, въ 1897 г. привозъ составлялъ около 25% всего количества внутренней добычи (Россія... стр. 246). Привозъ чугуна, желѣза и стали будучи выраженъ въ чугуны, какъ уже было упомянуто, въ 1897 г. составлялъ 623 т. тоннъ, т.-е. одна треть всей добычи чугуна. Почему наше производство такъ отстаетъ отъ потребленія?... Затѣмъ, въ какомъ отношеніи стоитъ движеніе цѣнъ на русскихъ и иностранныхъ рынкахъ? Наши цѣны приближаются ли къ цѣнамъ на иностранныхъ рынкахъ? Въ этомъ направленіи кое-что дѣлается; укажемъ хотя бы «Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1890—1899 г.» (Петербургъ, 1900 г.) и предшествующіе аналогичные труды (изд. департамента торговли и мануфактуръ), но слѣдовало бы, намъ кажется, для отмѣченной цѣли шире поставить задачу. Министерство финансовъ считается у насъ съ общественнымъ мнѣніемъ, чего далеко нельзя сказать про другія министерства, прониженные несокрушимой вѣрой въ свою непогрѣшимость. Министерство финансовъ, наприм., собираетъ тщательно всѣ замѣтки о казенной винной монополіи, появляющіяся въ періодической печати, и нерѣдко выступаетъ съ опроверженіями ихъ. Но ни о чемъ у насъ не существуетъ большаго хаоса представленій, какъ о нашихъ промышленныхъ успѣхахъ и о будущемъ нашего промышленнаго развитія: нѣкоторые ихъ совсѣмъ отрицаютъ и предвидятъ чуть ли не скорое банкротство Россіи, принесшей якобы земледѣліе въ жертву промышленности...

Полезно было бы составить комиссію для научнаго изслѣдованія промышленнаго развитія Россіи, ея будущаго, ея вліянія на другія стороны нашей жизни, на цѣны, на земледѣліе, трудящіяся массы. Комиссія должна была бы высказаться, какими мѣрами наилучше въ будущемъ можетъ быть обеспечено промышленное развитіе Россіи, не было ли бы полезнѣе понизить пошлины и постараться другими путями вызвать *самодѣятельность* среди предпринимателей. Конечно, такая комиссія должна быть составлена изъ лишь по свободному выбору самыми разными учреж-

деніями, наприм., биржевыми комитетами, земствами, городами, учеными обществами, сельско-хозяйственными организаціями и такъ далѣе, чтобы такимъ образомъ она могла намъ гарантировать безпристрастіе въ своихъ выводахъ.

А такъ какъ время пересмотра торговыхъ договоровъ приближается, то слѣдовало бы не медлить составленіемъ такой комиссіи изъ представителей промышленности, подъ верховнымъ руководствомъ которой и слѣдовало бы произвести статистическія работы о стоимости производства покровительствуемыхъ у насъ продуктовъ. Исслѣдованія эти нужно бы произвести не въ департаментахъ, а на мѣстахъ, путемъ учета всѣхъ процессовъ производства, притомъ комиссія заранее могла бы намѣтить тѣ промышленныя предпріятія, которыя могли бы быть положены въ основу при этой статистической работѣ. Смѣшанный составъ этой комиссіи изъ представителей промышленности и земледѣлія гарантировалъ бы отъ односторонности при выборѣ предпріятія, т.-е. чтобы за исходный пунктъ не брались предпріятія технически отсталыя, а наиболѣе прогрессивныя, на которыя Россія имѣетъ право теперь, затративъ столько средствъ на воспитаніе промышленности. Притомъ, эта комиссія должна быть непременно построена на выборномъ началѣ, чтобы такимъ образомъ гарантировать самый составъ отъ тѣхъ или другихъ вѣяній; необходимо провести въ ней принципъ публичности, такъ, чтобы русское общество было освѣдомлено о всемъ томъ, что будетъ имѣть мѣсто въ этой комиссіи, затѣмъ, по образцу англійскихъ комиссій, было бы чрезвычайно полезно предоставить право всякому желающему являться передъ этой комиссіей и давать свои показанія по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ данное лицо чувствуетъ себя компетентнымъ, слѣдовательно, по нашему мнѣнію, каждый долженъ имѣть право быть выслушаннымъ этой комиссіей; мы уже не говоримъ о томъ, что комиссія должна пользоваться широкими правами по вызову экспертовъ для дачи заключеній... Времени у насъ еще достаточно, а произвести такое обследованіе условій нашего промышленнаго развитія—притомъ гарантированнаго отъ односторонняго освѣщенія—дѣло высочайшей важности... Эта комиссія могла бы изслѣдовать вопросъ не только о размѣрѣ ставокъ, который слѣдовало бы установить при пересмотрѣ тарифа, но и вопросъ объ отношеніи протекціонизма къ земледѣлію. Вѣдь нигдѣ не слышится столько жалобъ на протекціонизмъ, какъ въ области земледѣльческаго класса. Правда, нѣкоторыя изъ жалобъ исполнѣ основательны, но многія не выдержали бы критики при первомъ ихъ освѣщеніи. Министерство финансовъ, учредивъ такую комиссію, пошло бы навстрѣчу единогласному пожеланію всего русскаго общества и, взявшись за это, оно только послѣдовало бы своему доброму примѣру, которому слѣдуетъ въ области винной монополіи, гдѣ оно чутко отзывается на всѣ нареканія, которыя въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ поднимаются противъ нея, и здѣсь, создавъ комиссію для изслѣдованія условій промышленнаго развитія Россіи, министерство финан-

совѣ внесло бы много свѣта въ это темное царство, и русское общество сказало бы ему большое спасибо...

Протекціонисты видятъ въ таможенномъ покровительствѣ родъ народной педагогики, чтобы такимъ образомъ воспитать страну къ индустриальной и политической независимости (Э. Эбергеръ *), стр. 203). Мы вполне согласны, что таможенное покровительство является однимъ изъ средствъ для этой цѣли, но, спрашивается, не напелъ ли бы упомянутый педагогическій совѣтъ, о которомъ мы только что говорили, желательнымъ измѣнить нѣсколько воспитательныя средства. Вѣдь и ярые защитники протекціонизма у насъ, какъ, напримѣръ, профессоръ Менделѣевъ, говорятъ, что «таможенные пошлины не составляютъ перваго попавшагося подъ руки орудія борьбы, а одно изъ немногихъ (курсивъ нашъ—слѣд. есть и другія средства) существенныхъ средствъ, которыми государство можетъ располагать въ интересахъ современнаго и будущаго роста экономической силы своего народа» (Толковый тарифъ, стр. 685). Въ то же время на этомъ педагогическомъ совѣтѣ могъ бы быть въ достаточной степени разобранъ и вопросъ объ отношеніяхъ сельскаго хозяйства къ протекціонизму.

Протекціонисты со времени Листа говорятъ объ огромномъ значеніи промышленнаго развитія для земледѣлія, въ чемъ съ ними нельзя не согласиться, такъ какъ развитіе промышленности создаетъ спросъ на продукты, а такъ какъ этотъ спросъ, съ одной стороны, количественно увеличивается, съ другой стороны—сильно разнообразится, то они склонны думать, что представители земледѣлія съ развитіемъ промышленности вслѣдствіе улучшенія рынка болѣе выигрываютъ, чѣмъ проигрываютъ вслѣдствіе поднятія цѣнъ подъ вліяніемъ протекціонизма на мануфактурныя произведенія, въ которыхъ они нуждаются, и потому ни о какой жертвѣ со стороны земледѣлія въ пользу промышленности не можетъ быть здѣсь, по ихъ мнѣнію, и рѣчи. «Если уже вначалѣ,—говоритъ Листъ,—выгоды болѣе широкаго сбыта и поднятія цѣны на сельско-хозяйственные продукты далеко перевѣшиваютъ потери отъ поднятія цѣнъ на мануфактурные товары, то въ дальнѣйшемъ это благоприятное отношеніе должно складываться еще болѣе благоприятно въ пользу земледѣлія, такъ какъ расцвѣтъ фабрикъ съ теченіемъ времени имѣетъ своей тенденціей все болѣе и болѣе гнать вверхъ цѣны на сельско-хозяйственные продукты и понижать цѣны на продукты промышленности» **). Кери приравниваетъ тѣ жертвы, которыя сельское хозяйство несетъ въ пользу промышленнаго развитія страны, къ тѣмъ издержкамъ, которыя сельскій хозяинъ тратитъ на постройку дорогъ. Индустрія поднимаетъ интенсивность сельскаго хозяйства и, обезпечивая ему высокія цѣны на его продукты, тѣмъ самымъ создаетъ фондъ, откуда сельскій хозяинъ можетъ уплачивать расходы, выпадающіе на него по выращи-

*) „Das Nationale System der pol. Oekon. v. F. List. mit einer historisch. und kritisch. Einleitung“. Stuttgart. 1883.

**) Ibid., стр. 205.

ванію промышленности. Но это теоретическое положеніе, въ значительной степени вѣрное при извѣстныхъ условіяхъ, въ жизни можетъ терпѣть то или другое отклоненіе. Правда, оно блестяще подтверждается на примѣрѣ—Англіей: эта страна въ XVII вѣкѣ была страной, вывозящей хлѣбъ, но съ развитіемъ промышленности она сдѣлалась страной ввозящей и въ настоящее время чуть ли не $\frac{2}{3}$ всей своей потребности въ хлѣбѣ, она покрываетъ иностраннымъ ввозомъ и, несомнѣнно, сельское хозяйство отъ развитія промышленности въ Англіи много выиграло. Но теперь условія, которыми опредѣляется уровень цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, зависятъ далеко не отъ одной данной страны, а отъ условій міроваго рынка; а если такъ, то и выращиваніе промышленности, сопровождаясь тяжелыми жертвами для сельскаго хозяйства, можетъ далеко не окупаться тѣми выгодами, которыя, по теоріи, сельское хозяйство должно бы получить вслѣдствіе поднятія цѣнъ на свои продукты, и слѣдовательно въ общемъ итогѣ сельское хозяйство при современномъ положеніи хлѣбнаго рынка, воспитывая промышленность, можетъ нести только одніѣ тягости, не получая взаменъ этого никакого эквивалента; конечно, сельское хозяйство въ правѣ спросить, не чрезчуръ ли много приходится тратить при данномъ воспитательномъ режимѣ и не пора ли его нѣсколько измѣнить, перейдя къ болѣе действительнымъ мѣрамъ. Вѣдь сами протекціонисты тѣ жертвы, которыя населеніе переплачиваетъ ради развитія промышленности, называютъ цѣной за промышленное воспитаніе страны, а тогда, конечно, вопросъ вполне умѣстенъ: не слишкомъ ли дорогой цѣной покупается это воспитаніе и нельзя ли было бы съ извѣстнымъ измѣненіемъ системы воспитанія достигнуть того же съ меньшими затратами? Во всякомъ случаѣ коммиссія могла бы собрать матеріалъ, точно провѣренный, относительно вліянія въ настоящее время протекціонизма на сельское хозяйство.

За послѣднее время характерно то, что начинаютъ раздаваться голоса противъ этого усиленнаго таможеннаго покровительства и со стороны самихъ защищаемыхъ лицъ, такъ какъ хотя, съ одной стороны, пошлина поддерживаетъ высокій уровень цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ, то съ другой — покровительствуя другимъ отраслямъ, тѣмъ самымъ удорожаетъ процессъ производства. Такъ, напримѣръ, для хлопчатобумажной промышленности таможенные пошлины на желѣзо, на каменный уголь сильно удорожаютъ процессъ производства; на это уже нерѣдко указывалось. Мы приведемъ нѣсколько словъ изъ того же письма, которое мы уже цитировали (*Промышленный Миръ*, № 46). Упомянутый крупный фабрикантъ пишетъ: «Пошлины составляютъ главное орудіе командованія интересами торговли и промышленности. И тутъ бумага создала такую сложную паутину, въ которой все запутано и перепутано. Право, освѣжить воздухъ необходимо. Нужно снять пошлины не только на хлопокъ, но и на тысячу разныхъ другихъ продуктовъ, въ томъ или иномъ видѣ необходимыхъ для хлопчатобумажнаго производства, для оборудованія фабрикъ и т. п. Конечно, это немислимо безъ разрушенія той китайской стѣны за-

претительныхъ таможенныхъ ставокъ, которая многихъ восхищаетъ своею стройностью и недоступностью. Но вѣдь за этой китайской стѣной всѣмъ стало тѣсно, и душитъ она особенно того обывателя, который долженъ поддерживать развитіе всѣхъ отраслей промышленности и хлопчатобумажной въ частности». Итакъ, изъ заинтересованныхъ сферъ выступаютъ голоса о томъ, что высокія таможенные пошлины достигаютъ иногда теперь обратной цѣли. Ослабленіе протективныхъ пошлинъ, помимо того, что могло бы удешевить производство, въ то же самое время заставило бы промышленниковъ стряхнуть и ту рутину, въ атмосферѣ которой они живутъ подъ защитой покровительственныхъ пошлинъ. Улучшеніе процессовъ производства дало бы возможность сильно понизить цѣны, а слѣдовательно и расширить рынокъ, на недостатокъ котораго теперь такъ жалуются сами же промышленники. Они уже начинаютъ «отрезвляться отъ опьяняющаго яда запретительнаго протекціонизма»; «пошлины, — говоритъ тотъ же фабрикантъ, — на ряду со многими другими условіями, уже обсосали обывателя такъ, что приходится вспомнить басню о курицѣ, несущей золотыя яйца. Передъ хлопчатобумажниками эта обсосанность обывателя теперь предстала во всей своей поучительной наглядности... Обыватель говоритъ, что ему уже не вѣдомому стало и что сосать изъ него уже нечего. Если бы все шло нормально, безъ форсированной игры таможенными пошлинами, то обыватель предъявлялъ бы хотя и не бойкій, но равномѣрный и устойчивый спросъ на товары, а теперь онъ покупать не можетъ ничего другого, кромѣ того, что требуется безусловно необходимыми жизненными потребностями. Безъ обывательскаго же спроса любая команда интересами торговли и промышленности ничего подѣлать не можетъ». Итакъ, таможенные пошлины, съ одной стороны, создаютъ удушливую атмосферу промышленности, удорожая самое производство, съ другой — искусственно суживаютъ емкость внутренняго рынка, безъ котораго наша промышленность не можетъ идти впередъ...

Любопытно, что на-дняхъ въ сборникѣ консульскихъ донесеній появилась статья князя Кудашева о бельгійскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ въ Россіи, гдѣ финансовыя успѣхи этихъ предпріятій рисуются далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Такъ, общая сумма доходовъ всѣхъ 73 предпріятій, о которыхъ имѣются отчеты, съ общей сложностью въ 266 милл. франковъ, составляла 13½ милл., т.-е. 2,7% на затраченный капиталъ... Нѣкоторые предпріятія прекратили свою дѣятельность... нѣкоторые потеряли часть своихъ основныхъ капиталовъ... Въ Бельгіи поэтому интересъ къ русскимъ предпріятіямъ остылъ, и бельгійцы полагаютъ, что коренная причина неудачъ бельгійскихъ предпріятій лежитъ въ *отсутствіи спроса на ихъ издѣлія съ самой странѣ*... (курсивъ нашъ). Приходится или ликвидировать дѣла, или вывозить продукты изъ Россіи въ Бельгію (*Русскія Вѣдомости*, 12 октября).

Той же самой причинѣ, т.-е. упадку спроса со стороны русскаго потребителя, приписываютъ современный кризисъ хлопчатобумажной про-

мышленности *Новости* («Запоздавшее покаяніе», № 281). Повидимому, диагноз наших заминок на промышленномъ рынокѣ поставленъ вѣрно, такъ какъ въ *Промышленномъ Мирѣ* то и дѣло читаемъ мы письма въ редакцію со стороны лицъ, принимающихъ активное участіе въ нашей торговлѣ и промышленности. Всѣ эти лица сходятся въ томъ, что эта причина лежитъ въ недостаточности нашего внутренняго рынка. Такъ, «харьковскій купецъ» (№ 48) пишетъ, что «обыватель теперь ходитъ точно пришибленный и заморенный гнетущей нуждой въ деньгахъ на все самое необходимое для продолженія своего существованія. Съ такимъ покупателемъ наша промышленность и торговля далеко не уйдутъ, хотя бы и защищали ихъ самыми высокими пошлинами. И снятіе ихъ (т.-е. пошлинъ), пожалуй, оживило бы отечественную торговлю и промышленность». Другое лицо, подписавшееся «довѣренный торговаго дома въ Москвѣ», тамъ же говорить: «Не то важно, что у насъ теперь дѣла идутъ плохо, а то, что мы не имѣемъ никакихъ надеждъ на то, что они въ скоромъ времени пойдутъ лучше. Въ нашемъ городѣ торговля за послѣдніе годы сильно сократилась и сокращается ежегодно. Изъ года въ годъ сокращаемъ заказы фабрикантамъ не только за границей, но и у насъ. У своихъ фабрикантовъ беремъ почти наполовину меньше, чѣмъ брали 5—6 лѣтъ тому назадъ... а все это идетъ оттого, что покупатель переводится и каждый норовитъ обойтись безъ вашего товара, или купить что-либо дешевенькое, да поменьше... право, не знаю, что дальше будетъ». Третье лицо, кн. В. А. С—кій, также категорически выражается въ своемъ письмѣ: «Авторъ «Исповѣди»—правъ: спросъ въ Россіи куда-то исчезъ». Такимъ образомъ всѣ лица, близко стоящіе къ заинтересованнымъ кругамъ, единогласно указываютъ причину промышленныхъ заминокъ въ фактъ исчезновенія покупателя.

Упомянутая комиссія должна бы была изслѣдовать вопросъ о дальнѣйшихъ условіяхъ нашего промышленнаго развитія и о тѣхъ причинахъ, въ силу которыхъ мы въ данное время не можемъ расширять сбыта нашихъ товаровъ на внутреннемъ рынокѣ.

Еще вопросъ—это о поднятій промышленной техники. Несомнѣнно, что при большемъ вниманіи техника могла бы достичь у насъ болѣе высокаго уровня, чѣмъ на какомъ она стоитъ теперь, какъ мы объ этомъ уже говорили во «Внутреннемъ обзорѣніи» въ февралѣ этого года. Интересны въ этомъ отношеніи данныя, приводимыя въ лежащей передъ нами статьѣ «Аграрный протекціонизмъ во Франціи и его результаты» доцента Цюрихскаго университета Гольдштейна (*Народное Хозяйство*, кн. 3). Авторъ говоритъ о тѣхъ крупныхъ успѣхахъ, какихъ было бы въ состояніи достигнуть французское земледѣліе, если бы громадное большинство французскихъ земледѣльцевъ, вмѣсто того, чтобы дремать подъ защитой высокихъ покровительственныхъ пошлинъ, посвящало свое время культурѣ земли. Одна агрономическая школа произвела цѣлый рядъ опытовъ, засѣявъ parcels одного и того же поля различными сортами сѣмянъ. Составъ почвы былъ одинъ и тотъ же, способъ обработки—также, такъ что разница въ коли-

чествъ сбора исключительно можетъ быть объяснена сортомъ употребленныхъ сѣмянъ. И результаты были слѣдующіе: при посѣвѣ сѣмянъ подъ названіемъ Chiddam сборъ получился 14,7 квинтала и чистый доходъ съ гектара—21 франкъ, при засѣвѣ White Victoria сборъ равнялся 17,9 квинтала и чистый доходъ съ гектара—111 франковъ, при засѣвѣ Hunter White—21,8 квинтала, а чистый доходъ—223 франка съ гектара, при засѣвѣ Blood Red—28 квинтала и чистый доходъ 400 франковъ, а при засѣвѣ Lamed—29,7 квинт. и чистый доходъ—449 франковъ! Такимъ образомъ, отъ употребленія того или другого сорта сѣмянъ чистая доходность поднималась болѣе, чѣмъ въ 20 разъ. Аналогичные же результаты авторъ приводитъ и относительно другой фермы *).

Если въ области сельскаго хозяйства такъ наглядно г. Гольдштейнъ рисуетъ невыгодное вліяніе на технику высокихъ покровительственныхъ пошлинъ (а во Франціи ввозныя пошлины на хлѣбъ очень высоки), то то же самое, несомнѣнно, имѣетъ мѣсто и въ области промышленности. Высокія таможенныя пошлины парализуютъ предпримчивость, удаляютъ всякій стимулъ къ прогрессу, и другой фабрикантъ, подписавшійся «учившійся фабрикантъ» въ томъ же *Промышленномъ Мирѣ* (№ 47), въ письмѣ въ редакцію, отмѣчая, что въ то время, какъ на Парижскую выставку посмотришь и поучиться массами наѣхали изъ другихъ странъ промышленники и торговцы, изъ Россіи были только техники, механики и управляющіе отъ крупныхъ фабрикъ, да и то по большей части иностранцы,—видитъ въ этомъ фактѣ свидѣтельство о невѣжественной апатіи нашихъ торгово-промышленныхъ классовъ. Но онъ далѣе спрашиваетъ, не указываетъ ли этотъ фактъ намъ на то, что намъ пора подумать о томъ, почему нашихъ торговцевъ и промышленниковъ угнетаютъ апатія и невѣжество. Получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, прибавляемъ мы отъ себя, имѣетъ полное право все русское общество, которое несетъ тяжелое налоговое бремя въ пользу развитія нашей промышленности. Между тѣмъ сами представители торговли и промышленности вполне признаютъ фактъ нашей апатіи. Такъ, тотъ же «учившійся

*) Замѣтимъ, что относительно Франціи г. Гольдштейнъ пытается показать, какое крупное вліяніе большіе города и промышленные центры имѣютъ на сельское хозяйство. Съ этой цѣлью онъ сопоставляетъ сборы пшеницы въ департаментахъ du Nord и Падекале, — центрахъ крупной французской промышленности и горнаго хлѣба, — и въ департаментѣ Сены, окружающемъ Парижъ, со сборами въ остальныхъ департаментахъ Франціи. Изъ этихъ цифръ оказывается, что сборъ съ гектара въ этихъ трехъ департаментахъ былъ на 40—70% выше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ страны. Притомъ ростъ сбора въ этихъ трехъ департаментахъ поднимается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ остальной Франціи. Такъ, въ департаментѣ Сены сборъ пшеницы съ гектара въ періодъ 1876—85 г. равнялся 24,8 гектолитра, а въ остальной Франціи только 14,4; въ періодъ 1886—95 г. въ департаментѣ Сены—26,6, а въ остальной Франціи—15,2 и т. д. Подсчетъ, произведенный тѣмъ же авторомъ относительно всей Франціи съ поправленіемъ ея на двѣ части, т.-е. на промышленную и земледѣльческую, повидимому, подтверждаетъ то же самое явленіе (*Народное Хозяйство*, кн. 3, стр. 69—71).

фабрикантъ» пишеть, что «наше купечество и промышленники, издавна приученные къ сосанію соски, конечно, не вышли изъ младенческаго состоянія, это — не ихъ вина. Теперь всѣ говорятъ, что намъ нужна инициатива и предприимчивость, но гдѣ же ихъ взять? Вѣдь они наживаются вѣками и изъ-за границы ихъ выписать нельзя...» Слѣдовательно, купечество слагаетъ съ себя вину за то, что оно до сихъ поръ остается въ младенческомъ состояніи... Кто же виноватъ? и какъ вывести его изъ этого состоянія? И, несомнѣнно, виновато у насъ въ концѣ концовъ будетъ правительство, по крайней мѣрѣ промышленныя сферы сложать *свою* вину на него, какъ это уже и дѣлается теперь (см. выше).

Оставаться земледѣльческой страной очень невыгодно, потому что при покровительственныхъ теченіяхъ въ пользу земледѣлія вывозъ нашего хлѣба будетъ затрудняться, съ другой же стороны, и интересы сельскаго хозяйства требуютъ промышленнаго развитія страны: этимъ самымъ создается внутренний рынокъ для продуктовъ сельскаго хозяйства. Пока Россія остается чисто-земледѣльческой страной, ей трудно обзавестись своимъ флотомъ, такъ какъ хлѣбъ—ненадежный грузъ: сегодня онъ уродился, завтра—нѣтъ и, слѣдовательно, везти нечего, и флотъ будетъ стоять безъ дѣла. Не то съ продуктами такого рода, какъ каменный уголь; это—продуктъ всегда урожайный и вездѣ всегда спрашиваемый. Слѣдовательно, чтобы создать свой флотъ, нужно обезпечить ему сначала работу. Между тѣмъ у насъ есть данныя для промышленнаго развитія: богатыя каменноугольныя залежи, руды, масса лѣсовъ, благоприятныя условія для развитія хлопководства, развитія химической промышленности.

При громадности Россіи, при разнообразіи климата мы можемъ удовлетворять нашу потребность и во фруктахъ, если только садоводство будетъ поставлено на рациональную почву, овощахъ разнаго рода, винѣ, минеральныхъ водахъ, экспортъ которыхъ съ заграничныхъ источниковъ все усиливается и усиливается. У насъ много колчедановъ и мы можемъ развитъ производство сѣрной кислоты, столь необходимой для химической промышленности. Обиліе лѣсовъ ставитъ насъ въ благоприятныя условія по добычѣ канифоли, гарпіуса, уксусной кислоты. У насъ много желѣзныхъ рудъ... Однимъ словомъ, наша земля велика и обильна, но умѣнья нѣтъ добыть это богатство. Единственнымъ почти средствомъ къ возбужденію промышленной жизни въ Россіи была признана у насъ пошлина и, пожалуй, еще казенные заказы относительно желѣзодѣлательной промышленности.

Это, правда, вызвало къ жизни промышленность, но въ то же время убило у насъ самостоятельность, породило и закрѣпило апатію и рутину.

А развѣ это намъ было нужно?

И. О.

Вниманіе общества къ вопросамъ средней школы все усиливается. Въ минувшемъ мѣсяцѣ особенно оживленные толки вызвали вопросъ объ отѣткахъ. Поводомъ къ нимъ послужилъ циркуляръ попечителя петербургскаго

учебнаго округа, предлагающій начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній опросить родителей, желаютъ ли они, чтобъ отмітки выставлялись по старому способу, т.-е. за каждый отдѣльный отвѣтъ ученика, или лишь за извѣстный промежутокъ времени сразу, напримѣръ, за двѣ, три недѣли. Дѣло въ томъ, что по новому проекту министерства народнаго просвѣщенія предполагается именно этотъ послѣдній способъ. Но при обсужденіи проекта въ попечительскомъ совѣтѣ мнѣнія и голоса членовъ его раздѣлились. Одни высказались за старый способъ, другіе за новый. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что вопросъ объ отміткахъ не можетъ не интересоватъ родителей, попечитель и предлагаетъ опросить ихъ.

Казалось бы на первый взглядъ, что вопросъ объ отміткахъ особеннаго значенія не имѣетъ, а между тѣмъ онъ играетъ очень важную роль въ общей постановкѣ средней школы. Можетъ быть, ни въ чемъ другомъ такъ ярко не проявляется бюрократизмъ, присущій нашей школѣ, какъ именно въ вопросѣ объ отміткахъ. Все преподаваніе въ нашихъ гимназіяхъ ведется такъ, какъ будто отмітки являются главной цѣлью его. Учителя приходятъ для того, чтобъ выставлять ихъ, ученикъ для того, чтобъ ихъ получать. Есть учителя, которые никогда урока не объясняютъ, задаютъ, что называется, «отъ энтихъ до энтихъ», но отмітки неукоснительно ставить. Такіе учителя приходятъ въ классъ, вызываютъ въ теченіе часа 5—6 или 8 учениковъ, ставятъ имъ отмітки и уходятъ съ сознаніемъ исполненнаго долга для того, чтобы въ слѣдующій разъ продѣлать то же самое. Вся служба такихъ педагоговъ, собственно, въ томъ и происходитъ, что они изъ года въ годъ ежедневно ставятъ «вѣрннымъ» ученикамъ извѣстное число отмітокъ. Отмітка, вмѣсто того, чтобъ быть показателемъ познаній ученика, становится чѣмъ-то самостоятельнымъ, самодовлѣющимъ, центральной осью, вокругъ которой вертится вся педагогическая система. Весь цѣль учебнаго года проходитъ въ томъ, что сначала ставятся ежедневныя отмітки, затѣмъ четвертныя, затѣмъ годовыя и, наконецъ, экзаменационныя. Ученики, благополучно прошедшіе въ теченіе 8—10 лѣтъ «сквозь строй» отмітокъ, удоставаются аттестата зрѣлости и имѣютъ возможность получить дальнѣйшее или, вѣрнѣе сказать, начать образованіе; споткнувшіеся и упавшіе подъ свистомъ «двоекъ» и «единицъ», выбрасываются за бортъ и остаются недоучками. Характерно, что и въ «аттестатѣ зрѣлости» свидѣлствуется не зрѣлость ученика, не наклонность его къ той или другой наукѣ, а опять-таки выставляются отмітки. Такимъ образомъ итогомъ 8-лѣтняго ученія, по официальному признанію, являются отмітки, все тѣ же «патерки» или «тройки» и т. д. Даже формуляръ чиновника въ этомъ отношеніи краснорѣчивѣе аттестата зрѣлости: тамъ, вромѣ чиновъ и отличій, все же хоть кратко описывается дѣятельность его предъавителя.

Насколько наболѣвшимъ вопросомъ являются отмітки, видно изъ того, что не успѣлъ появиться циркуляръ петербургскаго попечителя, какъ многіе родители успѣли откликнуться на него въ печати. Въ этихъ откликахъ характерна явная раздражительность родителей противъ отмітокъ.

Напримѣръ, нѣкій родитель пишетъ въ *Петербургскихъ Видомостяхъ*: «Въ нашей гимназiи до самаго послѣдняго времени (съ текущаго академическаго года въ ней новый директоръ, и неизвѣстно, сохранится ли прежній порядокъ) существовала твердо установившаяся система такъ называемыхъ частныхъ работъ учениковъ, что означаетъ слѣдующее: если ученикъ ограничивался въ своихъ занятiяхъ только добросовѣстнымъ приготовленiемъ заданнаго, то какъ бы хорошо онъ ни зналъ уроковъ, никогда не получалъ за отвѣты болѣе 3; для достиженiя же высшаго балла нужно было представить частную работу, — сдѣлать что-нибудь дома сверхъ урока. Точно такъ же было обыкновенiе спрашивать всякаго ученика, приходившаго въ классъ послѣ болѣзни, по всѣмъ назначеннымъ на данный день предметамъ, сколько бы времени ученикъ ни болѣлъ и какъ бы ни учился, и при неудовлетворительныхъ отвѣтахъ цѣнить ихъ двойками, а при удовлетворительныхъ не ставить ничего, объясняя ихъ случайностью, причѣмъ никто изъ учителей не пытался узнать, имѣлъ ли ученикъ какую-нибудь возможность заниматься во время болѣзни. Одинъ изъ учителей греческаго языка допускаетъ промежутки между своими вопросами и отвѣтами на нихъ учениковъ никакъ не продолжительнѣе тѣхъ, какiе раздѣляютъ моменты разбитiя куркомъ пистона на ружьѣ и слѣдующимъ за тѣмъ выстрѣломъ; эти промежутки опредѣляются движенiями указательнаго пальца учителя по направленiю спрашиваемыхъ учениковъ, и та или другая отмѣтка сообразуется не съ общимъ знанiемъ отвѣчающихъ, а съ быстротою или медленностью отвѣта; потому ученическiе дневники однихъ и тѣхъ же лицъ пестрятъ разнообразiемъ балловъ по предмету этого учителя. Одинъ изъ учителей математики, усвоившiй свой предметъ до умѣнья предлагать ученикамъ объясненiе уроковъ лишь буквальнымъ повторенiемъ содержанiя ихъ по учебнику, часто задаетъ ученикамъ такiя задачи, которыя не разрѣшаются ни однимъ изъ цѣлаго класса, и невольнo безсилiе учениковъ награждается неудовлетворительными баллами, а задачи остаются безъ объясненiя, какъ рѣшать ихъ?»

И въ этихъ жалобахъ нѣтъ рѣшительно ничего преувеличеннаго, ничего исключительнаго. Каждый изъ читателей припомнить изъ своей гимназической жизни случаи, можетъ быть, даже болѣе яркiе, чѣмъ вышеприведенные.

Пишущiй эти строки припоминаетъ, наприм., такой случай. Встаетъ ученикъ шестого класса и обращается къ учителю исторiи (онъ же директоръ гимназiи) съ жалобой: «Николай Николаевичъ, вы меня ни разу не вызывали, а между тѣмъ поставили въ четверти два». — «А зачѣмъ мнѣ васъ вызывать?» — раздраженно отвѣчаетъ директоръ. — «Я по глазамъ вижу, кто знаетъ уроки. Пожалуйста отвѣчать». Нечего и добавлять, что протестантъ получить на этотъ разъ единицу, а въ новой четверти опять два: долженъ же былъ директоръ поддерживать свою репутацiю асновидящаго. Кстати, тотъ же директоръ, преподававшiй исторiю, былъ настоящею грозою учениковъ въ отношенiи отмѣтокъ. Онъ былъ тѣмъ опаснѣе, что отличался феноменальнымъ невѣжествомъ. Бывало, ученикъ прекрасно расскажетъ

урокъ,—онъ все молча выслушаетъ, а затѣмъ неожиданно заявитъ: «Ничего не понимаю. Крайне безтолковый и нелѣпый рассказъ. Сядьте!» и поставитъ «два». Никакое ученіе, никакая зубрежка не помогали, по той простой причинѣ, что онъ не могъ ихъ оцѣнить. Онъ ставилъ въ четверти хорошія отмѣтки тѣмъ, которые успѣвали хорошо у другихъ учителей, а остальнымъ безъ разбору ставилъ единицы и двойки.

Припоминается намъ и другой учитель, преподававшій физику и математику. Этотъ специально занимался тѣмъ, что «ловилъ» не приготовившихъ урока. Лучшаго удовольствія для него не было, какъ поставить плохую отмѣтку. Пятковъ въ его журналѣ никогда не было, а для того, чтобъ заслужить четверку, надо было всегда знать урокъ, что называется, на зубокъ. Если ему удавалось поставить кому-нибудь въ началѣ четверти двойку, то онъ ужъ больше его не вызывалъ для того, чтобъ и въ четверти поставить плохую отмѣтку. Зато онъ усердно ловилъ такихъ, у которыхъ уже были хорошія отмѣтки: авось удастся поставить двойку и испортить баллъ въ четверти. Въ случаѣ удачи онъ такъ и приговаривалъ: «на ловца и звѣрь бѣжитъ».

Нерѣдко случалось, что отмѣтка просто являлась средствомъ наказанія. Ставили единицу—за дерзость, за шалость на урокъ и т. д.

Смѣло можно сказать, что отмѣтки, болѣе, чѣмъ все другое, дѣляютъ учителей и учениковъ на два враждебные лагеря. Не говоря уже о случаяхъ, вродѣ вышеприведенныхъ, даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи учителя къ своимъ обязанностямъ, трудно ему избѣгнуть упрековъ въ несправедливости. Ученикъ рѣдко останется доволенъ оцѣнкой своихъ знаній. И не всегда будетъ неправъ, такъ какъ по существу дѣла, учителю, при системѣ отмѣтокъ, очень легко ошибиться относительно познаній ученика. Ученикъ, наприм., вообще учится хорошо, а его случайно вызвали въ такой день, когда онъ почему-то не особенно хорошо подготовился. А между тѣмъ учитель спрашиваетъ только урокъ—ни болѣе. Въ результатъ получается «несправедливая» отмѣтка. И вмѣсто любви и довѣрія устанавливается враждебное отношеніе. Учитель его всегда чувствуетъ и отвѣчаетъ тѣмъ же.

Нужно ли говорить о томъ, какъ вредно вліяютъ отмѣтки на самолюбіе дѣтей, вызывая въ однихъ чувство тщеславія и самоуниженія, а въ другихъ какую-то робость и приниженность. Всѣмъ извѣстенъ типъ «перваго ученика», не сходящаго съ «золотой доски», чистенькаго, прилизаннаго, благоговящаго мальчишка, всегда стоящаго далеко отъ товарищей и чуть ли не съ презрѣніемъ смотрящаго на всѣхъ, кто плохо учится. Съ другой стороны, извѣстенъ и типъ «последняго ученика», забытаго, приниженнаго и служащаго предметомъ общихъ насмѣшекъ. А сколько изобрѣтательности высказываютъ ученики, чтобъ добиться желательныхъ имъ хорошихъ отмѣтокъ. На какія только ни приходится пускаться при этомъ хитрости и обманы. Едва ли все это способствуетъ развитію добрыхъ чувствъ и началъ въ дѣтяхъ.

Проектируемая министерством народного просвѣщенія перемѣна внесетъ нѣкоторое улучшеніе въ систему отмітокъ. Общій баллъ за двѣ-три недѣли можетъ дать болѣе вѣрное представленіе о степени знаній ученика, чѣмъ рядъ отмітокъ за отдѣльные отвѣты. Вмѣстѣ съ тѣмъ снятятся и тѣ невыгодныя стороны нынѣшней системы, о которыхъ мы выше говорили. Но лучше всего будетъ то, что при новой системѣ учителя будутъ имѣть возможность въ извѣстной степени измѣнить постановку преподаванія. Незачѣмъ будетъ стремиться во что бы то ни стало къ тому, чтобы ежедневно спросить опредѣленное количество учениковъ и выставить имъ отмітки. Урокъ можно будетъ вести въ формѣ живого общенія между учителемъ и учащимися, такъ какъ учителю достаточно будетъ лишь вынести общее впечатлѣніе о познаніи учениковъ. Въ *Россіи* было выражено опасеніе, что при запрещеніи ставить отмітки въ журналѣ учителя будутъ ставить ихъ себѣ въ книжку, а это будетъ гораздо хуже, такъ какъ родители въ этомъ случаѣ будутъ слишкомъ поздно узнавать о малоуспѣшности учениковъ. Конечно, это возможно. При желаніи можно испортить самую лучшую мѣру. Но несомнѣнно, что новая система создастъ для учителей *возможность* значительно улучшить дѣло преподаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ создастъ болѣе благопріятную обстановку для взаимныхъ ихъ отношеній съ учениками.

Разумѣется, выводъ отмітокъ за двѣ-три недѣли сразу является лишь полумѣрой. Лучше всего было бы вовсе изгнать отмітки изъ употребленія. Ученики должны учиться не изъ страха передъ дурными отмітками, а изъ интереса къ предмету. Дѣло преподавателя вызвать въ нихъ этотъ интересъ. Но хотя мы убѣждены, что такой порядокъ ничего кромѣ пользы дѣлу не принесъ бы, тѣмъ не менѣе мы понимаемъ, что министерство народного просвѣщенія не могло сразу рѣшиться на такую мѣру. Новая система, вводимая имъ нынѣ, послужитъ для него переходнымъ опытомъ, который, надо [надѣяться, выяснитъ возможность вовсе обходиться безъ отмітокъ. Однако, по нашему мнѣнію, опытъ слѣдовало бы предпринять въ нѣсколько болѣе широкихъ размѣрахъ. Вмѣсто того, чтобы выставять отмітки за двѣ-три недѣли, лучше было бы выставять ихъ только разъ за цѣлую четверть. При большомъ количествѣ учениковъ въ классѣ учителю трудно будетъ за двѣ-три недѣли дать общую оцѣнку познаній каждаго ученика. Двухмѣсячный срокъ дастъ ему для этого больше простора и вообще въ значительной степени позволитъ ему поставить дѣло преподаванія внѣ зависимости отъ формальной системы отмітокъ. Мы выбираемъ двухмѣсячный срокъ потому, что онъ приноровленъ къ нынѣшней системѣ четвертныхъ отмітокъ.

Русскій Вѣстникъ, какъ и слѣдовало ожидать, крайне недоволенъ упраздненіемъ экстермпоралій въ гимназіяхъ. По его мнѣнію, упраздненіе это является *разрушеніемъ классической гимназіи*. Вѣрный, какъ онъ самъ выражается, священнымъ для него завѣтамъ Каткова, журналъ считаетъ

изгоумъ напомнить русскому обществу «замѣчательныя мысли» его о знаніи классическаго образованія.

Мысли эти въ настоящее время не составляютъ ничего замѣчательнаго. По мнѣнію Каткова и вѣрнаго его священнымъ завѣтамъ *Русскаго Вѣстника*, сущность классицизма заключается не въ изученіи идей и духа древняго міра, а исключительно въ изученіи языка, совокупности этимологическихъ и синтаксическихъ конструкцій. Катковъ полагалъ, что европейская наука достигла выдающихся результатовъ исключительно благодаря тому, что въ основу средняго образованія положено изученіе древнихъ языковъ; только этимъ и объясняется превосходство надъ нами германскихъ и романскихъ народовъ, такъ какъ по природнымъ способностямъ мы нисколько не ниже ихъ. Вся западноевропейская наука построена на «шлифованіи ума о древніе языки».

Мысли эти были высказаны 30 лѣтъ тому назадъ и еще тогда встрѣтилъ горячую оппозицію. Но предъ Катковымъ всетаки не было того опыта, которымъ теперь могутъ воспользоваться его эпигоны. Развѣ можно говорить теперь о «шлифованіи ума» о древніе языки, когда всѣмъ хорошо извѣстно, что изученіе этихъ языковъ обратилось на практикѣ въ простое зазубриваніе безчисленныхъ правилъ и исключеній, лишь забивающее дѣтскія головы? Само министерство народнаго просвѣщенія, въ теченіе многихъ лѣтъ изучающее дѣло средняго образованія и знакомое съ нимъ во всѣхъ его многосложныхъ деталяхъ, искренно признало постановку его неудовлетворительной и въ числѣ ея слабыхъ сторонъ прежде всего указало на чрезмѣрное значеніе, какое получили въ средней школѣ древніе языки. И министерство народнаго просвѣщенія, и педагогическія коммиссіи, образованныя въ учебныхъ округахъ, и родители, и печать—всѣ на основаніи горькаго опыта разувѣрились въ благотѣльномъ вліяніи древнихъ языковъ. Одинъ *Русскій Вѣстникъ* остается при особомъ мнѣніи. Для него опыта не существуетъ, а существуютъ лишь священные завѣты Нихаила Никифоровича Каткова, которымъ онъ и считаетъ долгомъ слѣдовать.

Правда, *Русскій Вѣстникъ* находитъ 30-лѣтній опытъ незначительнымъ. «Поколѣніе, прошедшее чрезъ преобразованную гр. Толстымъ гимназію,—говоритъ онъ,—только что выступило на сцену общественной дѣятельности, и мы, не оцѣнивъ всѣхъ результатовъ реформы, путемъ постепенныхъ уступокъ, которыхъ опасался М. Н. Катковъ, подрываемъ самыя основы гимназическаго образованія, а безъ этихъ основъ стройное зданіе неминуемо рухнетъ». Но вотъ что мы читаемъ дальше.

«Доступъ къ высшей наукѣ сталъ дѣломъ самымъ легкимъ. Ее выбросили на улицу, ее затоптали въ грязь... И вотъ университетскія аудиторіи наводнились массами полудикахъ, полуграмотныхъ мальчишекъ, неспособныхъ ни къ чему отнестись осмотрительно и критически, неспособныхъ продержатъ двѣ минуты одну и ту же мысль въ своей головѣ или провести въ ней безъ перерыва коротенькій рядъ самыхъ элементарныхъ представленій. Можно вообразить, какой чертополохъ долженъ разрастаться на

длкой почвѣ этихъ головъ при слуханьи университетскихъ лекцій! Хорошо бы еще, еслибъ это была только невосдѣланная и нетронутой почва; нѣтъ, къ наукѣ подводились головы порченныя, фальшиво возбужденныя, болѣзненно надменные мнимымъ образованіемъ».

Эта патетическая тирада представляетъ собою цитату изъ статьи Каткова, помѣщенной въ *Московскіе Вѣдомосты*. Цитата сопровождается слѣдующимъ комментариемъ *Русскаго Вѣстника*. «Не зная точной даты статьи, изъ которой сдѣлана приведенная выписка (статья эта появилась въ № 156 *Моск. Вѣд.* 18 іюля 1871 г.), можно бы подумать, что имѣется дѣло съ мѣткимъ изображеніемъ окружающей дѣйствительности!»

Итакъ, логика *Русскаго Вѣстника* такова. Съ одной стороны, поколѣніе, прошедшее чрезъ новую классическую гимназію, только что вступило на арену общественной дѣятельности, и мы не оцѣнили еще результатовъ реформы. Съ другой стороны, результаты эти таковы: «университетскіе аудиторіи наполнились массами полудикихъ, полуграмотныхъ мальчишекъ»... И это одинаково относится къ 1871 г. и къ современной дѣйствительности. Какимъ же намъ еще нужно результатовъ? И чего можно ждать на поприщѣ общественной дѣятельности отъ этихъ «полудикихъ и полуграмотныхъ мальчишекъ», когда они кончатъ курсъ?

«Чего же ожидать послѣ разрушенія классической гимназіи?» — спрашиваетъ *Русск. Вѣст.* и приглашаетъ не упразднить, а усилить классицизмъ. Нѣтъ, благодаримъ покорно, въ правѣ мы ему отвѣчать послѣ вышеприведеннаго. Результаты классицизма налицо: это «полудикіе и полуграмотные мальчишки», какъ вы изволите выражаться. Хуже этого ужъ ничего и быть не можетъ.

Разумѣется, мы далеки отъ того, чтобъ характеризовать вмѣстѣ съ *Русск. Вѣстн.* учащуюся молодежь, какъ массу полудикихъ и полуграмотныхъ мальчишекъ. Но вѣрно то, что молодые студенты совершенно не подготовлены къ слуханію университетскихъ лекцій. Объ этомъ неоднократно официально заявлялось въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. И эта неподготовленность является лучшимъ доказательствомъ того, насколько древніе языки «шлифуютъ умы» учащихся и насколько упражненія въ экстемпораліяхъ и изученіе этимологій и синтаксиса «приучаютъ умъ къ анализу и обобщенію» явленій.

Въ одномъ мы согласны съ *Русск. Вѣстн.* «Изученіе иностраннаго языка, — говоритъ онъ, — безъ письменныхъ переводовъ съ отечественнаго языка на иностранный (далися же имъ эти экстемпораліи!), т.-е. съ упраздненіемъ необходимости дать себѣ отчетъ въ подлежащихъ усвоенію правилахъ словообразованія, уничтожить всякое педагогическое значеніе классическихъ языковъ; преподаваніе этихъ языковъ съ недостижимой въ гимназіяхъ цѣлію познанія духа и идей древняго міра окажется тяжкимъ и никому ненужнымъ балластомъ, который удобнѣе всего выбросить за бортъ».

Совершенно вѣрно. Несравненно полезнѣе будетъ замѣнить древ-

языковъ усилить преподаваніе русскаго языка и литературы, исторіи, новыхъ языковъ, и ввести въ курсъ преподаванія изученіе естественныхъ наукъ.

Только что закончились уѣздныя земскія собранія. Отличительная черта ихъ та, что они первый разъ прошли при дѣйствіи новаго закона о фиксациі земскаго обложенія. Любопытно поэтому прослѣдить, какъ отразилась фиксация на ихъ дѣятельности и настроеніи.

«Новый законъ,—читаемъ мы въ газетѣ *Костромичъ*,—какъ кошмаръ висѣлъ надъ гласными ветлужскаго земства съ перваго и до послѣдняго дня засѣданій собранія». Это выраженіе является характернымъ для всѣхъ земскихъ собраній, встрѣтившихъ на этотъ разъ въ новомъ законѣ грозное препятствіе для дальнѣйшаго поступательнаго движенія земскаго хозяйства. Подъ вліяніемъ этого закона приходилось отказываться отъ самыхъ полезныхъ начинаній, приходилось обнаруживать особую осмотрительность и сдержанность при обсужденіи смѣтъ. Во многихъ собраніяхъ еще въ самомъ началѣ засѣданій раздавались предостерегающіе голоса. Такъ, открывая камышинское собраніе, предсѣдатель его, гр. Олсуфьевъ, заявилъ:

«Прежнія собранія не стѣснялись въ расходахъ. Разъ извѣстная потребность признана собраніемъ насущной, требующей удовлетворенія, собраніе не стѣнялось вносить въ смѣту нужный расходъ. Теперь не то: теперь мы можемъ увеличить смѣту только на 3%, противъ смѣты текущаго года, что, при 200-тысячномъ бюджетѣ камышинскаго земства, дастъ намъ только 6,000 р. Въ зависимости отъ этого измѣняется и задача гласныхъ. Теперь нужна особая осмотрительность при новыхъ ассигновкахъ; каждая статья можетъ оказаться увеличенной въ ущербъ другой».

Больше всего эта осмотрительность сказалась, какъ и заранѣе можно было предполагать, на расходахъ по народному образованію. Въ этомъ отношеніи фиксация явилась прекраснымъ оружіемъ въ рукахъ противниковъ просвѣщенія, недостатка въ которыхъ у насъ никогда не имѣется. Такъ, череповецкій корреспондентъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* пишетъ:

«Особенностью нынѣшняго собранія было то, что гласные впервые столкнулись на дѣлѣ съ новымъ закономъ о предѣльности земскаго обложенія, въ силу котораго смѣта земскихъ расходовъ не должна превышать 3 процентовъ смѣты предшествовавшаго года. Эти «3 процента» кошмаромъ повисли надъ собраніемъ. «Не привыситъ бы, господа, 3 процентовъ»,—стало стереотипной фразой. Благодаря этимъ 3 процентамъ, обычный порядокъ рассмотрѣнія смѣты расходовъ и приходовъ пришлось взять наоборотъ: смѣту расходовъ прежде доходовъ, иначе говоря, смѣту расходовъ пришлось уложить въ прокрустово ложе.

Благодаря новому порядку вещей, съ первыхъ же шаговъ въ дѣйствіяхъ гласныхъ почувствовалась «сократительная» тенденція. Нѣкоторая часть гласныхъ ухватила за эти 3 процента, какъ за якорь спасенія; особенно это пришлось на руку «укротителямъ» народнаго просвѣщенія. Въ уѣздѣ

насчитывается свыше 100 начальныхъ школъ. По установившемуся порядку, въ былые годы собраніе охотно удовлетворяло всѣ ходатайства крестьянскихъ обществъ объ открытіи у нихъ школъ, и ежегодно открывали по 8—10 и болѣе школъ; нынѣ были представлены 9 ходатайствъ. Собраніе отнеслось къ нимъ съ давно небывалой строгостью и удовлетворило всѣмъ 5 ходатайствъ».

Въ Биягининскомъ уѣздѣ (Нижегородской губ.) председатель управы фонъ-Бринъ прямо указалъ на народное образованіе, какъ на область, которая, вызывая прогрессивные расходы земства, должна будетъ первой подвергнуться сокращеніямъ. Собраніе такъ и поступило.

Въ нижегородскомъ собраніи председатель управы г. Савельевъ предостерегалъ собраніе отъ принятія выработаннаго особой комиссіей доклада о прогрессивномъ увеличеніи жалованья учителей, въ виду того, что теперь существуетъ предѣльное обложеніе. Собраніе ограничилось тѣмъ, что въ принципѣ выразило сочувствіе проекту, но не приняло его.

Балашовское собраніе не приняло, въ виду фиксаціи, проекта о приглашеніи вторыхъ учителей въ многолюдныя (выше 70 учащихся) школы. Въ самарскомъ собраніи также пришлось сильно сократить статьи расходовъ на народное образованіе.

То же самое повторилось и въ другихъ собраніяхъ.

Неудивительно послѣ этого, что хотя новый законъ о предѣльности земскаго обложенія еще не успѣлъ сказаться во всей своей силѣ (въ ближайшіе годы вліяніе его станетъ чувствительнѣе), тѣмъ не менѣе нѣкоторые земства уже считаютъ себя вынужденными ходатайствовать предъ правительствомъ объ его отменѣ. Такое ходатайство постановило возбудить дорогобужское собраніе. Интересны мотивы этого постановленія, приводимые мѣстнымъ корреспондентомъ *Русскихъ Вѣдомостей* въ такомъ видѣ.

«Представляя проектъ смѣты доходовъ и расходовъ на 1901 годъ, уѣздная управа обратила вниманіе собранія на то, что по текущей смѣтѣ сборы съ недвижимыхъ имуществъ даютъ 90,504 руб. 86 к. Три процента этой суммы составляютъ 2,715 руб. 14 к. Слѣдовательно, въ этихъ предѣлахъ плюсъ 2,445 р., которыя получатся за освобожденіемъ земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, должна была быть составлена смѣта. Но 2,445 р. могутъ быть внесены въ доходную смѣту только на 1901 г. какъ подлежащія возврату (въ настоящемъ году обязательные расходы производятся), такъ что въ дальнѣйшемъ повышеніе расходной смѣты можетъ происходить только въ предѣлахъ 2,715 р. Хотя будущій годъ и является благоприятнымъ, такъ какъ предстоитъ полученіе отъ казны 2,445 р., но тѣмъ не менѣе,—заявляетъ управа,—представляемая смѣта расходовъ, несмотря на все стремленіе управы быть сдержанной въ своихъ предположеніяхъ, иногда даже въ ущербъ дѣлу и вопреки намѣреніямъ собранія,—достигла почти предѣльнаго повышенія. Далѣе управа указываетъ на то, что главнымъ образомъ смѣта повысилась по медицинской части и по народному образованію. «Мы сознаемъ, — говоритъ управа, — что есть предѣлъ

самообложенія, но жизнь усложняется и предъявляетъ къ намъ свои требованія, и, къ сожаѣнію, далеко не всё эти требованія мы въ состояніи удовлетворить. Вотъ почему укорять наше земство въ томъ, что наши смѣты растутъ, нельзя; роскоши у насъ нигдѣ нѣтъ, стоитъ вспомнить только размѣръ жалованья, получаемого нашими сельскими учителями-тружениками. А между тѣмъ новое это требованіе застало насъ и съ неорганизованной еще медицинской частью, и съ началомъ нашей дѣятельности по народному образованію—и всёмъ нашимъ лучшимъ надеждамъ грозитъ это требованіе. Слишкомъ сложна жизнь земская, чтобы она могла помѣститься въ тѣсныя рамки какихъ-нибудь 3,000 руб.>. При соблюденіи закона 12-го іюня,—говорить далѣе управа,—наше земство зачастую не будетъ въ состояніи, напримѣръ, удовлетворить справедливымъ требованіямъ населенія въ медицинской помощи или будетъ поставлено въ невозможность выполнить свои священные обязанности по отношенію къ населенію въ дѣлѣ начального обученія и т. д., и вообще населенію будетъ нанесенъ этимъ большой ущербъ. Соединенная редакціонная и ревизіонная коммиссія, куда былъ внесенъ докладъ управы, высказалась противъ возбужденія ходатайства объ отиѣнѣ закона 12 іюня главнымъ образомъ потому, что она глубоко убѣждена въ безрезультатности такого ходатайства. Въ собраніи докладъ управы и коммиссіи вызвалъ горячее обсужденіе. Предсѣдатель собранія князь В. М. Урусовъ заявилъ, что новый законъ 12 іюня вызванъ необходимостью оградить интересы плательщиковъ отъ случавшихся увлеченій земствъ. Поэтому онъ въ новомъ законѣ видитъ урегулированіе, а не принципиальное сокращеніе земскаго обложенія. Гласный А. П. Мертваго, придавая новому закону принципиальное значеніе, предложилъ теперь же возбудить принципиальное ходатайство, такъ какъ ходатайствовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предъ правительствомъ объ увеличеніи 3%, — значитъ составить канцелярскую проволочку, неудобную для земскаго дѣла.

Въ свою очередь могологское земство, не имѣя возможности, въ виду новаго закона, удовлетворить свои насущныя потребности, постановило ходатайствовать предъ правительствомъ объ установленіи новыхъ источниковъ обложенія. Въ противномъ случаѣ земство вынуждено будетъ не только воздержаться отъ новыхъ ассигновокъ на мѣстныя нужды, но и сократить текущіе расходы по нѣкоторымъ главнымъ статьямъ смѣты.

Изъ постановленій по другимъ вопросамъ отиѣтимъ интересное постановленіе елецкаго земства, рѣшившаго, по предложенію предсѣдателя собранія, уѣзднаго предводителя дворянства, возбудить ходатайство о томъ, чтобы къ предварительному обсужденію условій предстоящаго возобновленія русско-германскаго торговаго договора были приглашены свѣдущіе представители нашего сельскаго хозяйства. Ходатайство это является вполне целесообразнымъ, и надо надѣяться, что оно будетъ сочувственно встрѣчено въ правительственныхъ кругахъ.

Не выходя изъ той же области экономической политики, отиѣтимъ постановленіе ковровскаго (Владимірской губ.) собранія, рѣшившаго, по пред-

ложению одного из мѣстных фабрикантовъ, г. Рѣшетникова, возбужденное ходатайство объ установленіи на ткацко-прядильныхъ фабрикахъ Ковровскаго уѣзда обязательныхъ $4\frac{1}{2}$ часовыхъ смѣнъ для рабочихъ.

Дѣло въ томъ, какъ объясняетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, что всѣ ткацко-прядильныя фабрики Ковровскаго уѣзда работаютъ въ сутки 18 часовъ, которые раздѣлены на двѣ смѣны, по 9 часовъ каждая; фабриканты давно уже стараются раздѣлить эти 18 рабочихъ часовъ на четыре смѣны по $4\frac{1}{2}$ часа каждая, и тогда каждый рабочий, занимая двѣ смѣны, будетъ работать тѣ же 9 часовъ, но съ перерывомъ въ одну смѣну; однако громадное большинство рабочихъ до сихъ поръ на это не соглашается. Въ своемъ заявленіи г. Рѣшетниковъ добавилъ, что если почему-нибудь $4\frac{1}{2}$ -часовыя смѣны будутъ признаны неудобными, то 18 рабочихъ часовъ возможно раздѣлить на три смѣны, по 6 часовъ каждая, и что теперь, въ видѣ кризиса и предполагаемаго сокращенія работъ, по его мнѣнію, самое удобное время для того, чтобы добиться согласія у рабочихъ на такое измѣненіе распредѣленія рабочихъ часовъ. Въ подтвержденіе своего ходатайства г. Рѣшетниковымъ было высказано весьма немного соображеній, именно, онъ сказалъ только, что непрерывный 9-часовой трудъ очень изнурителенъ, особенно для беременныхъ женщинъ; занимая же двѣ смѣны по $4\frac{1}{2}$ часа съ отдыхомъ въ одну смѣну, рабочий не будетъ утомляться. Ходатайство это почти никакихъ дебатовъ не возбудило и было принято земскимъ собраніемъ.

Между тѣмъ, какъ не безъ основанія предполагаютъ корреспондентъ, едва ли въ данномъ случаѣ гуманность не послужила средствомъ для того, чтобы замаскировать истинныя вождѣнія гг. фабрикантовъ. Что «умыселъ другой здѣсь былъ», а не заботы о рабочихъ, видно изъ того, что, наприм., товарищество Лежневской мануфактуры давно уже предлагаетъ на своей фабрикѣ рабочимъ принять $4\frac{1}{2}$ часовыя смѣны и для привлеченія даже сдѣлало нѣсколько повышенную расцѣнку для рабочихъ, принявшихъ это нововведеніе; однако, большинство рабочихъ на это не согласилось. А въ чемъ состоитъ «умыселъ» гг. фабрикантовъ, можно понять, если разсмотрѣть положеніе и контингентъ фабричныхъ рабочихъ Ковровскаго уѣзда.

«Несмотря на то, что въ немъ существуетъ нѣсколько очень крупныхъ ткацко-прядильныхъ фабрикъ, — говоритъ корреспондентъ, — спеціального контингента фабричныхъ рабочихъ до сихъ поръ не образовалось. На всѣхъ фабрикахъ работаютъ почти исключительно крестьяне Ковровскаго уѣзда и преимущественно ближайшихъ деревень. Каждая семья высылаетъ только своихъ лишнихъ членовъ на фабрику, но всетаки продолжаетъ обрабатывать землю, и такихъ семей, которыя для работы на фабрикѣ совершенно бросаютъ землю очень немного. Болѣе обособленный видъ начинаютъ принимать рабочіе на фабрикѣ Треумовой, которая находится въ г. Ковровѣ: большинство рабочихъ ея не имѣютъ возможности за дальностью разстоянія ежедневно ходить въ свои деревни, а нанимаютъ квартиры въ городѣ. На фабрикахъ же, находящихся въ уѣздѣ, постановка дѣла нѣсколько

нная: такъ почти всѣ рабочіе, отстоявъ сѣну на фабрикѣ, идутъ домой въ свою деревню и въ остальное время успѣваютъ еще выполнить свои деревенскія работы, а въ лѣтнее время справиться съ покосомъ и жатвой. Ясно, что подобная постановка для фабрикантовъ невыгодна потому, что, во-первыхъ, они не имѣютъ специально фабричныхъ рабочихъ, во-вторыхъ, существующіе рабочіе не теряютъ связи съ землей и только на половину находятся въ зависимости отъ фабрики, а съ такимъ контингентомъ справляться, конечно, труднѣе, и, наконецъ, трудъ такого рабочаго менѣе продуктивенъ, а, слѣдовательно, невыгоденъ для фабриканта, такъ какъ, особенно въ лѣтнее время, рабочій является на фабрику не съ достаточно свѣжими силами. Такимъ образомъ, кромѣ гигиенической стороны дѣла, превагирующей въ настоящемъ случаѣ, для рабочихъ является чисто-матеріальная сторона, которая и заставляетъ ихъ оставаться при прежнемъ распредѣленіи сѣнъ. Съ другой стороны, фабриканты стараются оторвать рабочаго отъ земли и всѣ силы его эксплуатировать на фабрикѣ. Такое стремленіе было бы позволительнымъ, по нашему мнѣнію, только въ томъ случаѣ, если бы фабричный трудъ обезпечивалъ вполне всѣ нужды рабочаго и его семьи. Къ сожалѣнію, этого мы не видимъ. Крестьянскія семьи, продолжая заниматься хлѣбопашествомъ и высылая лишнія силы на фабрику, едва-едва сводятъ концы съ концами, и едва ли матеріальное положеніе ихъ кто-нибудь рѣшится назвать достаточнымъ. Если бы осуществилось предложеніе г. Рѣшетникова, то благосостояніе рабочихъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе бы уменьшилось, потому что въ случаѣ установленія сѣнъ въ 4½ часа каждому рабочему приходилось бы занимать двѣ сѣны и являться на фабрику два раза, для чего пришлось бы жить вблизи фабрики, такъ какъ уходить въ свою деревню, иногда верстъ за 5 и больше, и приходить оттуда было бы невозможно. Предположимъ, что трудъ его былъ бы нѣсколько продуктивнѣе и онъ бы зарабатывалъ немного больше, но нельзя забывать того обстоятельства, что, живя въ чужомъ селеніи (въ Бовровскомъ уѣздѣ при фабрикахъ квартиръ для рабочихъ нѣтъ), ему приходилось бы платить за квартиру и содержать себя, да, кромѣ того, пришлось бы забросить домашнія работы и хлѣбопашество».

Рабочіе прекрасно понимаютъ все это и потому не соглашаются на благодѣтельные предложенія фабрикантовъ.

Подъ маской заботливости о нуждахъ населенія выступилъ нѣкій фабрикантъ и въ шуйскомъ собраніи. Заявленіе его, по словамъ корреспондента *Курьера*, можетъ быть сформулировано слѣдующимъ образомъ.

«Принимая во вниманіе, что сельское хозяйство въ Шуйскомъ уѣздѣ съ каждымъ годомъ падаетъ все болѣе и болѣе и что мѣры, принимаемыя шуйскимъ земствомъ, есть не болѣе, какъ палліативы, и не приносятъ по-этому существенной пользы; принимая также во вниманіе, что упадокъ сельского хозяйства въ Шуйскомъ уѣздѣ происходитъ потому, что фабрики отнимаютъ у земли рабочія силы, я предложилъ бы земскому собранію ходатайствовать черезъ губернское земство въ высшихъ сферахъ о слѣдующемъ

чтобы фабрики во время полевыхъ работъ превращали свои работы хотя бы на одинъ мѣсяцъ».

Шуйское собраніе, однако, поняло, о какихъ «рабочихъ силахъ» радѣть фабрикантъ и почти единогласно отвергло его предложеніе.

Въ московскомъ собраніи получилъ совершенно неожиданное разрѣшеніе вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣзднаго земствъ. Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, по этому вопросу былъ составленъ особой комиссіей докладъ, который и былъ переданъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній.

Уѣздная управа подвергла этотъ докладъ нѣсколько запальчивой критикѣ и предложила собранію признать, что никакого собственно вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ собраній не существуетъ, такъ какъ все достаточно разъяснено подлежащими указаніями. Несмотря на протесты меньшинства, это странное заключеніе принято было собраніемъ. Меньшинство, состоявшее изъ 12 человѣкъ, внесло особое мнѣніе, оспаривающее заключеніе управы.

Нельзя не сожалѣть по поводу принятаго собраніемъ рѣшенія, которое, въ виду обстоятельствъ дѣла, само по себѣ представляетъ выраженіе антагонизма между губернскимъ и уѣзднымъ земствомъ, отрицаемаго уѣздной управой.

Интересныя пренія вызвали во многихъ собраніяхъ ходатайства объ увеличеніи земскихъ пособій на церковно-приходскія школы. Въ семеновскомъ собраніи (Нижегор. губ.) въ отвѣтъ на такое ходатайство раздались голоса, указывавшіе на неудовлетворительное состояніе церковныхъ школъ. Собраніе постановило не увеличить, а уменьшить противъ прошлаго года ассигновку на церковныя школы. Въ ардатовскомъ собраніи (Нижегор. губ.) противъ земскаго пособія на церковныя школы высказался даже одинъ изъ земскихъ начальниковъ. Въ макарьевскомъ (той же губ.) собраніи, вслѣдствіе рѣшительнаго образа дѣйствій уѣзднаго епархіальнаго совѣта, вопросъ еще болѣе обострился. По сообщенію *Свернаго Курьера*, до послѣдняго времени въ пособіе школамъ духовнаго вѣдомства уѣздное земство отпускало въ видѣ кредита въ распоряженіе управы 500 руб. въ годъ, съ тѣмъ, однако, чтобы управа наблюдала, чтобы пособіемъ епархіальное отдѣленіе пользовалось при условіи соблюденія выработанныхъ земскимъ собраніемъ правилъ. Теперь отдѣленіе стало просить отпустить 500 руб. въ его *безотчетное* распоряженіе, и, кромѣ того, остатокъ отъ смѣтнаго назначенія пособія на эти школы на 1900 годъ. Между тѣмъ изъ доклада управы и преній въ собраніи вотъ что выяснилось о состояніи церковно-приходскихъ школъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ. Въ каждой земской школѣ обучалось въ среднемъ 56 дѣтей, въ министерской — 49 и церковно-приходской — 34. Такимъ образомъ населеніе предпочитаетъ посылать дѣтей въ земскія школы, которыя въ то же время требуютъ большаго труда со стороны учащихся. Какъ относится духовное вѣдомство къ своимъ школамъ, видно на примѣрѣ школы въ с. Нестіаръ, переданной 6 — 7 лѣтъ назадъ

земствомъ духовному вѣдомству. Съ переходомъ этимъ школа постепенно падаетъ: учитель устраняется, занятія поручаются дьякону, успѣхи учащихся падаютъ, школа приходитъ въ невозможное состояніе.

Гласный В. Левашевъ (земскій начальникъ), подтвердивъ это относительно нестіаровской школы, заявилъ, что и въ другихъ церковно-приходскихъ школахъ дѣло обстоитъ плохо: дьяконамъ, видимо, трудно исполнять свои служебныя занятія и заниматься еще въ школахъ. При этомъ изъ объясненій представителя духовнаго вѣдомства оказалось, что мѣстное населеніе содержать церковныя школы не хочетъ, такъ какъ онѣ въ большинствѣ случаевъ построены помимо его воли и желанія въ голодный годъ (на капиталъ, отпущенный на общественныя работы) и не обеспечены приговорами сельскихъ обществъ объ обязанности содержать школы, т.-е. отапливать ихъ, освѣщать, ремонтировать и т. д., какъ дѣйствительно дѣлаютъ сельскія общества по отношенію къ земскимъ школамъ.

Собраніе подавляющимъ большинствомъ открытой баллотировкой отклонило ходатайство епархіальнаго совѣта, а затѣмъ ассигновало въ кредитъ земской управѣ 500 руб. на выдачу пособія школамъ грамоты на условіяхъ, выработанныхъ собраніемъ.

Въ харьковское собраніе внесенъ былъ управой подробно мотивированный докладъ о прекращеніи выдачи пособія на содержаніе церковно-приходскихъ школъ грамоты. Докладъ вызвалъ страстныя пренія, въ результатѣ которыхъ и былъ отвергнутъ въ открытой баллотировкѣ большинствомъ 16 противъ 11 голосовъ. Въ большинствѣ находились земскій начальникъ, уѣздный членъ окружнаго суда и предводитель дворянства; трое гласныхъ уклонились отъ баллотировки, выйдя изъ зала засѣданій.

Интересна рѣчь, которую произнесъ херсонскій губернаторъ кн. Оболенскій при открытіи земскаго собранія. Въ виду изданія новаго продовольственнаго закона, устранившаго земство отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ, рѣчь эта приобретаетъ особенное значеніе. Губернаторъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о прошлогодней дѣятельности земства въ борьбѣ съ голодомъ, замѣтивъ, что онъ въ лицѣ земскихъ управъ нашелъ очень дѣятельныхъ и энергичныхъ сотрудниковъ, благодаря которымъ и удалось предотвратить грозившія населенію бѣдствія. «Особенно цѣнна,—сказалъ губернаторъ,—была та помощь, которую оказали уѣздныя земскія собранія населенію черезъ своихъ пунктовыхъ врачей. Тѣ безвозвратныя пособія, которыя въ извѣстной мѣрѣ были розданы пунктовыми врачами, оказали громадную пользу выздоравливающимъ больнымъ, а слѣдовательно, спасли населеніе отъ развитія болѣзней. Врачи всѣ были безупречны въ этомъ дѣлѣ. Они не только не были расточительны въ расходѣ этихъ денегъ, но съ разумной экономіей относились къ этимъ средствамъ. Въ лицѣ гг. пунктовыхъ врачей мы имѣли тѣхъ дѣятельныхъ ответственныхъ помощниковъ, которые дали намъ возможность сказать съ увѣренностью всѣмъ обвинявшимъ земство, что мы и въ прошлую продовольственную кампанію вышли безъ человѣческихъ жертвъ».

Рѣчь свою кн. Оболенскій закончилъ такъ:

«Мн. гг.! Въ лицѣ васъ, мѣстныхъ землевладѣльцевъ, просвѣщенныхъ людей, поставленныхъ представителями земствъ Херсонской губерніи, я надѣюсь встрѣтить друзей, которые въ каждомъ данномъ случаѣ скажутъ мнѣ правду. Если въ губерніи будутъ распространяться тревожные слухи, вы признаете себя нравственно обязанными непремѣнно провѣрить всякій такой слухъ и, въ случаѣ правды, немедленно меня увѣдомлять. Предъ этими большимъ дѣломъ, продовольственнымъ, всѣ остальные падаютъ; поэтому занимать ваше вниманіе этими обыденными дѣлами я не стану, а только прошу васъ всѣхъ быть непосредственными помощниками мнѣ и вашимъ исполнительнымъ органамъ въ дѣлѣ продовольствія губерніи для того, чтобы намъ сохранить здоровье людей, чтобы не было фактическаго голода въ губерніи. Я же отдаю себя въ ваше полное распоряженіе и буду чутко прислушиваться ко всѣмъ вашимъ заявленіямъ и ходатайствамъ».

Съ этой рѣчью интересно сопоставить рѣчь, которую произнесъ въ акерманскомъ собраніи предсѣдатель управы г. Пуришкевичъ. Съ личностью г. Пуришкевича читатели наши уже знакомы. Это тотъ самый земскій дѣтель, который въ разгаръ борьбы съ голодомъ въ своемъ уѣздѣ распространялся о лѣности и туеядствѣ населенія. Оказывается, что г. Пуришкевичъ способенъ и не на такіа откровенности.

Выбранный единогласно въ предсѣдатели управы на новое трехлѣтіе и удостоенный даже постановленія собранія объ украшеніи зала засѣданій его портретомъ, г. Пуришкевичъ заявилъ, что онъ «безповоротнo и категорически» отказывается отъ земской службы, такъ какъ «слишкомъ мало въ немъ того, чѣмъ принято характеризовать земца», такъ какъ онъ чуждъ земскимъ традиціямъ и «служба здѣсь долженъ поступаться своими убѣжденіями, своими взглядами и своимъ духовнымъ міромъ». «Глубоко убѣжденный противникъ земскихъ тенденцій въ вопросахъ народнаго образованія, — такъ закончилъ свою рѣчь г. Пуришкевичъ, — весь проникнутый идеями Хомякова, Аксакова, Побѣдоносцева, Рачинскаго, Фуделя, я отказываюсь отъ службы на земскомъ поприщѣ и вѣрю, что изъ уваженія ко мнѣ вы не станете просить меня поступиться моими принципами и служить чуждому мнѣ бумиру». Краснорѣчиво сопоставленіе Фуделя и Рачинскаго съ Хомяковымъ и Аксаковымъ.

Но дѣло не въ г. Пуришкевичѣ. Что г. Пуришкевичъ могъ нѣсколько лѣтъ прослужить предсѣдателемъ земской управы, будучи противникомъ земскихъ учреждений — это насъ нисколько не удивляетъ. Мало ли что бываетъ! Но что земское собраніе могло *единогласно* выбрать въ предсѣдатели человека, который самъ себя аттестуетъ противникомъ земскихъ учреждений — это, по меньшей мѣрѣ, странно. Вѣдь, не вчера же только обнаружился г. Пуришкевичъ, вѣдь, безъ сомнѣнія, встрѣчались въ земской жизни случаи, которые могли познакомить земство съ личностью г. Пуришкевича, — одна его брошюра о борьбѣ съ голодомъ чего стоила! — и вдругъ его единогласно выбираютъ снова въ руководители земства. Помеволя при-

ходивъ къ заключенію, что само земство аккерманское недалеко ушло отъ своего предсѣдателя.

Любопытнѣе всего, что портретъ г. Пуришкевича будетъ отнынѣ висѣть въ залѣ земскихъ засѣданій въ назиданіе потомству. «Смотрите, дѣти, на него,—будутъ говорить старые земцы молодымъ,—и учитесь, какъ можно служить земству, будучи убѣжденнымъ противникомъ земскихъ учрежденій».

А. С.

При обществѣ любителей россійской словесности образована въ нынѣшнемъ году, по инициативѣ В. Е. Якушина, Пушкинская коммиссія, въ которую вошли, кромѣ инициатора, слѣдующіе члены общества: П. А. Ефремовъ, А. Н. Веселовскій (предсѣдатель), А. И. Кирпичниковъ, М. А. Веневитиновъ, А. Е. Грузинскій и В. В. Каллашъ (секретарь). Ея главная цѣль—подводить итоги изученію Пушкина за годъ, но, кромѣ того, по мѣрѣ возможности, она должна устраивать посвященныя великому поэту чтенія и выставки, издавать сборники изслѣдованій и матеріаловъ о немъ,—вообще всѣми средствами способствовать уясненію его личности и творчества. Въ первый разъ официально она выступитъ въ февралѣ 1901 г., въ началѣ новаго вѣка. Въ виду этого предположено обзоръ «Pushkinian'y» 1899—1900 гг. соединить съ обзоромъ всѣхъ ея главныхъ отдѣловъ за XIX вѣкъ. Къ этой сложной работѣ будутъ привлечены и постороннія коммиссіи лица. Подготовленные матеріалы будутъ изданы въ видѣ сборника. Вполнѣ сочувствуя цѣлямъ коммиссіи, обращаемъ вниманіе читателей на ея просьбу, уже отнѣченную большинствомъ газетъ, присылать ей всѣ имѣющіеся печатные и рукописные матеріалы о Пушкинѣ, юбилейныя изданія, свѣдѣнія о чествованіяхъ и проч. *).

*) По слѣд. адресу: Москва, Лазаревскій институтъ, библіотека, проф. А. Н. Веселовскому.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Все осталось по-старому: новые выборы въ британскій парламентъ дали прежнее большинство кабинету Салисбюри—Чемберлена; президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ опять избранъ Макъ-Кинлей; при открытіи засѣданій французской палаты депутатовъ кабинетъ Вальдока Руссо одержалъ побѣду надъ соединенными монархистами, клерикалами и мелнистами-республиканцами.

Выборы въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ свидѣтельствуютъ, что имперіалистическое движеніе, увлекшее обѣ эти страны, не ослабѣваетъ. Торговые интересы и отчасти національное тщеславіе толкаютъ ихъ на путь завоеваній и насилій. Британскій флотъ является покуда господствующимъ въ мірѣ, а въ соединеніи съ флотомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ онъ сильнѣе флотовъ остальныхъ державъ, вѣстѣ взятыхъ. Но Франція и Россія дѣятельно развиваютъ свои морскія вооруженія, въ Германіи же императоръ Вильгельмъ прямо объявилъ, что будущность его государства—*на водѣ*, и броненосный нѣмецкій кулакъ усиленно дѣйствуетъ въ Китаѣ. Повѣстно стремленіе англійской дипломатіи войти въ тѣсное сближеніе съ воинственною гогенцоллернскою имперіею. Однимъ изъ крупныхъ шаговъ въ этомъ направленіи является англо-германское соглашеніе по китайскимъ дѣламъ. Надобности въ немъ, при дружномъ дѣйствіи всѣхъ великихъ державъ, очевидно, не было, а соглашеніе это подчеркиваетъ вообще сближеніе между Англіею и Германіею. Его послѣдствіемъ можетъ явиться болѣе сдержанный образъ дѣйствія Соединенныхъ Штатовъ и болѣе крѣпкое сближеніе Франціи съ нашимъ отечествомъ. Кромѣ того, этотъ дипломатическій актъ вызоветъ и подозрѣнія со стороны Японіи. Еслибъ это послѣднее предположеніе оправдалось, то такой результатъ англо-германскаго соглашенія былъ бы очень выгоденъ для русской дипломатіи. Японія на Дальнемъ Востоцѣ для насъ гораздо опаснѣе Великобританіи: она можетъ быстро перевести большую армію въ Корею или на Китайское побережье. Жить съ Японіею въ прочномъ мирѣ является, по нашему мнѣнію, однимъ изъ важнѣйшихъ условий благополучнаго развитія нашихъ далекихъ владѣній. Торговые интересы Японіи и ея законное честолюбіе могутъ быть согласованы

съ интересами и достоинствомъ Россіи. Для русской купеческой предприимчивости, буде таковая окажется, въ Сибирѣ и въ областяхъ Сѣвернаго Китая, съ проложеньемъ великаго сибирскаго пути и манджурской линіи къ Портъ-Артуру, отърывается столь широкое поле, что оно не скоро еще будетъ перейдено. Это предположеніе отодвигается въ даль грядущихъ вѣковъ, и наша конкуренція японцамъ не опасна. Иное дѣло конкуренція англичанъ и нѣмцевъ: она уже теперь задѣваетъ Японію. Полудикія племена, которыхъ такъ много въ Китаѣ, потребуютъ съ русской стороны большого продолжительнаго напряженія силъ, чтобы охранять культурныя приобрѣтенія, а между тѣмъ наша будущность не на водѣ и не на азіатскомъ Востока, а въ Европѣ.

Французскіе интересы въ Китаѣ идутъ съ юга навстрѣчу нашимъ интересамъ съ сѣвера. Политика нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ французской республики и ея почтеннаго президента отличается тактомъ и не стремится къ насильственнымъ колониальнымъ захватамъ. Въ Кохинхинѣ и Тонкинѣ у французовъ такъ много трудныхъ задачъ, что имъ, какъ и намъ, прибрѣтеніе новыхъ земель можетъ быть только опаснымъ. Кромѣ того въ Африкѣ французы попали въ почти роковое движеніе, подобное нашему движенію въ Азіи. Отъ Алжира къ Западу, къ Востоку и въ особенности къ Югу ихъ тянетъ, можно сказать, историческая необходимость. Она влечетъ за собою большія опасности, на которыя многіе уже давно указываютъ во Франціи; но военныя и научныя экспедиціи слѣдуютъ одна за другою, и антагонизмъ между французскими и англійскими интересами возрастаетъ. Станетъ ли положеніе Англіи послѣ южно-африканской войны болѣе прочнымъ на материкѣ, который еще недавно, по справедливости, назывался темнымъ, это вопросъ. Геройское сопротивленіе буровъ сломлено, и Англія никогда уже не допуститъ военной независимости Трансваала и Оранжевой республики. Это, съ британской точки зрѣнія, огромная выгода; но голландское населеніе этихъ республикъ, — сильно уменьшившееся, правда, — все-таки останется и число *африкандеровъ* въ южно-африканскихъ владѣніяхъ Великобританіи увеличится. Въ Англіи рассчитываютъ на притокъ въ присоединенныя республики британскихъ поселенцевъ и даже на водвореніе китайцевъ. Намъ кажется однако, что заря справедливости подымается и надъ Африкой, и корыстолюбивой, безжалостной политикѣ англичанъ придется встрѣтиться съ большими препятствіями. Напомнимъ, наприимѣръ, что у будущаго рельсоваго пути отъ мыса Доброй Надежды до Средиземнаго моря расположена Абиссинія. Въ этой странѣ сказывается уже теперь соединенное вліяніе Франціи и Россіи. И здѣсь наши интересы вполне солидарны съ французскими.

Нѣкоторыя русскія изданія находятъ умнымъ и патріотичнымъ поносить нынѣшнее французское правительство за его внутреннюю политику. Такое отношеніе къ дружественному государству мы могли бы опредѣлять терминами, противоположными вышеприведеннымъ. Мы съ большимъ со-

чувствіемъ относимся къ попыткамъ кабинета Вальдека Руссо внести, наконецъ, серьезныя улучшенія во французскую финансовую систему и въ законодательство о рабочихъ.

Среди французской демократіи существуетъ недовольство правительствомъ за то, что оно медленно и осторожно вступаетъ на путь реформъ. Недовольство у значительной части социалистовъ вызываетъ и то, что въ кабинетъ Вальдека Руссо принимаетъ участіе, въ качествѣ министра торговли, одинъ изъ видныхъ вождей социалистовъ, Мильеранъ. Напомнимъ, что эта же социалистическая партія, предводимая Гедомъ, Вальяномъ и ихъ единомышленниками, горячо нападала на Жореса за его энергическое и благородное вмѣшательство въ дѣло Дрейфуса. Провозглашалось, что защита справедливости, требованія правосудія—буржуазный интересъ! Хороша демократія безъ правосудія и безъ справедливости.

Расколъ въ социалистическомъ лагерѣ и во Франціи, и въ другихъ странахъ имѣетъ глубокія основанія. Читатели знаютъ, какой шумъ и полеміку вызвала въ Германіи книга Бернштейна. Възвѣшивать теоретическія основанія этого спора неумѣстно въ иностранномъ обзорѣ, но въ виду огромнаго значенія раскола социалистической партіи для тѣхъ государствъ, гдѣ она играетъ роль въ политической жизни, я укажу на статью вождя голландскихъ социалистовъ, Domela Nieuwenhuis, о разгромѣ марксизма (*La Débaclé du Marxisme*). Статья была напечатана въ *L'humanité nouvelle* и прошла, насколько мнѣ извѣстно, незамѣченной въ русской печати.

Домела Ньювенгуисъ сообщаетъ, что Бернштейнъ былъ ученикомъ Дюринга, что онъ склонился въ молодости къ ученію извѣстнаго анархиста Моста. Эта склонность скоро перешла во вражду. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ участія въ социаль-демократической партіи, причемъ Бернштейнъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Энгельса, и послѣ долгихъ научныхъ занятій, Бернштейнъ, какъ извѣстно, выступилъ противъ старыхъ вождей германской социаль-демократической партіи—Бебеля, Либкнехта, Ауэра и друг. Противъ нихъ рѣшительно и рѣзко выступаетъ и вождь голландскихъ социалистовъ. Онъ считаетъ сторонниковъ Бебеля оппортунистами, а не полными социалистами, которые должны дѣйствовать революціоннымъ путемъ, а не идти на постепенныя реформы. Домела Ньювенгуисъ оказывается, стало быть, на сторонѣ гедистовъ и противникомъ не только Бебеля, но и Бернштейна, это ясно: по мнѣнію голландскаго социалиста, не надо фабричныхъ законовъ, не надо вообще участія социалистовъ въ парламентской жизни. Это путь чересчуръ долгій и буржуазный,—нужна революція, со всеми ея кровавыми атрибутами. Практически Бебель и Ауэръ дѣйствуютъ такъ, какъ теоретически провозглашаетъ Бернштейнъ, какъ заявляетъ Фольмаръ. Маркса Домела Ньювенгуисъ вовсе не считаетъ гениальнымъ человѣкомъ *). Его нападенія на Жореса, Мильерана и другихъ сторонни-

*) Въ своей статьѣ онъ много разъ ссылается на неизвѣстный мнѣ трудъ Черкессова (*Therkesoff: La démocratie sociale dans ses enseignement et dans les faits*).

онъ оспариваемаго имъ направленія отличаются несомнѣнною рѣзкостью весьма сомнительнымъ остроуміемъ (онъ говоритъ, напримѣръ, что Мильерана (*Millerand*) не должно смѣшивать съ Талейраномъ (*Talleyrand*). Но это, разумѣется, не въ этомъ, а въ распаденіи социалистовъ на рабочую партію, стремящуюся къ широкимъ реформамъ политическимъ путемъ, и на эволюціонеровъ, приготовляющихъ общее насильственное ниспроверженіе временнаго государственнаго и общественнаго строя.

Когда пишутся эти строки, открывается германскій парламентъ. Сѣдѣвшій Гогенлоэ новый имперскій канцлеръ, Бюловъ, представилъ обширное объясненіе причинъ, почему до сихъ поръ не созывались народные представители, въ связи съ ходомъ китайскихъ событій. Нельзя сказать, чтобы объясненія Бюлова были удовлетворительны. Правительство втянулось въ далекую, дорогую и небезопасную экспедицію. На нее, безъ разрѣшенія парламента, истрчено уже много денегъ, въ Китаѣ погибло уже много германскихъ солдатъ. Рейхстагу придется, конечно, дать заднимъ числомъ согласіе на произведенные расходы; но возникаетъ вопросъ о дальнѣйшихъ тратахъ. Когда и чѣмъ кончится эта экспедиція? Волненіе въ массахъ китайскаго населенія скорѣе усиливается, чѣмъ прекращается. Грутой образъ дѣйствій графа Вальдерзее не ведетъ къ умиротворенію, наоборотъ, озлобляетъ китайское правительство и народъ. Чтобы держаться въ Пекинѣ и Тяньцзинѣ, нужны значительныя военныя силы. Мы, къ счастью, благоразумно ушли изъ столицы Китая, и главную роль теперь играютъ тамъ нѣмцы. Въ Германіи къ тревожнымъ голосамъ свободомыслящихъ и социаль-демократовъ начинается, повидимому, тоже съ тревогой, прислушиваться общественное мнѣніе. Не въ характерѣ императора Вильгельма II отступать передъ трудностями начатаго имъ предпріятія, и нѣмецкому народу придется, по всей вѣроятности, тяжело заплатить за честь командованія союзными войсками нѣмецкимъ фельдмаршаломъ. Торговые интересы германскихъ фабрикантовъ удовлетворяются покуда военными поставками для экспедиціоннаго отряда, и когда возстановится торговля съ Китаемъ—предвидѣтъ нѣтъ возможности. Новые территориальныя захваты китайскихъ областей создадутъ для Германіи и новыя затрудненія.

Ближайшія пренія въ парламентѣ бросятъ свѣтъ на положеніе вещей на дальнѣйшія намѣренія германскаго правительства. Съ эгоистической точки зрѣнія Россія можетъ быть довольна тѣмъ, что нѣмцы, такъ сказать, увязли въ Китаѣ: на нихъ будутъ притянуты главные военныя силы Поднебесной имперіи, и наше положеніе на Амурѣ, въ Манджуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ значительно облегчится. Есть Немезида въ ходѣ историческихъ событій: за несправедливостью и захватомъ является вредъ и опасность. Мы далеки отъ всякаго зложелательства по отношенію къ германскому народу, высоко цѣнимъ его культурныя заслуги и искренно желаемъ, чтобы воинственно-торговые затѣи не отразились пагубно на

его благосостояніи и на общемъ ходѣ его политической жизни. Въ этихъ отношеніяхъ современная Германія безусловно необходима для вильнаго развитія всего человѣчества. Конечно, мы имѣемъ въ виду германскій милитаризмъ и не остатки бюрократизма, а германскую науку, широкую постановку многихъ общественныхъ вопросовъ, серьезную и независимую печать. Философскій закалъ до сихъ поръ удерживалъ нѣмцевъ несмотря на Бисмарка и его сотоварищей, отъ разрыва между политикой и нравственными идеями.

Естаті: по вопросу объ отношеніи политики и морали, мы можемъ указать читателямъ интересную статью нашего соотечественника, Е. В. Роберти, напечатанную въ *L'Humanité Nouvelle* *). По его мнѣнію, мораль никогда не покидала политику, всегда одушевляла ее, какъ душу тѣло. Авторъ имѣетъ въ виду мораль, господствующую въ данное время и видитъ ея присутствіе во всѣхъ историческихъ событіяхъ. Выходитъ такъ, что языческій императорскій Римъ преслѣдовалъ и мучилъ христіанъ во имя своей морали, а христіане гибли за свой нравственный идеалъ. Этотъ вопросъ мы можемъ здѣсь, разумѣется, лишь затронуть. Г. де-Роберти ставитъ мораль въ основу социологій, и съ этого момента она должна получить прочную научную почву, откуда проникаетъ ея общеобязательная сила. Для г. де-Роберти политика при такихъ условіяхъ является социальною психологіей, гигиеною и терапевтикой общественной жизни.

Мы обращали уже вниманіе читателей на интересную статью г. Бомонъ въ *Questions Diplomatiques et Coloniales* объ австро-венгерской проблемѣ и ея европейскомъ значеніи. Во второй октябрьской книжкѣ журнала авторъ говоритъ о панславизмѣ, какъ внѣшней опасности для этого государства. Панславизмъ,—говоритъ Бомонъ,—терминъ неопредѣленный, колеблющійся. За нимъ скрывается точная цѣль: руссификація. Поэтому внѣ Россіи такой панславизмъ имѣетъ очень мало сторонниковъ.

Бомонъ упоминаетъ объ энергичной и благородной борьбѣ чешскаго народа за свои политическія права. Возрожденіе чешскаго языка и литературы онъ считаетъ однимъ изъ наиболее удивительныхъ историческихъ явленій. Это,—говоритъ Бомонъ,—утѣшительное и ободряющее зрѣлище для историка.

Въ нѣсколькихъ словахъ передаетъ французскій публицистъ, какъ складывались отношенія чешскихъ вождей къ Москвѣ и къ Россіи. Въ конечномъ выводѣ онъ приходитъ къ тому выводу, что панславизмъ (т.-е. руссификація) не имѣетъ у чеховъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Чехи пользуются Россіей только какъ пугаломъ для нѣмцевъ.

На это мы можемъ возразить, что нелѣпую мысль объ обрусеніи Богеміи и Моравіи не раздѣляетъ въ Россіи ни одинъ серьезный человѣкъ. Наши симпатіи къ чехамъ глубоки и безкорыстны. Конечно, для Россіи,

*) *Eug. de Roberty: „Morale et Politique“ (L'Humanité Nouvelle XXIII).*

въ виду волнъ пангерманизма весьма важно существованіе доблестнаго славянскаго авангарда,—самостоятельнаго и просвѣщеннаго чешскаго народа. Но этотъ государственный и національный интересъ, къ счастью, вполне совпадаетъ съ требованіями справедливости.

Панславизмъ,—продолжаетъ Бомонъ,—не опасенъ для Австро-Венгріи и въ Галиціи. Въ послѣднее время отношенія между русинами и поляками значительно улучшились, обѣ стороны пошли на уступки, и для русскаго вліянія почти не остается мѣста.

Мы уже отмѣчали, что Бомонъ считаетъ существованіе габсбургской монархіи необходимымъ для европейскаго равновѣсія, въ особенности для Франціи. Въ слѣдующей статьѣ онъ будетъ разсматривать опасность, грозящую Австро-Венгріи со стороны пангерманизма. А покуда австро-мадьярская политика по отношенію къ славянамъ (за исключеніемъ поляковъ) носитъ наступательный характеръ. Это сказалось и въ вопросѣ о боснійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Львиная доля въ этомъ случаѣ выпадаетъ Венгріи, притязаніямъ которой Австріи приходится уступать. До настоящаго времени Боснія была связана желѣзною дорогой съ Венгріей. Въ послѣднее время выдвинутъ былъ проектъ новаго рельсоваго пути, который долженъ былъ бы соединить оккупированныя (на самомъ дѣлѣ присоединенныя) славянскія области съ Вѣною. Этого требуютъ насущныя экономическіе интересы Цислейтаніи; но мадьяры твердо стояли на своемъ и требовали другого направленія для новой желѣзной дороги.

Это возбудило большую тревогу въ Сербіи, Черногоріи и Болгаріи: австро-мадьярскій путь долженъ прорѣзать Боснію и Герцеговину и черезъ Македонію достигнуть моря. Австро-Венгрія съ постройкой этой линіи прибрѣтетъ на Балканскомъ полуостровѣ господствующее стратегическое и экономическое положеніе. Въ газеты проникли слухи, что, по почину князя Николая, между Черногоріею, Сербіею и Болгаріей ведутся переговоры о заключеніи оборонительнаго отъ Австро-Венгріи союза. Трудно этому вѣрится, потому что сербы и болгары плохо уживаются другъ съ другомъ и не могутъ столкнуться въ македонскомъ вопросѣ.

Послѣ довольно продолжительнаго сопротивленія австрійское правительство по всѣмъ пунктамъ уступило мадьярскому. Цислейтанская печать, и нѣмецкая, и славянская,—въ большомъ негодованіи. Проектъ соглашенія долженъ быть утвержденъ обоими парламентами имперіи. Сомнительно, чтобы будущій австрійскій рейхсратъ оказался дѣеспособнымъ: чехи рѣшили твердо держаться обструкціи. Если эта обструкція и будетъ сломлена, то едва ли парламентъ согласится принять желѣзнодорожный проектъ, навязанный кабинету Бербера.

Русская Мысль, въ статьяхъ генерала Н. П. Хитрово, обращала вниманіе на недостатки нашего военнаго судопроизводства. Несовершенства военнаго правосудія составляютъ, какъ извѣстно, большой вопросъ и во Франціи. Печально-знаменитое дѣло Дрейфуса—еще не закрытая рана. Я думаю

повтому, что читатели иностраннаго обозрѣнія не безъ интереса узнаютъ о преобразованіи военно-судебнаго процесса въ Бельгіи *).

Въ 1870 г. въ Бельгіи былъ введенъ новый военно-уголовный кодексъ, но уставъ военно-уголовнаго судопроизводства остался старый (голландскій 1814 года). Общественное мнѣніе требовало реформы, но правительство вводило постепенно лишь второстепенныя, частичныя улучшенія.

На обсужденіе парламента, въ сессію 1898—99 г., былъ поставленъ принципиальный вопросъ: подлежитъ ли военной юрисдикціи всякое преступленіе или проступокъ, совершенные лицомъ военнаго званія, или же юрисдикція эта ограничивается только закононарушеніями исключительно военнаго характера?

Большое затрудненіе представлялось въ томъ отношеніи, что строгаго разграниченія между преступленіями общаго права и преступленіями по военному законодательству не существуетъ въ Бельгіи. Военно-уголовный кодексъ предоставляетъ нѣкоторые виды преступленій военнаго характера обыкновеннымъ судебнымъ установленіямъ, считая совершенно достаточными тѣ наказанія, которыя опредѣляются общимъ уголовнымъ уложеніемъ (сопротивленіе патрулю, напримѣръ, драки равныхъ по чину, и т. д.). Съ другой стороны, нѣкоторые другія преступленія, совершаемыя лицами военнаго званія, вовсе не имѣющія специально военнаго характера, наказуются по военно-судебному кодексу (покушенія на стыдливость, напримѣръ).

Я не могу, конечно, вступать въ подробности бельгійской военно-судебной процедуры и отмѣчу только, что ею приняты предосторожности, чтобы духъ военной дисциплины и служебной подчиненности не отражался на ходѣ правосудія. Общественное мнѣніе въ значительной степени удовлетворено, потому что въ основу военнаго судопроизводства положены общіе принципы правосудія. Но для полнаго осуществленія этихъ принциповъ потребуются новыя преобразованія.

Ежемесячному журналу нельзя поспѣвать за событіями. Положеніе вещей въ Китаѣ и отношенія дѣйствующихъ тамъ державъ терпятъ быстрыя измѣненія, и мы должны поэтому ограничиваться только общою характеристикой. Очень удачно дѣлаетъ это московскій *Курьеръ*. «Драма на дальнемъ Востоку»,—говоритъ эта газета,—развивается по какимъ-то особымъ законамъ, не предусмотрѣннымъ нормами междунагоднаго права. Державы войны Китаю не объявили, а между тѣмъ онѣ сосредоточили въ предѣлахъ Китая почти 100-тысячную армію и заняли столицу имперіи—Пекинъ. Мало того, китайское правительство назначило уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ; эти уполномоченные признаны представителями державъ и съ ними начаты даже переговоры, и въ то же время военныя

*) Я излагаю по статьѣ Шпейера (H. Spreyer) въ *Revue Politique et Parlementaire*.

дѣйствія продолжаются, приче́мъ главнокомандующій союзною арміею счита́етъ себя въ правѣ даже предавать суду китайскихъ чиновниковъ въ Паотинфу, исполнявшихъ лишь свои обязанности по отношенію къ правительству, ихъ назначившему. Очень можетъ быть, что эти лица, казенныя въ Паотинфу, и виновны, но въ такомъ случаѣ къ нимъ слѣдовало бы примѣнять тѣ же начала права войны, за нарушеніе которыхъ союзныя державы предприняли экспедицію въ Китай. Въдѣ въ предварительныхъ условіяхъ мира, выработанныхъ на совѣщаніяхъ державъ и предъявленныхъ китайскимъ уполномоченнымъ, право наказанія виновныхъ мандариновъ предоставлено было самому китайскому правительству, приче́мъ за державами сохранено лишь право дѣлать возраженія противъ разсѣла наказанія и присутствовать въ лицѣ своихъ представителей при приведеніи въ исполненіе наказаній. Это и понятно, потому что если бы державы захотѣли добиться примѣрнаго наказанія главныхъ виновниковъ смуты и настаивать на ихъ казни, то, по всей вѣроятности, имъ пришлось бы тогда расправиться самимъ, какъ это было въ Паотинфу; но то, что оказалось для нихъ возможнымъ на пекинскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, можетъ представиться очень труднымъ и даже безусловно невыполнимымъ въ добрыхъ провинціяхъ Шанси или Сечуэна. Такимъ образомъ, наказаніемъ мандариновъ въ Паотинфу державы ни на одинъ шагъ не приблизились къ рѣшенію стоящей передъ ними задачи. Напротивъ, они стоятъ теперь еще дальше отъ ея разрѣшенія *).

В. Г.

*) *Курсеръ*, 7 ноября.

Письма о современном искусствѣ.

„Накипь“, ком. П. Д. Боборыкина (*Малый театр*). — „Докторъ Штокманъ“, др. Генрика Ибсена (*Художественный театр*).

VIII.

По странному и, конечно, совершенно случайному совпаденію обѣ театральныя новинки, о которыхъ мнѣ приходится на этотъ разъ бесѣдовать являются комедіями общественной сатиры. Со сцены Малаго театра мы услышали иронизирующія слова и словечки по адресу російскихъ нищепанцевъ, марксистовъ, декадентовъ; на сценѣ Художественнаго театра докторъ Штокманъ громилъ «сплоченное буржуазное большинство», филистерскую мораль своихъ согражданъ и закончилъ свой вызовъ горделивымъ «открытіемъ», что «силенъ лишь тотъ, кто стоитъ одинокимъ». Въ этомъ возгласѣ нищепанство какъ будто давало отпоръ легкомысленно-сатирическимъ нападкамъ на него, услышаннымъ нами со сцены Малаго театра.

Комедія общественной сатиры всегда щекочетъ нервы слушателей. Талантливое исполненіе артистовъ усиливаетъ впечатлѣніе, и многіе (я не говорю большинство) готовы идти дальше замысловъ автора и дѣлать въ комедіи такія открытія, о которыхъ авторъ и не мечталъ. Такъ было съ «Докторомъ Штокманомъ». Если же явленія общественной жизни, послужившія автору обличительной темой, захвачены имъ поверхностно, то по адресу его раздается всегда справедливое недовольство. Такъ было съ «Накипью».

Въ своемъ капитальномъ трудѣ «Европейскій романъ въ XIX столѣтіи», всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышедшемъ изъ печати, П. Д. Боборыкинъ-публицистъ возбуждаетъ, между прочимъ, такой вопросъ: творчество ли подчиненно служить дѣйствительной жизни или наоборотъ? Авторъ категорически заявляетъ: «Не творчество подчиненно служить дѣйствительной жизни, а скорѣе наоборотъ; она доставляетъ ему тотъ матеріалъ, который въ данный моментъ творческое дарованіе отдѣльнаго писателя перерабатываетъ въ произведеніе назойливой литературы».

«Увлеченіе идеями и направленіями эпохи, по мнѣнію П. Д. Боборыкина, почти всегда заставляютъ авторовъ ставить въ ложный свѣтъ современную дѣйствительность, опадать въ безпрестанныя преувеличенія, лишаютъ ихъ чувства меры и заставляютъ писать такія вещи, которыя въ послѣдствіи могутъ представлять только нѣкоторый историческій интересъ, иногда интересъ курьеза».

Не произвесь ли въ приведенныхъ словахъ П. Д. Боборыкинъ суровый приговоръ автору комедіи «Накипь»? Не отразилъ ли сей послѣдній въ ложномъ свѣтѣ современную дѣйствительность, не прибѣгъ ли онъ къ «преувеличеніямъ», не окрасилъ ли онъ свою комедію «въ извѣстную тенденцію», въ ущербъ художественному достоинству произведенія?

Авторъ «Накипи», какъ я уже сказалъ, намѣтилъ для своей сатиры ри момента въ общественной нашей жизни: нищечанство, капитализмъ и экадентство. Посмотримъ, какъ и въ чемъ характеризуетъ онъ эти три момента. Но для того, чтобы читатель, не знакомый съ комедіей г. Боборыкина, могъ прослѣдить вмѣстѣ со мной эти опыты характеристикъ, необходимо познакомить его хоть въ краткихъ чертахъ съ содержаніемъ комедіи.

Въ домѣ купчихи-«милліонщицы» Мосеевой, покровительствующей молодому художнику Переверзеву, воспитывается племянница Мосеевой, княжна Ольга Горбатова. Ольга влюбляется въ Переверзева, Переверзевъ въ Ольгу или, быть можетъ, въ милліоны ея тетки и становится женихомъ Ольги. Это первый актъ. Во второмъ актѣ—отъ перваго до втораго акта прошло около года—Ольга Переверзева является уже въ образѣ несчастной жены. Тетюшка Мосеева, потерявъ Переверзева—она все-таки по своему нравственна и не желаетъ встать между племянницей и ея мужемъ—уѣхала за границу въ поискахъ за новымъ предметомъ увлеченія. Надежды Переверзева на милліоны Мосеевой не оправдались, и онъ, весьма послѣдовательный въ своихъ идеалахъ, ищетъ новую покровительницу. Таковая является въ лицѣ архи-милліонщицы Воробьиной, двоюродной сестры Ольги. Между Переверзевымъ и Ольгой, съ одной стороны, и Воробьинымъ и его женой—съ другой, устанавливаются такія отношенія, которыя побуждаютъ т-ше Воробьину весьма остроумно предложить имъ устроить «шассе-круазе». Художникъ Переверзевъ только объ этомъ и мечтаетъ; что касается Ольги, то она, хотя и полюбила искренно добродѣтельнаго Воробьина, не рѣшается на такое простое разрѣшеніе вопроса. Ольга ѣдетъ въ деревню къ своему разоренному дядѣ князю Горбатову, чтобы тамъ помогать «голодающимъ» («голодающіе» стали за послѣднее время необходимымъ атрибутомъ деревни) и въ тишинѣ сельскаго уединенія найти самое себя, перестать быть «игрушкой жалкаго миража».

«Все хорошо, что хорошо кончается»,—этой любимой (?) поговоркой Ольги заканчивается комедія.

Но позвольте, спроситъ разочарованный читатель,—гдѣ же тутъ обѣ-

шанные вами сверхъ-человѣки, нищееанцы, марксисты, декаденты? Не правдѣ сказать, ихъ въ комедіи нѣтъ. По крайней мѣрѣ внутренний смыслъ комедіи стоитъ совершенно особнякомъ отъ всѣхъ этихъ теченій современной жизни. Течения эти искусственно пристегнуты къ дѣйствующимъ лицамъ «Накипи». Такъ, Переверзевъ является проповѣдникомъ нищееанства въ жизни и декадентства въ искусствѣ, но для достиженія своихъ дѣйствительныхъ жизненныхъ идеаловъ онъ могъ бы совершенно свободно отказаться отъ этихъ ненужныхъ ему побрякушекъ современности, — чтобы съ успѣхомъ занимать у богатыхъ купчихъ аншлау альфонса, достаточно быть альфонсомъ *an und für sich*. Княжна Ольга Горбатова, въ первомъ дѣйствіи, потомъ — *м-ше* Переверзева также увлечена «накипью» нищееанства и декадентства. Но Ольга Горбатова совершенно неразумное дитя, подобно попугаю затвердившее нѣсколько модныхъ фразъ. Она облачается на вечерѣ у Мосеевой (1-е дѣйствіе комедіи) въ какой-то бѣлый балахонъ, держитъ въ рукахъ бѣлую лилію и декламируетъ «нараспѣвъ и немного сквозъ зубы» стихи какого-то декадентствующаго поэта. Подобно попугаю, она говоритъ, что «красота—это все», рассказываетъ какую-то чепуху о лебеди («о лебеди—она, а не лебедѣ—онъ»), какъ эта лебедь—она «вышла на берегъ, начала отряхиваться, потомъ клювомъ отпирать себѣ шею, грудь, крылья... и чиститься».

— Для меня она въ то время была символомъ красоты, — говоритъ Ольга, — такъ чудно и такъ бесполезно... И такъ глупо, — продолжите вы мечтанія княжны. Но всѣ эти бѣлыя лиліи, бѣлые пеплуны, бѣлыя лебеди — все это одни слова, слова и слова. На самомъ дѣлѣ, повторяю, Ольга наивная, глупенькая барышня. Это становится до поразительности ясно, въ тотъ моментъ, когда ей приходится рѣшить вопросъ о своей судьбѣ. Переверзевъ объясняется ей въ любви. Она слушаетъ его и даже не можетъ уяснить себѣ, любить ли она Переверзева. *Я еще не знаю сама, что я такое*, — говоритъ бѣдная глупенькая дѣвочка. Она-то не знаетъ, но мы видимъ ее всю, какъ на ладони, и, конечно, понимаемъ, что никакого нищееанства, ниже декадентства въ Ольгѣ нѣтъ. Когда судьба больно ударила неразумную дѣвочку, когда она раскусила, кто такой Переверзевъ, то только тогда она прозрѣваетъ необходимость понять самое себя «найти себя», какъ она говоритъ.

Таковы два главныхъ дѣйствующихъ лица комедіи. Мы видимъ, что ни тотъ, ни другой не могутъ быть сочтены за представителей какихъ-либо новыхъ теченій нашей общественной жизни. Переверзевъ и Ольга — стары, какъ свѣтъ. И если Переверзевъ говоритъ объ *эотизмѣ*, о «высшихъ настроеніяхъ» своего «я», о необходимости «презирать толпу, которая тамъ дѣ-то копошится», «стоять по ту сторону добра и зла», а Ольга вслѣдъ за своимъ «учителемъ» вторитъ о прославленіи культа красоты и бесполезности, то мы отлично понимаемъ, что всѣ эти слова и словечки вложены въ ихъ уста насильно волею автора комедіи, являются, дѣйствительно, «на-

кипью», которая немедленно безслѣдно исчезаетъ, какъ только мы захотимъ выскочить въ сердце героевъ комедіи поглубже и найти въ этихъ сердцахъ созвучіе съ произносимыми ими словами. «Накипь» слетаетъ, и остаются типы давно извѣстнаго намъ «красавца-мужчины» и неразумной барышни— «ангелочка».

Послѣдовательницами «новыхъ ученій» являются въ комедіи и тетка Ольга — купчиха Мосеева, и ея двоюродная сестра Нина Алексѣевна Воробьиная. И эти двѣ дамы, отличающіяся другъ отъ друга только возрастомъ (Мосеевой подъ пятьдесятъ, а Воробьиная—молодая женщина), въ сущности никакихъ новыхъ ученій не исповѣдуютъ. Мосеева, молодящаяся старуха, покровительствуетъ Переверзеву, устраиваетъ ему выставки его картинъ, покупаетъ его картины, такъ какъ постороннихъ покупателей на эту мазню не находится, но все это она дѣлаетъ вовсе не потому, что искренне увлекается «новымъ искусствомъ», а потому что увлечена личностью соблазнительнаго альфонса. И дѣйствительно, какъ только Переверзевъ женится, Мосеева, потерявъ его, перестаетъ увлекаться и его «направленіемъ», она ѣдетъ за границу и вывозитъ оттуда какого-то ирландца, являющагося уже представителемъ новаго направленія. «Худосочныя дѣвушки, выкраденныя у прерафаэлитовъ... лотосы и подсолнечники» не интересуютъ больше г-жу Мосееву. Она теперь увлечена «богатырскими мышцами», могучимъ колоритомъ, въ ея салонѣ будетъ происходить борьба атлетовъ всѣхъ странъ, и все это во славу ея новаго «друга» ирландца.

Несмотря на то, что рѣчь Мосеевой пестритъ всякими словечками, придуманными для характеристики современныхъ теченій въ искусствѣ, мы все-таки не вѣримъ ни на грошъ искренности художественныхъ увлеченій г-жи Мосеевой, мы опять-таки видимъ! давно знакомый типъ веселящейся дамы пожилого возраста, которая по волѣ автора комедіи говоритъ совершенно ненужныя для ея внутренняго «я» слова. Такой же же-представительницей новыхъ теченій рисуется намъ и Воробьиная. Она, впрочемъ, болѣе искренно очерчена драматургомъ и потому является наиболѣе живымъ лицомъ комедіи. Нина Алексѣевна Воробьиная, собственно говоря, и не скрывается подъ маской убѣжденной поклонницы новыхъ ученій. Она просто-напросто дуритъ,—дуритъ откровенно и чистосердечно. Она нисколько не скрываетъ, что ей прежде всего нуженъ самъ Переверзевъ, а затѣмъ, какъ необходимое зло, его картины; она хочетъ устроить въ задрапированной черныи сукномъ комнатѣ «танецъ мертвецовъ» и, конечно, не потому, что видитъ въ этомъ танцѣ какое-либо проявленіе новаго искусства, а просто потому, что картина «танца мертвецовъ» щекочетъ ея извращенное воображеніе.

Я закончилъ характеристику представителей нищезавства и декадентства въ комедіи «Накипь». Читатель согласится со мной, что сатирическія стрѣлы по адресу «новыхъ теченій» оказались лишними яда сатиры. Рядъ болѣе или менѣе остроумныхъ словечекъ—вотъ тотъ арсеналъ оружія, ко

торымъ П. Д. Боборыкинъ задумалъ «разстрѣлять» такое явленіе нашей общественной жизни, какимъ являются увлеченіе нѣкоторой части нашего общества ученіемъ Ницше (правильное или неправильное—это другой вопросъ) и увлеченіе новыми путями въ искусствѣ.

Такъ же охарактеризовать авторомъ жгучій вопросъ современности—капитализмъ. Въ комедіи «продуктами» этого теченія общественной жизни являются знакомыя уже намъ Мосеева и Воробьиная—*поскольку онъ владѣютъ капиталомъ* (?) Проповѣдникомъ этого теченія является нѣкій Бузулуевъ, «создатель» общества Чернопольскихъ заводовъ, какъ рекомендуетъ его драматургъ. Свою теорію капитализма Бузулуевъ развиваетъ во второмъ актѣ комедіи въ разговорѣ съ Воробьинымъ, мужемъ эротоманствующей Нины Алексѣевны, инженеромъ по профессіи, ведущимъ всѣ дѣла своей богатой жены, и захудалымъ помѣщикомъ кн. Горбатовымъ.

— Пржеіііе дѣлцы, —говоритъ «новый дѣлецъ» Бузулуевъ, —знали только свою кубышку. Ихъ влекъ впередъ полусознательный инстинктъ. А намъ пора сознать свою нравственную силу. И то, что мой секретарь и люди его вѣры (надо думать «марксисты»; этотъ таинственный секретарь такъ и не появляется на сценѣ и вѣры своей не исповѣдуетъ) теперь проповѣдуютъ, то мы дѣйствительно можемъ осуществлять и осуществляемъ... Не правда ли, вы уже слышали и читали о смѣшномъ и уродливомъ будто бы союзѣ капитализма съ новыми идеями въ искусствѣ? Для меня тутъ нѣтъ ничего ни дикого, ни смѣшного. Такъ оно и должно быть.

— Это почему, Викторъ Сергѣевичъ?—удивленно спрашиваетъ его Воробьинъ и виѣстѣ съ Воробьинымъ и мы съ вами, читатель.

— Да куда же далеко ходить? Ваша жена... она вѣдь также *продуктъ* крупнаго капитализма. И только съ этой заручкой, на этой почвѣ она и можетъ быть истинно оригинальной, смѣлой во всемъ—въ своихъ вкусахъ, въ своемъ жаргонѣ, туалетахъ, взглядахъ, во всемъ. *Вотъ это и есть созданіе новой жизни* (!). Фарисеи или рутинеры кричатъ, что это игра въ модныя теченія. Положимъ, сначала игра, мода; но подъ ней выработка личности, которая не желаетъ никакихъ прописей, никого и ничего не боится... Повторяю, то, изъ чего хотять сдѣлать пугало капитализма—движеніе идейное; оно только и можетъ все оживить и поддержать. Прежде всего хотя бы искусство, исканіе новыхъ формъ. Въ нашемъ домѣ такія женщины, какъ Нина Алексѣевна, какъ очаровательная belle soeur ваша Ольга Федоровна—вотъ вамъ *прямые* продукты этого движенія, сочетаніе породы съ новой силой...

Но тутъ даже и благодушный Воробьинъ не выдержалъ.

— Какой *новой силы*, —спрашиваетъ онъ, —ея мужъ?

— Ну, да, конечно, —соглашается Бузулуевъ, —онъ живетъ на средства тетки своей жены... Но все-таки, *все это* развивается не на прежней почвѣ.

Подъ «всѣмъ этимъ» приходится подразумѣвать альфонсизмъ Переверзева, но въ чемъ же заключается «новая почва» для дѣлнхъ такихъ господъ—

остается загадкой. Г. Бузулуевъ несомнѣнно несетъ страшную дичь. Ученіе его таинственнаго секретаря пошло ему не впрокъ. Но если теоретическія измышления г. Бузулуева являются лишь наборомъ звонкихъ фразъ, то на практикѣ этотъ дѣлецъ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ дѣльца шестидесятихъ, сороковыхъ и какихъ угодно годовъ. Что онъ дѣлаетъ въ комедіи, чтобы на практикѣ осуществить свою теорію торжествующаго шествія капитализма? Во-первыхъ, онъ предлагаетъ Воробьяну надуть Нину Алексѣевну, продавъ компаніи Бузулуева за безцѣнокъ урочище «Косую Балку», въ которомъ обнаружены богатѣйшія каменноугольныя залежи, и барыши отъ этой «капиталистической» операціи поделить пополамъ; во-вторыхъ, г. Бузулуевъ, забывъ разладъ, возгорѣвшійся между Ольгой Переверзевой и ея мужемъ, и явное стремленіе сего послѣдняго поступить на содержаніе Нины Алексѣевны, предлагаетъ съ своей стороны Ольгѣ «принять участіе въ побѣдоносномъ шествіи милліоновъ», или, попросту, поступить на содержаніе въ нему, Бузулуеву. Вотъ и всѣ явныя дѣянія «жреца капитализма». Согласитесь, что для такихъ дѣяній не для чего было г. Бузулуеву брать уроки у таинственнаго секретаря, «проповѣдника новой вѣры».

Таковы представители капитализма въ комедіи «Накипь».

На ряду съ этими отрицательными типами авторомъ выведено трое лицъ, долженствующихъ представлять положительное теченіе въ нашей общественной жизни. Это, во-первыхъ, дядя Ольга съ материнской стороны, коммерсантъ Мосеевъ, москвичъ, котораго считаютъ «въ восьми, а то и десять милліонахъ»; во-вторыхъ, ученый техникъ, окончившій курсъ чуть ли не въ трехъ иностранныхъ высшихъ школахъ, мужъ Нины Алексѣевны, Воробьянъ, я, въ-третьихъ, второй дядя Ольги, съ отцовской стороны, князь Горбатовъ, разорившійся дворянинъ, за свои заботы о мужикѣ чуть не попавшій подъ судъ, бѣдный, какъ церковная мышь.

Если всмотрѣться въ дѣйствія всѣхъ этихъ трехъ представителей положительныхъ началъ нашей общественной жизни, поскольку они выражаются въ дѣйствіи комедіи, то надо признаться, что положительнымъ началамъ у насъ грозитъ полное банкротство.

Въ чемъ выражается положительность коммерсанта Мосеева? Въ томъ, что онъ не увлекается «прерафаэлитскими дѣвулями» въ искусствѣ, въ доказательство чего въ качествѣ московскаго «гостина» (словечко П. Д. Боборыкина) преподноситъ Ольгѣ картинку, изображающую деревню, санки, мужичка и бабу. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, онъ предлагаетъ Ольгѣ въ случаѣ нужды рассчитывать на его кубышку. Что-жъ, это очень добродѣтельно, но въ концѣ-концовъ это рисуетъ намъ Мосеева лишь добрымъ дядей. На этихъ двухъ черточкахъ и обрывается авторомъ характеристика коммерсанта Мосеева. «Положительный» типъ оказывается довольно-таки бѣднымъ нулемъ. Нѣсколько ярче нарисованъ авторомъ Воробьянъ, но зато въ этомъ типѣ столько неразгаданныхъ противорѣчій, вѣрнѣе, недоумовъ, что «положительность» его подвержена значительному сомнѣнію.

Воробьинъ, ученый техникъ, женился на Нинѣ Алексѣевнѣ, по любви или по расчету,—остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ въ моменту знакомства нашего съ нимъ, Нина Алексѣевна «декадентитъ» во всю, и Воробьинъ ее уже не любитъ, но продолжаетъ, такъ сказать, «состоять при женѣ» и управлять ея дѣлами. Благодаря его практической смѣлѣ, жена его нажила миллионы, но Воробьинъ строго отдѣляетъ свой трудъ отъ капиталовъ жены,—онъ беретъ себѣ, несмотря на протесты жены, только извѣстный процентъ за управленіе. Это очень хорошо. Но вотъ что сѣверно. Воробьинъ видитъ, что жена его не любитъ, что она, наконецъ, до циничности развязно аффишируетъ свою связь съ Переверзевымъ, и тѣмъ не менѣе Воробьинъ, не любящій свою жену и начинающій любить Ольгу, продолжаетъ жить въ домѣ своей жены, пользоваться всею роскошью обстановки и не имѣетъ мужества, что ли, порвать со всею этою отвратительной ложью и честно уйти отъ своей жены. Правда, онъ уѣзжаетъ въ время, чтобы освѣжиться отъ удушливой семейной атмосферы, «къ голодающимъ» и тамъ организуетъ столовыя, больницы для борьбы съ голодомъ, цингой, тифомъ. Но затѣмъ, *освѣжившись*, возвращается назадъ къ женѣ, глупо попадаетъ въ ловушку въ моментъ объясненія его любви къ Ольгѣ, и долженъ выслушать оскорбляющій его и Ольгу потокъ насмѣшекъ его жены. Она откровеннѣе мужа, несомнѣнно, и въ этомъ отношеніи куда симпатичнѣе добродѣтельнаго техника. И такъ-таки до самаго окончанія комедіи мы не видимъ, чтобы Воробьинъ серьезно, открыто запротестовалъ и искренно послалъ, наконецъ, къ чорту всю «банду» Нины Алексѣевны, съ Ниной Алексѣевной во главѣ. Нѣтъ, и этотъ «положительный» типъ состоитъ изъ помноженія столькихъ минусовъ на плюсъ, что въ результатѣ получается минусъ. Третій представитель «положительныхъ началъ» нашей общественной жизни, князь Горбатовъ, окончательно можетъ разочаровать насъ въ жизненности этихъ началъ. Думается, что у автора не было этихъ намѣреній.

Прежде всего П. Д. Боборыкинъ представилъ князя Горбатова на закатѣ его дѣятельности. О томъ, что онъ дѣлалъ, когда былъ полонъ еще жизни и силъ, мы узнаемъ изъ полунамековъ, которые мало уясняютъ намъ характеръ и значеніе дѣятельности кн. Горбатова. «Не я одинъ добѣдъ послѣдніе куски»,—говоритъ князь Воробьину въ минуту откровенности. Изъ этихъ словъ можно предположить, что князь всю жизнь проѣдалъ «готовый» кусокъ. «Мѣстная моя служба не задалась,—откровенничаетъ онъ дальше,—чуть не попалъ подъ судъ. Словомъ, швахъ, очень швахъ все это». Слѣдовательно, князь пострадалъ, но за что и былъ ли правъ онъ, мы такъ и не знаемъ. Наконецъ, князь Горбатовъ сознается, что его душа «не лежитъ ко всему, что пахнетъ могуществомъ капитала». Это моя *marotte*. По-русски *marotte* можно перевести: «пунетъ помѣшательства». И съ этимъ послѣднимъ заявленіемъ князя нельзя не согласиться. Дѣйствительно, не иначе какъ нѣкоторымъ помѣшательствомъ можно объяснить себѣ всѣ рѣш

князя Горбатова, когда онъ начинаетъ говорить о капитализмѣ. Онъ одинъ изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи *искренно вѣритъ*, что Бузулуевы, Мосеевы, Переверзевы, дѣйствительно, являются представителями новыхъ теченій общественности, онъ вѣритъ въ ихъ силу, этотъ наивный старый князь. Вотъ какъ, наприм., онъ объясняетъ циническое предложеніе Бузулуева Ольгѣ Переверзевой пойти къ нему на содержаніе. «Онъ (Бузулуевъ) правъ,—говоритъ *le vieux prince à la marotte*,—онъ зачуялъ, гдѣ сила. Не простая здѣсь продажность и безпутство. Это сознательный союзъ... Пока они бѣдны, надъ ними смѣются. Но разъ ихъ пристегнутъ къ себѣ тотъ Минотавръ, который долженъ поглотить все: народъ, его трудъ, его правду, все, что мы, жалкіе, устарѣлые идеалисты, считали своей святыней,—и талантъ, и умъ, и доблесть ихъ будутъ превозносить». Довольно, пошадите, князь! Но князь не унимается и заканчиваетъ свой вдохновенный монологъ цитатой изъ «Скупого рыцаря» Пушкина: «Что не подвластно мнѣ...» Ольга Горбатова, слушавшая этотъ бредъ стараго князя, не на шутку перепугалась. «Страшно, дядя, страшно!»—говоритъ она, съ дрожью въ голосѣ. Но мы съ вами, читатель, не такъ-то пугливы, бредъ стараго князя насъ заставляетъ только улыбнуться. Не Переверзевымъ, Бузулуевымъ и имъ подобнымъ проглотить *народъ, его трудъ, его правду*; достаточно съ нихъ, если они сумѣютъ проглотить старуху Мосееву и Нину Воробьину, которыя, впрочемъ, на то и идутъ.

Да простить мнѣ почтенный авторъ «Накипи» мой отзывъ о его послѣднемъ драматическомъ произведеніи, но изобразить, хотя бы и въ сатирѣ, сумму такихъ сложныхъ явленій нашей общественной жизни, какъ нищезанство, капитализмъ и декадентство, ему не удалось. Фейерверкъ модныхъ словъ и остроумныхъ фразъ не можетъ намъ создать иллюзію дѣйствительности, а за этимъ фейерверкомъ мы видимъ лишь силуэты давно знакомыхъ намъ надоевшихъ альфонсовъ, скучающихъ купчихъ средняго и древняго возраста и какихъ-то манекеновъ добродѣтели.

Требовать при такихъ условіяхъ отъ артистовъ блестящаго исполненія, конечно, трудно. Наиболѣе правдивымъ, жизненнымъ лицомъ комедіи является несомнѣнно Нина Алексѣвна, и г-жа Лешковская своимъ талантомъ придала ей еще большую жизненность. Труднѣе всѣхъ была задача артистовъ, которымъ поручено было изображеніе «положительныхъ типовъ», г. Федотова въ роли князя Горбатова и г. Южина въ роли Воробьина. Мнѣ говорили, что роль Воробьина невѣрно будто бы понята г. Южинимъ, что Воробьинъ *сангвиникъ*, а г. Южинъ изображалъ какого-то холерика, не то меланхолика. Думаю я, что г. Южинъ вполне правъ. Артистъ понималъ, что будь Воробьинъ сангвиникъ, то онъ ни минуты не могъ бы оставаться въ домѣ своей жены, а послалъ бы и ее и всю ея «банду» къ чорту и пошелъ бы искать себѣ новой работы, въ новыхъ, симпатичныхъ его характеру условіяхъ.

На этомъ я заканчиваю свою бесѣду о «Накипи» и перехожу къ драмѣ Генрика Ибсена «Докторъ Штокманъ».

Съ драмой Ибсена происходитъ оригинальное явленіе. Въ то время, какъ во всѣхъ его драматическихъ произведеніяхъ, начиная съ «Норы» и «Призраковъ» и кончая послѣдней драмой «Когда мы, мертвые, воскреснемъ», въ которыхъ Ибсенъ является философомъ-драматургомъ человѣческой души, реалистически-настроенные критики, а вмѣстѣ съ ними и читатели стремятся сузить широкіе замыслы автора, лишить героевъ этихъ драмъ ореола носителей мировыхъ вопросовъ и низвести ихъ на степень реальныхъ героевъ обыденной житейской драмы,—въ «Докторѣ Штокманѣ», гдѣ все такъ ясно и обыденно просто, наоборотъ,—тѣ же лица готовы видѣть чуть ли не прообразъ сверхъ-человѣка Ницше! Между тѣмъ для яснаго пониманія норвежскаго драматурга, театру котораго посвящены и посвящаются цѣлые тома отдѣльныхъ изслѣдованій *), мнѣ кажется, прежде всего необходимо различить два основныхъ фазиса въ развитіи его творчества. Первый фазисъ, въ которомъ Ибсенъ въ своихъ драматическихъ твореніяхъ стремился изобразить борьбу общественныхъ элементовъ, будь то представители давно прошедшаго времени, или же представители современнаго ему общества. Въ этотъ періодъ своего творчества Ибсенъ еще вѣрилъ въ возможность обновленія общественнаго строя, сознанія его представителями своихъ заблужденій и неправды ихъ жизни. Но постепенно въ драматургѣ росло и крѣпло все большее и большее разочарованіе въ тѣхъ «устояхъ», на которыхъ покоится современная общественная жизнь, которыми обусловливается и развитіе отдѣльной личности. И безпокойная мысль философа-драматурга обратилась отъ описанія *современнаго общественнаго строя*, однимъ изъ устоевъ котораго является *условная ложь*, къ изученію *души отдѣльнаго человека*. Первымъ такимъ произведеніемъ явилась знаменитая драма «Ein Puppenheim» («Нора»), вторымъ «Gensprester» («Призраки»). Соответственно происшедшей эволюціи въ направленіи творчества Ибсена, измѣнилась и внѣшняя форма его драмы. Изображеніе борьбы представителей общественныхъ классовъ невольнo требовало исторической формы драматическаго хода дѣйствія. Драма человѣческой души была чужда этой формы, и вотъ на смѣну старой формѣ явилась новая, гдѣ *дѣйствіе* сократилось до минимума, гдѣ центромъ тяжести воздѣйствія на зрителя стало *слово*. Каждое слово въ драматическомъ діалогѣ невольнo пріобрѣло особое значеніе, ибо изъ словъ, произносимыхъ со сцены, предъ изумленными глазами зрителя долженъ былъ проявиться *человѣкъ*. И мы увидали въ «Норѣ», этой куколкѣ, живущей въ кукольномъ домикѣ, широкую концепцію первой ищущей свободы отъ лжи жизни женщины; въ г-жѣ Альвингъ («Призраки») — трагическій образъ современной матери, возводящей гнетущую всю ея жизнь ложь жизни въ величайшій подвигъ ма-

*) Такъ, наприм., только за послѣдніе два года вышли такіе капитальные новые труды, какъ *Edgar Steiger's*: „Das Werden des neuen Dramas“, первый томъ котораго посвященъ исключительно Ибсену; *Ossip Lurid*: „La philosophie sociale dans le théâtre d'Ibsen; *Dr. Emil Reich*—Ibsens Dramen, *Lichtenberger* и друг.

теринской любви и губящей этой ложью своего сына, въ пасторѣ Росмерѣ («Росмерсгольмъ»), архитекторѣ Сольнесѣ, банкирѣ Боркманѣ и художникѣ Рубекѣ («Когда мы, мертвые, пробуждаемся») — борцовъ за общечеловѣческіе идеалы, мечтателей новыхъ идеаловъ. Суживать значеніе всѣхъ этихъ личностей, низводить ихъ на степень будничныхъ людей современной общественности — большое заблужденіе, скажу болѣе, — грѣхъ по отношенію къ широкой творческой мысли Ибсена.

Не то мы видимъ въ драмѣ, только что поставленной на сценѣ Художественнаго театра, въ «Докторѣ Штокманѣ». «Докторъ Штокманъ» написанъ Ибсеномъ какъ разъ въ періодъ наступившаго кризиса въ его драматургической дѣятельности. «Нора» и «Призраки» были уже написаны. Появленіе этихъ «анархистскихъ» произведеній вызвало цѣлую бурю негодованія по адресу драматурга. Пока онъ смѣхомъ сатиры больно стегалъ отдѣльныхъ представителей общественнаго строя («Der Bund der Jugend», «Stützen der Gesellschaft»), ему прощали и его смѣхъ, и его мрачный пессимизмъ. По свойственной человѣку слабости видѣть въ глазу сосѣда сучокъ, а въ своемъ собственномъ не видѣть и бревна, мы всегда готовы простить писателю адъ сатиры. Но въ «Норѣ» и «Призракахъ» разрушались священные устои семейнаго очага, — такъ думали современники, — и этого они не могли простить драматургу. Извѣстно, что въ Германіи, наприм., первые годы «Нора» шла съ измѣненнымъ концомъ третьяго дѣйствія. Ибсенъ тогда вынужденъ былъ пойти на уступки и измѣнилъ конецъ драмы: — Нора не уходила отъ мужа и дѣтей, а дѣлала только попытку уйти. Мнѣ кажется, большинству русскихъ читателей этотъ измѣненный конецъ драмы неизвѣстенъ, а потому я позволю себѣ привести его дословно. Онъ очень характеренъ для уясненія отношеній общества 80-хъ годовъ къ Ибсену. Результатомъ этихъ отношеній и явился открытый вызовъ драматурга обществу, вылившійся въ драму «Der Volksfeind» («Докторъ Штокманъ»).

НОРА. — Такъ измѣниться, чтобы совмѣстная жизнь наша могла бы стать бракомъ. Прощай! (*Хочетъ уйти.*)

ГЕЛЬМЕРЪ. — Такъ иди же! (*Беретъ ее за руку.*) Но сперва ты должна въ послѣдній разъ взглянуть на дѣтей!

НОРА. — Оставь меня. Я не хочу ихъ видѣть. Я не могу ихъ видѣть.

ГЕЛЬМЕРЪ (*увлекаетъ ее за руку къ двери, ведущей въ дѣтскую*). — Ты должна ихъ увидѣть. (*Отворяетъ дверь и тихо говоритъ.*) Видишь ли, они спятъ тамъ беззаботно и спокойно. Завтра, когда они проснутся и позовутъ свою мать, матери у нихъ не будетъ.

НОРА (*дрожащими губами*). — Безъ матери!... (*На лицѣ ея видна внутренняя борьба, дорожная сумка выпадаетъ у нея изъ рукъ.*) О, я совершаю грѣхъ по отношенію къ самой себѣ, но я не могу ихъ оставить! (*Падаетъ на колѣни передъ дверью.*)

ГЕЛЬМЕРЪ (*радостно, но тихимъ голосомъ*). — Нора!

(*Занавѣсъ падаетъ.*)

Вотъ на какія уступки пришлось пойти драматургу, когда онъ впервые смѣлой рукой сталъ разоблачать ложь жизни. Съ какими негодованіемъ

долженъ былъ онъ писать этотъ конецъ, искажавшій основную идею всей его драмы, какой желчью должно было кипѣть его сердце, когда онъ задумалъ и началъ писать своего «Врага народа»!

Въ послѣднй разъ взялся онъ за перо, чтобы вновь и еще больше чѣмъ прежде, осмѣять современное ему буржуазное общество, боявшееся свѣта и истины и съ головой запрятавшееся въ тину традиціонныхъ условностей общественной жизни... общественной лжи.

Хотя «Докторъ Штокманъ» написанъ Ибсеномъ въ 1882 году и, кажется, дважды переведенъ на русскій языкъ и даже ставился, но безъ особаго успѣха, на сценѣ театра Корша (въ 1892 году), я думаю, что читатели не посѣтуютъ на меня, если я въ нѣсколькихъ словахъ напомнимъ имъ содержаніе драмы.

Во внѣшней конструкціи ея Ибсенъ опять долженъ былъ вернуться къ формѣ повѣствовательной драмы. Дѣйствіе первое. Докторъ Штокманъ, старшій врачъ цѣлебныхъ источниковъ маленькаго норвежскаго курорта, открывшій цѣлебное свойство этихъ источниковъ и обогатившій этимъ открытіемъ родной городъ, дѣлаетъ новое открытіе. Источники отравлены. Трубы оказались проложенными слишкомъ глубоко въ землѣ, и черезъ нихъ проникли въ купальни зловредные микроорганизмы болотистаго грунта. Радостный, что онъ можетъ вновь оказать услугу своему городу, онъ сообщаетъ о своемъ открытіи ближайшимъ своимъ друзьямъ, редактору *Народнаго Вѣстника* Гофстаду и сотруднику той же газеты Биллингу. Гофстадъ и Биллингъ выражаютъ полное согласіе оказать поддержку въ предстоящей ему борьбѣ съ акціонерами предпріятія цѣлебныхъ купаленъ. Дѣйствіе второе. Вѣсть объ открытіи, сдѣланномъ докторомъ Штокманомъ, распространилась по городу. Бургомистръ, братъ доктора, враждебно встрѣчаетъ революціонные замыслы брата: купальни придется закрыть, а это грозитъ всѣмъ гражданамъ крупнымъ убыткомъ и разорить участниковъ предпріятія, во главѣ котораго стоитъ тотъ же бургомистръ. Напротивъ того, отъ согражданъ, не заинтересованныхъ непосредственно въ предпріятіи купаленъ, докторъ Штокманъ продолжаетъ встрѣчать сочувствіе. Къ нему является Аслаксенъ, владѣлецъ типографіи, въ которой печатается *Народный Вѣстникъ*, и предсѣдатель ассоціаціи мелкихъ собственниковъ и предлагаетъ ему содѣйствіе свое и всего «сплоченнаго большинства» мелкихъ собственниковъ. Докторъ Штокманъ рѣшается напечатать въ *Народномъ Вѣстникѣ* подробный рефератъ о сдѣланномъ имъ открытіи. Дѣйствіе третье. Статья доктора Штокмана должна появиться въ завтрашнемъ номерѣ *Народнаго Вѣстника*. Всѣ граждане города продолжаютъ стоять за доктора и готовы вѣстѣ съ нимъ вести борьбу съ городскими властями, но достаточно *одной фразы* бургомистра сказанной имъ редактору газеты и типографщику, главарямъ готовящагося оппозиціоннаго движенія, чтобы разбить эту оппозицію и привлечь ее на сторону властей. «По предварительному подсчету, — говоритъ имъ бургомистръ, — предполагаемая врачомъ купаленъ перестройка ихъ обоимъ

тсѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ кронъ». — «Сумма почтенная, — отвѣчаетъ ему Аслаксенъ, — но...» *Бурюмистръ*: Конечно, придется прибѣгнуть къ новому погу на горожанъ. *Гофстадъ*: Какъ, городу придется... *Аслаксенъ*: Городу придется произвести расходъ изъ своихъ суммъ? Деньги будутъ взяты изъ кармановъ бѣдныхъ горожанъ? *Бурюмистръ*: Откуда же иначе мы возьмемъ необходимыя средства, любезный Аслаксенъ? *Аслаксенъ*: Это дѣло пціонеровъ. *Бурюмистръ*: Акціонеры не въ состояніи нести какія-либо значительныя жертвы...

Вотъ этотъ-то небольшой разговоръ сразу мѣняетъ картину. Всѣ друзья доктора Штокмана переходятъ на сторону враждебныхъ его планамъ городскихъ властей. И когда докторъ Штокманъ, радостный, приходитъ въ типографію, чтобы прочесть свою статью въ наборѣ, онъ встрѣчаетъ тамъ не друзей, а враговъ. Но докторъ не теряетъ еще надежды на поддержку и сочувствіе своихъ горожанъ, онъ рѣшается прочесть свою статью на публичномъ собраніи. Дѣйствіе четвертое. Лекція доктора Штокмана собрала множество горожанъ, но всѣ они уже настроены враждебно къ проекту доктора. Штокману не даютъ даже говорить объ его открытіи. И тутъ, подъ давленіемъ тупой оппозиціи сплоченнаго большинства, въ силу и разумъ котораго такъ искренно вѣрилъ докторъ Штокманъ, онъ дѣлаетъ новое открытіе, что «*все буржуазное общество покоится на зачумленной почвѣ лжи*», что большинство такого общественнаго строя имѣетъ за собою силу, но не право. «Правъ я и нѣкоторые немногія отдѣльныя личности. Право всегда въ меньшинствѣ», — бросаетъ докторъ Штокманъ горделивый вызовъ возмущенному «сплоченному большинству».

Докторъ Штокманъ, мечтавшій облагодѣтельствовать городъ и своихъ гражданъ, объявляется ими «врагомъ народа». Пятое дѣйствіе. Толпа разбиваетъ каменные окна въ квартирѣ доктора Штокмана. Городское управленіе исключило его отъ должности врача купаленъ, горожане проявили свою сплоченность тѣмъ, что подпиской обязали другъ друга не прибѣгать къ разбѣжнымъ услугамъ доктора, дочери его Петръ, учительницъ въ школѣ, отказались отъ мѣста, сыновья его исключены изъ школы и, наконецъ, домоуправленіе прислало ему отказъ отъ квартиры. Докторъ Штокманъ, подъ яркимъ впечатлѣніемъ надвинувшейся на него грозы, думаетъ эмигрировать въ страну свободы — въ Америку, но затѣмъ, убѣдившись еще разъ и еще съазательнѣе въ неизмѣнности побужденій своихъ согражданъ, ибо Аслаксенъ и Гофстадъ приходятъ къ нему вновь съ предложеніемъ своихъ услугъ, предположивъ, что докторъ Штокманъ затѣялъ всю эту борьбу съ тѣмъ, чтобы уронить стоимость акцій купаленъ и затѣмъ черезъ третьи руки скушать ихъ за безцѣнокъ и стать хозяиномъ предпріятія, докторъ Штокманъ рѣшается остаться и вести дальнѣйшую борьбу, но на новыхъ началахъ. Современный общественный строй прогналъ до основанія. Надо создать новое общество, новыхъ людей. И докторъ Штокманъ мечтаетъ открыть

свободную школу, въ которой его сыновья и нѣсколько уличныхъ мальчишекъ безъ роду и племени научатся быть свободными, духовно-облагороженными гражданами. «Тогда, дѣти,—говорить «врагъ народа»,—вы выгоните всѣхъ главарей всякихъ партій, этихъ голодныхъ волковъ, на далекій Западъ». Тутъ докторъ Штокманъ дѣлаетъ послѣднее открытіе: «Самый сильный человѣкъ на свѣтѣ тотъ, кто стоитъ... отдѣльно отъ толпы».

Этимъ третьимъ открытіемъ доктора Штокмана заканчивается драма.

Если мы обратимъ вниманіе на построеніе дѣйствія драмы, то мы не можемъ не замѣтить искусственности его. Дѣйствительно, чѣмъ вызвано отпаденіе всей, казалось, столь сильной партіи, стоявшей на сторонѣ доктора Штокмана? *Голословнымъ заявленіемъ бургомистра, что налоги придется повысить.* Я нарочно привелъ дословно весь разговоръ бургомистра съ Гофстадомъ и Аслаксеномъ, чтобы читатель могъ самъ судить, насколько мало обоснованъ переходъ друзей доктора Штокмана на сторону его враговъ. А этотъ моментъ является рѣшающимъ для всей драмы. Ибсенъ здѣсь измѣнилъ самому себѣ. Увлеченный полемическимъ задоромъ, чувствомъ негодования по отношенію къ своимъ противникамъ, къ тому обществу, которое обвинило его въ апархическихъ стремленіяхъ разрушенія общественнаго строя, его, поборника правды и обличителя лжи, Ибсенъ, врагъ всякой искусственности, допустилъ ее въ «Докторъ Штокманъ»! Благодаря ей, конечно, вся борьба доктора Штокмана теряетъ въ значительной степени жизненную правду. Недостаточно обоснованныя дѣйствія главныхъ лицъ драмы, конечно, лишаютъ ихъ и той жизненности, которая заставляетъ насъ вѣрить или не вѣрить въ искренность высказываемыхъ ими идей или совершаемыхъ ими дѣйствій.

Этотъ коренной недостатокъ драмы Ибсена «Докторъ Штокманъ» вполне объясняется условіями, вызвавшими ея появленіе. И если въ настоящее время «Докторъ Штокманъ» читается съ захватывающимъ интересомъ, то во всякомъ случаѣ не благодаря основному дѣйствію драмы, а благодаря тѣмъ отдѣльнымъ мѣстамъ въ драмѣ, въ которыхъ ярко выступаютъ взгляды Ибсена на задачи современнаго общественнаго дѣятеля, на задачи писателя, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Вотъ одно изъ такихъ мѣстъ, гдѣ Ибсенъ устами доктора Штокмана защищаетъ свои идеалы.

Штокманъ. Развѣ не обязанъ каждый гражданинъ распространять въ обществѣ новыя идеи?

Бургомистръ. Общество не нуждается въ новыхъ идеяхъ. Гораздо лучше, если оно будетъ довольствоваться испытанными старыми идеями, которыя ужъ имъ усвоены.

Но докторъ Штокманъ продолжаетъ твердо стоять на своемъ. Я стремлюсь ко благу города,—говоритъ онъ.—Я хочу разоблачить тѣ ошибки, которыя рано или поздно, но будутъ обнаружены. Я вѣрю, люди должны увидѣть, что я люблю искренно мой родной городъ.

Бургомистръ. Ты его любишь! Ты, который въ ослѣпленіи идей протеста хочешь уничтожить главный источникъ богатствъ города!

Штокманъ. Источникъ этотъ отравленъ! Мы живемъ здѣсь въ грязи и гниліи! Весь пресловутый расцвѣтъ нашей общественной жизни пытается лажью!

Бургомистръ. Воображеніе! Или еще того хуже. Тотъ, кто бросаетъ въ своихъ согражданъ такую позорную клевету, тотъ врагъ общества!

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Георгу Брандесу *) Ибсенъ писалъ: «Свобода, равенство, братство теперь означаютъ не то, что во времена гильотины. И наши политики не хотятъ этого понять, и я ихъ за это ненавижу. Они мечтаютъ все о внѣшнихъ политическихъ переворотахъ, между тѣмъ какъ необходима *революція человѣческая самосознанія*».

«Докторъ Штокманъ» является иллюстраціей этой мысли. Въ «Докторѣ Штокманѣ» философъ-драматургъ ясно указываетъ намъ тотъ путь, по которому онъ уже пошелъ въ «Норѣ» и «Призракахъ» и пойдетъ въ дальнѣйшей своей писательской дѣятельности. И дѣйствительно, всѣ его позднѣйшія драмы: «Дикая утка», «Росмергольмъ», «Женщина съ моря», «Гедда Габлеръ», «Строитель Сольнесъ», «Маленькій Эйольфъ», «Джонъ Габріель Боркманъ» и, наконецъ, «Когда мы, мертвые, воскреснемъ», всѣ онѣ являются «протестомъ возставшаго человѣческаго духа», обличеніемъ лжи жизни.

Изъ сказаннаго мною о драмѣ «Докторъ Штокманъ», яя крупныхъ достоинствъ, какъ личной исповѣди философа-драматурга, смѣло высказавшаго сгедо своего творчества, и яя крупныхъ недостаткахъ, выражающихся въ искусственности построенія драмы съ положенной въ основу яя борьбой, ясно, почему драма эта въ сценическомъ воспроизведеніи имѣла значительно меньшій успѣхъ, тѣмъ всѣ остальные драмы позднѣйшаго періода его творчества. И если тѣмъ не менѣе «Докторъ Штокманъ» имѣлъ такой крупный и несомнѣнный успѣхъ на сценѣ Художественнаго театра, то это нужно приписать прежде всего необычайно жизненной постановкѣ драмы, жизненности, затмившей искусственность концепціи, и художественнымъ замысламъ изображенія личности доктора Штокмана г. Станиславскимъ. Г. Станиславскій проявилъ себя въ этой роли большимъ художникомъ. Онъ тщательно собралъ воедино всѣ черточки, намеки, рисующіе намъ характеръ доктора Штокмана въ его собственныхъ рѣчахъ и въ отзывахъ о немъ окружающихъ его лицъ и въ ремаркахъ о немъ драматурга. Онъ понялъ, что нельзя возводить доктора Штокмана на дѣйствительный *пьедесталъ* «врага народа», что зритель скорѣе подмѣтитъ при такомъ исполненіи *ходухность* его борьбы, что необходимо, наоборотъ, низвести Штокмана на землю, лишить его атрибутовъ пророка, строителя новаго общественнаго строя. И Штокманъ, въ исполненіи Станиславскаго, предсталъ предъ нами въ образѣ добродушнаго отца семейства, свѣтлаго идеалиста, вѣрящаго всей душой въ правду жизни, ученаго, всецѣло ушедшаго въ исканіе истины. Вотъ почему наиболѣе искусственный актъ, послѣдній, въ которомъ докторъ Штокманъ, по

*) „Moderne Geister“, стр. 431.

мысли автора, долженъ передъ глазами зрителя преобразиться въ убѣжденнаго разрушителя общественнаго строя, на самомъ же дѣлѣ рисуется намъ рыцаремъ, лишеннымъ главнаго условія для борьбы, оружія—этотъ послѣдній актъ, благодаря г. Станиславскому, оставляетъ въ зрителѣ успокаивающее положительное впечатлѣніе. Зрители, уходя изъ театра, вѣрятъ, что побѣда будетъ въ концѣ концовъ на сторонѣ доктора Штокмана, что идеалистъ-ученый, проповѣдующій исканіе истины, побѣдитъ узкій эгоизмъ и ложь окружающихъ его согражданъ.

Такимъ образомъ докторъ Штокманъ, въ исполненіи г. Станиславскаго, вырастаетъ въ типъ положительный, онъ какъ бы бросаетъ вызовъ самому творцу драмы, который, по мѣткой характеристикѣ Анри Лихтенберга, «является повтомъ тѣхъ, которые соединяютъ культъ истины съ интеллектуальнымъ скептицизмомъ, которые хотятъ во всемъ разобраться и въ то же время виѣстѣ съ Ренаномъ говорятъ себѣ, что, можетъ быть, они... обмануты».

Я. А. Ф—ичъ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Ноябрь

1900 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика. — Публицистика. — Философія, психологія, педагогика. — Исторія, исторія литературы. — Географія. — Искусство. — Политическая экономія. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Учебники, книги для дѣтей. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», сентябрь и октябрь. — «Русское Богатство», августъ и сентябрь. — «Міръ Божій», октябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го октября по 1-е ноября 1900 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Ничтожные міра сего“. Т. Щепкиной-Куперникъ. — „Незамѣтные люди“. Ея же. — „Родныя картинки“. Ив. Наживина. — „Викъ“. Сборникъ. — „Повѣсти и оповиданія“. И. Лесницкаго. — Иллюстрированный сборникъ кievскаго литературно-артистическаго общества. — „Голоса мертвыхъ“. Романъ Е. де-Воня. — „Женское движеніе“. Марс. Прево. — „Борьба и любовь. Жизнь и произведенія Ады Негра“. А. Н. Е—ва. — „Жерны любви“. Романъ Фр. Коппе. — „Мертвый городъ. Джоконда. Слава“. Трагедія. Габріэля д'Аннуцио. — „Разказы“. Петра Розенера.

Ничтожные міра сего. Ц. 1 руб. Незамѣтные люди. Ц. 1 руб. Т. Щепкиной-Куперникъ. М., 1900 г. Въ эти изящно изданные томики вошли рассказы даровитой писательницы, печатавшіеся въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Отъ нихъ вѣетъ бодрою мыслью и участливымъ отношеніемъ къ незамѣтнымъ людямъ, къ ничтожнымъ міра сего. Молодой авторъ впадаетъ иногда въ дидактизмъ, но симпатіи его сами заслуживаютъ полной симпатіи. Встрѣчается и нѣсколько искусственный вымыселъ (напримѣръ, въ рассказѣ *Новыя впечатлѣнія*; при небольшой передѣлкѣ изъ него вышелъ бы отличный рассказъ для дѣтей).

Авторъ много наблюдалъ и знакомить насъ съ различными видами вужды, горя и паденія. Съ его размышленіями можно иной разъ и не соглашаться, но они и выводимыя авторомъ лица пробуждаютъ въ читателѣ „чувства добрыя“.

Родныя картинки. Ив. Наживина. 1900 г. Цѣна 75 к. Намъ хотѣлось бы отмѣтить въ произведеніи г. Наживина проблески таланта. Его родныя картинки проникнуты чувствомъ неудовлетворенности и отвращенія отъ безсодержательной пошлости жизни, нравственный обликъ писателя довольно ярко выступаетъ въ этихъ небольшихъ рассказахъ и, казалось бы, они, эти рассказы, должны производить впечатлѣніе и будить въ читателѣ извѣстныя чувства. И тѣмъ не менѣе художественнаго таланта у г. Наживина нѣтъ, и настроеніе писателя остается до конца чуждымъ читателю. Г. Наживинъ говоритъ о сильныхъ стремленіяхъ и горестныхъ разочарованіяхъ своихъ героевъ, но читатель плохо вѣритъ этому. Вотъ рассказъ „На добрую память“ — варіація на старую тему. Ихъ было двое, ихъ соединяла дружба и на-

джда. Одинъ изъ нихъ добился извѣстности и славы и вздумалъ прислать книжку своихъ произведеній (начало разсказа) своему старому другу, который погрязъ въ тинѣ провинціального городка въ борьбѣ за кусокъ хлѣба для матери и сестры. Все заглухшее, давно забытое, цѣлый хаосъ чувствъ и мыслей поднимается въ душѣ Николая Петровича при видѣ книги стараго друга. „Гдѣ же, что осталось отъ его былыхъ боговъ, отъ его мечтаній? Вотъ на стѣнѣ виситъ портретъ блѣднаго юноши съ черными кудрами (Надсона), но Николай Петровичъ уже давно привыкъ считать его за пятно на стѣнѣ, ему не было времени вглядѣться въ это пятно; было на полкѣ и нѣсколько книгъ въ выпцѣвшихъ переплетахъ, но и для нихъ времени у него не было. И Николай Петровича сразу охватила глубокая грусть. Ему было жалъ своего дорогаго прошлаго, своей чистоты, своихъ идеаловъ, отъ всего этого не оставалось и слѣда. Погрустивъ такимъ образомъ, Николай Петровичъ отправляется въ клубъ, сообщаетъ тамъ послѣднюю городскую сплетню, только что услышанную имъ отъ почтальона и закачиваетъ вечеръ изрядной выпивкой. Итакъ, Николай Петровичъ въ молодости стремился. Стремленія его были возвышенны и прекрасны; допустимъ, но почему же во всѣхъ этихъ стремленіяхъ первую роль играетъ маленькое словечко „слава“? Впослѣдствіи онъ разочаровался, или, вѣрнѣе, суровая жизнь придавила его. Хорошо, но неужели разочарованіе и тяжелая борьба за кусокъ хлѣба однозначуци въ клубными сплетнями и выпивкой? И читатель не вѣритъ Николаю Петровичу и сомнѣвается, чтобы и въ молодости у него были особенные идеалы и чистота. Весь разсказъ носить на себѣ отпечатокъ Чеховскаго творчества, но отъ этого проигрываетъ еще больше, такъ какъ у всѣхъ слишкомъ памятенъ чудный разсказъ Чехова на ту же тему „Юнычъ“. Герой другого разсказа г. Наживина уѣзжаетъ за границу въ чужіе края, подъ ласковое южное солнце, но и тамъ пошлость жизни преслѣдуетъ его. На берегу моря возлѣ красивой виллы онъ слышитъ серенаду. Ему чувствуется въ ней вѣчно юная, прекрасная пѣсня любви, на самомъ же дѣлѣ оказывается, что пѣвецъ поетъ свою серенаду по приказанію богатаго барона, для услажденія его содержанки—оперточной пѣвицы. Ужасно, не правда ли, читатель? Но я вижу, какъ читатель скептически улыбается и лѣниво произноситъ: всяко бываетъ на свѣтѣ.

Послѣдніе разсказы—лирическія поэмы въ прозѣ подъ общимъ названіемъ „Грусть жизни“, написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Поэ и Чехова. Звучитъ мелодія шопеновскаго ноктурна, неизвѣстный, скрестивъ руки, стоитъ на развалинахъ храма Разума, сатана смѣется надъ бѣднымъ заблудшимся человѣчествомъ,—но... всего этого слишкомъ мало. Чувствомъ грусти и одиночества проникнуты всѣ разсказы г. Наживина, намъ глубоко симпатиченъ обликъ писателя, и мы очень хотѣли бы ошибиться въ оцѣнкѣ его произведенія.

Викъ (1798—1898). Кіевъ, 1900 г. Цѣль этого роскошно и изящно изданнаго сборника—представить, такъ сказать, въ миниатюрѣ всю новѣйшую украинскую поэзію, начиная съ Котляревскаго и кончая поэтами самаго послѣдняго времени. Перспектива вездѣ прекрасно выдержана, и каждый малорусскій поэтъ занялъ подобающее ему мѣсто. Немного обидѣли только высокоталантливаго Руданскаго, произведеніямъ котораго удѣлено *относительно* немного мѣста: посвященный ему отдѣлъ можно было расширить—за счетъ, положимъ, дѣланныхъ стиховъ Старидкаго, Олены Пчилки и нѣк. друг. Больше всего страницъ заняли,

естественно, Котляревскій и Шевченко. 20-е и 30-е годы представлены очень мало — пропущены, напримѣръ, Квитка и второстепенные харьковскіе и черниговскіе поэты.

Сборникъ даетъ много матеріала для характеристики украинской поэзіи. За немногими исключеніями, выборъ произведеній сдѣланъ очень тщательно, вдумчиво, съ большимъ вкусомъ. Для всѣхъ любителей малорусской литературы „Викъ“ несомнѣнно будетъ желаннымъ и дорогимъ подаркомъ. Несмотря на обиліе рисунковъ (портретовъ и виньетокъ), значительные размѣры и типографскую роскошь изданія, онъ стѣитъ всего 2 р. При всѣхъ почти портретахъ коротенькія біографіи поэтовъ.

Повѣсти и оповидання. И. Левицькаго. Томъ II. Кіевъ, 1900 г. Иванъ Левицкій—одинъ изъ талантливейшихъ украинскихъ беллетристовъ новѣйшаго времени. Его изящная, простая рѣчь, чуждая всякой аффектаціи и погони за своеобразіемъ,—неторопливый, содержательный разсказъ, проникнутый глубокимъ юморомъ, съ сильною примѣсью элегическаго чувства,—тонкая наблюдательность и прекрасное знаніе жизни малорусскаго простонародія, духовенства и „полупанковъ“,—все это давно уже составило ему почетную извѣстность среди малорусскихъ читателей.

Во второмъ томѣ полнаго собранія его сочиненій помѣщена повѣсть: „Старосѣвѣцкія батюшки та матушки“, изъ жизни малорусскаго духовенства 20—40-хъ годовъ. Тепло и правдиво воссоздана эта жизнь, давно уже отошедшая „въ тѣмъ вѣковъ“. Живо и ярко проходятъ передъ читателемъ похороны умершаго священника, выборы новаго—„громадою“, обществомъ,—борьба „громады“ съ архіереемъ, хотѣвшимъ нарушить ея право выбора, свадьба и устройство новой священнической семьи, гомерическія попойки, взяточничество и борьба мелкаго личнаго самолюбія. Тутъ и романъ „благочинной“ съ гусаромъ, и повѣздки семинаристовъ на „смотрины“ къ невѣстамъ, и наглые грабежи консисторскихъ чиновниковъ, и жестокія духовныя ревизіи... Съ безпристрастіемъ дѣтописца авторъ воскрешаетъ добро и зло старой жизни,—наканунѣ перелома, желая только освѣтить и сдѣлать понятнымъ, но не оправдывать и защищать. Общій выводъ предоставляется читателю, который слѣдитъ за этой Илиадою и Одиссеею украинскаго „старосѣвѣцкаго батюшки и матушки“ съ неослабѣвающимъ интересомъ и оставляетъ ее съ сложнымъ чувствомъ сожалѣнія, отвращенія и нѣсколько насмѣшливаго умиленія.

Иллюстрированный сборникъ кіевского литературно-артистическаго общества. Кіевъ, 1900 г. Основанное въ 1895 г. кіевское литературно-артистическое общество, благодаря широкой инициативѣ и энергіи своихъ заправилъ, очень быстро развернулось, объединило всѣ маломальски значительныя мѣстныя литературно-артистическія силы и заняло одно изъ первыхъ мѣстъ въ умственной жизни города. Материальныя его дѣла идутъ блестяще, дѣятельность расширяется, дѣлается все болѣе и болѣе разнообразной. Рефераты, литературныя и музыкальныя вечера, поминки и юбилейныя чествованія, маскарады и проч. устраиваются обществомъ очень часто и привлекаютъ вниманіе и симпатіи кіевлянъ.

Въ настоящемъ сборникѣ напечатаны свѣдѣнія о возникновеніи и дѣятельности общества за пять лѣтъ, и нѣкоторыя изъ произведеній, прочтенныхъ на вечерахъ. Онъ предназначенъ главнымъ образомъ для членовъ общества, не „въ широкую продажу“, „носить нѣсколько антиквныи и кружковой характеръ“, чѣмъ и объясняется помѣщеніе

портреты „какъ всѣхъ по возможности почетныхъ членовъ общества, такъ и всѣхъ тѣхъ членовъ и постороннихъ лицъ, которые такъ или иначе своими трудами содѣйствовали развитію и процвѣтанію общества“.

Чтенія, въ общемъ коротенькія и предназначенныя для очень широкой публики, характеризуютъ актеровъ и композиторовъ, посвящены литературнымъ поминкамъ и проч. Въ общемъ получается довольно пестрая картина: тутъ и Арнольдъ, и Киселевскій, и Пушкинъ, и Бѣлинскій, и Радишевскій музей, и чешскій поэтъ Верхлицкій.

Недурна характеристика Некрасова г. Александровскаго и „Два направленія въ новѣйшей итальянской литературѣ“ Леси Украинки, прекрасной переводчицы Ады Негри и талантливой малорусской поэтессы.

Въ сборникъ, кромѣ того, нѣсколько беллетристическихъ произведеній, стихотвореній и нѣтъ, много прекрасно исполненныхъ портретовъ и вишетоковъ. Съ вѣтшней стороны все изданіе очень изящно, кромѣ нѣсколько крикливой обложки.

Голоса жертвыхъ. Романъ. Е. М. де-Вогюэ. Романъ этотъ—картинки парламентской жизни—написанъ очень увлекательно. Сразу вы чувствуете, что авторъ его умный человѣкъ и опытный журналистъ. Интрига развивается легко и интересно. Пламенный социалистъ, чудный ораторъ и красивый мужчина Элезеаръ Байонъ приковываетъ къ себѣ ваше вниманіе. Это живой образецъ талантливаго, но честолюбиваго и неустойчиваго человѣка. Его вдохновительница, его муза, русская княгиня Верагина—выдуманное нежизненное лицо—скоро должна уступить мѣсто очаровательной и коварной еврейкѣ Эстеръ, которая подстрекать честолюбіе Байона, заставляетъ его принять министерскій портфель и измѣнить свои прежнія убѣжденія. Но вотъ снова является на сцену Дарья Верагина, только что вернувшаяся изъ Россіи. Элезеаръ борется между влеченіемъ къ этимъ двумъ женщинамъ—роковымъ для него и олицетворяющимъ разныя стороны его кипучей натуры. Минутная вспышка, рѣшающая судьбу такихъ людей, заставляетъ его произнести въ парламентѣ горячую рѣчь въ своемъ прежнемъ родѣ, которую онъ кончаетъ словами: да здравствуетъ социальная республика! Эта рѣчь подрываетъ его только что начавшуюся блестящую карьеру, отдастъ его въ руки враговъ, и онъ гибнетъ на дуэли, пораженный въ легкія шпагой своего соперника.

Но не въ этой интригѣ сосредоточенъ интересъ романа. Передъ вами проходитъ цѣлая вереница государственныхъ людей, политическихъ дѣятелей, вы присутствуете на нѣсколькихъ засѣданіяхъ палаты, слышите разговоры въ кружкахъ, видите, какъ въ салонахъ готовится и зрѣетъ та или иная перемѣна, однимъ словомъ, авторъ вводитъ васъ въ самый центръ кипучей дѣятельности, которая держитъ въ своихъ рукахъ судьбы страны. Столкновеніе разнообразныхъ аппетитовъ и страстей, честолюбіе, раздутое до послѣднихъ предѣловъ, низкіе происки нѣкоторыхъ депутатовъ, все это еще сильнѣе отгѣнено чистымъ образомъ одного молодого депутата, впервые попадающаго въ эту сутолоку и сумятицу человѣческихъ интересовъ. По пути авторъ рассказываетъ намъ жизнь этого молодого депутата, его прекрасную чистую любовь, его надежды и разочарованія. Итакъ, полный кризисъ, полная несостоятельность парламентскаго режима—вотъ тенденція, вотъ та основная мысль, которую развиваетъ авторъ на протяженіи всего романа. Да, именно тенденція, потому что романъ интересенъ, увлекателенъ, все что хотите, но до крайности одностороненъ и носитъ партійный характеръ, отзывается салоннымъ скептицизмомъ.

Журналистика, журналистика и еще журналистика подъ покровомъ романа — вотъ содержаніе этого произведенія. Вогуэ понимаетъ, что слышномъ мало сказать о мрачной картинѣ борьбы низменныхъ человѣческихъ интересовъ—надо дать ей еще и объясненіе. Въдъ человѣческая натура, низменные страсти и инстинкты вездѣ одни и тѣ же; почему же на основаніи этого въ эффектномъ романѣ съ такимъ сочувствіемъ не кинуть нѣсколько словъ по адресу милитаризма; по адресу людей такъ называемаго долга и такъ называемой дисциплины.

— Какъ же вы объясняете это? — спрашиваетъ молодой наивный депутатъ у Феро, извѣстнаго ученаго и мыслителя.

— Такъ же, какъ объясняю себѣ все, что творится и здѣсь и вездѣ. Ахъ, друзья мои, вы думаете, что видите движенія и слышите слова пятисотъ восьмидесяти современниковъ, сознательныхъ и отвѣтственныхъ за слова и поступки. Разубѣдитесь въ этомъ. Вы видите и слышите толпу куколъ, на минуту появившихся на міровой сценѣ; ихъ движенія—рефлексы движеній другихъ людей, ихъ голоса — отголоски другихъ голосовъ. Вглядитесь: за ними стоитъ безчисленная толпа, цѣлыя міриады мертвецовъ, которые толкаютъ этихъ людей, управляютъ ихъ движеніями, подсказываютъ имъ ихъ слова. Мы думаемъ, что топчемъ ногами безжизненный прахъ мертвецовъ; на самомъ дѣлѣ они окружаютъ насъ, гнетутъ насъ, мы задыхаемся подъ ихъ тяжестью: они живутъ въ нашихъ костяхъ, въ нашей крови, въ оболочкѣ нашего мозга, особенно когда на сцену выступаютъ великія идеи и великія страсти, тогда прислушайтесь къ голосамъ людей: это голоса мертвыхъ.

Такова тенденція и таково содержаніе романа Вогуэ.

Женское движеніе (Léa). Марселя Прево. Пер. съ французскаго Н. Сазоновой. Москва, 1900 г. Цѣна 1 р.—Борьба и любовь. Жизнь и произведенія Ады Негри. Съ приложеніемъ ея портрета. А. Н. Е—ва. Москва, 1900 г. Цѣна 50 к.—Жертвы любви. Романъ. Франсуа Коппе. Пер. съ французскаго Н. Сазоновой подъ редакціей А. Е—ва. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва, 1900 г. Цѣна 60 к. Помните у Чехова сценку въ купѣ перваго класса? Помните эту трепыхающуюся барыньку и этого чиновника особыхъ порученій, автора „новеллъ“ изъ великосвѣтской жизни? „Онъ глядитъ ей въ лицо, глядитъ въ упоръ съ видомъ знатока. Онъ наблюдаетъ, изучаетъ, улавливаетъ эту эксцентрическую, загадочную натуру, понимаетъ ее, постигаетъ... Душа ея, вся ея психологія у него какъ на ладони.

— О, я постигаю васъ!—говоритъ чиновникъ особыхъ порученій, цѣлуя ея руку около браслета.—Ваша чуткая, отзывчивая душа ищетъ выхода изъ лабиринта... Да! Борьба страшная, чудовищная, но... не унывайте! Вы будете побѣдительницей! Да!

— Опишите меня, Вольдемаръ!—говоритъ дамочка, грустно улыбаясь.—Покажите міру мою душу, Вольдемаръ, покажите эту бѣдную душу! Вы психологъ и т. д.

— Чудная!—лепечетъ писатель, цѣлуя руку около браслета.—Не васъ цѣлую, дивная, а страданіе человѣческое! Помните Раскольникова? Онъ такъ цѣловалъ“.

Мы не беремся рѣшить, много ли подобнымъ образомъ переломалъ браслетовъ Марсель Прево, но должны сознаться, что сильно подозрѣваемъ подобный источникъ его специализаціи на женской психологіи. Конечно, Прево настолько состоятельный человѣкъ, что не имѣетъ надобности служить „по особымъ порученіемъ“, но суть дѣла отъ этого не мѣняется.

— О! — кокетливо-робко щебечет какая-нибудь парижанка, — съ вами, писателями, очень опасно разговаривать. Вы — психологи, у васъ всѣ извилины сложной души современной женщины какъ на ладони... Вы знаете, какъ дѣйствовать на сердце женщины, и вы опасны.

— Но, сударыня, — пытается успокоить ее „психологъ“, — наше изученіе женщины не выходитъ за предѣлы чистой научности: мы наблюдаемъ, изучаемъ, улавливаемъ таинственное существо женщины, понимаемъ его, постигаемъ, но... вы понимаете... совершенно объективно...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не убѣдите, — говоритъ дамочка и тянется назадъ за какимъ-нибудь цѣткомъ съ цѣлью дать возможность „психологу“ убѣдиться въ гибкости и пластичности ея формъ.

„Психологъ“ убѣждается, переноситъ глаза на браслетъ, но все же силится отстоять позицію.

— Однако мы сочувствуемъ феминизму...

— Какъ? — вскидывается барынька, — феминизмъ? C'est du nouveau, n'est ce pas?

Писатель пускается ей объяснять, что такое феминизмъ.

— Знаете, — вдругъ заявляетъ парижанка, — я рѣшительно феминистка.

Психологъ спохватывается, косится на браслетъ и начинать съ жаромъ доказывать, что, съ одной стороны, конечно, феминизмъ, *эмансипация et tous ces idées, qui sont aussi immortelles et justes que celles de 1789...* но, съ другой стороны...

Мы убѣждены, что именно въ подобный моментъ зародилась въ головѣ Марселя Премо мысль написать *Lea*. Въ этомъ романѣ пошла дѣланная гуманность перебивается такой же пошлой сентиментальностью. И никакого „женскаго движенія“ нѣтъ, а есть только пошлый французскій „феминизмъ“, да еще развѣ... самая земная скука!

Другой переводъ съ французскаго, лежащій передъ нами, не уступая первому въ пошлости, выгодно отличается отъ него неглупостью. Коппе приводитъ интригу своего романа къ такому положенію: вѣкій бродяга, Христіанъ Форжать, преданъ суду по подозрѣнію въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія, прокуроръ, который долженъ требовать для него смертной казни... — его отецъ. Давно-давно, когда еще прокуроръ былъ студентомъ, онъ прижилъ съ дѣвushкой ребенка, потомъ уѣхалъ на родину, забылъ о сынѣ, поступилъ на службу, сталъ всѣми уважаемымъ членомъ общества, наконецъ прокуроромъ республики, и теперь узнаетъ своего сына на скамьѣ подсудимыхъ! И такъ, казалось бы, эффектно? Нѣтъ, Коппе этого мало. Онъ заставляетъ прокурора публично покаяться и брать передъ судомъ всю вину на себя. Судъ и публика слушаютъ его покаянную рѣчь, и ничего... Подсудимый оправданъ, и судейскій сторожъ съ изумленіемъ созерцаетъ картину: „прокуроръ прижималъ къ груди оправданнаго убійцу!“ Прокуроръ съ обрѣтеннымъ сыномъ садятся на пароходъ и „уѣзжаютъ безъ сожалѣнія, не взглянувъ даже на берегъ родины, оставившей имъ столько страданій“... Словомъ, совсѣмъ „какъ въ книжкѣ“...

Переведены оба романа вполне удобочитаемо, но, къ сожалѣнію, и самый превосходный переводъ не въ состояніи скрасить плохой подлинникъ. Переводъ Коппе редактировалъ г. А. Е — въ, вѣроятно, ради вѣсколькихъ лирическихъ мѣстъ романа, потому что г. Е — въ владеетъ римой и написалъ къ роману эпиграфъ въ 8 безцвѣтныхъ стиховъ.

Наконецъ, перу самого редактора перевода Коппе принадлежитъ

третья книжка, содержащая 43 страницы критико-біографическаго очерка и 48 страницъ переводовъ изъ Ады Негри. Бросивъ упрекъ по адресу нескромной поэзіи г-жи Лохвицкой, г. Е—въ рекомендуетъ Аду Негри, какъ поэта униженныхъ и оскорбленныхъ, борца за страдающее чело-вѣчество, попутно сообщаетъ нѣкоторые факты ея біографіи и въ заключеніе опять полемизируетъ съ г-жей Лохвицкой.

Характеристика—какъ характеристика, не блещетъ оригинальностью, но и не грѣшитъ по части здраваго смысла. Вотъ только что странно: болѣе половины выбранныхъ г. Е—вымъ стихотвореній имѣютъ сюжетомъ не трудъ и не демократію, а обычные поэтическія идеи; кромѣ того, подъ тремя стихотвореніями (*Любовь, Языческій поцѣлуй и Ни-щій*) не отказалась бы подписаться и г-жа Лохвицкая. Но не въ этомъ дѣло, а бѣда въ томъ, что переведены стихи Ады Негри очень плохо: бѣдная рѣзма, неуклюжій, темный языкъ, тяжелый стихъ заставляютъ насъ предостеречь читателя—не знакомиться съ талантливой итальянской поэтессой при посредствѣ г. А. Е—ва.

Всѣ три книжки вышли изъ одной типографіи, и, кажется, что ихъ выбросила на книжный рынокъ одна и та же рука: чувствуется какой-то одинъ духъ, остановившійся съ любовью надъ произведеніями Прево и Коппе, испортившій поэзію Ады Негри и позаботившійся придать имъ соответствующую внѣшность. Этотъ духъ, выглядывающій изъ каждой строки—*дурной вкусъ*. Такія книги и такимъ образомъ издаются людьми дурного вкуса для людей, у которыхъ нѣтъ никакого вкуса.

Мертвый городъ. Джіоконда. Слава. — Трагедія Габріэле д'Аннунціо. Перев. съ итальян. Ю. Балтрушайтиса. М., 1900 г. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Ц. 1 руб. 25 коп. Насколько намъ извѣстно, г. Балтрушайтисъ до сихъ поръ не выступалъ, какъ переводчикъ съ итальянскаго, и переводъ трагедій д'Аннунціо является его первымъ опытомъ въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, опытъ этотъ нельзя не признать крайне неудачнымъ по многимъ причинамъ. Прежде всего непріятно поражаетъ то обстоятельство, что г. Балтрушайтисъ взялся за переводъ, не обладая основательнымъ знаніемъ итальянскаго языка. Внимательная провѣрка перевода „Мертваго города“ (оригинала остальныхъ двухъ трагедій у насъ подъ руками не было) привела насъ къ этому выводу, столь неслучайному для переводчика. Не говоря уже о неточности въ передачѣ различныхъ оттѣнковъ мысли и стилистическихъ тонкостей, у г. Балтрушайтиса можно отмѣтить цѣлый рядъ *ошибокъ*, иногда удивительно грубыхъ. Злоключенія его начались съ первыхъ же строкъ. Описаніе комнаты I-го акта „Мертваго города“ начинается такъ: *Una stanza vasta e luminosa, aperta su una loggia balaustrata, che si protende verso l'antica città dei Pelopidi... Due colonne doriche sorreggono l'architrave. S'intravede pel vano l'acropoli (C. M. 5 p.)*. Въ переводѣ читаемъ (курсивъ нашъ, какъ и вездѣ): большая *ярко освѣщенная* комната, *съ дверью, открытою* на террасу съ перилами, которая обращена къ древнему городу Целопидовъ... Архитравъ поддерживаютъ двѣ дорическихъ колонны. *Въ отверстіи двери* виднѣется Акрополь (стр. 3). Не говоря уже о томъ, что *luminosa* лучше было бы перевести „залитая свѣтомъ“, слово *aperta* понято переводчикомъ совершенно неправильно. Изъ текста ясно, что комната *открыта* на террасу, т.-е. совсѣмъ не имѣетъ средней стѣны, и видъ на развалины Микенъ ничѣмъ не стѣсненъ, за исключеніемъ двухъ дорическихъ колоннъ. Въ переводѣ же г. Балтрушайтиса *aperta* почему-то оказалось означющимъ

открытую дверь, предполагающую стѣну; видъ на развалины и на террасу открывается уже только въ *отверстии двери*, а дорическія колонны, очутившись у стѣны, теряютъ весь эффектъ. Такимъ образомъ, одно непонятое слово привело къ искаженію всей картины, задуманной авторомъ. А вотъ два примѣра, доказывающихъ слабое знакомство переводчика съ элементарными правилами итальянской грамматики. Первый примѣръ: фраза—*Cercando di impedire ch'ella se le tolga, le sfiora una mano* (С. М. 94 р.), означающая; „Стараясь помѣшать ей снять ихъ, *касается ея руки*“ переведена: „Стараясь помѣшать ей снять пружины, онъ *касается ихъ одной изъ своихъ рукъ* (!) (стр. 35). Очевидно, г. Балтрушайтисъ сталъ совершенно втупикъ передъ вторымъ *le*, не зная что оно представляетъ очень обыкновенную замѣну *à lei*. Второй примѣръ: *Quando vi guardo, quando odo el ritmo del vostro respiro, io sento che vi sono altre bellezze da svelare, altri beni da conquistare, e che vi sono forse nel mondo azioni da compiere deliziose come i più bei sogni della poesia* (С. М. 103 р.) переведено: „Когда я на васъ смотрю, когда я вслушиваюсь въ ритмъ вашего дыханія, я чувствую, что *черезъ васъ* открываются другія красоты, приобретаются другія блага, что, можетъ быть, *черезъ васъ* совершаются на свѣтѣ дѣянія, такія же свѣтлыя, какъ прекраснѣйшія грѣзы поэзіи (стр. 38). Вторая половина фразы совершенно искажена, потому что переводчикъ въ безличномъ оборотѣ *vi sono* (существуетъ, есть) принялъ *vi* за личное мѣстоименіе; это все равно, что во франц. *il y a* перевести *il* черезъ *онъ*. Желая избѣжать упрека въ придирчивости, мы приведемъ еще рядъ ошибокъ г. Балтрушайтиса. *Sentivo su tutta la persona i solchi delle rughe* (я чувствовала борозды морщинъ по всему *тѣлу*) переведено: я чувствовала... по всему *существоу* (стр. 6). *E l'avvolse come un nastro intorno al mio cappello* (и обвязалъ ею, какъ лентою, мою *шляпу*)—и перевязалъ ею, какъ лентою, *мои волосы* (стр. 8). *Sacrificio* (принесеніе въ жертву, говорится оъ Ифигеніи)—казнь (стр. 8). *Non ti danno un poco di spranto?* (*не пугаютъ ли они тебя немною*)—они тебя не пугаютъ *совсѣмъ*? (стр. 13). *Che ti amasse* (кто полюбилъ бы тебя)—кто любитъ тебя (стр. 18). *Ah, che pietà di noi!* (Ахъ, какъ мы достойны сожалѣнія!) Ахъ, Боже, сжапись надъ нами! (стр. 19). *Si volge verso una delle porte* (*оборачивается къ одной изъ дверей*)—*взглядываетъ* (это слѣпая-то!) на одну изъ дверей (стр. 19). *Ea polvere* (пыль)—пепелъ (стр. 20). *Strazio insostenibile* (невыносимое мученіе)—мученіе, передъ которымъ онъ беззащитенъ (стр. 31). *Incontrandosi per le correnti delle nostre voci vivi* (встрѣчаясь *съ потокахъ* нашихъ живыхъ рѣчей)—встрѣчаясь *съ потокомъ*... (стр. 37). *Come le campegge al mattino* (какъ *поля* утромъ)—какъ *ниги* въ раннее утро (стр. 38). *In voi sono tutte quelle cose di cui gli uomini hanno il rimpianto pur senza averle mai possedute*. (Въ васъ заключено все то, что люди оплакиваютъ, *хотя* никогда не обладали имъ)—въ васъ заключено все то, о чемъ сожалѣютъ люди, *что* никогда не извѣдали обладанія имъ (стр. 38). *Ma il suo male lo agita stranamente* (но болѣзнь странно волнуетъ его)—онъ необыкновенно озабоченъ своею болѣзнью (стр. 45). *Del dio che l'amava* (о богѣ, который *любилъ ее*)—о богѣ, котораго *она любила* (стр. 49). *Labbra livide* (*посинѣвшія* губы)—*баровыя* уста (стр. 49) *Vita violenta* (пылкая, могучая жизнь)—упорная жизнь (стр. 50). *La malia t'aveva preso* (чары уже овладѣли тобой)—и ты схватилъ болѣзнь (стр. 55). *Tutta colorita dalla fiamma* (вся озаренная пламенемъ)—покраснѣвшая отъ пламени (стр. 57). *Quale è dunque*

la sua colpa, s'ella ama? (С. М. 196 р.) пропущено совѣтъ. Per mezzo alle vigne appassionate (посреди *отпавшихъ* страстью виноградниковъ)—по *чувственнымъ* кустамъ виноградной лозы (стр. 78) и т. д. Нужно замѣтить еще, что La Città Morta написана удивительно просто и ясно.

Относительно литературныхъ достоинствъ перевода приходится точно также высказаться отрицательно. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что переводъ повсюду тяжелъ и неуклюжъ, мѣстами нелѣпъ, и не даетъ ни малѣйшаго представленія объ удивительной красотѣ и музыкальности языка д'Аннунціо. Вотъ нѣсколько примѣровъ, особенно характерныхъ въ этомъ отношеніи. „Они страдали и какимъ мученіемъ!“ (стр. 9). Онъ клалъ на мои колѣни всю свою душу (стр. 10). Анна (съ проникательнымъ удареніемъ) (стр. 10). Сила твоей жизни слишкомъ велика, чтобы исчерпаться жертвой. Жизнь нужна тебѣ, дорогая душа... (стр. 17). Я какъ твоя умершая воскресшая сестра (стр. 17). Глубокое волненіе выступаетъ на ея лицѣ (стр. 19). Анна (простымъ выраженіемъ въ голосѣ, скрытно) (стр. 22): Синій заливъ, весь изрѣзанный, какъ внутренность раковины, бухтами и розовыми, по вечерамъ, какъ раковина (стр. 39). Я была лишь безысильной, рвущейся помощницей (стр. 42). Обо мнѣ... о той мнѣ, когда еще жила моя мать (стр. 63). Кто знаетъ, въ отчаяніи отъ какой скорби погибла бы моя сестра, если бы насильственное происшествіе не соединило ее съ Лючіо неожиданно! (стр. 119). Прекрасное, мощное чело, вѣнчанное и благословенное! Пусть всѣ ростки ранней весны взойдутъ въ тебѣ, какъ новыя мысли! (стр. 132). Головокруженіе овладѣваетъ всей моей душой (стр. 143). Говорилъ о невыносимости быть связаннымъ (стр. 162). Заботиться благоговѣйною и непрерывною бдительностью (стр. 164). Онъ былъ блѣденъ, какъ раненый и дѣлалъ сверхчеловѣческое усиліе не поддаться одному изъ этихъ ужасныхъ судорожныхъ кризисовъ, которые отъ поры до времени надрываютъ постоянное напряженіе его нервной силы (стр. 202). Его душа до того переполнена, что брызжетъ во всѣ стороны (стр. 206). Мятая внутренняя полнота сказывается въ его вынужденности двигаться (стр. 207). У тебя великія мысли, но онѣ не производятъ больше ни дыма, ни мѣховъ (стр. 251). Твоя радость съ крикомъ и смѣхомъ вырвется изъ тебя. Я увижу тебя ликующей всю, отъ макушки до ногъ, въ тревоженіяхъ моей борьбы (стр. 253). Твоя великая безсострадательная любовь (стр. 253). Онъ чувствуетъ, какъ въ крайней глубинѣ его существа трепещетъ истиннѣе самосохраненія и убійственной воли (стр. 261). Ты мнѣ не кажешься созданной изъ человѣческаго вещества (стр. 272). И т. дал.

Остается только пожалѣть тѣхъ, кто, довѣряясь компетентности издательства „Скорпіонъ“, приобрѣтаетъ настоящую книгу г. Балтрушайтиса.

Разказы Петра Розеггера. Переводъ съ нѣмецкаго. „Новая Библіотека“, изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Москва, 1900 г. Цѣна 15 к. Имя Розеггера очень хорошо извѣстно не только въ нѣмецкой литературѣ, но и во многихъ переводныхъ. Оригинальная жизнь поэта-крестьянина, выбившагося изъ низкаго общественнаго положенія до гениальнаго художника-писателя, признаннаго всѣми безъ исключенія критиками, несомнѣнно, отражается и въ его произведеніяхъ. Самъ писатель признается, что „его сердце заставило писать эту книгу“, и свои разказы онъ предлагаетъ „не какъ простое развле-

ченіе читателя", а придаетъ имъ глубокое воспитательное значеніе. Съ особой любовью Розеггеръ описываетъ типы добродушныхъ штирійскихъ крестьянъ съ ихъ несложными запросами въ жизни, съ ихъ трудовой бѣдностью и наивными религіозными вѣрованіями, зачастую смѣшанными съ поэтическими суевѣріями. Въ книжкѣ собраны небольшіе по размѣрамъ рассказы, изъ которыхъ многіе являются въ русскомъ переводѣ впервые: *Буква-демонъ*, имѣющій автобіографическое значеніе, *Табачокъ стараго Андрея*, *Пріятели*, *Хозяинъ и работникъ*, *Перышко*, *Смерть Зильзама*, *Троицкій поклонникъ*. Книжка издана опротно, какъ и другія изданія „Новой Библіотеки“.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Въ память женщины-врача Е. П. Серебrenникова“. Литературный сборникъ.— „Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ“. Вып. XI.— „Отчетъ казанскаго мѣстнаго управленія и подвѣдомственныхъ ему комитетовъ Россійскаго общества „Краснаго Креста“ за 1899 г.“.— „Даровыя столовыя аккерманскаго земства“. Вып. II.— „Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ“. По книгѣ П. Ганзена. („Нов. библ.“ *Русской Мысли*).

Въ память женщины-врача Евгеніи Павловны Серебrenникова. Литературный сборникъ. На учрежденіе стипендіи въ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Съ портретомъ Е. П. Серебrenникова. Спб., 1900 г. Цѣна 2 р. 50 к. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1897 года въ гор. Перми хоронили женщину-врача Евгенію Павловну Серебrenникову. „Огромныя массы народа,—говорилось въ мѣстной газетѣ,—запрудили всѣ улицы и площади по пути слѣдованія печальной процессіи. Люди всѣхъ профессій, званій, положеній и исповѣданій слѣшили отдать послѣднюю дань почитанія благородной, гуманной женщины-врачу“. На гробъ покойной было возложено болѣе 30 вѣнковъ отъ разныхъ учреждений и корпорацій. Мужемъ Е. П. была получена масса сочувственныхъ телеграммъ изъ разныхъ концовъ Россіи. Смерть ея вызвала рядъ некрологовъ и была отмѣчена какъ мѣстными (приволжскими и уральскими), такъ и многими столичными изданіями,—между прочимъ и *Русской Мыслью*. Пермская губернская земская управа и уральское общество любителей естествознанія открыли подписки для учрежденія стипендіи ея имени при женскомъ медицинскомъ институтѣ; среди друзей Е. П. возникла мысль, теперь осуществленная, издать сборникъ, посвященный ея памяти. Все это, конечно, достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ лицѣ Е. П. Пермь потеряла незауряднаго врача, незауряднаго человѣка. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія и характеристику личности покойной, насколько это позволяютъ размѣры журнальной рецензіи.

Е. П. Серебrenникова, урожденная Солонинина, родилась 10 декабря 1854 года въ гор. Екатеринбургѣ въ семьѣ горнаго инженера. Еще въ дѣтствѣ она проявляла недюжинныя умственные способности,—такъ, напримѣръ, въ семилѣтнемъ возрастѣ она умѣла читать по-французски, съ полнымъ пониманіемъ читаемаго и правильной, выразительной дикціей. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду Е. П. поступила прямо въ третій классъ екатеринбургской гимназіи, по окончаніи курса въ которой уѣхала въ Петербургъ, гдѣ записалась слушательницей только что

открывшихся тогда курсовъ „ученыхъ акушеровъ“. Умственная жизнь тогдашней молодежи вообще и участіе въ этой жизни молодой студентки Е. П. Серебренниковой очень живо обрисованы въ воспоминаніяхъ Н. Д. Васильева и Н. А. Бѣлозерской, напечатанныхъ въ „Литературномъ сборникѣ“. Еще бывши на 5-мъ курсѣ, Е. П. вышла замужъ за студента-медика П. Н. Серебренникова. Въ апрѣлѣ 1877 года началась русско-турецкая война, потребовалась организація медицинской помощи. Молодежь дружно откликнулась на призывъ къ работѣ. Отправились на войну и супруги Серебренниковы. Здѣсь Е. П. кромѣ медицинской дѣятельности пришлось принимать участіе и въ самой организаціи дѣла; такъ ей приходилось исполнять порученія главнаго уполномоченнаго Краснаго Креста, П. А. Рихтера, что было связано съ неоднократными поѣздками въ Константинополь, Санъ-Стефано и другія мѣста военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, еще прежде окончанія ученія, Е. П. уже имѣла возможность принять участіе въ общественной работѣ, и, несомнѣнно, война была для нея практической школой для будущей общественной дѣятельности, для знакомства съ людьми не по книжкамъ, а въ жизни.

По возвращеніи въ Петербургъ и окончаніи курса, Е. П. съ мужемъ уѣхали на ихъ общую родину—Уралъ, гдѣ поселились сначала въ Нижне-Салдинскомъ заводѣ, а затѣмъ въ Ирбитѣ.

Здѣсь Серебренниковымъ открывается болѣе широкое поле для общественной работы. Е. П. избираютъ секретаремъ соединенной уѣздно-городской санитарной комиссіи и она начинаетъ энергичное изученіе санитарныхъ условій города и уѣзда, изслѣдуетъ воду рѣкъ и колодезь гор. Ирбита, участвуетъ въ переписи и т. д.

Въ январѣ 1881 г. Е. П. избираютъ на должность предсѣдательницы мѣстнаго попечительства о бѣдныхъ, которую она съ обычной для нея энергіей исполняетъ до самаго отъѣзда изъ Ирбита. Разносторонняя виѣпрофессиональная дѣятельность Е. П. не мѣшала ей заниматься медициной, и Ирбитская городская дума нашла справедливымъ назначить ей особое вознагражденіе за подачу бесплатной медицинской помощи городскому населенію. Осенью 1883 года Е. П. уѣхала въ Петербургъ специализироваться въ глазныхъ болѣзняхъ. Черезъ два года Е. П. снова вернулась на Уралъ, но уже въ Пермь, гдѣ и открыла, съ разрѣшенія земской управы, амбулаторный пріемъ больныхъ глазами болѣзнями. Потребность въ глазномъ специалистѣ не замедлила обнаружиться съ полной очевидностью, и въ первые же 4 мѣсяца Е. П. приняла около 700 больныхъ. Въ виду этого губернское собраніе постановило открыть при больницѣ глазное отдѣленіе, ординаторомъ котораго была приглашена Е. П., въ каковой должности она состояла до конца своей жизни. За 10 лѣтъ службы Е. П. сдѣлала болѣе 6,500 глазныхъ операций, причемъ помощью ея пользовались жители не только Пермской, но и сосѣднихъ губерній—Вятской, Тобольской и Уфимской. Вскорѣ отчеты о дѣятельности Е. П., помѣщавшіеся во *Врачѣ* и въ *Вѣстникѣ Офтальмологіи*, сдѣлали имя Е. П. извѣстнымъ въ средѣ специалистовъ и поставили ее въ рядъ выдающихся дѣятелей въ области практической офтальмологіи.

И здѣсь Е. П. не удовлетворялась одной медицинской дѣятельностью. Она состояла бесплатнымъ преподавателемъ фельдшерской школы, работала въ пермскомъ экономическомъ обществѣ, являлась лекторомъ на народныхъ чтеніяхъ и проч. „Умѣніе при столкновеніяхъ съ людьми,—говоритъ г. Удинцевъ, авторъ біографическаго очерка,—обнаруживать

въ душѣ каждого человѣка лучшія и цѣнныя для общества свойства, давало возможность Е. П., не поступаясь своими убѣждениями и не потворствуя царствующему въ большой публикѣ индифферентизму, привлекать къ себѣ людей всевозможныхъ направленій, создавать нейтральную почву для группировки разнообразнѣйшихъ общественныхъ элементовъ, вызывать всеобщее сочувствіе ко всѣмъ общественнымъ начинаніямъ, въ которыхъ она являлась или инициаторомъ, или дѣятельнымъ участникомъ. Все—живость натуры, умъ, сердечныя отношенія къ людямъ, природный тактъ—создали Е. П. Серебренниковой огромную популярность въ Пермскомъ краѣ. Несомнѣнно, русская женская молодежь найдетъ въ личности покойной, памяти которой посвященъ разбираемый сборникъ, ободряющій примѣръ цѣнной для общества женской общественной работы. Въ „Сборникѣ“, помимо біографіи Е. П., составленной г. С. Удинцевымъ, помѣщены очень интересныя воспоминанія Н. Ф. Бунакова, А. Кролюницкаго и др. Изданъ „Сборникъ“ очень добропорядочно. Желаемъ ему полного успѣха.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. XI. М., 1900 г. Этотъ выпускъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ статей. Отмѣтимъ хотя бы „Изъ дѣятельности московскихъ городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ за 1898 г.“. Если сравнить доходы попечительствъ за два года, 1898 и 1897 г., то доходы за первый годъ изъ двухъ упомянутыхъ равнялись 252 тыс., а за второй—244 тыс., т.-е. весь пріростъ дохода выразился всего въ 8 тыс. или 3,3%. „Такое увеличеніе нельзя признать значительнымъ,—говорится въ этомъ сводномъ отчетѣ,—въ особенности, если принять въ расчетъ, что дѣятельность попечительствъ съ каждымъ годомъ развивается и охватываетъ болѣе и болѣе кругъ бѣдныхъ“ и дальше мы читаемъ: „Можно думать, что ростъ добровольныхъ поступленій въ кассы попечительствъ при практикуемой ими системѣ сбора остановился и что попечительства для развитія своей дѣятельности должны будутъ или изобрѣтать новыя способы привлеченія пожертвованій, или же надѣяться на иные источники доходовъ“. Намъ думается, тѣмъ самымъ выдвигается и вопросъ о введеніи налога въ пользу бѣдныхъ. Необходимость созданія такого устойчиваго источника выясняется еще и изъ разсмотрѣнія расходовъ по ихъ характеру; такъ мы видимъ, что расходы по призрѣнію на дому все болѣе и болѣе сокращаются: они упали съ 100 тыс. руб. въ 1897 г. до 91 тыс. въ 1898 г., т.-е. тогда какъ расходы на дому въ 1897 г. составляли 45,7%, всѣхъ расходовъ попечительствъ,—въ 1898 г. они составляли уже 39,3%, а расходы по призрѣнію въ заведеніяхъ поднялись съ 111 тыс. въ 1897 г. до 131 тыс. въ 1898 г., т.-е. въ общей массѣ расходовъ они составляли въ 1897 г.—50,7%, а въ 1898 г. ужъ 56,5%. Отчетъ за 1897 г. вскрывалъ ту же самую тенденцію сравнительно съ 1896 г., слѣд. расходы по призрѣнію въ заведеніяхъ съ каждымъ годомъ растутъ, а это, конечно, опять ставитъ вопросъ объ обезпеченіи такихъ заведеній средствами болѣе устойчиваго характера; такъ какъ ставить самое существованіе богадѣленъ, пріютовъ въ зависимость отъ членскихъ взносов и пожертвованій крайне неудобно: недопоступленіе взносов или прекращеніе пожертвованій со стороны какого-нибудь крупнаго жертвователя можетъ поставить въ крайне затруднительное положеніе существованіе такихъ учреждений, и съ этой точки зрѣнія, на нашъ взглядъ, самая метаморфоза въ характерѣ призрѣнія дѣлаетъ необходимымъ присканіе устойчиваго источника средствъ для попечительствъ.

Отчетъ казанскаго мѣстнаго управленія и подвѣдомственныхъ ему комитетовъ россійскаго общества „Краснаго Креста“ за 1899 г. Казань, 1900 г. Въ годину тяжелаго бѣдствія, посѣтившаго многія привольскія и въ частности—Казанскую губернію, „Красный Крестъ“ оказалъ много пользы, организовавъ помощь и давая средства пострадавшему отъ неурожая населенію. Передъ нами лежитъ подробный отчетъ казанскаго мѣстнаго управленія и подвѣдомственныхъ ему комитетовъ россійскаго общества „Краснаго Креста“ за 1899 годъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности заимствовать изъ этого отчета всѣхъ интересныхъ данныхъ и должны ограничиться только очень немногими. Всего за отчетный годъ израсходовано мѣстнымъ управленіемъ и отослано по комитетамъ для оказанія помощи населенію—896,396 р., причемъ всего получили помощь болѣе 500,000 лицъ.

Изъ всѣхъ практиковавшихся видовъ помощи, мы отмѣтимъ „работчія конторы“. Ссуду отъ правительства, земства и помощь отъ „Краснаго Креста“ предполагалось оказывать нуждающимся только не рабочаго возраста,—между тѣмъ возвратившіеся съ лѣтнихъ работъ въ семьи рабочіе увеличили тѣмъ самымъ число нуждающихся въ семействѣ и, не имѣя на мѣстахъ заработка, представляли изъ себя обременительный элементъ, уменьшая у остальныхъ членовъ семьи отпускаемую ссуду или помощь. Поэтому явилась настоятельная необходимость дать рабочему населенію какой-либо заработокъ какъ на мѣстѣ, такъ и дать возможность найти его внѣ губерніи. Въ этомъ случаѣ на помощь рабочему населенію пришло общество „Краснаго Креста“ устройствомъ рабочихъ конторъ. За все время существованія казанской конторы, съ 18 января по 1 сентября 1899 года, по требованію работодателей было отправлено изъ гор. Казани на работы внѣ губерніи 2,227 человекъ. Постоянное существованіе подобныхъ конторъ и при нормальномъ теченіи жизни было бы крайне желательно. Контора является посредникомъ между рабочими и работодателями, что даетъ возможность первымъ не бродить совершенно безплодно въ поискахъ за работой, а другимъ имѣть своевременно необходимое число рабочихъ за нормальную плату.

Даровыя столовыя аккерманскаго земства. Выпускъ второй. Ноябрь, декабрь, январь. Аккерманъ. 1900 г. За отчетные три мѣсяца дѣятельность даровыхъ столовыхъ аккерманскаго земства широко разрослась, количество ѣдоковъ въ существовавшихъ раньше было увеличено вдвое, были открыты новыя столовыя тамъ, гдѣ появлялись первые симптомы заболѣваній на почвѣ недоѣданія. Съ цѣлью поддержанія учащихъ въ церковно-приходскихъ и министерскихъ училищахъ уѣзда, при таковыхъ были открыты столовыя. Единодушныя усилія въ борьбѣ съ бѣдствіемъ мѣстныхъ дѣятелей, самоотверженный трудъ дѣятельницъ с.-петербургскаго кружка трудовой помощи, работавшихъ въ очагахъ упорно державшагося тифа, въ связи съ плодотворной работой московскаго кружка,—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ возможность населенію въ дни бѣдствія, пошатнувшаго въ корнѣ матеріальное его благосостояніе, сохранить свои физическія и духовныя силы.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. По книгѣ П. Ганзена. „Новая Библіотека“, изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Москва, 1901 г. Цѣна 20 к. Въ прежнее время благотворительность, какъ извѣстно, существовала исключительно на религіозной почвѣ, но теперь на помощь слабымъ и немощнымъ приходится не только само общество, но и государственная власть, и, побуждаемая

любовью къ „человѣку“, устраиваютъ правильно организованные пріюты, справочныя бюро для подысканія занятій, колоніи и т. д. Центральныя справочныя бюро въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ уже много лѣтъ борются противъ профессиональнаго нищенства и бродяжничества и идутъ въ данномъ случаѣ рука-о-руку съ правительствомъ, которое издаетъ соотвѣтствующіе законы о надзорѣ за воспитаніемъ дѣтей, какъ предупредительной мѣрѣ противъ этого зла. Особый отдѣлъ составляетъ организація призрѣнія заброшенныхъ, дурно воспитанныхъ и заблудившихъ дѣтей, сельскихъ пріютовъ-колоній съ принудительнымъ трудомъ, рабочихъ домовъ, гдѣ даже взрослые обучаются ремесламъ бесплатно, и т. д. Не надо забывать, что учредители подобныхъ пріютовъ для дѣтей руководствуются высоко-гуманнымъ принципомъ: *малолѣтнихъ преступниковъ нѣтъ, а есть только несчастныя, брошенныя и запущенныя дѣти.*

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вольтеръ“. Шесть лекцій Фр. Дав. Штрауса.— „Le rire“. Essai sur la signification du comique. *Henri Bergson*.— „Грѣхи и нужды нашей средней школы“. *Е. Маркова*.— „О преподаваніи русскаго языка“. *В. А. Воеводичаго*.

Вольтеръ. Шесть лекцій Фридриха Давида-Штрауса. Перев. съ 6-го нѣмецк. изд. М., 1900 г. Изд. магаз. „Книжное дѣло“. Ц. 80 к. Великое имя Вольтера создало вокругъ себя значительную литературу, такую же страстную, неоднородную и противорѣчивую, какою была и дѣятельность знаменитаго философа. Историки и критики видѣли передъ собою благородную борьбу съ насиліемъ и нетерпимостью, защитника обездоленныхъ, рыцаря общественной правды, — и они же видѣли предъ собою корыстолюбіе, искательство, нравственный цинизмъ. Трудно было разобратъся въ этомъ психологическомъ хаосѣ, не говоря уже о томъ, что политическія убѣжденія біографовъ и судей Вольтера составляли неизбѣжную и далеко не объективную призму, черезъ которую проходило міросозерцаніе фернейскаго отшельника. Въ этой литературѣ о немъ книжка Штрауса выдѣляется какъ безпристрастная и строго-научная оцѣнка, одинаково чуждая и апологетическимъ, и обвинительнымъ цѣлямъ. Авторъ говоритъ про себя, что онъ стоитъ на „нѣмецкой точкѣ зрѣнія“, т. е. свободной отъ патріотической *couleur locale*, отъ мѣстныхъ симпатій и антипатій, не рѣшаетъ вопроса, чѣмъ былъ Вольтеръ для Франціи, а расширяетъ границы своего изслѣдованія и рассматриваетъ жизнь и подвиги великаго француза въ ихъ обще-міровомъ значеніи и въ ихъ вліяніи на всѣ образованные народы. Штраусъ не скрываетъ непривлекательныхъ сторонъ и поступковъ Вольтера (да и трудно было бы скрыть все тусклое, на фонѣ котораго свѣтлое горитъ ярче и сильнѣе), но они блѣднѣютъ для него въ сравненіи съ историческими заслугами защитника Каласа; этические пятна въ личномъ характерѣ Вольтера искупаются его борьбой за чужое право и ея результатами для всей западно-европейской исторіи. „Онъ освободилъ атмосферу человѣческой мысли отъ многихъ вредныхъ испареній и разбилъ многія оковы человѣческой жизни“.

Le rire. Essai sur la signification du comique. Henri Bergson. Paris, 1900. Среди книгъ, появившихся въ послѣднее время и затрогивающихъ вопросы психологическаго характера, трактатъ Бергсона, профессора философіи Сорбонны, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Вопросъ, что такое смѣхъ, что лежитъ въ основѣ комическаго, занималъ философовъ еще со временъ Аристотеля. „Вся бѣда, вся трудность разрѣшенія этой проблемы,—говоритъ Бергсонъ,—заключается въ томъ, что смѣхъ есть нѣчто, не отдѣлимое отъ жизни, не могущее быть заключеннымъ въ рамки опредѣленія“. Какія свойства опредѣляютъ комическое? Авторъ даетъ слѣдующую теорію, по которой такихъ свойствъ три. Комическое свойственно, присуще только человѣку. Пейзажъ можетъ быть красивъ или не красивъ, но никогда мы не назовемъ его комическимъ. Надъ животнымъ мы иногда смѣемся, но только потому и тогда, когда мы замѣтимъ въ немъ *человѣческое* выраженіе или позу.

Далѣе, признакъ комическаго—это незаинтересованность смѣющагося въ томъ, что возбуждаетъ его смѣхъ, или вѣрнѣе, индифферентность ко всякому чувству. Последнее злѣйшій врагъ перваго. Дѣйствительно, если мы принимаемъ хоть какое-либо участіе въ томъ, что происходитъ вокругъ насъ, то самые незначительные факты получаютъ въ нашихъ глазахъ извѣстное, всегда серьезное и иногда трагическое значеніе; тогда какъ многое превращается для насъ въ простую комедію, если мы находимся только въ качествѣ посторонняго, чуждаго зрителя. Комическое требуетъ на извѣстный моментъ, такъ сказать, анестезіи сердца и говоритъ, обращается къ чистому разуму. Правда, разумъ этотъ долженъ быть въ соприкосновеніи съ другими умами, и вотъ это—третье свойство комическаго; его можно выразить такъ: смѣхъ имѣетъ общественное значеніе.

Опредѣливъ такимъ образомъ въ главныхъ чертахъ, что такое комическое, авторъ переходитъ къ перечисленію формъ смѣшного. Что насъ заставляетъ смѣяться надъ своимъ ближнимъ? Это—особая автоматичность или „тугодъ“ (gaudeur). Наша жизнь представляется намъ всегда извѣстной эволюціей и прогрессомъ во времени и въ пространствѣ, и если намъ встрѣчается что-либо противоположное, косное, застывшее, не обладающее хоть на мгновеніе этой чертой, мы обозначимъ его словомъ „автоматичное“, и оно возбуждаетъ въ насъ смѣхъ. Ясно, что эта автоматичность у человѣка можетъ проявляться въ движеніяхъ, жестахъ, словахъ и положеніяхъ.

Иногда намъ встрѣчаются люди, которые комичны сами по себѣ, у которыхъ въ характерѣ есть нѣчто смѣшное. Авторъ подробно разбираетъ такой типъ. Основными чертами послѣдняго являются автоматичность и необщественность. Этотъ тезисъ подтверждается у Bergson'a многими примѣрами.

Этическая роль насмѣшки заключается въ томъ, что, унижая въ человѣкѣ, надъ которымъ смѣются, какую-нибудь отрицательную черту характера (вотъ почему комичное индифферентно и не сопровождается симпатіей!), она заставляетъ осмѣиваемаго обратить вниманіе на эту черту и вызываетъ въ немъ желаніе отъ нея освободиться. Но не всегда смѣхъ справедливъ, и очень часто послѣ насмѣшки мы краснѣемъ и расканиваемся въ ней.

Въ нѣсколькихъ словахъ мы изложили содержаніе книги Бергсона, представляющей безспорно большой психологическій интересъ. Но все ли въ ней вѣрно? Намъ кажется, что уже слишкомъ большое значеніе придано „автоматичности“, какъ исключительной основѣ и причинѣ смѣха. Затѣмъ общезвѣстно, что смѣхъ присущъ также и нѣкоторымъ животнымъ; поэтому считать его только человѣческимъ достояніемъ надо съ оговоркой. Затѣмъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ объ индифферентизмѣ („естественная среда смѣха“ по автору) какъ необхо-

димомъ условіи смѣшного. Веселіе, соединяющее людей на извѣстное время между собою и почти всегда сопровождающееся и даже выражающееся смѣхомъ, прямо указываетъ, что необходимымъ требованіемъ для комическаго настроенія является хотя бы временная симпатія. Враги, собравшись вмѣстѣ, не смѣются.

Грѣхи и нужды нашей средней школы. Е. Маркова. Спб., 1900 г. Цѣна 60 к. Въ настоящее время и официальныя сферы, и пресса, и общество заняты вопросомъ о реформѣ средняго, преимущественно классическаго образованія. Поэтому понятенъ тотъ интересъ, съ какимъ читается книжка извѣстнаго педагога и литератора Е. Маркова, посвященная выясненію „грѣховъ и нуждъ“ нашей средней школы.

Въ статьѣ „Живая душа въ школѣ“ г. Марковъ дѣлитъ свои воспоминанія о тульской гимназіи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Суммируя эти воспоминанія, г. Марковъ убѣжденно говоритъ, что „всѣ, такъ называемые, „исторіи“ и „беспорядки“ нашихъ учебныхъ заведеній если не вызываются, то поддерживаются неумѣлымъ, несправедливымъ или безучастнымъ отношеніемъ къ молодежи тѣхъ, кто бы долженъ жить съ ней душа въ душу и ея интересы сдѣлать своимъ, такъ сказать, семейнымъ интересомъ. Сколько разъ случалось мнѣ убѣждаться, что одно только искреннее вхожденіе честнаго воспитателя въ подробности возникшаго недоразумѣнія, одно сердечное и разумное объясненіе съ молодыми людьми, чуждое всякаго популярничанья, простое и даже сурово-откровенное, — разводило, точно какой-нибудь громъ, отводъ, накопившееся въ молодыхъ умахъ электричество негодованія и возмущенія, и нечувствительно устанавливало въ этой сферѣ набѣжавшей грозы тихую и ясную душевную погоду“. Подъ этими словами „старога педагога“ можно, конечно, подписаться обѣими руками. Къ этому же времени относятся и воспоминанія г. Маркова о гр. Л. Н. Толстомъ, который, будучи мировымъ посредникомъ, находился тогда въ порѣ общаго увлеченія народнымъ воспитаніемъ, открывалъ много школъ для крестьянъ въ селеньяхъ своего мирового участка, а въ имѣніи своемъ „Ясная Поляна“ самъ велъ образцовую школу. Въ слѣдующей статьѣ „Классическое суевѣріе“ г. Марковъ подвергаетъ рѣзкой и убѣдительной критикѣ всю систему классическаго образованія.

Между прочимъ, онъ говоритъ: „Классицизмъ не даетъ въ руки человѣку, вступающему въ жизнь, рѣшительно никакого орудія для правильной оцѣнки жизни и для борьбы съ неблагоприятными ему условіями ея. Мало того, онъ, можно сказать, заранее обезсиливаетъ человѣка, питая его юность одними теоретическими иллюзіями, устраняя его мысль, чувства и волю отъ всякаго живого, дѣйствительно существующаго интереса, скрывая отъ него тотъ мощный ликъ природы, безъ познанія котораго умъ человѣка остается пустопорожнимъ, а силы человѣка бесплодными. Классицизмъ, собственно, и есть главный очагъ того книжничества, которымъ страдаетъ наше современное поколѣніе и о гибельномъ вліяніи котораго на силы человѣка много и подробно говорилось“. Съ интересомъ читаются и три другія статьи г. Маркова: „Книжный изморъ“, „Какая школа нужна нашимъ дѣтямъ?“ и „Не балуйте дѣтей!“

Издана книжка г. Маркова очень хорошо и цѣна ей вполне доступная.

О преподаваніи русскаго языка (изъ наблюденій въ Казанской татарской учительской школѣ). В. А. Богородицкаго. Изданіе второе. Казань, 1899 г. Ц. 25 к. Хотя небольшая брошюра ordinariaго профессора Казанскаго университета В. А. Богородицкаго имѣетъ

въ виду преподаваніе русскаго языка въ школахъ, приготовляющей учителей изъ татаръ для начальныхъ училищъ магометанскихъ селеній и, такимъ образомъ, написана съ спеціальной цѣлью, тѣмъ не менѣе въ ней много замѣчаній общаго характера, такъ что учитель и учительница всякой школы могутъ позаимствоваться изъ нея кой-чѣмъ, безспорно, полезнымъ. Будучи представителемъ науки, профессоръ Богородицкій помнитъ о той же наукѣ и въ качествѣ школьнаго учителя, а это значитъ, что на страницахъ его брошюры о преподаваніи русскаго языка встрѣчаются приемы, заслуживающіе и вниманія и распространенія.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. академіи наукъ“. Т. V., кн. I.—„Рабство въ древнемъ Римѣ“. („Новая библ.“ *Русской Мысли*).

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Т. V, кн. 1-я. Спб., 1900 г. Содержаніе послѣдней книги академическихъ извѣстій настолько же разнообразно, насколько и интересно. Не будемъ останавливаться на тѣхъ статьяхъ, которыя имѣютъ чисто-научную цѣнность и посвящены болѣе частнымъ вопросамъ. Оtmѣтимъ только нѣсколько капитальныхъ работъ въ области исторіи литературы, представляющихъ общій интересъ и дающихъ новыя свѣдѣнія по исторіи новой литературы или же народной. Въ своей статьѣ „Новыя записи былинь въ Якутской области“ проф. В. Ф. Миллеръ подробно говоритъ о новыхъ вариантахъ нѣсколькихъ былинь, дающихъ болѣе правильныя чтенія, чѣмъ записанныя раньше. Изъ этой статьи мы видимъ, что „въ негостепріимномъ захопустѣ полуобъякутившіеся потомки русскихъ колонистовъ все еще держатъ въ памяти часть того былиннаго преданія, которое ихъ предки занесли съ собою на новыя мѣста поселенія“. Они помнятъ трехъ главныхъ богатырей нашего эпоса—Илью, Добрыню и Алешу Поповича, причемъ послѣдній сохранилъ въ восточной Сибири свой древній богатырский характеръ лучше, чѣмъ въ Олонецкой губерніи. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что нашъ эпосъ путемъ устной традиціи живетъ еще въ наши дни на огромномъ пространствѣ Европы и Азии, отъ Бѣлаго моря до Колымы, отъ Ледовитаго океана до подножья Кавказскаго хребта. Слѣдующая статья принадлежитъ Н. К. Козмину и касается исторіи первыхъ лѣтъ одного изъ лучшихъ русскихъ журналовъ, а именно—*Московскаго Телеграфа*, издававшагося Полевымъ съ 1825 года. Еще Пушкинъ писалъ въ своихъ „Возраженіяхъ на книгу Радищева“, что „московскій журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews“. Эти слова и подали мысль Н. К. Козмину порыться въ современныхъ англійскихъ и французскихъ „Обозрѣніяхъ“ и найти въ нихъ не только всѣ источники для переводныхъ статей *Московскаго Телеграфа*, но и нѣсколько отзывовъ иностранныхъ журналистовъ по адресу русскаго журнала. Оказывается, между прочимъ, что нѣмецкая журналистика имѣла самое малое влияние на русскую, и читающая публика интересовалась главнымъ образомъ Шекспиромъ, Байрономъ и Вальтеръ Скоттомъ. В. И. Перетцъ интересуется временемъ начала русскаго раскола, въ основѣ котораго, по

его мнѣнію, лежали стремленія исключительно религіозныя, съ чѣмъ согласиться довольно трудно, такъ какъ несомнѣнно „экономическіе и правовые недостатки московской жизни XVII столѣтія могли вызвать народное недовольство, броженіе умовъ и выразиться въ какомъ-либо, болѣе или менѣе рѣзкомъ проявленіи стихійной массовой ненависти, вроде возстанія стрѣльцовъ и т. п.“. Статья озаглавлена „Слухи и толки о патриархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вѣковъ“ и основана исключительно на данныхъ источниковъ, относящихся ко времени, послѣдовавшему за разрывомъ раскольниковъ съ русской церковью. Въ статьѣ „Первыя басни И. А. Крылова“ молодого ученаго Ф. А. Витберга сдѣлано, на основаніи открытаго авторомъ экземпляра *Утреннихъ Часовъ*, чрезвычайно интересное наблюденіе, что первыя по времени басни Крылова относятся не къ 1806 г., какъ до сихъ поръ думали всѣ изслѣдователи, а къ порѣ болѣе ранней, а именно къ 1788 году, и въ томъ же году были напечатаны подъ разными инициалами молодого поэта. Такимъ образомъ, теперь оказывается, что Крыловъ еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности (1786—1792 г.) писалъ басни и пользовался басеннымъ приемомъ иносказанія, и что въ раннемъ періодѣ Крыловъ находился подъ влияніемъ Сумарокова, баснямъ котораго подражалъ и въ слогѣ, и въ тонѣ. Поэтому и приходится отвергнуть установившееся у насъ мнѣніе, будто только Дмитріеву мы обязаны тѣмъ, что Крыловъ сталъ писать басни. Большинство этихъ басенъ авторомъ статьи и напечатано въ „Извѣстіяхъ“. Наконецъ, К. Я. Гротомъ сообщено восемь совершенно неизвѣстныхъ въ печати писемъ Гоголя къ П. А. Плетневу. Письма Гоголя, представляя, какъ и все вышедшее изъ-подъ пера гениальнаго русскаго сатирика, первостепенный интересъ, „дорисовываютъ намъ, кромѣ того, уже извѣстныя изъ прежнихъ писемъ взаимныя отношенія Гоголя и его старшаго литературнаго друга, съ отеческою любовью и заботою выполнявшаго относительно Гоголя такую же благородную и безкорыстную и вмѣстѣ практически полезную роль, какая выпала на его же долю въ его дружбѣ съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, Вяземскимъ“ и нѣкоторыми другими русскими писателями. Отметимъ письма, касающіяся изданія произведеній Гоголя, цензурныхъ хлопотъ и затрудненій, прочувствованное слово по поводу смерти Пушкина и т. д.

Изъ библиографическихъ работъ отметимъ статью С. Л. Пташицкаго о важнѣйшихъ новыхъ польскихъ трудахъ, касающихся Мицкевича и его произведеній.

Рабство въ древнемъ Римѣ. „Новая Библіотека“, изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Москва, 1901 г. Цѣна 10 к. Рабство, это ненормальное явленіе какъ древнихъ, такъ отчасти и новыхъ временъ, не разъ было предметомъ серьезныхъ изслѣдованій европейскіхъ социологовъ; назовемъ, напримѣръ, *Исторію рабства* Ингрэма, *Эволюцію рабства* Летурно, *Рабство въ древности* Мейера, *Основанія социологіи* Спенсера и др. Въ то же время, въ нашей литературѣ не было до настоящаго времени общедоступной книжки, посвященной этому вопросу. Въ первой главѣ дается очеркъ постепеннаго развитія и главнѣйшихъ источниковъ рабства въ Римѣ, гдѣ это явленіе достигло очень большихъ размѣровъ и принесло не мало вреда. Затѣмъ разсматривается правовое и экономическое положеніе рабовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ или государству, а также рабовъ-гладіаторовъ, влияние рабства на нравственность различныхъ слоевъ римскаго общества, образованіе сельскаго и городского пролетаріата

и, наконецъ, переходъ рабства въ крѣпостную зависимость. Въ концѣ брошюры приложено объясненіе латинскихъ словъ и юридическихъ терминовъ, которые могутъ быть непонятны для широкаго круга читателей.

ГЕОГРАФІЯ.

„Окраины Россіи“. Подъ ред. П. П. Семенова.

Окраины Россіи (съ приложеніемъ карты ихъ). Подъ редакціей П. П. Семенова. Изданіе министерства финансовъ. Спб., 1900 г. Чѣмъ выше стоитъ развитіе промышленности, тѣмъ меньше въ ея характерѣ, такъ называемаго, „этнографическаго духа“. Въ Азіатской Россіи „настоящая“ промышленность только зарождается. Естественно, что для нашихъ окраинъ не нашлось мѣста ни въ одномъ изъ соответствующихъ отдѣловъ и группъ Парижской всемірной выставки. Благодаря этому, изъ русскаго отдѣла былъ выдѣленъ специальный „Окраинный“, съ рѣзкимъ географическимъ и этнографическимъ оттѣнкомъ. Настоящая книжка является дополненіемъ къ обширному коллективному труду „Россія въ концѣ XIX вѣка“ (редакц. В. И. Ковалевскаго). Она также вызвана участіемъ Россіи на всемірной выставкѣ, предназначается для посѣтителей ея и издана на французскомъ и русскомъ языкахъ. Книга, дѣйствительно, даетъ „правильное понятіе объ естественныхъ богатствахъ окраинъ Россіи, о степени культурности ихъ разнообразнаго населенія и объ употребляемыхъ имъ способахъ эксплуатаціи своихъ природныхъ ресурсовъ“ (Предисловіе). За послѣдніе годы замѣчается необыкновенный приливъ вниманія къ нашимъ окраинамъ не только самой Россіи, но и „всего образованнаго міра“, всѣми сознается ихъ великая всемірная роль въ будущемъ. Для читателя является возможность, опираясь на свѣжіе, стройно и просто изложенные матеріалы, при небольшой затратѣ силъ и времени, прослѣдить экономическій прогрессъ Азіатской Россіи въ связи съ культурнымъ развитіемъ ея населенія. Самый большой очеркъ „Сибирь“ составленъ извѣстнымъ географомъ П. П. Семеновымъ. Авторъ даетъ въ немъ довольно обстоятельную характеристику Западной, Средней и Якутской Сибири и окраинъ—Амурско-Приморской и Степной Киргизской. Слѣдующіе два очерка „Туркестанъ“ и „Кавказъ“ отличаются не меньшими достоинствами. Принадлежатъ они кн. В. Массальскому. „На развалинахъ дряхлаго мусульманства, парившаго въ теченіе дѣлаго ряда вѣковъ въ Туркестанѣ, расцвѣтаетъ новая, полная силъ и жизни русская культура,—говоритъ кн. Массальскій, оканчивая свой первый очеркъ. Въ концѣ второго онъ замѣчаетъ, что въ настоящее время Кавказъ уже играетъ активную роль не только на нашемъ внутреннемъ рынкѣ, но и на международномъ. Неизвѣстно кѣмъ набросано слишкомъ короткое приложеніе „Полярная часть Европейской Россіи“. Желѣзная дорога отъ Вологды до Архангельска и вообще устройство удобныхъ путей сообщенія, разумѣется, оживитъ и этотъ изолированный отъ промышленной Россіи обширный и богатый край. Постройка же великаго Сибирскаго желѣзнаго пути достаточно ясно указываетъ на то, что наше правительство не покусится ни на что для окраинъ.

Приложенная въ концѣ книги карта взята изъ выше упомянутаго труда „Россія въ концѣ XIX вѣка“. Въ книгѣ употребляется метрическая таблица мѣръ. Въ этомъ случаѣ не лишнимъ было бы приложить и таблицу для перевода ихъ на русскія. Конечно, у этой дѣль-

ной книжки найдется много читателей и среди „не званых“, т.-е. „не посѣтителѣ“ выставки. „Окраины Россіи“ необходимы для нашихъ учебныхъ, народныхъ и тому подобныхъ библіотекъ.

ИСКУССТВО.

„Русскія народныя картинки“. Собр. Д. Ровинскаго.

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Изданіе Р. Голике. Томъ I. Спб., 1900 г. Этотъ посмертный трудъ Ровинскаго печатается подъ наблюденіемъ Н. П. Собко (второй томъ обѣщанъ въ концѣ нынѣшняго еще года). Множество иллюстрацій украшаетъ изданіе. Ровинскимъ собранъ обширный и интереснѣйшій матеріалъ, незамѣнимый для исторіи культуры. Издана книга отлично. Иногда слѣповаты подписи подъ рисунками, изъ которыхъ многіе раскрашены. Цѣна за два тома 8 рублей. Мы вернемся къ этому изданію, когда оно будетъ окончено.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Обзоръ Россіи въ дорожномъ отношеніи“. В. Мейена.—„Исполненіе нѣмецкой промышленности“. (Новая библ. „Русской Мысли“).

Обзоръ Россіи въ дорожномъ отношеніи. В. Мейена. Книга г. Мейена—цѣнный вкладъ въ изученіе экономической жизни нашего отечества. Это—первая капитальная работа въ разработкѣ вопроса о дорогахъ Россіи. До сихъ поръ существовали лишь нѣкоторыя отдѣльныя брошюры, статьи и т. п. Вопросъ, затронутый г. Мейеномъ, вопросъ насущный, стоящій на ближайшей очереди. Дѣйствительно, Россія, какъ страна, преимущественно, земледѣльская, страна сельскохозяйственныхъ промысловъ, очевидно, имѣтъ дороги, удовлетворяющія потребностямъ именно сельскаго, преимущественно, населенія; его благосостояніе немислимо безъ обезпеченія правильнаго проѣзда.

Прежде чѣмъ сдѣлать маленькій обзоръ состоянія нашихъ дорогъ, мы изложимъ тѣ принципиальныя положенія, къ которымъ пришелъ г. Мейенъ.

„Дороги въ Россіи должны быть строго классифицированы слѣдующимъ образомъ: государственныя, губернскія, уѣздныя, проселочныя и полевые“. Всѣ дороги должны быть переданы министерству внутреннихъ дѣлъ и земскимъ учрежденіямъ. Должна быть организована правильная разработка систематическаго матеріала, дороги должны содержаться натуральною и денежною повинностью, надзоръ же за этимъ подлежить уѣзднымъ земствамъ.

Всѣ дороги Россіи подвѣдомственны двумъ учрежденіямъ. „Дороги, содержимыя на средства казны распоряженіями министерства путей сообщенія, и дороги вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, содержимыя земскими учрежденіями, а гдѣ они не введены—распорядительными комитетами“. Общее протяженіе шоссированныхъ дорогъ министерства путей сообщенія 8,570 верстъ. Въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ 3,478 верстъ, въ томъ числѣ 647 верстъ въ рукахъ распорядительнаго комитета, остальные въ рукахъ земствъ. Постепенно къ земству переходитъ большее и большее количество дорогъ. Соотвѣтственно съ этимъ увеличиваются и расходы. Такъ, земскіе расходы на дорож-

ную часть въ 1883 году равнялись 2.607,852 р., въ 1895 году уже—3.863,491 р. Но надо еще вспомнить сравнительно недавнюю дѣятельность земствъ, что оно тратитъ еще на врачебную часть, на народное образованіе и т. п., такъ что дороги занимаютъ 15%, земскихъ расходовъ.

Теперь, если мы кинемъ взглядъ на Московскую губернію, то окажется, что общее протяженіе шоссеиныхъ дорогъ къ 1900 году было 1,449 в.; изъ нихъ построенныхъ земствомъ 798 верстъ, остальными оно завѣдуетъ. Грунтовыя дороги (1,258 в.) то же земскія.

Въ Петербургской губерніи шоссеиныя дороги у министерства путей сообщенія—868 в., у земствъ—738 в. Грунтовыхъ въ вѣдѣніи казны и земствъ 3,461 в.

Взглянемъ на Архангельскую и Астраханскую губерніи. Завѣдуютъ дорогами распорядительныя комитеты. Шоссеиныхъ дорогъ нѣтъ, есть только грунтовыя,—свѣдѣнія объ нихъ весьма не точны.

На основаніи данныхъ, приведенныхъ въ книгѣ г. Мейена, мы должны желать, чтобъ дѣятельность земства все сильнѣе возрастала. Грунтовыхъ дорогъ, правда, много, и безъ земствъ, но если мы вспомнимъ нашу осень, да и вообще нашу дождливую погоду, вспомнимъ всю эту грязь, слякоть, то увидимъ, что грунтовыя дороги по большей части не цѣлесообразны.

Въ заключеніе еще разъ обращаемъ вниманіе на цѣнность этой книги. Къ ней приложены различныя картограммы по относящимся сюда вопросамъ. Цѣна не дорогая.

Исполнитъ нѣмецкой промышленности (заводъ Круппа). „Новая Библіотека“, изданіе журнала „Русская Мысль“. Москва, 1900 г. Цѣна 15 к. Составитель этой книжки задался цѣлью познакомить русскихъ читателей съ внутреннимъ устройствомъ одного изъ колоссальныхъ промышленныхъ учрежденій на свѣтѣ—сталелитейнаго и пушечнаго завода Круппа въ Германіи, который ежегодно выпускаетъ десятки тысячъ орудій, предназначенныхъ для самоистребленія чело-вѣчества. Въ первой главѣ дается исторія завода, на которомъ въ 1810 году работалъ самъ хозяинъ Петръ Круппъ съ двумя только рабочими. Развитіе милитаризма и промышленности вообще содѣйствовало необыкновенно-быстрому росту завода, который въ настоящее время насчитываетъ десятки тысячъ рабочихъ. Въ слѣдующей главѣ разсказывается объ устройствѣ квартиръ для рабочихъ, вполнѣ безукоризненныхъ въ гигиеническомъ отношеніи, дешевыхъ и удобныхъ; къ этому отдѣлу книги относятся четыре таблицы рисунковъ и чертежей, по которымъ можно судить объ образцовомъ хозяйствѣ огромнаго нѣмецкаго завода. Для поднятія благосостоянія рабочихъ, при заводѣ устроены потребительныя общества и кассы вспомошествованія, о которыхъ подробно говорится въ третьей и четвертой главахъ. Въ концѣ приложено нѣсколько таблицъ съ цифрами, показывающими цѣны на пищевые продукты потребительныхъ обществъ и отчеты рабочихъ пенсіонныхъ кассъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„О климатѣ и погодѣ“. П. И. Броунова.—„Мысли о развитіи сельско-хозяйственной промышленности“. Д. И. Менделѣева.—„Экономическія основы земледѣлія“. А. И. Скворцова.—„Сельское хозяйство въ черноземной полосѣ Россіи“. П. Р. Слезкина.—„Низшія земледѣльческія и сельско-хоз. школы въ Германіи“. В. А. Бекетова. (Вып. V сборника свѣдѣній по сел.-хоз. образ.)—„Природа песковъ и ихъ обліе-віе“. А. Колесова.

Научно-популярныя чтенія по сельскому хозяйству и основ-нымъ для него наукамъ подъ общей редакціей проф. В. В. Докучаева. 3) П. И. Броуновъ. О климатѣ и погодѣ. Ц. 1 р. 12) Д. И. Менделѣевъ. Мысли о развитіи сельско-хозяйственной промышленности. Ц. 30 к. 15) А. И. Скворцовъ. Экономическія основы земледѣлія. Ц. 1 р. 50 к. 16) П. Р. Слезкинъ. Сельское хозяйство въ черноземной полосѣ Россіи. Ц. 40 к. Спб., 1900 г. Изд. В. Эриксона и А. Винке. Въ весеннемъ семестрѣ 1899 г. въ Петербургѣ, по иниціативѣ профессора В. В. Докучаева, устроился рядъ публичныхъ лекцій по сельско-хозяйственнымъ предметамъ. Съ сентября того же года лекціи эти стали появляться въ печати отдѣльными выпусками (принимается и подписка на серію въ 17 лекцій по цѣнѣ 12 руб. съ пересылкою). Нельзя не порадоваться этому повторенію удавшегося въ Москвѣ въ 1892—93 гг. опыта систематическихъ чтеній по разнымъ отдѣламъ агрономіи.

Книжка проф. П. И. Броунова (8 лекцій) даетъ понятіе о климатѣ и погодѣ, объ общемъ круговоротѣ атмосферы, о разныхъ формахъ циклоновъ и о предсказаніи погоды; въ заключеніи авторъ разсматриваетъ задачи сельско-хозяйственной метеорологіи и устройство сельско-хозяйственныхъ метеорологическихъ станцій, останавливаясь и на интереснѣйшемъ вопросѣ о связи урожаевъ съ ходомъ атмосферныхъ явленій; по даннымъ 21 пункта П. И. Броуновъ замѣчаетъ, что югъ, юго-востокъ и востокъ Россіи находятся въ области рѣзкаго вліянія осеннихъ осадковъ на урожай озимыхъ и что къ сѣверу и къ западу отъ этой области тянется полоса, въ которой рѣшительно выступаетъ вліяніе майскихъ дождей. Книжка снабжена картами и діаграммами, относящимися къ погодѣ.

Брошюра нашего гениальнаго химика (2 лекціи) производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе, какъ и многое изъ того, что пишется Д. И. Менделѣевымъ по экономическимъ вопросамъ. Русское земледѣліе, по мнѣнію автора, прежде всего нуждается въ развитіи капитала, а такому развитію можетъ помочь только покровительственная система, охраняющая Россію отъ притока составныхъ частей капитала изъ-за границы; примѣромъ для Россіи должны служить Соединенные Штаты. Авторъ рѣшительный противникъ трудовой теоріи цѣнности.

Десять лекцій профессора А. И. Скворцова имѣютъ своимъ предметомъ сельско-хозяйственную экономію. Авторъ справедливо указываетъ на то, что съ теченіемъ времени зависимость сельско-хозяйственного производства отъ общественныхъ условій становится все больше и больше и что знакомство съ сельско-хоз. экономіею должно быть обязательно для cadaго лица, претендующаго на званіе общественнаго дѣятеля. Вступительная лекція занимается преимущественно установкою терминовъ. Определеніе, данное системѣ хозяйства (стр. 15—16), представляется намъ не яснымъ. Соотношеніе между различными угодьями едва

ли можетъ входить въ опредѣленіе системы полеводства (стр. 17), которая, какъ показываетъ названіе, должна имѣть дѣло только съ полемъ; полезно было бы вставить промежуточное понятіе системы земледѣлія (или растеніеводства). Слѣдующія четыре лекціи разсматриваютъ факторы, которыми опредѣляется строй земледѣльческаго хозяйства, причемъ авторъ несоразмѣрно долго останавливается на своемъ любимомъ предметѣ—вліяніи желѣзныхъ дорогъ. Въ шестой лекціи вскользь затронуто значеніе почвы и климата, вовсе не затронуты естественныя условія работы и начатъ обзоръ капитала, заканчивающійся въ слѣдующей лекціи. Послѣднія три лекціи посвящены разбору отдѣльных системъ хозяйства: зерновой, скотоводственной и технически-заводской. Здѣсь читатели встрѣтятъ нѣсколько смѣлыхъ предсказанія о томъ, какъ сложится сельское хозяйство въ разныхъ полосахъ Россіи. Авторъ не безъ наивности утверждаетъ, что „развитіе страны въ концѣ концовъ неизбежно приводитъ къ увеличенію крупности землевладѣнія“ (стр. 27); „процессъ обезземеленія части *бывшихъ крестьянъ* (авторъ опередилъ русское законодательство) во всякомъ случаѣ совершается и долженъ совершиться, ибо безъ этого невозможно движеніе впередъ“ (стр. 75).

Брошюра профессора П. Р. Слезкина заключаетъ въ себѣ лишь краткое содержаніе 10 лекцій о земледѣліи на черноземѣ. Это бойко написанный этюдъ, касающійся естественныхъ условій черноземной полосы, сортовъ культурныхъ растений, приемовъ обработки полей и выбора кормовыхъ растений. Авторъ умѣстно подсмѣивается надъ стремленіемъ хозяевъ подыскать шаблоны техническихъ улучшеній вмѣсто того, чтобы внимательно изучать условія хозяйства въ опредѣленномъ пунктѣ въ опредѣленное время.

Сборникъ свѣдѣній по сельско-хозяйственному образованію. Вып. V. Низшія земледѣльческія и сельско-хозяйственныя школы въ Германіи. В. А. Бекетова. Изд. деп. земледѣлія. Спб., 1900 г. Книга эта является результатомъ командировки автора лѣтомъ 1898 г. въ Германію и Австрію. Особый интересъ для русскихъ читателей должны имѣть свѣдѣнія о зимнихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ*), которыя весьма желательно было бы (что признаетъ и авторъ) испытывать въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; въ Германіи къ 1898 году насчитывалось 178 зимнихъ сельско-хозяйственныхъ школъ: такія школы даютъ возможность крестьянскимъ мальчикамъ проводить лѣто въ семьѣ и въ хозяйствѣ родныхъ; и зимою онѣ даютъ возможность обходиться безъ пансіоновъ, хотя это обстоятельство часто сопряжено съ несомнѣннымъ неудобствомъ найма частной квартиры. Германскія земледѣльческія школы (низшія) описаны В. А. Бекетовымъ довольно подробно. Изложеніе заканчивается выводами, въ которыхъ авторъ касается постановки низшаго сельско-хозяйственного образованія въ Россіи. Мы вполне согласны съ распространеніемъ класснаго преподаванія въ наибольшомъ размѣрѣ на лѣтнее время, но не можемъ присоединиться къ пожеланію автора, чтобы было увеличено число зимнихъ уроковъ: 3 или 3¹/₂ часа въ день являются максимумомъ и для студента, а не только для подростка низшей школы. Не можемъ также считать желательными публичныя экзамены по специальнымъ предметамъ съ приглашеніемъ постороннихъ лицъ: это можетъ обратиться или въ ненужную комедію, или въ непріятное вмѣшательство практиковъ хозяйства въ практику

*) О томъ же предметѣ была недавно статья С. О. Линеваго въ „Нашемъ хозяйствѣ“, тоже результатъ поѣздки по Германіи.

учебнаго дѣла. Къ отчету приложены нѣсколько рисунковъ и карта Германіи. Книга В. А. Бекетова читается съ большимъ интересомъ.

Въ заключеніе не можемъ воздержаться, чтобъ не процитировать изъ третьихъ рукъ слова Свифта, мѣтко примѣненные Кнустомъ къ погонѣ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ школъ за одновременнымъ изученіемъ теоріи и практики сельскаго хозяйства: „чистый теоретикъ несомнѣнно понимаетъ дѣло, но не умѣетъ его дѣлать; чистый практикъ можетъ его сдѣлать, но онъ его не понимаетъ; теоретикъ-практикъ соединяетъ оба качества—онъ не понимаетъ дѣла и не можетъ его сдѣлать“.

Природа песковъ и ихъ облѣсеніе. А. Колесова. Харьковъ, 1900 г. Ц. 80 к. Новый законъ о меліоративномъ кредитѣ, устанавливающий льготныя (изъ 2%) ссуды на укрѣпленіе сыпучихъ песковъ, вѣроятно, подниметъ интересъ русскихъ хозяевъ къ этому важному коренному улучшенію. Книжка, составленная А. А. Колесовымъ (директоромъ Харьковскаго земледѣльческаго училища) появляется довольно кстати. Первая часть преимущественно описываетъ процессъ зарастанія сыпучепесчаныхъ почвъ, раздѣляя его на три періода и, кромѣ того, касается состава песковъ и ихъ отношенія къ вѣтру, теплу и влагѣ, заканчиваясь лѣсо-хозяйственными расчетами по Харьковской губерніи. Во второй части описываются приемы культуры сосны на пескахъ фермы при Харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ. Работы исполнялись учениками училища. Всего засажено 36 десятинъ изъ 80 десятинъ песчаной площади. Стоимость посадки и выращиванія десятины сосенъ до восьмого года А. А. Колесовъ опредѣляетъ около 23 р. 50 к.

МЕДИЦИНА.

„Лимфангіомы“. Патолого-анатомич. и клинич. изслѣдов. В. А. Оппеля.—„Бугорчатка, какъ народная болѣзнь и общественная борьба съ нею“. Л. О. Гуревича.

Лимфангіомы. Патолого-анатомическое и клиническое изслѣдованіе. В. А. Оппеля. Диссертация на степень доктора медицины. Спб., 1899 г. Работа д-ра Оппеля представляетъ собою обстоятельное изслѣдованіе вопроса о лимфангіомахъ. Отдѣльныя стороны вопроса излагаются въ ихъ историческомъ развитіи, причемъ авторъ весьма удачно справляется съ обширной литературой предмета. Приводится довольно обильный казуистическій матеріалъ, собранный въ литературѣ, и личныя наблюденія автора, всесторонне обследованныя и весьма тщательно проведенныя. Авторъ разсматриваетъ лимфангіомы, какъ истинныя новообразованія, принадлежащія къ классу новообразованій растущаго организма и клинически протекающія какъ доброкачественныя, иногда, впрочемъ, безъ всякой видимой причины, вдругъ начинающія быстро расти. Развитие лимфангіомъ, по мнѣнію автора, состоитъ: 1) въ новообразованіи кровеносныхъ сосудовъ; 2) въ новообразованіи соединительной ткани съ эластическими волокнами; 3) иногда въ новообразованіи гладкихъ мышечныхъ волоконъ; 4) всегда въ новообразованіи лимфатическихъ полостей, выстланныхъ эндотелиемъ и выполненныхъ лимфой. Новообразование лимфатическихъ полостей идетъ путемъ: 1) раздвиганія и вымыванія лимфой кучъ круглыхъ клѣтокъ; 2) путемъ помутнѣнія, распадѣнія и послѣдующаго вымыванія жировыхъ клѣтокъ. Кучи клѣтокъ, образующія собой въ послѣдствіи лимфатическія полости, отлагаются вокругъ кровеносныхъ капилляровъ и про-

исходить изъ перителія. Въ процесѣ роста всякой лимфангіомы принимается участіе экстазія новообразующихся лимфатическихъ пространствъ. Идеаломъ лѣченія авторъ считаетъ полное изсѣченіе лимфангіомы; послѣ неполнаго изсѣченія онѣ могутъ возвращаться. Тамъ, гдѣ полное изсѣченіе невозможно, лучшимъ методомъ является послѣдовательная тампонада. Въ заключеніи своей работы авторъ предлагаетъ собственную классификацію лимфангіомъ, основанную на ихъ гистологическомъ строеніи, топографическомъ положеніи и на степени распространенности процесса. Эта классификація намъ кажется наиболѣе удовлетворительной изъ всѣхъ, предложенныхъ до сего времени. Къ работѣ приложены 7 прекрасно исполненныхъ таблицъ микроскопическихъ препаратовъ, одна таблица, изображающая макроскопическую картину лимфангіомы кожи и подкожной клѣтчатки, и указатель литературы вопроса, содержащій 266 названій.

Бугорчатка, какъ народная болѣзнь и общественная борьба съ ней. Л. О. Гурвича. Изд. медіц. департ. мин. внутр. дѣлъ. Спб., 1900 г. Небольшая брошюра д-ра Гурвича (48 страницъ) заслуживаетъ глубокаго вниманія читателей, такъ какъ авторъ смотритъ на заразность туберкулезной бациллы и на способы борьбы съ нею не съ общепринятой теперь точки зрѣнія; онъ является выразителемъ того мнѣнія, которое отводитъ слишкомъ ничтожную роль туберкулезнымъ бацилламъ въ дѣлѣ распространенія туберкулеза, а переноситъ центръ тяжести на больной организмъ. Туберкулезныя бациллы, страшныя для людей съ врожденной или приобретенной слабостью извѣстныхъ органовъ и тканей, являются совершенно безвредными для людей крѣпкихъ и здоровыхъ. Это положеніе авторъ старается подтвердить многочисленными фактами. Главнымъ источникомъ распространенія туберкулеза, по мнѣнію автора, являются всѣ условія, ослабляющія организмъ вообще и легочные органы въ особенности. Борьба съ этими условіями—и есть настоящая борьба съ распространеніемъ туберкулеза, а не наивное улавливаніе вездѣсущей туберкулезной бациллы. Мы вполне присоединяемся къ вышеизложеннымъ взглядамъ автора и считаемъ ихъ наиболѣе широкими, наиболѣе разумными. Защищаемая нами точка зрѣнія разсматриваетъ настоящее распространеніе туберкулеза, какъ результатъ современныхъ общественныхъ условій жизни. Мы полагаемъ, что заболѣваніе туберкулезомъ есть лишь одна изъ формъ вымиранія слабѣйшихъ въ современномъ обществѣ въ его борьбѣ за существованіе. Туберкулезъ—это послѣдній актъ жизненной драмы, въ первомъ дѣйствіи которой рѣдко выступаетъ самъ больной,—обыкновенно его родители, а иногда даже дѣдъ или бабка. Переданное по наслѣдству ослабленіе организма можетъ быть выражено настолько рѣзко, что даже благоприятныя окружающія условія (климатическія, общественныя, санитарныя) оказываются непосильными такому человѣку, даже они выводятъ его организмъ изъ равновѣсія, и больной погибаетъ. Наиболѣе разумными, наиболѣе дѣйствительными средствами въ борьбѣ съ распространеніемъ туберкулеза, по нашему мнѣнію, являются не плевательницы съ дезинфецирующими растворами, а улучшеніе санитарныхъ условій, улучшеніе условій труда, увеличеніе жизненныхъ удобствъ и комфорта, увеличеніе культурности вообще и развитіе знаній въ частности, наконецъ, соотвѣтственное лѣченіе туберкулезныхъ больныхъ, главнымъ образомъ, конечно, климатическое. Намъ кажется, что взгляды, излагаемые авторомъ и защищаемые нами, должны дѣйствовать на общество болѣе ободряющимъ образомъ, чѣмъ теорія всепильной, само-

довлѣющей туберкулезной бациллы. Въдѣ если въ распространеніи туберкулеза до извѣстной степени виновато само общество, такъ въдѣ въ его же рукахъ находятся и средства, чтобы въ значительной степени ограничить это заболѣваніе. Брошюра автора написана очень просто—и легко можетъ быть прочитана всѣми интересующимися даннымъ вопросомъ.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ И ДѢТЕЙ.

„Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій“. Сост. А. Плестереръ. Курсъ 2-го и 3-го классовъ.—„Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній“. Сост. Гроспичъ.—„Матеріалы для изложеній и сочиненій ученикамъ начальныхъ и двухклассныхъ училищъ“.—„Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій“. Сост. С. Гречушкинъ.—„Школа жизни великаго юриста“. Третья по вѣстѣ въ біографіи. трилогія „Ученическіе годы Гоголя“. В. П. Асенаріуса.—„Сборникъ задачъ по анализу бесконечно-малыхъ“. Ч. I. Ф. Френе.

1. Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій. Состав. А. Плестереръ. Курсъ второго и третьяго классовъ. М., 1899 г. Ц. 35 + 40 к. 2) Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сост. Гроспичъ. М., 1898 г. Ц. 1 руб. 15 коп. Преподаваніе новыхъ языковъ составляетъ большое мѣсто нашей средней школы; не только гимназисты, но и ученики реальныхъ училищъ, по окончаніи курса, по большей части плохо владѣютъ новыми языками. На это не разъ указывали въ печати и на съѣздахъ (наприм., на 2 съѣздѣ р. дѣятелей по техническому и профессиональному образованію); объ этомъ не мало говорилось и на послѣднихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ при московскомъ учебномъ округѣ въ связи съ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія. Неуспѣхъ по новымъ языкамъ, съ одной стороны, объясняется неравноправнымъ положеніемъ ихъ среди другихъ предметовъ, недостаточностью уроковъ, а съ другой — неподготовленностью учителей и несовершенствомъ методовъ преподаванія. Мы полагаемъ, что главная цѣль занятій новыми языками въ средней школѣ должна заключаться въ томъ, чтобы научить учениковъ свободно читать на иностранномъ языкѣ сочиненія средней трудности. Хорошо, если при этомъ ученикъ болѣе или менѣе овладѣетъ и устной рѣчью и познакомится съ главными представителями иностранной литературы. Лучшимъ способомъ для достиженія этихъ цѣлей служить чтеніе, рассказъ и разговоръ на иностранныхъ языкахъ. Г. Плестереръ въ своихъ учебникахъ старается придерживаться именно этого метода: на первомъ планѣ онъ ставитъ чтеніе нѣмецкаго текста, сперва фразъ, потомъ цѣлыхъ статей, и съ первыхъ же уроковъ начинаетъ упражнять учениковъ въ разговорѣ посредствомъ вопросовъ о прочитанномъ; переводамъ съ русскаго языка въ учебникѣ отводится мало мѣста, что вполне цѣлесообразно, такъ какъ они пригодны лишь какъ вспомогательное средство при усвоеніи грамматическихъ свѣдѣній. Подборъ статей въ общемъ удаченъ. Изъ прочитанныхъ статей выводятся далѣе грамматическія правила. Намъ кажется однако, что не слѣдовало бы такъ рано начинать грамматическихъ упражненій, какъ это сдѣлано у г. Плестерера, впрочемъ, въ значительной степени связаннаго существующей программой. Мы не замѣтили также, чтобы г. Плестереръ стремился приучать учениковъ къ этимологическому анализу словъ, а между тѣмъ подобная работа въ высшей степени облегчаетъ усвоеніе иностранныхъ языковъ, развивая въ ученикахъ Sprachgefühl, пониманіе строя языка. Въдѣ нерѣдко приходится наблюдать, что учащійся старательно заучиваетъ

К. в. „Lesebuch“, не подозрѣвая родства этого слова со словами „lesen“ и „Buch“. Намъ представляется желательнымъ въ среднихъ и старшихъ классахъ опираться на тотъ же сознательный и по возможности самостоятельный анализъ словъ. Съ этой же цѣлью было бы полезно давать учащимся вмѣстѣ съ нѣмецкимъ текстомъ—соотвѣтствующій русскій, какъ это мы находимъ, напримѣръ, во французскомъ руководствѣ *Manuel de la traduction du russe en français et réciproquement* par Provaz. Такія же хрестоматіи, какъ хрестоматія г. Гроспича, представляющая обычный сборникъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ съ примѣчаніями и небольшимъ словаремъ, разумѣется, въ извѣстныхъ отношеніяхъ могутъ считаться пригодными, но преимущественно въ среднихъ классахъ, а въ старшихъ рядомъ съ ними необходимо изученіе цѣлыхъ произведеній образцовыхъ писателей.

1) Матеріалы для изложеній и сочиненій ученикамъ начальныхъ и двухклассныхъ училищъ и 2) Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій. Составилъ С. Гречушкинъ. М., 1899 г. Ц. 50 к. + 10 к. Г. Гречушкинъ справедливо замѣчаетъ, что „относительно того, какъ нужно вести изложенія и сочиненія въ начальныхъ и двухклассныхъ училищахъ, указаній мало еще имѣется въ педагогической литературѣ, такъ какъ вопросъ этотъ еще новый“ (предисл.). Тѣмъ не менѣе его книжки дають вовсе не много: вопросы, замѣняющіе собой планы при первыхъ статьяхъ, и, далѣе, самые планы, составлены довольно шаблонно, и главное—существенное въ нихъ не выдѣлено сравнительно съ второстепеннымъ и третъестепеннымъ. Такимъ образомъ, изъ двухъ книжекъ г. Гречушкина полезнѣе не вторая, а первая, гдѣ собрано достаточно разнообразнаго матеріала для изложеній, и матеріалъ этотъ расположенъ по степени трудности и по мѣрѣ увеличенія объема статей. Нельзя однако не признать, что не всѣ статьи отличаются хорошимъ языкомъ и плавностью изложенія; описаніе, напримѣръ, *Плутуха* (стр. 60) едва ли возможно назвать съ только что указанныхъ сторонъ образцовымъ. Что касается до прибавленія къ планамъ для письменныхъ изложеній и сочиненій, гдѣ помѣщены планы сочиненій для самостоятельной разработки учениками, то и темы тутъ и планы намѣчены довольно удачно.

Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи „ученическіе годы Гоголя“. В. П. Авенаріуса. Спб., 1899 г. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи г. Авенаріуса о Гоголѣ во многихъ отношеніяхъ лучше предшествующей. Она читается съ большимъ интересомъ, въ ней больше дѣйствуетъ самъ Гоголь, а не стоящія возлѣ него лица, и, кромѣ того, нѣкоторыя стороны жизни Гоголя въ періодъ начала его художественной дѣятельности описаны здѣсь подробно и умѣло. Но тѣмъ не менѣе фізіономія великаго писателя вышла всетаки неопредѣленной, и читатель врядъ ли вынесетъ впечатлѣніе о настоящемъ Гоголѣ, такъ какъ въ характеристикѣ г. Авенаріуса мѣстами слишкомъ ясно проглядываютъ бѣлыя нитки, которыми пришиты одна къ другой отдѣльныя черты характера знаменитаго юмориста. Для примѣра укажемъ на способность Гоголя поддѣлываться къ нужнымъ людямъ и къ начальству, на которой г. Авенаріусъ иногда довольно усердно настаиваетъ въ разсматриваемой повѣсти. Объ этой чертѣ Гоголя авторъ рассказываетъ въ I-й главѣ (стр. 20 и др.), затѣмъ въ четвертой (стр. 60 и др.) и, наконецъ, немного въ тринадцатой (стр. 221). Далѣе почти во всей длинной повѣсти нѣтъ никакого намека на способность Гоголя поддѣлываться, и читатель на вышеупомянутыхъ страницахъ становится втупикъ, не

понимая, съ какой стати вдругъ Гоголь начинаетъ себя вести такимъ страннымъ образомъ, когда это совсѣмъ не вяжется съ остальными его дѣйствіями. Вообще получается такое впечатлѣніе, какъ будто г. Авенаріусъ самъ боится упустить изъ виду эту сторону Гоголевскаго характера и потому спѣшитъ ее хоть какъ-нибудь вкленить въ разсказъ. Можно было бы указать на цѣлый рядъ подобныхъ же случайностей въ разбираемой части трилогіи г. Авенаріуса, но, несмотря на это, книжка прочтется все-таки и съ интересомъ, потому что она написана занимательно и живо, и съ пользой, потому что нѣкоторые свѣдѣнія о Гоголѣ она даетъ.

Сборникъ задачъ по анализу бесконечно-малыхъ. Ф. Френе, заслуженнаго профессора Ліонскаго университета. Часть I. Дифференціальное исчисленіе. Переводъ съ пятого дополненнаго французскаго изданія А. П. Ненашева. М., 1899 г. Въ 8 д. л. VIII + 208 стр. Цѣна не обозначена. Книга Френе представляетъ хорошій и очень распространенный задачникъ по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ. Переводъ ея на русскій языкъ составлялъ бы несомнѣнную заслугу передъ бѣдною пособіями этого рода русскою математическою литературою, если бы переводчикъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ и былъ бы знакомъ съ русскою терминологіею предмета. Ни того, ни другого въ настоящемъ случаѣ, къ сожалѣнію, не оказывается. Въ предисловіи переводчика встрѣчается, наприм., такое мѣсто: „сзади термина, находящагося въ моемъ переводѣ и хотя нѣсколько отличающагося отъ употребляемаго въ русской математикѣ другими авторами, я помѣщалъ въ скобкахъ и эти произношенія“ (стр. III). Въ переводѣ нерѣдко попадаются выраженія вродѣ „вывести изъ предыдущаго номера производныя какого угодно порядка“ и пр. (стр. 11); „теорема относительно однородныхъ функцій“ вмѣсто „теорема объ однородныхъ функціяхъ“; „названіе“ параграфа вмѣсто „заглавіе“ параграфа и проч. Изъ погрѣшностей переводчика противъ русской математической терминологіи особенно непріятнымъ для привычнаго читателя является замѣна такого давно и прочно установившагося термина, какъ „рядъ“ словомъ „серія“, примѣняемымъ въ русскомъ языкѣ только къ кредитнымъ бумагамъ. Также очень непріятно звучать „анвелопъ“, „Гермитъ“ и др.

Пользованіе такъ дурно исполненнымъ переводомъ для учащихся едва ли полезно. Но, къ счастью, въ немъ нѣтъ и необходимости, такъ какъ русская математическая литература почти одновременно съ разсматриваемою книгою приобрѣла задачники по тому же предмету Минина и Вѣры Шиффъ (2-е изданіе).

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ заглавіи „А. П. Ненашевъ. Сборникъ задачъ по анализу бесконечно малыхъ“, напечатанномъ на корешкѣ книги, нельзя не видѣть одного изъ печальныхъ проявленій современныхъ нравовъ дѣятелей книжнаго дѣла.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Энциклопедическій словарь“. Брокгауза и Ефрона. Т. XXX.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXX (Симъ — слюзка). Изд. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Спб., 1900 г. Въ видѣ предисловія къ послѣднему тому словаря сдѣланъ краткій некрологъ постояннаго сотрудника философскаго отдѣла Владиміра Соловьева. Несомнѣнно, потеря такого сотрудника, который, соединяя глубокую мысль съ изящ-

ной литературной обработкой, умѣлъ въ немногихъ словахъ сказать очень многое, должна тяжело чувствоваться редакціей словаря. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ краткихъ словарныхъ очеркахъ покойный писатель всегда обнаруживалъ необыкновенное разнообразіе знаній и широту взглядовъ и интересовъ, которыя въ свое время были отмѣчены рецензентами, разсматривавшими прежніе томы „Энциклопедическаго словаря“. Такъ, его статьи о Гегелѣ, Кантѣ, Контѣ, Платонѣ, Гартманѣ и др. философахъ, а также о философскихъ понятіяхъ времени, вѣчности, метафизики, оптимизма, пессимизма, свободѣ воли—представляютъ собой оригинальные, вполне законченные и драгоцѣнные очерки. Впрочемъ, покойнаго писателя—на ряду съ чисто-философскими вопросами—интересовали и многія другія явленія и личности: біографіи Жемчужникова, Майкова, Полонскаго, Данилевскаго, статьи о каббалѣ, гностикахъ, мистицизмѣ, Несторіи, Оригенѣ, наконецъ, о всемірной монархіи и патриотизмѣ—носятъ отпечатокъ своеобразныхъ взглядовъ ихъ автора и никогда не утратятъ своего значенія.

Изъ болѣе значительныхъ и оригинальныхъ статей, вошедшихъ въ тридцатый томъ словаря, слѣдуетъ назвать слѣдующія: проф. М. Горчакова—*Исторія учрежденія святѣйшаго синода русской Церкви и краткій очеркъ его дѣятельности до настоящаго времени*; А. Крымскаго—*Общая еврейскія о сирийской литературѣ и сирийскомъ языкѣ*,—вопросахъ, совершенно неизвѣстныхъ по сочиненіямъ на русскомъ языкѣ; Г. Лучинскаго—*Сказанія иностранцевъ о Россіи*, очеркъ очень неполный и даже безъ списка тѣхъ путешественниковъ, которые посѣщали Россію хотя бы до XVIII вѣка; проф. Н. Сумцова—*Краткій очеркъ по литературному и этнографическому значенію сказокъ*; Э. Радлова—*О скептицизмѣ, какъ одномъ изъ философскихъ направленій, отрицающемъ возможность построенія философской системы*, и на ту же тему, но въ русской исторіографіи,—П. Милюкова; проф. Θ. Мищенко—*О скифкахъ и Скиѣи*, главнымъ образомъ, на основаніи сказаній Геродота,—тема, бывшая не разъ предметомъ серьезныхъ изслѣдованій того же автора въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; А. Степовича—очерки по мало извѣстнымъ у насъ словацкой и словинской литературамъ; проф. Н. Владимірова—о лучшемъ поэтическомъ произведеніи старой русской письменности, *Словъ о полку Игоревѣ*,—статья довольно слабая, причемъ „самыми выдающимися трудомъ“ совершенно напрасно названы матеріалы по этому *Слову*, собранные Е. Барсовымъ. Цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ статей посвященъ славянамъ. Проф. Д. Анучину принадлежитъ краткій очеркъ по антропологіи славянъ; укажемъ, между прочимъ, что алеппскаго дьякона, путешествовавшаго по Россіи въ XVII в., имя было не Петръ (стр. 286—287), а Павелъ; это, по всей вѣроятности, опечатка. О славянахъ въ этнографическомъ отношеніи помѣщена статья акад. В. Ламанскаго. Исторія славяновѣдѣнія весьма тщательно разработана проф. К. Гротомъ; эта статья поражаетъ своей полнотой и богатствомъ матеріала. Жаль только, что почтенный ученый не посвятилъ нѣсколькихъ строкъ вопросу о практическомъ изученіи славянскихъ, а въ томъ числѣ и русскаго, языковъ въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Исторія русскаго славянофильства, этого оригинальнѣйшаго явленія сороковыхъ годовъ, принадлежитъ перу П. Милюкова, который смотритъ на него нѣсколько односторонне. Проф. Э. Зигель даетъ небольшой очеркъ по исторіи славянскаго права, а проф. Бодуэнь-де-Куртенэ сообщаетъ характеристику славянскихъ языковъ съ лингвистической точки зрѣнія.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, сентябрь и октябрь. — „Русское Богатство“, августъ и сентябрь. — „Міръ Божій“, октябрь.

Въ сентябрѣ *Вѣстника Европы* законченъ романъ г. Новикова *По закону*. Романъ этотъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Правда, авторъ обнаруживаетъ большую неопытность, и начало его произведенія возбуждаетъ даже достаточную скуку, потому что тутъ онъ безъ всякой нужды и весьма длинно рассказываетъ біографіи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которымъ впослѣдствіи придется фигурировать въ его романѣ; правда, и дальше романъ этотъ непотѣрно разстануть, потому что какъ въ срединѣ его, такъ и въ концѣ встрѣчаются сцены совершенно излишнія, и тѣмъ не менѣе отъ этого романа вѣетъ жизнью, мѣстами онъ производитъ сильное впечатлѣніе, и идея, положенная въ его основаніе, заслуживаетъ вниманія.

Содержаніе романа не отличается сложностью. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ. Крестьянская дѣвушка Маша еще съ дѣтства облюбовала себѣ жениха, также крестьянскаго мальчика Сергѣя Ермакова, который, тоже съ дѣтства, привыкъ видѣть въ ней невѣсту. Взаимная склонность Маши и Сергѣя продолжалась во все время пребыванія обоихъ въ школѣ, гдѣ они вмѣстѣ учились, а также и послѣ школы, когда оба изъ дѣтей превратились въ настоящихъ, взрослыхъ людей. Одаренная сильной волей, душевной прямою, искренностью и горячей натурой, Маша непреклонна въ своемъ чувствѣ и добивается своего: несмотря на то, что ея отецъ богатый человѣкъ, и ему не къ лицу родниться съ бѣдняками Ермаковыми, онъ не могъ устоять противъ упорнаго желанія дочери выйти замужъ за Сергѣя и, наконецъ, даетъ согласіе на этотъ бракъ. Но судьба сулила Машѣ иное. Случилось, что отецъ Сергѣя утащилъ у мѣстной помѣщицы Ардальоновой охапку мякины. Въ этомъ обвиненаго ничего не было, потому что до сихъ поръ утащить что-нибудь у Ардальоновой не считалось на селѣ грѣхомъ; однако на бѣду помѣщица рѣшила преслѣдовать часто повторявшіеся кражи, и первой жертвой оказался отецъ Сергѣя, попавшійся съ мякиной. Дѣло доведено было до земскаго начальника, и укравшій мякину былъ *по закону* приговоренъ къ тюремному заключенію на полтора мѣсяца, причемъ односельчане стали величать его острожникомъ. Понятно, что послѣ такого приключенія отцу Маши было совсѣмъ уже зазорно взять въ зятя сына острожника, и онъ *по закону* же и на правахъ отца отдалъ дочь противъ ея воли за Кирилла Климачева, тупого, безличнаго и безсердечнаго малаго. Начинается горькая жизнь Маши. Надъ ней измывается свекровь, ее бьетъ и тиранитъ мужъ. Маша вступаетъ въ связь со своимъ бывшимъ женихомъ, потомъ уходитъ отъ мужа, поступаетъ въ работницы къ священнику за 20 вер. отъ родного села, но ея разыскиваютъ и насильно возвращаютъ назадъ. А тѣмъ временемъ рѣшается участь Сергѣя Ермакова: въ селѣ за короткій промежутокъ времени былъ произведенъ рядъ крупныхъ кражъ и, наконецъ, кѣмъ-то былъ совершенъ поджогъ. И вдругъ неожиданно-негаданно ни въ чемъ неповинный Сергѣй Ермаковъ оказался въ глазахъ односельчанъ и воромъ, и поджигателемъ. Конечно, тутъ повліялъ главнымъ образомъ романъ Сергѣя съ Машей и его вражда съ ея отцомъ—деревенскимъ богатѣемъ, припомнилось также и то, что его отецъ острожникъ; какъ бы то ни было, а произошелъ конецъ, весьма типичный для царства деревенской темноты и невѣжества. Изъ

пустячныхъ догадокъ и ни на чемъ не основанныхъ подозрѣній создавалась сплетня, а изъ сплетни родились улики, и Сергѣй Ермаковъ былъ признанъ негоднымъ, воромъ и вообще вреднымъ человѣкомъ, котораго въ селѣ терпѣть было нельзя. Былъ созванъ сходъ и въ присутствіи земскаго начальника составленъ опять-таки *по закону* приговоръ, по которому Сергѣй Ермаковъ ссылался въ Сибирь. Эта жестокость сильно подѣйствовала на Машу, но теперь ей ужъ ничего не оставалось, какъ смириться. Ее мучила тяжелая болѣзнь—результатъ ея печальной судьбы и замужней жизни, и дни ея были уже сочтены. Не спасли ее ни раскаяніе отца, ни родившаяся незадолго передъ тѣмъ дочка. Сергѣй Ермаковъ умеръ въ Сибири отъ горячки; немногимъ пережила его и Маша, которая до послѣднихъ минутъ своего жалкаго и безотраднaго существованія постоянно думала и вспоминала о немъ.

Повторяемъ, романъ растянуть мѣстами до-нельзя, въ немъ много лишняго и совсѣмъ неудачнаго, вродѣ, напримѣръ, устарѣлаго приѣма изображенія дѣйствія при помощи писемъ персонажей другъ къ другу, который нарушаетъ всякую иллюзію, и тѣмъ не менѣе все это можно простить автору за рядъ сценъ правдивыхъ и жизненныхъ и за столь же правдивое и жизненное изображеніе многихъ дѣйствующихъ лицъ. Представители нашей деревни, мужики и бабы, смотрятъ какъ живые на читателя со страницъ романа. Маша особенно удалась автору, и почти всѣ сцены, гдѣ она участвуетъ, хороши. Читая повѣсть ея страданія и ея борьбы съ окружающими условіями, читатель сочувствуетъ ей, какъ человѣку, котораго лично знаетъ и видѣлъ еще на дняхъ, и который возбудилъ въ немъ безконечную жалость и состраданіе. И какъ просто многое изъ рассказаннаго о Машѣ! Возобновленіе, на-примѣръ, ея отношеній къ Сергѣю Ермакову послѣ ея свадьбы и связь ея съ нимъ не только не является чѣмъ-то неожиданнымъ при всей нравственной чистотѣ Маши, но представляется вполне естественной. А исповѣдь Маши или сцена примиренія Маши съ отцомъ—какъ вѣрны и какъ и трогательны онѣ! Но далеко не одна Маша обрисована авторомъ хорошо. Неудачникъ Сергѣй—также живая фигура. Его честность, его покорность судьбѣ, его наивности, его доброта и семейственность хорошо очерчены г. Новиковымъ. Не менѣе выразителенъ и отецъ Маши—натура сильная, съ большою волей, и въ то же время столько же непосредственная, сколько полная предрасудковъ, причемъ все это вмѣстѣ взятое весьма близко граничитъ съ самодурствомъ. Ехидная свекровь Маши, ея тупой мужъ съ инстинктами дикаря и животнаго, далѣе земскій начальникъ, постоянно прикрывающій буквою закона свою собственную лѣнь и инертность, мать Ермакова и другія лица охарактеризованы удачно. Остается такимъ образомъ только небольшая группа—помѣщицы и ея окружающихъ, съ которыми авторъ возится неимоверно долго, и которыя тѣмъ не менѣе вышли совсѣмъ блѣдными и невыясненными, такъ что читатель то и дѣло недоумѣваетъ передъ тѣмъ или инымъ ихъ поведеніемъ и задается неразрѣшимыми вопросами относительно того, что же такое представляетъ изъ себя помѣщикъ Ардальоновъ, что должна знаменовать собой Елизавета Николаевна въ ея домѣ, и почему такимъ двойственнымъ характеромъ отличается сынъ Ардальоновой и т. д. и т. д.

Но, какъ понимаетъ читатель изъ нашего разбора романа г. Новикова и какъ мы уже говорили, всѣ эти промахи противъ законовъ художественности, хотя весьма крупны, но однако не мѣша-

ютъ произведенію быть содержательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мысль автора проведена ясно и опредѣленно, и мысль эта, правда, не новая, все же очень любопытна и освѣщена съ новой стороны. Казалось бы все, что дѣлается въ изображаемомъ г. Новиковымъ селѣ, дѣлается самымъ строгимъ образомъ *по закону*, а между тѣмъ налицо передъ читателемъ одно беззаконіе. Беззаконіе это отнюдь не выдуманно авторомъ, не заключаетъ въ себѣ чего-либо невѣроятнаго, наоборотъ, оно прямо вытекаетъ изъ нарисованной имъ жизни нашей деревни и вполне согласуется съ характеромъ и міросозерцаніемъ выведенныхъ имъ лицъ. Темнота, непросвѣщенность и полная стихійность, съ одной стороны, и полная же беззачетность крестьянской личности, лишенной всякой свободы и самостоятельности, съ другой — истинныя причины этого беззаконія. Всякій законъ долженъ имѣть своихъ толкователей и свое толкованіе, всякій законъ, когда онъ примѣняется къ тѣмъ или инымъ условіямъ, долженъ быть, прежде всего, понятъ надлежащимъ образомъ, а въ деревнѣ, этомъ царствѣ темныхъ людей, онъ именно не можетъ быть понятъ, и потому сплошь да рядомъ получается беззаконіе, несправедливое, а иногда и дикое. Жизнь, сверхъ того, идетъ впередъ, видоизмѣняется, почему сознательное отношеніе къ закону должно имѣть особенно важное значеніе. Безграничность отцовскаго права относительно дѣтей, безапелляціонность всякаго рѣшенія мірскаго схода и его правъ надъ отдѣльною личностью, даже все, что затрогивается въ романѣ г. Новикова въ этомъ родѣ, конечно, имѣетъ свои законныя основанія, но нельзя же забывать, что эти законныя основанія выработаны съ давнихъ временъ и въ настоящіе дни, сообразно съ новыми условіями, требуютъ очень внимательнаго къ себѣ отношенія и очень осторожнаго съ собой обращенія. И деревенской жизни съ этой точки зрѣнія можно пожелать весьма многого и въ будущемъ, что и хочетъ сказать г. Новиковъ.

Да, многого, очень многого нужно пожелать нашей деревнѣ въ смыслѣ хотя бы самыхъ элементарныхъ улучшеній ея быта, и въ этомъ насъ убѣждаетъ, кромѣ г. Новикова, и г. Бѣлоконскій своими *Деревенскими впечатлѣніями*, часть которыхъ напечатана въ августѣ *Русскаго Богатства*. Г. Бѣлоконскій довольно уже давно ведетъ свои записки земскаго статистика подъ только что выписаннымъ заглавіемъ, которыя помѣщались въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, а затѣмъ вышли отдѣльной книжкой. Много въ *Деревенскихъ впечатлѣніяхъ* г. Бѣлоконскаго невеселой правды, хотя при чтеніи ихъ улыбка и часто появляется на лицѣ: авторъ умѣетъ подмѣтить смѣшную сторону затрогиваемыхъ имъ явленій, но тѣмъ не менѣе къ нимъ, въ изображеніи г. Бѣлоконскаго, вполне примѣнимы слова: „все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“. Тѣ картинки *Деревенскихъ впечатлѣній*, которыя помѣщены въ августѣ *Русскаго Богатства*, правдивы и жизнены не менѣе имъ предшествовавшихъ. Такова, напримѣръ, картинка, озаглавленная *Въ 20-ти верстахъ отъ цивилизации*. Здѣсь извозчикъ Гаврила рассказываетъ сѣдоку, т.-е. самому автору, свою тревогу относительно рѣшенія его односельчанъ построить училище: онъ не звалъ, „то ли къ лучшему, то ли къ худшему“ состоялось это рѣшеніе. Авторъ выражаетъ недоумѣніе, почему же къ худшему, и тогда Гаврила въ очень характерномъ для него разсказѣ излагаетъ до конца свои размышленія. Въ то время,—по его словамъ,—какъ рѣшено было построить училище, и рѣшившіе „запивали приговоръ“, въ кабакъ, „глядь, приходитъ человекъ: полъ—не полъ, чернецъ—не чернецъ, а такъ тоже съ гривою и въ брилѣ, а за сдѣ-

ною вѣтомочки". Оказалось, что человѣкъ этотъ отправляется изъ Свѣнскаго монастыря на Аоонъ. Онъ не отказался выпить, а когда узналъ, по какому случаю производится выпивка, поспѣшилъ довести до свѣдѣнія собравшихся въ кабакъ, что на „Аеоонъ-гору басурманы напали съ языками многими, и ежели Расея помощи не окажетъ, басурманъ съ языками ту Аеоонъ-гору возьметъ, надъ церквами надруганіе сдѣлаетъ, а святителей и всѣхъ угодниковъ Божіихъ въ Кіянъ-море съ горы спуститъ". Это говорилось, разумѣется, для того, чтобы заключить: „вотъ куда денежки надо давать, а училище—смутьянство одно". Но этого мало, пришедшій человѣчекъ старался быть какъ можно убѣдительнѣе, и потому внушалъ, что когда „понастроятъ училищъ, понадѣлаютъ въ нихъ грамотѣевъ", то „всѣхъ до чиста возьмутъ по писарской части, чтобы то-есть души считать, а потомъ того всю до чиста землю поотберутъ, и крестьянству, значить, шаб-ба-ашъ". Человѣчекъ, конечно, взбудоражилъ компанію, благо она была дѣтски невинна по части всего, что выходитъ изъ предѣловъ ея ежедневнаго обихода, и явившіяся сомнѣнія были, очевидно, настолько серьезны, что Гаврила, находившійся среди компаніи, рѣшается обратиться къ неизвѣстному сѣдоку со своимъ вопросомъ объ училищѣ, почти тотчасъ послѣ того, какъ тотъ сѣлъ на его повозку. Печего и говорить, что будь Гаврила, какъ и всѣ мужики изъ одной съ нимъ деревни, хоть чуть попростѣнниѣй, онъ могъ бы оцѣнить по достоинству вранье „человѣчка". Но невѣжество Гаврилы идетъ еще дальше, и онъ еще больше обнаруживаетъ свою темноту при дальнѣйшемъ разговорѣ. Когда его сѣдокъ началъ увѣрять его, что „человѣчекъ" „все навралъ" и „земли отбирать не будутъ", тотъ же Гаврила сразу переходитъ къ оптимистической надеждѣ, что „можетъ статься, и надбавочка будетъ". На чемъ основано было съ его стороны подобное предположеніе? Нужно быть именно Гаврилой или ему подобнымъ, т.-е. стоять на самой низкой степени умственнаго развитія, чтобы вѣрить въ „человѣчковъ" съ Аеоона и въ то же время такъ быстро, подъ вліяніемъ первой новой встрѣчи, сразу измѣнить этой вѣрѣ. А вотъ и другой примѣръ опять изъ тѣхъ же *Деревенскихъ впечатлѣній*. Г. Бѣлоконскому по дорогѣ встрѣтилась нищая баба, которая, желая узнать что-нибудь о своемъ сынѣ солдатѣ, а также дать ему и о себѣ какую-нибудь вѣсть, для этой цѣли прибѣгаетъ, между прочимъ, къ слѣдующему средству: она становится у телеграфнаго столба, воетъ и что-то приговариваетъ, такъ какъ убѣждена, что сынъ услышитъ ее, и когда у нея спрашиваютъ объясненія такого ея поведенія, она отвѣчаетъ: „бабы сказывали, ежели къ столбамъ-то этимъ подойдешь и ухо приложишь, и ежели гудѣтъ, съ кѣмъ тошъ разговаривай,—все услышитъ".

Кажется, лучшей иллюстраціи самаго первобытнаго состоянія обитателей и обитательницъ нашей захолустной деревни и придумать невозможно. Но слѣдуетъ остановиться и на третьемъ образчикѣ стихійнаго существованія этихъ послѣднихъ. Г. Бѣлоконскому по обстоятельству пришлось разговаривать съ однимъ николаевскимъ солдатомъ и, между прочимъ, разговоръ коснулся религіи, причемъ произошелъ слѣдующій діалогъ: „А зачѣмъ Христосъ на землю приходилъ?" спрашиваетъ г. Бѣлоконскій. „Объ этомъ не слыхалъ что-то", отвѣчаетъ солдатъ. „Да о Христѣ,—продолжаетъ г. Бѣлоконскій,—вы что-нибудь слыхали?" „И Богочеловѣчился и Мати Пресвятая Дѣва и вовѣки вѣковъ аминь—это намъ извѣстно", заявляетъ солдатъ. Послѣ такого діалога еще и еще разъ хочется пожелать нашей деревнѣ всякихъ

улучшеній ея жизни, а главное, просвѣщенія, которое бы разсѣяло мракъ народнаго міросозерцанія.

Новые запросы, новый духъ и задачи временами безспорно проникаютъ въ деревню, но деревня все еще остается при старыхъ взглядахъ на вещи, все еще продолжаетъ пробавляться стародавними традиціями, все еще пребываетъ въ первобытномъ невѣжествѣ, и въ результатѣ получается диссонансъ и дисгармонія, ведущая къ драматическому рождѣ описанной г. Новиковымъ. Между тѣмъ жизнь идетъ быстро, не останавливаясь; городской и столичный человѣкъ на протяженіи одной своей жизни мѣняется нѣсколько разъ подъ вліяніемъ мѣняющихся общественныхъ вѣяній, и тѣмъ болѣе жутко становится за нашу деревню.

Что касается до постоянныхъ перемѣнъ, совершающихся какъ съ отдѣльными личностями, такъ и съ общественными настроеніями, то на этотъ счетъ въ послѣднихъ книгахъ журналовъ есть нѣсколько разсказовъ. Таковы разсказы: *Встрѣча* г-жи В. И. Б.—ной въ сентябрѣ *Вѣстника Европы*, *Елена Николаевна* г-жи Томашевской въ октябрѣ *Вѣстника Европы* и *Мятежъ* г. А. Вергежскаго въ сентябрѣ *Русскаго Богатства*.

15 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сергій Николаевичъ и Наталья Алексѣевна, герой и героиня разсказа *Встрѣча*, видѣлись въ послѣдній разъ. Сергій Николаевичъ былъ тогда учителемъ Натальи Алексѣевны; онъ горячо вѣрилъ въ науку, желалъ добра ближнимъ, искренне увлекался всѣмъ прекраснымъ, и его уроки носили на себѣ слѣды этой вѣры и этихъ желаній и этого увлеченія; она была хотя даровитой впечатлительной и умной ученицей, но никогда не отличалась покорностью и прилежаніемъ, любила подразнить его, и когда онъ называлъ ее за нѣкоторыя выходки пустой и кисейной барышней, она не оставалась въ долгу и также начинала подразнивать его, давая ему соотвѣтствующіе эпитеты, вродѣ, напримѣръ, фразѣра. Прошло 15 лѣтъ. Изъ живого отзывчиваго человѣка онъ превратился въ чиновника, въ ближайшемъ будущемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, нашедшаго себѣ тихую пристань; она же, наоборотъ, взялась за работу: въ своей деревнѣ она завела школу и удовлетворялась сознаніемъ, что „внесла въ жизнь ребятишекъ хоть немного свѣта“. Роль, такимъ образомъ, перемѣнились: свѣтская барышня стала убѣжденнымъ дѣятелемъ, а краснорѣчивый проповѣдникъ и прогрессистъ занялся мирнымъ прозябаніемъ. То, что было, совсѣмъ перестало походить на то, что стало.

Другой образчикъ. Елена Николаевна—въ разсказѣ того же заглавія, помѣщенномъ въ октябрѣ *Вѣстника Европы*—когда-то производила впечатлѣніе гордой и энергичной дѣвушки, которая смѣло вышла на борьбу съ жизнью, держалась независимо и желала служить правдѣ, только одной правдѣ. Ея дѣятельность кигѣла, повидимому, на пользу ближняго; повидимому, всякая забота о себѣ была ей чужда, и пренебреженіе интересами ближняго возмущало ее. Временами однако она продолжала ничѣмъ не объяснимыя странности и любила, чтобы передъ ней преклонялись, но это всѣ объясняли ея недюжинной и своевольной натурой. Во всякомъ случаѣ, на всѣхъ окружающихъ она производила сильное впечатлѣніе, и всѣ интересовались ею. Но прошло болѣе 10 лѣтъ. Авторъ разсказа, г-жа Томашевская, попалъ какъ-то въ Петербургъ, узнаетъ отъ своего стариннаго знакомаго, что другой ея знакомый тяжело боленъ и крайне нуждается. Между тѣмъ, какъ оказывается, Елена Николаевна должна ему. Г-жа Томашевская тогда вызвалась побывать у этой послѣдней и убѣдилась, что когда-то очень

бѣдствовавшая Елена Николаевна вышла замужъ за извѣстнаго адвоката Перелыгина, ходитъ въ дорогихъ шелковыхъ платьяхъ и превратилась изъ зазорной народницы въ свѣтскую даму, принимающую участіе въ благотворительныхъ базарахъ, подносящую адреса отъ русскихъ женщинъ разнымъ знаменитостямъ и т. д.

Въ довершеніе всего Елена Николаевна передъ г-жей Томашевской объявила себя марксисткой, а о цѣли ея посѣщенія, т.-е. о своемъ долѣ, отозвалась такъ: „Ну, знаете ли, моя дорогая, тогда было такое время, что трудно было разобрать, кто кому долженъ“. Итакъ, на глазахъ читателя опять превращеніе, и прошедшее опять очень мало напоминаетъ собой настоящее.

Только что указанные два превращенія за послѣднее время, благодаря все осложняющейся и осложняющейся жизни, являются довольно обыкновенными и представляютъ собой общія мѣста, хотя авторы, занимающіеся воспроизведеніемъ этихъ превращеній, поступаютъ вполне основательно: во всякомъ случаѣ разсматриваемыя превращенія поучительны, какъ ни мало они отражаются на судьбѣ всего общества. Бываютъ однако метаморфозы поглубже и посерьезнѣе, и эти послѣднія наводятъ на очень грустныя мысли. Казалось бы, матери, одушевленной самыми лучшими, честными убѣжденіями и имѣющей самое свѣтлое міросозерцаніе, естественно увидать въ своемъ сынѣ, котораго она старалась воспитать сообразно собственному символу вѣры, полезнаго дѣятеля и твердаго поборника правды, а между тѣмъ, вслѣдствіе новыхъ жизненныхъ теченій и настроеній, изъ этого самаго сына выходить негодяй, мечтающій только о томъ, чтобы разбогатѣть какъ можно скорѣе и попользоваться земными благами и ради осуществленія этой мечты проигравшій на биржѣ 30 тысячъ общественныхъ денегъ. Такая именно метаморфоза описана въ разсказѣ г. А. Вергежскаго, названномъ *Метель* и помѣщенномъ въ сентябрѣ *Русскаго Богатства*. Любопытно, что этотъ сынъ, до послѣднихъ классовъ гимназіи остававшійся вѣрнымъ традиціямъ матери, а въ послѣднихъ классахъ и главнымъ образомъ въ университетѣ, котораго онъ не кончилъ, все болѣе и болѣе замѣнявшійся, вовсе не случайно остряхиваетъ съ себя старое и направляется по новой дорогѣ. Не избалованностью однако, и не естественными въ молодые годы увлеченіями всякими соблазнами приходится объяснять эту метаморфозу: имъ руководитъ сознательное отношеніе къ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, когда мать, желая, чтобы сынъ пошелъ по стопамъ рано умершаго отца и посвятилъ себя выборной службѣ, уговариваетъ его въ этомъ направленіи, сынъ возражаетъ: „вѣдь теперь, мама, земство не то, что было раньше. И теперь Россіи нужны практики, дѣльцы“. Изъ молодого человѣка практика всетаки не вышло, но онъ, очевидно, сдѣлалъ много шаговъ по пути къ этому, потому что въ минуту опасности у него оказался фальшивый паспортъ, чтобы убѣжать тайкомъ въ метель въ Америку, оставивъ обманутую женщину, у которой уже былъ отъ него ребенокъ. Такъ властвуетъ надъ людьми жизнь, все осложняющаяся и осложняющаяся, коверкающая и ломающая все, что только попадется; воспитаніе и руководство даже просвѣщенной и горячо любящей матери оказываются безсильными въ борьбѣ съ ней. Разсказъ г. Вергежскаго задуманъ интересно и написанъ правдиво и тепло, а фигуры матери и сына вышли жизненными. При всей своей порочности, сынъ отнюдь не вышелъ у него завзятымъ злодѣемъ и, наоборотъ, обнаруживаетъ раскаяніе и вообще способенъ проявить очень нѣжныя чувства.

Разсказъ г. Мельшина въ томъ же сентябрѣ *Русскаго Богатства*, озаглавленный *Пасынки жизни*, также интересенъ въ смыслѣ изображенія того, какъ коверкають и калѣчатъ живыхъ людей тѣ же условія современной жестокой жизни. Въ разсказѣ выводится на сцену почтово-телеграфная контора со всѣми служащими въ ней. Героємъ разсказа является помощникъ почтмейстера, Максименко, который около 20 лѣтъ ревностно исполняетъ службу, начавъ ее съ должности почтальона, который изучилъ всѣ тонкости ея, отдавая ей все свое время и силы, и который кончилъ тѣмъ, что, измученный и истощенный, схватилъ воспаленіе легкихъ, долго не поправлялся и, проживъ во время болѣзни всѣ свои крохи, умеръ отъ чахотки. Передъ смертью онъ приходитъ къ заключенію, которое выражаетъ почтамтскому чиновнику Лозанову, желающему жениться на его дочери, что такіе пасынки жизни, какъ почтамтскіе чиновники, не имѣютъ права жениться и плодить нищихъ. Старая, но въ то же время правдивая исторія! Въ разсказѣ чрезвычайно хорошо нарисована фигура вновь назначеннаго начальника конторы Дудина, этого грознаго законника и безсердечнаго эгоиста; впрочемъ, и всѣ другія лица изображены г. Мельшинымъ настолько талантливо, что безотрадная картина почтово-телеграфнаго быта получается совсѣмъ яркой.

Ярко и хорошо написанъ также разсказъ *Первое горе* г-жи Авиловой въ августѣ *Русскаго Богатства*, гдѣ автору удалось живо изобразить первое серьезное горе мальчика Гриши, которому суждено было разстаться съ большимъ своимъ пріятелемъ, кучеромъ Игнатомъ. Этотъ Игнатъ увелъ у бывшаго своего хозяина лошадь, такъ какъ тотъ не платилъ ему денегъ, его обвинили въ воровствѣ и его взялъ урядникъ. Гришѣ все это казалось жестоко несправедливымъ, и при его дѣтской непосредственности, онъ впервые горько былъ пораженъ житейской неправдой. Бесысходное горе и отчаяніе изображены и въ разсказѣ г-жи Лѣтковой въ сентябрѣ *Русскаго Богатства*, причѣмъ здѣсь авторъ рисуетъ мученія совѣсти крестьянки, которая способствовала убійству мужика, пристававшего къ ней съ ухаживаніями, а вотъ что изображено въ повѣсти г. Ромера *Сестры*,—это сказать чрезвычайно мудро.

Повѣсть *Сестры* начата въ августѣ и кончена въ сентябрѣ *Вѣстника Европы*. Всмотрѣваясь въ смыслъ повѣсти и разбираясь въ ней сколько-нибудь обстоятельно не стоитъ. Достаточно сказать, что герой повѣсти богатъ и дѣлецъ Задоровъ безъ памяти любитъ красивую жену, потомъ страстно влюбляется въ не менѣе красивую сестру ея, потомъ загорается самой пылкой страстью опять-таки къ женѣ. Эта жена долгое время безъ ума отъ мужа, а когда онъ охладѣлъ къ ней, то, желая возбудить въ немъ ревность, показываетъ видъ, что увлечена лѣснымъ приказчикомъ Иваномъ Поддужнымъ, который въ это время считался уже женихомъ, но не могъ устоять противъ оболъщенныхъ плѣнительной госпожи Задоровой. Наконецъ, сестра Задоровой до полнаго самозабвенія отдается господину Задорову и считаетъ себя отъ этого вполне счастливой. Но вотъ Поддужный ножомъ убиваетъ господжу Задорову; ея сестра уходитъ тогда въ монастырь, а Задоровъ восклицаетъ по этому поводу: „на кого же я-то останусь?!“ Итакъ, красота, похоть, ревность, любовь, убійство, монастырь—все это чудовищно сплетается въ повѣсти г. Ромера *Сестры*, и все это въ то же время представляетъ удивительную напраслину и на жизнь, и на людей. Что хотѣлъ сказать своею повѣстью авторъ, остается великой загадкой, и читатель, по прочтеніи ея, только руками разведетъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1900 г.

Абозинъ, И. Птицеводство, съ 110 рис. Слб., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
Александровскій, І. Максимъ Горь-
кій и его сочиненія. Крит. очеркъ. Киевъ,
1900 г.
Андреевичъ. Книга о Максимѣ Горь-
комъ и А. П. Чеховѣ. Слб., 1900 г.
Ц. 1 р. 50 к.
Аполлоновъ. Стихотворенія. Мо-
сква. Ц. 75 к.
Барановъ, Н. Стихотворенія 1898 и
1899 гг. Вильна, 1900 г. Ц. 25 к.
Бергсонъ, Г. Смѣхъ въ жизни и на
сценѣ. Слб., 1900 г. Ц. 75 к.
Богородицкій, В. Психологія поэ-
тического творчества. Казань, 1900 г.
Ц. 25 к.
Брюнетьеръ, Ф. Европейская ин-
теллигенція XIX в. М., 1900 г. Ц. 25 к.
Вороновъ, Н. Опытъ сравнительной
исторіи Европы. М., 1900 г. Ц. 2 р.
Вязигинъ, А. Международное право
въ средніе вѣка. Слб., 1900 г.
Глаголевъ, А. Курсъ теоретической
арифметики и сборникъ теоретическихъ
упраженій. М., 1900 г. Ц. 1 р.
Гливенко. Задачи и методы изученія
нов. языковъ въ средней школѣ. Киевъ,
1900 г.
Гёрценштейнъ, М. Реформа ипо-
течнаго кредита въ Германіи. Слб.,
1900 г.
Гефдингъ, Г. Исторія новѣйшей
философіи. Слб., 1900 г. Ц. 2 р.
Годовой отчетъ об-ва распр. св. писа-
ній въ Россіи. За 1899 г. Слб., 1900 г.
Горбуновъ-Посадовъ, И. 1) На-
родный календарь на 1901 г. Ц. 5 к.
2) Русскій сельскій календарь на 1901
годъ. М., 1900 г. Ц. 20 к.
Градовскій, А. Д. Собраніе сочи-
неній. Т. 6. Слб., 1901 г. Ц. 3 р.
Грековъ, О. Образцы обученія пись-
му. Ч. 1. Ц. 10 к. Ч. 2. Ц. 15 к. Ч.
3. Ц. 15 к. Ч. 4. Ц. 30 к. Ц. 40 к.
М., 1900 г.
Д'Аннунціо, Габріеле. Мертвыи
городъ. Джоконда. Слава Трагедія. Пер.
Ю. Вагтрушайтиса. М., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ле-Дантекъ, Ф. Ламаркизмъ и дар-
винизмъ. Пер. съ фр. подъ ред. проф.
Н. Яковлева. Изд. О. Н. Поповой Слб.,
1900 г. Ц. 75 к.
Делавиль. Элементарная грекоримская
миеологія. М., 1900 г. Ц. 60 к. въ
папкѣ.
Джефсонъ, Г. Платформа, ея возник-
новеніе и развитіе. (Исторія публичн.
митинговъ въ Англіи). Т. 1. Слб., 1901
года. Ц. 3 р.
Думы и пѣсни русскихъ поэтовъ отъ Ло-
моносова до нашихъ дней. Т. 1. М.,
1900 г. Ц. 50 к.
Дюркгеймъ, Э. О раздѣленіи обще-
ственного труда. Этюдъ объ организа-
ціи высшихъ обществъ. Одесса, 1900 г.
Ц. 1 р. 25 к.
1) Журналы Вятск. губ. земск. собранія
чрезвычайной сессіи. 1899 г. 2) Жур-
налы Вятск. губ. земск. собранія чрез-
вычайной сессіи 1900 г. 3) Журналы
Вятск. губ. земск. собранія XXXIII
очер. сессіи и приложенія къ нимъ.
Вятка, 1900 г.
Іоаннисіани, Р. Дома трудолюбія.
Тифлисъ, 1900 г. Ц. 60 к.
Какъ открывать и устраивать народные
бесплатн. библіотеки, читальни, школы,
библіотеки и народныя чтенія. Яро-
славль, 1900 г.
Кауфманъ, М. Календарь для мате-
рей и хозяекъ на 1900 г. М., 1900 г.
Ц. 30 к.
Козловскій, С. Полныя рѣшенія мно-
гими (2—6) способами арифм. задачъ
сборника И. П. Верещагина. Ч. 1.
Киевъ, 1900 г. Ц. 1 р.
Комарскій, Ф. Семейный универ-
ситетъ. Курсъ 2, VIII в. Слб., 1900 г.
Крыштофовичъ, Э. Сушеніе фрук-
товъ на солнцѣ и приготовленіе изюма.
Съ 33 рис. Слб., 1900 г. Ц. 50 к.
Кюльпе, О. Введеніе въ философію.
Пер. съ нѣм. подъ ред. П. Б. Струве.
Изд. О. Н. Поповой. Слб., 1901 г. Ц.
1 р. 25 к.
Лампертъ, К. Жизнь прѣсныхъ водъ.
Вып. X. Изд. А. Ф. Девріена Слб., 1900 г.

- Ливенсонъ.** Поединокъ въ законодательствѣ и наукѣ. Спб., 1900 г. Ц. 1 руб.
- Михайловъ, И. В.** О вліяніи окружающихъ лицъ на развитіе извѣстнаго порока въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ. М., 1900 г. Ц. 50 к.
- Монтескье.** О духѣ законовъ. Спб., 1900 г. Ц. 4 р.
- Мысловскій, М.** О новомъ паразитѣ майскаго хруща. Спб., 1900 г.
- Мюнстербергъ, Э.** Объединеніе дѣятельности благотвор. учрежденій. М., 1900 г.
- Неклепаевъ, И.** Народн. медицина въ Сургутскомъ краѣ. Спб., 1900 г.
- Нернстъ и Шёнфелисъ.** Крат. и элемент. курсъ дифференціальн. и интегральн. исчисленій для физиковъ, химиковъ и натуралистовъ. съ 70 фиг. въ текстѣ. Изд. А. П. Невашева. М., 1900 г. Ц. 2 р.
- Основанія высшей математики. Съ 70 черт. М., 1900 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Обзоръ дѣят. Харьк. об-ва распр. въ народѣ грамотности за 1894—1899 гг. Харьковъ.**
- Отчетъ о дѣят. об-ва для содѣйствія нар. образованію и распр. полезныхъ знаній въ Яросл. губ. Ярославль, 1900 года.**
- Отчетъ о спеціальн. вечернихъ курсахъ для служащихъ на юго-западн. жел. дорогахъ за 1899—1900 уч. годъ. Кіевъ, 1900 г.**
- Отчетъ московск. об-ва содѣйствія устроению общеобразов. народн. развлеченій за 1899—1900 г. М., 1900 г.**
- Отчетъ об-ва для распр. просвѣщенія между евреями въ Россіи. За 1899 г. XXXVI годъ. Спб., 1900 г.**
- Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ за 1898 г. Спб., 1900 г.**
- Позняковъ, Д.** Буря и англичане передъ судомъ современной обществ. науки. (публичная лекція). Борисоглѣбскъ, 1900 г.
- Покровская, М.** Воспитаніе здоровыхъ привычекъ. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.
- „Посредникъ“** 1) Оракулъ. Ц. 1½ к. 2) Олень съ золотымъ обручемъ. Ц. 1½ к. 3) Красота и смерть. Ц. 1½ к. 4) Мать. Ц. 1½ к. 5) Мухрець Солонъ. Ц. 1½ к. 6) Гибель корабля. Ц. 1½ к. 7) Воровская шайка. Ц. 25 к. 3) Какъ Хивинцы ведутъ полевое хозяйство на своихъ безводныхъ земляхъ. Ц. 12 к. 9) У англичанъ въ городѣ и деревнѣ. Ц. 20 к. М., 1900 г.
- Праздниковъ, А.** Дурная болѣзнь. Вятка, 1900 г. Ц. 5 к.
- Рахмановъ.** О томъ какъ надо жить, чтобы быть здоровымъ. М., 1900 г. Ц. 35 к.
- Россія.** Полн. геогр. описаніе нашего отечства. Подъ ред. В. П. Семенова. Т. III. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 90 к.
- Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи.** Вып. III. М., 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растений на Кавказѣ.** Вып. V. Тифлисъ, 1900 г.
- Сборникъ статист. свѣдѣній по Уфимской губ. Уфа, 1900 г. Ц. 50 к.**
- Сельско-хоз. обзоръ Вятск. губ. за 1900 г. (годъ 9-й).** Вып. I. Вятка, 1900 г.
- Сербскій, Вл.** Судебная психопатология. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Скальковский, К.** Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностр. державъ. Спб., 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Смирновъ, К.** Курсъ педагогики. Ч. 1 и 2. М. 1900 г. Ц. 60 к. за каждую часть.
- Советовъ, А. и Адамовъ, Н.** Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Вып. 13-й. Спб., 1900 г.
- Стенографическій отчетъ засѣданій очеред. Тверск. губ. земск. собранія, сессія 1899 г. Тверь, 1900 г.**
- Степовичъ, А.** Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Ч. 5. Кіевъ, 1900 г.
- Трачевскій, А.** Учебникъ древней исторіи. Спб., Ц. 1 р. 50к.
- Тѣнь, И. Титъ Ливій.** Крат. изслѣдованіе. Изд. К. Т. Соддатенкова. М., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тюринъ, Вл.** Нѣсколько словъ о новыхъ экспонатахъ. Спб., 1900 г.
- Флеровъ, Е.** Распорядительныя собранія всероссійскихъ Пироговскихъ съѣздовъ. Харьковъ, 1900 г. Ц. 35 к.
- Фуртъе и Мольтени.** Научная демонстрація при помощи волшебнаго фонаря. М., 1900 г. Ц. 1 р.
- Холодковский и Силантьевъ.** Птицы Европы, съ атласомъ европейскихъ птицъ. Вып. 9. Изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1900 г. Подл. д. за 10 вып. 14 р.
- Челпановъ.** 1) Мозгъ и душа. Ц. 1 р. 50 к. 2) О памяти и мнемоникѣ. Спб., 1900 г.
- Шевченко, Т.** Малый Кобзарь. Черкасск. 1900 г. Ц. 5 к.
- Schaeffer, O.** Новѣйшіе способы леченія острыхъ и хроническихъ метроррагій. Казань, 1901 г. Ц. 50 к.
- Щетининъ, В.** Около жизни. Рассказы, очерки и наброски. М., 1900 г. Ц. 1 р.
- Юрьинъ.** Чужая жизнь. Рассказы. Спб., Ц. 1 р.
- 1900 годъ въ сельскохоз. хозяйствѣ отомени по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. 1, 2, 3. Спб., 1900 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Нячужные міра сего“. <i>Т. Щенкиной-Куперникъ</i> . — „Самѣтные люди“. <i>Ея же</i> . — „Родныя картинки“. <i>Ис. Назмикина</i> . — „Викъ“. <i>Юрникъ</i> . — „Повѣсти и оповѣданія“. <i>И. Левицкаго</i> . — „Иллюстрированный сборникъ кievскаго литературно-артистическаго общества“. — „Голоса мертвыхъ“. <i>Иманъ. Е. де-Вонъ</i> . — „Женское движеніе“. <i>Марс. Прего</i> . — „Борьба и любовь. Жизнь и произведенія Ады Негра“. <i>А. Н. Е—ва</i> . — „Жертвы любви“. Романъ. <i>р. Конне</i> . — „Мертвый городъ. Джіоконда. Слава“. Трагедія <i>Габріале д'Анжун-о</i> . — „Разказы“ <i>Петра Розеттера</i> . („Новая библ.“ <i>Русской Мысли</i>).	407
Публицистика: „Въ память женщины-врача Е. П. Серебrenникова“ . Литературный сборникъ. — „Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ“. Вып. XI. — „Отчетъ казанскаго вѣстнаго управленія и подвѣдомственныхъ ему комитетовъ россійскаго общества Краснаго Креста“ за 1899 г. — „Даровыя столовыя аккерманскаго земства“. <i>ил. П.</i> — „Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ“. По книгѣ <i>Г. Гамзена</i> („Новая библ.“ <i>Русской Мысли</i>).	416
Философія, психологія, педагогика: „Вольтеръ“. Шесть лекцій. <i>Фр. Дас. Штрауса</i> . — „Le rire“. <i>Essai sur la signification du comique. Henri Bergson</i> . — „Грѣхи и нужды нашей средней школы“. <i>Е. Маркова</i> . — „О преподаваніи русскаго языка“. <i>В. А. Боюродникаю</i>	420
Исторія, исторія литературы: „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. академіи наукъ“. Т. V, кн. I. — „Рабство въ древней Ригѣ“. („Новая библ.“ <i>Русской Мысли</i>).	423
Географія: „Окраины Россіи“. Подъ ред. <i>П. П. Семенова</i>	425
Искусство: „Русскія народныя картинки“. Собр. <i>Д. Ровинскаго</i>	426
Политическая экономія: „Обзоръ Россіи въ дорожномъ отношеніи“. <i>В. Мейера</i> . — „Исполнѣніе вѣмецкой промышленности“. („Новая библ.“ <i>Русской Мысли</i>).	426
Сельское хозяйство: „О климатѣ и погодѣ“. <i>П. И. Броунова</i> . — „Мысли о развитіи сельско-хозяйственной промышленности“. <i>Д. И. Менделѣева</i> . — „Экономическія основы земледѣлія“. <i>А. И. Скворцова</i> . — „Сельское хозяйство въ первоначальной полусѣ Россіи“. <i>П. Р. Слезкина</i> . — „Низшія земледѣльческія и сельско-хозяйственныя школы въ Германіи“. <i>В. А. Бекетова</i> . (Вып. V сборника изданій по сельско-хоз. образ.) — „Природа песковъ и ихъ объясненіе“. <i>А. Колесова</i>	428
Медицина: „Лимфатизмы“. Патологическо-анатомическо-клиническіе изслѣдов. <i>В. А. Опшеля</i> . — „Бугорчатка, какъ народная бѣдѣ и общественная борьба съ нею“. <i>Л. О. Гуревича</i>	430

Учебники, книги для дѣтей: „Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій“. Сост. А. Пастереръ. Курсъ 2-го и 3-го классовъ.—„Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній“. Состав. Гросмичъ.—„Матеріалы для изложеній и сочиненій ученикамъ начальныхъ и двухклассныхъ училищъ“.—„Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій“. Сост. С. Гречушкинъ.—„Школа жизни великаго юмориста“ Третья повѣсть изъ біограф. трилогіи „Ученническіе годы Гоголя“. В. П. Асенаріуса.—„Сборникъ задачъ по анализу бесконечно-малыхъ“. Ч. I. Ф. Френе	432
Справочныя книги: „Энциклопедическій словарь“. Брокгаузъ и Ефрона, Т. XXX.	434

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, сентябрь и октябрь.—„Русское Богатство“, августъ и сентябрь.—„Міръ Божій“, октябрь.	436
--	-----

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1900 г.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ журнала „Русская Мысль“,

находящіяся въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли».

Москва, Б. Никитская, Леонтьевскій пер., д. 2.

Библіотека „Русской Мысли“.

I. Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к. II. Ремезовъ, М. Н. Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к. III. Альбовъ, М. Н. Юбилей. Не совсѣмъ обыкновенная исторія. Ц. 1 р. IV. Варанцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р. V. Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комитета. Министерствъ Народн. Просв. допущена въ народныхъ библіотекъ и читальни. VI. Ремезовъ, М. Н. Іудей и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к. VII. Немировичъ - Данченко, Вл. И. Драма за сценой. Ц. 1 р. VIII. Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Особымъ отдѣломъ Учен.	Ком. Мин. Нар. Просв. эта книга допущена въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни. IX. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охотнымъ брови. Ц. 1 р. X. Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к. XI. Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к. XII. Ожешкова, Элиза. Падша Рова. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. XIII. Ремезовъ, М. Н. По Штумберге. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к. XIV. Ремезовъ, М. Н. Византія и Византійцы коня X вѣка. Ц. 50 к. XV. Ремезовъ, М. Н. Эпиграмы византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(подъ редакціей Е. А. Тимирязева и В. А. Голышева).

I. Нассе и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 коп. II. Перс. Умственное воспитаніе ребенка въ колыбели. Ц. 60 к. III. Дюкло. Пастёръ. Исслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. IV. Бартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 р. V. Гауптъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к. VI. Погожева. Шериданъ. Школа москвитинъ. Біографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ учеб-	ныческія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв. VII. Гиро, П., проф. Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни. VIII. Дюкло. Пастёръ. Заразные болѣзни. Ц. 40 к. IX. Галле, Андре. Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к. X. Берглю. Наука и нравственность. Ц. 60 к. XI. Геккель. Натурализмъ подъ тропиками. Ц. 60 к. XII. Делажъ. Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писарахъ. Ц. 1 р. 50 к. Вобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р. Вурже, Поль. Трагическая идиллія. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.	Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р. Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тараскогъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарена). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Его же. Маленькій приходъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Тиражъ 1000 экз. Издано въ 1900 г.

Женкина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, м-ше Афонсы Доде, Пардо Базанъ, Лару Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собрание сочинений въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библи. среди учебн. заведений мужск. и женск. Ц. за I вып. 50 к., за II и III вып. по 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Ц. 30 к. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Ц. 30 к.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклатный казакъ. Жиль. Бѣлая Панна. Химелеонъ. Песнистка. Холеpa. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милуковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и рассказы. Томъ I: Сѣренькая идилия. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II: Ни влочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 к. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотворений русскихъ поэтовъ. Ц. 2 р.

Ремезовъ, М. Н. (М. Анютинъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Генрихъ. Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Повѣдка въ Ассири. Янко музыкантъ. Старый слуга. Галя. У источника. Идилія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя библиотеки и читальни.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Писма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима.

Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комит.

Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальн.

— Семья Полавецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ времени Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, Ц. изд. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закрытъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Юноша, Клеменсъ. Свизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 3-е издан. Ц. 1 1/2 к. Особ. отд. Учен. Комит. Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для безплатныхъ народныхъ читальнъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1 1/2 к.

Сенкевичъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 1/2 к.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-о изд. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 коп.

Списокъ книгъ для народныхъ библиотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Сенкевичъ. Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 коп.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Новая библиотека „Русской Мысли“.

Китай и китайцы. 135 стр. съ картой). Ц. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Башка. 56 стр. Ц. 10 к.

Эртель, А. И. Офицерша. Подъ шумъ вьюги. 77 стр. Ц. 15 к.

Розеггеръ, Петръ. Рассказы. 95 стр. Ц. 15 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. 92 стр. Ц. 20 к.

Работство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. 10 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

ПОТВЕРЖА ПОДПИСКА

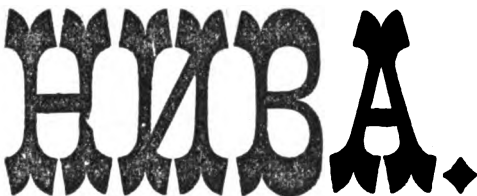
НА 1901 ГОДЪ

(32-й годъ изданія)

и еженедѣльный иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложеніями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1901 года:

2 №№

художественно-литературнаго журнала „НИВА“ (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въ номерахъ журнала, между прочимъ, появляются: 1) еще нигдѣ не напечатанныя посмертныя произведенія

В. ГРИГОРОВИЧА: „Очерки Венеціи“ и „Изъ записной книжки“ (характеристика выдающихся современн. русскихъ дѣателей и анекдоты изъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ, картъ и пр. подъ заглавіемъ:

XIX ВѢКЪ. Эти статьи дадутъ читателю полную картину жизни истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ.

4 ТОМА

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО,

ПОЛН. СОБРАНІЯ

СОЧИНЕНІЙ

портретомъ, факсимиле и биографическ. очеркомъ. — Полное собраніе соч. Г. П. Данилевскаго, стоящее въ отдѣльной продажѣ 15 руб., будетъ отпечатано на хорошо извѣстной бумагѣ и будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе одного 1901 года подъ заглавіемъ „Сборника Нивы“, въ 24 томахъ — по два тома въ мѣсяцъ, такъ что „Сборникъ Нивы“ 1901 года по количеству матеріала для чтенія значительно превзойдетъ „Сборники“ всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Назовемъ здѣсь только крупнѣйшія изъ произведеній Данилевскаго: I. РОМАНЫ: „Взбѣгъ въ Новороссію“, въ 2 част. 2) „Воля“, въ 2 ч. 3) „Новыя мѣста“, въ 2 ч. 4) „Девятый валъ“, въ 3 ч. 5) „Мировичъ“, въ 3 ч. 6) „Черный годъ“, въ 3 ч. 7) „Восемьсотъ двадцать пятый годъ“ (отрывки). — II. ИСТОРИЧ. РОМАНЫ: 8) „На Индію Петра I“, въ 2 ч. 9) „Княжна Тараканова“, въ 2 ч. 10) „Потемкинъ на Дунаѣ“. — III. СОВРЕМЕН. ПОВѢСТИ: 11) „Сожженная Москва“, въ 2 ч. — III. ИСТОРИЧ. ПОВѢСТИ: 12) „Уманская рѣзня“. — IV. ПОВѢСТИ: 13) „Не вытанцовалось“, въ 2 ч. — Затѣмъ слѣдуетъ искусство В. РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ, отдѣльныхъ или подъ общими заглавіями, наприм.: „Семейная старина“, „Слобожане“, „Святочные вечера“, „Изъ литературныхъ воспоминаній“, „Украинская старина“ и проч. — VI. СТИХОТВОРЕНІЯ. — VII. ПИСЬМА ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ. — VIII. ДРАМЫ ШЕКСПИРА: „Цимбелинъ“ и „Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго“. — IX. МЕЛНЫЯ СТАТЬИ и пр., и пр.

2 КНИГЪ

«ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ», содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч. современныхъ авторовъ.

2 №№

ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ, выходящихъ еженѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 ЛИСТОВЪ

рукописныхъ и вышитыхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ еженѣсячно.

СТВЕННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1901 г., печатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ — 8 руб. 50 коп. 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Петковской (Петровскія линіи) — 8 руб. 25 коп. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Римельевская, № 12) — 8 руб. 50 коп. — Съ доставкой въ С.-Петербургѣ — 8 руб. 50 коп. Въ пересылкѣ во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу 10 руб.

Требованія просить адресовать: въ С.-Петербургѣ, въ Главную Контору журнала „НИВА“ (А. Ф. ЖАРКОУ), Малая Морская, д. № 22.

Открыта подписка на 1901 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

XXXIII. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ XXXIII

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Тридцать третій годъ изданія.

Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія *Дѣтское Чтеніе* въ 1896 годъ *допущено* для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній; впредь признано разрѣшеннымъ къ выпискѣ для ученическихъ библиотекъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ; одобренъ ученымъ комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній *включено* въ каталогъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе* помѣщаются: а) повѣсти, рассказы, легенды и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣческимъ; д) путешествія; е) изъ современной русской жизни; ж) изъ жизни нашихъ соотѣдъ; з) мелкія статьи („по быту-свѣту“, „изъ книгъ и журналовъ“); и) шутки, игры и занятія; і) задачи, ребусы, шарady и проч.

Дѣтское Чтеніе выходитъ ежемѣсячно книжками отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ, съ иллюстраціями въ текстѣ.

Журналъ *Дѣтское Чтеніе* въ 1901 г. будетъ издаваться по вышеозначенной программѣ при участіи постоянныхъ своихъ сотрудниковъ.

Съ январской книжки 1901 г. въ *Дѣтскомъ Чтеніи* начнется печатаніемъ большая повѣсть Вас. Ив. Немировича-Данченко „Самъ себѣ помогай“, рассказы Д. И. Мамина-Сибиряка, Н. С. Баранцевича, очерки И. И. Иванова, Д. А. Корольчовскаго, Н. А. Александрова, Б. Б. Глинскаго, Д. И. Зварницкаго и др.

Январская книжка выйдетъ до праздника Р. Х.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

Безъ пересылки 4 р. 50 к. Съ пересылкой 5 р. За границу 8 р.

Подписная цѣна на *Дѣтское Чтеніе* вмѣстѣ съ Педагогическимъ Листкомъ безъ пересылки 5 р. 50 к. съ пересылкой 6 р. Подписная цѣна на Педагогическій Листокъ безъ *Дѣтскаго Чтенія* 2 р. съ пересылкой.

Уплата подписной суммы можетъ быть произведена и въ разорочку—по полугодіямъ, по третямъ и четвертямъ года. Отдѣльный № 75 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, домъ № 24—Дм. Ив. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

ВРАЧЪ.

Газета, посвященная всѣмъ вопросамъ врачебной науки (клинки и гігіены) и врачебнаго быта, будетъ выходить и въ 1901 по той же программѣ, въ томъ же объемѣ и подъ тою же редакціей (бывшаго профессора В. А. Манассеина), что и въ первые 21 годъ своего существованія.

Подписная цѣна за годъ 9 рублей, за 1/2 года 4 руб. 50 коп. и за 1/4 года 2 руб. 25 коп.

Подписка принимается у издательницы О. А. Риккеръ. Петербургъ, Новскій, 14, книжный магазинъ К. Л. Риккера. Исключительно къ ней же слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ изданія.

Открыта подписка на 1901 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

для педагогическаго и общедоступнаго самообразованія воспитателей и начальныхъ учителей.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библиотекъ и бесплатныхъ народныхъ читателей.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ печатаются статьи по вопросамъ домашнего воспитанія, элементарнаго обученія въ школахъ и дома, по гигиенѣ домашней и школьной, законодѣнію, очерки по всемірной литературѣ, по искусству, общей и русской географіи и исторіи, общественно-школьнымъ вопросамъ и другія общенаучныя статьи для самообразованія учителя, *периодическій указатель* дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и разборъ *новыхъ выходящихъ книгъ* для дѣтей, учебныхъ руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

„Педагогическій Листокъ“ въ 1901 г. будетъ выходить *восемь разъ* въ годъ книжками отъ 6 до 8 листовъ.

Въ «Педагогическомъ Листкѣ» принимаютъ постоянное участіе: А. В. Гольцевъ, В. П. Острогорскій, Д. И. Тихомировъ, Д. А. Коропчевскій, А. И. Ануфриевъ, д-ръ Е. В. Святловскій, Н. В. Тулуповъ, Н. О. Селувановъ, В. Е. Ермиловъ и ин. друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

На „Педагогическій Листокъ“ 2 руб.

„Педагогическій Листокъ“ съ „Дѣтскимъ Читеніемъ“ 6 „

Допускается разсрочка—по желанію подписчика.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. 24,—Д. И. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ, НАУЧНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ЗАПАДЪ“

будетъ выходить съ 1-го (14-го) октября 1900 г. въ Берлинѣ при постоянномъ участіи

выдающихся русскихъ и нѣмецкихъ писателей и публицистовъ.

Редакція газеты „ЗАПАДЪ“ беретъ на себя трудъ созданія въ Берлинѣ, какъ въ ближайшемъ къ Россіи крупномъ центрѣ, новаго переходоваго органа печати на русскомъ языкѣ и полагаетъ, что profession de foi газеты достаточно ярко выражено словомъ, стоящимъ въ заголовкѣ ея. Согласно идеѣ, положенной въ основу изданія, важное мѣсто въ программѣ ея, соответствующей обширной программѣ большихъ русскихъ газетъ, отведено будетъ ознакомленію русской читающей публики съ результатами многолѣтняго опыта, накопившагося на европейскомъ Западѣ, поскольку они выражаются въ современной политической, экономической, научной, общественной и художественной жизни западно-европейскихъ государствъ. Фактъ изданія газеты въ центрѣ Германіи самъ по себѣ благопріятствуетъ возможно полной разработкѣ вопросовъ, выдвинутыхъ въ настоящее время на первую очередь народомъ постовъ и мыслителей. Заручившись сотрудничествомъ блестящихъ представителей какъ русской, такъ и нѣмецкой литературы и публицистики, редакція надѣется сдѣлать свое изданіе также и существеннымъ факторомъ въ дѣлѣ сближенія русскаго народа съ нѣмцами, какъ съ носителемъ высоко-развитой культуры.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ.
Въ Россіи	1 руб.	2½ руб.	5 руб.	10 руб.
„ Германіи	1 мар.	2½ мар.	5 мар.	10 мар.
Всюду за границей.	3 фр.	7½ фр.	15 фр.	30 фр.

Главная контора и редакція:

«Zapad», Berlin W., Friedbergstr. 34.

Только что вышло изъ печати новое изданіе А. Ф. Девріена въ С.-Петербургѣ.

Вас. Остр., Румянцевская площ., собств. домъ.

РОССІЯ ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.

Настольная и дорожная книга для русскихъ людей.

Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова, вице-предсѣд. И. Р. Геогр., Общ. и акад. В. И. Даханскаго, предсѣд. Отд. Этногр. И. Р. Геогр. Общ., подъ редакц. В. Ж. Семенова.

Томъ III-й. „Озерная Область“.

(Описаніе губерній: Петербургской, Псковской, Новгородской и Олонечкой).

Съ 119 политик., 37 диагр., схемат. проф., 1 больш. справочн. и 8 мал. картанн.

Составилъ: В. Г. Карповъ.—Н. И. Ильинъ.—Я. Ф. Ставровскій.—В. В. Морачевскій.—А. М. Рихтеръ.—Н. А. Соколовъ.—А. Н. Успенскій.

Цѣна 1 руб. 90 коп., въ мягкой папкѣ 2 р. 15 к., въ переплетѣ 2 р. 40 к.

Въ 1899 году вышель:

Томъ I-й „Россія“—„Московская промышленная Область и Верхнее Поволжье“. (Ц. 1 р. 75 к., въ мягк. папкѣ 2 р., въ пер. 2 р. 25 к.).

Рекомендовано Учен. Комитет. Минист. Народн. Просв. для фундамент. и ученич. старш. вопр. библиотекъ средн. учебн. завед. и для раздачки воспит. силъ завед. въ награду, а также и для библиотекъ учит. инстит. и семинарій и для ученич. библиот. низшихъ училищъ и, сверхъ того, допущено въ бесплатныя читальни.

Рекомендовано Учен. Комит. Мин. Землед. и Госуд. Имущ. для библиотекъ подѣл. Мин. учебн. завед.

Все сочиненіе составитъ 20 томовъ. Въ настоящее время печатается томъ VI, заключающ. опис. Средняго и Нижняго Поволжья и Заволжья, а также готовятся къ печати томы: II, V, VII, XV, XIII. Все изданіе окончится въ теченіе 4 лѣтъ.

Книги эти продаются во всѣхъ главн. книжн. магаз. столицн. и провинц. городовъ; лица же, имѣющія своим. съ ближн. книжн. магази., благоволятъ направлять свои требованія къ издателю „РОССІИ“ А. Ф. Девріену, С.-Петербургъ, Вас. Остр., Румянцевская площ., собств. домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

КУРЬЕРЪ.

„Курьеръ“ издается въ форматѣ и объемѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на газету „Курьеръ“ съ доставкой въ Москвѣ или съ пересылкою въ другіе города:

На 1 годъ	6 руб.	1 коп.
„ 6 мѣс.	3 „	50 „
„ 3 „	2 „	75 „
„ 1 „	— „	75 „

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній 60 коп. въ мѣсяцъ.

За границу вдвое.

Главная контора газеты помѣщается въ Москвѣ, Петровскій ин., подъѣздъ № 2, и открыта отъ 10 час. утра до 6 час. веч., а въ праздничные и воскресные дни отъ 11 час. утра до 4 час. дня.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ

и

14-й годъ.

Элементарной математики.

14-й годъ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей профессора *В. А. Циммермана*.

Предшущіе семестры были рекомендованы: Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для гим. муж. и жен., реали. уч., прогим., город. уч., учит. инст. и семинарій; Главн. Управ. Воен.-Уч. Зав.—для воен.-уч. заведеній. №№ 1—48 одобрены Уч. Ком. при Св. Синодѣ для дух. семина. и училищъ.

Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элемен. математики. Статьи, посвященныя вопросамъ преподаванія математики и физики. Науч. хроника. Разныя извѣстія. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Упраж. для учениковъ. Библиограф. отдѣлъ: обзоръ иностран. журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ. Объявленія.

Статьи составляются въ такой мѣрѣ популярно, въ какой это возможно безъ ущерба для научной стороны дѣла. Статьи, посвященныя педагогическимъ вопросамъ, имѣютъ главной цѣлью обмѣнъ мнѣній и взглядовъ преподавателей по различнымъ вопросамъ преподаванія элемен. мат. и физики. Въ отдѣлѣ „Научн. хроника“ помѣщаются рефераты о важнѣйшихъ научн. работахъ, отчеты о съѣздахъ, конгрессахъ и т. п. Въ отдѣлѣ „Разныя извѣстія“ помѣщаются свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ въ жизни различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. Помѣщаемыя въ журналѣ задачи дѣлятся на двѣ категоріи: болѣе легкія, доступныя хорошему ученику, и болѣе трудныя, требующія большой подготовки. Отъ времени до времени предлагаются задачи и темы на премию.

Подписная цѣна съ пересылкой за годъ 6 руб., за полугодіе 3 руб. Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся при непосредственныхъ сношеніяхъ съ которой редакціи платятъ за годъ 4 руб., за полугодіе 2 руб.

Пробныя номера выносятся бесплатно по первому требованію.

Адресъ для корреспонденцій: *Одесса, въ редакцію Вѣстника Опытной Физики.*

„СТАНОКЪ-ВЕЛОСИПЕДЪ“ Splendid.

Система полковника **Бѣлявскаго**.

Новая машина для ежедневной комнатной гимнастики. Незамѣнимый подарокъ пожилымъ и ослабленнымъ сидячимъ образомъ жизни. Одобрень медицинскимъ ученымъ комитетомъ.

Патентъ въ Россіи и за границей.

Доступенъ всякому съ перваго раза. Упражненія оригинальныя, разнообразныя и интересныя до привлекательности, могутъ замѣнить прогулку. Глубокія вдыханія и оживленная циркуляція крови вызываются въ 4—5 мин. Экономія времени и удобства пользованія. Цѣна аппарата на мѣстѣ съ оппаломъ: **85 р.**, безъ него **65 р.** Переносныя стойки для гимнастической палки **15 р.** Прейсъ-курантъ бесплатно.

Желавшимъ предварительно ознакомиться съ машиной рекомендуется брошюра:

Пришла пора заняться гимнастикой вѣѣмъ.

Цѣна съ пересылкой **45 к.** (марками или налож. платеж.). Можно получить во всѣхъ книжн. маг. и у автора.

Адресъ: г. Рыбнискъ, полковнику **В. Ф. Бѣлявскому**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.
на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„НОВОСТИ“

и на художественный журналъ

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“

Издание акціонернаго общества „ГУТТЕНБЕРГЪ“.

Подписка на НОВОСТИ въ 1901 году
на 1-е (большое) изданіе

на годъ	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
14 50	13 —	12 —	10 50	9 80	9 —	8 —	6 80	5 50	4 —	2 80	1 50
Безъ доставки											
Съ доставкой по городской почтѣ											
16 —	15 —	13 50	12 —	11 —	10 —	9 —	7 50	5 80	4 50	3 30	1 80
Съ пересылкой иногороднимъ											
17 —	15 50	14 50	13 50	12 10	11 30	10 —	8 50	7 —	5 50	4 —	2 —
За границу											
26 20	24 50	23 —	21 —	18 50	16 —	14 —	12 —	10 —	8 —	6 —	3 50

на 2-е (малое) изданіе:

На годъ	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
9 —	8 50	8 —	7 50	7 —	6 50	6 —	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
Съ доставкой по городской почтѣ.											
Съ пересылкой иногороднимъ.											
10 —	9 50	9 —	8 50	8 —	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
За границу.											
18 —	—	—	—	—	—	10 —	—	—	6 —	—	2 —

Подписывающіеся на НОВОСТИ вѣстѣ съ ПЕТЕРБУРГСКОЮ ЖИЗНЬЮ

доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ на НОВОСТИ (каждаго срока) только одинъ рубль. Разсрочка платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ—по третямъ черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Деньги и письма адресуются: Петербургъ, въ контору газеты НОВОСТИ, Б. Морская, № 17. Адресъ: для телеграммъ: Петербургъ, НОВОСТИ.

Подписка на НОВОСТИ вѣстѣ съ ПЕТЕРБУРГСКОЮ ЖИЗНЬЮ представляетъ ту выгоду, что подписчикъ за прибавку ОДНОГО рубля къ подписной цѣнѣ газеты приобретаетъ два раза въ недѣлю иллюстрированный журналъ, заключающій въ себѣ обширный беллетристическій, научный и др. матеріалъ и массу художественныхъ воспроизведеній со-бытій дня. Прибавка одного рубля не покрываетъ даже расходовъ на пересылку журнала, стоящую болѣе рубля, и, такимъ образомъ, подписчикъ получаетъ журналъ даромъ при нѣкоторой приплатѣ со стороны редакціи къ стоимости пересылки.

Условія отдѣльной подписки на иллюстрированный журналъ

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“.

(Выходитъ два раза въ недѣлю).

Подписная цѣна журнала: безъ доставки и пересылки: на годъ—5 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 75 к. Съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р., на 2 мѣс.—1 р.

При конторѣ газеты НОВОСТИ существуетъ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ,

услугами котораго подписчики НОВОСТЕЙ пользуются на льготныхъ условіяхъ.

Отвѣтственный редакторъ-издатель О. Е. Нотомичъ.

XXII. СО СТОРОНЫ. Письма изъ деревни.—Веталиса

XXIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Наши промышленные успѣхи въ концѣ XIX в.—Что дѣлается въ Англіи въ цѣляхъ промышленнаго развитія?—Потребность въ выработкѣ самодѣтельности среди торгово-промышленнаго класса.—Наше незнаніе рынка и послѣдствія этого.—Необходимость изслѣдованія условій нашего промышленнаго развитія.—Педагогическій совѣтъ и перемѣна воспитательнаго режима.—Характерные протесты противъ усиленнаго покровительства.—Земля наша велика и обильна, но умѣнья въ ней нѣтъ.—Объ отмѣткахъ.—*Русскій Вѣстникъ* и разрушеніе классицизма.—Итоги уѣздныхъ земскихъ собраній.—Пушкинская коммиссія при Обществѣ Любителей Россійской Словесности 237

XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 270

XXV. ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ ИСКУССТВѢ. «Накипь», ком. П. Д. Боборыкина. (*Малый театр*).—«Докторъ Штокманъ», др. Генрика Ибсена. (*Художественный театр*).—Я. А. Ф—ина. 287

XXVI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы.—Географія.—Искусство.—Политическая экономія.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, книги для дѣтей.—Справочныя книги.—II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», сентябрь и октябрь.—«Русское Богатство», августъ и сентябрь.—«Міръ Божій», октябрь.—III. Списки книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1900 г. . . . 407

XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятые редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятые редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

При этой книгѣ прилагаются для всѣхъ подписчиковъ: Каталог магазина П. Юргенсона, объявленія—отъ журнала «Вокругъ Свѣта» и отъ газеты «Русское Слово»; только для иногороднихъ: объявленіе отъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія».

Открыта подписка на 1901 годъ

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„Русская Мысль“

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста					
Россіи	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля — при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 1 руб. 30 коп. Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. Шереметева 2/3, кв. № 30.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Въ Вильнѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Книжный магазинъ журнала „Русская Мысль“ принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ